И 164/120

БИБЛИОТЕКА 1-го СТУДЕНЧЕСКАГО ОБЩЕЖИТІЯ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Юлиан Фомич
кор.

VI 34/1

2007050243

280
7049
43757

ОЧЕРКИ УНІЯТСКОЙ ЦЕРКВИ.

I.

Начало Уніятской Церкви; условія, положенныя въ основаніе ея существованія; права, наданныя ей Римомъ; ихъ значеніе.

Шумное, многочисленное, виднѣлось собраніе въ одной изъ палатъ Папскаго дворца 23-го Декабря, 1595 г. На роскошномъ, Ватиканскомъ престолѣ возсѣдалъ Папа Климентъ VIII. Его окружали многочисленные Кардиналы и другія почтенныя особы разнаго чина и званія. Можно было догадываться, что всѣ ожидаютъ какого-то необыкновеннаго явленія. Теперь имѣло произойти торжественное соединеніе Римской Церкви съ Западнорусскою, для чего прибыли въ Римъ два Западнорусскихъ Епископа: Луцкій, Кириллъ Терлецкій, и Владимірскій, Ипатій Потѣй. Ихъ-то и ожидали въ настоящемъ, чрезвычайномъ собраніи. Они явились, и, еще издали увидѣвши Римскаго Первосвященника, изъ почтенія къ нему, пали на землю (prostraverunt se in terram); поднятые велѣніемъ Папы, они приблизились къ престолу и съ глубочайшимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ бросились къ ногамъ Папы для облобызанія. Начались взаимныя объясненія. Папѣ поданы были грамоты, привезенныя посланными отъ Западнорусской Іерархіи съ рѣшимостью подчиниться Риму и съ просьбою къ Папѣ принять Западнорусскую Церковь въ свое вѣдѣніе. «Внимательно разсуждали мы (говорилось въ одной грамотѣ), о своемъ призваніи и обязанностяхъ. По ученію Іисуса Христа, кровію запечатлѣвшаго свою науку, нашъ долгъ приводить къ согласію и единству и себя и родъ Христіянскій, стадо словесныхъ овецъ, порученное намъ отъ Бога. Объ этомъ мы должны заботиться особенно въ настоящее время, когда между людьми такъ много ересей, и многіе удаляются отъ Православной Вѣры Христовой, бѣгаютъ нашего Закона и Церкви Божіей, и все по тому, что

мы, будучи на самомъ дѣлѣ людьми одного Бога, дѣтьми одной матери, Каѳолической Церкви, порознились съ панами Римлянами, а при такой разрозненности не можемъ оказывать взаимной помощи. Правда, мы постоянно молимся о соединеніи Церквей, но никогда не старались объ этомъ; всю надежду свою въ такомъ дѣлѣ мы полагали на старшихъ (Патріярховъ). Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе слабѣетъ наша надежда, и теперь подобное дѣло для нихъ (Патріярховъ) рѣшительно не возможно уже по одному тому, что они въ неволѣ поганской. Мы съ скорбію видимъ, сколько искушеній для спасенія испытываютъ люди безъ церковнаго единенія, въ которомъ, начиная отъ Христа Спасителя и Святыхъ Апостоловъ, всегда пребывали наши предки, и на землѣ, въ лицѣ Римскаго Папы, признавали одного Верховнаго Пастыря и Первопрестольника въ Церкви Божіей, его одного слушали, ему повиновались, въ Церкви былъ порядокъ и увеличеніе хвалы Божіей; при такомъ единеніи трудно было укореняться еретикамъ и ереси. Но коль скоро появилось много Старшихъ и Первопрестольниковъ, которые начали усвоивать себѣ верховную власть, то мы видимъ, до какой невзгоды и разрыва пришла Церковь, и еретическія секты сильно укрѣпились. Не желая по тому имѣть что либо на совѣсти, упреждая погибель душъ людскихъ, по причинѣ невзгоды и разрыва, мы, по наитію Св. Духа, при помощи Божіей, рѣшились соединиться взаимнымъ союзомъ, чтобы, находясь вмѣстѣ съ милою нашею братьей, панами Римлянами, подъ истиннымъ видимымъ пастыремъ Церкви Божіей, одиѣми устами и сердцемъ хвалить и славить пречистое и великолѣпное имя Отца, и Сына, и Св. Духа, Господу Богу обѣщаемся, что каждый изъ насъ приличными путями будетъ искренно и сердечно стараться привести къ единенію и братью нашу духовную, и весь людъ посполитый.» [1] Была подана Папѣ и прочитана еще и другая грамота подобнаго же содержанія; въ ней, кромѣ того, прибавлялось, что «Западнорусскіе Іерархи, по согласію и желанію Сигизмунда III, отправили къ Его Святѣйшеству возлюбленныхъ во Христѣ своихъ братій, Ипатія и Кирилла, съ порученіемъ отъ имени Митрополита, Епископовъ и всей Церкви, изъявить должное повиновеніе Его Святѣйшеству, какъ Верховному Пастырю Церкви Христовой.» [2]

Прочитавши этѣ грамоты, нельзя не видѣть, какими высокими

по видимому, побужденіями руководствовались Западнорусскіе пастыри, соединяясь съ Римомъ, какъ много хорошаго для Церкви ожидали они отъ Уніи. Дѣйствительно, нельзя не согласиться, что, по крайней мѣрѣ, на половину эти побужденія и ожиданія были вполнѣ искренни. Велики были безпорядки въ Западнорусской Церкви въ послѣднее передъ Уніей время. Причину такого явленія большинство находило въ постоянномъ вмѣшательствѣ лицъ свѣтскихъ въ Церковное управленіе. Болѣе всѣхъ, конечно, должны были возмущаться этимъ благонамѣренныя духовныя власти. Они не хотѣли знать, что причина зла не въ самомъ вмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла Церкви, а въ томъ, какія лица вмѣшиваются, и что Езуиты въ настоящемъ случаѣ изъ среды свѣтскихъ нарочно выдвигаютъ недостойныхъ лицъ, чтобы этимъ возбуждать въ духовенствѣ недовѣріе къ великому началу братскаго управленія въ Западнорусской Церкви, ослабить его. [3] Только соединеніемъ въ отдѣльныя общины, Братства, которыя отличались огромнымъ самопожертвованіемъ въ пользу Церкви и извѣстны были высокимъ нравственнымъ вліяніемъ, можно было остановить все зло въ Церкви, и внутреннее и внѣшнее. Патріархи Восточные великолѣпно поняли значеніе Братствъ, и съ этой стороны оказали для Церкви неоцѣненную заслугу. Но не такъ посмотрѣли на дѣло два лучшихъ въ свое время Западнорусскихъ Епископа: Кириллъ Терлецкій и Гедеонъ Балабанъ. Имъ обоимъ приводилось вести сильную, упорную, борьбу съ различными свѣтскими лицами о невмѣшательствѣ послѣднихъ въ дѣла церковныя. [4] Кириллъ Терлецкій настоялъ даже на томъ, что жалованная грамота Сигизмунда III, которою запрещалось свѣтскимъ сановникамъ вмѣшиваться въ управленіе церковными дѣлами, внесена была въ урядѣ Владимірскомъ въ городскія и земскія книги. [5] Подобную грамоту онъ выхлопоталъ у Князя Острожскаго. [6] Понятно, какъ должны были посмотрѣть на Братства такіе Іерархи. Безпорядки и злоупотребленія въ Церкви вообще отъ свѣтскихъ они перенесли и на эти общества. «На ласку Князя Острожскаго полагаться опасно (писалъ Терлецкій къ Потѣю): ко мнѣ былъ ласковъ, а теперь презираетъ. Патріархи будутъ часто ѣздить въ Москву за милостыней, а ѣдучи назадъ, насъ не минуютъ. Іеремія уже свергнулъ одного Митрополита, Братства установилъ, которыя будутъ, и уже суть, гонители Вла-

дыкъ: чего и нѣтъ, и то взведутъ и оклевещутъ; удастся имъ кого ни будь изъ насъ свергнуть съ Епископіи, самъ посуди, какое безчестіе! Господарь Король даетъ должность до смерти, и не отбираетъ ни за что, кромѣ уголовнаго преступленія, а Патріархъ по пустымъ доносамъ обезчеститъ и санъ сниметъ: самъ посуди, какая неволя!» [7] Примѣръ Львовскаго Епископа, Гедеона, который считалъ личною обидою и беззаконіемъ всякое ослабленіе своей власти и малѣйшій ущербъ Епископскаго достоянія, а права свои на эту власть и достояніе измѣрялъ далеко не по каноническимъ правиламъ, а по тому, что получилъ ихъ отъ Короля и своего отца, примѣръ, говоримъ Львовскаго Епископа, открывавшаяся борьба его съ мѣстнымъ Братствомъ, ясно, по видимому, подтверждали подобный взглядъ. [8] Соборъ 1591 года, едва ли не по внушенію Кирилла, постановилъ окончательно жаловаться на буйныхъ своевольныхъ мірянъ. [9] Езуиты, и вообще Католики, повели дѣло дальше. Въ Патріархахъ, въ ихъ недосмотрѣ Западнорусской Церкви, они указывали Православнымъ источникъ всѣхъ бѣдъ. [10] Почти то же выходило и по взгляду Западнорусскихъ Іерарховъ. Они ни какъ не могли понять, чтобы устройство Братствъ было сдѣлано съ доброю цѣлію. Болѣе и болѣе опутываемые совѣтами Католиковъ, они пришли къ рѣшительному убѣжденію, что простое признаніе Папскаго главенства (и только) можетъ спасти Западнорусскую Церковь отъ различныхъ треволненій. [10] И вотъ, приступая къ Уніи, они требуютъ у Короля, а потомъ и у Папы, подтвержденія извѣстныхъ условій.

Въ ряду условій, Западнорусскіе Іерархи прежде всего требовали, «чтобы Митрополія, Епископіи и вообще духовныя мѣста давались не кому иному, какъ только лицамъ Русскаго происхожденія и Религіи. По каноническимъ правиламъ, говорилось далѣе, Митрополиты, Епископы и другія духовныя власти должны быть избираемы духовными, а не свѣтскими, чинами; по этому просили оставить за Іерархіей право избранія, предоставляя Его Величеству утвержденіе избранныхъ. Послѣ смерти какого ни будь должностнаго лица, должно быть избрано четыре кандидата, и Король, по своей волѣ, можетъ назначить любого изъ нихъ на мѣсто покойнаго. Если бы досталась власть въ руки свѣтскаго, и такой не хотѣлъ принять посвященія въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то онъ лишается бенефиціи, на основаніи существую-

щихъ законовъ. Іерархамъ должно быть дано мѣсто въ Сенатѣ, и это не ради выгодъ и честолюбія, а для возбужденія большаго уваженія къ нимъ со стороны паствы. Если бы изъ Греціи получились какія ни будь отлученія, ихъ всячески нужно останавливать; иначе, возбужденіемъ народныхъ страстей можетъ быть расторгнута Унія. Тщательно по тому нужно наблюдать, говорили Епископы, чтобы въ нашихъ діецезіяхъ не шатались иноземные Епископы и Пресвитеры, не повинующіеся Римской Церкви. Люди изъ нашего народа, противные Уніи и намъ непокорные, не должны занимать ни какихъ духовныхъ должностей. Не извѣстно, по какому праву наши предшественники отчуждали многія церковныя имѣнія, и мы лишены зявѣдыванія ими: необходимо возстановить эти церковныя имѣнія, тѣмъ болѣе, что мы находимся въ такой бѣдности и недостаткѣ, что не только не можемъ ослабить церковныхъ нуждъ, но даже для себя не имѣемъ достаточнаго содержанія. Привилегіи на имѣнія, данныя церквамъ каѳедральнымъ, должны остаться въ своей силѣ и значеніи. Послѣ смерти Митрополита и Епископовъ ни кто не долженъ вмѣшиваться въ церковныя имѣнія, по обычаю и порядку Церкви Римской, этими имѣніями управляетъ Капитула, пока не будетъ избранъ другой Митрополитъ, или Епископъ, однако же, по обычаю Церкви Римской, родственники покойнаго Епископа не должны терпѣть обиды относительно оставшейся собственности. Архимандриты, Игумены, монахи, съ ихъ монастырями, по прежнему должны подчиняться Епископу, въ области котораго находятся Въ случаѣ позыва кого ни будь изъ духовныхъ на судъ въ Королевскій Трибуналъ, необходимо быть двумъ выборнымъ изъ духовныхъ, которые бы защищали наши права и вольности. Все Русское духовенство необходимо сравнить съ Римскимъ въ правахъ; должно освободить его отъ различныхъ общественныхъ налоговъ. Монастыри и храмы не должно обращать въ Римскіе костелы. Братства, установленныя Патріархомъ и утвержденныя Королемъ, могутъ оставаться, но съ полнымъ подчиненіемъ Верховному Первосвященнику и мѣстнымъ Епископамъ. Училища и Семинаріи должны быть подъ вѣдѣніемъ Епископовъ. При Епископахъ должна остаться полная власть наказывать лѣхъ непокорныхъ Пресвитеровъ, которые откажутъ имъ въ должномъ

повиновеніи. Свѣтскія лица не должны вмѣшиваться въ дѣла Церкви, но подлежать власти и суду духовныхъ.»[12]

Условія, представленныя Папѣ, были слѣдующаго рода: «Исхожденіе Св. Духа соглашались признать Западнорусскіе Іерархи отъ Отца чрезъ Сына, на основаніи Флорентійскаго Собора, хотя, впрочемъ, по ихъ сознанію, выраженія: «ex Patre Filioque» и: «ex Patre per Filium» равносильны и тождественны. Все богослуженіе утреннее, вечернее, полунощное, три литургіи, всѣ обряды Православной Церкви, должны оставаться чистыми, неприкосновенными. Таинство Евхаристіи на всѣ времена должно преподаваться подъ обоими видами. Таинство Крещенія оставлено въ своей формѣ, безъ всякаго прибавленія. О чистилищѣ не хотѣли поднимать вопроса, но желали учиться у Римской Церкви. Соглашались на принятіе новаго Календаря, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы праздники Пасхи и другихъ Святыхъ оставались цѣлы и ненарушимы. Требовали не принуждать ихъ къ обрядностямъ, совершаемымъ Римлянами въ праздникъ Тѣла Христова, къ посвященію огня предъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, и къ другимъ обрядамъ Римскимъ (на пр., ad pulsationem asseribus compactis loco campanae), которыхъ доселѣ не было въ Западнорусской Церкви, но чтобы сохранены были прежнія торжества и обряды и Священникамъ позволено жениться. Епископы Греческаго обряда не имѣютъ надобности отправляться въ Римъ за подвердительною грамотою; но кого назначитъ Епископомъ Его Королевское Величество, того, по древнему обычаю, долженъ будетъ посвятить Митрополитъ, или Епископъ. Тѣмъ не менѣе, Митрополитъ, вступая на должность, долженъ получить у Верховнаго Первосвященника подтвердительную грамоту, и тогда уже Епископы Ritus Graeci (впередъ это слово мы будемъ писать такъ: R. Gr.) въ числѣ двухъ, много трехъ, посвящаютъ его и благословляютъ. Если бы случилось какому ни будь Епископу получить Митрополичій престолъ, онъ не имѣетъ надобности посылать за грамотой для своего посвященія (Sacrae), по тому что имѣетъ уже такую грамоту по своему Епископскому сану; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ изъявить покорность Верховному Первосвященнику въ лицѣ почтеннѣйшаго Архіепископа Гнѣзненскаго, и не столько предъ Архіепископомъ, сколько предъ Примасомъ Государства. Чтобы пользоваться большимъ уваженіемъ и почетомъ у своей паствы, Запад-

русскіе Іерархи требовали отъ Папы похлопотать за нихъ предъ Королемъ и Чинами Рѣчи Посполитой о мѣстахъ въ Сенатѣ. Этимъ средствомъ, между прочимъ, Іерархи думали упрочить твердость Уніи, упредить возможное отступленіе. Дающій присягу на Сенаторское достоинство долженъ былъ бы присягнуть и на вѣрность Первосвященнику, и здѣсь, по словамъ Іерарховъ, не было бы того разногласія, которое случилось нѣкогда по смерти Кіевскаго Митрополита, Исидора. Тогда Епископы, не связанные никакою присягой, разъединенные неимѣніемъ мѣстъ въ Сенатѣ, легко отложились отъ Уніи Флорентійской; но связаннымъ Сенаторскою присягой уже трудно было бы поднимать какія ни будь распри, разногласія. Ни кого не должно принуждать къ исповѣданію Религіи Римской Церкви, къ принятію ея обрядностей. Должны быть позволены браки между лицами Латинскаго и Греческаго Исповѣданій. Требовалось открытое навѣщеніе больныхъ Святыми Дарами, равно безпрепятственное совершеніе торжественныхъ ходовъ въ дни праздничные. Если бы кто за проступки былъ отлученъ своимъ Епископомъ, того не должна принимать Римская Церковь, но такъ же отлучить; равнымъ образомъ должны поступать и Православные. Повторялись здѣсь нѣкоторыя условія, выраженныя въ грамотѣ, поданной Королю (о зависимости, на пр., монаховъ, монастырей.» [13]

Условія, представленныя Королю и Папѣ, ясно говорятъ намъ, какое самостоятельное зданіе хотѣли отстроить Западнорусскіе Іерархи. Они ограничиваютъ верховное покровительство (патронатъ) въ Церкви Короля и рѣшительно устраняютъ всякое вмѣшательство туда свѣтскихъ лицъ. Готовы признать главенство Папы; за то удерживаютъ всѣ обряды, обрядности, догматическія разности, и только одинъ Митрополитъ долженъ получать у Папы утвердительную грамоту: независимость большая, чѣмъ въ самой Римской Церкви, гдѣ каждый Епископъ долженъ испрашивать у Папы «litteras confirmationis или Sacrae.» [14] Они требуютъ мѣстъ въ Сенатѣ, чтобы засѣсть вмѣстѣ съ Римскими Епископами, и успѣшнѣе потомъ приняться за отысканіе имѣній, отобранныхъ отъ Церквей. [15] Во внутренней жизни Церкви они хотятъ быт полными хозяевами, распорядителями. Всѣ, и монашествующіе, и бѣлое духовенство, и люди свѣтскіе, должны безпрекословно подчиняться голосу мѣстнаго Епископа, выслушивать его судъ.

Этого мало. Они хотятъ имѣть въ своихъ рукахъ право, помимо гражданскаго суда, даже физически, наказывать ослушныхъ, противящихся ихъ намѣреніямъ. Іерархи не прочь признать существованіе Братствъ, только бы послѣдніе отдались въ полное распоряженіе своего Епископа. Но, къ сожалѣнію, эти централизаціонныя стремленія показываютъ намъ, какъ близко подошли Западнорусскіе Іерархи къ понятіямъ о Церкви Латинянъ, какъ далеко уклонились они отъ истиннаго взгляда на Церковь Западнорусскаго народа, какъ мало были они знакомы съ этимъ народомъ. Іерархи думали поставить себя слишкомъ самостоятельно, и въ то же время забывали, что они, вѣдь, отдаются своему врагу. Теперь требовалась только болѣе, или менѣе, искусная рука, и она, лаская ихъ, повела бы самое дѣло далеко не по тому уже направленію, какое напередъ начертили для себя Западнорусскіе Іерархи. Уже съ первой рѣчи, какую произнесъ предъ Западнорусскими повѣренными отъ имени Папы его Постельничій, Сильвій Антонинъ, можно было понять, какъ смотритъ на зарождающуюся Унію Римская Церковь, какихъ хочетъ она отношеній.

«Русскіе Епископы! (такъ началъ Антонинъ) Послѣ ста пятидесяти лѣтъ вы обращаетесь наконецъ къ камню Вѣры, на которомъ Господь основалъ свою Церковь, къ святой горѣ, въ которой угодно обитать Самому Богу, къ матери и учительницѣ всѣхъ Церквей, къ Святой Римской Церкви. Ни какое краснорѣчіе, ни какая сила слова, не въ состояніи выразить этого великаго, единственнаго, благодѣянія Божія для васъ и для вашего народа, этой радости нашего Господина. Восторгается въ Богѣ духъ его Святѣйшества и чувствуетъ ту премудрость, которая все устрояетъ и мудро располагаетъ отъ одного конца вселенной до другого. И вы, просвѣщенные въ своихъ сердцахъ божественнымъ свѣтомъ благодатнаго богатства, признали и поняли, что не члены въ тѣлѣ тѣ, которые разъединены съ главою; что вѣтвь, оторванная отъ дерева, не можетъ приносить плодовъ; что потокъ изсыхаетъ, отсѣченный отъ своего источника; что наконецъ тотъ не можетъ имѣть Бога отцомъ, кто Церкви не имѣетъ матерью; и эта единственная Церковь есть Католическая и Апостольская, съ видимымъ главою, Римскимъ Первосвященникомъ, который есть отецъ отцовъ и пастырь пастырей; ему въ лицѣ

блаженнаго (beatus) Петра, Князя Апостоловъ, повѣрены и агницы и овцы, и Господомъ поручено утвердить свою братію, Епископовъ.

И такъ право, разумно, благочестиво и почтенный Митрополитъ вашъ, и вы, и ваши товарищи, сдѣлали, что съ такимъ рвеніемъ пожелали единенія съ Католическою Церковью, внѣ которой нѣтъ спасенія, и изъ далекихъ областей притекли сюда къ святымъ свѣтильникамъ Апостольскимъ заявить должное повиновеніе законному наслѣднику Петра и Христову на землѣ Викарію и, отрѣшившись отъ старыхъ заблужденій въ вѣрѣ, принять отъ него чистую, неповрежденную, истину. Справедливо, что сердцемъ вѣруется въ правду, а устами исповѣдуется во спасеніе. И такъ, почтенные Епископы, восполните радость Его Святѣйшества и этого величественнаго святаго собранія, и произнесите исповѣданіе Католической Вѣры. Святѣйшій Отецъ нашъ, по отеческому благоволенію, съ открытыми объятіями готовъ допустить къ общенію и васъ, и Митрополита вашего, и соепископовъ, и весь народъ Русскій, и принять ваше послушаніе вмѣстѣ съ этими почтенными своими братьями, Кардиналами Святой Римской Церкви. Его Святѣйшество надѣется на Того, Который одинъ отъ вѣка совершаетъ чудеса, что примѣръ вашъ и другихъ призоветъ къ спасительному соревнованію, и, отвергши мракъ, они поищутъ свѣта, единенія и мира, и будетъ тогда одно стадо и одинъ пастырь.» [16]

При такомъ взглядѣ Латинянъ на Римскую Церковь, чѣмъ должна явиться, въ свою очередь, въ ихъ глазахъ Западнорусская и особенно ея представители Іерархи, искавшіе единенія? Это были мертвые члены въ организмѣ, безжизненныя вѣтви, засохшіе источники, блудные сыны, долго блуждавшіе въ грѣховномъ мракѣ на странѣ далече, внѣ Бога, внѣ св. матери, Церкви. Всѣ ихъ громкія заявленія на самостоятельность, на сохраненіе прежняго строя церковнаго, были не болѣе, какъ беззаконные порывы застарѣвшаго грѣшника, слишкомъ полюбившаго свой грѣховный путь, которому трудно, не возможно, вдругъ повернуть назадъ свою жизнь. Нельзя совсѣмъ отказать ему въ его застарѣвшихъ беззаконіяхъ, но поддерживать подобные порывы, узаконять ихъ, было въ высшей степени нечестиво, богопротивно; напротивъ, мало по малу, ихъ нужно ослаблять, уничтожать. Та-

кой планъ задали себѣ Католики относительно зарождающейся Уніи, и сейчасъ же приступили къ его выполненію.

Въ произнесенномъ, по требованію Папы, Исповѣданіи Вѣры, повѣренные какъ будто забыли, что и у нихъ, вѣдь, была истина, которой они вѣрили, продолжаютъ вѣрить, и о которой такъ крупно засвидѣтельствовали въ поданныхъ Папѣ условіяхъ. Тутъ они становятся въ положеніе человѣка, не знакомаго съ истиной и охотно принимающаго все, что ему даютъ только подъ этимъ покровомъ. Въ Символѣ Вѣры они позволили себѣ принять Латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына» («ex Patre Filioque,» а не «ex Patre per Filium,» какъ говорилось въ въ предварительныхъ условіяхъ); для Таинства Евхаристіи отождествляютъ хлѣбъ квасный и прѣсный; принято, что подъ однимъ видомъ весь и цѣлый Христосъ и истинная Евхаристія принимается; признано чистилище, главенство Папы: «Вѣрую и исповѣдую (сказано въ Исповѣданіи), что св. Апостольское Сѣдалище и Римскій Первосвященникъ имѣетъ первенство во всей вселенной; Римскій Епископъ есть наслѣдникъ блаженнаго Петра, Князя Апостоловъ, и истинный Христовъ Викарій, глава всей Церкви, отецъ и учитель всѣхъ Христіанъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ лицѣ Св. Петра передалъ ему полную власть пасти, управлять, руководить всею Церковью: такое ученіе содержится въ актахъ Вселенскихъ Соборовъ и святыхъ канонахъ.» Признана дѣйствительность и спасительность отпущеній (индульгенцій), особенно приняты постановленія Соборовъ Флорентійскаго и Тридентскаго. Въ заключеніе каждый изъ Епископовъ до послѣдняго издыханія обѣщалъ признавать, содержать и, по возможности, другимъ проповѣдывать все принятое въ Римѣ. [17] «Нѣтъ словъ, которыми можно бы достаточно изобразить радость нашего сердца (сказалъ въ заключеніе самъ Папа Западнорусскимъ посланнымъ), которую вы доставили намъ своимъ обращеніемъ къ Католической Римской Церкви. Благодаримъ безсмертнаго Бога, который Духомъ Святымъ внушилъ вамъ мысль прибѣгнуть къ Св. Римской Церкви, матери вашей и всѣхъ вѣрныхъ, которая принимаетъ васъ съ открытыми любвеобильными объятіями. И мы съ искреннимъ желаніемъ сердца принимаемъ васъ и вашего Митрополита, и Епископовъ, и весь Русской народъ, будучи убѣждены, что вы искренно, отъ души предъ Богомъ, который испытываетъ серд-

ца, пришли къ намъ и произнесли Исповѣданіе Католической Вѣры. Познайте, братья, благодать Божію, сберегите даръ Божественнаго милосердія; будьте послушны вашей дорогой матери, которая пламенно желаетъ спасенія вашихъ душъ и ни чего не ищетъ въ васъ земнаго. Будьте кроткими и не превозноситесь въ своей мысли. И несчастная Греція, о бѣдствіяхъ которой мы постоянно скорбимъ, по своей гордости потеряла свѣтъ истины и угнетается теперь жестокимъ ярмомъ рабства. Почитайте смиреніе, крѣпко держитесь Католической Церкви. Мы, по возможности, вездѣ будемъ содѣйствовать вашимъ выгодамъ; отечески благословляемъ какъ васъ присутствующихъ, такъ, въ лицѣ васъ, и всѣхъ отсутствующихъ.» [18]

Вотъ послѣднее слово, которое торжественно услышали Западнорусскіе посланные отъ Римской Церкви. Для нихъ казалось тяжелымъ, быть старшими братьями въ мѣстномъ братскомъ кругу. Въ такомъ строѣ они, по своей близорукости, видѣли зло для Церкви; они рѣшились выйти изъ него, пріобрѣсть полную самостоятельность, и потомъ завести иной порядокъ. Но злая, враждебная, сила повела ихъ своимъ путемъ, и вотъ эти Епископы, полные заманчивыхъ великихъ надеждъ, обольщенные, но ласкаемые, являются теперь измѣнниками себѣ, своей Вѣрѣ, не только въ обрядахъ, но и догматахъ. Естественно, что при такомъ положеніи Уніятская Церковь долженствовала сдѣлаться рабою, невольницей гордыхъ Католиковъ. Уже Рутскій доносилъ въ Римъ въ свое время, что «они. т. е., Уніяты, какъ бы отъ сна пробужденные, чувствуютъ, откуда низпали и, сравнивая настоящее положеніе съ прошедшимъ (состояніе въ Уніи и Православіи), возмущаются при одномъ воспоминаніи о немъ и принуждены противодѣйствовать сильнѣйшему распространенію зла.» [19] Дѣйствительно, нужно думать, что на первыхъ порахъ сами Уніятскіе Іерархи не знали, что дѣлали, и только при этомъ усыпленномъ состояніи можно объяснить ихъ узкое пониманіе хода дѣлъ, когда все какъ будто нарочно дѣлалось противъ того, чего они хотѣли, ожидали.

Много, конечно, значила тутъ искусная Римская политика, которая, съ одной стороны, умѣла удерживать своихъ клевретовъ въ рабскомъ состояніи, съ другой, не давала имъ возможности и времени опомниться, понять свое положеніе; она даже щедро

изливала на нихъ свои милости. Въ этомъ отношеніи очень хорошо умѣли пользоваться Папы своими правами, значеніемъ. «Если бы вы, писалъ къ Папѣ Орѣховскій (Каноникъ и писатель XVI вѣка) не удерживали народовъ щедрымъ дарованіемъ разрѣшеній (индульгенцій) и другихъ подобныхъ даровъ, то давно бы уже не имѣли ни какихъ послѣдователей.[20] Какъ будто для того, чтобы ослабить то униженіе, какое должны были испытывать Западнорусскіе Іерархи въ Ватиканскомъ дворцѣ, Папа сейчасъ же подарилъ имъ извѣстныя права, далъ привилегіи для всей Западнорусской Церкви. Не успѣли еще выѣхать Терлецкій и Потѣй изъ Рима, какъ въ Польшу иЗападную Россію послана была Bulla unionis, начинавшаяся словами: «Magnus Dominus....» Въ этой буллѣ подробно описывалось единеніе съ Римомъ Западнорусской Церкви, разсказывался весь ходъ принятія посланныхъ, приводилось ихъ Исповѣданіе Вѣры, говорилось объ окончательномъ присоединеніи ихъ и всей Западной Церкви. Но такъ какъ Западнорусская Церковь до сихъ поръ пребывала въ расколѣ (schisma), по мнѣнію Латинянъ, слѣдовательно, заражена была ересями и другимъ зломъ, то, естественно, подпадала тѣмъ обычнымъ проклятіямъ, которыя ежегодно произноситъ Папа на всѣхъ вообще не согласныхъ съ Римомъ, и которыя заключаются въ буллѣ: «Coena Domini.»[21] Въ уніонной буллѣ Папа поручаетъ своему духовнику, Кардиналу Юлію Антонію, какъ съ Ипатія и Кирилла, такъ и со всѣхъ другихъ, и свѣтскихъ и духовныхъ (Русскихъ), вмѣстѣ съ ними находящихся въ Римѣ, снять отлученіе, запрещеніе, интердикты и другія Церковныя наказанія, которымъ они могли подпасть за свой расколъ, ереси, или другія заблужденія. Въ свою очередь Ипатію и Кириллу Папа даетъ право и власть совершить, его именемъ, подобный обрядъ въ Западной Россіи, и какъ Митрополита Михаила, такъ и прочихъ Епископовъ, они должны разрѣшить отъ всевозможнаго рода отлученій, запрещеній, церковныхъ епитимій. Каждый Епископъ потомъ долженъ былъ поступить такъ въ своей Епархіи въ каждомъ городѣ. Разрѣшенные такимъ образомъ, и духовные и свѣтскіе, могли уже смѣло и законно занимать различныя должности и въ Церкви и въ Государствѣ.[22] Въ другой буллѣ: «Benedictus sit Pastor» Папа извѣщаетъ всю Западнорусскую Іерархію, что «братьевъ своихъ, Епископовъ Ипатія и Кирилла, онъ сдѣлалъ домашними Прелатами и Созасѣ-

дателями (Praelatos nostros domesticos et Assistentes), по тому что они очень часто, по словамъ Папы, были съ нимъ при совершеніи Литургіи и Святѣйшаго Таинства Евхаристіи, участвовали въ отправленіи торжественныхъ божественныхъ службъ, а главное посѣтили святѣйшую базилику, чтобы почтить тѣло Князя Апостоловъ, и показали явные знаки истинной Уніи и общенія во Христѣ. По этому мы, продолжаетъ Папа, благосклонно допускали ихъ къ себѣ частнымъ образомъ, въ случаѣ надобности, и со всею кротостію позволяли имъ бзсѣдовать съ нами, и когда они отходили, то напутствовали ихъ выраженіемъ благоволенія для всѣхъ васъ.... Нашему дорогому сыну, Королю Сигизмунду, мы поручили и васъ, и Церкви ваши, и имѣнія; отъ него мы потребовали, чтобы онъ не только защищалъ васъ своею силою и значеніемъ, но чтобы и украсилъ васъ, чтобы возвысилъ, вписалъ въ число Сенаторовъ, пока будете послушны Римской Церкви и сохраните чистоту Католической Вѣры, чего, съ помощію Божіею, ожидаемъ на вѣчныя времена. [23] Мы хочемъ, чтобы сдѣланное въ Римѣ вашими представителями, было повторено и вами съ такою же рѣшимостью и искренностью; для такого дѣла мы облекаемъ своимъ значеніемъ тебя, братъ Архіепископъ (къ Михаилу Рагозѣ). Ты назначь областной Соборъ, созови твоихъ Епископовъ, чтобы каждый отдѣльно, въ открытомъ собраніи, произнесъ Исповѣданіе Вѣры въ той формѣ, какъ сдѣлали это два оратора Епископа, вами сюда присланные. Это Исповѣданіе Вѣры, которому учитъ Св. Римская Церковь, есть Исповѣданіе Петра и Апостоловъ, всѣхъ Отцовъ и Православныхъ, и ни кто не можетъ быть спасенъ, кто постоянно и твердо не держится этой Вѣры; тогда же вы должны принесть истинное послушаніе намъ и этому Св. Апостольскому Сѣдалищу, и обо всемъ, что сдѣлано будетъ вами на Синодѣ, прислать къ намъ письменное извѣщеніе, всенародно засвидѣтельствованное, чтобы оно сохранялось въ нашихъ Архивахъ, на память потомству, въ знакъ Уніи и вашего совершеннаго обращенія и присоединенія къ Римской Церкви.» [24]

Тогда же особенною буллою Папа оставляетъ Митрополиту право назначить и посвящать Епископовъ «По отдаленности Русской провинціи отъ Римской Куріи, говорится въ этой буллѣ, Епископамъ въ высшей степени было бы невыгодно являться самимъ

къ Апостольскому Сѣдалищу за утвердительными грамотами, или даже именемъ своимъ посылать для этого другихъ, сберегая ихъ выгоды издержки, на сколько это возможно, при помощи Божіей, мы, по собственному побужденію и знанію дѣла, полнотою власти Апостольскаго Сѣдалища, этою настоящей конституціей, на вѣчныя времена установляемъ и учреждаемъ, чтобы, коль скоро какая ни будь изъ каѳедральныхъ церквей или Епископскихъ каѳедръ лишится пастыря и будетъ праздною, избранный, или нареченный, былъ утвержденъ и поставленъ Архіепископомъ Митрополитомъ Кіевскимъ и Галицкимъ; именемъ и значеніемъ Св. Столицы онъ можетъ и долженъ совершить надъ нимъ даръ посвященія; избраніе, или нареченіе, утвержденный и поставленный Митрополитомъ, или, по его позволенію, другимъ Католическимъ представителемъ этого же народа, отъ него можетъ получить и даръ посвященія, и для этого мы даемъ и уступаемъ полную власть, только бы онъ имѣлъ любовь и общеніе съ Св. Апостольскимъ престоломъ, и посвященіе совершилось бы въ присутствіи двухъ, или трехъ, Католическихъ Епископовъ, имѣющихъ такое же общеніе. Но если бы какимъ ни будь образомъ Митрополія лишилась своего пастыря и была праздною, то мы желаемъ и вѣчнымъ своимъ значеніемъ подтверждаемъ и установляемъ, чтобы тотъ, кто, сообразно мѣстнымъ обыкновеніямъ, будетъ избранъ, или нареченъ, Архіепископомъ, или Митрополитомъ, непремѣнно старался просить и получить у насъ и Римскаго Первосвященника (вообще) подтвержденіе, постановленіе и обезпеченіе своего избранія и нареченія, такъ же даръ посвященія.» Эту подтвердительную грамоту выдавали Митрополиту даромъ изъ Римской Куріи.[25]

Особеннымъ бреве на имя Ипатія Потѣя Папа даетъ ему право надѣвать во время священнослуженія саккосъ, называетъ его Прототроніемъ: «Тебѣ, пишетъ Папа къ Потѣю, и твоимъ наслѣдникамъ, Епископамъ Владимірскому и Брестскому, остающимся въ послушаніи Римской Церкви, по особенной милости, Апостольскимъ значеніемъ, на вѣчныя времена даемъ право и власть, при совершеніи Литургіи и другихъ торжественныхъ богослуженіій, въ числѣ другихъ священныхъ одеждъ, надѣвать, такъ называемый, саккосъ, на подобіе Далматской одежды, или тунику, который можетъ носить собственно одинъ Митрополитъ, и то по

особенному разрѣшенію; безъ этого его нельзя употреблять ни Митрополиту, ни тѣмъ болѣе Епископамъ. И пусть существуетъ въ твоей Церкви этотъ памятникъ и потомъ сохраняется на вѣки. Эти одежды, украшенныя, по нашему распоряженію, золотомъ и шелкомъ, равно и нѣкоторыя принадлежности алтаря, такъ же стулу большую и меньшую, которую называютъ епитрахилью и омофоромъ, и другія исподнія одежды, которыя мы употребляемъ вмѣсто альбъ (наши подризники), сдѣланныя изъ шелку голубаго цвѣта, украшенныя золотыми и серебряными узорами, мы даемъ и даримъ тебѣ нашею настоящею грамотою.» [26]

Скоро еще одною привилегіей Папа надалъ новыя права Митрополиту въ его округѣ; впрочемъ, эти права считались дѣйствительными только въ продолженіи семи лѣтъ: потомъ ихъ нужно было поновлять. На основаніи этой привилегіи, Митрополитъ, не соблюдая опредѣленнаго канонами промежутка времени для прохожденія извѣстныхъ церковныхъ степеней, могъ переводить съ одной степени на другую, включительно до степени Пресвитера, коль скоро открывалась гдѣ настоятельная потребность въ Священникахъ. Могъ давать разрѣшеніе во всѣхъ преступленіяхъ, исключая двоеженство и произвольное человѣкоубійство. Когда чувствовалась потребность въ священнослужителяхъ, онъ имѣлъ право поставить въ священный санъ способнаго, хотя бы послѣднему по лѣтамъ не доставало одного года для правильнаго каноническаго рукоположенія. По причинамъ основательнымъ во всякомъ благочестивомъ дѣлѣ, только бы это не касалось Религіи, онъ могъ отмѣнять и разрѣшать обѣты простые, и даже обѣтъ дѣвства. Впавшихъ въ симонію Митрополитъ разрѣшалъ, то отрѣшая ихъ отъ бенефиціи, то, по своему усмотрѣнію, назначая спасительное покаяніе, или милостыню, за худо пріобрѣтенные плоды. Разрѣшалъ браки въ третьей и четвертой степени: послѣдняя степень, впрочемъ, понималась относительно прошедшаго состоянія, а не будущаго, и потомство такихъ супруговъ считалось законнымъ, когда они обращались къ Вѣрѣ Католической отъ какой ни будь ереси, или невѣрія. Ни въ какомъ случаѣ не позволялось узаконять браки въ первой степени родства. Въ случаѣ помолвки, обрученія, Архіепископъ могъ разрѣшить, когда требовала этого публичная честь. Когда преступленіе одного изъ супруговъ препятствуетъ къ продолженію брачной жизни, то,

по законномъ удовлетвореніи, Митрополитъ могъ требовать забвенія проступка и разрѣшить продолженіе брачнаго союза. Разрѣшалъ браки въ духовномъ родствѣ, исключая первую степень (воспріемникъ, воспринятый). Разрѣшалъ язычниковъ и невѣрныхъ, имѣющихъ много женъ, съ тѣмъ, однако жь, чтобы, послѣ обращенія и крещенія, они удерживали одну, которую изберутъ; предпочтеніе, впрочемъ, давалось той, которая пожелала бы обратиться къ Христіянству. Съ наличными Священниками, только бы ихъ было не менѣе пяти, Митрополитъ могъ освящать муро, исключительно, впрочемъ, только въ день Тайной Вечери. Гдѣ не нашлось бы Св. мура, онъ избиралъ простыхъ Священниковъ и давалъ имъ право благословлять церковныя украшенія и другія необходимыя принадлежности для совершенія Обѣдни; такіе Священники могли очищать осквернепную церковь водою, освященною Епископомъ, а въ случаѣ необходимости, и водою, не освященною Епископомъ. Кающимся, исповѣдающимся и пріобщающимся Св. Таинъ, Митрополитъ три раза въ годъ могъ подавать полное отпущеніе (индульгенцію). Кого бы то ни было, даже духовныхъ, какъ бѣлыхъ, такъ и монашествующихъ, Митрополитъ разрѣшалъ отъ ереси, отступленія отъ Вѣры и раскола; требовалось, впрочемъ, чтобы подобный грѣхъ случился тамъ (въ мѣстахъ, на пр., миссій), гдѣ безнаказанно гнѣздятся ереси, и при томъ съ такими лицами, которыя родились въ поселеніяхъ еретическихъ и, судебнымъ порядкомъ отказавшись отъ ереси, снова впали въ прежній грѣхъ, возвратившись на родину. Разрѣшалъ во всѣхъ обстоятельствахъ, предоставленныхъ Апостольскому престолу, даже въ тѣхъ случаяхъ, которые указаны въ буллѣ.» «Вечеря Господня.» Обратившимся изъ ереси, а въ случаѣ смерти, и каждому вѣрующему, когда онъ не могъ исповѣдываться и заявлялъ покаяніе, Митрополитъ могъ давать полное отпущеніе. Съ пользою для себя Митрополитъ долженъ былъ раздавать отпущенія (индульгенціи). Въ день, непосредственно слѣдующій за совершеніемъ заупокойной Обѣдни, Митрополитъ, по желанію кающейся души, могъ объявить ее свободною отъ наказаній Чистилищныхъ. Не позволяя другимъ, самъ Митрополитъ имѣлъ и читалъ сочиненія еретиковъ и невѣрныхъ, разсуждающихъ о Религіи: читалъ и другія запрещенныя книги, исключая ученые труды Карла Молинея, Николая Маккіавели и сочиненія объ Астрологіи и другія въ этомъ

родѣ; книги этѣ не должны изъ области Митрополита выноситься въ другія. Митрополитъ имѣлъ право назначать лицъ управлять приходами и, въ случаѣ недостатка достойныхъ изъ бѣлаго духовенства, отправлять туда викарными монашествующихъ, съ согласія, однако жь, ихнихъ старшихъ. Въ случаѣ необходимости, Митрополитъ дважды въ одинъ день могъ совершить Литургію въ мѣстѣ, однако жь, вполнѣ приличномъ. Если былъ разломанъ престолъ, не было остатковъ святыхъ (мощей), кромѣ того присутствовали еретики, раскольствующіе, невѣрные, отлученные, не позволялось совершать Литургіи. Митрополитъ долженъ былъ слишкомъ бережливо и самъ пользоваться этимъ правомъ и другимъ уступать его. Если бы Митрополитъ, по своей власти, хотѣлъ удѣлить это право другому Священнику, его совѣсти вмѣнялось, въ крайнихъ только случаяхъ, и то на короткое время, довѣрять это очень немногимъ, извѣстнымъ по своему зрѣлому благоразумію и ревности къ Вѣрѣ. Митрополитъ могъ надѣвать свѣтскія одежды, если иначе ему нельзя было пройти къ мѣстамъ, повѣреннымъ его попеченію и въ нихъ оставаться. Имѣлъ право отчитать Розарій (вѣнецъ: такъ называется особенный Молитвословъ), если не имѣлъ съ собою Бревіарія (своего рода Каноника) и по законнымъ причинамъ не могъ совершить божественной Службы. По своему, усмотрѣнію во время постовъ и особенно Четыредесятницы могъ разрѣшать употребленіе мяса, яицъ, молочной пищи. Всѣ эти права, въ свою очередь, за исключеніемъ такихъ, которыя требовали Епископскаго сана и не могли производиться безъ употребленія Св. елея, Митрополитъ, особенно при своей кончинѣ, могъ сообщать способнымъ Священникамъ, которые трудятся въ его округѣ, чтобы, при опустѣвшей каѳедрѣ, былъ такой, который могъ бы восполнять недостатокъ, пока извѣщенная Столица Апостольская, посредствомъ особенныхъ делегатовъ, не облечетъ кого ни будь своимъ значеніемъ, sede vacante, посвящать, въ случаѣ необходимости, чаши, дискосъ, престолы, антимінсы Св. елеемъ, который былъ бы посвященъ, однако жь, Епископомъ. Всѣ эти права (ихъ дѣйствительность ограничивается только семью годами) должны производиться даромъ, безъ всякаго вознагражденія, и при томъ въ предѣлахъ только своей Епархіи. [27]

Чувствуется какая-то нравственная тяжесть, духота, когда

разбираешь эту громадную кучу правъ, такъ поспѣшно взваливаемую на зародившуюся Церковь, или лучше ея представителей. Что удивительнаго, если Уніятскіе Іерархи, заявлявшіе прежде такую самостоятельность, теперь, усыпленные, разслабленные, спокойно преклоняютъ предъ Папой свою гордую голову, начинаютъ говорить языкомъ Рима, съ презрѣніемъ отзываться о томъ, чего прежде усильно добивались? Мы знаемъ уже, какъ смотрѣли Уніятскіе Іерархи, будучи въ Православіи, на Восточную Церковь, ея обряды; одна изъ главнѣйшихъ статей условій Уніи, это сохраненіе чистоты ученія Восточной Церкви, ея обрядовъ. Имъ не нравилась только власть надъ ними многихъ Патріярховъ, да вмѣшательство лицъ свѣтскихъ въ дѣла Церковныя. Еще отъ 13 Іюня, 1596 г., съ восторгомъ писалъ Потѣй изъ Рима къ Примасу Польскаго Королества, что «Папа слишкомъ къ нимъ (къ Потѣю и Терлецкому) снисходителенъ, и во всемъ, что касается исповѣданія и обрядовъ Восточной Церкви, даетъ полную свободу.» [28] И этотъ же самый Потѣй, нѣсколько лѣтъ спустя, говорилъ уже совсѣмъ иное. «Правда, я получилъ возрожденіе по обрядамъ Церкви Восточной, но это возрожденіе не отъ неба, по тому что его совершили тѣ, которые сами удалились отъ Христа. Воспитала меня Церковь Греческая, но не млекомъ спасительнаго ученія, а ядомъ, приготовленнымъ въ аду. При посвященіи возлагалъ на меня руку, но тотъ, кто осмѣлился поднять свою святотатственную руку на Петра и Самаго Христа. Я обратился вполнѣ свободно, просвѣщенный щедрыми дарами моего Господа; не обольстила меня людская мудрость, не увлекла меня своимъ мнѣніемъ. Богъ Отецъ призвалъ меня, Сынъ утвердилъ, Духъ просвѣтилъ; я послушалъ призывающаго, утверждающему подалъ руку, неподвижно уставилъ взоръ въ просвѣщающаго, и съ тѣхъ поръ уже не думаю наклонять свой слухъ въ Александрію, протягивать руку въ Іерусалимъ, въ Константинополѣ искать свѣта: я стою на скалѣ, открылъ свѣтъ, и въ Климентѣ VIII, общемъ пастырѣ, узнаю Петра... [29] Даже мыслью не хочу обращаться къ Востоку, по тому что неразрывною любовію я обручился съ чистою дѣвицей, Святою Вѣрою, и не стыжусь, что поступилъ такъ на старости, оставивъ Грекамъ Вавилонскую блудницу. Я вышелъ изъ среды васъ (Православныхъ) съ невыразимою сердечною радостію; единеніе съ вами совершилось бы съ болью, силь-

нѣйшею адскихъ мученій. Живу во свѣтѣ: къ чему жь мнѣ вашъ мракъ? Меня, ослѣпленнаго прежде Греческимъ невѣжествомъ, просвѣтила теперь мудрость Рима. [30] Сюда (въ Римъ) увлекла меня чистота Вѣры, святость жизни, ангельскій порядокъ, безпримѣрная любовь, неслыханная заботливость Римской Столицы о спасеніи душъ.» [31] Но мы ошиблись бы, считая искренними подобныя признанія. Они изливались только въ увлеченіи Римскими милостями, когда, съ другой стороны, встрѣчалась настойчивая неподатливость Грековъ. Въ сущности дѣла, это была ложь, самая легкомысленная, безсознательная. Оставались Уніяты одни, вдумывались въ свое положеніе и съ глубокимъ возмущеніемъ чувствовали, по словамъ Рутскаго (Уніятскій Митрополитъ съ 1613), откуда и куда они низпали. Напрасно Потѣй видитъ въ Восточной Церкви блудницу и восторгается чистотою и святостію Римской Вѣры. Не смотря на то, что онъ произносилъ извѣстное уже намъ Исповѣданіе Вѣры и далъ клятву распространять его, онъ считаетъ законнымъ сейчасъ же нарушить эту присягу, и въ такомъ важномъ дѣлѣ относительно Вѣры, какъ посвященіе Епископа. Присяга, произнесенная Рутскимъ, при посвященіи его въ санъ Епископа, рѣшительно не заключаетъ въ себѣ тѣхъ чуждыхъ неправославныхъ нововведеній, которыя еще въ Римѣ обѣщалъ Потѣй распространять. Здѣсь нѣтъ и помину о Папѣ, а тѣмъ болѣе объ исхожденіи Св. Духа «и отъ Сына.» [32] Находясь вдали отъ Рима, нѣсколько освѣжившись, Потѣй, не могъ не чувствовать всей ложности предыдущаго положенія, своихъ прежнихъ поступковъ. Что значили при этомъ всѣ блестящія, великолѣпныя права, которыми Римъ не безуспѣшно старался ослѣпить Уніятскихъ Іерарховъ? Съ одной стороны здѣсь хотѣлъ выразить Папа все богатство своихъ отеческихъ внутренностей, [33] съ другой, по возможности, больше завлечь въ Унію; [34] но въ Унію, далеко не въ первичномъ смыслѣ, даже Потѣя и Терлецкаго, а въ ту, на которую они подписались въ Римѣ и которая, собственно говоря, была тѣмъ же Латинствомъ. На первыхъ порахъ сами Уніяты возмущались такой Уніей. [35] И дѣйствительно, если внимательно всмотрѣться въ права, данныя Римомъ Уніятамъ, окажется, что въ нихъ не столько, такъ сказать, власти, сколько собственно пропагандическаго духа.

Что это такое, въ самомъ дѣлѣ, право совершать въ одинъ

день двѣ Обѣдни, или же, другая крайность: довольствоваться простымъ прочтеніемъ Розарія, и послѣднее поставляется въ одинъ рядъ съ совершеніемъ Литургіи? Что это, если не самое наглое нарушеніе каноническихъ правилъ, святыхъ обыкновеній Вселенской Церкви? Не здѣсь ли мы должны искать основанія распространившагося въ послѣдствіи въ Уніятской Церкви такого явленія, какъ «czytane Mszy» (читанныя Обѣдни безъ пѣнія)? Правда, мы увидимъ, что послѣднее явленіе было вызвано и другими причинами, но тѣмъ легче могло оно утвердиться, что для него была готовая, такъ сказать, канонизація. А вотъ и другое право: раздача отпущеній (индульгенцій), освобожденіе душъ отъ огня Чистилищнаго. Не говоримъ уже о томъ, какъ противно оно основной Христіянской догматикѣ; дѣло, однако жь, было поставлено такъ, что, не замѣтно для самихъ Уніятовъ, можно было надѣяться на успѣшное распространіе Римскихъ понятій. Представился удобный случай, и Митрополитъ не болѣе, не менѣе, хочетъ воспользоваться даннымъ ему правомъ; а въ итогѣ и выходило, что онъ самымъ прямымъ образомъ, безъ разныхъ теорій, на дѣлѣ проводилъ въ Западнорусскую жизнь догматику Рима. Нѣтъ нужды говорить, что Уніятскіе Іерархи въ своемъ увлеченіи не понимали истинной цѣны дарованныхъ имъ правъ; но проходило увлеченіе, и они не могли не чувствовать всей ихъ незаконности, чудовищности, и требовались десятки лѣтъ, чтобы церковь Уніятская наполнилась въ своихъ представителяхъ чистыми Латинянами, даже по происхожденію, и только тогда права эти могли войти въ практику. Могъ писать Папа, что онъ оставляетъ Уніятамъ всѣ обряды и обрядности; [36] но что значило подобное увѣреніе, когда тутъ же прибавлялось, что это можетъ быть только терпимо со стороны Рима, и при томъ допускалось на столько, на сколько позволялось Флорентійскимъ Соборомъ, не противорѣчило единенію и Вѣрѣ Католической, не исключало единенія съ Римскою Церковію. [37] Но не много требовалось ума, чтобы видѣть всю несостоятельность этой логики, когда тутъ же аподиктически проповѣдывалось о Чистилищѣ, индульгенціяхъ.... Такимъ образомъ ложь, и ложь съ обѣихъ сторонъ, полагалась въ основаніи Уніятской Церкви Тяжело, невыносимо тяжело, было такое двоедушіе, и при томъ въ дѣлѣ Вѣры; оно положительно убивало болѣе слабыя натуры. «Припомни, сынъ, писалъ со-

временникъ (Мелетій Смотрицкій) къ Потѣю отъ лица Восточной Церкви, что сталось нѣсколько прежде съ твоею братіей, которая шла по одному съ тобою пути (Уніи). Вспомни о твоемъ предшественникѣ... и о другихъ его и твоихъ соепископахъ. Во все время своей жизни, постоянно преслѣдуемые угрызеніемъ совѣсти, они открыто предъ нѣкоторыми сознавались, что были обмануты и, во глубинѣ досады, впали наконецъ въ отчаяніе.» Извѣстно, что Михаилъ Рогоза, будучи еще живымъ, уже ходилъ, какъ мертвый, и погибъ наглою смертію, издавая вопли отчаянія....[38] Но выхода не было. Уніятскіе Іерархи уже слишкомъ возненавидѣли предыдущій порядокъ въ Церкви, чтобы снова могли возвратится къ нему, примириться съ нимъ; слишкомъ были опутаны по ногамъ и рукамъ искусными, коварными, сѣтями, чтобы у нихъ стало просто умѣнья выйти изъ такого положенія. Такимъ образомъ съ тяжелою думою имъ приходилось оставаться невольною добычей, съ полнымъ сознаніемъ своего ложнаго положенія, и только впереди ждать болѣе свѣтлаго будущаго. Но что же въ настоящемъ? Въ настоящемъ это было что-то среднее, рѣшительно не опредѣленное, «ни рыба, ни мясо,» какъ выражался въ послѣдствіи Императоръ Павелъ I обо всей Уніятской Церкви.[39] Прекрасно обозначаетъ это положеніе Патріархъ Александрійскій, Мелетій, въ письмѣ къ Потѣю. «Ты вышелъ, говоритъ онъ, со двора Божія, и еще не вошелъ до другого; оставилъ Церковь Восточную, и еще слишкомъ не достаточно соединился съ Римскимъ Костеломъ; и такъ въ какой Церкви ты хочешь быть признаннымъ овцею, или Пастыремъ?....[40] Посмотри внимательно, въ какія тѣсныя обстоятельства ты запутался, какъ относительно собственной совѣсти, такъ и понятія о тебѣ цѣлой Церкви, которую соблазняешь; и если всякій, кто соблазнитъ одного, неминуемо понесетъ наказаніе, то что сказать о тебѣ, который соблазняешь всю Церковь, не только собственную паству, но даже и Римскій Костелъ? О немъ ты думаешь, что тѣсно соединился съ нимъ, на половину признавая своимъ; но знай, что не безъ тайнаго соблазна онъ на половину считаетъ тебя чуждымъ, или даже питаетъ ненависть и не признаетъ рѣшительнымъ твоего отступническаго предпріятія, по тому что не хочешь быть его полнымъ послѣдователемъ. Впрочемъ, ты и не можешь быть такимъ: отъ чего ты отвращаешься, онъ то охотно

принимаетъ, и что хвалишь, у него въ подозрѣніи. И такъ, если думаешь, что ты понравился ему тѣмъ, что хвалилъ, то знай, что непремѣнно возбудишь негодованіе своимъ порицаніемъ; такимъ образомъ, ты оставилъ содержащихъ истину, и соблазнилешь тѣхъ, къ которымъ обратился.... Ты потерялъ любовь у Бога и у своихъ ближнихъ... Уже ли жъ народъ будетъ терпѣть тебя?»...[41] «Нѣтъ, нѣтъ!» готовъ былъ рѣшительно отвѣчать Поцѣй, [42] и положеніе его становилось еще болѣе смутнымъ. Въ тайнѣ души онъ дѣйствительно чувствовалъ, что отъ однихъ отсталъ, а къ другимъ не присталъ, а между тѣмъ снова требуется ити къ тѣмъ, отъ которыхъ отшатнулся съ такимъ презрѣніемъ. Что же изъ всего этого долженствовало выйти теперь, при встрѣчѣ какой-то темной, неопредѣленной, коварной, замаскированной Уніи, съ чистымъ Православіемъ, успѣвшимъ сложиться окрѣпнуть въ Братствахъ?—Борьба, вѣковая борьба, самая сложная, упорная!

II.

Борьба Уніятовъ съ Православными и Латинянами; ея слѣдствія.

Силенъ и твердъ былъ Западнорусскій народъ въ Вѣрѣ своихъ отцовъ. Несчастное положеніе заставило его полюбить это единственное утѣшеніе; тайныя и явныя козни враговъ усилили его вниманіе къ дорогому отеческому наслѣдію. Бывала пора, что онъ какъ будто забывалъ о своей Вѣрѣ, ея внушеніяхъ, начиналъ жить по духу міра; но видѣть въ этой Вѣрѣ зло, измѣнить ей, для него было не возможно. Латинство для него всегда было противно. Поссевинъ (въ концѣ XVI вѣка, Езуитъ Кардиналъ), въ своемъ сочиненіи «De Moscovia,» о Русскихъ дѣлаетъ такіе отзывы: «Въ нихъ никогда не проникала и мысль, что они находятся въ расколѣ; у Русскихъ самое попосное слово, которымъ обзываютъ другого, есть Латинянинъ.» Онъ же замѣчаетъ, что обитатели Руси, Подола, Волыни, Литвы и Жмуди, упорно держатся Греческаго раскола. [43] Въ своемъ письмѣ къ Папѣ, для успѣшнѣйшаго распространенія Уніи между Русскими, предлагаетъ, чтобы тѣ, которыхъ Папа пошлетъ для подобной миссіи, будутъ ли это Езуиты, или другія какія лица, выражали глубокое почтеніе къ Русскимъ Святымъ, къ ихъ иконамъ, постамъ, обрядамъ.» [44]

Папскій Легатъ, Пизонъ, въ посланіи къ Римскому Первосвященнику говоритъ о Князѣ Острожскомъ, что «онъ такъ привержент къ Греческой Церкви, и до того соблюдаетъ ея постановленія, что и на волосъ отъ нихъ не отступаетъ; что, будучи дома благочестивымъ Нумою, въ бою онъ воинственнѣе Ромула и, при всѣхъ рѣдкихъ качествахъ, въ немъ одинъ только тотъ недостатокъ, что онъ раскольникъ»... [45] Малѣйшая опасность въ этомъ отношеніи со стороны враговъ сейчасъ одушевляла Западнорусовъ, поселяла готовность стоять до крови за отеческія преданія, за чистоту Святой Вѣры. Можно вспомнить при этомъ попытку Латинскаго духовенства и Правительства ввести въ Русскую Церковь новый Календарь. Продолжительны и сильны были усилія Латинства по этому дѣлу; жестоки и безчеловѣчны средства, которыя оно употребляло: народъ все вынесъ. Тогда какъ Православные богословы протестовали противъ такого нововведенія своими сочиненіями, нѣкоторые изъ лицъ высшаго сословія въ судебныхъ актахъ и офиціяльныхъ жалобахъ, народъ протестовалъ благодушнымъ и несокрушимымъ перенесеніемъ всѣхъ насилій. Онъ рѣшительно не хотѣлъ знать новаго Календаря, и Король особенною грамотою долженъ былъ оправдать наконецъ его требованіе. [46] Опытной Римскій Дворъ могъ обмануть Іерарховъ Уніятовъ своими милостями, но не такъ легко было ему управиться съ Западнорусскимъ народомъ, который въ вѣковой борьбѣ очень хорошо изучилъ его козни, и теперь въ введеніи новаго Календаря. Православные видѣли обычную продѣлку Рима. «Да, правда, говоритъ сочинитель Апокризиса, введеніе новаго Календаря дѣло слишкомъ ничтожное, о которомъ такъ усильно хлопочутъ Римляне. Мы только опасаемся, чтобы подъ предлогомъ Календаря, не предпринималось чего ни будь другого, чтобы, за этимъ календарскимъ снуркомъ, скрученнымъ отцомъ Папою, съ теченіемъ времени не было накинуто на насъ что ни будь болѣе не вкусное. Соблюденіе стараго Календаря, установленнаго язычникомъ Юліемъ Кесаремъ, не обязываетъ насъ слѣдовать его языческимъ заблужденіямъ; но принятіе новаго Календаря, установленнаго Римскимъ Папой, наслѣдникомъ Юлія, обязало бы насъ принять и все его ученіе, признать его власть, такъ жадно и коварно всѣми мѣрами распространяемую.» [47] Если такъ смотрѣли Православные на введеніе новаго Календаря, то Унія прямо уже говорила имъ, чего можно было ждать отъ нея.

Кончился Брестскій Соборъ, узаконена была Унія: но Православные не хотѣли знать ея. Противъ нея со всѣхъ концовъ Православнаго міра послышались протесты; къ Западнорусcамъ явились призывы отстоять, спасти, свою Вѣру. «Вѣмы, Господія и Братіе, писали Великоруссы къ Православнымъ Западнорусcамъ, яко волею и неволею соблаговолите и содѣтельствуете вся полезная ищущимъ вашу погибель, но конецъ дѣла и вещи не разсмотряете, гдѣ стоясте и камо виспадаете, и сего не разсуждаете, яко звѣзды прежде на тверди небеснѣй сіясте, нынѣ же, грѣхъ ради нашихъ, увы, увы, отъ оболченыя въ солнца Христа невѣсты, зміемъ гонящимъ ю, исторгнуты бысте и съ сопротивникомъ гоните ю. Что чудитеся красотѣ тлѣнныѣй, аки травѣ, въ лузяхъ истлѣваемѣй? Что любодѣйствуете съ женою любодѣйницею, юже видѣ сынъ громовъ ввержену со зміемъ въ огнь вѣчный?...Не льститеся, братіе, не льститеся, яко Христіане есте...Возрите на прежніе роды, гдѣ ваши родители и гдѣ вы ся родили, и въ которой ся Вѣрѣ крестили и возрасли, и чья память остается, благочестивыхъ, или нечестивыхъ. Ей, погибе память нечестивыхъ съ шумомъ и проклятіемъ вѣчнымъ.» [48] Съ Аѳона послышался сильный обличительный голосъ инока Іоанна Вишенскаго. «Гдѣ теперь въ Польской землѣ Вѣра, гдѣ надежда, гдѣ любовь? Гдѣ правда и справедливость суда? Гдѣ покорность, гдѣ Евангельскія заповѣди? Гдѣ Апостольская проповѣдь, гдѣ свѣтскіе законы? Гдѣ храненіе заповѣдей Божіихъ, непорочное Священство? Гдѣ крестоносное житіе иноческое, гдѣ благоговѣйное и благочестивое Христіанство? За чѣмъ именемъ Христіанскимъ называть себя безстыдно дерзаете, когда не храните силы этого имени? О окаянная утроба, которая такихъ сыновъ породила на вѣчную погибель! Нынѣ въ Польской землѣ Священники, какъ нѣкогда Іезавелины жрецы, чревомъ, а не духомъ, службу совершаютъ; [49] паны надъ подручными своими сдѣлались богами, высшими Бога, беззаконнымъ судомъ вознеслись надъ Творцомъ... Вы, Православные Христіане, не скорбите, имѣйте вѣру и надежду на Бога жива. Да будутъ прокляты Архимандриты, Владыки, Игумены, которые монастыри запустошили и подѣлали себѣ фольварки изъ святыхъ мѣстъ: въ нихъ они провождаютъ тѣлесную и скотскую жизнь съ своими слугами и пріятелями; лежа на святыхъ мѣстахъ, собираютъ гроши съ доходовъ, данныхъ богомольцамъ Хри-

стовымъ; дочерямъ своимъ готовятъ приданое, одѣваютъ сыновей, украшаютъ женъ, умножаютъ слугъ, дѣлаютъ кареты, запрягаютъ лошадей сытыхъ, одношерстныхъ; нѣтъ иноческаго чина въ монастыряхъ, а, вмѣсто бдѣнія, пѣснопѣнія и молитвы, слышенъ свой псовъ.» [50] Изъ отдаленной Александріи къ Князю Острожскому слались отеческія Патріаршія наставленія, распоряженія быть стражемъ Православія, охранять вѣрующихъ своимъ вліяніемъ. [51]

Силенъ былъ голосъ извнѣ, но гораздо большее лихорадочное вниманіе обнаружилось среди самихъ Православныхъ Западноруссовъ. Они очень хорошо видѣли и понимали свое положеніе. «Едва ли въ нашей странѣ (Зададной Россіи) есть какой ни будь край, едва ли есть гдѣ Воеводство, говоритъ сочинитель Апокризиса, откуда бы не слышалось напоминанья, или протестацій, противъ старшихъ Духовныхъ (Уніятовъ) со стороны сыновъ Восточной Церкви.» [52] Да, много написали они по этому поводу, [53] но еще больше говорили, [54] дѣлали. «Сильно обидѣлись Русскіе свѣтскіе вельможи, говоритъ Пясецкій, что такое дѣло (Унія), касавшееся всѣхъ, совершено немногими, и особенно негодовалъ Князь Острожскій, надъ всѣми возвышавшійся и почестями и Сенаторскимъ достоинствомъ и получившій верховную власть вести дѣло этой Религіи.» [55] Дѣйствительно, послѣ Брестскаго Собора Князь Острожскій объявляетъ рѣшительную борьбу всѣмъ измѣнникамъ Православія, и самымъ положительнымъ образомъ спѣшитъ упреждать настоятельныя нужды Православныхъ. Со введеніемъ Уніи не стало у нихъ Митрополита, осталось только два Епископа: въ имѣніи Князя, въ Степаньской обители (на Волыни), являются съ 1599 г. Православные Митрополиты и Епископы. Въ этомъ году Князь водворилъ здѣсь Митрополита Луку, который и оставался въ обители около 3-хъ лѣтъ. Это былъ тотъ Бѣлградскій Митрополитъ Лука, который, вмѣстѣ съ Княземъ, защищалъ Православіе на Брестскомъ Соборѣ. На мѣсто Луки, въ 1603 г., поступилъ въ Степаньскій монастырь Іеремія, Митрополитъ Пеласонскій. Въ 1606 г. настоятельствовалъ здѣсь Епископъ, не названый по имени. Быть можетъ, это тотъ самый Владыка Мокачевскій, который находился въ обители въ 1610 г. (Амфилохій Епископъ). [56] Такимъ образомъ отсюда могли Православные получать необходимое Священство, когда въ 1607

г., по смерти Львовскаго Епископа, у нихъ остался только одинъ Перемышльскій (ум. въ 1612 г.). Князь Острожскій заботился о чистотѣ нравовъ между пастырями, о распространеніи просвѣщенія. «Въ настоящія времена, говоритъ Князь, Святая Церковь настоятельно требуетъ отъ своихъ духовныхъ пастырей преимущественно двухъ качествъ: святости жизни и знанія Священнаго Писанія.» [57] По этому, кромѣ цѣлаго ученаго общества въ Острогѣ, Князь закладывалъ и фундовалъ въ своихъ помѣстьяхъ монастыри, «для поддержанія Святой Вѣры въ нашемъ Русскомъ народѣ (слова Князя), для преспѣянія и преподаванія наукъ, отъ которыхъ могла бы быть самоскорѣйшая и найлучшая помощь Церкви Божіей.» [58] Усиліе распространить образованіе въ Западной Россіи до того было велико въ XVII столѣтіи, что Епископы Православные при своемъ посвященіи иногда обязывались къ этому особенною присягой.» Я, Іосифъ Горбацкій, милостію Божіею, Епископъ Витебскій, Оршанскій... этою моею добровольною записью дѣлаю извѣстнымъ, что, по собственному обѣту, подтвержденному клятвою при вступленіи на Епископство, я обязанъ стараться о томъ, чтобы въ нашемъ Русскомъ народѣ процвѣтали науки для образованія юношества нашего народа, дабы оно могло быть подпорою и служить Святой Восточной Церкви, распространяя славу Божію и храня Православіе.» [59] Въ устроиемыхъ монастыряхъ Князь Острожскій заводилъ киновитскій образъ жизни; причину этого объясняютъ намъ издатели Октоиха, напечатаннаго въ Дерманѣ 1603—1604 г. «Киновію той (т. е., Князь) устроивъ, инокамъ предаетъ на совокупленіе богобоязненныхъ мужей и иноковъ искусныхъ въ житіи и разумѣ, имъ же и типарное се дѣло (типографію) присовокупивъ, яко да сугубо и трегубо пользующе церковное благочестіе будутъ: овіи молитвами, еже къ Богу поспѣшествующе, яко же Солуняне Павлу, друзіи же житіемъ пользующе произволяющихъ спастися, сильнѣйшіи же словомъ и писаніемъ, паче же типарнымъ симъ дѣломъ просвѣщающе всѣхъ.» [60] За свое благочестіе, ревностное и неусыпное попеченіе о Церкви Православной, Князь такъ былъ любимъ и почитаемъ Православными, что не выходилъ у нихъ изъ мысли. Монахи и послушники, пробуя перья, или чернилы, или марая только бумагу и пробѣлы въ книгахъ, начертывали священное имя Константина Константиновича, бывшее у нихъ всегда на умѣ,

непремѣнно съ прибавленіемъ какого ни будь эпитета, заключающаго похвалу благочестивымъ его доблестямъ. «Великій милостникъ Православія,» «свѣтило Православія,» «сіяющъ въ благочестіи» и тому подобныя выраженія сдѣлались синонимами Князя Острожскаго. [61] Одинъ Польскій писатель съ негодованіемъ отзывается, что «вся Русь вѣрила въ Князя, какъ своего Бога.» [62]

Примѣръ Князя Острожскаго находилъ себѣ подражаніе и въ другихъ Западнорусскихъ Дворянахъ. Въ 1601 г. сорокъ четыре представителя важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій на Волыни заключили между собою обязательство защищать отъ враговъ Православія Люблинское Церковное Братство, и на его содержаніе назначили земли. [63] Извѣстно, какое значеніе для Православія имѣла и имѣетъ до сихъ поръ Кіевопечерская Лавра. Ея огромное вліяніе не только на Западную, но и Восточную Россію, очень хорошо понимали Король и Езуиты. Между ними уже напередъ была рѣчь о томъ, чтобы Кіевопечерскій монастырь отдать въ поданье Митрополиту Уніятскому. [64] Здѣсь враги Православія думали сдѣлать средоточіе обширной Католической пропаганды, которая могла бы распространять вліяніе на весь народъ Русскій. Въ этихъ видахъ, еще до принятія Уніи на Брестскомъ Соборѣ, Сигизмундъ III испросилъ у Папы особенную буллу, которою Кіевопечерская Лавра, со всѣми ея имѣніями и доходами, предоставлена была во власть Митрополитовъ Кіевскихъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они пребывали въ единеніи съ Римомъ. [65] Такое распоряженіе возбудило сильный ропотъ и негодованіе въ Западной Россіи. Дворянство отправило пословъ на Сеймъ Варшавскій и требовало, чтобы Папская булла была отмѣнена, такъ какъ право назначать Архимандрита Кіевопечерской Лавры не принадлежитъ ни Королю, ни Папѣ, а только Православнымъ дворянскимъ фамиліямъ. Негодованіе было такъ сильно, что угрожало опасностію Государству, и заставило Короля просить Папу объ отмѣнѣ буллы; Папа, для успокоенія Государства (pro regni tranquillitate) согласился на просьбу Короля, и двумя бреве разрѣшилъ освободить Кіевопечерскую Лавру отъ власти Уніятскихъ Митрополитовъ и возвратить Дворянству его право; во всякомъ случаѣ, Папа требуетъ отъ Короля, чтобы онъ постарался назначать, или же и совершенно избирать, на эту Архимандрію мужа вполнѣ Католика (egregie catholicum) и оставилъ бы за Митрополитами пра-

во надъ Аббатами. [66] На Варшавскомъ же Сеймѣ Дворяне ходатайствовали, чтобы высшей Іерархіи вмѣнено было въ обязанность учредить, на счетъ монастырей и Епископскихъ доходовъ, Семинаріи, въ которыхъ бы постоянно воспитывались Дворянскія дѣти, для приготовленія къ духовному званію. [67] Въ 1606 г. на съѣздѣ подъ Сандомиромъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ Короля, Дворяне Волынскіе и Кіевскіе постановили просить его уничтожить Унію, Митрополита и Епископовъ, принявшихъ Унію, лишить власти и всѣхъ Іерархическихъ правъ, имъ предоставленныхъ, и на будущее время всѣ Іерархическія должности и Церковныя имѣнія раздавать только лицамъ Православнаго Исповѣданія, по свободному выбору Дворянства. [68] Подобныя же требованія повторялись и потомъ; [69] но они всегда почти были безуспѣшны. [70]

Кромѣ офиціяльныхъ протестацій, многія жены, благодатно одушевленныя наслѣдственнымъ праотеческимъ благовѣріемъ, предприняли болѣе положительныя мѣры къ огражденію и обезпеченію Православія на будущія времена. Въ 1597 г. Анна Гойская, благочестивая помѣщица, на дивной горѣ Почаевской соорудила иноческую обитель, чтобы доставить новое безопасное убѣжище гонимому Православію и сохранить его неизмѣннымъ на вѣчныя времена. [71] Черезъ сорокъ лѣтъ другая соревновательница Гойской, Ирина Ярмолинская, въ селеніи своемъ, Загайцахъ, въ 40 верстахъ отъ Почаева, основала другое, исключительно для Православныхъ иноковъ назначенное, убѣжище. [72] Не мало стало появляться подобныхъ монастырей во всѣхъ частяхъ Западной Россіи. [73] Всѣ они были общежительны и исключительно предназначались Православнымъ, остающимся «подъ звыклымъ послушенствомъ Патріарха Константинопольского.» Если бы случилось, что Архимандритъ подобнаго монастыря отказался повиноваться пастырю Восточной Церкви, Патріарху Контантинопольскому, и предался въ Унію, братія монастыря имѣли право не слушаться такого Архимандрита, и необходимо было избрать новаго или изъ среды себя, или изъ другого монастыря. [74] Противъ покушеній противомыслящихъ благочестивые ктиторы хотѣли обезпечить такое доброе намѣреніе грозною клятвою и страшнымъ судомъ Божіимъ. «А если бы кто ни будь нарушилъ этотъ мой записъ и ввелъ иную Вѣру, кромѣ Греческой, говорится обыкно-

венно въ фундушевыхъ записяхъ, такого Господь Богъ пускай уничтожитъ и изгладитъ изъ книги животной, пускай поразитъ его тѣло и душу въ семъ вѣкѣ и будущемъ, всѣ проклятья пускай обрушатся на него и его домъ, чтобы въ будущемъ Царствѣ онъ не имѣлъ ни какой части съ ибранными Божіими; я каждаго нарушителя сейчасъ готовъ позвать на судъ Божій, съ нимъ хочу я судиться на страшномъ судѣ Христовомъ, пускай и тамъ онъ не имѣетъ прощенія.» [75] Такъ скромно, но въ высшей степени полезно, работали на пользу Православія эти благочестивые труженики: они положительно заявляли, что и сами не знаютъ Уніи, и другимъ поставляли довольно сильный оплотъ.

Но болѣе другихъ потрудились для Вѣры Братства. Въ нихъ сосредоточилась предъ Уніей вся церковная жизнь. Составляя плотное, узаконенное, сообщество, они могли теперь съ успѣхомъ выступить противъ Уніятовъ, тѣмъ болѣе, что были въ самой поверхностной отъ нихъ зависимости. Очень рано (еще въ 1595 г.) начали дѣйствовать противъ Іерарховъ Уніятовъ Братскіе Священники и проповѣдники. Изъ неблагословенной грамоты Кіевскаго Митрополита, Михаила Рагозы, Стефану Зизанію, Братскому проповѣднику, видно, что онъ открыто, съ церковной каѳедры, обличалъ и Митрополита, и Епископовъ, задумавшихъ Унію, грозилъ имъ судомъ, возбуждалъ противъ нихъ народъ, дѣлалъ протестаціи, и во всемъ имѣлъ успѣхъ. Онъ такъ былъ страшенъ Уніятамъ, что они рѣшились созвать особенный Соборъ для его осужденія. [76] Соборъ, или лучше «нѣкое смятеніе» состоялось въ Новогородкѣ. Зизаній былъ осужденъ вмѣстѣ съ двумя Братскими Священниками. Король утвердилъ такое осужденіе, [77] но другіе члены Братства заявили противъ этого протестацію въ Трубунальный Судъ. Послѣдній оправдалъ Стефана, призналъ Митрополита превысившимъ свою власть, а слѣдовательно, косвенно осудилъ и самаго Короля, утвердившаго приговоръ Митрополита. [78] Важенъ былъ для Православныхъ такой оборотъ дѣла. Они видѣли, что имъ можно бороться, и бороться съ успѣхомъ. Львское Братство успѣло примириться съ своимъ Епископомъ, и дало взаимное обязательство охранять противъ Уніятовъ права Православной Вѣры. [79] По всей Западной Россіи, въ мѣстечкахъ и селахъ, появились Братства. [80] При небольшихъ средствахъ, они всѣми мѣрами старались поддерживать Православіе и

народность утвержденіемъ между своими членами согласія и доброй нравственности, попеченіемъ о благолѣпіи церковнаго богослуженія и взаимнымъ пособіемъ другъ другу въ случаѣ нужды. Православные, и особенно Іерархи, видѣли теперь въ Братствахъ единственную опору истинной Вѣры. «Въ Церкви Христовой, говоритъ Епископъ Георгій Гошовскій, нѣтъ ни чего древнѣе, достовѣрнѣе, спасительнѣе и благополезнѣе церковнаго братства, соединеннаго союзомъ нелицемѣрной любви; его начало въ началѣ созданія, когда Богъ сказалъ: «Не добро быти человѣку единому;» достоинство въ самомъ Христѣ, который для его утвержденія говорилъ: «идѣже бо еста два, или тріе, собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ.» Изъ верховныхъ Апостоловъ одинъ, подражая въ томъ учителю своему, Христу, даетъ слѣдующую заповѣдь: «Братство возлюбите!» Другой, пиша къ вѣрнымъ, иначе не хотѣлъ называть ихъ, какъ братьями. Польза же братства во всемъ: отъ него происходятъ многія блага душевныя и тѣлесныя; въ немъ нѣтъ ни какого различія, нѣтъ ни мужескаго пола, ни женскаго, ни богатаго, ни нищаго, ни раба, ни свободнаго, но всѣ равны. Въ братствѣ богатый не возносится и не унижаетъ другихъ, зная, что все, что онъ имѣетъ, не его и не для него, но ради ближнихъ: не скорбитъ нищій, не укоряетъ богатый..... Таковое-то братство Апостолы и всѣ прежніе Христіяне приняли и утвердили, и вся Церковь зиждется и содержится на немъ, какъ на твердомъ основаніи. По этому, замѣтивъ въ немъ великую нужду для Православныхъ Христіянъ, многіе изъ предшествовавшихъ намъ Архіереевъ и самые Святѣйшіе Патріархи съ большимъ стараніемъ ввели братство въ церковь Россійскую, но не какъ что либо новое, а только обновили и утвердили закономъ то, что было замедлено долгое время. Послѣдуя имъ, и мы всеусердно стараемся утверждать и распространять его и въ городахъ, и селахъ, при помощи добрыхъ ревнителей, желающихъ этого совершеннаго Апостольскаго житія.» [81] При Братствахъ устроялись школы, богадѣльни. Большія Братства, Львовское, и особенно Виленское, были примѣромъ для другихъ меньшихъ. Дошло до того, что мысли Виленскаго Братства сдѣлались правиломъ Вѣры для всѣхъ Православныхъ, ихъ образъ дѣйствій — общимъ образцомъ для всѣхъ. [82] Уніяты приходили въ ужасъ предъ подобными сообществами. Вотъ какое донесеніе дѣлали они въ Римъ въ 20 го-

дахъ семнадцатаго столѣтія: «Подъ предлогомъ благочестивыхъ дѣлъ, писали Уніятскіе Епископы, они (т. е., Православные) во всѣхъ городахъ составили Братства, сложили свои законы, сдѣлали офиціяльныхъ чиновниковъ; первоначально они наложили общую подать на всѣ свои имѣнія, потомъ, сходясь между собою еженедѣльно, дѣлаютъ частную складчину и, въ случаѣ крайней необходимости, назначаютъ и сверхъ обыкновенную подать; въ проповѣдяхъ съ каѳедры проповѣдуютъ народу давать столько, сколько назначатъ совѣтники; многихъ убѣждаютъ къ этому, а членовъ Братства обязываютъ. Цифра этихъ приношеній бываетъ такъ велика, что одно Виленское Братство, глава другихъ, отъ начала Уніи, для противодѣйствія ей, употребило до сихъ поръ, по его словамъ, 200,000 золотыхъ. Въ нихъ такое рвеніе ко злу и послушаніе, что коль скоро оповѣщается Братское распоряженіе, то, по его указанію, каждый братчикъ готовъ дать хотя бы и двадцатую часть всего, чѣмъ владѣетъ, такъ что они могли бы собрать огромныя деньги, если бы только хотѣли. Такія Братства чрезвычайно умножились по всѣмъ меньшимъ городамъ, и теперь, начиная отъ Кіева, образовали какъ бы какую-то новую республику, самую злую (pestilentissimam), что чрезвычайно смущаетъ насъ и сильно тревожитъ Государство. Когда назначаются общіе Государственные сеймы, они тайно составляютъ свои сходки и, собравши деньги, отправляютъ письма и выборныхъ съ жалобами и бранью противъ насъ ко всѣмъ частнымъ Дворянскимъ сеймикамъ, которые шестью недѣлями предшествуютъ сеймамъ.... Этотъ родъ противодѣйствія Уніи приноситъ намъ величайшій вредъ. Правда, что въ Братствахъ участвуютъ лица болѣе низшихъ сословій, но они имѣютъ возможность собирать огромныя деньги, и все имъ повинуется; на своей сторонѣ они имѣютъ многочисленныхъ Дворянъ. При томъ же Братства существуютъ въ городахъ, гдѣ наши каѳедральныя церкви. Здѣсь живутъ одни горожане, занимающіеся торговлею, разными ремеслами: при ихъ содѣйствіи, они наносятъ намъ чрезвычайный вредъ. Посылая многочисленныхъ молодыхъ купцовъ во всѣ части Великаго Княжества Литовскаго, они переманиваютъ отъ насъ клиръ, и дѣлаютъ это не только въ Вильнѣ, но, съ непостижимою быстротою, по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ. Они такъ разсуждаютъ: «Не можемъ отклонить отъ Уніи Епископовъ, удер-

жимъ ихъ клиръ; пускай потомъ самъ клиръ борется съ Епископами, и мы будемъ вознаграждать его издержки, чтобы потомъ наслѣдовать имъ»... [83] Понятно, какъ опасны были Уніятамъ Братскія сообщества.

Какъ ни сильны были противодѣйствія Уніятской пропагандѣ со стороны Православныхъ, но они были еще довольно слабы, по сознанію Уніятовъ, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлали съ ними Латиняне. Иначе и быть не могло. Еще изъ Рима Потѣй писалъ къ Примасу Королевства, что онъ боится упорства Русскихъ, и просилъ противъ нихъ содѣйствія; [84] потомъ въ 1601 г., въ письмѣ къ Провинціялу Доминиканскаго Ордена, онъ отзывался объ этомъ же народѣ, что онъ имѣетъ въ себѣ какую-то «innatam pertinaciam.» [85] Такимъ образомъ, съ этой стороны Уніяты ждали, такъ сказать, нападенія, были готовы болѣе, или менѣе, къ отпору. Можно было даже оправдывать подобное явленіе: Уніяты, отдѣлясь отъ среды Православныхъ, этимъ самымъ возбуждали уже негодованіе послѣднихъ и были на столько логичны, что считали это законнымъ. [86] Но не этого они ожидали отъ Латинянъ. Съ своею Уніей они считали себя за одно съ ними, думали воспользоваться всѣми ихъ правами, получить полное содѣйствіе въ задуманномъ дѣлѣ. Но, вѣдь, они забывали, что, отставши отъ одного берега, къ другому не пристали и для всѣхъ служили только соблазномъ. Латиняне между тѣмъ оставались вѣрны себѣ. Они смотрѣли на свою Церковь, какъ на общую всѣхъ мать и учительницу, единственно обладающую истиною. Слѣдовательно, тутъ рѣшительно нетерпимы были какія ни будь полумѣры, и такое явленіе, какъ Унія, самымъ внѣшнимъ образомъ соединенное съ Латинскою Церковью (только признаніемъ главенства Папы), казалось неправильнымъ, безсмысленнымъ. Оно могло быть терпимо, какъ ступень переходная; но Унію, по мнѣнію Латинянъ, слѣдовало давить, какъ тотъ же расколъ, коль скоро она заявляла требованія на самостоятельность. Люди Государственные видѣли въ ней какое-то внутреннее Государственное зло, какого-то червя, нечувствительно поѣдающаго Королевство, отъ котораго страдаютъ не только они, но и вся Латинская Церковь, котораго, по тому, ни какъ не слѣдовало ласкать, питать. [87] Очень естественно, что при такомъ направленіи умовъ въ мірѣ Католическомъ не легко приходилось Уніятамъ.

И вотъ Уніяты шлютъ въ Римъ жалобу, что «застарѣвшая ненависть Латинянъ къ Русскимъ и презрѣніе остались въ такой же мѣрѣ и къ нимъ. Между высшими и низшими церковными властями (Латинскими), говорятъ они, есть такія лица, которыя въ слухъ насъ проповѣдуютъ, что лучше уничтожить Унію, чѣмъ ей покровительствовать. Слушая это, разрываемся скорбію (dolore dissolvimur). Другіе говорятъ, что она произвела всѣ безпорядки, возмущенія, какъ на Сеймахъ, такъ и внѣ, и, причиняя такое зло, не распространяется, что раскольствующіе сдѣлались теперь большими врагами Церкви, чѣмъ были прежде, и для Церкви было бы лучше, если бы существовало одно Исповѣданіе, чѣмъ много. Да, почти всѣ Католики Ritus Latini и большая часть духовныхъ, не только не помогаютъ въ распространеніи Уніи, писали Уніяты, но даже благопріятствуютъ раскольствующимъ одни явно, другіе тайно. На сеймахъ мы едва можемъ найти одного, или двухъ покровителей, которые бы дѣльно занимались нашимъ дѣломъ, а то всегда упрекаютъ насъ, что мы притѣсняемъ раскольствующихъ, возмущаемъ миръ Республики, что изъ за насъ нѣтъ покоя на сеймахъ. Вѣрятъ жалобамъ раскольствующихъ, хотя бы то самымъ лживымъ, а нашего оправданія не слушаютъ, или слушаютъ съ трудомъ.... Съ слезами воспоминаемъ о прежнихъ Католическихъ поборникахъ Уніи, особенно въ началѣ, главнымъ образомъ о Кардиналѣ Мацѣевскомъ, [88] который велъ всѣ наши дѣла не только безъ нашего содѣйствія, но даже вѣдома; а теперь настали беззаконныя времена, когда мы, обремененные издержками и трудами, съ кровавымъ потомъ должны работать все сами собой, безъ помощи тѣхъ, которые должны помогать намъ не только по чувству справедливости, такъ какъ дѣло касается нашей общей Церкви, но даже просто изъ любви. И что всего прискорбнѣе, это то, что, когда мы хотѣли говорить въ Сенатѣ противъ своихъ противниковъ, намъ отказали, тогда какъ нашимъ врагамъ позволено было это въ присутствіи Короля; когда мы настаивали, намъ отвѣтили, что мы, де, не Сенаторы, и позволили говорить при посредствѣ особенныхъ депутатовъ. Но эти не говорятъ за насъ или по тому, что мало знакомы съ нашими дѣлами, или просто не хотятъ, отказываясь, что у нихъ и безъ того достаточно дѣла и не желаютъ возбуждать ненависти чужими дѣлами, какъ будто Унія съ Католиками не общее дѣло, но чуждое; или же и объ-

щаютъ, но не исполняютъ, а раскольствующіе между тѣмъ пишутъ противъ насъ постановленія.» [89] Напрасно послѣ этого утѣшали себя Уніяты мыслію облечься Сенаторскимъ достоинствомъ. «Не только Священники, говорили далѣе Уніяты, но и Епископы, законно посвященные, [90] по тому одному, что Русскіе, хотя бы они были самые Каточическіе (catholicissimi) и до пота трудились для Церкви, далеко ниже Латинскихъ, даже титулярныхъ, которые считаются только Суффраганами (Викарными) и, не будучи Сенаторами, не имѣютъ ни какой духовной юрисдикціи. Видя такое презрѣніе, многіе не считаютъ насъ истинными Епископами, но Владыками, а Священниковъ нашихъ—Попами (popones).» [91]—«Не удивляйтесь этому, господа Уніяты, писалъ въ свое время (1644 г.) сочинитель Лиѳоса, что вамъ не велятъ называться Епископами; о Таинствѣ Крещенія сказано (Латинянами), что крестъ Римскій совершеннѣе, нежели Русскій. А такъ какъ вы, Русскіе, и крещены по Русски, а не по Римски, то васъ считаютъ за некрещеныхъ.» [92] Такъ далеко простиралось презрѣніе къ Уніятамъ со стороны Католиковъ. Въ 1643 г. Епископы Уніятскіе обращаются съ новою жалобою къ Конгрегаціи de propaganda Fide, что «Латинскіе Епископы на Синодѣ въ 1643 г. постановили, чтобы они не присвоивали себѣ правъ и преимуществъ Епископовъ Латинскихъ, не употребляли бы титула «Illustrissimus,» не носили бы золотыхъ цѣпей, развѣ только при богослуженіи, оставили бы монашеское одѣяніе Св. Василія. И сами не должны учить, говорилось въ этомъ постановленіи, и не дозволять своимъ Попамъ проповѣдывать, будто не должно платить Латинскому клиру десятины съ полей, не должны были совершать ни чего такого, что ослабляетъ права Латинскихъ Священниковъ. Въ случаѣ какихъ ни будь столкновеній должны судиться и дать отчетъ предъ Господиномъ Георгіемъ Тышкевичемъ, Епископомъ Жмудскимъ, Коммисаромъ Столицы Апостольской. [93] Желая, по возможности, скорѣе превратить Унію въ чистое Латинство, или же, по крайней мѣрѣ, предать ея существованію самый блѣдный оттѣнокъ, Латинскіе Епископы принимали очень дѣйствительныя мѣры, били, такъ сказать, Уніятовъ въ самую чувствительную струну. Послѣдніе думали, между прочимъ, найти въ Уніи полную независимость, облечься извѣстными почестями, имѣть матеріяльное довольство: Латинскіе Епископы дѣйственнымъ образомъ давали знать Уніят-

скимъ, что только въ Латинствѣ можно найти все это и, подчиняя Уніятовъ одному изъ своихъ собратій, лишали ихъ самыхъ простыхъ преимуществъ Латинскаго Епископа, отнимали имѣнія, требовали десятины.

Послѣдній вопросъ былъ въ собственномъ смыслѣ предметомъ войны между Латинями и Уніятами. Конечно, болѣе всего онъ могъ разыграться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Латиняне издавна привыкли чувствовать свою силу, считали себя полными хозяевами. Такими мѣстами по преимуществу были Львовская и Холмская Епископіи. Галиція первая понесла иго Католическаго деспотизма и фанатизма. Во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка Львовскому Старостѣ дается право распоряжаться всѣми Митрополичьими имѣніями и отдавать ихъ по своему усмотрѣнію Русской Шляхтѣ, съ властію и правами Кіевскаго Митрополита, какъ надъ бѣлымъ духовенствомъ, такъ и надъ монастырями. О своихъ распоряженіяхъ Староста долженъ былъ только доносить Королю.[94] Уѣзды Галицкій, Коломыйскій, Мятинскій, Каменецкій, Рогатинскій и Жидичинскій, не принадлежали ни какому Епископу. Каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ какъ бы особаго Намѣстника, другого Старосту, только для разбирательства дѣлъ, касавшихся Церкви. На эти намѣстничьи мѣста такъ же назначалъ Львовскій Староста или кого ни будь изъ духовенства, или большею частію изъ Рыцарства. [95] Кто побольше платилъ денегъ, тотъ и занималъ доходное намѣстническое мѣсто. Для Старосты Католика это было выгодно. Въ первой половинѣ XV вѣка онъ отдаетъ на откупъ Митрополичьи имѣнія свѣтскимъ лицамъ съ правомъ духовнаго суда. [96] Не безъ зависти смотрѣло Католическое духовенство на право Старосты Львовскаго: оно рѣшилось пріобрѣсть власть эту въ свои руки, и Епископъ Латинскій, Бернардъ Вильчекъ, началъ дѣло. На основаніи будто бы происшедшей Уніи на Флорентійскомъ Соборѣ, онъ началъ доказывать, что Русскимъ необходимо быть въ зависимости отъ мѣстнаго Архіерея, а не свѣтскихъ лицъ. Онъ успѣлъ сдѣлать то, что въ 1509 г. Сигизмундъ Старый наказною грамотой предоставилъ Арцыбискупу Вильчку и его преемникамъ право опредѣлять Намѣстниковъ Галицкой Митрополіи. [97] Отъ поставленнаго Священника Магистратъ, состоявшій изъ Латинянъ, могъ брать порукавичнаго до двухъ копъ грошей. [98] Еще рѣшительнѣе дѣло происходило въ Холмской обла-

сти. Или перетолковывая дѣйствительныя грамоты, или же выдумывая собственныя, Латинскіе Ксендзы требовали отъ Православныхъ платежа десятинъ; въ случаѣ отказа послѣднихъ, предавали ихъ клятвѣ, отлучали отъ Церкви. «Всѣ мѣщане (Православные) города нашего, Брянска (Гродненской Губерніи), писалъ Сигизмундъ I, въ 1527 г. къ Брянскому Плебану, съ глубокою скорбію жаловались на тебя, что требуешь отъ нихъ десятины, на основаніи будто бы какой-то фундушевой записи; они между тѣмъ съ давнихъ поръ никогда не давали этой десятины, а ты предаешь ихъ проклятію, желая такимъ путемъ добыть у нихъ десятину. Но поелику они никогда не давали ее, то приказываемъ тебѣ и не требовать, освободить ихъ отъ клятвы и впередъ не бросать.» Подобныя явленія повторялись въ это же время въ Суражѣ, Дрогичинѣ и другихъ мѣстахъ. [99] Такъ нагло поступали Католики съ Русскими во время Православія. Тѣмъ смѣлѣе стали заявлять они подобныя требованія, когда введена была Унія. На всѣхъ Уніятовъ они посмотрѣли, какъ на собственное стадо овецъ, отъ которыхъ вправѣ требовать молока и шерсти за свои среди нихъ миссіи и распространеніе Латинства. Предыдущая практика какъ будто представляла для того даже юридическія основанія.

«Латинскіе Пароxи, писалъ около 1624 г. Митрополитъ Уніятскій, Рутскій, въ Римъ, беругъ десятины отъ Русскихъ (т. е., Уніятовъ), хотя бы тамъ и былъ ихъ собственный Парохъ. Они же, въ гордой самонадѣянности, осмѣливаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брать десятины даже отъ Священниковъ. Всю эту горечь Уніяты до сихъ поръ старались покрыть молчаніемъ, чтобы только сохранить миръ и братскую любовь, думая, что это поправитъ время, лучшій наставникъ. Но въ дѣйствительности они стали замѣчать, что ихъ оставляетъ помощь и со стороны многихъ Латинянъ, что зло сильно укореняется и ежедневно все болѣе и болѣе распространяется. По этому, пробудившись какъ бы отъ сна, они чувствуютъ, откуда низпали и, сравнивая настоящее съ прошедшимъ, возмущаются однимъ воспоминаніемъ объ этомъ и находятъ причины къ отступленію. Поднимаютъ очи свои горѣ, откуда бы могла прійти имъ помощь: и такъ какъ вы, сіятельнѣйшіе господа Конгрегаціи, заключаете собою вершину этѣхъ горъ, то они падаютъ къ вашимъ ногамъ, моля о помощи въ настоящихъ притѣсненіяхъ... По этому необходимо запретить Латин-

скимъ Ксендзамъ вымогательство десятинъ отъ Русскихъ, когда они имѣютъ своего Пароха, а тѣмъ болѣе отъ Священниковъ. Требовать десятинъ отъ прихожанъ другой парохіи, это значитъ заходить въ чужіе предѣлы, нарушать права другого, противъ церковныхъ законовъ... Каждая овца должна знать своего пастыря, слушать его голоса, кормить молокомъ, одѣвать шерстью; и все, что дѣлается не такъ, дѣлается съ насиліемъ, противъ божественнаго права... Сыны Левіины брали десятину только у тѣхъ, за которыхъ приносили молитвы и жертвы... Русскіе Священники (Уніятскіе)—это волы молотящіе, а Латинскіе хотятъ заградить имъ уста, и изъ ихъ трудовъ искать для себя прибыли. Первые—работающіе пахари, а послѣдніе хотятъ пользоваться ихъ плодами... Великое отсюда зло для самаго Римскаго Костела: оно вредитъ славѣ и святости его имени, равно и догматамъ Вѣры, и быстро разносится вездѣ, что Латиняне и ихъ Ксендзы живутъ чужими трудами, насиліемъ и угнетеніемъ.» [100] Подобныя жалобы продолжались и послѣ Рутскаго. Два Епископа Уніятскихъ, Меѳодій Терлецкій и Яковъ Суша, ѣздили по этому дѣлу въ Римъ лично хлопотать о воспрещеніи Латинянамъ брать десятину. Слушалъ Папа этѣ жалобы, быть можетъ, соболѣзновалъ объ Уніятахъ, издавалъ, по крайней мѣрѣ, въ пользу ихъ декреты. Но духовенство Латинское и само не хотѣло знать этихъ декретовъ и, по своему высокому Государственному положенію, не позволяло и другимъ приводить ихъ въ исполненіе, [101] тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи и лица свѣтскія, при всей своей ненависти къ духовнымъ, [102] должны были поддерживать ихъ выгоды. «Опредѣленія Римскія (въ пользу Уніятовъ), говоритъ одинъ писатель, были обидны для Шляхты и обывателей; по отходѣ изъ этого міра Ксендза, какъ шляхтичи, три части его имѣнія получали въ силу конституціи ближайшіе его родные; такимъ образомъ, что собиралось съ имѣній Шляхты, то опять обращалось къ ихъ пріумноженію.» [103] Понятно, что чѣмъ больше успѣлъ собирать Ксендзъ, особенно съ Уніятовъ, тѣмъ прибыльнѣе послѣ его смерти могли увеличиваться имѣнія свѣтскихъ. Понимая такое положеніе, Латиняне доходили иногда въ этомъ отношеніи до безстыдной наглости въ своемъ обращеніи съ Уніятами. Послѣдніе, получая изъ Рима опредѣленія, запрещающія Латинянамъ брать съ нихъ десятины, должны были предъявлять

ихъ мѣстнымъ Парохамъ, прибивать къ дверямъ костеловъ. Читая одно изъ такихъ опредѣленій, Пробощъ Холмскій (Латинскій) замѣтилъ: «Будетъ война между клиромъ и клиромъ. Вѣдь это не въ Италіи управлять Святѣйшему.» Извѣстно, что было, когда одинъ Папа Римскій проклялъ Гнѣзненскаго Архіерея, онъ тѣмъ же отвѣтилъ Папѣ; Папа велѣлъ сжечь клятвенную грамоту Архіепископа, этотъ съ Папскою поступилъ такъ же, и только смерть обоихъ уничтожила этотъ соблазнъ. Странное дѣло! Кто могъ бы, взявши за шею Латинскихъ Ксендзовъ, заставить ихъ выполнить эти опредѣленія? Что сдѣлалъ бы и самъ Король, приказывая выполнять ихъ? Такого Короля можно было бы сейчасъ сдвинуть и на его мѣсто избрать другого. [104] Сколько тутъ святотатственной, неразумной, самонадѣянности! «Когда я подавалъ копію Папскаго декрета Латинскому Пробощу, говоритъ одинъ Уніятскій Священникъ, показывая при этомъ и подлинникъ, онъ (Пробощъ) не хотѣлъ принимать его; когда я приступилъ къ дверямъ костела прибить Папскій декретъ, онъ заперъ двери церковной ограды и, сильно толкая меня (me trusit violenter), сказалъ: «А вотъ увидимъ: кто прибьетъ къ дверямъ эту копію, тотъ непремѣнно почувствуетъ переломъ руки,» и ударилъ меня палкою по шеи. «Не Папа, сказалъ онъ, а Бискупъ у насъ тутъ всѣмъ управляетъ. Я десятинъ не беру (деньгами), а, вмѣсто ихъ получаю зерномъ, по тому о насъ тутъ не говорится.» [105] Можно судить послѣ этого, какъ тяжело приходилось Уніятамъ при подобной логикѣ Латинянъ. Мы не говоримъ уже о тѣхъ, въ собственномъ смыслѣ безчисленныхъ, совращеніяхъ, надъ которыми такъ усильно работали Латиняне, не смотря на всѣ Папскія запрещенія, и отъ чего, по сознанію Уніятовъ, происходилъ для ихъ Церкви величайшій вредъ, готовилось рѣшительное ея паденіе. [106] «Изъ нашихъ актовъ, писала Львовская Консисторія въ 1853 г. въ Римъ, видно, что съ самыхъ давнихъ поръ, даже съ первыхъ дней зародившейся Уніи между Русскою и Римскою Церквами, продолжаются постоянные раздоры между Католиками Греческаго и Латинскаго Исповѣданій и особенно между обоими клирами, такъ какъ клиръ Латинскій, не смотря на постановленія Апостольской Столицы, никогда не переставалъ перетягивать всѣми мѣрами на свою сторону вѣрныхъ Греческаго обряда,» и потомъ перечисляются различныя несправедливости этой сложной

продѣлки, ея ходъ, какъ Латиняне переманиваютъ къ себѣ Уніятскихъ прихожанъ, всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ крестятъ въ Латинство, записываютъ въ свои книги, окрещенныхъ и муропомазанныхъ снова крестятъ и заставляютъ принимать Таинство Муропомазанія изъ рукъ Епископскихъ. [107] Таковы были тѣ, дѣйствительно тяжелыя, обстоятельства, въ которыхъ очутилась Уніятская Церковь въ самомъ началѣ своего появленія; смѣемъ думать, что они слишкомъ очевидны для каждаго, послѣ того что мы сказали. Удивительно даже, какъ могла существовать при нихъ Уніятская Церковь, какъ она не загибла; но она существовала и, скажемъ болѣе, она возрастала въ своихъ членахъ, и больше всего именно въ это тяжелое время. [108] Слѣдовательно, были обстоятельства, вполнѣ благопріятствующія Уніи; да за нее и для нея работали, и работали сильно, Король, Уніаты, въ родѣ умнаго, мощнаго Потѣя, особенно же Езуиты.

Много значило уже одно то, что Унія была узаконена. Какъ событіе совершившееся, оправданное Правительствомъ, она въ правѣ была требовать извѣстныхъ правъ для своего существованія, заявлять свою дѣятельность въ извѣстномъ кругѣ. Могли не терпѣть ее, ненавидѣть и даже противодѣйствовать, болѣе, или менѣе, скрытными путями. Но возставать противъ нея открыто, значило выставлять себя на осужденіе существующими законами. Православные могли составлять Братства, могли отзываться между собою какъ угодно объ Уніятской Іерархіи, писать даже противъ нея; но коль скоро дѣло переходило въ жизнь, шелъ вопросъ объ общественномъ порядкѣ, Унія являлась законною, Православія нѣтъ, и ему приходилось или скромно покориться первой, или же спокойно уступить ей мѣсто дѣйствія и запрятаться гдѣ ни будь подальше. «Не хочу быть больше Настоятелемъ и Архимандритомъ въ Троицкомъ Виленскомъ монастырѣ, говорилъ въ 1597 г. отецъ Софроній передъ собравшимися Бурмистрами; всѣ питаютъ ко мнѣ ненависть за то, что я въ ектеніяхъ и молитвахъ поминаю отца Митрополита (Уніята) и молюсь за него Богу, что дѣйствительно дѣлалъ противъ совѣсти и своей повинности, и съ этѣхъ поръ я не стану больше просить Бога за Митрополита, но за то не хочу быть и старшимъ въ монастырѣ, и лучше согласишусь быть гдѣ ни будь простымъ монахомъ и даже просить милостыни, только бы сохранить чистою свою совѣсть.» Сказавши эти

слова, отецъ Софроній отдалъ Бурмистрамъ ключи, прибавивъ: «Вотъ и ключи Вашей Милости отдаю я....добровольно принялъ я отъ васъ монастырь, добровольно и возвращаю его въ ваши руки, и лучше соглашусь служить какому ни будь пану, который будетъ защищать меня отъ Митрополита, чѣмъ обитать въ Вильнѣ, и быть ему послушнымъ.» [109] Лучшіе люди Православные видѣли невозможность открыто возставать противъ Уніи, бороться съ нею. Правда, заявлялись иногда очень сильныя всенародныя протестаціи, [110] дѣлались даже смертельныя нападенія на Уніятовъ, какъ въ 1609 г. въ Вильнѣ, [111] а въ 1623 г. въ Витебскѣ. [112] Но подобныя попытки служили болѣе къ ослабленію Православныхъ и естественно усиливали противоположную сторону. Лучшіе изъ Православныхъ, участвующіе въ такихъ протестаціяхъ, были осуждаемы на смертную казнь, [113] или на изгнаніе изъ отечества, [114] и своими неудачами возбуждали только то горькое сознаніе, что не имѣть имъ успѣха въ такой борьбѣ, что самая борьба, вѣдь, далеко не равная. Это тяжелое сознаніе Западнорусскій народъ заявилъ всенародно, когда на защиту Вѣры рѣшился призвать такихъ лицъ, каковы были Козаки. Высшіе Государственные сановники въ Польшѣ, въ родѣ даже извѣстнаго Льва Сапѣги, Литовскаго Канцлера, при всей ненависти къ Уніи, считали, однако, не благоразумнымъ оставить ее, и прилагали особенное попеченіе. [115] Что же касается низшихъ чиновъ, то они были слишкомъ внимательны къ ней, и на Магистратскихъ чиновъ неоднократно поступали жалобы со стороны Православныхъ, что имъ приходится терпѣть насилія, угнетенія. [116] За Унію такимъ образомъ говорило общественное право; за нее дѣйствовалъ положительный законъ; преступленія противъ нея очень искусно поставлялись въ рядъ съ преступленіями Государственными. [117]

Король собственною властію и значеніемъ сильно поддерживалъ Унію. Это было вполнѣ явно и опасно даже для такихъ лицъ, какъ Князь Острожскій. Въ 1600 г. Львовское Братство хотѣло жаловаться Королю на притѣсненія. Князь письмено извѣщаетъ Братство, что настоящее время слишкомъ неблагопріятно для этого, по тому что Сигизмундъ особенно покровительствуетъ Уніятамъ, и совѣтуетъ Братству стать лучше въ выжидательное положеніе. [118] Дѣйствительно, Король разсылалъ окружныя гра-

моты, съ призывомъ всѣхъ къ Уніи; [119] внимающихъ этому зову дарилъ извѣстными правами, [120] наблюдалъ, чтобы нигдѣ не было противодѣйствія Уніятскимъ властямъ; [121] отъ всѣхъ требовалъ послушанія имъ. [122] Какъ «зверхній подавца и дозорца Церквей Божіихъ,» [123] Король особенно былъ внимателенъ и милостивъ къ Уніятской Іерархіи. Онъ то и дѣло постоянно возвышалъ, или же раздавалъ богатыя имѣнія различнымъ Уніятамъ. Протонотарій Кіевскаго Митрополита, Григорій Загорскій, еще при жизни Полоцкаго Архіепископа, Наѳанаила Селецкаго, объявляется его Коадъюторомъ, съ непремѣннымъ обѣщаніемъ ему самой Архіепископіи по кончинѣ преречснаго Селецкаго.» [124] Уже Архіепископомъ, онъ получилъ отъ Короля Загорское имѣніе, въ награду за труды, понесенные имъ въ проповѣданіи слова Божія. Іона Гоголь, подписавшійся на Унію, изъ Кобринскаго Архимандрита сдѣланъ Пинскимъ Епископомъ. Кириллъ Терлецкій получилъ въ пожизненное управленіе Кобринскій Спаскій монастырь, Михаилъ Рогоза—Кіевопечерскій, [128] Діонисій Збируйскій—Пинскій, Лещинскій Николаевскій монастырь; [129] Ипатій Потѣй получилъ въ свое вѣдѣніе и управленіе Брестскую Русскую школу, съ пожалованными на ея содержаніе двумя селами монастырскими; [130] съ 1599 г. онъ получилъ Митрополію, Кіевопечерскій монастырь, остался Брестскимъ Епископомъ, также получилъ Слуцкую Архимандрію; [131] въ 1605 г. ко всему этому былъ прабавленъ еще Лещинскій Николаевскій монастырь съ отчинными людьми и угодьями; [132] 1612 г. Золотоверхій Михайловскій монастырь. [133] Греческій Священникъ, Петръ Аркудій, получилъ Лавришевскую Архимандрію, [134] Тороканскій монастырь. [135] Все Уніятское духовенство Король увѣряетъ, «святобливе прирѣкаетъ и обѣцуетъ ему своимъ Господарскимъ словомъ,» что если бы оно было предано какой ни будь клятвѣ [136] со стороны Греческихъ Іерарховъ, то эта клятва должна считаться не дѣйствительною, «никгды ни въ чемъ шкодити не маетъ,» и даже не должна быть допущена въ предѣлы Государства; уравниваетъ его во всѣхъ правахъ и преимуществахъ съ духовенствомъ Латинскимъ, и даже обѣщаетъ ему больше оказывать свою милость Господарскую. Всѣ достоинства, Архіепископіи, Епископіи, которыми владѣютъ Уніяты, Король обѣщаетъ не отнимать у нихъ при жизни, не давать другимъ лицамъ, но, напротивъ, постоянно заботиться объ ихъ пріумноженіи, относясь съ полнымъ почетомъ и уваже-

БИБЛІОТЕКА

ніемъ къ тѣмъ, которые будутъ занимать ихъ. Митрополію и Епископіи могли получать лица только Греческой Религіи (т. е., Уніяты); къ церквамъ должны быть возвращены всѣ пожертвованныя имѣнія, которыя были розданы разнымъ свѣтскимъ лицамъ и для Церкви пропадали безслѣдно; всѣми этими имѣніями должна была завѣдывать Капитула (клирошане, только обращенные на Латинскій ладъ), устраняя всѣхъ свѣтскихъ. Въ Трибунальномъ Судѣ Уніяты могли имѣть двухъ повѣренныхъ для своихъ дѣлъ, по образцу Латинянъ. Всѣ Братства, какъ основанныя Патріярхами, такъ и подтвержденныя Королемъ, должны быть въ зависимости отъ мѣстныхъ Архіереевъ. Митрополиту, Епископамъ и другимъ духовнымъ властямъ, дано полное право наказывать ослушниковъ своей власти, различныя Государственныя правительственыя учрежденія должны были содѣйствовать этому. [137] Такимъ образомъ по внѣшнему положенію Уніятская Церковь принимала блестящій видъ. Рѣшительнымъ удаленіемъ отъ дѣлъ церковныхъ лицъ свѣтскихъ въ самомъ обширномъ смыслѣ (начиная отъ Короля) устранялись тѣ многочисленные безпорядки, которые такъ разъѣдали Западнорусскую Церковь во второй половинѣ XVI вѣка. [138] Для Уніи, которая была дѣломъ Короля и высшей Іерархіи, это были самыя полезныя, спасительныя мѣры. По мысли Короля, съ которою вполнѣ соглашались Уніяты, [139] всѣ должны были покоряться рѣшенію своихъ пастырей, которыхъ, по ихъ словамъ, Духъ Святый далъ имъ за вожи до живота.» [140] Такая мысль вполнѣ благопріятствовала Уніи, но она могла получить большее, или меньшее, осуществленіе только при формальномъ узаконеніи правила о невмѣшательствѣ свѣтскихъ лицъ въ дѣла церковныя. Послѣ этого всѣ протестаціи противъ Уніи лучшихъ свѣтскихъ людей, въ родѣ Князя Острожскаго, считались незаконными, достойными осужденія. [141] Унія, слѣдовательно, могла итти тѣмъ путемъ, какой назначили ей ея представители. При такой независимости, Уніяты въ то же время имѣли очень немалую власть въ своихъ рукахъ, и Митрополитъ Ипатій Потѣй великолѣпно воспользовался своимъ положеніемъ.

Видѣлъ Потѣй, что Унія формально признана Правительствомъ вполнѣ законною. Этого мало. Ее возводили далеко раньше 1596 г. За нею признавали права, какъ будто бы паданныя ей еще Ягайломъ, Казиміромъ, Александромъ. Стало быть, Унія

дѣло не новое. Къ сожалѣнію, эта благодатная мысль, по мнѣнію Потѣя, витала только вверху, въ слишкомъ частномъ, правительственномъ, кружкѣ; нужно было онародить ее, обставить научными основаніями. Съ этою цѣлью онъ самъ ученымъ образомъ изслѣдовалъ всѣ гражданскія права, предоставленныя когда бы то ни было Королями Западнорусскимъ Митрополитамъ, и доказывалъ, что они законно принадлежатъ Уніятской Іерархіи, тѣмъ болѣе, что, по его изслѣдованіямъ, выходило, будто Унія была и прежде въ Западнорусской Церкви, и ей-то собственно даны гражданскія права. [142] Въ 1605 г. Потѣй даже потребовалъ, чтобы и Судъ призналъ вѣрнымъ подобный взглядъ. Извѣстно, что въ этомъ году онъ представилъ въ Виленскій Магистратъ документъ о существованіи будто бы Уніи въ Западнорусской Церкви въ 1476 г. [143] Такою постановкою вопроса давалось знать, что Унія не должна подлежать сужденію и разбирательству, что она явленіе вполнѣ законное, которое слѣдуетъ только признать. Считая дѣло рѣшеннымъ, Потѣй началъ теперь проводить свой взглядъ въ жизнь, и самымъ неотвязчивымъ образомъ принялся за Православныхъ, и духовныхъ и свѣтскихъ. Программа для дѣятельности была готова: ее начертили еще прежде (около 1596 г.) Езуиты для Михаила Рагозы.

«Да не устрашаютъ Ваше Преосвященство, писали Езуиты къ Михаилу Рагозѣ, различныя препоны и препятствія (ко введенію Уніи): большая часть ихъ уже уничтожена, остальныя могутъ быть устранены мудрыми совѣтами и постояннымъ стремленіемъ къ осуществленію предпринятыхъ замысловъ. Развѣ малое препятствіе въ священныхъ нашихъ намѣреніяхъ устранено тѣмъ, что избраніе старшихъ и Митрополитовъ начинаетъ ускользать изъ рукъ Русскихъ Дворянъ и обывателей (очевидно, какъ это было для нихъ опасно)?.. Не безъ промышленія Божія случилось, что они, не избравъ Вашего Преосвященства на это достоинство, доселѣ не могли васъ столкнуть съ него и низвергнуть, и не знаютъ, что дѣлать. Ибо Ваше Преосвященство имѣете привилегію Его Королевскаго Величества, и имѣете въ Королѣ и Литвѣ тайныхъ покровителей, свойственниковъ и могущественныхъ союзниковъ, имѣете за собою всю Католическую Церковь, которая, въ случаѣ нужды, готова поддерживать Васъ. Кто же отъ Вашего Преосвященства станетъ отнимать каѳедру, когда Вы, по

примѣру Западныхъ Прелатовъ, приготовите на случай себѣ Коадъютора, которому при Дворѣ Его Величества готова будетъ привилегія, только бы шелъ онъ проложенною Вами стезею. Не оглядывайтесь, Ваше Преосвященство, на свое духовенство, ни на пустыя возстанія бѣшеной черни. Первое Вы съумѣете удобно удержать въ послушаніи слѣдующимъ образомъ: на всѣ праздныя мѣста поставляйте людей незначительныхъ, чтобы на случай не упрямились; замѣщайте должности простыми, убогими и такими, которые бы совершенно зависѣли отъ васъ самихъ. Если бы на высшихъ духовныхъ мѣстахъ нашлись упорные, тогда, подъ предлогомъ надобности въ прилежныхъ наставникахъ и хорошихъ Игуменахъ, низлагайте противныхъ и непокорныхъ Вамъ, а на ихъ мѣста возводите покорныхъ, опредѣливъ, однако, для себя оброки съ каждаго. А что бы и эти не разжирѣли, подозрительныхъ пересылайте и переводите съ однихъ мѣстъ на другія, смотря по обстоятельствамъ. Подъ видомъ почести, не мѣшаетъ истощать иныхъ посылками и депутаціями, на собственномъ содержаніи, для исполненія важныхъ, по видимому, порученій. Въ дорогу съ собою берите болѣе простыхъ Протопоповъ и благовременно при себѣ увлекайте ихъ, утверждая въ нихъ свой образъ мыслей. На Священниковъ налагайте подати, для общаго блага Св. Церкви, и особенно наблюдайте, чтобы безъ Вашего вѣдома не составляли собраній и сходбищъ, а тѣхъ, которые осмѣлятся нарушить Ваше запрещеніе, сажайте въ темницу. Что касается свѣтскихъ лицъ, и особенно черни, то, Ваше Преосвященство, какъ до сихъ поръ поступали съ ними мудро, такъ и продолжайте, будьте осторожны только, чтобы они не могли примѣтить Вашихъ замысловъ и намѣреній. По этому, если бы приходилось съ ними бороться, не нужно нападать на нихъ открыто. Во время мира отличнѣйшихъ изъ нихъ привлекайте и одолжайте, то посредствомъ своихъ орудій, то какою ни будь услужливостью, то благопріятствомъ. Обрядовъ вдругъ не вводите: могутъ измѣняться постепенно. Не оставлять состязаній и споровъ съ Западною Церковью, чтобы такимъ образомъ затереть слѣды своего предпріятія, чѣмъ можно пустить пыль въ глаза не только черни, но и Дворянству. Для Дворянскихъ юношей учреждать особенныя училища, лишь бы имъ не возбранено было посѣщеніе Католическихъ костеловъ, совершеннѣйшее образова-

ніе въ школахъ нашихъ отцевъ (Езуитовъ). Слово Унія да будетъ изгнано изъ употребленія; не трудно придумать другое, сносиѣе для ушей людскихъ: тѣ, которые обращаются возлѣ слоновъ, берегутся носить платье краснаго цвѣта.» [144] Такимъ образомъ, въ основаніе Уніятской Церкви полагалась новая ложь, ложь коварная, мощная, Езуитская; она была слишкомъ очевидна для благочестиваго Рагозы, и для своего исполненія требовала болѣе, чѣмъ сколько давалъ его слабый характеръ. Потѣй, мало знакомый съ духомъ Христіянскаго ученія, ловкій, опытный политикъ, близкій къ Езуитамъ, чувствовалъ по себѣ подобную задачу, и началъ выполнять ее, впрочемъ, еще своеобразно, довольно самостоятельно.

Главнымъ образомъ Ипатій Потѣй принялся за духовенство и Братства. Вступивши на Митрополичью каѳедру, онъ началъ распоряжаться, какъ вполнѣ законный пастырь. Разсылалъ къ своему духовенству послушныя грамоты, требовалъ повиновенія, увѣщевалъ, что онъ не намѣренъ вводить ни чего новаго, посылалъ отъ себя повѣрщиковъ для осмотра порядка и дѣлъ церковныхъ, книгъ и самаго богослуженія. [145] «Не забывайте и о томъ, писалъ онъ къ Слуцкому духовенству, что, по старому обычаю, вы должны давать намъ куницы: вручите ихъ нашему Слуцкому Протопопу. Если погардите нашимъ отцовскимъ напоминаніемъ, то знайте, что на непослушныхъ есть другого рода лѣкарство, о которомъ вамъ могутъ сказать правила Св. Богоносныхъ Отцовъ; говоря короче, вы имѣете, вѣдь, дѣло со мной, а не съ Михаиломъ Рагозой.» [146] Понятно, съ какимъ сознаніемъ дѣйствовалъ Потѣй. Онъ вполнѣ показалъ, что онъ не слабый Рагоза. Своими распоряженіями противъ Стефана Зизанія, извѣстнаго противника Уніи, Митрополитъ такъ стѣснилъ его, что тотъ принужденъ былъ спасаться изъ Вильны черезъ печную трубу. [147] Когда Настоятель Супрасльскаго монастыря, Иларіонъ Мосальскій, не хотѣлъ повиноваться Потѣю и побуждалъ къ тому же мѣстную братію, Король, по настоянію Митрополита, объявилъ его бунтовщикомъ, «выволанцемъ», осудилъ на изгнаніе изъ Государства: никому не позволялось имѣть съ нимъ общенія, «подъ винами, въ правѣ Посполитомъ описанными;» [148] почти подобной же участи подвергся потомъ Самуилъ Сенчило, Настоятель Виленскаго Свято-Троицкаго монастыря: Митрополитъ предалъ его анаѳемѣ. [149]

Не успѣвши совѣтами и обѣщаніями обратить Виленскихъ Православныхъ въ Унію, или, какъ выражается современникъ, будучи не въ состояніи «злохитрьствомъ своимъ затянуть насъ у свою и Папежкову яскиню, обѣцуючи всимъ стати съ нимъ готовымъ, чего бы одно по немъ хотѣли,» онъ велѣлъ Виленскимъ Бургомистрамъ принять въ свое вѣденіе Виленскія и окрестныя церкви, со всѣмъ ихъ имуществомъ, и не допускать къ нимъ мѣстнаго духовенства, какъ непреклоннаго къ Уніи. [150] Такія явленія повторились по всей Западной Россіи, такъ что въ 1607 г. Король долженъ былъ особенною жалованною грамотою успоковать всѣхъ Православныхъ, Литовско-Русскихъ и Польскихъ, обывателей, мірскихъ и духовныхъ, что они, по старому обычаю, могутъ вполнѣ свободно и спокойно исповѣдывать свою Вѣру, сохранять порядки, обряды, обрядности Церкви, Восточной Греческой, отправлять богослуженіе....что пастыри и вообще всѣ власти духовныя, Владыки, Архимандриты, Игумены, будутъ подаваться и назначаться на основаніи прежнихъ правъ, привилеевъ и вольностей, не будетъ ни малѣйшаго насилія и принужденія къ перемѣнѣ обрядовъ. [151] Но что значила эта грамота съ тѣмъ полнымъ самоуправленіемъ, которое самъ же Король предоставилъ Уніятской Церкви? [152] На этомъ основаніи Митрополитъ Потѣй продолжалъ выполнять свою задачу, отнималъ у свѣтскихъ лицъ право подаванья, [153] вполнѣ самостоятельно назначалъ духовныхъ властей, [154] даже потребовалъ было на судъ къ себѣ Православнаго Галицкаго Епископа, Іеремію Тисаровскаго, за то, что этотъ вступилъ на Епископскую каѳедру безъ его вѣдома и соизволенія и принялъ рукоположеніе за границею. [155] Еще прежде (въ 1601 г.), въ письмѣ къ Провинціялу Доминиканскаго Ордена, Потѣй заявлялъ полное свое право на Галицкую Епископію, видя въ ней намѣстничество Кіевскаго Митрополита: «Никогда не было, говоритъ онъ, особеннаго Галицкаго Епископства, но Галичъ, Львовъ, Каменецъ, составляли діецезію Митрополита....При томъ же всѣ Епископы должны зависѣть отъ Кіевскаго Митрополита и отъ него получать посвященіе. Вѣдь, и самъ Верховный Первосвященникъ утвердилъ это на вѣчныя времена? По тому, если бы этотъ старикъ Сусанинъ (такъ называлъ онъ Гедеона Балабана) и до смерти остался въ своемъ упорствѣ, будьте увѣрены, Ваша Милость, что послѣ него уже не дождаться

Львову подобнаго другого: Митрополитъ Кіевскій не будетъ на столько глупъ, чтобы ставить туда Владыку, съ уменьшеніемъ собственной юрисдикціи, тѣмъ болѣе, что, по документамъ, тамъ не долженъ быть самостоятельный Епископъ (absolut is Episcopus), а только слуга Митрополіи....Жалѣю, прибавляетъ онъ потомъ, что не могу лично отправиться въ тѣ стороны (въ Галицію), для свиданья съ панами Католиками: я указалъ бы имъ такую дорогу, что эти (Православные) не ершились бы болѣе. Вѣдь, это моя обязанность, такъ какъ я Митрополитъ «totius Russiae R. Gr.» [156] По этой-то обязанности и вздумалось Потѣю напасть на Епископа Іеремію Тисаровскаго, преемника Балабанова, и только привилегіи Короля, особенное усиліе Православныхъ, ходатайство даже мѣстнаго Архіепископа, Яна Замойскаго, удержали его на каѳедрѣ. [157] Но послѣднее обстоятельство слишкомъ ослабляло вниманіе къ нему Православныхъ, и съ этой стороны Іеремія могъ быть полезенъ даже Потѣю. [158] За то въ другихъ случаяхъ Потѣй былъ иногда гораздо настоятельнѣе. Нападая съ вооруженными людьми на Православныя Церкви, онъ собственноручно разрывалъ святые антиминсы, напрестольныя одежды, стригалъ Священникамъ бороды и головы и запрещалъ священнодѣйствовать; [159] или же, въ сопровожденіи солдатъ, онъ разгонялъ собиравшихся на молитву во мракѣ ночи, запечатывалъ храмы. [160] Естественно, что подобные поступки вызывали общее негодованіе, требовали суда. Дѣйствительно, по жалобѣ Православныхъ, Король наконецъ потребовалъ его къ суду. [161]

Не страшно было для Потѣя подобное явленіе. Онъ зналъ, на какой стоитъ почвѣ. Еще на возвратномъ пути изъ Рима, Потѣй въ одномъ мѣстѣ позволилъ себѣ наглость: въ имѣніи Княжны Збаражской онъ напалъ на церковь Православную во время богослуженія, выломалъ насильно двери, церковныя вещи одни взялъ съ собою, другія порасбрасывалъ, однимъ словомъ, по замѣчанію современника, «wielki gwałt uczynił» (совершилъ великое насиліе). Княжна подала протестацію. Потѣй пречистосердечно замѣтилъ ей, что «подобное дѣло рѣшительно лишнее; что, вѣдь, въ Польшѣ ни кто не можетъ судить его, по тому что онъ заявилъ послушаніе Папѣ. Если же ей для суда съ нимъ угодно отправиться къ Папѣ, то она будетъ имѣть порядочный проѣздъ; впрочемъ, и въ этомъ случаѣ у него то преимущество предъ Княжной, что ему

уже извѣстна дорога и не придется о ней распрашивать.» Этимъ, по замѣчанію современника, онъ давалъ знать, что въ Римѣ ни чего не сдѣлаютъ въ пользу Ея Милости. [162] Такимъ образомъ, въ силу подчиненія Риму, Потѣй не признавалъ надъ собою ни чьего суда; подтвержденіе для такой мысли онъ находитъ и въ частномъ, Езуитскомъ, взглядѣ Короля на Церковь, и въ Государственныхъ постановленіяхъ о не вмѣшательствѣ свѣтскихъ въ дѣла Церки, гдѣ Потѣй считалъ себя полнымъ хозяиномъ, и думалъ, что можетъ дѣлать все, что угодно. [163] Явившись къ Королю на судъ, онъ ни чуть не думалъ приносить какого ни будь оправданія, а поставилъ вопросъ прямо, что духовныхъ несправедливо звать на какой бы то ни было судъ; что дѣла ихъ не подлежатъ вѣдѣнію ни Короля, ни любого свѣтскаго уряда, и могутъ обсуждаться только духовнымъ судомъ. [164] Этого мало. Потѣй пошелъ гораздо дальше. Въ жалобѣ паствы на своего пастыря (а своею паствою онъ считалъ всю Западную Русь, и въ Православныхъ видѣлъ упорныхъ, непослушныхъ, сыновъ, которыхъ требовалось «страхомъ спасати»), [165] онъ видѣлъ неслыханную дерзость. «Милостивѣйшій Государь! говорилъ онъ Королю: новое неслыханное дѣло! Овцы жалуются на пастыря, тогда какъ пастырь долженъ бы жаловаться тебѣ на этихъ непослушныхъ, и ты, какъ Верховный Господинъ, обязанъ по слову Апостола, невѣжду страхомъ спасати, карать непослушныхъ противниковъ, и приводить ихъ къ послушанію. По у насъ на оборотъ: овцы жалуются на меня, и не хотятъ признавать своимъ пастыремъ. Но не Ваша ли Королевская Милость благоволили дать мнѣ Митрополію по смерти Митрополита? И кто въ Вашемъ Государствѣ можетъ отнимать у другого подобныя достоинства безъ основательной причины? Ихъ теряетъ развѣ тотъ, кто, по своимъ преступленіямъ, долженъ лишиться жизни и чести.... А мы за то должны терять свою власть, что возобновили давно утвержденное дѣло (Унію) и засвидѣтельствовали послушаніе Верховному Пастырю Церкви Христовой?» [166] Конечно, противъ подобныхъ доводовъ Король не могъ сказать ни чего: онъ вполнѣ соглашался съ ними, и спѣшилъ успокоить Потѣя, оправдать его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и все Уніятское духовенство, надавая ему новыя права. [167] Потѣй зналъ, чего достигалъ онъ такою рѣшительною постановкою вопроса: выигрышемъ дѣла онъ окончательно добивалъ великое начало Запад-

норусской Церкви участія свѣтскихъ въ дѣлахъ церковныхъ. Съ этой стороны онъ считалъ незаконнымъ всякое вмѣшательство, не допускалъ ни какихъ противъ себя протестацій. Только при установкѣ такаго взгляда Унія могла пойти успѣшно. Король содѣйствовалъ ему, и подтвердилъ его особенною грамотою. [168] Немало смутило это Православныхъ, и даже Князя Острожскаго. Отзываясь о Королевской грамотѣ, онъ говоритъ, что «ьотъ на сеймѣ Варшавскомъ выданъ декретъ, весьма противный и намъ и праву посполитому, и особенно святой справедливости, и, при всемъ томъ, совѣтуетъ Православнымъ ни чего не предпринимать противъ Уніи, а быть терпѣливыми и ждать милосердія Божія.»[169] Понятное дѣло, какъ сильно давалъ чувствовать себя Потѣй.

Желая быть вполнѣ независимымъ въ управленіи Церковью, Митрополитъ Потѣй, конечно, въ высшей степени неблагопріятно долженъ былъ смотрѣть на Православныя Братства, которыя имѣли огромное вліяніе на ходъ церковныхъ дѣлъ и ни какъ не мирились съ задачей Потѣя. Онъ дѣйствительно обратилъ на нихъ особенное вниманіе, и во время своего правленія велъ съ ними упорную, отчаянную, борьбу. [170] По взгляду Уніятовъ, Братства — это было простое хлопство, которое, присвоивъ себѣ огромную власть, не хотѣло знать ни Епископовъ, ни своихъ господъ, причиняло безпорядки, кровопролитія, возмущало народъ. [171] Такое незаконное, не слыханное, явленіе [172] служило какъ бы наказаніемъ для Православнаго духовенства, пока оно оставалось въ расколѣ. Единеніе съ Римомъ должно было освободить Православныхъ отъ этого тяготѣвшаго надъ ними проклятія Божія. [173] Времена Братствъ, говорили Уніяты, это времена стыда и поношенія для Церкви: отсюда различныя ереси, церковные безпорядки, угнетенія Іерархіи. Совѣтоваться съ Братствами по дѣламъ Вѣры рѣшительно безполезно, положительно вредно, [174] по тому что, по своему направленію, члены Братства и Лютеране, Кальвины и ни въ какомъ случаѣ не должны разсуждать о догматахъ Вѣры.» [175] Потѣй очень хорошо понималъ значеніе Братствъ, весь вредъ ихъ для Уніи. Мы знаемъ уже, какъ круто поступилъ онъ съ Братскимъ проповѣдникомъ, Зизаніемъ; [176] но это были еще только цвѣты. Въ 1601 г., по настоянію Митрополита, были отняты у Виленскаго Братства его привилегіи и вольности на свободное отправленіе обыденаго богослуженія въ двухъ Братскихъ домахъ, Гом-

шіевскомъ и Яцковскомъ. [177] Скоро Потѣй завладѣлъ и самыми домами, гдѣ были Братскіе Священники, такъ же больницей, школой. Жаловалось Братство на несправедливости и Потѣя, и свѣтскихъ чиновниковъ, [178] но отвѣта не было, и Митрополитъ продолжалъ свое дѣло. Ему много помогало то, что среди самаго Братства были недостойныя лица, въ родѣ Ильи Исаковича, Григорія Ѳедоровича, [179] или же Антонія Грековича, Братскаго Діакона. [180] Подобныя личности уничтожали нравственную силу и внутреннюю крѣпость Братства: поддаваясь косвенно суду Митрополита Уніята, [181] или же прямо напрашиваясь на него, они доставляли ему самый лучшій предлогъ вмѣшиваться въ дѣла Братства. Въ 1605 г. Антоній Грековичъ подвергся Братскому суду за предосудительныя связи съ одной монахиней, Екатериною Лычанкой. Недовольный этимъ, онъ поспѣшилъ къ суду Митрополита, у котораго надѣялся найти себѣ защиту, подъ условіемъ, конечно, принятія Уніи. Очень естественно, Митрополитъ видѣлъ въ этомъ какъ бы признаніе своей власти и противною стороною, и потребовалъ къ себѣ на судъ членовъ Братства. Завязалась борьба: Братство протестовало, тѣмъ не менѣе успѣхъ былъ на сторонѣ Митрополита, въ пользу Грековича, и Король, по жалобѣ Потѣя, приказалъ всѣмъ Православнымъ подчиняться Митрополиту и не обращаться къ суду Константинопольскаго Патріарха. [182] Такимъ рѣшеніемъ Короля не могло успокоиться Братство. Тогда же оно отправило на сеймъ новыя требованія, и между прочимъ требовало поставленія Православнаго Митрополита и Епископовъ для всѣхъ Православныхъ Западнорусовъ. [183] Но это былъ такой шагъ, на который ни какъ уже не могли позволить ни Король, ни даже болѣе свободомыслящіе Латиняне. Это значило запереть лелѣянную Унію. Голоса Братства не слушали, и Уніяты продолжали грабить церковныя имущества, отнимать церкви. [184] Много обѣщающее рѣшеніе сейма въ 1607 г. въ пользу Православныхъ [185] не принесло Братству ни чего особеннаго. Оно только до крайности усилило взаимную ненависть, кончившуюся, съ одной стороны, отнятіемъ у Православныхъ каѳедральной Пречистенской церкви, Св. Николая и многихъ другихъ, [186] съ другой тѣмъ, что на Потѣя было сдѣлано открытое нападеніе, и при ударѣ по шеѣ были отрублены два пальца лѣвой руки, которою онъ защищалъ шею. Борьба, очевидно, принимала самые громадные размѣры.

Физически она не могла ужи ити дальше: но ни кто изъ противниковъ не хотѣлъ уступить, обѣ стороны чувствовали въ себѣ достаточно силъ для продолженія начатаго дѣла.

Потѣй не догадывался, какую силу поднималъ онъ противъ себя, вступая въ борьбу съ Братствами. [187] Это были сообщества плотныя, исторически выработанныя, слишкомъ распространенные, съ огромнымъ вліяніемъ посредствомъ своихъ членовъ по всей Западной Русіи, сообщества, утвержденныя Королемъ, слѣдовательно, имѣвшія полное право на существованіе. Простая, обыкновенная, борьба съ ними только усиливала ихъ, очищала, уясняла, задачу. Требовалось избрать другой путь болѣе искусный. До сихъ поръ борьба Потѣя показывала, что онъ оспариваетъ существованіе самаго учрежденія, чему, конечно, не могли сочувствовать даже многіе изъ Латинянъ, такъ какъ были и Латинскія Братства; [188] требовалось, поддерживая самое учрежденіе, ослабить его форму, его высокое назначеніе, цѣли, и только въ этомъ послѣднемъ видѣ указывать истинный образецъ Братствъ. Требовалось, такъ сказать, создать свои Уніятскія Братства, которыя только названіемъ соотвѣтствовали бы Православнымъ, на самомъ же дѣлѣ были бы толпы самыя безсильныя нравственно, съ рабскимъ направленіемъ, рѣшительно не занятыя выгодами Вѣры. Понятное дѣло, что въ такомъ случаѣ, по взгляду всѣхъ единомышленниковъ Потѣя, Православныя Братства являлись чѣмъ-то выродившимся изъ правильнаго учрежденія, и какъ такія, теряли свои права, должны были уступить ихъ Уніятскимъ, какъ вполнѣ законнымъ, истиннымъ, Братствамъ. «Устройтесь, говоритъ Митрополитъ Жожовскій (въ концѣ XIII вѣка) Православнымъ ставропигіальнымъ Братствамъ, по образцу главныхъ Уніятскихъ Братствъ: Виленскихъ, Витебскихъ, Новогородскихъ, Минскихъ, Рожанскихъ, Полоцкихъ; пойдите въ наши Епархіи, и вы найдете тамъ овецъ съ золотой волной, которыя поспорятъ съ вашими Братствами и научатъ, какъ нужно повиноваться пастырямъ.» [189] Становясь на такой путь, Потѣй какъ будто освобождалъ себя отъ борьбы съ Братствами; вмѣсто того, онъ возставлялъ противъ нихъ общественное мнѣніе, дѣлалъ эту борьбу безконечною, устроя для нея новое, частное, сообщество.

Намѣренію Потѣя очень много помогали перебѣжчики отъ Православнаго Братства. Изъ нихъ онъ и рѣшился устроить прежде

всего въ Вильнѣ новое Уніятское сообщество, и на него перенести всѣ права и имущества прежняго, Православнаго. Устроителемъ Потѣй избралъ Іосифа Велямина Рутскаго. Рутскій выстроилъ здѣсь домъ и завелъ Уніятское училище. [190] Понятно, какъ должно было посмотрѣть на эту дѣятельность Рутскаго Православное Братство. Безъ дальнѣйшихъ околичностей оно рѣшилось изгнать его, и при томъ торжественно, въ церкви, во время славословія, изгнать съ слѣдующими словами: «Изыди вонъ, еретикъ: не имаши здѣ что творити.» [191] Намѣреніе было открыто, и Латинско-Уніятская сторона, при особенномъ вниманіи Грека Аркудія, помѣшала привести его въ исполненіе. [192] Главные участники дѣла, Архимандритъ Троицкаго монастыря, Сенчило, и Протопопъ, были осуждены на изгнаніе. На мѣсто перваго былъ назначенъ Рутскій, украшенный теперь саномъ Архимандрита. Не было возможности Православному Братству оставаться долѣе въ этомъ своемъ древнемъ пріютѣ. Оно вышло изъ него, и поселилось по другую сторону улицы, при церкви Св. Духа. Сюда теперь стали обращаться Православные члены Братства со всѣми требованіями, приношеніями. Но Потѣй и Рутскій считали уже это незаконнымъ; къ своему Уніятскому Братству они относили всѣ привилегіи, когда либо данныя Троицкому Братству. Была подана жалоба Королю, и онъ своею грамотою, 1609 г., предписалъ Братствамъ: Радецкому, Кушнерскому, Купецкому и Росскому, обращать свои доходы не въ пользу церкви Св. Духа, а въ пользу Троицкой Уніятской, подъ опасеніемъ денежнаго взысканія и тѣлеснаго наказанія. Подобныя предписанія повторялись и потомъ. [193] Не унывало Православное Братство: оно продолжало работать; но упорная борьба не могла не ослаблять его, и оно начинало чувствовать усталость, нравственное разслабленіе. «Толико смирихомся, писало оно въ 1619 г. къ Львовскому Братству, яко заедва тѣнь лѣпоты и величества широковладнаго рода Россійскаго и Благочестія его оста намъ. Толико обаче не наказаны своимъ злымъ пребываемъ, яко видяще и осяжуще уже, видѣти сего не хощемъ, и ко повѣствующимъ намъ о семъ, аки аспидове ушеса затыкаемъ.» [194] Съ теченіемъ времени оно все болѣе и болѣе чувствовало свою одинокость: ряды его начали рѣдѣть. Ни откуда не виднѣлось помощи; вся опора въ настоящемъ—это терпѣніе, упованіе на Бога. [195] Между тѣмъ въ противоположномъ ста-

нѣ, то тамъ, то тамъ, выдвигаются новыя Братства, но уже на совершенно иныхъ началахъ, противныхъ Православію. Еще прежде (въ 1595 г.), когда Іерархи задумали Унію, Король особенною грамотою объявилъ, чтобы всѣ Братства, даже ставропигіальныя, подчинялись вѣдѣнію мѣстныхъ Владыкъ Уніятовъ, надѣясь чрезъ это сообщество лучшихъ людей болѣе всего распространить Унію. [196] Король поручалъ Львовскимъ Бурмистрамъ и Радцамъ употребить всѣ средства склонить Братства на сторону Уніи. Магистратъ съ небывалою вѣжливостію приглашаетъ старшихъ братчиковъ въ Ратушу; каждый Бурмистръ и Радца въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ представляли, что вступленіемъ въ Унію братчики обезпечатъ себя, своему потомству доставятъ покой и счастіе и наравнѣ со всѣми будутъ пользоваться правами свободнаго отправленія торговли и ремеслъ. Молча, съ покорностію, слушали Рускіе соблазнительныя для нихъ рѣчи, кланялись, ни отказывались, ни соглашались, и ушли домой. [197] Правда, удавалось иногда Польскому Правительству достигать своей цѣли и этимъ путемъ; [198] но на первыхъ порахъ подобное явленіе было не возможно, и Король счелъ лучшимъ въ самыя жалованныя грамоты Братствамъ включать условія, чтобы они на вѣчныя времера во всемъ подчинялись Епископамъ, «въ единости съ Церковію Римскою будучимъ.» [199] Такъ, по планамъ Потѣя, подобно тѣнямъ, выдвигались въ Уніятской Церкви смутныя, неопредѣленныя, сообщества, съ темными задачами, съ блѣдными, безличными, очерками.

Много работалъ Потѣй для Уніи, такъ что, по замѣчанію самыхъ Уніятскихъ писателей, его скорѣе нужно бы сдерживать, чѣмъ поощрять въ подобномъ дѣлѣ. [200] Эти огромные хлопоты ослабляли его. Чтобы хотя нѣсколько облегчить себя, онъ избираетъ себѣ помощника, установляетъ, въ 1608 г., новую должность Епархіальнаго Намѣстника, поручаетъ ее своему любимцу, творенію Езуитовъ, [201] простому Іеромонаху Рутскому. «Наша пастырская обязанность, говоритъ Потѣй въ окружной грамотѣ по этому случаю, заботиться о добромъ порядкѣ въ Церкви Божіей, о прославленіи Св. имени, упреждать безчиніе, которое соединялось бы съ соблазномъ и разрывомъ любви Христіанской. Но, по отдаленности мѣста, мы не можемъ лично посѣтить всѣ церкви, подвѣдомственныя нашему смиренію...,по тому поручаемъ

главное намѣстничество надъ всѣмъ духовенствомъ, т. е., Архимандритами, Игуменами, Протопопами, Іеромонахами, Пресвитерами, иноками, инокинями....честному въ Іеромонасѣхъ, отцу Іосифу Велямину Рутскому; ему предоставляемъ полную власть собою замѣнять нашу особу, наблюдать за всѣми непорядками, виновныхъ карать во смиреніи духа, для пользы Церкви, по своему усмотрѣнію....Властію Верховнаго Пастыря, данною намъ отъ Бога, мы приказываемъ Архимандритамъ, Игуменамъ, Протопопамъ, Іеромонахамъ, Пресвитерамъ, инокамъ, инокинямъ нашей Литовской Епархіи слушаться его, какъ бы насъ самихъ, ни въ чемъ не противляться и не выговариваться листами, полученными въ первое время. Всѣ доходы, какимъ бы то ни было образомъ принадлежащіе Свято-Троицкому Виленскому монастырю, должны поступать въ его руки, и онъ обязанъ давать отчетъ приходорасходовъ.» [202]

Мало этого казалось Потѣю. Онъ начиналъ чувствовать усталость даже по обязанности простого Епископа. Ему требовался помощникъ, которой бы, въ его отсутствіе, могъ отправлять все то, что принадлежитъ Епископскому сану, т. е., посвящать Попы, Діаконы, судить ихъ. [203] Кромѣ того, грозно наступала сѣдая старость, силы слабѣли, а для Уніи нужно было работать и работать. Потѣй между тѣмъ стоялъ одинъ. [204] Слѣдовательно, ему необходимо было избрать помощника, который мало того, что раздѣлилъ бы съ Потѣемъ труды его жизни, но и послѣ смерти продолжалъ бы начатое дѣло (cum futura successione). Выборъ, какъ можно догадываться, снова палъ на извѣстнаго уже намъ, Іосифа Рутскаго, Архимандрита съ 1609 г. [205] Его сдѣлалъ Митрополитъ Потѣй своимъ Коадъюторомъ-Епископомъ (въ 1612 г.), посвятилъ его на Галицкую Епископію, [206] не смотря на то, что тамъ былъ Православный Епископъ, Іеремія Тисаровскій. [207] Въ настоящемъ случаѣ Потѣй вполнѣ остался вѣренъ тому обѣщанію (о немъ мы уже говорили), которое далъ еще въ 1601 г. Провинціялу Доминиканскаго Ордена. [208] Новопосвященный «Надворный Епископъ,» Суфраганъ, покорно и съ благодарностію принялъ этотъ важный санъ и клятвенно обязался во всемъ быть повиннымъ отцу Митрополиту и «яко Зверхнему Пастыреви своему выражати подданство до живота.» При томъ «и то обѣщаю, говорится въ присяжномъ листѣ Іосифа Рутскаго, что, будучи на Епископской каѳедрѣ, я не стану созывать соборовъ безъ осо-

бенной воли и распоряженій Его Милости, не буду дѣлать ни чего такого, что принадлежало бы собственно власти Митрополита; отъ него, какъ моего Господина и Верховнаго Пастыря, во всѣхъ дѣлахъ буду ждать приказаній и наставленій, и внимательно буду наблюдать, чтобы своими поступками всѣмъ давать чувствовать надъ собою власть его юрисдикціи: если случится освятить церковь, антиминсы, я обязанъ подписывать именемъ Его Милости; выбирая отъ Священниковъ куничные доходы, на половину долженъ дѣлиться съ Митрополитомъ; если когда ни будь Богъ принесетъ его въ Литовскую Епархію, тогда все, принадлежащее моему Епископскому уряду, я буду отсылать Его Милости, какъ Верховному въ этихъ краяхъ Пастырю, ожидая особенныхъ приказаній, распоряженій. При совершеніи богослуженія и обрядовъ, я не имѣю права употреблять Архіепископскія, Митрополичьи одежды, а только обыкновенныя Епископскія...Если бы я въ чемъ ни будь нарушилъ этотъ мой записъ, въ такомъ случаѣ подвергаюсь запрещенію, клятвѣ и, какъ негодный, долженъ лишиться даже Епископскаго сана.» [209] Въ другомъ присяжномъ листѣ Іосифа Потѣю въ заключеніе сказано: «Аще ли преступлю что едино отъ сихъ всѣхъ, написанныхъ здѣ, да лишенъ буду сана своего безъ всякаго слова.» [210] Видимъ, какъ великолѣпно выполнялъ Митрополитъ заданную Езуитами программу; какъ рѣшительно установлялъ порядокъ, благопріятствующій Уніи и даже такихъ лицъ, какъ Митрополитъ, или Владимірскій Епископъ Прототроній, онъ назначилъ самъ вполнѣ самостоятельно. [211] Для Уніи это было очень важно. Потѣй умеръ (въ 1613 г.), но до конца жизни не могъ примирить двоедушія, тяжелой раздвоенности, положенной въ Римѣ въ основаніе Уніятской Церкви. Съ одной стороны Потѣй сохранилъ, глубокую преданность, послушаніе Верховному «Архіерею Стараго Рима» (говоримъ словами Потѣя), дорожилъ самъ, и заповѣдывалъ другимъ дорожить, миромъ и единеніемъ съ Римскимъ Костеломъ, съ другой онъ строго держался во всемъ преданій Св. Восточныхъ Отцовъ, соблюдалъ обряды Св. Восточной Церкви. [212]

Въ то время, когда Потѣй велъ борьбу съ духовенствомъ и Братвами, Езуиты, взявшіе Унію въ свое непосредственное вѣдѣніе, усильно работали для нея на другой почвѣ: они ухаживали около Дворянъ, увлекали простой народъ. Для этого они упо-

требляли очень дѣйствительныя средства: воспитаніе юношества, порчу Православныхъ Церковно-Богослужебныхъ книгъ, [213] насмѣшки надъ самою Вѣрой. Пользуясь особеннымъ благоволеніемъ Царственныхъ особъ (Стефана Баторія, Сигизмунда III), Езуиты очень скоро успѣли утвердиться въ различныхъ мѣстахъ, пріобрѣли уваженіе разныхъ лицъ. Уже Стефанъ Баторій основалъ для нихъ Колегіумы въ Полоцкѣ (1579 г.), Гроднѣ, Ригѣ (1587 г.), Дерптѣ (1583 г.) и нѣсколько въ Седмиградіи, [214] Сигизмундъ III въ Оршѣ, въ Витебскѣ. [215] Чапскій, Головичи, Древинскіе, Пацы, Радивилы, Левъ Сапѣга, даже Князь Острожскій, благопріятствовали Езуитамъ; послѣдній, впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока не разгадалъ ихъ коварства. [216] Вельможи, увлеченные Езуитами, старались превзойти самихъ Королей въ своей къ нимъ милости. Николай Радивилъ основалъ для нихъ Колегіумъ въ Несвижѣ, Бискупъ Павелъ Волуцкій въ Луцкомъ замкѣ, Станиславъ Пацъ въ Витебскѣ. [217] Другіе, по замѣчанію Лукашевича, просто съ боя брали ихъ себѣ, [218] такъ что не было въ Литовскомъ Княжествѣ уголка, гдѣ бы не встрѣчалась ихъ миссія. Были основаны Колегіумы Езуитскіе около 1610 г. въ Смоленскѣ, Крожахъ, Новогородкѣ, Брестѣ, Пинскѣ....[219] Въ своихъ многочисленныхъ училищахъ (въ Главной ихъ Школѣ къ концу царствованія Баторія было 700 учениковъ, при Сигизмундѣ III простиралось до 10,000), [220] они преподавали науки не только духовныя, но и, такъ называемыя, свободныя. Получаемое тамъ видимо блестящее образованіе привлекало туда всѣхъ, и многіе изъ знатныхъ Православныхъ, хотя сознавали лукавство Езуитовъ, отдавали, однако, имъ дѣтей своихъ, уступая духу времени, при недостаткѣ другихъ училищъ. «Похвально твое намѣреніе, писалъ Князь Курбскій Княгинѣ Черторыйской, что хочешь послать своего сына для наукъ въ Вильну, къ честнымъ Пресвитерамъ Езуитамъ, но я не хочу скрывать отъ тебя, что многіе родители, какъ Княжескаго рода, такъ и Шляхетскаго, а равно и простые граждане, поручали имъ своихъ дѣтей учить свободнымъ наукамъ. Но они, не обучая ихъ этому, едва не всѣхъ, еще не разумныхъ по своему возрасту, отлучили отъ правовѣрія и покрестили въ свое полувѣріе; такъ поступили съ сыновьями князя Крушинскаго и другими.» [221] Дѣйствительно, какъ и замѣчаетъ Князь Курбскій, молодежь Православную они не обращали въ Религію Католическую, а болѣе

старались расположить ее къ Уніи съ Костеломъ Римскимъ [222] и даже обращенныхъ разновѣрцевъ ставили на этотъ загадочный, неопредѣленный, путь. [223] Правда, что вельможные не удерживались на этомъ среднемъ пути и сейчасъ же переходили въ Латинство, къ великой скорби Уніятовъ. [224] Но и въ этихъ послѣднихъ Езуиты старались поддержать вниманіе къ Уніи, и они, вѣрные такимъ наставленіямъ, одинаково благодѣтельствовали, какъ Латинянамъ, такъ и Уніятамъ: тѣмъ и другимъ строили новыя церкви, монастыри, обновляли старыя, дарили богатыми имѣніями. [225] Кромѣ мѣстныхъ школъ Езуиты главнымъ образомъ вѣдали и все заграничное образованіе. Въ Вѣну, Прагу, Брунсбергъ, Оломуцъ многіе спѣшили получать высшее образованіе, не думая встрѣтить здѣсь какое ни будь принужденіе въ дѣлѣ Религіи. Но сколько ни будь сохранившіе еще терпимость въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, за границей Езуиты ни какъ не могли себѣ позволить этого. Михаилъ (Палладій) Роговскій, тайно бѣжавшій изъ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, «желая совершеннаго ученія,» цѣлый годъ провелъ въ Виленскомъ Езуитскомъ училищѣ, и его совѣсть счастливо избѣгла насилія: его не принуждали къ отступничеству. Не то ожидало его въ Оломуцѣ. Здѣсь, при первомъ заявленіи Палладія поступить въ риторическій классъ, Езуиты ворвались въ сокровеннѣйшее святилище его души, потребовали отъ него торжественной присяги на Унію, conditio, sine qua онъ не могъ быть допущенъ въ училище. Съ замираніемъ духа онъ согласился на такую жертву. [226] Подобнымъ образомъ былъ обращенъ Веляминъ Рутскій. [227] Сынъ Князя Острожскаго, Янушъ, отправленъ былъ отцомъ ко двору Нѣмецкаго Императора, Максимиліяна II, для изученія ратнаго дѣла: Езуиты опутали его своими сѣтями и расположили къ Латинской Вѣрѣ, къ Уніи. Щедрыя награды и почести Короля, ласки молодой жены, довершили торжество. Янушъ рѣшительно сдѣлался Папистомъ, и столько усерднымъ къ новому Исповѣданію, сколько прежде былъ преданъ Православію. [228] Онъ началъ строить костелы на Острожскихъ земляхъ и изгонять изъ церквей Православныхъ Священниковъ. [229] Многіе изъ Дворянскихъ Фамилій увлеклись его примѣромъ. Такъ гибли для Православія высокіе Православные роды: XVII вѣкъ дѣлался для нихъ гробомъ, и эта безвозвратная гибель вызывала горючія слезы у сиротѣвшихъ

сыновъ Церкви Восточной. «Гдѣ теперь тотъ неоцѣненный камень, взывалъ уже въ 1610 г., въ своемъ плачѣ Мелетій Смотрицкій отъ лица Православной Церкви, который, вмѣстѣ съ другими брильянтами я носила на моей головѣ, какъ солнце среди звѣздъ? Гдѣ теперь домъ Князей Острожскихъ, который превосходилъ всѣхъ яркимъ блескомъ своей древней Вѣры? Гдѣ и другіе, также неоцѣненные, камни моего вѣнца, славные роды Русскихъ Князей, мои сапфиры и алмазы: Князья Слуцкіе, Заславскіе, Збаражскіе, Вишневецкіе, Сангушки, Черторыйскіе, Пронскіе, Рожинскіе, Соломерецкіе, Головчицкіе, Каширскіе, Масальскіе, Горскіе, Соколинскіе, Лукомскіе, Пузины, и другіе безъ числа? Гдѣ, вмѣстѣ съ ними, и другіе роды древніе, именитые, сильные роды славнаго по всему міру силою и могуществомъ народа Русскаго: Ходкевичи, Глѣбовичи, Кишки, Сапѣги, Дорогостайскіе, Воины, Воловичи, Зиновичи, Пацы, Халецкіе, Тышкевичи, Корсаки, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Бокеи, Мышковскіе, Горки, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Челпенскіе, Калиновскіе, Кирдѣи, Заборовскіе, Мелешки, Боговитины, Павловичи, Сосновскіе, Скумины, Потѣи и другіе?...Вы, злые люди, обнажили меня отъ этой дорогой моей ризы, и теперь насмѣхаетесь надъ немощнымъ тѣломъ, изъ котораго, однако, вы всѣ вышли. Но помните: проклятъ всякъ, открывающій наготу своей матери! Прокляты будете и вы всѣ, насмѣхающіеся надъ моей наготой, радующіеся ей! Настанетъ время, что всѣ вы будете стыдиться своихъ дѣйствій.» [230] Но будущее было темно, а въ настоящемъ все больше и больше дѣлалось отступниковъ отъ Православія.

Къ сожалѣнію, въ самомъ складѣ жизни и понятій Западнорусскихъ Дворянъ были задатки для подобнаго грустнаго явленія. Мы видѣли, какъ сильно работали Дворяне противъ Уніи въ самыхъ первыхъ годахъ ея появленія. Но эта мощь ослаблялась ихъ страшною обособленностію, сословными предразсудками. Очень рано (съ половины XVI вѣка) сложилось у нихъ понятіе, что только одни Дворяне могутъ защищать дѣло Вѣры; отступничество Іерарховъ окончательно утвердило ихъ въ этомъ мнѣніи: съ этѣхъ поръ они принимаютъ Православную Вѣру въ свое непосредственное вѣдѣніе, подъ свою защиту, дѣлаютъ ее главнымъ предметомъ совѣщаній на своихъ областныхъ сеймахъ. [231] На высшія Іерархическія мѣста хотятъ избирать только

Дворянъ, [232] требуютъ даже учрежденія, на счетъ монастырскихъ и Епископскихъ доходовъ, Семинарій, въ которыхъ бы воспитывались только Дворянскія дѣти, для приготовленія къ духовному званію. [233] Такимъ образомъ они рѣшительно выдѣлялись изъ народа, не хотѣли имѣть съ нимъ части, забывая, что онъ-то и есть главный, неизмѣнный, хранитель чистоты Вѣры, что его Братскими Обществами она болѣе всего поддерживается. Но, по своимъ вельможескимъ стремленіямъ, они были слишкомъ далеки признать законною такую дѣятельность Братствъ: Дворяне возмущались ею. [234] Понятное дѣло, что теперь нужно было только осквернить, унижать, осмѣивать то дѣло, за которое стояли Дворяне, и успѣхъ былъ очевиденъ. Езуиты поняли эту слабую сторону высшихъ поборниковъ Православія, и направили въ нее свои стрѣлы. О Братскихъ Священникахъ начали говорить, что имъ дозволено съ чужой женой убѣгать въ монастырь; что нелюбаго Епископа можно отравить, а всякаго человѣка проколоть ножемъ; что въ Братствѣ свѣтскіе имѣютъ право отлучить Священника, коль скоро кому ни будь изъ нихъ онъ не хочетъ благословить брака съ чужою женою; что вообще вся тактика Братствъ, это не бояться Бога, ни во что ставить Короля, не слушать городскаго суда. [235] О Священникахъ распускали слухи, что это большіе невѣжи, не знаютъ даже сколько Таинствъ, что они нерадивы и небрежны; совершая круглый годъ Литургію, они сами, однако жь, никогда не исповѣдываются; исповѣдывающійся у нихъ не получаетъ разрѣшенія, по тому что духовники не знаютъ разрѣшительной молитвы, не знаютъ и Таинства покаянія; если же и разрѣшаютъ кого ни будь (а только что говорилъ сочинитель о незнаніи разрѣшительной молитвы: такъ лжетъ себѣ), то за деньги, по чему и до сихъ поръ, говорили враги Православія, въ не Уніятскомъ богослуженіи сохраняется слѣдующая формула: «Intus quis? Tu quis?—Ego sum.—Quid quaeris!—Ut intrem.—Fers aliquid?—Non.—Esto foris.—Fero.—Quid?—Satis!—Intra!»—Т. е.: Кто тутъ?—Я. —Чего хочешь?—Войти (для исповѣди). —Принесъ что? Нѣтъ.—Поди вонъ!» Если же на послѣдній вопросъ отвѣчаютъ утвердительно, духовникъ говоритъ, что довольно, и принимаетъ на исповѣдь; по этому, продолжали враги, многіе рѣшительно отказываются отъ исповѣди, на томъ основаніи, что имъ нечего дать будущему духовнику. Такое положеніе поддерживалось по-

вымъ: будто у Русскихъ совсѣмъ нѣтъ Священниковъ, а только многіе Діаконы незаконно усвоили себѣ должность и права Священническія, [236] а иные считали достаточнымъ одного происхожденія отъ Священника, чтобы, безъ всякаго рукоположенія, совершать требы по смерти отца. [237] Говорили, что Попы покупаютъ у Поповъ поповство, платятъ за это дорого, и паны, имѣя въ виду доходъ, не обращали вниманія на достоинства, ale na sytą kaletę popowską, тѣмъ болѣе, что отсюда они имѣли особенную прибыль. Кого лучше всего отправить по своимъ дѣламъ?—Попа! Къ кому легче всего придраться безъ всякой вины?—Къ Попу. [238] Упрекали Православныхъ, что они не говорятъ проповѣдей, или же, вмѣсто проповѣдей, разсказываютъ въ церкви басни и другіе критическія поученія. [239] Порицали совершеніе Православными всѣхъ Таинствъ, [240] насмѣхались надъ Русскими узаконеніями и обрядами, [241] говорили, что у Православныхъ едва десятая часть церквей освящена, что никогда не посвящаютъ священническихъ облаченій, церковныхъ сосудовъ, и для этого даже нѣтъ молитвъ. [242] Наглость Езуитовъ простиралась даже до того, что они писали пасквили на разные обычаи и молитвы Западнорусской Церкви, пародіи, выражавшія истины Церкви въ формахъ простонароднаго, грубаго, представленія въ выраженіяхъ кощунственныхъ, даже богохульныхъ. Укажемъ здѣсь на мнимое письмо къ Апостолу Петру, которое будто Русскіе Священники влагали тогда въ руки умершаго (пародія, очевидно, направлена противъ разрѣшительной молитвы). Вотъ оно: «Макарій, Божіей милостію, Архіепископъ Кіевскій, Смоленскій, Новогородскій и проч. Доброму брату и пріятелю нашему, ключарю райскихъ воротъ, Святому Петру. Извѣщаемъ тебя, господинъ, что недавно рабъ Божій, Ярмула Злотовичъ, мѣщанинъ и богатый купецъ Виленскій, преставился отъ нашего свѣта къ вамъ и желаетъ Господу Богу представиться и ему челомъ ударить. Онъ былъ добрый человѣкъ: роскоши не зналъ....Походатайствуй предъ Господомъ Богомъ за пана Ярмулу, чтобы онъ далъ ему райскій ключь, и чтобы этотъ своихъ пріятелей назначилъ привратниками, и по должности былъ ровенъ тебѣ. Вѣдь извѣстно Господу Богу, что ты рыболовъ, а Ярмула былъ богатымъ купцемъ, съ которымъ былъ знакомъ и Гаштольдъ (Виленскій Воевода). Если же ты не сдѣлаешь для Ярмулы по нашему желанію, то знай, что мы вы-

несемъ изъ церквей всѣ твои иконы и не будемъ цѣловать твоихъ костей. А если сдѣлаешь, тогда будемъ благодарить тебя предъ всѣми людьми, Князьями, Панами, Боярами, Великаго Княжества Литовскаго, великолѣпно разукрасимъ твои иконы, и сынъ пана Ярмулы поставитъ тебѣ огромную восковую свѣчу и будетъ бить челомъ. Будь здоровъ, нашъ добрый пріятель, святый милый Петръ! Просимъ тебя, ударь челомъ отъ нашего имени всѣмъ богобоязненнымъ душамъ Царства Небеснаго.» [243] Подобныя сочиненія Езуиты выдавали за произведенія Восточной, въ особенности Южно-Русской, Церкви, выдержки изъ ея богослужебныхъ книгъ и всюду по этому клеймили ее названіями раскольнической, мужицкой, холопской. Списки этихъ пасквилей тысячами ходили по рукамъ, читались въ обществахъ. Сомнѣвавшимся въ подлогѣ указывали на дѣйствительно печальный видъ Западно-Русской Церкви, небрежность и невѣжество духовенства, грубость народа. [244] Не удивительно, что еще до появленія Уніи многіе изъ Дворянъ бѣжали, такъ сказать, изъ Православной Церкви, чтобы хотя этимъ побѣгомъ спасти Шляхетскую честь отъ злыхъ, ядовитыхъ, насмѣшекъ, презрительныхъ укоровъ.

Глубоко задумывался и народъ при этомъ всеобщемъ кругомъ его колебаніи. Онъ свято чтилъ свою мать, Восточную Церковь, благоговѣлъ предъ ея обрядами. Но онъ не могъ не замѣтить «великаго упадка, обнищанія Вѣры и своего Закона;» [245] не могъ не видѣть «великаго разногласія церковныхъ дѣйствій.» [246] Мы увидимъ въ свое время, какъ дѣйствительно повреждена была Западно-Русская Церковь въ своей обрядности, и даже въ догматическомъ отношеніи. Кромѣ Символа Вѣры народъ рѣшительно не имѣлъ ни какого оселка для безконечнаго наплыва различныхъ иноземныхъ нововведеній, не зналъ, на чемъ остановиться при всеобщемъ разногласіи, и начиналъ уже увлекаться общимъ потокомъ. «Всѣ люди, писало Львовское Братство въ 1592 г. къ Патріярху Іереміи, замѣчая Церковное безчиніе, единогласно вопіютъ: «Аще не устроится церковное развращеніе, въ конецъ розыйдемся, во отступленіи Римскаго послушанія и въ покои безмятежно пребудемъ.» [247] По и этотъ случай они допускали только подъ непремѣннымъ условіемъ соблюденія всѣхъ своихъ обрядовъ. [248] Езуиты очень хорошо понимали это, и Православіемъ была обезпечена вся соблюдавшаяся, хотя очень испорченная, пра-

тика Восточной Церкви, такъ что до шестидесятыхъ годовъ XVII вѣка, кромѣ самаго названія, простой народъ ни чѣмъ не могъ отличить Уніи отъ Православія. Это только и могло служить причиною, что въ указанное время былъ самый большой притокъ въ Унію Православныхъ. [249] Дѣйствительно, Уніятская Церковь на первыхъ порахъ, кромѣ самаго внѣшняго подчиненія Папѣ, въ лицѣ только Митрополита, строго (извѣстно объ Іоасафатѣ Кунцевичѣ) держалась прежняго своего строя, была при томъ вполнѣ самостоятельною; теперь сюда начала сильно вкрадываться пышная обрядность Римской Церкви, и, по мѣрѣ того, какъ нищала и искажалась обрядность Православная, Уніятское богослуженіе могло казаться еще торжественнѣе. Езуиты въ этомъ отношеніи были глубокими знатоками человѣческаго сердца, и, зная, что простой народъ болѣе всего увлекается внѣшностію, давали самыя торжественныя религіозныя представленія. [250] Восторгающіе крестные ходы и обряды привлекали огромныя толпы Православнаго народа не только въ Уніятскія церкви, но и въ костелы, на площади, всюду, гдѣ были они отправляемы. Ихъ привлекающая наружная постановка овладѣвала чувствомъ и воображеніемъ, душа свыкалась съ ними. А дома? А въ Православной церкви? Тамъ все начало казаться уже слишкомъ простымъ, прозаичнымъ, какъ бы безжизненнымъ.

Скажемъ болѣе: въ Православной церкви часто не было кому совершить простой требы. Со введеніемъ Уніи, у Православныхъ осталось только два Епископа: Львовскій и Холмскій. О первомъ Потѣй замѣчаетъ, что онъ могъ бы дѣлать себѣ войлоки изъ волосъ постригающихся въ Священство. [251] Хотя это болѣе наглая насмѣшка, во всякомъ случаѣ необходимо признать, что и Балабану и Копыстенскому приходилось очень много рукополагать Священниковъ. Но сихъ двухъ Епископовъ было слишкомъ мало для всей Западной Россіи, по сознанію Православныхъ, и много выходило отсюда злоупотребленій, которыми такъ ловко пользовались враги Православія. [252] По съ 1607 г. не стало и Балабана. Православная Церковь почувствовала еще большее сиротство. Работали одни Братства; но на сколько выдвигалось здѣсь участіе мірянъ въ дѣлахъ Церкви, на столько слабѣло и исчезало участіе и значеніе духовенства, а при этомъ несостоятельность Братствъ давала себе чувствовать очень сильно. Они

могли разсылать пламенныя посланія, издавать прекраснѣйшія книги, но не такъ легко было имъ посылать, куда нужно, Священниковъ, а безъ этого всѣ труды Братствъ для общаго блага могли исчезать очень легко и скоро. Православный вдали отъ Братствъ, положимъ, читалъ, или слушалъ, съ восторгомъ и умиленіемъ все, что они говорили и дѣлали, и болѣе, или менѣе, продолжительное время готовъ былъ положить за Вѣру свою душу; но ему хотѣлось, на примѣръ, побывать въ церкви, исповѣдаться и пріобщиться, а—нѣтъ Православной церкви, ни Священника. У него родилось дитя,—не кому крестить;—у него опасно больной,—не кому пріобщить; умеръ больной,—не кому похоронить и т. д.; а тутъ, передъ окнами, проходитъ въ церковь, или изъ церкви, Уніятскій народъ, въ которомъ онъ видитъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ друзей и даже родныхъ; а тутъ идетъ Уніятскій Священникъ, съ огненною готовностію удовлетворить его религіознымъ нуждамъ. Правда, Братства образовывали прекраснѣйшихъ клириковъ, но, не говоря уже о томъ, что ихъ все же нельзя было приготовить въ достаточномъ количествѣ, самое путешествіе сихъ клириковъ въ отдаленныя земли для посвященія, обыкновенно стоило ихъ образованія, и нерѣдко было гораздо труднѣе, по тому что для такихъ людей существовали тогда особыя заставы и особая охота за ними Латинянъ; [253] коротко сказать, въ Западно-Русской Православной Церкви все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ лицъ духовныхъ, и простая необходимость заставляла Православныхъ, при ихъ огромномъ богатствѣ религіозныхъ чувствъ, любви къ внѣшнему и церковному великолѣпію, обращаться въ Унію, тамъ искать сочувствія и утѣшенія въ радостныя и тяжелыя жизненныя минуты. Такъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе рушилась, по видимому, Православная Церковь, и на ея обломкахъ создалось какъ будто великолѣпное, стройное, зданіе Уніятской Церкви.

III.

Матеріальное и нравственное состояніе Уніятской Церкви; Іерархія Братства; взглядъ о допущеніи въ Унію Латинянъ.

Много усилій употреблено было Уніятами, и особенно чуждыми, своекорыстными, поборниками Уніи, для своихъ цѣлей и,

по видимому, не безъ успѣха. Унія какъ будто вездѣ торжествовала. «Въ большихъ городахъ, скажемъ словами Древинскаго (посланный отъ Земли Волынской на Сеймъ 1620 г.), церкви (Православныя) были, запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ, вмѣсто монаховъ, былъ запертъ скотъ.» [254] Въ Могилевѣ, Оршѣ, Пинскѣ, Вильнѣ, даже Львовѣ, Унія казалась господствующею. На Православныхъ Епископскихъ каѳедрахъ, Владимірской, Витебской, Перемышльской, Луцкой, Холмской, возсѣдали Уніятскіе Епископы. [255] Всѣми лучшими, богатѣйшими, Архимандріями располагали Уніяты. [256] Ихъ возводили на болѣе видныя Іерархическія мѣста; богатства Православныхъ были въ ихъ рукахъ. Не видно было Православныхъ Священниковъ; въ ихъ храмахъ не слышалось богослуженія; тутъ чувствовалось уныніе, мертвенность, просвѣчивалась бѣдность и разграбленіе. Уніятская Церковь все ширилась да ширилась, и уже въ царствованіе Сигизмунда было обращено въ Унію до двухъ милліоновъ Русскихъ—[257] около половины мѣстнаго населенія. [258] Но дѣйствительно ли было такъ блестяще положеніе Уніятской Церкви, какъ можетъ казаться это съ перваго взгляда? Нѣтъ и нѣтъ, должны сказать мы. Это былъ какъ бы пышный гробъ, полный внутри всякаго хищенія и нечистотъ. Все было въ Церкви Уніятской, и не было одного главнаго—достойныхъ, безкорыстныхъ, труженниковъ истины. Мы знаемъ, что коварная ложь (права, данныя въ Римѣ Уніятамъ, торжественное исповѣданіе послѣднихъ), развращенность (Братства), были положены въ основаніе Уніятской Церкви. Уніятскіе Епископы совѣтуютъ вездѣ въ Епархіяхъ и приходахъ по городамъ и деревнямъ объявлять и проповѣдывать объ Уніи, предавать проклятіямъ, заключеннымъ въ буллѣ: «Coena Domini,» тѣхъ, которые распространяютъ расколъ, покровительствуютъ ей и не противодѣйствуютъ елико возможно. Духовники, по примѣру отцовъ Езуитовъ, Доминиканъ, Бернардиновъ, должны вбивать, такъ сказать, кающимся спасительность Уніи. [259] Понятно, что при такомъ направленіи, особенно если присоединимъ къ этому постоянныя внѣшнія гоненія, нападенія, Унія должна была шириться. Но кто же, главнымъ образомъ, дѣлался ея послѣдователемъ?

Много было недостойнаго духовенства въ Западно-Русской Церкви въ концѣ XVI вѣка. Нечего было ему терять съ потерею Православія. На дѣлѣ оно давно уже было неправославно. Между

тѣмъ въ Уніи открывались новыя почести, видныя мѣста: къ чему же медлить? по чему не пользоваться случаемъ? И въ то время, какъ лучшіе Православные духовные или вступаютъ въ смертельный бой съ Уніей, [260] или же, чувствуя слабость своихъ силъ, смиренно отказываются отъ всего, только бы сохранить чистоту совѣсти, [261] на ихъ мѣсто выдвигаются дѣятели одинъ другого недостойнѣе, которыхъ было очень немало. Какой ни будь Варѳоломей Заславскій, безженный Пресвитеръ, отецъ и потомъ убійца своего дитяти, которое приходилось племянникомъ, или племянницей, поручителю въ дѣвствѣ Заславскаго, [262] дѣлается, по принятіи Уніи, Виленскимъ Протопопомъ, Намѣстникомъ Митрополичьимъ. [263] Извѣстный намъ Грековичъ, осужденный Виленскимъ Братствомъ, принялъ Унію, и получилъ Намѣстничество Кіевское. [264] «Общій вашъ порокъ, писалъ Латинянинъ Сапѣга къ Іоасафату Кунцевичу, Полоцкому Уніятскому Епископу, что у васъ нѣтъ порядочныхъ Священниковъ, а больше все слѣпые. Ваши Попы невѣжды влекутъ народъ въ пагубу.» [265] Уже Ипатій Потѣй жаловался, что у него получаются постоянныя жалобы отъ пановъ Сенаторовъ и почтенныхъ лицъ «стану Шляхецкого,» на великое безчиніе духовныхъ. [266] «Скажи мнѣ, спрашивалъ сочинитель «Антиграфи» (въ 1608 г. въ Вильнѣ), у своихъ противниковъ, Уніятовъ, развѣ не открыто находятся между вашею отступническою сектою такіе духовные, которые уже послѣ посвященія, взявши себѣ незаконную жену, и за то лишенные мѣста у Православныхъ, у васъ не только сохраняютъ Священническій санъ, при своемъ Верховномъ Пастырѣ, но получаютъ еще высшія должности..... А что значатъ эти частыя разрѣшенія и благословенія браковъ въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, «za daniem nieskąpego datku?» Или эти постоянные разводы, которыхъ и вы сами не отвергаете? И кто можетъ высчитать эти безчинія, постоянныя плутовства, совершаемыя отступными Попами non re, sed nomine? Они, чтобы только ихъ признавали старшими, позволяютъ каждому совершать, что угодно; и не удивительно, что имѣютъ многочисленныхъ послѣдователей: это самая заманчивая уда, которою недостойные пастыри болѣе всего могутъ удить рыбу въ огромномъ озерѣ Церкви Христовой, и каждый охотно укрывается подъ этотъ дырявый покровъ послушанія, зная, что нѣтъ такого преступленія, котораго бы нельзя было оправдать въ Уніи.» [267]

(Подобныхъ нелестныхъ свидѣтельствъ можно находить безконечное множество). Высшая Іерархія была не лучше. На Епископскія каѳедры поставлялись нерѣдко лица просто воры, мошенники (Епископъ Холмскій Покость), достойные, по замѣчанію современниковъ, висѣличнаго крюка, или же мальчишки юноши, не имѣющіе даже двадцати лѣтъ (Епископъ Луцкій Почаповскій). [268] Все такимъ образомъ нечистое, скверное, что только было въ Православіи, ринулось теперь въ Унію. Разбирать было некогда; требовалось принимать все, только бы составить какую ни будь Уніятскую Церковь: и вся эта грязь всплывала теперь на верхъ, занимала высшія мѣста, украсилась титулами власти. На недостойныхъ лицахъ лежала обязанность распространять Унію. Но чего можно было ждать отъ такихъ дѣятелей? Мы скоро увидимъ.

Лица, сколько ни будь дорожившія истиною Православія, по замѣчанію отъявленныхъ отщепенцевъ (Саковичъ), готовы были на величайшія пожертвованія, только бы они были свободны отъ Уніи. [269] Но нѣтъ, и такими жертвами не удавалось имъ достигать цѣли. «Ты, Попъ, сидишь на моей землѣ, говорилъ часто Православному Священнику панъ Латинянинъ, и получаешь доходы отъ моихъ подданныхъ,» и при такихъ словахъ отправляетъ его въ костелъ для богослуженія вмѣстѣ съ Латинскимъ Ксендзомъ. Напрасно Священникъ обращается къ милосердію пана, говоритъ, что, вѣдь, онъ молится Богу за Его Милость. «Не молитесь за меня Богу, слышался ему отвѣтъ; вашихъ раскольническихъ молитвъ Богъ не слушаетъ; сдѣлайтесь Уніятами, и вамъ будетъ полная свобода, и Попъ,» опасаясь темницы, не желая потерять церкви и прихода, или по другимъ причинамъ, принимаетъ ненавистную Унію. [269] Загляните въ его душу, и вы увидите, съ какими жестокими муками совершилось это превращеніе. «Окаянный, что реку, или камо бѣгу отъ лица Божія, впадый въ сей грѣхъ? (т. е., Унію), говорилъ Палладій Роговскій, принужденный принять Унію въ Оломуцѣ. Ни чего больше сего учинити не могу, токмо въ перси бія съ мытаремъ, тяжко воздыхати и на небо взирати, и съ сокрушеннымъ сердцемъ отпущенія просити и глаголати: «О Боже великій и Царю превѣчный... колико азъ окаянный долженъ былъ тя любити всѣмъ сердцемъ моимъ, всею силою моею, и всею душею моею! Обаче азъ, неразумный и не-

постоянный, не познахъ моего благодѣтеля и Господа, не хотѣхъ тебѣ покориться, но отвратихъ лице мое отъ тебе, во еже ходити по волѣ моей. Разумѣхъ бо, что твоя церковь повелѣла мнѣ творити, ино отъ того что азъ сотворихъ? но превращенная воля моя хотѣла премощи святую волю твою. Сего ради достоинъ быхъ, дабы мя ты оставилъ въ семъ грѣсѣ моемъ, сему быхъ достоинъ; но ты, Господи Боже, иже изліяеши свое благосердіе на все твое созданіе, не остави на мя грѣшнаго изліяти твое благосердіе! аще и согрѣшихъ, обаче твое есмь созданіе и дѣло рукъ твоихъ. Болѣлъ быхъ больше, но силы моей не имѣю; могу убо грѣшити моею силою, но не могу каятися толико, колико долженъ есмь.» [270] Такое тяжелое внутреннее смущеніе даетъ, въ свою очередь, понять, какъ велики были тѣ преграды, которыя поставляли Православію Уніяты, Латиняне, Езуиты. Но чего можно было ожидать Уніи отъ этихъ безпомощныхъ жертвъ? Нѣтъ нужды говорить, что при первомъ удобномъ случаѣ они готовы были разорвать этѣ цѣпи Египетскаго рабства, бѣжать въ благословенную гору Сигоръ, проклясть всѣ мудрованія, чуждыя Православію. [271]

Въ Уніи немало было и простаго народа. Большая часть его загнана была сюда насиліемъ. [272] «Многіе господа Римскаго Исповѣданія, говоритъ неизвѣстный писатель (1683 г.), запрещаютъ своимъ Православнымъ подданнымъ ходить на праздникъ Успенія Божіей Матери въ Кіевопечерскій монастырь и другія святыя мѣста на поклоненіе. Кто нарушалъ это запрещеніе, того панъ приказывалъ заключить въ темницу, сдиралъ съ него, что можно было, приговаривая: «Ходи, холопъ, въ Жировицы, либо Холмъ, гдѣ находится Унія, а не въ Кіевъ, гдѣ царитъ расколъ.» [273] Съ этимъ согласны и Латинскіе писатели. [274] Другая часть приняла Унію при крайнемъ недостаткѣ духовныхъ Православныхъ лицъ, при дѣйствительномъ обнищаніи Церкви Православной, надѣясь въ Уніи удовлетворить обширнымъ запросамъ своего богатаго религіознаго чувства, сохранить все истинно Православное, на сколько она умѣла его изучить, усвоить. Стоило только святотатственно отнестись къ такимъ ожиданіямъ, дерзко затронуть Православное сознаніе, и эта толпа уже поднимала самый неодолимый протестъ. «Преосвященный Господинъ и Пастырь, Отецъ Архіепископъ всего Россійскаго языка, писа-

ли въ 1614 г. Уніятскому Митрополиту Уніяты города Ратна (Волынской Губерніи), покорно просимъ Вашу Милость, чтобы намъ, убогимъ, и грѣшнымъ людямъ, оставлены были всѣ стародавнія и преданныя святыми богоносными Отцами обряды и обычное богослуженіе Св Восточной Церкви, нашей матери, и чтобы намъ и потомкамъ нашимъ они вѣчно оставались непорушимы» (т. е., чтобы былъ оставленъ намъ старый Календарь и всѣ праздники совершались бы по немъ обычной чередой), наши Священники должны отправлять богослуженіе только въ церкви, а не въ костелахъ; относительно крещенія нашихъ дѣтей должны крестить честные наши Священники, а не Ксендзы, не смотря на то, что послѣдніе сильно добиваются этого; относительно Исповѣди Римляне пускай исповѣдуются въ своемъ Костелѣ и насъ не приневоливаютъ къ этому, а мы будемъ исповѣдываться предъ своимъ духовникомъ и принимать божественные дары; кто по своей доброй волѣ пожелалъ бы ити къ Ксендзу на исповѣдь, тотъ воленъ. Что касается Таинствъ костельныхъ и нашей Церкви, мы одинаково признаемъ и вѣримъ. Католиковъ мы давно считаемъ за братьевъ, а не за еретиковъ (что сохрани Богъ!).»[275] Такъ самостоятельно заявляли себя Православные Уніяты (позволимъ себѣ такъ выразиться), которые и въ Уніи хотѣли сохранить всю практику Церкви Восточной, и первые Уніятскіе пастыри очень хорошо понимали силу и значеніе этого протеста: они видѣли, что только подобною уступкою и можетъ существовать Унія. Когда въ 1624 г. Езуиты и Латинское духовенство настаивали у Митрополита Уніятскаго, Велямина Рутскаго, чтобы онъ оставилъ Славянскій языкъ и Греческій обрядъ, отправлялъ бы Латинскую Обѣдню на Соборѣ въ Львовѣ, и склонялъ бы къ этому свое духовенство, Митрополитъ воспротивился, хотя самъ былъ ревностнымъ приверженцемъ Папы: онъ былъ воспитанъ въ Римѣ, названъ Папою Урбаномъ VIII атласомъ Уніи, столбомъ Церкви, Аѳанасіемъ Руси, и до милліона людей, частію насильно, частію убѣжденіемъ, обратилъ въ Унію. «Причиною, заставлявшей его противиться, былъ, безъ сомнѣнія, говоритъ Зубрицкій, страхъ, чтобы Унія не опротивѣла Русскимъ, которые, видя свой языкъ и богослуженіе отринутыми, отстали бы и объ Уніи.» [276] За то лица, переходившія въ Унію съ своего рода цѣльными убѣжденіями, не могли оставаться въ ней,

при ея двусмысленности, дѣлались тотчасъ отъявленными Латинянами, и оттуда уже направляли провигъ Уніятовъ самые злые, чувствительные для нихъ, укоры. [277] «Этимъ моимъ переходомъ въ Римскую Вѣру я отмѣнилъ Унію, говоритъ Саковичъ, въ своемъ сочиненіи (Перспектива. Краковъ, 1642 г.), но смѣю думать, что такимъ путемъ я еще болѣе скрѣпилъ ее, поставивши ноги мои на твердомъ камнѣ Св. Католической Вѣры. Вѣдь я оставилъ только Греческія заблужденія, ереси и суевѣрія, которыхъ Уніятскія власти не стараются искоренять въ своей Церкви. Скажу больше: они преслѣдуютъ тѣхъ, которые думали искоренять ихъ. Увы! я на себѣ испыталъ это, когда, издавая сочиненіе, я указалъ на очевидное великое забужденіе и суевѣріе относительно стараго Календаря, а потомъ совершенія Таинствъ и другихъ обрядностей. За это гнали меня смертельно, и одинъ изъ Уніятскихъ Епископовъ непремѣнно настаивалъ, чтобы я, всенародно въ церкви, съ каѳедры, отказался отъ той истины, которую я высказалъ въ книгѣ относительно Календаря... Теперешніе Владыки только «titulum unionis cum Romana Ecclesia habent,» на самомъ же дѣлѣ во всемъ согласны съ раскольствующими и совершаютъ богослуженіе по ихъ книгамъ, полнымъ заблужденій и суевѣрій... Уже ли жь я не имѣлъ основательной причины оставить эту поверхностную Унію и броситься на торную дорогу въ Царскій, вселенскій Костелъ?»... [278] Подобно вѣтви, оторванной отъ роднаго дерева, Унія жила, такъ сказать, полужизнію, или лучше остаткомъ первоначальной еще жизни, [279] и мы видимъ, какъ сильна была на первыхъ порахъ въ Уніи эта оставшаяся Православная сторона. Но подобные Уніяты (и очевидно, ихъ было очень немало) были Уніятами non re, sed nomine, и отъ нихъ не было, да и впереди не видѣлось, ни какой пользы для той Уніи, которую живописали себѣ Латиняне, Езуиты.

Въ Уніятской Церкви, какъ мы видѣли, появились и Братства, и при томъ въ противодѣйствіе такому сильному оплоту Православія, какъ Православныя Братства. На дѣлѣ, это была самая жалкая, безсильныя, пародія. Поступающій въ Братство (говоримъ объ Уніятскихъ Братствахъ) всею душою, всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ, долженъ былъ клясться предъ Богомъ, Пресвятой Богородицей и всѣми Святыми, предъ старшими и младшими братчиками, что онъ до конца жизни останется однимъ

изъ вѣрныхъ братій и всегда будетъ соблюдать положенный Братскій уставъ. Не даромъ установлена эта присяга. Уже открыто признавалось теперь, что и въ Братствѣ (на него смотрѣли, какъ на обыкновенное сообщество людей), по всеобщей порчѣ человѣческой природы, очень естественно могутъ найтись злые люди, которые не замедлили бы святотатственно отнестись къ Братскому учрежденію и его установленіямъ. Присяга долженствовала служить тутъ какъ бы пробнымъ камнемъ и ручательствомъ за будущее. Но, конечно, ни чего не помогало: злые люди дѣйствительно очень часто попадались въ Братствахъ, и ихъ приказывалось на первый разъ обличать, на второй всенародно исключать изъ Братскаго списка и изъ Братства, въ поученіе другимъ. Братство имѣло четыре главныя сходки въ годъ, на которыхъ разсуждали о предметахъ, касающихся нуждъ своей Церкви, или Братскаго порядка; меньшія сходки могли быть ежемѣсячно. Запрещалось выносить изъ круга Братскаго то, что было говорено. Требовалось, чтобы разсужденія Братскія были назидательны, спасительны. О тѣхъ, которые съ худой стороны отзывались или обо всемъ Братствѣ, или о комъ ни будь изъ его членовъ, слышавшій непремѣнно обязанъ былъ донести объ этомъ Братству, не смотря ни на какія свои дружественныя связи съ тѣмъ лицомъ. Для сохраненія порядка, избирался общимъ голосомъ на одинъ годъ старшій братчикъ и писарь (ключникъ). Они должны были наблюдать за соблюденіемъ Братскаго устава со стороны братій и за хозяйственною частью. Старшій братчикъ оповѣщалъ братчиковъ о времени назначенія сходокъ главныхъ, смотрѣлъ, чтобы въ церкви предъ мѣстными образами, такъ же предъ образомъ Братскаго патрона, было по парѣ большихъ свѣчъ. По прошествіи года, онъ долженъ былъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ предъ Іереемъ и Братствомъ. Если въ продолженіи этого времени онъ успѣлъ заслужить любовь, его могли избрать и на слѣдующій годъ. За проступки его судили судомъ Братскимъ, въ присутствіи духовнаго нарочнаго. Другихъ братій судили старшіе братчики на главныхъ сходкахъ. Братство по преимуществу должно было заботиться объ украшеніи того храма, къ которому оно принадлежало: оно не имѣло своихъ особенныхъ храмовъ, какъ было у Православныхъ, и часто ни сколько не имѣло вліянія на Священника: бывало такъ, что Священникъ, къ

церкви котораго принадлежитъ Братство, и знать не хочетъ Братства; оно, въ свою очередь, платило тѣмъ же Священнику. Братчики по возможности должны были чаще молиться Богу, исповѣдываться, посѣщать церкви, богослуженіе. Въ извѣстное время при богослуженіи, во время всенощнаго бдѣнія на литіи, при чтеніи утренняго Евангелія, Херувимской пѣсни, Достойно, Свят ь, Святъ, Святъ Господь Саваоѳъ и Причастна, братчики стояли съ зажженными свѣчами. Больнаго братчика навѣщали, утѣшали, въ случаѣ бѣдности помогали. Если Священникъ шелъ съ Святыми Дарами къ опасно больномъ братчику, другіе должны были сопутствовать ему съ зажженными свѣчами; въ случаѣ смерти, покойнаго торжественно погребали, при Литургіи поминали его имя, подавали за него милостыню. Братство особенно должно было стараться объ украшеніи въ церкви своего престола, чтобы этимъ оно могло отличаться предъ всѣми; равнымъ образомъ его хоругвь, которую при торжественныхъ ходахъ необходимо было поочередно носить молодымъ братчикамъ, должна была отличаться особенною роскошью, пышностію. Женскимъ Братствамъ вмѣнялось въ особенную обязанность заботиться о пріобрѣтеніи подвижнаго богатаго образа, который на носилкахъ онѣ могли бы носить въ праздничные дни во время торжественныхъ ходовъ, и который бы по своимъ украшеніямъ замѣтно отличался между церковными принадлежностями. [280] Видимъ, что въ Уніи Братства сдѣлались просто благочестивыми, молитвенными сообществами. Сильвестръ Лубенецкій, Епископъ Уніятскій, такъ опредѣляетъ (1700 г.) цѣль Братства: «Дѣло Братства и конецъ сей есть: еже, работающе Господеви, его всегда хваляще, имя Пресвятыя Богородицы, аки защищеніе, славити, благолѣпіе святыни Господнея возлюбити, и о семъ пещися, отъ силы въ силу происходяще, паче инѣхъ добродѣтельми душевными сіяти.» [282] Уніятскія Братства не имѣли той обширной дѣятельности, которую производили Православные, повсюду призывая вѣрныхъ на защиту Вѣры, издавая книги, заводя типографіи, училища, госпитали, приготовляя клириковъ. Конечно, и Уніятскія Братства, при всей своей скромности, могли быть очень полезными къ поддержанію хорошихъ нравовъ, благочестія въ народѣ. Но изъ Братскихъ уставовъ мы видимъ, что они далеко не достигали своей благочестивой цѣли, предавались нерѣдко разврату (особенно, гдѣ вмѣстѣ

было Братство мужское и женское), пьянству, рѣшительно ни чего не дѣлая дома по непонятной лѣни, не хотѣли присутствовать при богослуженіи, даже въ тѣ урочные часы, когда совершалась Братская Литургія, или поминанія. [282] Явленіе грустное: но бывало и хуже. «Есть Братство, говорятъ визитатору извѣстной церкви, но безъ всякаго внутренняго согласія: оно никогда не даетъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ мѣстному пароху, ни въ чемъ не совѣтуется съ нимъ; что хочетъ, то дѣлаетъ: изъ алтаря забираютъ различныя приношенія, основываясь на давнишнемъ приказаніи двора; Священникъ ни чего не знаетъ, само Братство забираетъ церковные доходы, и не извѣстно, куда все это дѣвается. Есть Братство, говорятъ въ другомъ мѣстѣ, но оно не имѣетъ благословенія духовныхъ (Уніятскихъ) властей: устроилось такъ себѣ, само собою, подъ предводительствомъ такого-то покойника. Есть Братство, слышится изъ третьяго мѣста, и я самъ въ числѣ братчиковъ. Для этого мы не имѣемъ, впрочемъ, ни какого права. Знаю, что въ кружкѣ было 260 Польскихъ золотыхъ, но куда дѣвались, не знаю. Мы имѣемъ позволеніе всѣ приношенія изъ боковыхъ алтарей забирать къ себѣ. Священнику не даемъ ни какихъ отчетовъ, не совѣтуемся съ нимъ, не спрашиваемъ о самыхъ потребныхъ нуждахъ церкви, и не принимаемъ его распоряженій: мы сами управляемся. Есть Братство, говоритъ новый свидѣтель, но право, не знаю, имѣетъ ли оно на это духовное позволеніе, или нѣтъ; знаю только, что тамъ пьютъ, кутятъ, потчуютъ другихъ младшихъ братій, особенно, если избираютъ кого ни будь изъ среды себя на старшинство.» [283] Наскучала иногда мѣстному Священнику безпорядочная Братская жизнь, и онъ рѣшался все церковное управленіе поставить въ полную зависимость отъ себя, тогда Братство поднимало отчаянный вопль и спѣшило искать покровительства у какой ни будь госпожи, чаще всего, конечно, у своей помѣщицы. «Мы, старшіе братчики церкви Турской, писали они къ своей помѣщицѣ, подданные Вашей Милости, упадая къ ногамъ вашимъ съ покорнѣйшею просьбою, умоляемъ (zebrzemy) васъ умилосердиться надъ нашимъ бѣднымъ положеніемъ, по тому что, послѣ Бога, кромѣ васъ, ни на кого другого не можемъ надѣяться и ожидать особеннаго покровительства и обороны. Благоволи, по своему милосердію, призрѣть на наши обиды своимъ милостивымъ окомъ, и, какъ наша милостивая Госпожа, у которой съ кровавыми

зами мы молимъ о милосердіи надъ нашею погибелью и обнищаніемъ, подвигнись на защиту нашего убогаго Братскаго собранія. Всѣ, самые малѣйшія почники и принадлежности церкви, устрояются на наши, кровавыми трудами собранные, Братскіе гроши. Всѣ между тѣмъ приношенія въ церковь изъ льна забираются въ домъ Священника, такъ что мы не можемъ воспользоваться этимъ даже на свѣтильню въ свѣчкѣ (na knot do swiecy). Частая перемѣна Викарныхъ и Дьячковъ, которые, напившись, ходятъ по колядѣ и съ славленіемъ, служитъ новымъ источникомъ нашей погибели: они поломали такимъ образомъ четыре креста круцификса, потеряли церковный Братскій бревіарій; изъ церкви исчезло очень много разнаго желѣза, въ чемъ виноватъ уже сакристіянъ (въ родѣ ключаря). Самъ Парохъ не заботится о хвалѣ Божіей и не благопріятствуетъ Братству, и гдѣ только можно было бы намъ воспользоваться нѣсколькими золотыми отъ умирающихъ, ужь непремѣнно напередъ забѣжитъ туда и на себя запишетъ. И если мы осмѣливаемся напомнить ему о рѣшительномъ обнищаніи церкви, онъ начинаетъ сердиться, съ клятвою угрожая при этомъ исключить насъ изъ Братства. Ползаемъ по тому у твоихъ ногъ, милостивѣйшая Госпожа, съ плачевною просьбою, благоволи принять насъ подъ свое покровительство, по тому что если Парохъ захочетъ отмстить намъ, то придется оставить свои дома. Стократно молимъ (żebrzemy) тебя о призрѣніи насъ и милосердіи»....[284] Мы видимъ, какія безправственныя отношенія были между Священникомъ и мѣстнымъ Братствомъ, какое безсиліе чувствовало въ себѣ послѣднее. Это ли тѣ мощныя Православныя Братства, которыя успѣвали отстаивать себя при самыхъ страшныхъ невзгодахъ?[285] Основанныя на началахъ ослабленія нравственности, они сами готовили себѣ погибель, и были окончательно убиты душнымъ Уніятскимъ кругомъ. Можно ли было Уніи ждать чего нибудь хорошаго отъ такого сообщества, для всякаго, думаемъ, очевидно. Такимъ образомъ, въ пользу Уніи могли работать только тѣ лица, большею частію Іерархическія, которыя приняли ее изъ видовъ корыстолюбія, или же убѣгали отъ праведнаго суда Православныхъ. Но эти недостойныя лица, уже по одному своему направленію, не могли принести тутъ ни какой пользы. Напротивъ, и въ Уніи они хотѣли зажить своею прежнею жизнію. Послушаемъ современныхъ свидѣтельствъ.

«Посмотри, говоритъ Евсевій Пименъ (Митрополитъ Петръ Могила) своему противнику, Кассіяну, еще ли мала была фундація славнаго Супрасльскаго монастыря? А теперь, при вашемъ (Уніятскомъ) управленіи, къ чему пришло все это? При Православныхъ тамъ жили при Архимандритѣ сто, по крайности, 80 монаховъ, кромѣ пѣвчихъ; а теперь въ вашемъ владѣніи онъ едва содержитъ нѣсколькихъ; а всего хуже то, что свѣтскій управитель монастыря, вѣдающій всѣ его имѣнія, черезъ своего слугу даетъ монахамъ, что ему угодно, и доходы съ нѣсколькихъ десятковъ деревень обращаетъ въ свою пользу, а Уніяты ни сколько объ этомъ не подумаютъ. А спроси, куда дѣвались эти старинные монастырскіе образа, всѣ въ серебряныхъ, позлащенныхъ, окладахъ, и, по всей вѣроятности, узнаешь, что они обращены на удовлетвореніе частныхъ нуждъ и вмѣсто нихъ поставлены въ церкви полотняныя Италіянскія иконы. Вѣдь, хорошо торгуютъ съ Господомъ Богомъ: вмѣсто золоченаго серебра, ему даютъ окрашенное полотно. Загляни и въ Лаврышовскій монастырь, который съ давнихъ поръ имѣлъ богатую фундацію: гдѣ во времена Православія было нѣсколько десятковъ монаховъ, и ежедневно славилось имя Божіе, тамъ теперь пусто и нѣтъ въ монастырѣ ни одного монаха. Посмотри и на Новогородскій монастырь, къ которому присоединены имѣнія и доходы монастыря Лаврышовскаго, и ты найдешь тамъ четыре, пять, монаховъ, а въ монастырской церкви, которая считается Каѳедральною Митрополитскою, ты увидишь бумажные образа. Зайди и въ Черейскій монастырь, въ которомъ жило при насъ нѣсколько десятковъ монаховъ, а теперь еле, еле, насчитаешь десятокъ. Не премини монастыря Лещъ, узнаешь, что тамъ едва одинъ живетъ монахъ, а иногда и того нѣтъ. Посмотри на монастырь Онуфрійскій и Пустынскій, и увидишь, что тамъ, гдѣ, во времена Православія, жило нѣсколько десятковъ монаховъ, теперь живетъ одинъ пресловутый Корсакъ, тогда какъ эти два монастыря имѣютъ нѣсколько сотъ подданныхъ. Я не говорю уже о другихъ, меньшихъ Литовскихъ, монастыряхъ, которые рѣшительно опустошила ваша Унія. Поди только на Волынь и посмотри, что дѣлается въ старинномъ монастырѣ Жидичинскомъ, сколько тамъ монаховъ, и какое безпорядочное правленіе! Загляни и въ Дорогобужскій монастырь, и найдешь тамъ одного Архимандрита съ келейникомъ;

понятно, какое можетъ быть тутъ богослуженіе, тогда какъ въ наши времена при Архимандритѣ было, по крайней мѣрѣ, 20 монаховъ. А посмотри и на свѣтскія церкви, которы имѣли фундаціи и которыхъ теперь нѣтъ, во что обращены онѣ, доставшись въ ваше вѣдѣніе? Поди въ Вильну и спроси, что теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде красовалась церковь Святой Мученицы Параскевіи, и тебѣ скажутъ, что тамъ корчма и публичный домъ. Поди въ Минскъ и спроси, на какомъ мѣстѣ поставлена Татарская мечеть, и ты тотчасъ узнаешь, что прежде тамъ находилась Христо-Рождественская церковь, въ которой приносилась безкровная жертва въ прославленіе Бога, единого въ Троицѣ, и во спасеніе живыхъ и умершихъ Христіанъ.» [286]

Кромѣ Православныхъ, это безчиніе, эту отвратительную слабость Уніи, видѣли и Латиняне и Езуиты, и ими-то овладѣвало теперь немалое смущеніе. Нужно было работать, распространять Унію, а среди Уніятовъ не было почти ни кого, способнаго для такого дѣла: всѣ они хотѣли наслаждаться только цвѣтами жизни. Вверху, правда, стоялъ Рутскій, вполнѣ надежный человѣкъ; но что, если не станетъ Рутскаго? Кто поддержитъ Унію? И Латиняне начинали уже отчаяваться за свое вѣковое дѣло. Гарасевичъ говоритъ (candide fateor, его слова), что «въ историческихъ документахъ онъ находилъ тяжелое признаніе Латинянъ, что, по смерти Рутскаго, всѣ Русскіе оставятъ Унію.» [287] По этому поводу былъ сокращенъ, такъ сказать, смыслъ постановленія Папы Урбана VIII, ad conservandam pacem, о неперехожденіи Уніятовъ въ Римскую Церковь. [288] По настоянію Нунція, распоряженіе Папы простиралось только на лицъ духовныхъ. При такихъ трепетныхъ опасеніяхъ за Унію, Латиняне рѣшились на послѣднее, крайнее, средство: они задумали передать Уніи часть собственныхъ силъ и ими-то поддерживать ненавистное дѣло Уніи, вести его предначертаннымъ путемъ. Отъ 15 Іюля, 1613 г., въ Римѣ состоялось опредѣленіе, по которому Его Святѣйшество одобрялъ и охотно позволялъ свободный переходъ всѣмъ тѣмъ изъ Латинянъ, которые пожелали бы перейти въ Греческій обрядъ (Унію), въ монашество; не хочетъ только этого перехода въ клиръ свѣтскій, по его грубости (propter ruditatem). [289] Уніи, такимъ образомъ, была приготовлена самая подозрительная, убійственная, опека, тотъ «росолъ» (при избраніи Яна Казиміра, Уніяты, выве-

денные изъ терпѣнія происками противъ нихъ Латинянъ, забывшись, въ присутствіи Пунція, закричали: «A długoż my będziemy w tym rosolel» (разумѣя усиленную опеку Латинянъ), [290] который такъ смертельно надоѣлъ Уніятамъ, и изъ котораго они долго, очень долго, до конца своего существованія, не могли выбраться. Нѣтъ нужды говорить, что даже такія лица, какъ Рутскій, не могли не замѣтить той отравы, какая поднесена была Уніи послѣднимъ распоряженіемъ. Онъ началъ придумывать свои мѣры къ спасенію Уніи, къ сохраненію ея самостоятельности, въ смыслѣ своего предшественника: плодомъ этихъ размышленій было устройство новаго Базиліянскаго Ордена.

IV.

Базиліянскій Орденъ; его задача.

При Рутскомъ уже болѣе, или менѣе, установился какъ увидимъ, тотъ взглядъ, что въ Уніи нѣтъ мѣста участію мірянъ въ дѣлахъ Церкви, что ее должна поддерживать Іерархія. Изъ предыдущаго мы знаемъ отчасти, какова была эта Іерархія. Еще Потѣя возмущала «inaudita ruditas cleri etiam regularis.» [291] Быстро выдвинувши неизвѣстнаго Іосафата Кунцевича, и особенно Рутскаго, сдѣлавши послѣдняго, простаго Іеромонаха, Генеральнымъ Викаріемъ, Потѣй этимъ самымъ уже давалъ знать своему преемнику, какимъ путемъ должно вести Унію, откуда должно начаться устройство собственно Уніятской Церкви. Исправленіе духовнаго сословія, вотъ единственное средство существованія Уніи. [292] Но какъ приняться за такое сложное, не легкое, дѣло? Въ этомъ отношеніи монашество, какъ пользовавшееся особеннымъ вліяніемъ, владѣвшее гораздо большимъ, сравнительно съ свѣтскимъ клиромъ, богатствомъ, и умственнымъ и матеріальнымъ, должно было обратить на себя преимущественное вниманіе. Особенно важно было то, что монашество давало своихъ членовъ на всѣ высшія Іерархическія мѣста. [293] Преобразуя, такимъ образомъ, монашество, Рутскій за разъ какъ будто приготовлялъ достойныхъ дѣятелей на всѣхъ мѣстахъ, которые съ успѣхомъ могли продолжать начатое дѣло. Но и эта задача была нелегка. Нѣтъ нужды говорить, что она вооружала противъ себя большую половину

духовенства—свѣтскій клиръ, который такъ рѣшительно устранялся на задній планъ. Сами монахи, привыкшіе къ разнузданной жизни, не знавшіе ни какихъ монастырскихъ уставовъ, [295] очень естественно, не безъ борьбы могли подчиниться новому порядку, особенно, когда они увидѣли, что ихъ ждетъ участь бѣлаго духовенства, что на ихъ мѣсто выдвигается неизвѣстная, молодая, новая монашеская дружина. Уже Іосафатъ былъ въ одно и то же время и общимъ духовникомъ (и монашествующихъ и послушниковъ) и эксцитаторомъ (въ родѣ надзирателя за нравственностію), и директоромъ въ хорѣ, и канторомъ (главный пѣвчій), и лекторомъ (главный чтецъ) и Священникомъ. [295] Не могло рѣзко не бросаться и то, что простой Іеромонахъ Рутскій получаетъ власть надъ всѣмъ Епархіяльнымъ духовенствомъ, Архимандритами, Игуменами и проч. [296] Подготовлявшуюся мысль осязательно уже далъ чувствовать Рутскій, сдѣлавшись Митрополитомъ. На конгрегаціи Новогородовицкой (Слонимскаго Уѣзда Гродненской Губерніи) онъ прямо объявилъ, что старые монахи—это люди какъ бы отпѣтые, что не въ нихъ сила Ордена; для него требуются люди молодые. [297] Эти послѣдніе, по замѣчанію Рутскаго, уже въ 1624 г. были «in bono numero» и владѣли болѣе чѣмъ двадцатью монастырями. «Они, продолжаетъ Рутскій, не принимаютъ старыхъ монаховъ, привыкшихъ къ вольной жизни (licentiori vitae assuefactos), но ищутъ молодыхъ, которые «tabulae rasae,» и на которыхъ можно писать, что угодно; отъ нихъ можно ожидать болѣе надежнаго и продолжительнаго труда.» [298] Правда, и Потѣй шелъ по такому пути, но, выдвигая молодыхъ людей, онъ все же изъ своихъ хотѣлъ устроить новое сообщество. Рутскій не остановился на такомъ разумномъ началѣ. Какъ блестящій, выглаженный питомецъ Езуитовъ, [299] онъ не находилъ образца совершеннѣе своихъ воспитателей. Желая, съ одной стороны, чтобы отцы босые Кармелиты приняли габитъ (верхнее монашеское Базиліянское платье) Базиліянскій и сдѣлались наставниками Уніятовъ въ духовной жизни и преобразователями Уніи, [300] онъ въ то же время торжественно шлетъ въ Римъ къ Генералу Езуитовъ посланіе за посланіемъ, и проситъ у него, именемъ всей конгрегаціи, для лучшаго успѣха Уніи, назначить Базиліянамъ въ товарищи и помощь отцовъ Езуитовъ, [301] которые должны были присутствовать при каждомъ Уніятскомъ засѣданіи, давать ему направленіе, [302] вос-

питывать молодое поколѣніе въ новомъ духѣ. [303] Потомъ особенною грамотою Рутскій оповѣщаетъ всѣхъ Базиліянъ, что съ этѣхъ поръ Езуиты дѣлаются ихъ собратами, которымъ они должны оказывать всевозможную милость и благосклонность, чтобы они, такимъ образомъ, поняли, что «не именемъ только (слова Рутскаго), а самымъ, дѣломъ Уніяты соединились съ ними.» [304] Разрушалъ Рутскій великое для Уніи дѣло Потѣя. Очень мало знакомый съ тѣмъ «innata pertinacia» (какъ выражался Потѣй) Русскихъ, хотя бы то и въ Уніи, относительно своихъ Православныхъ обрядовъ, которые на дѣлѣ испыталъ Потѣй, Рутскій не задумался отдать Унію въ полное распоряженіе Езуитовъ, не подозрѣвая, что здѣсь она будетъ изуродована, смертельно обезсилена, найдетъ себѣ гробъ. Давая Уніи новыхъ руководителей, онъ обрекалъ ее на вѣковую жестокую борьбу, и внутреннюю и внѣшнюю. Старая монашеская стихія въ Уніи не хотѣла подчиняться новому порядку, и вотъ въ постановленіяхъ Базиліянскихъ конгрегацій мы находимъ постоянныя съ угрозами напоминанія Базиліянамъ не ѣсть мяса, [305] не употреблять много горячихъ напитковъ. [306] По все напрасно: видно, эта сторона была слишкомъ сильна, когда въ 1664 г., не смотря даже на убѣдительныя письма Папъ, [307] пришлось положительно разрѣшить употребленіе мясной пищи въ три дня недѣли. [308] Для предотвращенія пьянства, велѣно было въ монашескихъ столовыхъ давать братіи по два кубка крѣпкаго пива (каждый по вмѣстительности равнялся полуштофу). [309] Еще сильнѣе должна была заявлять себя другая сторона въ Орденѣ Базиліянъ, та, которая въ новыхъ руководителяхъ могла подозрѣвать желаніе истребить въ Уніи все Православное. Она теперь внимательно стала слѣдить за этимъ, и на многихъ конгрегаціяхъ постановляли не измѣнять обрядовъ, требовали, чтобы и проповѣдь произносилась на Русскомъ языкѣ. [310] Такимъ образомъ начальникамъ Ордена, которые были, большею частью теперь изъ Латинянъ и имѣли свои особенныя цѣли, приходилось вести довольно усиленную, напряженную, борьбу съ подчиненными: изъ Базиліянскихъ конгрегацій мы видимъ, что начальники Ордена обставили Базиліянъ самыми искусными шпіонами, наушниками; начальникамъ отдѣльныхъ монастырей то и дѣло приказывается учреждать для непослушныхъ карцеръ. [311] Но на первыхъ порахъ эта неминуемая борьба должна была, такъ ска-

зать, глохнуть, исчезать предъ тою огромною задачей, которою болѣе, или менѣе, былъ занятъ весь Базиліянскій Орденъ: это распространеніе Уніи въ пространственномъ и количественномъ отношеніи. [312]

Уже изъ этого мы можемъ видѣть, что Базиліянскій Орденъ, хотя по своимъ началамъ монашескій, слишкомъ былъ далекъ отъ того, чтобы довольствоваться уединенною, созерцательною, жизнію. «Жизнь уединенная, говорили Базиліяне, въ отдѣльности отъ другихъ, имѣетъ одну цѣль жить для себя (ut suis quisque utilitatibus inserviat). Но это рѣшительно противно закону любви,- продолжаютъ они, закону, который былъ исполненъ Апостоломъ-искавшимъ пользы не своей, но многихъ, чтобы спаслись.» [313] Задавши себѣ извѣстную цѣль, они съ нею хотѣли броситься въ шумную жизнь, овладѣть всѣми ея главными потоками и, въ случаѣ нужды, дать ей свое, задуманное, направленіе. Они помнили, что общая цѣль всѣхъ Христіянъ стремиться къ вѣчной жизни; не забывали и объ особенной, монашеской—по возможности давать собою образецъ Христіянскаго совершенства, возрастать въ мѣру исполненія Христова; [314] по своему учрежденію, Базиліяне усвоивали еще и болѣе частныя, уже чисто дѣловыя, цѣли, которыя въ то же время, по ихъ понятію, были вполнѣ необходимыми, непосредственными, проводниками въ жизнь высшей Христіянской любви. «Первое и главное стараніе наше, говорится въ Базиліянскихъ конституціяхъ, заниматься такими дѣлами, которыя увлекаютъ мысль къ Богу и созерцанію Его дѣлъ; потомъ съ неослабнымъ прилежаніемъ выполнять все то, что относится къ спасенію нашихъ ближнихъ, что предписываетъ намъ ихъ польза, какъ то: учить, проповѣдывать, совершать исповѣди, работать руками и проч.» [315] Обученіе въ духѣ Базиліянскомъ считалось съ ихъ стороны главнымъ разсадникомъ самой Вѣры. «Такъ какъ мы, по мѣрѣ силъ, должны сохранять и распространять оргодоксію (т. е., Унію), говорили Базиліяне, то особенно нужно стараться, чтобы въ нашей конгрегаціи ширилось преподаваніе изящныхъ, свободныхъ, наукъ,» и, въ силу Базиліянскихъ и остановленій, они обязывались, во славу Божію и для общей пользы отечества, тщательно заниматься обученіемъ дѣтей свѣтскихъ лицъ. Это считалось единственнымъ средствомъ (unicus modus) распространенія Ордена.» [316] Всѣ школы по тому, которыя во многихъ мѣстахъ

были открыты для свѣтскихъ юношей, или готовились къ открытію, поставлялись въ зависимость отъ Базиліянъ. [317] Сами Базиліяне, намѣреваясь открывать свои школы, старались дѣлать это въ мѣстахъ болѣе видныхъ, многолюдныхъ, чтобы по возможности привлечь къ себѣ большую толпу, [318] и еще самому Рутскому удалось видѣть великіе успѣхи своего, такъ сказать, произведенія. Въ 1624 г. онъ писалъ въ Римъ, что «Базиліяне содержатъ школы, занимаясь обученіемъ юношества, своими публичными спорами назидаютъ свѣтскихъ Уніятовъ, народу проповѣдуютъ слово Божіе, преподаютъ Таинства и проч. Свѣтскій клиръ, продолжаетъ Рутскій, увлеченный ихъ примѣромъ, при своей простотѣ, слѣдуетъ за своими Епископами, бываетъ на Синодахъ, которые ежегодно отправляются Епископами, принимаетъ посвященіе, беретъ муро.» [319] За такой успѣхъ своихъ дѣйствій Базиліяне много обязаны своему, вполнѣ самостоятельному, внутреннему самоуправленію.

V.

Развитіе управительной стороны въ Базиліянскомъ Орденѣ.

Въ основу Базиліянскаго Ордена были положены начала, Латинскихъ монашескихъ Орденовъ, и особенно Езуитскаго. [320] Здѣсь и тамъ мы встрѣчаемъ одинаковыя названія управительныхъ должностей, одинаковыя, нерѣдко должности, часто самыя правила Базиліянъ дословно сходны съ правилами Езуитскими. [321] Главный начальникъ Базиліянъ, которые почти изъ всѣхъ монастырей въ Литовскомъ Княжествѣ составили одну конгрегацію, извѣстную подъ именемъ Святой Троицы, былъ Генералъ, Протоархимандритъ, или просто Протъ. «Хотя Митрополитъ будетъ высшимъ опекуномъ нашего Ордена, говорится въ Базиліянскихъ конгрегаціяхъ, при всемъ томъ изъ среды себя мы хочемъ имѣть одного, который, безъ всякой другой должности, прямо и непосредственно заботился бы только о благѣ нашего Ордена, осматривалъ монастыри, слѣдилъ за порядкомъ, вникалъ въ доходы, и расходы, вообще старался объ увеличеніи и расширеніи добръ Орденскихъ. Его названіе—Протоархимандритъ. [322] Уже на пер-

вой конгрегаціи постановлено было, чтобы Протоархимандритъ не только не былъ Епархіяльнымъ Епископомъ, но и Надворнымъ (Викаріемъ); не долженъ былъ имѣть свѣтской челяди, кромѣ возницы; при немъ могъ находиться одинъ только изъ братіи для болѣе важныхъ порученій и послушникъ изъ мірянъ, для различныхъ услугъ. Такая скромная обстановка требовалась для того, по замѣчанію Базиліянъ, чтобы какъ старшіе, такъ и младшіе, съ полнымъ довѣріемъ могли обращаться, въ случаѣ нужды, къ Протоархитандриту, какъ своему отцу. [323] Протоархимандритъ могъ быть старшимъ одного изъ монастырей. [324] Для его избранія требовались представители всѣхъ монастырей, входившихъ въ вѣдѣніе Протоархимандрита.

Протоархимандритъ избирался свободными голосами. Послѣ смерти Протоархимандрита, его духовникъ, дѣлавшійся Генеральнымъ Намѣстникомъ и Управителемъ всего Ордена до времени избранія новаго, немедленно давалъ знать объ этомъ Митрополиту, и Митрополитъ оповѣщалъ уже весь Орденъ; онъ назначалъ при этомъ мѣсто и время новой конгрегаціи для избранія новаго Протоархимандрита. Требовалось, чтобы должность Протоархимандрита не оставалась долго незанятою. Митрополитъ, отправляясь на избирательную конгрегацію, долженъ былъ ѣхать, по замѣчанію Базиліянъ, какъ отецъ къ своимъ дѣтямъ, безъ большой свиты, чтобы не быть въ тягость тому монастырю, въ которомъ предполагалась конгрегація. [325] Кромѣ Митрополита, въ избраніи участвовали Старшіе всѣхъ монастырей, подвѣдомственныхъ Протоархимандриту, генеральные совѣтники и выборные отъ монастырей. Послѣдніе отправлялись на конгрегацію тоже по выбору. Коль скоро Старшій монастыря получалъ отъ Митрополита извѣстительное посланіе о смерти Протоархимандрита съ приглашеніемъ на новое избраніе, онъ читалъ его въ собраніи всѣхъ монаховъ. Монастырь принималъ важный, задумчивый, видъ. Каждый изъ монаховъ углублялся въ себя, начиналъ перебирать въ своей памяти прошлую жизнь и взаимныя отношенія своихъ собратій. Молча потомъ писалъ каждый завѣтное имя на особой карточкѣ, и, съ трепетнымъ опасеніемъ за своего избранника, отдавалъ ее въ общее собраніе. Старшій монастыря могъ подавать два голоса. За кѣмъ было больше голосовъ, тотъ назначался выборнымъ отъ монастыря. Число выборныхъ соотвѣтствовало чис-

лу монаховъ въ каждомъ монастырѣ. Гдѣ было 10—20 монаховъ, оттуда высылался одинъ выборный; монастыри съ 30—50 монахами высылали двоихъ выборныхъ. Монастырь, заключавшій 50 и болѣе монаховъ, посылалъ трехъ выборныхъ; число ихъ во всякомъ случаѣ ни какъ не восходило далѣе четырехъ. [326] Ни кто изъ настоятелей, подъ страхомъ наказанія, не смѣлъ отказываться отъ поѣздки на конгрегацію. Собравшіеся такимъ образомъ представители Базиліянскаго Ордена приступали наконецъ къ избранію.

Каждый видѣлъ, какъ важно для Ордена, если на должность Протоархимандрита будетъ избранъ вполнѣ дѣльный, достойный, человѣкъ, глубоко преданный Уніи, выгодамъ Базиліянъ. Но, съ другой стороны, обширная власть Протоархимандрита, огромныя богатства, подлежавшія его вѣдѣнію, могли прельщать очень многихъ: великое открывалось поле заискиваніямъ, происканъ, особенно, если вспомнимъ, сколько было недостойныхъ лицъ въ Базиліянскомъ Орденѣ, которымъ Езуитство могло придать новый, болѣе утонченный, видъ. Чтобы сколько ни будь обезопасить себя, на первой же конгрегаціи Базиліяне постановили, чтобы, предъ избраніемъ Протоархимандрита, каждый изъ выборныхъ, начиная прежде всего отъ Митрополита, давалъ присягу, выбирать на должность Протоархимандрита самаго достойнѣйшаго, по его разумѣнію. [327] Въ первыхъ конгрегаціяхъ не находимъ дословно этой присяги, но послѣдующимъ же видно, что она состояла въ простомъ призываніи имени Божія. Только въ послѣдующихъ конгрегаціяхъ, Жировицкой (1661 г.) и Брестской (1666 г.), мы встрѣчаемъ напоминаніе, чтобы каждый изъ избирателей, бросая въ общую чашу карточку съ написаннымъ именемъ кандидата на Протоархимандритство, произносилъ слѣдующія слова: «Призываю во свидѣтели единого въ Троицѣ Бога, что избираю въ Протоархимандриты того, который, по моему мнѣнію, болѣе всѣхъ достоинъ.» [328] Мы увидимъ, впрочемъ, что это явленіе было вызвано особыми обстоятельствами Ордена. Избраніе Протоархимандрита было обставлено и другими, еще болѣе таинственными, религіозными актами, показывающими, какъ высоко смотрѣли Базиліяне на должность Протоархимандрита. Три послѣдніе дня передъ выборомъ всѣ, прибывшіе на конгрегацію, должны были проводить въ постѣ, молитвѣ, благочестивыхъ со-

бесѣдованіяхъ, взаимныхъ распросахъ каждый о достоинствахъ и качествахъ своего кандидата. Въ день выбора во всѣхъ Базиліянскихъ монастыряхъ совершались моленія съ утра до вечера о благополучномъ совершеніи дѣла. Всѣ прибывшіе на конгрегацію исповѣдывались, причащались, и Митрополитъ, или, за его отсутствіемъ, уполномоченный, торжественно объявлялъ причину собранія, увѣщевалъ по возможности лучше сдѣлать дѣло, во славу Божію и для блага Ордена. За тѣмъ, послѣ краткой молитвы, призвавъ на помощь Св. Духа, приступали къ самому избранію. На полученныхъ отъ Секретаря карточкахъ, каждый избирающій написывалъ имя своего кандидата и бросалъ потомъ въ общую чашу. Митрополитъ могъ подавать два голоса. Отобравъ у всѣхъ показанія, Секретарь долженъ былъ передать чашу Митрополиту. Этотъ съ двумя скрутаторами отходилъ въ сторону, и одинъ изъ нихъ на особомъ листѣ записывалъ имена кандидатовъ: на чьей сторонѣ было больше, тотъ и объявлялся Протоархимандритомъ. Въ случаѣ равенства двухъ сторонъ, голосъ Митрополита давалъ перевѣсъ. Если до начала выбора всѣ единогласно провозглашали кого ни будь Протоархимандритомъ, онъ считался законнымъ. Въ обоихъ случаяхъ противъ совершеннаго выбора ни кто не имѣлъ права возражать, или протестовать, подъ угрозою наказанія. [339] Новоизбранный теперь приводился къ присягѣ. На срединѣ собранія полагалось Евангеліе, или Распятіе, съ двумя зажженными свѣчами; по одной сторонѣ его должны были лежать правила и постановленія Ордена, опредѣляющія права и обязанности Протоархимандрита, по другой сидѣть Митрополитъ въ омофорѣ, мантіи, митрѣ. За тѣмъ одинъ изъ заслуженнѣйшихъ отцовъ приводилъ новоизбраннаго къ Евангелію, давалъ ему въ руки форму присяги, которую онъ читалъ съ колѣнопреклоненіемъ (genuflexus): «Я N N., Іеромонахъ Ордена Святаго Василія Великаго, говорилъ новоизбранный, клянусь Господомъ Богомъ, въ Троицѣ Святой Единымъ, что буду благопріятствовать и останусь вѣренъ Ордену Святаго Отца нашего Василія Великаго, и въ особенности конгрегаціи Святѣйшей и Животворящей Троицы, по мѣрѣ силъ моихъ буду заботиться о возрастаніи ея добра, оставаясь въ то же время въ единеніи съ Св. Римскою Церковью; во всемъ, на основаніи заключенныхъ условій (juxta nexum), буду повиноваться Господину и Отцу моему, свѣтлѣйшему и почтеннѣйшему Митро-

политу Кіевскому, Галицкому и всея Россіи, какъ настоящему, такъ и его преемникамъ; должность Протоархимандрита, на которую соборно избранъ, я постараюсь проходить сообразно съ тѣми правилами, которыя мнѣ будутъ даны теперь и Господиномъ моимъ отцомъ Митрополитомъ и Орденомъ нашей конгрегаціи, въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и Его Святое Евангеліе!» [330] (См. примѣч. 330). Во время чтенія присяги всѣ стояли, сидѣлъ одинъ Митрополитъ. Послѣ присяги новоизбранный долженъ былъ подходить къ Митрополиту за благословеніемъ, цѣловалъ его руки, ноги и лицо, а Митрополитъ обнималъ его. Та же обрядность повторялась и съ другими Епископами, присутствовавшими на конгрегаціи. По окончаніи этихъ обрядовъ, новоизбранный садился на особо приготовленное для него мѣсто подлѣ Епископовъ. Остальные члены конгрегаціи подходили къ нему и цѣловали правую руку, въ знакъ своего повиновенія ему и послушанія. Протоархимандритъ, въ свою очередь, цѣловалъ всѣхъ и обнималъ. На слѣдующій день новоизбранный долженъ былъ принимать церковное посвященіе отъ Митрополита, или, по его порученію, отъ одного изъ присутствовавшихъ на конгрегаціи Епископовъ. Послѣ посвященія, Митрополитъ, или Епископъ, посвящавшій, вручалъ ему Протоархимандричью печать, передавалъ правила Протоархимандричьи, правила общежительныя, и наконецъ правила всѣхъ монастырскихъ должностей; въ заключеніе давалъ ему краткое наставленіе о важности возложенной на него должности, напоминалъ и всѣмъ присутствовавшимъ объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ Протоархимандриту. Тѣмъ и оканчивалась избирательная конгрегація.[331]

Для разсужденій по дѣламъ Ордена, самъ Протоархимандритъ, уже мимо Митрополита, которой, однако жь, или лично предсѣдательствовалъ, или посылалъ отъ себя уполномоченнаго, долженъ былъ каждые четыре года созывать свою, такъ называемую, генеральную конгрегацію. Если требовала необходимость, можно было созывать ее и ежегодно.[332] Въ случаѣ какихъ ни будь препятствій, она откладывалась.[333] За годъ до времени созванія генеральной конгрегаціи, Протоархимандритъ долженъ былъ извѣщать Старшаго того монастыря, въ которомъ назначалось мѣсто собранія, о численности отцовъ, имѣющихъ быть на конгрегаціи, чтобы такимъ образомъ мѣстный Настоятель могъ заготовить въ

достаточномъ количествѣ все, что необходимо было для такихъ почтенныхъ гостей.[314] Собравшіеся отцы, какъ и на избирательной конгрегаціи, совершали соборную, торжественную, обѣдню, исповѣдывались, пріобщались. Во всѣхъ монастырямъ Базиліянской конгрегаціи должны были возноситься въ этотъ день молитвы. Засѣданія открывались молитвою къ Св. Духу и краткою рѣчью Митрополита. Прежде всѣхъ говорилъ Митрополитъ, или его уполномоченный, потомъ Протоархимандритъ, за нимъ Архимандриты, Игумены, Старшіе монастырей съ своими выборными, наконецъ, съ позволенія Митрополита, или Протоархимандрита, остальные отцы, которые явились на конгрегацію. Каждый предлагалъ свои замѣчанія, касавшіяся блага Религіи (Уніи) вообще, и въ частности Базиліянскаго Ордена, особенно его конгрегаціи. Выборные отъ монастырей защищали каждый свои мѣстныя выгоды. Все, что говорилось, записывалось, и на другомъ засѣданіи подвергалось общему обсужденію: на что соглашались всѣ, то дѣлалось обязательнымъ постановленіемъ; относительно чего было разногласіе, то передавалось на особенное разсмотрѣніе Протоархимандрита и четырехъ достойнѣйшихъ отцовъ; рѣшеніе установлялось большинствомъ голосовъ. Если накоплялось очень много такихъ дѣлъ, то Протоархимандритъ составлялъ, такъ сказать, по усмотрѣнію, нѣсколько своихъ совѣтовъ, и поручалъ имъ веденіе частныхъ спорныхъ дѣлъ: сами по себѣ они не могли установлять рѣшенія, но свое послѣднее слово должны были передать высшему совѣту Протоархимандрита съ четырьмя отцами. Рѣшеніе, здѣсь установленное, признавалось окончательнымъ. Все это переписывалось потомъ на бѣло, читалось въ новомъ, общемъ, засѣданіи, и тогда ни кто уже не смѣлъ противорѣчить.[315]

Мы сказали, что все говорившееся на конгрецаціяхъ, записывалось. Для этого былъ Секретарь. Понятно, сколько осторожности требовалось относительно лица, которому довѣрялось такое дѣло. Черезъ его руки проходили всѣ рѣшенія конгрегаціи; онъ зналъ даже то, что тайно говорилось, или предполагалось, между нѣсколькими конгрегаціонными лицами, и что потомъ заявлялось всей конгрегаціи, но уже въ выглаженной формѣ. Нельзя было, слѣдовательно, довѣрять должность Секретаря кому бы то ни было; скажемъ болѣе: требовалось, такъ сказать,

сдѣлать ее постоянною, служебною. И вотъ, на третьей конгрегаціи (1633 г.), Василіяне постановляютъ, чтобы съ этѣхъ поръ постоянно избирался особый Секретарь, котораго должны были научить старшіе отцы относительно его обязанностей, а главное, чтобы ежедневно онъ тщательно записывалъ то, что будетъ говорено и установлено на конгрегаціяхъ. [336] Но и этого было мало. Напрасно отцы конгрегацій, опасаясь, чтобы изъ ихъ собраній ни что не выносилось далѣе порога, чтобы ихъ тайны не передавались лицамъ, не причастнымъ конгрегаціи, установили наказаніе нарушителямъ такого порядка. Виновный на будущее время въ продолженіи десяти лѣтъ лишался права голоса. [337] Совѣщанія конгрегаціонныя очень часто, однако, получали общую извѣстность: тайны дѣлались явными. Самая большая отвѣтственность падала на Секретаря, и его заставляютъ присягать. «Клянусь Господомъ Богомъ, въ Троицѣ Единымъ, говорилъ онъ, вѣрно сохранять всѣ тайны нашего Ордена, точно и подлинно, какъ было на самомъ дѣлѣ, вносить въ Орденскій архивъ акты конгрегацій, ни кому не буду довѣрять, или объявлять, ихъ въ предосужденіе Ордену. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ.» и проч. [338] Скоро подобная присяга потребовалась и отъ всѣхъ, участвующихъ въ конгрегаціи. Они должны были клясться сохранить всѣ тайны, о которыхъ говорилось на генеральныхъ и частныхъ конгреціяхъ, и ни кому не открывать того, что здѣсь дѣлалось, установлялось, предполагалось; такою присягой стали открываться конгрегаціи. [339]

Въ помощь Протоархимандриту назначены были разные чиновники, всѣ, конечно, изъ самихъ же Василіянъ. Самый приближенный былъ Мониторъ или Напоминатель. Онъ, такъ сказать, долженъ былъ напоминать Протоархимандриту, на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, и содѣйствовать потомъ исполненію его распоряженій. По такой высокой своей обязанности, онъ неотлучно, на сколько это было возможно, находился при Протоархимандритѣ, подавалъ ему совѣты, какъ поступить въ томъ, или другомъ, случаѣ, какъ рѣшить то, или другое, дѣло. Онъ помогалъ Протоархимандриту и въ производствѣ дѣлъ: принималъ письма отъ Настоятелей и другихъ частныхъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, представлялъ изъ нихъ выдержки Протоархимандриту, давалъ, по его порученію, отвѣты. Иногда онъ запи-

мался простою перепискою извѣстнаго дѣла для Протоархимандрита. Этотъ чиновникъ, знакомый, очевидно, со всѣми тайнами Ордена, былъ какъ бы въ родѣ домашняго Секретаря. Отъ него требовалась полная преданность пользамъ Ордена, трудолюбіе, ученость, почтенная осанка, степенность въ бесѣдѣ и съ старшими и съ младшими, вѣрность довѣреннымъ тайнамъ. [340] Ловкіе Іезуиты, прикрываясь Базиліянскимъ габитомъ, очень часто попадали на это мѣсто, и тогда всѣ дѣла вершили уже далеко не въ пользу Ордена.

Болѣе должностными помощниками Протоархимандрита были Консульторы или Совѣтники. Въ числѣ четырехъ, они составляли постоянный совѣтъ Протоархимандрита. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ всегда находиться при Протоархимандритѣ и назывался Протоконсульторомъ. Остальные были большею частію Настоятелями монастырей, ближайшихъ къ мѣсту жительства Протоархимандрита. Когда кто изъ нихъ поступалъ на высшую должность Епископа, или Провинціяла, или же умиралъ, то Протоархимандритъ съ тремя остальными избиралъ новаго до времени генеральной конгрегаціи. Послѣдняя могла или подтвердить выборъ, сдѣланный Протоархимандритомъ, или представить своего кандидата. Консульторы избирались на всю жизнь (advitales), и долго отстаивали они это свое право, не смотря на всѣ противъ него покушенія. [341] Безъ ихъ совѣта Протоархимандритъ не долженъ былъ предпринимать ни одного важнаго дѣла. Требовалось, чтобы разъ въ годъ онъ дѣлалъ съ ними свою частную конгрегацію, на которой, въ небольшомъ своемъ кружкѣ, они ясно могли очертивать положеніе всего Ордена, принимали различныя мѣры, составляли проекты, взаимно давали отчетъ, на сколько приводятся въ исполненіе постановленія конгрегацій генеральныхъ, предлагали Протоархимандриту свои совѣты. Если были дѣла, требующія рѣшенія, то послѣднее составлялось по большинству голосовъ. [342] Въ актахъ конгрегацій мы не нашли, какую присягу давали Консульторы, не нашли даже указанія, давали ль они ее собственно при вступленіи въ должность. По всей вѣроятности, она существовала; по крайней мѣрѣ, мы положительно знаемъ это о времени около половины XVIII вѣка. Въ своемъ мѣстѣ мы познакомимся и съ самою формою присяги изъ того времени.

Мало было Протоархимандриту всѣхъ указанныхъ помощни-

ковъ. Уже на второй конгрегаціи отцы замѣтили, что Протоархимандритъ до сихъ поръ (1621 г.) былъ не въ силахъ вынести тѣхъ тяжестей, которыя сопряжены съ внимательною и успѣшною заботливостію о братіи всѣхъ монастырей, особенно по тому, что ему нѣкогда было осматривать монастыри. Чтобы облегчить трудное положеніе, тогда же отцы конгрегаціи порѣшили избрать на четыре года Провинціяла, который ежегодно долженъ былъ лично посѣтить каждый монастырь и вездѣ дать строгія замѣчанія о соблюденіи всѣхъ правилъ и конституцій Ордена. [343] Свои посѣщенія онъ совершалъ по данному ему наказу. Въ монастыряхъ долженъ былъ провѣрять расходы и приходы, собирать съ нихъ контрибуцію, если она постановлялась на какой ни будь конгрегаціи. Представлялъ описаніе, какъ расположено время для занятій по всѣмъ монастырямъ, какую даютъ пищу. Осматривалъ монастырскія библіотеки, возвращалъ въ свое мѣсто церковныя принадлежности, если онѣ изъ одной церкви побраны были въ другую. Наблюдалъ, чтобы были на лицо всѣ монастырскіе чиновники, и если какая должность была незанята, замѣщалъ ее; распоряжался о постройкѣ монастырскихъ темницъ и другихъ зданій, если это было нужно, наблюдалъ за однообразіемъ въ церковныхъ обрядахъ, праздникахъ и обрядносяхъ, такъ же монашескаго Базиліянскаго платья; долженъ былъ смотрѣть, чтобы изъ монаховъ ни кто не проводилъ времени въ праздности, чтобы въ монастырѣ не содержали лицъ постороннихъ. Неуживчивыхъ братій изъ одного мѣста переводилъ въ другое. Профессовъ отправлялъ на науки, имѣлъ сношенія съ братіей, живущей по другимъ землямъ; въ многолюдныхъ, видныхъ, монастыряхъ избиралъ зеляторовъ, лицъ, которыя побуждали, главнымъ образомъ, Старшаго къ справедливости, къ благочестивымъ подвигамъ. [344] Но мы должны сказать, что до Дубенской конгрегаціи (1743) эта должность Провинціяла была самою блѣдною, такъ что около 1675 г. она окончательно стирается. Въ это время Митрополитъ Жоховскій рѣшительно заявилъ, что не слѣдуетъ избирать Провинціяла или Генеральнаго Викарія, какъ онъ назывался со времени Супрасльской конгрегаціи, [345] по тому что для него требуются только лишнія издержки относительно содержанія и пищи; но такъ какъ, съ другой стороны, не слѣдъ было самому Протоархимандриту осматривать монастыри, то послѣдняя дол-

жность, по совѣту Консульторовъ, поручалась кому ни будь изъ нихъ. [346] Дѣйствительно, обязанности Провинціяла, какъ онѣ были опредѣлены на первыхъ конгрегаціяхъ, по сознанію самихъ Базиліянъ, съ одной стороны, входили въ кругъ обязанностей каждаго старшаго монастыря, [347] съ другой, онѣ переплетались съ правами и властію Протоархимандрита, отъ чего послѣдній очень часто совмѣщалъ въ своемъ лицѣ и провинціяльство. [348] Большею частію Провинціяловъ или Викаріевъ имѣли Протоархимандриты изъ Епископовъ: Левъ Кревза, напр., Ивана Дубовича, Рафаилъ Корсакъ Пахомія Войну Оранскаго, Яковъ Суша и Гавріилъ Коленда Пахомія Огилевича. Очень естественно, занимаясь дѣлами по Епархіи, Протоархимандриты-Епископы не имѣли достаточно времени сами лично вникать въ дѣло Ордена, нуждались въ помощникахъ. По когда санъ Епископскій былъ поставленъ рѣшительнымъ препятствіемъ къ занятію должности Протоархимандрита, и на нее стали возводиться простые Іеромонахи, [349] то, понятно, Провинціялъ могъ казаться лишнимъ чиновникомъ. Не имѣя точнаго названія (то Провинціялъ, то Генеральный Визитаторъ, то Генеральный Викарій), не давая полныхъ, опредѣленныхъ, правъ самая непостоянная (Провинціялъ избирался на 4 года, иногда на два, [350] тогда какъ и Консульторы и Протоархимандриты были пожизненны на первыхъ порахъ), сопряженная съ постоянною перемѣною мѣста жительства (требовалось ежегодно посѣтить всѣ монастыри), должность Провинціяла казалась самою смутною, неблагодарною: избираемые на должность Провинціяла съ большими трудностями соглашались принимать ее. [351]

Помощниками Протоархимандриту, по управленію Орденомъ, были такъ же Старшіе всѣхъ монастырей, избираемые имъ, по совѣту съ Консульторами, на 4 года. Въ случаѣ нужды, Протоархимандритъ могъ смѣнять, ихъ до этого времени, назначать другихъ. [352] Старшіе должны были подробнѣйшимъ образомъ извѣщать Протоархимандрита о ходѣ монастырскихъ дѣлъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію. Въ свою очередь, они должны были знать всю подноготную своего монастыря. Ни чего, кажется, не было забыто для такой цѣли. Прежде всего у Старшаго былъ свой совѣтъ, своего рода Консульторы, называвшіеся здѣсь Соборными Отцами, «яко избранные отъ всего Собора» (монастырскаго). Въ большихъ, многолюдныхъ, монастыряхъ ихъ было четыре, въ

меньшихъ два. Если бы случилось, что Соборный Отецъ изъ одного монастыря перемѣщался въ другой, праздное послѣ него мѣсто отдавалось новоизбранному; самъ онъ терялъ прежнее званіе въ новомъ мѣстѣ. Требовалось, чтобы, по крайней мѣрѣ, полчаса въ день Старшій посвящалъ на особое, спеціяльное, такъ сказать, раздумье, касавшееся непосредственно дѣлъ своего монастыря, увеличенія въ немъ славы Божіей, добраго порядка, матеріяльнаго богатства. Послѣдствія своихъ размышленій онъ долженъ былъ записывать въ особо заведенную для этого книжку, и потомъ предлагать на обсужденіе своему Совѣту. Въ книжку записывалось и то, о чемъ говорить, какъ поступать съ каждымъ изъ братій, о чемъ совѣтоваться съ Отцами Соборными, въ чемъ обращаться за совѣтомъ непосредственно къ самому Протоархимандриту; списокъ всей братіи постоянно долженъ былъ находиться предъ очами Старшаго: «бо лацно (легко), такъ то, што каждому зъ братіи есть потребно, на память придетъ.» Разъ въ недѣлю, а непремѣнно разъ въ двѣ недѣли, Старшій долженъ былъ составлять совѣтъ съ Отцами Соборными. Все, что высказывали они, Старшій долженъ былъ выслушивать терпѣливо, съ благодарностію. Если бы они противорѣчили въ чемъ либо другъ другу, и тутъ Старшій не долженъ былъ даже видомъ показывать, что онъ склоняется на одну сторону больше, чѣмъ на другую, чтобы такимъ образомъ Соборные Отцы вполнѣ свободно «повѣдали, што ся кому видитъ.» Все слышанное потомъ онъ записывалъ въ книжку и представлялъ Протоархимандриту. Кромѣ разсужденій по дѣламъ монастырскимъ, Старшій, вмѣстѣ съ Соборными Отцами, поставлялъ различныхъ должностныхъ монастырскихъ лицъ, каждому изъ нихъ давалъ сообразный уставъ, смѣнялъ, въ случаѣ нужды, неспособныхъ, замѣнялъ ихъ болѣе способными. Если извѣстная должность, по обширности занятій, могла казаться неудобоисполнимою для одного лица, ему придавался помощникъ. Слишкомъ немногосложныя должности соединялись въ одну, чтобы, въ противномъ случаѣ, не тратилось по пусту много времени.

У Старшаго былъ своего рода Мониторъ, называвшійся Ревнителемъ, избираемый Протоархимандритомъ изъ числа Соборныхъ Отцовъ. Онъ долженъ былъ напоминать ему, если бы Старшій поступалъ въ чемъ ни будь противно постановленіямъ мона-

шеской жизни, или не право вѣдалъ свой урядъ. Требовалось, чтобы Монитор былъ извѣстенъ всей братіи, которая могла бы обращаться къ нему въ томъ случаѣ, когда Старшій съ кѣмъ нибудь поступалъ бы несправедливо; отъ него, въ свою очередь, требовалось возможное совершенство, разсудительность, степенность, то житейское благоразуміе, которое умѣло бы поддержать въ младшихъ все уваженіе къ старшему, при личныхъ его достоинствахъ (Ревнителя).

Вся братія, по своей обязанности, должна была сама собою, не спрашиваемая Старшаго, открывать ему, какъ собственные недостатки, такъ и недостатки своихъ ближнихъ, «милуючи душу свою и добро закону;» но «поелику много можетъ быть и такихъ, говорится въ «Уставѣ всѣхъ урядовъ,» которые не знаютъ о своихъ болѣзняхъ, или же и знаютъ, но не хотятъ исправлять ихъ по своей слабости, то, чтобы подобныя лица не ускользали отъ наблюденій Старшаго и пользовались, напротивъ, его особеннымъ вниманіемъ, Старшему назначается новый помощникъ изъ лицъ самыхъ ловкихъ. Ему имя—Блюститель.» Самая глубокая тайна должна была покрывать этого чиновника. Только одному Старшему и, сохрани Богъ, ни кому другому, онъ не долженъ быть извѣстенъ. Постоянно замаскированный, онъ съ большою внимательностію долженъ былъ слѣдить за поведеніемъ своихъ собратій въ церкви, въ столовой, по келіямъ, на прогулкахъ, при общихъ занятіяхъ. Дружба, по возможности, тѣсное общеніе съ братіей, служили лучшимъ средствомъ для ознакомленія со всѣми тайными даже намѣреніями братій. Все съ математическою точностію долженъ былъ доносить Старшему Блюститель. Старшій всѣми мѣрами сохранялъ свою тайну, и требовалась особенная осторожность, чтобы какъ ни будь не выдать Блюстителя, не кинуть на него подозрѣнія со стороны братіи. Такая таинственность говоритъ уже за то, какого рода была самая должность.

Старшій по возможности чаще долженъ былъ бесѣдовать съ братіей, по крайней мѣрѣ, въ три мѣсяца разъ ему необходимо было призывать къ себѣ по одиночкѣ каждаго изъ братіи, и стараться по возможности ближе разузнать его. При этомъ Старшій спрашивалъ у призваннаго брата, каково его здоровье, хороша ли у него одежда, пища, каково спитъ; не родилось ли относительно чего сомнѣніе, не испытываетъ ли какихъ ни будь иску-

шеній, не страдаетъ ли какою страстью, или особенно склонностію къ чему ни будь дурному; давній ли подобный недостатокъ, или нѣтъ, какъ обращается съ нимъ, какой дѣлаетъ успѣхъ въ духовныхъ дѣлахъ нищеты, чистоты, послушанія, и имѣетъ ли какое особенное занятіе. Есть ли у него въ кельи уставы или правила, читаетъ ли ихъ, какъ совершаетъ мысленную молитву, читаетъ ли книги духовнаго содержанія, даетъ ли себѣ отчетъ въ своей совѣсти, исповѣдывается ли, и, если занимаетъ какую должность, то удовлетворительно ли ее проходитъ. Дѣло потомъ поворачивалось въ другую сторону, и Настоятель спрашивалъ, не знаетъ ли онъ чего ни будь о другихъ, которые бы не выполняли своихъ обязанностей, какое общеніе имѣютъ братія между собою, при занятіяхъ, какъ держатъ себя въ церкви, въ столовой, какія сношенія съ свѣтскими. У тѣхъ, которые учили въ Новиціятѣ, Старшій спрашивалъ, какой успѣхъ въ наукахъ дѣлаютъ воспитанники, нѣтъ ли между ними одаренныхъ особенною памятью, понятливостью, особенно усердныхъ; «о будущихъ во искусѣ» спрашивалъ, имѣютъ ли рѣшительное намѣреніе и впередъ оставаться до смерти въ Орденѣ, готовы ли на всякую монастырскую услугу въ пекарни, на кухнѣ и проч. Всѣ эти распросы сопровождались большою осторожностію, видимымъ, милостивымъ, отеческимъ вниманіемъ, «жебы добрѣ выразумѣли братья, же не пытается (Старшій), яко судья, ку каранью виновайцы (виновныхъ), але яко отецъ ку наученью и утѣшенью сына,» чтобы такимъ образомъ братія и о себѣ и о другихъ давали «правдивую и щирую справу.» Все слышанное дѣлалось тайною Старшаго; въ свою очередь его наставленія дѣлались нераздѣльнымъ достояніемъ только того, кому онѣ давались. Вопросы предлагались не всѣмъ одинаковые: ихъ обусловливали возрастъ и положеніе каждаго брата.

Думаемъ, что очень нелегко было поймать съ этой стороны опытныхъ Базиліянскихъ отцевъ. При всемъ томъ былъ случай, когда Старшій узнавалъ ихъ проступки «Судъ страшный ожидаетъ Старшаго, говорится въ Уставѣ всѣхъ урядовъ, который брата выступаючаго не караетъ, вѣдаючи о выступку, а не хотячися ему уприкрити» (опротивѣть). Провинившагося онъ долженъ былъ призвать къ себѣ, и на первый разъ «упомнити въ тихости духа, съ указаніемъ любви.» На второй разъ «уже суро-

вей долженъ выразити ему выступокъ его, такъ жебы его позналъ и завстыдился его.» Если и это не подѣйствуетъ, долженъ прибѣгнуть къ исправительному наказанію. Однако и «гое зъ указаніемъ любви, жебы розно было каране законное отъ свѣтскихъ, и кгды ся на кого яко свѣцкій человѣкъ розгнѣваетъ, въ тотъ часъ а ни карати, а ни упоминати, не маетъ, ажъ гнѣвъ перейдетъ.» Исправительныя мѣры были трехъ родовъ: самыя умѣренныя, легкія: «стоячи ясти, отче нашъ змовити, одное потравы не ѣсти,» и т. под. Болѣе строгія: «сѣдячи на подножку ѣсти на земли, цѣловати другимъ ноги, молитися клѣнчачи; въ трапезѣ читати, або устнѣ повѣдати предъ всѣми свою вину, въ ядению на одной потравѣ перестати, въ питью на квасѣ, послуга въ кухнѣ, пекарни и на иншихъ мѣстахъ подлѣйшихъ,» и т. под. Самыя строгія: «на хлѣбѣ и водѣ, вмѣсто обѣда, перестати (оставаться), крыжомъ презъ цѣлый тыдень при каждомъ обѣдѣ лежати, въ отлученю отъ братіи, въ меньшемъ, али бо большемъ воздержанью презъ 10, 20, або 40 дней, быти.» Во всѣхъ трехъ случаяхъ самому Старшему предоставлялось право изобрѣтать другія наказанія сообразныя съ первыми. Если бы кто изъ братіи былъ до того упрямымъ, что и послѣ всѣхъ этихъ наказаній не замѣчалось въ немъ исправленія, такого требовалось посадить въ отдѣльное мѣсто, гдѣ бы ни онъ не имѣлъ ни съ кѣмъ общенія, ни къ нему ни кто не долженъ былъ приходить. Такое средство допускалось не иначе, какъ по совѣту Старшаго съ Соборными Отцами и даже съ Протоархимандритомъ. Старшій, однако жь, постоянно долженъ былъ имѣть въ виду любовь и особенно стараться объ ея распространеніи въ обществѣ подвѣдомственныхъ монаховъ. Чтобы у братіи по возможности меньше оставалось свободнаго времени, каждому назначались извѣстныя занятія, смотря по силамъ и способностямъ. Отпрашивающіеся на прогулки должны или въ назначенное мѣсто, назадъ возвращаться вмѣстѣ, не заходить въ частные дома, не забѣгать къ своимъ пріятелямъ. Въ монастырѣ не могло быть ни вредныхъ книгъ, ни рукописныхъ сочиненій. Еженедѣльно, или въ двѣ недѣли, разъ, Старшій долженъ былъ говорить поученіе братіи; если не могъ самъ, назначалъ отъ себя другое лицо; могъ даже брать для этого изъ другихъ Орденовъ. Поученіе, кромѣ того, должно было читаться въ столовой каждую недѣлю и праздникъ кѣмъ ни будь изъ среды

самихъ братій, и для этого была заведена особая очередь. Вообще проповѣдническая сторона обращала на себя большое вниманіе въ Базиліянскихъ монастыряхъ. Въ каждомъ изъ нихъ была спеціяльная должность проповѣдника.

Проповѣднику вмѣнялось въ особенную обязанность тщательно изучать слово Божіе и Св. Отцовъ. Онъ долженъ былъ имѣть особую книжку съ извѣстными заголовками, подъ которыми записывалось бы все болѣе важное изъ прочитаннаго, о чемъ можно было бы говорить въ проповѣдяхъ для спасенія людей. Отъ провѣдника требовалось очень близкое знакомство со всѣми Воскресными и Праздничными чтеніями изъ Евангелія и Апостола во весь годъ; хорошо, если въ своей книжкѣ онъ имѣлъ отсюда болѣе важныя выдержки съ собственными замѣтками. Такая книжка была нераздѣльною его спутницей, выручила его во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, если гдѣ не было потребныхъ для проповѣдника пособій. Въ ней онъ имѣлъ безконечный запасной матеріялъ, и постоянно готовъ былъ на проповѣдь, а у Базиліянъ это всегда требовалось отъ проповѣдника. Проповѣднику было необходимо знакомство и съ лучшими проповѣдниками, и вообще съ сочиненіями по части гомилетической. Для болѣе удачной декламаціи и жестировки, онъ, среди братіи, дома, или въ церквахъ, очень невидныхъ, дѣлалъ частые проповѣдническіе опыты. Напередъ проповѣдникъ долженъ бымъ обмыслить, о чемъ намѣренъ говорить проповѣдь, и, по крайней мѣрѣ, въ первый годъ своей дѣятельности, каждую проповѣдь долженъ былъ написать прежде отъ слова до слова. Отъ проповѣди требовалось, чтобы своимъ содержаніемъ она возбуждала въ людяхъ покаяніе, желаніе дѣлать добро, удаляться отъ зла, бороться съ міромъ, плотію и діяволомъ, часто молиться Богу, присутствовать при богослуженіи, исповѣдываться, пріобщаться Св. Таинъ, родителей побуждала бы къ хорошему воспитанію своихъ дѣтей, хозяевъ къ Христіянскому устройству домашняго быта, всѣхъ къ послушанію своимъ старшимъ, духовнымъ и свѣтскимъ. Проповѣдникъ долженъ былъ остерегаться говорить о какихъ ни будь выспренныхъ, тонкихъ, матеріяхъ, не способствующихъ «посполитому збудованію.» Вообще, предметъ проповѣди примѣнялся къ слушателямъ, и «найбольшъ» требовалось «догажати простымъ, на вытворные збытъ слова не высажатися, жартами, по-

вѣданемъ новинъ, альбо иншими повѣстьми не потребными, не забавлятись, такъ же тежъ старатись о тое, жебы не мылилъ (проповѣдникъ) въ пріймованю мѣстцъ письма святаго, отцевъ святыхъ, альбо иншихъ авторовъ, которые бы на помочь себѣ хотѣлъ приводить; въ строфованю зась жебы былъ осторожнымъ, жебы персонъ особливымъ способемъ не тыкало; а кгды кого хвалити придетъ, жебы было скромнѣ, поважнѣ и безъ похлѣбства.» Проповѣднику не позволялось говорить больше часу. Высокія нравственныя качества составляли необходимое условіе хорошаго проповѣдника. Своимъ дѣломъ онъ долженъ былъ стараться о пріобрѣтеніи не столько собственной славы, сколько вѣрныхъ душъ Богу, и если бы дѣло шло успѣшно и ему слышались похвалы, проповѣдникъ, по возможности, долженъ былъ избѣгать ихъ и скромнѣе думать о себѣ. Хорошо, если жизнь его проходила въ постоянныхъ духовныхъ упражненіяхъ, такъ чтобы своими поступками законными, «животомъ своимъ прикладнымъ, большъ научалъ, нежели словомъ.» Въ послѣднемъ отношеніи ему помогалъ Духовникъ, «Споведникъ.»

Уже на первой Базиліянской конгрегаціи (1617 г.) было разсужденіе, что бываютъ извѣстные случаи (грѣховные), въ которыхъ не отъ всякаго Духовника можно получить разрѣшеніе; что хорошо бы списать эти случаи и поручить ихъ вѣдать одному особенному лицу. [353] Вторая конгрегація (1621 г.), исполняя какъ бы желаніе первой, постановила, чтобы для всѣхъ былъ одинъ и тотъ же Духовникъ, и у него, а не у кого другого, должна была исповѣдываться вся братія монастыря. [354] Отъ Духовника требовалось близкое знакомство съ постановленіями Ордена, ревность къ преуспѣянію и увеличенію его добра, жизнь степенная, примѣрная, вообще такая постановка, «жебы былъ милованъ, яко бы вси до него утекали безпечнѣ, яко до отца, ему щирѣ самихъ себе отвирали, маючи надѣю, же отъ него утѣху и помоцъ духовную отнесутъ.» Онъ обязывался каждаго изъ братіи наставлять на правый путь служенія Богу, возбуждать къ этому постоянное, неослабное, стремленіе, указывать различныя духовныя занятія для большаго единенія съ Богомъ. Въ бесѣдахъ съ братіей онъ распрашивалъ, какимъ способомъ кто молится Богу, какъ испытываетъ свою совѣсть, наблюдаютъ ли за своими недостатками, противодѣйствуютъ ли имъ, какъ успѣва-

ютъ въ добродѣтеляхъ, предписываемыхъ постановленіями Ордена, бываютъ ли послушны, исполняютъ ли назначенныя епитеміи и службы. Наставлялъ братію съ глубокимъ благоговѣніемъ и сыновнимъ страхомъ приступать къ Святымъ Тайнамъ, внимательно предъ этимъ и послѣ прочитавши молитвы. Долженъ былъ утѣшать сокрушенныхъ сердцемъ; лѣнивымъ назначалъ наказанія, сообразуясь съ душевною болѣзнію каждаго; заставлялъ, на пр., часто причащаться, на молитву употреблять больше часа, читать извѣстныя духовныя книги, установляющія аскетическое направленіе. Въ этомъ отношеніи Духовникъ долженъ былъ самъ очень хорошо изучать произведенія духовнаго содержанія и, соотвѣтственно потребности каждаго брата, выбиралъ и назначалъ для прочтенія то, или другое, мѣсто, или же цѣлую книгу.

Хозяйственная часть монастыря находилась въ распоряженіи особыхъ чиновниковъ: рядъ ихъ открывалъ собою Экономъ. Онъ вѣдалъ всѣ доходы и расходы монастыря. Прежде всего заботился о содержаніи для братіи и закупалъ различныя вещи, потребныя для монастыря, смотрѣлъ потомъ за ихъ цѣлостью, храненіемъ. Въ своихъ покупкахъ Екóномъ по возможности долженъ былъ примѣняться къ тому времени, когда извѣстную вещь можно купить подешевле. Онъ имѣлъ у себя особую книжку для записыванья, когда получаются тѣ, или другіе, монастырскіе доходы, особую для того, чтобы записывать наемъ домовъ у монастыря, время, цѣну, лицъ, которые нанимаютъ, еще особую, въ которую записывалъ свои расходы; милостыню, собираемую на монастырь, записывалъ особо. Четыре раза въ годъ онъ давалъ отчетъ по своей части Старшему монастыря; если дѣлалось въ монастырь значительное приношеніе, Экономъ тотчасъ давалъ знать Старшему, и приношеніе пряталось въ особенный сундукъ подъ двумя замками, одинъ ключъ оставался у Старшаго, другой у Економa. Вмѣстѣ съ монастырскими деньгами, Экономъ сохранялъ и деньги, приносимыя вновь принятыми въ монастырь. Экономъ наблюдалъ за всѣми строеніями, принадлежащими монастырю; если что требовало починки, или можно было продать, онъ доносилъ Старшему. Если бы Старшій дѣлалъ ему какія нибудь порученія относительно найма домовъ, земли, заключенія условій, и тому под., а самъ онъ понималъ дѣло нѣсколько иначе, то онъ былъ вправѣ «скромне здане свое повѣдати, и при-

чины, для чего ся ему такъ видитъ.» У Економа хранились всѣ привилейныя грамоты монастырю, различныя фундушевыя записи. Для храненія требовалось хорошее, безпечное, мѣсто, со шкафомъ съ двумя замками, и ключи отъ нихъ хранились, одинъ у Старшаго, другой у Економа. У себя, въ особой книгѣ, Економъ имѣлъ изъ нихъ выдержки, чтобы, не трогая подлинниковъ, въ случаѣ нужды, по нимъ можно было наводить справки. Въ новой книгѣ должны быть вписаны самыя главныя привилегіи, если не слово въ слово, то съ полнымъ, однако, выраженіемъ «самой рѣчи» (сути), такъ же «и иные справы на осѣдлости, которыя мѣти будетъ монастырь, и то для того, жебы Икономъ, маючи ихъ завше въ келіи своей и часто читаючи ихъ, мѣлъ досконалыную вѣдомость о всѣхъ справахъ монастырскихъ.» Економъ вѣдалъ и всѣ тяжебныя дѣла, касавшіяся монастыря. Онъ доносилъ Старшему, и тотъ, или самъ вступалъ въ переговоры съ противною стороной и заключалъ мировую, или передавалъ дѣла въ Судъ. Тогда за его ходомъ требовалось большое вниманіе со стороны Економа, и если дѣло было слишкомъ сложное, трудное, назначались особенные Прокураторы, и они уже принимали его въ полное свое вѣдѣніе.

Економъ работалъ для монастыря, такъ сказать, внѣ монастыря, и по тому, по своей дѣятельности, онъ стоитъ слишкомъ особо, уединенно. Гораздо ближе къ монастырскому хозяйству, уже готовому, стояли другія лица: Келаръ, Вестіярій, привратникъ, трапезный, поваръ. Этѣ должности, довольно низкія на нашъ взглядъ, далеко не были такими въ Базиліянскихъ монастыряхъ: онѣ отправлялись самими, нерѣдко почтенными, монахами-клириками, по большею частію монахами-лаиками. Всѣ они были болѣе, или менѣе, образованы, и каждый имѣлъ свой уставъ, свои правила. Ближайшее надъ ними наблюденіе принадлежало Намѣстнику, Викарію Старшаго.

Въ отсутствіи изъ монастыря Старшаго, или въ случаѣ его болѣзни, Намѣстникъ распоряжался во всемъ монастырѣ. Впрочемъ, онъ не могъ вводить ни какихъ новыхъ перемѣнъ, не спросясь Старшаго, и только, въ случаѣ крайней нужды, дѣлалъ это, по совѣту съ отцами соборными: требовалось, впрочемъ, чтобы и тутъ не было ни чего, противнаго волѣ Старшаго. Намѣстникъ долженъ былъ хорошо знать не только правила общія, но и тѣ,

которыя касаются Старшаго. Въ обычное время онъ помогалъ Старшему: по его порученію, обходилъ иногда братскія кельи и, наблюдая, какой порядокъ въ нихъ, какъ успѣваетъ братія въ послушаніи, молитвахъ, наукахъ, добродѣтеляхъ, предписываемыхъ Орденомъ, исповѣдуются ли и пріобщаются въ свое время, не разговариваютъ ли, не прохаживаются ли не въ свое время, занимаются ли назначеннымъ дѣломъ; но главный его надзоръ относился къ хозяйственной части. Старшему онъ припоминалъ, что нужно купить, для содержанія братіи, относительно пищи и одежды, чѣмъ запастись на лѣто, или на зиму; навѣдывался о матеріяльныхъ нуждахъ братіи; по совѣту съ Старшимъ, удовлетворялъ имъ, записывая такой расходъ въ особою книжку; досматривалъ за кухней, «жебы добрѣ есть роблено,» за трапезой, кладовой, пивницей и другими мѣстами. Особенно, «жебы домъ былъ чистый, жебы въ свое часы неомыльне метено, и вездѣ было все то, что въ очахъ людскихъ охендожно есть.» Въ трапезѣ «у першаго столу пильновать маетъ, абы зъ кухни порадне потрава выходила, и яко бы братія служащая добрѣ свой урядъ отправовала, и скромность законная между братіей захована была.» Наблюдалъ, чтобы каждый изъ монастырскихъ урядниковъ имѣлъ свои правила, и старался бы «досыть учинить имъ;» ночью осматривалъ, заперты ли всѣ монастырскія ворота и двери.

Келаръ былъ главнымъ помощникомъ Намѣстника, и ежедневно долженъ былъ «зношатися съ нимъ.» Онъ заботился о правильномъ расходѣ всего, что заготовлено было въ кладовой. Завѣдывалъ монастырскою челядью, не только въ томъ отношеніи, чтобы она усердно работала, но чтобы и внимательна была къ богослуженію; слѣдилъ за братіей, чтобы тщательно занимались порученными работами, и если бы замѣчалъ какое небреженіе, доносилъ Намѣстнику. Заботился о сохраненіи остатковъ отъ братскаго стола, и дѣлалъ потомъ изъ нихъ правильное употребленіе, или на домашнія потребности, или на вспоможеніе нищимъ при церкви. Если извѣстный запасъ приближался къ концу, онъ докладывалъ о необходимости новой закупки. Наблюдалъ за чистотою кладовой и всѣхъ ея принадлежностей, особенно пивныхъ боченковъ, и напоминалъ Старшему о заблаговременномъ приготовленіи пива, а «жебы молодое пиво не пилось.» Ни кому изъ отцовъ и братій, безъ особеннаго позволе-

нія Старшаго, не долженъ былъ давать ни ѣсть, ни пить, особенно послѣ обѣда и повечерія, и если бы какой братъ дѣлалъ ему за то угрозы, «былъ особенно тяжкій,» о такомъ доносилъ Старшему. Послѣ повечерія всѣ ключи отдавалъ Старшему, у себя не позволялось оставлять.

Вѣдѣнію Вестіярія подлежало все платье и бѣлье отцовъ Базиліянъ. Для всего этого у него были особыя вѣшалки, шкафы, сундуки. Онъ долженъ былъ имѣть особенный списокъ вещей, хранить ихъ въ чистотѣ, пересматривать, поправлять, что требовало починки, и о негодномъ доносить Старшему, исключать изъ списка, что выходило изъ употребленія, и вписывать новоприобрѣтенныя вещи. По указанію Вестіярія дѣлались закупки лѣтняго, или зимняго, платья для отцовъ. Съ наступленіемъ лѣта у нихъ отбиралось зимнее платье и давалось лѣтнее; то же повторялось, когда оканчивалась зима и наступало лѣто; только по благословенію Старшаго можно было оставить отцу для употребленія, на примѣръ, на зиму извѣстное лѣтнее платье. Вестіярій, не дожидаясь заявленій со стороны братіи, самъ присматривался къ ней, не нуждается ли кто въ обуви, платьѣ, бѣльѣ и, по совѣту съ Старшимъ, спѣшилъ удовлетворить потребности. Разъ въ недѣлю онъ отдавалъ въ стирку бѣлье братское; каждую Субботу вечеромъ давалась братіи новая перемѣна чистаго бѣлья; утромъ въ Воскресенье отбиралось черное.

Вратарь или привратникъ имѣлъ большое, нравственное значеніе въ монастырѣ: «онъ бо всѣмъ образъ носитъ на себѣ всѣхъ сущихъ въ монастырѣ,» по чему требовалось, чтобы при обращеніи съ нимъ, «каждый збудовалъ духовнѣ, такъ зъ словъ, яко и съ поступковъ его.» Вратарь распоряжался всѣми воротами и калиткой монастыря и постоянно находился у послѣдней, внѣ которой ни какъ нельзя было ни проникнуть въ самое зданіе монастыря, ни выйти оттуда. На особой доскѣ онъ имѣлъ записанными всѣхъ братій, и коль скоро кто выходилъ куда, выходившій долженъ былъ поставить противъ себя извѣстную мѣтку; если бы не сдѣлалъ этого кто ни будь изъ отцовъ, вратарь отмѣчалъ выходившаго, чтобы знать, кто дома, кого нѣтъ. Онъ впрочемъ, ни кого не долженъ былъ выпускать, безъ разрѣшенія Старшаго, а отпуская, освѣдомлялся о мѣстѣ, куда идетъ кто либо изъ братіи, чтобы, въ случаѣ требованія, его можно было

отыскать. Если бы Вратарю понадобилось куда выйти, онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ оставить «форты» (калитки), не оставивши на свое мѣсто, по совѣту съ Старшимъ, кого ни будь надежнаго изъ среды отцовъ. Наблюдалъ у форты за чистотою, не позволялъ здѣсь громко говорить; коль скоро слышался ему звонокъ, онъ долженъ былъ бросать все, спѣшить къ дверямъ форты и черезъ окошко переговорить съ подавшимъ знакъ. Тутъ Вратарь спрашивалъ: «Кто пришелъ, за чѣмъ, къ кому?» Если не было особенной нужды, объясненія этимъ и оканчивались: приходившій уходилъ; если требовалъ кого изъ братіи, Вратарь обращался къ Старшему за разрѣшеніемъ и, только получивъ разрѣшеніе, звалъ требуемаго. Если въ монастырь пріѣзжало значительное лицо, Вратарь принималъ его у форты, оставлялъ съ нимъ кого ни будь изъ отцовъ, а самъ поспѣшалъ къ Старшему увѣдомить о прибытіи великаго гостя, просилъ его сойти къ фортѣ, для достойнаго пріема высокаго посѣтителя. Ни какихъ писемъ и посланцовъ ни къ братіямъ, ни отъ братіи, не долженъ былъ пропускать Вратарь мимо вѣдѣнія Старшаго. Если кто приходилъ изъ братіи другого монастыря, Вратарь принималъ его, но не пускалъ внутрь монастыря, въ братскія кельи, не увѣдомивъ напередъ Старшаго. Женщинѣ рѣшительно запрещался входъ въ монастырь; дозволялось только «за выразнымъ позволенемъ отца Митрополиты.» Вратарь наблюдалъ, чтобы всѣ монастырскія ворота запирались и отпирались въ свое время, первое по Повечеріи, послѣднее передъ началомъ Утрени. Запертые, они отпирались только съ разрѣшенія Старшаго, къ которому относилъ Вратарь всѣ ключи. Онъ докладывалъ Старшему, кто изъ братіи не возвратился изъ вечерней прогулки, или если кто изъ отлучившихся съ вѣдома Старшаго не возвращался къ назначенному времени, особенно богослуженію.

Трапезарь долженъ былъ заботиться о чистотѣ столовой, два раза въ недѣлю, по Средамъ и Субботамъ, выметалъ ее, отиралъ столы, стулья, стѣны, чистилъ ножи, вилки, и вообще всѣ столовые приборы, имѣлъ списокъ всѣхъ вещей, скрѣпленный подписью Старшаго; если что изъ нихъ дѣлалось негоднымъ къ употребленію, доносилъ Старшему, докладывалъ, въ случаѣ нужды, о покупкѣ новыхъ вещей, особенно, если требовались приборы серебряные, смотрѣлъ за ихъ цѣлостію; если что ни будь

пропадало, или повреждалось кѣмъ либо изъ братіи, доносилъ Старшему, требовалъ удовлетворительнаго восполненія. Зимою заботился о благовременной топкѣ печей, по столамъ разставлялъ свѣчи по одной на малыхъ, и по двѣ на большихъ; для чтеца ставилась особая свѣча. Въ свое время звонилъ къ обѣду, справившись предварительно въ стряпной, все ли готово. Во время обѣда наблюдалъ за порядкомъ, и если кто изъ братіи нарушалъ молчаніе, или Орденское приличіе, или не являлся къ столу, доносилъ Старшему. У него освѣдомлялся Трапезарь, кто изъ братіи имѣлъ разрѣшеніе обѣдать послѣ, не за общимъ столомъ, кому позволялось это въ келіи, и, въ свою очередь, дѣлалъ распоряженіе повару, сколько мисокъ онъ долженъ былъ приготовить къ общему столу, сколько оставить, сколько отослать по кельямъ. По окончаніи обѣда, оставшееся отъ стола оставлялъ у себя; не позволялось ни чего давать, ни человѣку постороннему, ни кому изъ братіи, развѣ по особенному разрѣшенію Старшаго. Онъ напоминалъ Старшему дѣлать новое еженедѣльно росписаніе, кому изъ братіи на будущую недѣлю услуживать въ столовой, кому читать. Это росписаніе поставлялось въ Субботу на извѣстномъ уже мѣстѣ, чтобы каждый, кому слѣдуетъ, принялъ къ свѣдѣнію; потомъ Трапезный наблюдалъ за его исполненіемъ и доносилъ Старшему о непослушныхъ. Ни кого изъ лицъ постороннихъ не долженъ былъ пускать въ трапезу, развѣ съ разрѣшенія Старшаго. Подъ роспись отдавалъ въ стирку все столовое бѣлье, и потомъ принималъ. Кромѣ столовой, въ вѣдѣніи Трапезаря находилась умывальная; послѣ Вечерни онъ долженъ былъ выливать оттуда всю воду и наливать свѣжей въ такомъ количествѣ, чтобы ея стало для братіи на весь слѣдующій день, завѣдывалъ утиральниками, просушалъ ихъ, перемѣнялъ, отдавалъ въ стирку. Если одному казалось труднымъ управиться со всѣмъ, Трапезарь могъ просить помощника.

Поваръ, работая въ поварнѣ для братіи, постоянно долженъ былъ помнить, что трудится съ Маѳою для самаго Христа: отъ него требовалось въ своемъ урядѣ такое поведеніе, чтобы имъ могли назидаться и свѣтскіе его помощники. Поваръ заботился о чистотѣ поварни и всѣхъ поварскихъ принадлежностей; наблюдалъ за ихъ сохранностію, цѣлостію; если что повреждалось, доносилъ Старшему; съ особеннымъ вниманіемъ готовилъ пищу

и чинно долженъ былъ подавать ее, «меновите, гды рыбы выдавалъ на приставочкѣ, жебысь руками не тыкалъ, але жебы особое начине (сосуды) на то мѣлъ.» У него была роспись блюдамъ на недѣлю; «а яко много на миски накладати, докладатися въ томъ маетъ Старшаго.» Въ свое время долженъ былъ приставлять къ огню кушанье, чтобы всегда оно поспѣвало ко времени, назначенному монастырскимъ уставомъ и обычаемъ, «бо иначей вси забавы (занятія) монастырскіе для тое причины помѣшаются.» Ни самъ, не готовилъ, ни другому не позволялъ готовить, кому бы то ни было особой пищи, кромѣ общей братской; исключеніе дѣлалось для больныхъ, по указанію Носокома (присматривающаго за больными). Повару вмѣнялось въ обязанность, по возможности, меньше употреблять дровъ, принимая во вниманіе «убузство монастырское,» и по тому требовалось готовить пищу только въ такомъ количествѣ, какая была необходима по числу братіи! Остатки отъ стола возвращались въ поварню, поступали въ вѣдѣніе повара и онъ, по совѣту съ Старшимъ, употреблялъ ихъ или на домашніе расходы, или раздавалъ лицамъ постороннимъ.

Для больныхъ при каждомъ монастырѣ было особое мѣсто, которымъ завѣдывалъ Носокомъ. Онъ смотрѣлъ за чистотою келій больныхъ, ихъ постели, и приспособлялъ «иншые рѣчи (вещи), которыми бы ся хорые веселити могли.» Коль скоро онъ узнавалъ о болѣзни брата, доносилъ Старшему и спрашивалъ у него совѣта на счетъ призыва Врача. Онъ долженъ былъ находиться при всякомъ посѣщеніи больныхъ Лѣкаремъ, и для этого каждый разъ извѣщался звонкомъ. Отъ Лѣкаря принималъ распоряженія относительно пищи больныхъ, времени и способа принятія лѣкарствъ, и тщательно наблюдалъ за хорошимъ приготовленіемъ первой, неопустительно выполнялъ послѣднее. Требовалось, чтобы, для лучшей памяти, онъ вносилъ въ свою книжку всѣ замѣчанія Лѣкаря, день и часъ начала болѣзни, ея усиленія и ослабленія. Это полезно было и Врачу, и особенно Старшему. Носокомъ старался доставлять больнымъ духовное утѣшеніе и, по совѣту съ Старшимъ, призывалъ къ больнымъ для этой цѣли другихъ братій. Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ требовалась большая осторожность, чтобы, вмѣсто услуги, не дѣлать больному большихъ непріятностей. Если у брата болѣзнь была заразительная, онъ полагался въ отдѣльное мѣсто временно, не позволялось обращать на об-

щее употребленіе различныхъ вещей, которыми пользовался онъ. Объ опасно больныхъ Посокомъ доносилъ Старшему, «жебы хорый всѣ сакраменты принялъ, поки есть при разумѣ;» если не представлялось большой опасности, требовалось формальное говѣнье, и только въ осьмой день слѣдовало пріобщеніе Святыхъ Таинъ. Этотъ срокъ могъ сокращать Старшій. Если болѣзнь развивалась до послѣдней степени, и не оставалось больше ни какой надежды на выздоровленіе, Старшій, извѣщенный объ этомъ Посокомъ, поручалъ опасно больного усернымъ молитвамъ всѣхъ братій; вниманіе всѣхъ увеличивалось къ нему по мѣрѣ того, «тымъ пильнѣй, ижбы его ближшымъ смерти видѣти;» всѣ казались въ это время его покорнѣйшими слугами, но, къ сожалѣнію, кромѣ смертельныхъ вздоховъ изъ груди больного не слышалось уже ни какихъ желаній.

Отъ каждаго изъ указанныхъ нами урядниковъ требовалось, чтобы они по возможности посѣщали богослуженіе, читали молитвы дома, занимались чтеніемъ духовныхъ книгъ. Мы видѣли, что братія, особенно по назначенію духовника, должна была читать, или цѣлыя книги, или только выдержки изъ нихъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ при монастыряхъ долженъ былъ находиться порядочное количество книгъ. Дѣйствительно, каждый почти монастырь имѣлъ свои огромныя библіотеки; было особое лицо, завѣдующее ими. Книгохранитель наблюдалъ за чистотою библіотеки, два раза въ мѣсяцъ очищалъ пыль съ книгъ и шкафовъ; въ хорошую погоду отпиралъ окна, для просушки, особенно если замѣчалась сырость. Заботился о переплетѣ книгъ; дописывалъ, если что было вырвано. Библіотекарь долженъ былъ имѣть у себя реестръ всѣмъ книгамъ, записывать ихъ требовалось отдѣльно духовныя отъ свѣтскихъ; этого мало: раздѣленіе шло дальше: былъ особый отдѣлъ Греческихъ книгъ, особый Латинскихъ; особо записывались книги отеческія, особо другія учительныя; между свѣтскими особо философскія, особо ораторскія. На шкафахъ, въ которыхъ лежали книги, въ извѣстномъ порядкѣ была надпись отдѣла; на корешкѣ книги выставлялось заглавіе книги съ именемъ сочинителя. Кромѣ списка книгъ, Книгохранитель имѣлъ у себя списокъ отцовъ и братіи: въ немъ онъ каждый разъ отмѣчалъ, кто какую бралъ книгу. Если кто изъ отцовъ переходилъ въ другой монастырь, по этой записи дол-

женъ былъ возвратить всѣ взятыя книги. При концѣ года, для повѣрки, Библіотекарь требовалъ у всей братіи возврата книгъ; необходимо нужное можно было оставить только «водлугъ здания (мнѣнія) Старшаго.» Если видѣлъ, что кто либо изъ братіи небрежно обращается съ книгами, бросаетъ, куда попало, доносилъ Старшему, для напоминанія. Ни кому, внѣ монастыря, не позволялось давать книгъ, развѣ «зъ великое потребы, за особеннымъ позволеніемъ самого Старшого, и то назначить певный (извѣстный) часъ и короткій до отданя.» Къ назначенному сроку Библіотекарь отбиралъ книгу. Требовалось постоянно запирать книгохранилище; къ нему дѣлалось два ключа: одинъ былъ у Старшаго, другой у Библіотекаря. Въ самую библіотеку допускались для занятій отцы только вполнѣ надежные, которые имѣли на то позволеніе отъ Старшаго; во время занятій въ библіотекѣ они запирались. Книгъ запрещенныхъ, еретическихъ, не позволялось читать ни кому, «ажъ съ позволенія найвысшого Іерарха въ Русской Земли, або кому отъ Вселенскаго Архіерея позволено будетъ.» Требовалось имѣть списокъ книгъ, запрещенныхъ Соборами, и прятать ихъ по возможности дальше.

Если изъ монастыря мы зайдемъ въ церковь, здѣсь встрѣтимъ новыхъ урядниковъ. Первое мѣсто занимаетъ Екклесіархъ. Онъ наблюдалъ за порядкомъ и чистотою въ церкви, приготовлялъ къ богослуженію необходимыя одежды. У него было списано все церковное имущество; онъ хранилъ его, по возможности оберегалъ. Докладывалъ Старшему, если что становилось негоднымъ, дѣлалъ представленіе о покупкѣ новыхъ, понадобившихся, вещей, вносилъ въ свой списокъ вновь пріобрѣтенное для церкви. Болѣе плохія одежды назначалъ для ежедневнаго употребленія, самыя богатыя оставлялъ къ великимъ праздникамъ. Бывало исключеніе по какимъ ни будь важнымъ причинамъ, и то «вѣдомостью и позволеніемъ Старшаго.» Наблюдалъ, чтобы на престолахъ «все было найчистѣй, саваны порадные и на верху обрусы, альбо тувальны бѣлые, которые часто до праня давать и отмѣнять потреба,» часто давалъ мыть илитонъ, утиральники, стихари и вообще всѣ полотняныя церковныя вещи. Требовалось, чтобы было всегда «свѣжое мѣро (муро) великое» и въ хорошемъ сохраненіи, чтобы Св. мощи указывались другимъ, если спросятъ, съ должнымъ, почтительнымъ, вниманіемъ и благоговѣні-

емъ. Св. запасные Дары должны были служить предметомъ особенной заботливости Екклесіярха; въ случаѣ нужды, ихъ можно было отмѣнять. Заботился о перемѣнѣ обветшавшихъ антиминсовъ на новые: первые сожигались, и оставшійся порошокъ прятался въ чистомъ мѣстѣ. Каждую Субботу, предъ началомъ Вечерни, въ томъ мѣстѣ, гдѣ одѣваются Священники, Екклесіярхъ выставлялъ росписаніе на цѣлую недѣлю, кому изъ отцовъ, въ который день, служить, кому раннюю, кому позднюю Обѣдню; тоже касательно Діяконовъ. Требовалось, чтобы по Воскресеньямъ и праздникамъ при Священникѣ непремѣнно служилъ Діяконъ, тѣмъ болѣе при Соборномъ служеніи. Если Старшій поручалъ кому изъ братіи совершить особенную Службу, то и объ этомъ прибивалась записка въ указанномъ же мѣстѣ. Ни кому изъ постороннихъ Священниковъ не позволялось совершать какое либо богослуженіе: исключеніе дѣлалось для наемныхъ. Екклесіярхъ наблюдалъ за служащими, «чинять ли досыть своимъ повинностямъ и тымъ уставамъ, которые Священникомъ суть описаны, головы если маютъ заросłые, и то, што належить до благочинія церковнаго.» Наблюдалъ, всѣ ли изъ братіи причащаются по общему уставу въ свое время; о нерадивыхъ доносилъ Старшему. Готовящихся къ посвященію въ санъ Іерейскій Екклесіярхъ обучалъ самъ или чрезъ помощника, назначеннаго Старшимъ, обрядамъ церковнымъ, «жебы всѣ служили одинаково не только въ церемоніяхъ главныхъ, але и въ каждомъ словку службы Божоѣ;» припоминалъ Старшему назначать проповѣдниковъ, и наблюдалъ, чтобы проповѣдь не продолжалась болѣе часу. Заботился, чтобы въ обители было столько духовниковъ (для лицъ постороннихъ), сколько требуютъ обстоятельства; не могли принимать на исповѣдь отцы, не назначенные Старшимъ. Запрещалось исповѣдывать ночью, «а если бы съ потребы ся трафило, жебы свѣчи были.» Всѣ церковные деньги хранились въ особомъ сундукѣ подъ двумя замками; ключи отъ нихъ одинъ былъ у Старшаго, другой у Екклесіярха. Если кто умиралъ изъ братіи, онъ заботился о приличномъ погребеніи, «абы по чину своему каждый убраный былъ,» и предъ тѣмъ, «нижъ погребеніе будетъ, жебы при тѣлѣ чтеніе, або пѣніе, звыклое отправовалось, такъ же жебы за душу его сорокоустъ и панихида отправованы были.» Братіи, не Іереямъ, онъ назначалъ, по совѣту съ Старшимъ, отчитывать извѣст-

ныя молитвы. За всѣми Священниками слѣдилъ, чтобы они совершали различныя церковныя Службы въ томъ порядкѣ и съ тою цѣлью, какъ предписывалось это въ монастырскомъ уставѣ.

Служба совершалась слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ каждаго года отправлялось соборное богослуженіе за утвержденіе и распространеніе Базиліянскаго Ордена. Въ день Св. Василія каждый Священникъ долженъ былъ совершить подобную Службу Этотъ день былъ однимъ изъ замѣчательныхъ для Базиліянскаго Ордена Въ это время Базиліяне какъ будто хотѣли отрѣшиться отъ міра и всѣхъ его прелестей, по возможности стать ближе къ Богу, уподобиться своему покровителю, или, по крайней мѣрѣ, обязать себя къ тому. Съ такою цѣлью они опредѣлили возобновлять ежегодно въ день Св. Василія свои монашескіе обѣты. Настоятель, собравши всю братію въ церковь, говорилъ ей краткое поученіе. По окончаніи его онъ становился на колѣни предъ Св. Дарами, стоявшими на престолѣ, и читалъ про себя форму повторенія обѣтовъ. За тѣмъ онъ садился у образа Св. Василія Великаго, стоявшаго на лѣвой сторонѣ престола, и читалъ ту же форму въ слухъ всей братіи. «Боже всеблагій и великій! Се азъ многогрѣшный N. N., говорилъ каждый изъ братіи, предъ твоимъ величествомъ представляяся, смиренное воздаю ти благодареніе, яко по твоему благоутробію благоволилъ еси призвати мя въ чинъ иноческій, уставами Св Отца нашего Василія Великаго управляемый, въ которомъ яко же единою всего мене въ жертву тебѣ принесохъ и клятвенно обѣщахъ сохранити чистоту, убожество и послушаніе, подъ управленіемъ Протоархимандрита собранія нашего; къ сему же еще ни кихъ же искати достоинствъ, церковныхъ же и монастырскихъ, ни явѣ, ни въ тайнѣ, самъ собою, ни черезъ другого кого: сице днесь вся сія обѣты моя самовольнѣ обновляю и возглавляю. Пріими убо, молю, о премилосердный Боже, сію обновляемую духа моего жертву, и благодатію твоею поспѣши, да яже обѣщахся, вѣрнѣ, самому тебѣ, мнѣ помоществующу, исполнити возмогу. Потщися же и ты, Великій Отче, Св. Василіе, пособствовати молитвами твоими, да сіе мое въ чинѣ твоемъ обѣтовъ обновленіе возставляетъ мя прилежнѣе въ званіи моемъ Богу работати выну, тебѣ же, отцу моему, благоугождати присно. Аминь.» [155] Въ первую Недѣлю послѣ Св. Василія, соборомъ совершали богослуженіе за живыхъ и умершихъ

ктиторовъ (старостъ) и благодѣтелей мѣстнаго монастыря, потомъ каждый Священникъ служилъ особо. Въ началѣ каждаго мѣсяца, чья была седмица, тотъ отправлялъ Литургію за Орденъ, потомъ за ктиторовъ и благодѣтелей. Въ праздники одна Литургія была за Орденъ, другая за ктитора. Еженедѣльно должно было совершать одну, или двѣ, службы за монастырскихъ благодѣтелей. Если Орденъ получалъ извѣстный фундушъ, каждый Священникъ обязывался совершить Службу за душу ктитора жертвователя. По смерти ктитора, за него и за благодѣтелей мѣстнаго монастыря каждый Священникъ служилъ три Литургіи. Если умиралъ кто изъ отцовъ, каждый мѣстный Іеромонахъ совершалъ четыре Службы, кромѣ сорокоуста; по другимъ обителямъ отправлялась только одна. Всѣ Священники были обязаны по возможности чаще молиться «за соединенье Церквей Божіихъ, за размноженье хвалы Божее въ набоженствѣ Ордена, за выкорененя ересій и схизмы, за пріятелей и непріятелей Ордена, за тѣхъ, которые духовне ему услугуютъ.» Еженедѣльно каждый Священникъ обязанъ былъ совершить одну Службу за своего Архіерея, одну за Протоархимандрита, одну за мѣстнаго Старшаго. За правильностію такого порядка службъ церковныхъ наблюдалъ Екклесіярхъ; въ своемъ вѣдѣніи онъ имѣлъ пѣвцовъ и дьячковъ свѣтскихъ, «если якіе будутъ,» говорится въ «Уставѣ всѣхъ урядовъ.» Слѣдовательно, ихъ могло и не быть: и дѣйствительно, мы не находимъ указаній на существованіе въ монастыряхъ пѣвческой и дьяческой должностей, какъ особенныхъ, отдѣльныхъ. Ближайшимъ сотрудникомъ Екклесіярха оставался одинъ Пономарь.

Пономарь во всемъ долженъ быть послушнымъ Екклесіярху и во всемъ «заховать способъ благообразія законного, въ ходѣ, въ мовѣ и въ позрѣню; людемъ пытаючимся о чемъ, або просячимъ чого, нехай старается досыть чинити зъ ихъ збудованьемъ.» Если самъ не могъ дать на что отвѣта, сейчасъ спрашивалъ у Екклесіярха. При настоятельной нуждѣ, могъ говорить даже съ женщиною, «спустивши очи и борзо ся отправити.» Если кто приходилъ на исповѣдь, онъ призывалъ одного изъ Духовниковъ, назначенныхъ Старшимъ. Полученное на молебенъ долженъ былъ отдать Екклесіярху, а тотъ объявлялъ Старшему. Раскладывалъ въ порядкѣ необходимыя для священнослужителей церковныя одежды, смотрѣлъ, чтобы всѣ сосуды церковные были на своемъ

мѣстѣ. При богослуженіи зажигалъ, по крайней мѣрѣ, двѣ свѣчи; заботился, чтобы было чистое, доброе, вино для богослуженія, чистая, свѣжая, вода, хорошія просфоры «съ найлѣпшой пшеницы.» Если просвирня была неисправна, доносилъ Старшему. Наблюдалъ за чистотою въ церкви, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю выметалъ ее, особенно на канунѣ великихъ праздниковъ. Когда церковь была отперта, не долженъ былъ выходить оттуда, не оставивши кого ни будь для присмотра. Смотрѣлъ, хорошо ли затушены свѣчи, запиралъ церковь, осмотрѣвши напередъ внимательно, не закрался ли кто ни будь. [356]

Не удовольствовались Базиліяне дать болѣе, или менѣе, правильное устройство своимъ монастырямъ. Свое дѣло они понимали гораздо основательнѣе, и основаніе для него думали положить по возможности глубже. Не надѣясь на своихъ современныхъ сполъбратіи монаховъ, они въ молодомъ поколѣніи рѣшились приготовить усердныхъ поборниковъ написаннаго Устава, напечатлѣть его на этой tabula rasa, по словамъ Рутскаго. «Хорошее дѣло, разсуждали Базиліянскіе отцы на конгрегаціи въ Новогородкѣ (1617 г.), имѣть при каждомъ монастырѣ молодыхъ людей для упражненія, какъ въ практикѣ церковной, такъ и въ духовной жизни; мы даже считаемъ необходимымъ, для увеличенія нашего Ордена, говорили они, чтобы было извѣстное спеціяльное мѣсто, гдѣ бы братья нашего Ордена, смотря по способностямъ, обучалась извѣстнымъ наукамъ, соотвѣтствующимъ нашему призванію.» [357] Мы увидимъ въ свое время, въ какихъ громадныхъ размѣрахъ получила осуществленіе эта мысль. На первыхъ порахъ она дѣйствительно нашла себѣ пріютъ при монастыряхъ. Заявившій желаніе поступить въ Орденъ, передавался Старшимъ въ вѣдѣніе особаго урядника, извѣстнаго подъ именемъ «Наставника искусови.»

«Разумѣти маетъ, сказано въ Базиліянскомъ Уставѣ, же великій урядъ носитъ на себѣ (Наставникъ искусови): когды жъ якое зразу новопринятые до закону возмутъ цвичене, такая и на потомъ отъ ихъ поступковъ надѣя будетъ;» отъ Наставника по тому требовалось, чтобы онъ, будучи начальникомъ другихъ, самъ постоянно совершенствовался. Онъ, по возможности, долженъ былъ располагать къ себѣ новопоступающихъ, чтобы они смѣло обращались къ нему при искушеніяхъ, искренно открывали свою душу,

надѣясь отъ него помощи и утѣшенія. Очень близкое знакомство съ книгами духовнаго содержанія было необходимымъ условіемъ Наставника, «жебы зрозумѣлъ, не только зъ досвятчея (опыта) власного, але и зъ читанія, тое все, што въ житію духовномъ припадаетъ новопринятымъ.» Ему придавался одинъ помощникъ, вполнѣ надежный, опытный въ наукахъ духовныхъ. [358]

Новопоступавшій въ Орденъ подвергался искусу. Ему назначалось особое помѣщеніе на два, три, дня для того, чтобы онъ присмотрѣлся нѣсколько къ Ордену, и, на оборотъ, Орденъ къ нему. Съ нимъ прекращались на это время какія бы то ни было сношенія, письменныя ли то, или устныя, не только лицъ посторонныхъ, но и домашнихъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто приставленъ былъ къ нему отъ Настоятеля. Въ этомъ заключеніи за нимъ тщательно слѣдилъ Наставникъ, внимательно распрашивалъ, способенъ ли онъ къ жизни Ордена; если оказывался способнымъ, давалъ ему общія правила (въ нихъ разсуждалось о цѣли и образѣ общежитія по чину Св. Василія Великаго, и о трехъ главныхъ обѣтахъ Базиліянъ: нищетѣ, цѣломудріи, послушаніи), [359] чтобы на свободѣ онъ могъ прочитать ихъ и обдумать. Съ большимъ вниманіемъ и осторожностію требовалось вести это дѣло, ни какъ не позволялось торопить новопоступающаго въ изученіи общихъ правилъ, «абы могълъ познати всѣ рѣчи (вещи) Ордена каждый водлугъ способности свои, для большее сталости ихъ потомъ въ Законѣ.» Требовалось при этомъ указывать имъ тѣ трудности, съ которыми сопряжена жизнь въ Орденѣ, готовность, на пр., на всѣ монастырскія услуги, спокойное принятіе различныхъ епитимій и т. п. Наставникъ наблюдалъ, къ чему болѣе способенъ новопоступившій, къ наукамъ, или къ практическимъ занятіямъ. Въ послѣднемъ случаѣ, если это лицо было уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, Наставникъ спрашивалъ его, хладнокровно ли приметъ распоряженіе Ордена выйти прочь, до времени произнесенія иноческихъ обѣтовъ. Такая коварная постановка вопроса дѣлалась съ тою цѣлію, «кгды бысь позналь (новопоступающій), ижъ не есть способнымъ до Закону,» и самимъ дѣломъ почувствовалъ бы свое ничтожество. Наставникъ увѣщевалъ своего птенца, чтобы тотъ во всемъ говорилъ чистую правду, такъ какъ отъ этого очень много зависитъ и его собственная польза и Ордена; требовалъ обѣщанія, чрезъ годъ по вступленіи въ Орденъ, отказаться въ пользу

послѣдняго отъ своего имѣнія, по распоряженію Старшаго; и здѣсь, впрочемъ, ему обѣщалось свободное пользованіе имъ. Подобные расиросы и увѣщанія продолжались пять, шесть, дней. [360]

Послѣ такого первоначальнаго, вступительнаго, взаимнаго ознакомленія, новопринятый, если онъ былъ твердъ въ своемъ намѣреніи, подвергался собственно искусу. Ему теперь постоянно читались поученія о сохраненіи правилъ Ордена, объ искорененіи злыхъ наклонностей, о средствахъ къ тому и другому, о зарожденіи въ себѣ добродѣтелей и умерщвленіи страстей: «способъ поученій маетъ быти,» по Уставу Базиліянскому, «лацный (удобный) и простой, способный къ запаленю умысловъ новоприходящихъ до доскональности.» Въ извлеченіи предлагалось ученіе о Вѣрѣ Христіянской, объ огромной душевной пользѣ чистой исповѣди, пріобщенія Св. Таинъ, присутствія при богослуженіи, молитвы, назидательныхъ размышленій, чтенія духовныхъ книгъ. Наставникъ очень часто долженъ былъ напоминать новопринятымъ стараться узнавать Бога во всѣхъ вещахъ и дѣлахъ его, постоянно носить его въ своей мысли, уподобиться ему, искать съ нимъ тѣснѣйшаго единенія. Въ своей бесѣдѣ съ новопринятыми Наставникъ спрашивалъ ихъ, какой способъ они употребляютъ противъ искушеній, страстей, недостатковъ, какимъ путемъ стремятся къ добродѣтели, и слѣдуютъ ли во всемъ этомъ его наставленіямъ? Если новопринятые имѣли свои особыя кельи, они помѣщались такъ, что между двумя келіями новопринятыхъ среднюю занималъ опытный уже отецъ. Если бы случилось быть вмѣстѣ двоимъ новопринятымъ, или дома, или гдѣ ни будь на посылкахъ, «одинъ нехай (пусть) будетъ такій, по словамъ Устава Базиліянскаго, въ которомъ бы не было жадное вонтливости (сомнѣнія), жесь другихъ зъ его товариства будовати (пользовать) будетъ.» Старшій могъ позволить новопринятому переговорить съ кѣмъ ни будь изъ своихъ родныхъ, или друзей; требовалось только, чтобы это было непродолжительно и въ присутствіи нарочнаго, назначеннаго Старшимъ. Новопринятыхъ не позволялось брать въ товарищи, когда отцы Базиліяне отправлялись куда ни будь въ свѣтскіе дома; не давали имъ такихъ урядовъ, на прим., урядъ Вратаря, которые поставляли въ близкое, постоянное, соприкосновеніе съ посторонними. Въ продолженіи всего искуса Наставникъ долженъ былъ внимательно слѣдить, можетъ ли новопринятый быть полезенъ Ордену, или нѣтъ, и въ

этомъ отношеніи, по Уставу Базиліянскому, «большій взглядъ мѣти потреба на добро посполитое (общее), нижли на персону тую, або овую, и што о томъ разумѣти будетъ, каждаго полгоду до Старшого писати, абы онъ зась поражалъ (совѣтовалъ).» Въ новопринятыхъ требовалось возбуждать презрѣніе къ міру, самому себѣ; лучшимъ средствомъ для этого предполагалось давать новопринятымъ плохое, презрѣнное, платье. «Подлое одѣніе помогаетъ до умартвеня и отверженя самого себе, до взгарды свѣта и порожности его; а пре то слушно есть, жебы во искусѣ будучіе подлѣйшія суки (платье) мѣли, нижъ иншіе, што на уважене Старшаго пущается, жебы онъ упатровалъ (смотрѣлъ), што съ большимъ збудованемъ быть можетъ.» Новопринятые упражнялись въ обѣтахъ послушанія, нищеты: здѣсь требовалось, впрочемъ, соблюденіе мѣры, «водлугъ силъ каждого;» рѣшительно не позволялось доводить до физическаго ослабленія, «за чимъ потомъ неспособность бываетъ до отправованя забавъ (занятій) Закону нашего;» а въ Орденѣ главное вниманіе обращалось на то, чтобы каждый матеріяльно, такъ сказать, былъ ему полезенъ. Первоначально не было указано, сколько времени долженъ былъ продолжаться искусъ, какой возрастъ требовался для произнесенія обѣтовъ иноческихъ: въ томъ и другомъ Базиліяне сообразовались съ способностями, воспріимчивостью природы, съ зрѣлостію разсудка. [361] Если казалось возможнымъ допустить новопринятаго къ торжественному произнесенію иноческихъ обѣтовъ, мѣстный Старшій долженъ былъ снестись съ Протоархимандритомъ. [362] Въ это время, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи недѣли, Наставникъ въ послѣдній разъ говорилъ своему питомцу, какой важный шагъ онъ намѣренъ сдѣлать въ своей жизни, что, по произнесеніи обѣтовъ, онъ дѣлается вѣчнымъ невольникомъ Ордена, и для него, слѣдовательно, не будетъ исхода. [363] Но что значила теперь эта, большею частію, молодая, способная, натура, забитая въ мрачномъ Базиліянскомъ монастырѣ, опутанная самыми темными, превратными, понятіями, униженная, опозоренная, въ собственныхъ глазахъ, безъ самодѣятельности, свободной, независимой, мысли? И тѣсно и душно казалось теперь для нея жить въ Божіемъ мірѣ, а какое-то таинственное, замаскированное, положеніе отцовъ Базиліянскихъ неотразимо влекло къ себѣ молодое воображеніе. Все счастіе жизни представлялось ему за этою волшебною чертой, и молодой нови-

чекъ (novitius) летѣлъ туда всѣми порывами своей души. Наступало наконецъ это блаженное время, и онъ торжественно произноситъ четыре иноческихъ Базиліянскихъ обѣта: добровольной нищеты, цѣломудрія, послушанія, недомогательства Іерархическихъ степеней, церковныхъ должностей. Это была та самая формула, которую каждый читалъ въ день Св. Василія Великаго, при возобновленіи обѣтовъ. Теперь новиціушъ дѣлался дѣйствительнымъ членомъ Ордена, настоящимъ профессомъ, профессомъ четырехъ обѣтовъ. Эти профессы составляли господствующій разрядъ въ Орденѣ. Изъ нихъ избирались Протоархимандритъ, Провинціялы, Консульторы, и другія должностныя лица въ Орденѣ. Въ каждомъ монастырѣ только они могли составлять совѣтъ Настоятеля и по выбору имѣли рѣшительный голосъ (suffragium definitivum activum) на генеральныхъ конгреціяхъ.

Въ Базиліянскомъ Орденѣ былъ еще особый разрядъ иноковъ, такъ называемыхъ лаиковъ (laici). Это были монахи, не имѣвшіе ни какихъ церковныхъ степеней, не принадлежавшіе къ клиру. Иногда они называются просто ремесленниками. Дѣйствительно, это былъ своего рода чернорабочій разрядъ въ Орденѣ. Сюда принимались только тѣ, которые знали какое ни будь ремесло, часто не умѣли читать, писать, и меньше всего казались способными къ занятіямъ духовнымъ. Они тоже первоначально проходили искусъ, и все тутъ было направлено къ тому, чтобы рѣшительно убить въ нихъ всякое сознаніе своего нравственнаго достоинства, окончательно притупить ихъ умственныя способности, приготовить изъ нихъ безсознательно работающихъ тружениковъ, въ нихъ самихъ развить убѣжденіе, что они черный народъ, рабы въ Орденѣ. Во время искуса имъ преподавались науки «водлугъ того, яко поняти могутъ.» Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ болѣе ясное указаніе, какъ широкъ былъ этотъ кругъ понятій лаиковъ, какъ разнообразны были по тому преподаваемыя имъ науки. «Съ тыми, которые не суть клериками, сказано въ Базиліянскомъ Уставѣ, працовати потреба, абы молитись умѣли (только) водлугъ того, яко поняти могутъ.» Одно, что постоянно требовалось отъ нихъ, это самыя усидчивыя физическія занятія, рукодѣлія, по указанію Старшаго. Изъ за нихъ они не рѣдко освобождались отъ различныхъ духовныхъ упражненій, къ которымъ обязывались новиціуши клирики. Имъ постоянно вы-

ставлялся на видъ образецъ Маѳы (Евангельской). Мѣстному Духовнику вмѣнялось въ обязанность убѣждать ихъ, «абы на своемъ стану перестали, не беручися на крилосъ.» Во время общихъ поученій и собесѣдованій, вопросы предлагались только клирикамъ, и развѣ, по особенному вниманію Старшаго, спрашивали о чемъ ни будь лаика. «Вообще отцы Базиліяне должны внимательно стараться о томъ, разсуждали они въ Новогородкѣ (23 Іюля, 1617 г.), чтобы лаики поняли, въ какомъ положеніи имѣть ихъ желательно для Ордена, не допускать ихъ учиться, развѣ слишкомъ уже кто ни будь выдавался между ними, и отъ него можно было ожидать огромной пользы для Ордена въ научномъ отношеніи. И для такого сдѣлать исключенія можно было только съ разрѣшенія Протоархимандрита.» Требовалось незамѣтно вводить положительную разницу между клириками и лаиками: за столомъ ихъ садили на послѣднемъ мѣстѣ; на общія прогулки, которыя могли быть ежедневно, ихъ или не пускали, если была спѣшная работа, или, въ противномъ случаѣ, давалось имъ послѣднее мѣсто. Лаики имѣли особенное платье, состоявшее изъ полурясы, подпоясанной кожанымъ поясомъ. Не было у нихъ ни мантіи, ни тонсуры на головѣ (выбритаго кружка на макушкѣ головы, по обычаю Латинскаго клира), и волосы носили длиннѣе, чѣмъ прочіе члены Ордена; въ своихъ занятіяхъ они ни какъ не должны были смѣшиваться съ клириками, въ церкви имѣли свое особенное мѣсто. Въ особой книжкѣ записывались день и годъ, въ который лаикъ изъявилъ желаніе поступить въ Орденъ, такъ же все то имущество, которое онъ принесъ съ собою. Послѣднее хранилось въ особенномъ мѣстѣ, до времени произнесенія лаикомъ монашескихъ обѣтовъ. По опредѣленію второй конгрегаціи (1621 г.), искусъ лаиковъ продолжался два года. По окончаніи этого времени, они допускались къ профессіи, т. е., къ обѣтамъ монашескимъ; только, вмѣсто четвертаго обѣта, о недомогательствѣ высшихъ Іерархическихъ степеней и церковныхъ должностей, который давали клирики, они произносили обѣтъ «недомогательства поступленія въ клиръ.» [361] И начиналась потомъ трудная, кропотливая, безцвѣтная, жизнь этихъ неусыпныхъ собирателей матеріяльного богатства Базиліянъ. Работать, и работать постоянно, физически, вотъ неизмѣнная цѣль, какую задавалъ имъ Орденъ. Подобно муравьямъ, они со всѣхъ сторонъ должны

были по частичкамъ сносить все въ одну огромную, богатую, кучу, не имѣя главнаго примущества первыхъ работать на себя. Нѣтъ нужды говорить, на сколько лапки были полезны Базиліянскимъ монастырямъ въ матеріяльномъ отношеніи: имѣя своихъ ремесленниковъ и мастеровъ, они не нуждались въ посторонніхъ, наемныхъ; жаль только, что это дѣлалось слишкомъ своекорыстно, съ намѣреннымъ ослабленіемъ лучшей стороны человѣческаго существа.

Не было исхода разъ поступавшему въ Орденъ: онъ дѣйствительно дѣлался вѣчнымъ его невольникомъ, по словамъ Базиліянскаго Устава. [365] «Если кто захочетъ выйти изъ Ордена и будетъ проситься объ увольненіи, сказано въ другомъ мѣстѣ, мы (Базиліяне) не должны отпускать его.» [366] Напрасно желавшій выйти изъ Ордена старался бы возбудить противъ себя отцовъ различными брзпорядочными поступками, «жебы уприкрылъ (досадилъ) Законови, а за тымъ жебы выгнанымъ былъ.» Базиліяне должны были употреблять всѣ мѣры удержать его. Если ни чего не помогало, и желавшій оставить Орденъ былъ твердъ въ прежнемъ намѣреніи своимъ поведеніемъ, между тѣмъ, «значное горшене всѣмъ давалъ и неславу на Законъ уволочалъ,» такого позволялось выпустить. Старшій, однако, напоминалъ ему, что и по выходѣ изъ Ордена онъ несвободенъ отъ трехъ обѣтовъ иноческихъ. «Правда, разсуждали Базиліяне въ Новогородкѣ (1617 г.), что вышедшій изъ Ордена обязанъ заботиться о пріобрѣтеніи себѣ пищи и одежды, но, во всякомъ случаѣ, онъ не долженъ пользоваться ими, какъ полною собственностію; сохраненіе цѣломудрія оставалось обязательнымъ во всей силѣ; послушаніе онъ долженъ былъ отдавать тому Епископу, въ Епархіи котораго находился.» [367] Но нужно думать, что подобная уступка со стороны Базиліянъ дѣлалась только такимъ лицамъ, на которыхъ можно было положиться, что они и по выходѣ изъ Ордена не будутъ, или, по крайней мѣрѣ, не въ состояніи будутъ, тайно, или явно, вредить Ордену и не измѣнятъ своей Вѣрѣ, т. е., Уніи. Такой уступкѣ не было мѣста относительно тѣхъ, кто, оставивъ Орденъ, «мѣлъ шкодити хвалѣ Божой въ посполитости, альбо меновите Законови, зоставши отступникомъ Вѣры, альбо инакшимъ своволникомъ.» Тѣсная монастырская темница дѣлалась безвыходнымъ убѣжищемъ этого послѣдняго. Заключеніе простиралось до усмотрѣ-

нія генеральной конгрегаціи. [368] Еще большее наказаніе ожидало тѣхъ отцовъ, которые, будучи въ бѣгахъ, вздумали потомъ возвратиться. Ихъ совсѣмъ запрещалось принимать, развѣ можно было ожидать особенной пользы для Ордена. Предварительно имъ назначалась, по крайней мѣрѣ, годовая епитимія, съ запрещеніемъ священнослуженія; если бы они пытались въ другой разъ бѣжать, то не принимались уже больше. Бѣглецовъ клириковъ требовалось, впрочемъ, ловить, чтобы лишить ихъ сана, и потомъ пустить по міру. Если эти лица могли служить соблазномъ для другихъ, ихъ не отпускали болѣе, а заковавъ, заставляли копать землю и дѣлать другія тяжелыя работы. [369]

Изъ разсмотрѣннаго нами устройства монастырскаго правленія, мы можемъ видѣть, какъ много мѣста давалось тутъ происканъ, коварству, сколько тайныхъ пружинъ пускалось въ ходъ. Вся эта сложная мистификація должна была оставаться святою, непроницаемой, тайною, ни кто изъ посторонних не долженъ былъ знать, что дѣлалось въ монастырѣ, и горе тѣмъ изъ братіи, кто монастырскій соръ переносилъ за порогъ дома, не только свѣтскихъ людей, но и другого монастыря. Если кто изъ отцовъ объявлялъ внѣ монастыря о секретномъ преступленіи брата, и объ этомъ узнавали, объявившій подвергался наказанію, одинаковому съ совершившимъ преступленіе. [370] Тѣмъ худшая участь ожидала тѣхъ, кто осмѣливался поразить Орденъ поносными словами, сочинять на него пасквили, пересылать въ другіе монастыри, изъявляя при этомъ намѣреніе оставить Орденъ и побуждая къ тому же другихъ. По мнѣнію Базиліанъ, такія лица попадали уже въ запрещеніе, и только Митрополитъ могъ дать имъ разрѣшеніе. Они навсегда лишались права голоса и избранія на высшія должности, заключались на годъ въ монастырскую темницу, содержались только на хлѣбѣ и водѣ, и каждый день, при входѣ и выходѣ братіи изъ трапезы, должны были падать къ ногамъ ея и, исповѣдывая свой грѣхъ, просить прощенія. [371] Кто намѣренно бралъ секретныя письма Старшаго для прочтенія и объ этомъ узнавали, хотя бы онъ никому не объявлялъ потомъ прочитаннаго, такой наказывался заключеніемъ въ монастырскую темницу на день, на хлѣбъ и воду; а если кто мимо того, что самъ читалъ, но объявлялъ ихъ и другимъ, или даваль читать, такой подвергался темничному заключенію въ продолженіи

недѣли; къ столу ему подавались только хлѣбъ и вода. [372] Мы ошиблись бы, если бы сказали, что въ Базиліянскихъ монастыряхъ все было слишкомъ стянуто, строго, сурово; да, если принять во вниманіе предыдущую, самую безпорядочную, жизнь монаховъ, настоящій уставъ могъ казаться многимъ дѣйствительно не по силамъ, и на конгрегаціяхъ мы постоянно почти встрѣчаемъ разсужденіе о непослушныхъ, о возмутителяхъ монастырскаго покоя и тому подобное, знакъ, что въ монастыряхъ было не совсѣмъ-то ладно. Видимая внѣшняя строгость, отчетливый, стройный, порядокъ, таинственная замкнутость, рѣшительно были необходимы Базиліянамъ на первыхъ порахъ для распространенія Уніи, для пріобрѣтенія Ордену славнаго имени, хорошаго одобренія. Эта сторона прежде всего заняла Базиліянъ. [373] Но впр и такомъ порядкѣ жизнь Базиліянскаго инока-професса не была слишкомъ тяжела и безотрадна. Не обременяли отцовъ тридневныя службы церковныя, тѣмъ болѣе, что самъ Духовникъ обязанъ былъ наблюдать, «жебы братья, стараючись о набоженствѣ, головы не уразили, або собѣ силъ забыть (слишкомъ) не уняли.» [374] Время свободное отъ церковныхъ службъ они проводили во взаимныхъ бесѣдахъ, чтеніи книгъ, домашнемъ отдыхѣ, прогулкахъ внѣ монастыря. [375] Въ трапезѣ у нихъ былъ сытный столъ, хорошее питье. [376] Хотя дома запрещалась мясная пища, [377] но въ дорогѣ и въ гостяхъ Базиліянамъ дозволялось не стѣсняться ея выборомъ. Въ послѣднемъ случаѣ они руководствовались словами Св. писанія: «Предлагаемое да ядятъ.»

Этимъ пока мы и заканчиваемъ обзоръ устройства Базиліянскаго Ордена. Мы очень немного сказали о нѣкоторыхъ должностяхъ въ Орденѣ, въ родѣ, на примѣръ, Протоархитандрита. Причина въ томъ, что такія должности на первыхъ порахъ были не уяснены, и только, съ теченіемъ времени, въ продолжительной борьбѣ, получали свою опредѣленность, законченность. Мы считали себя не въ правѣ переносить понятія новѣйшія ко временамъ позднѣйшимъ, какъ допущено это въ статьѣ о Базиліянскомъ Орденѣ, напечатанной въ «Христіянскомъ Чтеніи» (1864 г., Генварь и Апрѣль). Упоминаемъ объ этомъ съ тою единственно цѣлію, чтобы избѣжать, въ случаѣ осужденія, отъ лицъ, знакомыхъ съ раскрываемымъ нами предметомъ только изъ упомянутой статьи. Въ нашемъ разсужденіи могутъ быть замѣчены боль-

шія противорѣчія съ упомянутою статьею о Базиліянскомъ Орденѣ: дѣло въ томъ, что тамъ схвачены два конечныя мгновенія изъ жизни Ордена и соединены въ одно видимое стройное цѣлое, что исторически не совсѣмъ вѣрно; мы по возможности будемъ говорить объ этомъ предметѣ въ различныя времена на столько, на сколько онъ успѣвалъ развиваться, расширять, уяснять, свою задачу. Разсмотрѣнное нами первоначальное устройство Базиліянскаго Ордена далеко болѣе усложнилось черезъ какія ни будь полвѣка потомъ, и, по крайней мѣрѣ, на половину измѣнилось около половины XVIII вѣка. Мы считаемъ себя не въ правѣ изъ этихъ разбросанныхъ, раздѣленныхъ, явленій, не существовавшихъ въ одно время, строить вдругъ цѣльную, законченную, систему. Это самая злая насмѣшка надъ исторіей, и напрасно бы требовали отъ насъ чего ни будь въ такомъ родѣ. По своему происхожденію и началамъ, Уніятская церковь долго находилась въ неопредѣленномъ, колеблющемся, состояніи, и первый смѣлый шагъ, сдѣланный ею (1720 г.), повелъ ее къ неминуемой смерти. По самой неопредѣленности Уніи, измѣнялось и церковное ея управленіе, отмѣнялись многія старыя начала и вводились новыя, чтобы испытать участь первыхъ; можно ли все это пріурочивать къ одному времени и говорить, какъ о чемъ-то опредѣленномъ, постоянномъ?..... Отъ того, чтобы сколько ни будь быть вѣрнымъ исторіи, мы должны постоянно имѣть въ виду весь складывавшійся строй Уніи и только мало по малу подходить къ окончательному мгновенію его развитія. Устройство Базиліянскаго Ордена въ такомъ видѣ, какъ мы его представили, служитъ начальнымъ звеномъ.

Такимъ образомъ то, что всего болѣе было забыто и разстроено въ послѣднее время въ Православной Церкви до Уніи и въ Уніи до 1617 г., выдвигалось теперь на первый планъ, принимало отчетливый, внѣшній лоскъ, получало, по возможности, строгій, разсчитанный, порядокъ. Въ противодѣйствіе устрояемымъ Православнымъ общежительнымъ монастырямъ, съ цѣлію болѣе успѣшно противодѣйствовать Уніи соединенными силами монаховъ, Уніяты выдвигали гораздо болѣе плотное общинное братство тоже монаховъ, объединявшееся на огромномъ пространствѣ Литовской области всѣми своими выгодами въ лицѣ одного Протоархимандрита. «Клянусь Господомъ Богомъ въ Троицѣ единымъ!»

такимъ обѣтомъ заключена была третья конгрегація (1623 г.) сострны каждаго, присутствующаго на ней, «и обѣщаюсь до конца моей жизни, остаться въ этомъ обществѣ нашего Ордена Св. Василія Великаго, до самой смерти неизмѣнно хранить Греческое богослуженіе и единеніе съ Римскимъ Костеломъ, и постоянно, оставаясь въ монастырѣ подъ управленіемъ Протоархимандрита и его послушаніемъ, стараться быть вѣрнымъ и полезнымъ нашему Ордену и религіи. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ» и проч. [378] Этотъ обѣтъ обязывался произнесть каждый монахъ Базиліянскаго Ордена, по прибытіи въ мѣсто жительства конгрегаціонныхъ отцовъ. Базиліянамъ ясно была выставлена задача, для которой они призывались; все дано было имъ въ руки для большаго успѣха: и право воспитывать юношество, [379] и матеріяльныя богатства, [380] и высшая церковная власть. (Съ этимъ вопросомъ встрѣтимся нѣсколько ниже). Вооруженные такою силою, Базиліяне способны были, казалось, одолѣть всѣ препятствія, постановляемыя Уніи, готовы были на всемірную миссію; дѣйствительно, они скоро доказали всему окружающему міру, какъ много могли они дѣлать, какъ основательны надежды, возлагаемыя на нихъ поборниками Уніи: Орденъ Базиліянскій сдѣлался самымъ успѣшнымъ разсадникомъ Уніи, его плодовитою «матерью» (matka zakonu) и, по мѣрѣ своего возвышенія, подавлялъ, рѣшительно устранялъ, клиръ бѣлый, свѣтскій.

VI.

Устройство и состояніе бѣлаго Уніятскаго клира въ XVII вѣкѣ.

Въ Западнорусской Церкви пользовались огромнымъ вліяніемъ, такъ называемые, клирошане, соборяне, или, во времена близкія къ Уніи, капитулы. Обладая богатыми фундушами, пользуясь немалою самостоятельностію, они не легко могли поддаться какому бы то ни было внушенію, отказаться отъ своихъ правъ. Потѣю на первыхъ же порахъ довольно сильно пришлось столкнуться съ ними. [381] Вѣрный своей тактикѣ, онъ рѣшился ослабить и это учрежденіе Западнорусской Церкви, и началъ дѣло съ своей давней каѳедры, Прототроніи Владимірской. По-

шелъ онъ очень скрытнымъ, коварнымъ, путемъ. Въ этой области особенно сильно заявляло свои права на участіе въ церковномъ управленіи свѣтское начало, Дворяне. [382] Приходилось страдать отъ этого и духовенству. Потѣй беретъ его какъ бы подъ свое покровительство, рѣшительно устраняетъ свѣтскихъ людей отъ вліянія, припускаетъ капитулу къ участію въ управленіи Епархіальными дѣлами. Чтобы ослабить противоборствовавшихъ себѣ мѣстныхъ Православныхъ монаховъ, [383] Потѣй отнимаетъ у нихъ деревню Яново и отдаетъ капитулѣ Владимірской. [384] Нѣтъ нужды говорить, какъ усыпляли Владимірскую капитулу подобныя дѣйствія Потѣя. Она, по видимому, ни чего не теряла изъ своихъ правъ, а пріобрѣтеніе новой деревни очень много говорило въ пользу Потѣя. Нужно думать, что съ этѣхъ поръ Владимірская капитула вполнѣ отдалась Потѣю. Умирая, онъ хорошо одобрялъ своихъ Владимірскихъ Священниковъ, особенно похвалялъ ихъ за то, что они сохранили твердость въ Св. Уніи, были вѣрны ему, своему пастырю. [385] Важна для насъ эта сердечная близость первыхъ Уніятскихъ Священниковъ къ своимъ пастырямъ. Мы увидимъ очень важныя этого послѣдствія. По въ настоящемъ отношенія Потѣя совсѣмъ измѣняли значеніе капитулы: отъ свѣтскихъ она дѣлалась независимою, и напрасно вопіяли противъ этого Волынскіе Дворяне; [386] за то покровительство и на даньe фундушемъ подчиняли ее полной власти Митрополита.

Понятное дѣло, если Митрополитъ могъ дать отнятое у другого, и это признано законнымъ, то опять онъ могъ то же самое передать другому лицу по тому же праву. Если Ипатій Потѣй могъ отнимать имѣнія у Православныхъ монастырей въ пользу свѣтскаго Уніятскаго клира, то Рутскій дѣлалъ то же относительно послѣдняго въ пользу Базиліянъ. Не приступая къ дѣлу прямо, онъ предложилъ, въ 1631 г., Новогородской капитулѣ сдѣлать обмѣнъ своихъ имѣній, Лѣзневичъ и Литовки, на Митрополитское имѣніе, Печураны, съ приселкомъ, Лавришовичи. [387] Капитула согласилась, отдала Митрополиту свои имѣнія, но никогда потомъ не видала обѣщаннаго вознагражденія. Взятыя капитульныя имѣнія обращены были въ столовыя Митрополичьи. [388] При такомъ свободномъ нарушеніи коренного капитульнаго права, тѣмъ болѣе, что не видѣлось съ противной стороны ни какого противодѣйствія, не могло быть предѣловъ произволу Уніятскихъ вла-

стей. Для него явилось даже юридическое, какъ бы законное, основаніе. 1631 г. Рутскій выпросилъ у Короля позволеніе на покупку, продажу, обмѣнъ, и всѣ возможныя распоряженія въ имѣніяхъ, принадлежащихъ духовенству Уніятскому. Отъ частаго обмѣна, покупки, продажи и перепродажи имѣній, принадлежавшихъ свѣтскому клиру, скоро затерлись всѣ слѣды первоначальныхъ фундацій. Уже въ 1636 г. Митрополитъ, поселивъ въ Новогородкѣ Базиліянъ, отдалъ имъ каѳедральный плацъ и весь мѣстный свѣтскій клиръ подчинилъ имъ вѣдѣнію. [389] «Нѣтъ фундушу при церкви, говорится обыкновенно въ послѣдующихъ визитахъ церквей: его взялъ Митрополитъ Рутскій.» [390] Въ 1642 г. Митрополитъ Селява отдалъ Базиліанамъ капитульный плацъ при церкви соборной Пречистенской въ Городнѣ. Митрополитъ Жоховскій сдѣлалъ то же съ другимъ капитульнымъ плацемъ при церкви Крестовоздвиженской: онъ отдалъ его Кармелитамъ Босымъ (въ 1676 г.). Въ 1680 г. онъ ввелъ Базиліанъ въ Борисоглѣбскую Городненскую церковь. [391] Съ легкой руки Потѣя дѣло пошло очень успѣшно. Обезсиленныя, лишенныя имѣній, капитулы замѣтно доживали свои дни. Какъ могли существовать они, не имѣя доходовъ для покрытія необходимыхъ издержекъ по части капитульнаго управленія? Поврежденныя въ своемъ корнѣ, онѣ все болѣе и болѣе теряются въ Уніятской Церкви въ продолженіи XVII вѣка, такъ что въ началѣ XVIII отъ нихъ едва, едва, осталось два, три, слѣда. [392] Здѣсь не было для нихъ мѣста съ учрежденіемъ Базиліянскаго Ордена.

Падало такимъ образомъ въ Уніи послѣднее учрежденіе, которое сколько ни будь могло поддерживать выгоды бѣлаго духовенства, особенно въ томъ отношеніи, что на свои богатыя фундуши открывало для него школы, давало болѣе, или менѣе, самостоятельное образованіе. Ни чего подобнаго не могло быть теперь, и прежняя «ruditas» свѣтскаго клира естественно должна была увеличиваться въ возрастающемъ отношеніи. Вниманіе всѣхъ властей было занято выгодами и устройствомъ Базиліянъ, и бѣлое духовенство, подобно овцамъ безъ пастыря, или, что еще хуже, съ наемными, продажными, пастырями, дѣлалось добычею всякаго, кто только хотѣлъ живиться на его счетъ. Мы знаемъ, что Латинское духовенство требовало отъ него десятинъ. Тогда какъ Базиліане сравнены были въ правахъ съ Латинскимъ духо-

венствомъ, и только въ этотъ Орденъ дозволялся переходъ Латинянамъ, свѣтскій Уніятскій клиръ долженъ былъ оставаться на степени его рабы, служанки; его церкви назывались синагогами. [393] Если онъ осмѣливался проповѣдывать объ обязанности платить десятины (Латинянамъ), то этимъ самымъ уже подвергался отлученію. [394] Перебѣжчики изъ Уніятской Церкви въ Латинскую, въ родѣ Кассіяна Саковича (около 1640 г.), своими ѣдкими отзывами о первой, усиливали къ ней обычное презрѣніе, заставляли видѣть тамъ только застарѣвшую, упорную, ложь. [395] Всѣ, страдающіе сословными предразсудками, люди богатые, слабые по убѣжденіямъ, поспѣшили оставить Уніятскую Церковь, избѣгая насмѣшекъ, презрѣнія. Латиняне и Езуиты очень искусно начали подкапываться подъ ея основанія. Сами, поступая въ Базиліянскій Орденъ, незамѣтно преобразуя его по своимъ планамъ, приготовляя мало по малу изъ среды себя всѣхъ Іерархическихъ лицъ, сосредоточивая въ то же время около себя всѣ богатства церковныя, свѣтскихъ богатыхъ Уніятовъ они заставляли переходить въ Латинство, оставляя такимъ образомъ собственно Уніятской Церкви простое сословіе съ его тяжелымъ убожествомъ, дырявой нищетой. Понятно, чего могла ожидать себѣ Уніятская Церковь при такомъ ходѣ дѣлъ. Въ одинъ прекрасный день она вдругъ была бы объявлена Латинскою; всѣ ея представители, въ рукахъ которыхъ были и власть, и воспитаніе народа, и матеріяльныя богатства, оказались, бы черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, истыми Латинянами, только въ Базіянскомъ нарядѣ. А что могъ сдѣлать одинъ бѣдный, простой, народъ? Да, онъ могъ сдѣлать много: требовалось только его поднять, оживить. Но этого не знали Уніятскія власти: онѣ не могли знать, по своему вельможескому взгляду на Церковь. Они сами видѣли свою погибель, и средство противъ этого думали найти тамъ, гдѣ былъ источникъ всѣхъ ихъ золъ. Въ 20 годахъ XVII вѣка Уніятскіе Епископы обращаются въ Римъ съ такою жалобою: «Дозволеніе переходить въ Латинство готовитъ паденіе (facit ruinam) нашимъ церквамъ, и не кому ходить въ нихъ даже въ болѣе торжественныя времена. Стоятъ онѣ неукрашенныя, и не помогаютъ имъ тѣ, кто бы долженъ о нихъ позаботиться. Ихъ украшаетъ только или бѣдный пастырь, или земледѣлецъ (colonus), или крестьянинъ (rusticus), оставшійся въ Уніи и едва имѣющій хлѣбъ и воду для своего

содержанія. Не перейди Дворяне въ Латинство, они украшали бы церкви, если не изъ благочестія, то просто изъ стыда: «Я, дескать, въ шелкахъ, а церковныя одежды представляютъ рубище (Ego cooperior serico, altaria autem mei Domini tantum panoso).» Здѣсь причина, что многіе Священники приходятъ въ отчаянную крайность, и одинъ шатается просто безъ одежды, другой проситъ милостыни; прежде подобное зло упреждалось подаяніями богатыхъ. Какъ въ видимой Республикѣ люди благородные и богатые болѣе другихъ считаются полезными, такъ и въ Церкви они какъ бы головы, которыя должны управлять другими членами, замѣняютъ собою крѣпчайшія въ тѣлесномъ строѣ кости, которыя подпираютъ, какъ бы поддерживаютъ, собою слабое тѣло черныхъ людей... Дозволеніе переходить въ Латинство готовитъ паденіе и нашей юрисдикціи. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Королевствѣ ежегодно будетъ переходить въ Латинство по крайности (ad minimum) сто, или болѣе, благородныхъ (nobiliores): что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ останется пастырямъ отъ нашихъ овецъ?.... Только безконечное не исчерпывается.» [395]— «Тогда у васъ останутся крестьяне, слышится въ утѣшеніе Уніятскимъ властямъ.» — «Нѣтъ, съ унынiемъ отзываются послѣдніе, тогда падетъ Унія, по тому что крестьяне не въ состояніи защитить ее отъ раскольствующихъ: они вполнѣ презрѣны и терпятъ отъ своихъ господъ такое презрѣніе, какого не слышно во всемъ мірѣ; примѣромъ—увлеченные въ Унію: они не останутся въ ней и такъ же легко возвратятся въ расколъ, и по своей простотѣ, неспособности, загнанности, они послѣдуютъ сторонѣ далеко спльнѣйшей.» [397]— «Нѣтъ возможности оставаться въ Уніи, говорятъ nobiliores Ritus Graeci (Уніаты), ob inopiam operariorum idoneorum.» Епископы Уніятскіе принуждены сознаться въ этомъ горькомъ упрекѣ, и сейчасъ же сами спѣшатъ опереться на то, противъ чего такъ усильно ратуютъ. Они просятъ у Его Святѣйшества дозволить Латинянамъ, въ случаѣ нужды, совершать Уніятамъ требы, преподавать даже Таинства, если бы гдѣ встрѣчался Іерей (Уніятскій) «ignorans, seu ineptus ad sacramentum confessionis administrandum.» [398] Но что значитъ подобная тактика? Не разрушала ли она одною рукою того, что созидала другою? Вмѣсто того, чтобы оставаться въ Уніи, ни чего не имѣя, подвергаясь за это постоянному презрѣнію, и только по временамъ обращаясь къ Латинскому Ксендзу за духовною помощью, не логичнѣе ли было совсѣмъ перейти

въ Латинскую Церковь, сдѣлаться ея открытымъ, полнымъ, исповѣдникомъ? Жизнь и ежедневный опытъ ясно давали положительные отвѣты.

При такомъ возрастающемъ убожествѣ Уніятской Церкви, какой ни будь новоолатинившійся панъ вполнѣ свободно начиналъ обращаться съ Уніятскимъ Священникомъ. Какъ своего крѣпостнаго человѣка, онъ заставлялъ его работать для себя, пахать землю, косить и т. под. Священникъ отказывался, и отъ пана ему готовилось тѣлесное наказаніе. [399] Уніятская Вѣра была отождествлена съ холопствомъ; бѣлый клиръ считался главнымъ ея представителемъ. Уже Рутскому пришлось видѣть это полное презрѣніе относительно послѣдняго, тѣмъ болѣе тяжелое, что оно видѣлось даже со стороны Базиліянъ. Въ своемъ послѣднемъ завѣщаніи Рутскій умоляетъ Базиліянъ любить и уважать клиръ свѣтскій, какъ своихъ братій и сотрудниковъ въ вертоградѣ Христовомъ; проситъ ихъ быть милостивыми, снисходительными, если бы они были назначены осматривать церкви свѣтскаго клира, или судить его. «Дѣлайте это, говоритъ онъ, въ кротости духа и въ любви, безъ презрѣнія, не угѣсняя своихъ братій.» [400]

Сами Уніяты видѣли тотъ огромный вредъ, какой терпитъ ихъ Церковь отъ грубости, невѣжества, бѣдности, свѣтскаго клира. [401] Чтобы сколько ни будь помочь дѣлу, Рутскій рѣшился преобразовать и свѣтскій клиръ, устроить его по образцу Базиліянъ, и, для большей независимости его въ житейскомъ отношеніи, ввести между нимъ безженство. По планамъ Рутскаго, къ подобной цѣли должно было вести воспитаніе, устройство особой Семинаріи съ извѣстнымъ направленіемъ. Польза такой Семинаріи — самая обширная, много обѣщающая. «Отсюда, говоритъ онъ, будутъ выходить Семинаристы, свѣтскіе клирики-холостяки. Правда, въ нашемъ Исповѣданіи это дѣло неслыханное, и мы не найдемъ тамъ ни чего подобнаго, не только нѣсколько лѣтъ назадъ, но и вѣковъ; многіе при всемъ томъ его желаютъ. Пройдетъ нѣсколько времени, и мы будемъ имѣть не извѣстныхъ прежде у насъ благочестивыхъ клириковъ, и не должно опасаться слишкомъ большой трудности. Во время Уніи нами сдѣлано очень многое, что въ началѣ сильно охуждалось противниками, и чему они сами теперь подражаютъ; то же можетъ повториться и относительно благочестивыхъ клириковъ.... Образованные, без-

женные, они будутъ помѣщаться нами во всѣхъ Епископскихъ Епархіяхъ, по городамъ, при церквахъ каѳедральныхъ, коллегіятскихъ, которыя даютъ лучшее содержаніе и большія выгоды, чѣмъ другіе приходы. Изъ нихъ будутъ поступать на должность Визитатора деревенскихъ церквей, и даже на Священниковъ въ эти послѣднія, и для Св. Уніи приготовится, такимъ образомъ, великая опора и украшеніе. Въ частныя мѣста Руси они будутъ посылаться наставниками школъ для обученія юношества, для укрѣпленія благочестія, Вѣры, и по своему положенію (какъ холостые) охотно и съ удовольствіемъ будутъ выполнять свое назначеніе. Гдѣ будутъ приходскими Священниками, тамъ удобнѣе они поведутъ дѣло съ панами объ улучшеніи фундацій: эти послѣдніе свѣчасъ увидятъ, что имѣютъ дѣло съ гораздо достойнѣйшими, чѣмъ ихъ предшественники. Изъ воспитанниковъ такой Семинаріи монастыри будутъ пополняться хорошими иноками, и много можетъ разлиться добра по всѣмъ частямъ Руси изъ этого учрежденія. Смѣло можемъ обѣщать себѣ, что въ короткое время этимъ средствомъ во всемъ Королевствѣ подавленъ будетъ расколъ»....[402]

Ревностно принялся Рутскій за исполненіе задушанной имъ задачи. Прежде всего онъ обратился къ Кардиналу Бандину съ просьбой поддержать его проектъ своимъ ходатайствомъ у Столицы Апостольской.[403] Получивъ благопріятный отвѣтъ,[404] онъ, съ разрѣшенія Короля,[405] поспѣшилъ, въ 1626 г., созвать съ этою цѣлью помѣстный соборъ въ Кобринѣ (Уздномъ городѣ Гродн. Губ.). Главное вниманіе Собора было обращено на необходимость основанія новой, особенной, Семинаріи. «Мы вполнѣ убѣждены, говорится между прочимъ въ актахъ Собора, что все счастіе, какъ Церкви, такъ и общества, зависитъ отъ лучшаго по возможности воспитанія юношества; всѣ мы по тому единомысленно и съ общаго согласія постановляемъ и этою нашею грамотою одобряемъ, чтобы въ одномъ извѣстномъ мѣстѣ Кіевской Митрополіи была основана главная Семинарія, куда бы изъ всѣхъ сторонъ Руси люди Дворянскаго сословія могли посылать своихъ сыновей для обученія наукамъ свободнымъ и своей природной Вѣры.»[406] Для содержанія такой Семинаріи сейчасъ же на Соборѣ была открыта подписка. Каждый изъ Архіереевъ присутствовавшихъ (было 5 человѣкъ) записалъ извѣстное количество денегъ съ обѣщаніемъ впередъ постояннаго ежегоднаго взноса (Митрополитъ Рутскій 10,000

золотыхъ Польскихъ). Всѣ Базиліянскіе монастыри Троицкой конгрегаціи обѣщали вносить 8 часть своихъ доходовъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ.[407] Минскій монастырь со всѣми своими доходами былъ обращенъ въ пользу предполагаемой Семинаріи. Епископы, въ свою очередь, обязаны были напомнить Священникамъ своихъ Епархій о необходимости воспитывать своихъ дѣтей на должность достойныхъ пастырей. Отъ нихъ въ то же время потребовалось выдать Епископамъ имѣющіяся у нихъ фундушевыя записи и привилегіи, для увеличенія этимъ матеріяльнаго достоянія будущей Семинаріи. «Если бы кто изъ насъ не далъ положеннаго на Соборѣ, говорили присутствующіе здѣсь отцы, того необходимо позвать на судъ и обязать заплатить вдвое; отказавъ во второй разъ, онъ лишался своей должности.»[408] Рутскій торжествовалъ; его планъ, принимая, по видимому, важное, жизненное, значеніе, получалъ прочную, богатую, обстановку. Дѣйствительно, для свободнаго развитія и успѣха Уніи это была самая лучшая, надежная, мѣра. Видно, Уніятамъ слишкомъ уже давала чувствовать себя Латинско-Езуитская опека, и вотъ они хотятъ выдвинуть изъ среды себя вполнѣ самостоятельную, дѣятельную, силу.

Но что значилъ этотъ проектъ послѣ того, какъ на дѣлѣ 9 лѣтъ уже существовалъ Орденъ Базиліянъ? Скажемъ болѣе: какъ могъ подобный планъ родиться въ головѣ того же Митрополита, который съ такою заботливостію занимался уже нѣсколько лѣтъ устройствомъ Базиліянскаго Ордена? Нужно думать, что онъ вспомнилъ теперь тѣ великія задачи, которыя путемъ Уніи хотѣлъ разрѣшить Потѣй для Русскаго религіознаго чувства.[409] Орденъ Базиліянъ, по закрадывавшемуся въ немъ Латинству, казался теперь далеко не соотвѣтствующимъ такой цѣли. Въ немъ Рутскій какъ бы предвидѣлъ источникъ паденія Уніи, и думалъ упредить зло новымъ учрежденіемъ. Но было уже поздно. Предполагалось образовать молодыхъ клириковъ-холостяковъ для утвержденія Вѣры, благочестія, но это была спеціяльная задача монашескаго братства Базиліянъ,[410] и теперь не со всѣмъ-то легко они готовы были передать ее въ руки другихъ. Предполагалось устройство новой, богатой, Семинаріи, самостоятельной по своему направленію, довольно независимой по своему управленію, съ свѣтскими наставниками;[411] но это слишкомъ затроги-

вало выгоды Базиліянъ, желавшихъ вездѣ захватить воспитаніе юношества, даже свѣтскаго. [412] Какъ же они могли согласиться, чтобы, въ виду ихъ (въ Минскѣ была школа Базиліянская для свѣтскихъ), въ независимости отъ нихъ, воспитывались цѣлыя поколѣнія дѣятелей для Церкви? Кромѣ того, отъ нихъ потребовалась часть доходовъ, тогда какъ сами они всевозможными мѣрами добивались пріобрѣсть богатые фундуши для своихъ новиціятовъ. [413] Изъ воспитанниковъ будущей Семинаріи предполагалось имѣть хорошихъ монаховъ, а потомъ и Іерарховъ, добрыхъ Священниковъ, дѣльныхъ Визитаторовъ, Офиціяловъ (мы встрѣтимся съ этѣми должностями) и другихъ высшихъ церковныхъ чиновниковъ: но это рѣшительно уже противорѣчило постановленіямъ Ордена. «Духовное право и давній обычай въ нашей Церкви таковъ, разсуждали Базиліяне въ Новогородкѣ, въ 1617 г., чтобы на всѣ духовныя достоинства возводить лицъ монашествующихъ; нѣтъ нужды отмѣнять его, да было бы и неразумно.» [414] Правда, чтобы оградить себя отъ различныхъ записываній, происковъ, они сейчасъ же постановили, чтобы каждый изъ отцовъ давалъ обѣтъ «не домогательства Іерархическихъ степеней и церковныхъ должностей.» Нарушитель обѣта до конца жизни не могъ получить ни какого церковнаго, или монастырскаго, уряда, лишался даже права голоса при избраніи другого. [415] Эти постановленія показываютъ только, какъ падки были Базиліяне на церковныя Іерархическія мѣста: въ этомъ отношеніи они ни какъ уже не могли допустить существованія предполагаемой Семинаріи. И дѣйствительно, не объ этомъ теперь было думать, когда для Поляковъ и Уніятовъ наступала извѣстная «Ночь Тарасова.» [416] Не лучше ли было подумать о безопасности съ этой стороны?.. Огромныя собранныя деньги на Семинарію, частію (50,000 Польскихъ золотыхъ) были посланы Рутскимъ, по проискамъ Латинянъ и Езуитовъ, Польскому войску противъ Козаковъ, [417] частію остались наличнымъ капиталомъ, проценты съ котораго бралъ въ свою пользу Базиліянскій Провинціялъ до послѣднихъ временъ. [418] Такъ рушился проектъ возстановленія бѣлаго Уніятскаго клира, а съ нимъ самостоятельнаго развитія Уніи. Базиліяне, замѣтивши въ немъ опаснаго для себя соперника, начали казнить его гораздо большимъ, сравнительно съ прежнимъ, презрѣніемъ, которое было тяжело даже Рутскому; [419] они рѣшились окончательно обезсилить его, отнять

у него все, и не отъ него ждать себѣ хорошихъ монаховъ, а даже Священниками приходскихъ церквей назначать своихъ членовъ. Съ этѣхъ поръ свѣтскій клиръ все болѣе и болѣе блѣднѣетъ, запирается: на всѣхъ точкахъ церковнаго управленія выдвигаются Базиліяне. Этого мало. Проектъ новой Семинаріи, составившійся въ головѣ Митрополита Рутскаго, далъ осязательно понять Базиліянамъ, какъ мало можетъ надѣяться ихъ Орденъ на верховныхъ представителей Уніи, если и Митрополитъ, въ родѣ Рутскаго, такъ замѣтно склонялся въ пользу свѣтскаго клира. Сдѣлаться вполнѣ независимымъ, захватить всю власть въ свои руки, по возможности ограничить права самого Митрополита въ пользу Ордена, вотъ задачи, которыя съ этѣхъ поръ не оставляли Базиліянъ до конца ихъ существованія; за то, съ другой стороны, борьба, борьба и борьба, со всѣмъ окружающимъ, съ замѣчательнымъ иногда торжествомъ, сопровождала ихъ до гроба.

VII.

Борьба Базиліянъ съ Митрополитами Антоніемъ Селявой и Гавріиломъ Колендой.

Уже на первой конгрегаціи Базиліяне открыто замѣтили, какъ много польза Ордена зависитъ отъ тѣсной связи его съ Митрополитомъ, Епископами. «Нашъ Орденъ, говорили они, много выиграетъ отъ того, если Митрополитъ будетъ связанъ съ нимъ тѣсными узами, особенно; если саномъ Митрополита будетъ облечено лице, занимающееся положеніемъ Ордена, желающее его размноженія. При такихъ задачахъ мы считаемъ вполнѣ необходимымъ, чтобы выборъ лицъ на должность Митрополита и Епископовъ совершался изъ среды насъ, и требуется усильно похлопотать объ этомъ у Короля, который имѣетъ власть «верховнаго поданья» (collacija). Если бы случилось, что въ настоящее время мы не могли легко достигнуть своей цѣли, то вотъ новый способъ теперешнему Митрополиту для выполненія нашего плана: еще при своей жизни онъ обязанъ избрать себѣ въ помощники Епископа Надворнаго, извѣстнаго подъ именемъ Коадъютора. Этотъ выборъ долженъ совершиться по совѣту съ Протоархимандритомъ и его Консультарами. Хорошо было бы не оставить безъ

извѣщенія объ этомъ и Епископовъ, принадлежащихъ къ нашей конгрегаціи. Избранный Коадъюторъ назначается наслѣдникомъ Митрополита по каѳедрѣ (cum futura successione), и послѣ его смерти, безъ всякаго препятствія, можетъ принимать въ свое вѣдѣніе Митрополитскія имѣнія, наслѣдовать каѳедру. Необходимо похлопотать у Короля объ особенной привилегіи на то, чтобы Надворный Епископъ, по смерти котораго ни будь изъ Епархіяльныхъ Епископовъ, завѣдывалъ праздными Епископіями. До своего посвященія онъ обязанъ будетъ дать присягу на все то, въ чемъ присягаетъ Митрополитъ. За этимъ досмотритъ Протоархимандритъ. Способъ единенія нашего съ остальными Епископами долженъ быть такого рода: необходимо стараться у Короля о привилегіи на то, чтобы Епископскія каѳедры не давались людямъ свѣтскимъ, а только членамъ нашего Ордена, тѣмъ, которые пробыли въ немъ значительное время и отъ Митрополита получили одобреніе своей благочестивой жизни и достоинствъ. При посвященіи такихъ Епископовъ Митрополитъ обязанъ наставить ихъ, чтобы они всегда считали себя членами Ордена, были его защитниками и покровителями въ своихъ Епархіяхъ. Каждому изъ тѣхъ, кто изъ нашей конгрегаціи будетъ поставленъ въ Митрополиты, или Епископы, Протоархимандритъ придастъ опытнаго, надежнаго, отца, который бы при Епископѣ наблюдалъ за выполненіемъ Орденскихъ постановленій.» [422] Не трудно, думаемъ, видѣть отсюда, какъ прочно хотѣли Базиліане обезпечить свое положеніе, какъ уже на первыхъ порахъ они далеко закидывали сѣти. Пока вполнѣ преданные Уніи, они, въ свою очередь, все думали направить къ пользамъ Ордена: его выгоды свято должны были наблюдать Митрополитъ и Епископы. Но эту обширную, много обѣщающую, систему сами Базиліане какъ будто побоялись приводить въ исполненіе, и дорого потомъ пришлось искупать имъ эту невѣрность себѣ.

Мы знаемъ уже, что на первой конгрегаціи (1617 г.) положено было избирать на должность Протоархимандрита простого Іеромонаха: Митрополитъ объявлялся только верховнымъ опекуномъ Ордена; ихъ взаимныя отношенія обусловливались имѣвшими было составиться постановленіями. [423] Но тутъ же Базиліане нарушили это одно изъ основныхъ опредѣленій своихъ конгрегацій. Какъ бы изъ вниманія къ тѣмъ великимъ заслугамъ Рут-

скаго для Ордена, которыя онъ выказалъ въ первоначальномъ его устройствѣ, Базиліяне провозгласили его своимъ Протоархимандритомъ. [422] Понятно, что многія постановленія Ордена должны были теперь рушиться, какъ не имѣющія мѣста, лишнія. Митрополитъ, онъ же вмѣстѣ и Протоархимандритъ, не имѣлъ нужды совѣтоваться еще съ кѣмъ ни будь объ избраніи себѣ Коадъютора, не приставлялъ, конечно, къ себѣ особаго надзирателя. Какъ прежде, такъ и теперь, Рутскій, по своему положенію, самостоятельно распоряжался монахами, наблюдая, конечно, болѣе выгоды Епархіяльныя, чѣмъ частныя, Орденскія. Правда, онъ успѣлъ выхлопотать у Короля, Владислава IV, привилей (въ 1635 г.), по которому одни только Базиліяне имѣли право на полученіе Іерархическихъ должностей; [423] но въ Епархіяльномъ управленіи онъ видѣлъ полную какъ бы равноправность, и еще большую необходимость свѣтскаго клира сравнительно съ самыми Базиліянами. [424] Кобринскій Соборъ объяснилъ, правда, многое, но дѣло было сдѣлано, событіе совершилось, а онъ, между тѣмъ, очень много говорилъ не въ пользу Ордена, по крайней мѣрѣ, не въ пользу тѣхъ основъ, которыя выставили Базиліяне и на первыхъ же порахъ думали провести въ жизнь. Они видѣли, что нѣтъ у нихъ Протоархимандрита, такого Протоархимандрита, о какомъ была рѣчь на первой Конгрегаціи: что ихъ частныя дѣла идутъ далеко не такъ успѣшно, какъ они предполагали; [425] что, вмѣсто проектированнаго самоуправленія, они остаются въ полной власти Митрополита. Хотя Рутскій на второй Конгрегаціи (1621 г.) позволилъ, вмѣсто себя, избрать другого Протоархимандрита, [426] дѣло, однако, отъ этого не улучшилось. Свою власть надъ Орденомъ онъ продолжалъ употреблять до конца жизни: по своему усмотрѣнію созывалъ Генеральныя Конгрегаціи, [427] которыя, какъ мы знаемъ, могли назначаться только Протоархимандритомъ, дѣлалъ на нихъ самостоятельныя, независимыя, распоряженія, иногда не въ пользу Ордена, [428] по своему усмотрѣнію раздавалъ іерархическія должности, установлялъ Архимандріи, [429] въ высшей степени ненавистныя, опасныя для Базиліянъ. [430] Такимъ образомъ, должность Протоархимандрита при Митрополитѣ Рутскомъ была слишкомъ блѣдна, слушевывалась, ни чѣмъ не заявляла своей самостоятельности. Въ итогѣ выходило больше: Орденъ, говоримое совершающееся событіе, ни чѣмъ не долженъ

выходить изъ ряда обычнаго управленія; его главный начальникъ, Протоархимандритъ, долженъ оставаться не болѣе, какъ Епархіальнымъ Намѣстникомъ, какимъ первоначально былъ самъ Рутскій, съ полною, безотвѣтною, преданностію волѣ Митрополита. Конституціи Ордена совершенно оставались въ тѣни, какъ будто были забыты. Но что, если подобныя отношенія Рутскаго къ Ордену сдѣлаются преданіемъ послѣдующихъ Митрополитовъ, если они будутъ нѣсколько болѣе своего предшественника своекорыстны, захотятъ не только имѣть полную власть надъ Протоархимандритомъ, но даже удержать за собою должность послѣдняго? Не требовалось быть пророкомъ, чтобы дать прямой, положительный, отвѣтъ: жизнь сдѣлала уже свое дѣло. [431]

Нѣкогда было думать о Протоархимандритствѣ преемнику Рутскаго, Митрополиту Рафаилу Корсаку (1637 — 1641 г.). Преслѣдуемый Православными, вытѣсненный изъ Кіева Петромъ Могилою, онъ отправился въ Римъ у Папы искать помощи и защиты, и окончилъ тамъ послѣдніе дни свои. [432] Новый Митрополитъ, Антоній Сѣлява, созвалъ, въ 1642 г., въ Вильнѣ, избирательную Конгрегацію, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ провозгласить себя Протоархимандритомъ. [433] Но не то говорила Базиліянамъ предыдущая практика. Они хотѣли поправить свои дѣла и совершить самостоятельный выборъ Протоархимандрита изъ среды себя. Съ обѣихъ сторонъ, было очень сильное упорство. По словамъ современника, Митрополитъ даже опасно заболѣлъ, видя, что Базиліяне не хотятъ избрать его Протоархимандритомъ. [434] Но это обстоятельство дало благопріятный исходъ загоравшейся было борьбѣ. Видя сильную опасность Митрополита, Базиліяне рѣшились объявить его Протоархимандритомъ, [435] вполнѣ надѣясь, что онъ скоро оставитъ этотъ міръ, и его избраніе будетъ безвредно для Ордена. Отсюда мы только можемъ видѣть, какъ еще силенъ былъ Митрополитъ своею стороной, какъ крѣпко въѣлась въ жизнь предыдущая практика, какъ несостоятельными передъ ней чувствовали себя Базиліяне. Впрочемъ, они принимали извѣстныя мѣры для огражденія своихъ правъ. Отъ Митрополита Сѣлявы они потребовали росписки въ томъ, что его избраніе въ Протоархимандриты есть только уступка со стороны Ордена, которая не должна служить примѣромъ для будущихъ Митрополитовъ, его преемниковъ. Сѣлява согласился на такое условіе и под-

писалъ его собственноручно. [436] Мало этого. По просьбѣ Базиліянъ, онъ составилъ даже правила отношеній Ордена къ Митрополиту, одобренныя двумя Конгрегаціями Базиліянскими, подтвержденныя въ Римѣ. [437] Базиліяне торжествовали; права ихъ были обезпечены. Кабъ бы въ награду за столь важную услугу со стороны Сѣлявы, они дозволили ему пользоваться правами Протоархимандритства до конца жизни. Такимъ образомъ, здѣсь снова была допущена Базиліянами та нелогичность, невѣрность себѣ, которую они выказали на первой Конгрегаціи, избравъ Митрополита Протоархимандритомъ. Слѣдствія вышли тѣ же, съ большимъ, конечно, противу прежняго заявленіемъ непріязни съ обѣихъ сторонъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что предыдущая вражда получила теперь какъ бы юридическія основанія.

Такъ какъ Митрополитъ самъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ далъ извѣстныя обязательства, то онъ могъ считать себя въ правѣ не исполнять ихъ, коль скоро видѣлъ ихъ противорѣчіе съ болѣе обширными своими планами, не ограничивающимися одною узкою пользою Ордена. Дѣйствительно, составленныя Митрополитомъ Сѣляевою правила не только не были приведены въ исполненіе, но и совсѣмъ пропали безслѣдно. [438] Они между тѣмъ ясно давали знать Митрополитамъ, какъ смотритъ на нихъ Орденъ, въ какихъ хочетъ быть съ ними отношеніяхъ, и заставляли быть очень внимательными къ вырываемой у нихъ должности Протоархимандрита. Въ томъ, что эта послѣдняя продолжала оставаться въ рукахъ Митрополитовъ, они всегда имѣли основаніе и на будущее время оспаривать у Базиліянъ подобный порядокъ. Базиліяне смотрѣли на дѣло съ своей точки зрѣнія. Они очень ловко подкопались подъ власть Митрополита и, будучи не въ силахъ на первый разъ открыто отразить его вліяніе, могли торжествовать уже по тому, что заставили его дать извѣстныя, стѣснительныя для себя, обязательства. Въ волѣ Митрополитовъ было соблюдать ихъ, или нѣтъ, и даже припрятать; во всякомъ случаѣ, они были даны, были извѣстны Базиліянамъ, подтверждены Папою, ихъ покровителемъ. Базиліяне были въ правѣ требовать ихъ осуществленія, могли опираться на Римъ. Понятно, что борьба готовилась нешуточная, при неуступчивости съ обѣихъ сторонъ; а объ уступчивости рѣшительно и не думали.

Преемникъ по каѳедрѣ Митрополита Сѣлявы, Гавріилъ Ко-

ленда, мало того, что хотѣлъ удержать за собою Протоархимандритство, рѣшился еще отомстить Василіянамъ за то униженіе, которое они нанесли достоинству Митрополита, въ лицѣ своего предшественника (заставивъ его подписать извѣстныя намъ условія). Будучи еще Управляющимъ Уніятской Митрополіи, онъ успѣлъ склонить на свою сторону многихъ Епископовъ, Архимандритовъ, Игуменовъ, и вмѣстѣ съ ними составилъ, въ 1661 г., Генеральную Конгрегацію въ Супраслѣ. Здѣсь были сдѣланы нѣкоторыя постановленія во вредъ и ущербъ пользамъ Ордена. [439] На этой же Конгрегаціи Гавріилъ Коленда домогался Протоархимандритства, которое по смерти Сѣлявы (1655) г.) никому еще не было дано, [440] и хотѣлъ сдѣлать Супрасльскій монастырь (Гродненской Губерніи) главнымъ пребываніемъ Василіянскаго Ордена, съ подчиненіемъ этому монастырю другихъ. [441] Но это уже рѣшительно шло противъ конституцій Ордена и въ дальнѣйшемъ готовило полную его подчиненность Митрополиту, разрушало всю проектированную его систему внутренняго самоуправленія. Дѣло въ томъ, что Супрасльскій монастырь хотя принадлежалъ Литовской области, но не подлежалъ власти Протоархимандрита и, по завѣщанію основателей, Митрополитъ долженъ былъ вѣдать и охранять его самостоятельность. [442] Опасность для Ордена была такъ велика, что Василіяне открыто возстали противъ Митрополита и, подъ предсѣдательствомъ своего Провинціала, Бенедикта Терлецкаго, составили въ Вильнѣ частную Конгрегацію, на которой протестовали противъ дѣйствій Митрополита Коленды и вообще противъ Супрасльской Конгрегаціи. Протестовали такъ же и Настоятели нѣкоторыхъ монастырей. [443] Тогда же Василіяне поспѣшили отправить пословъ къ Папскому Нунцію съ жалобою на противозаконныя дѣйствія Супрасльской Конгрегаціи. Эти жалобы сильно раздражили Митрополита. Онъ предалъ анаѳемѣ своихъ противниковъ, а съ приверженцевъ взялъ клятву прервать общеніе съ противною стороной. [444] Онъ самъ показалъ примѣръ этого. Какъ проклятыхъ, Митрополитъ Коленда не принялъ къ себѣ нѣкоторыхъ отцовъ, когда они посланы были къ нему въ Супрасль съ письмами отъ Нунція, не принялъ и съ презрѣніемъ отвергнулъ тѣхъ изъ Василіянъ, которые по дорогѣ зашли къ нему, отправляясь учиться въ Германію. [445] Считая Василіянъ упорными ослушниками своей власти, онъ нападалъ на ихъ монастыри и «va-

riis modis» прибиралъ ихъ къ своимъ рукамъ. Положеніе Ордена было отчаянное, и только отъ Рима ждалъ онъ уврачеванія своихъ ранъ. [446] Въ эту критическую минуту умеръ проклятый Митрополитомъ Провинціалъ Ордена, извѣстный его поборникъ, Бенедиктъ Терлецкій. Базиліане окончательно осиротѣли.

Нельзя было оставаться въ такомъ положеніи: сиротство Ордена было въ высшей степени выгодно для стороны Митрополита. Орденъ понималъ это, и рѣшился на крайнее средство. Имѣя только во главѣ своей Консульторовъ, онъ поспѣшилъ созвать избирательную Конгрегацію, [447] хотя это было противъ всѣхъ его правъ. [448] Осторожно и осмотрительно приступали Базиліане къ избранію Протоархимандрита, озаботившись напередъ, чтобы эта должность не досталась кому нибудь изъ приверженцевъ Митрополита. Послѣ обычныхъ религіозныхъ приготовленій, приступая къ избранію, Базиліане распорядились прочитать напередъ Папскую буллу, подтверждающую конституцію Ордена, договоръ Митрополита Сѣлявы съ Орденомъ на свободное избраніе Протоархимандрита, и, по примѣру противной стороны, свой союзъ постановили скрѣпить клятвою: «Я (NN) (обязанъ былъ говорить каждый, желавшій имѣть права голоса) клянусь единымъ въ Троицѣ Богомъ, что по совѣсти и предъ лицомъ Божіимъ буду искренно и правдиво совѣтовать только то, что можетъ способствовать хвалѣ Божіей, пользѣ, порядку и свободамъ нашего Ордена, не буду выказывать ни малѣйшаго расположенія сторонѣ противной съ ущербомъ для нашихъ вольностей, и никому ни подъ какимъ видомъ не открою того, что будетъ говориться, совѣтоваться, постановляться, на этой Конгрегаціи. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Богъ!» и пр. [449] Приступили къ подачѣ голосовъ; карточки съ надписью имени кандидата опускались въ потиръ, съ произнесеніемъ слѣдующихъ словъ: «Призываю въ свѣдѣтели Единаго въ Троицѣ Бога, что избираю въ Протоархимандриты того, кого считаю найболѣе достойнымъ.» [450] Эта форма избранія, вызванная настоящими стѣснительными обстоятельствами Ордена, когда на каждомъ шагу нужно было опасаться, чтобы должность Протоархимандрита не досталась члену противной стороны, была узаконена, сдѣлалась обычною и для послѣдующаго времени. [451] Теперь выборъ палъ на Холмскаго Епископа, Якова Сушу. [452] Сдѣланный выборъ былъ какъ нельзя лучше. Съ раннихъ лѣтъ постригшись

въ монашество, Суша, по словамъ Базиліянъ, и въ санѣ Епископа ни чѣмъ не отличался отъ простого монаха, жилъ въ монастырѣ вмѣстѣ съ монахами, раздѣлялъ всѣ труды, подчинялся ихъ уставамъ, и только санъ Епископскій возвышалъ его надъ ними [453] Эта тѣсная близость Суши къ Базиліянамъ заставила его видѣть въ нихъ единственную поддержку Уніи, по мѣрѣ силъ стараться о распространеніи этого Ордена, только въ сохраненіи его правъ и конституцій находить обезпеченіе послѣдующихъ успѣховъ. Онъ не имѣлъ той обширной практики, которая представлялась каждому Митрополиту и ясно давала знать, что въ Епархіяльномъ управленіи нельзя ограничиваться заботами объ одномъ Орденѣ, тѣмъ болѣе давать ему какое-то самоуправленіе. При такихъ своихъ убѣжденіяхъ въ пользу Ордена, Суша, избранный Протоархимандритомъ, рѣшился доставить ему первенство надъ самымъ Митрополитомъ Онъ смѣло вступилъ въ борьбу съ человѣкомъ, отъ котораго зависѣлъ, какъ Епископъ, съ человѣкомъ, имѣвшимъ огромныя связи съ Польскими вельможами, Латинскими Прелатами и пользовавшимся расположеніемъ и дружбою самаго Короля. [454]

Митрополитъ Коленда и не думалъ о примиреніи. Пользуясь при Дворѣ сильнымъ покровительствомъ, имѣя очень немалую сторону изъ среды самихъ Базиліянъ, [455] онъ выхлопоталъ для нихъ очень немало привилегій на различныя видныя мѣста, старался замѣщать ими различныя должности въ Орденѣ, обращалъ въ Архимандріи простыя Игуменства, назначилъ «in malum et damnum zakonney dysciplíny» (слова Базиліянъ), на Пинскую Епископію родственника своего, Маркіяна Бѣлозора, который «никогда, ни въ чемъ не оказалъ услуги Ордену» (слова Базиліянъ), и выслалъ его съ манифестаціей противъ упомянутой Жировицкой Конгрегаціи, надѣясь парализовать ея дѣйствія. Но Жировицкая Конгрегація сама рѣшилась протестовать противъ незаконныхъ дѣйствій Митрополита, а особенно сподручника его, Бѣлозора, котораго она назвала «Exul». Тогда же единодушно Базиліяне постановили отправить въ Римъ нарочныхъ «обо всемъ донести Св. Столицѣ Апостольской, съ просьбою упразднить пожизненныя Архимандріи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде ихъ не было, подчинить всѣ монастыри, всѣхъ Архимандритовъ, вѣдѣнію теперь избраннаго Протоархимандрита и будущихъ его преемниковъ, дать, въ поу-

ченіе другихъ, выговоръ Бѣлозору, за его быстрое возведеніе въ санъ Епископскій.» [456] Суша принялъ на себя хлопоты по дѣламъ Ордена и лично отправился въ Римъ. [457]

Узнавши о великомъ раздѣленіи и смутахъ, происшедшихъ въ Уніятскомъ Базиліянскомъ мірѣ, Папа поспѣшилъ остановить зло, и такъ какъ за Базиліянъ хлопоталъ Яковъ Суша, который, по словамъ Папы, сильно упрашивалъ Предсѣдателей Конгрегаціи распространенія Вѣры объявить не дѣйствительною первую конгрегацію, т. е., Супрасльскую, ту, на которой Митрополитъ былъ провозглашенъ Протоархимандритомъ, то понятно, какая сторона должна была взять перевѣсъ. Особеннымъ breve на имя своего Нунція въ Польшѣ, Папа приказывалъ ему, оставивъ какъ бы въ сторонѣ двѣ предыдущія Конгрегаціи (Супрасльскую и въ противодѣйствіе ей Жировицкую), созвать новую, подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ, для избранія «auctoritate nostra Apostolica,» новаго Протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а не изъ Епископовъ. [458] Получивши breve, Нунцій издалъ окружное посланіе къ Архіепископамъ, Епископамъ, Архимандритамъ, Консуляторамъ, Старшимъ Базиліянскихъ монастырей, объявляя неважность двухъ предыдущихъ Конгрегацій, незаконность избранныхъ Протоархимандритовъ, съ приглашеніемъ ихъ на новую, подъ своимъ предсѣдательствомъ, для возстановленія потрясенной Уніи, для примиренія въ мысли и духѣ разрозненныхъ сторонъ. [459] Конгрегація назначалась въ Супраслѣ къ 11 Октября.

Въ назначенное Нунціемъ время явились въ Супрасль Архимандриты, недавно посвященные Колендою, Игумены, послы отъ монастырей. По числу съѣхавшихся Конгрегація была одна изъ торжественнѣйшихъ. Нѣтъ нужды говорить, что большинство составляла сторона Митрополита, во главѣ съ извѣстнымъ Бѣлозоромъ. Изъ среды противниковъ не было даже главнаго Суши. Сторонники Митрополита поставили, во что бы то ни было, спасти свое дѣло, удержать за нимъ должность Протоархимандрита. Обѣ стороны теперь были лицомъ къ лицу; ждали только Нунція, но онъ не являлся. Дѣйствительно, какъ онъ могъ явиться сюда, въ мѣсто, которое вполнѣ благопріятствовало Митрополиту, вступить въ среду, большинство которой поддерживало противныя выгоды? Если онъ не хотѣлъ совершеннаго разрыва съ одной стороны, а съ другой думалъ поддержать выгоды Базиліянъ,

ему оставалось единственное средство не явиться на Супрасльскую Конгрегацію. Онъ такъ и сдѣлалъ. Напрасно собравшіеся представители враждебныхъ сторонъ ожидали его прибытія. «Sors iniquior,» какъ выражались они сами, не позволила ему прибыть. Понятно, какое теперь было положеніе противниковъ Митрополита: малочисленные, въ непріязненной средѣ, они въ собственномъ смыслѣ были «ακεφαλαμι» (не имѣли главы, какъ они сами называли себя) и терпѣливо должны были выносить ѣдкія шутки, презрительные укоры, сторонниковъ Митрополита. Современникъ замѣчаетъ, что происходили великія замѣшательства и безпорядки, и истые Базиліяне съ глубокою скорбію смотрѣли на неурядицы и паденіе Ордена, на то, что нѣтъ у него истинныхъ головъ, достойныхъ правителей. [460] Безначаліе и раздоры начинали надоѣдать, и нѣкоторые стали подумывать уже, какъ бы убраться домой. Но такое дѣло, по словамъ современника, казалось слишкомъ тяжелымъ, по тому что многіе прибыли за миль шестьдесятъ и больше, понесли огромныя путевыя издержки, и ужели жь послѣ всего этого возвратиться домой ни съ чѣмъ, совершивъ одинъ пустой переѣздъ? Нужно было сдѣлать что ни будь, и вотъ по общему голосу рѣшили начать засѣданія безъ Нунція. [461] Но о чемъ совѣщаться? Извѣстно было всѣмъ, что настоящая Конгрегація, по мысли Папы и Нунція, назначалась для избранія новаго Протоархимандрита. Но кто могъ заявить подобную цѣль теперь, въ присутствіи Митрополита и огромнаго большинства его сторонниковъ, провозгласившихъ своего покровителя на первой Супрасльской Конгрегаціи (1661 г.) пожизненнымъ Протоархимандритомъ? На предложенный вопросъ, для чего созвана настоящая Конгрегація, для свободнаго ли избранія Протоархимандрита, или только главнаго его Намѣстника, сторона Митрополита прямо отвѣчала, что избирать Протоархимандрита нѣтъ нужды, по тому что на дѣлѣ (actu) имъ есть Митрополитъ, и необходимо только избрать ему помощника. Сторона противная возразила указаніемъ различія и самостоятельности двухъ должностей Митрополита и Протоархимандрита, какъ особыхъ, и требовала не только свободнаго избранія Провинціяла, но и Генерала (около этого времени уже обычное названіе для Протоархимандрита). Не выставляемое, но общеизвѣстное, желаніе того же со стороны Папы и Нунція служило для противниковъ Митрополита лучшею

поддержкою. Нельзя было ити противъ него открыто, желая сохранить Унію съ Римомъ, не призывая на себя анаѳемы Ватикана. Дѣло все таки было обставлено такъ, чтобы Митрополиту остаться Протоархимандритомъ; но онъ, какъ будто уступая желанію Папы, соглашаясь съ противною стороною, позволилъ, послѣ долгихъ разсужденій, на свободное избраніе Протоархимандрита, съ тѣмъ главнымъ условіемъ на всякій случай, чтобы новоизбранный зависѣлъ отъ Митрополита въ тѣхъ членахъ, которые будутъ обозначены въ, имѣющихъ нарочно составиться, правилахъ для Протоархимандрита. Обѣ сторона примирились на этомъ, и такимъ образомъ сошлись въ главномъ вопросѣ. Приступили къ подачѣ голосовъ, и, какъ можно было уже догадываться напередъ, выборъ палъ таки на Митрополита. Съ особеннымъ изъявленіемъ благодарности Ордену принялъ онъ эту должность, и не только какъ верховный пастырь, но и Протоархимандритъ, позволилъ поцѣловать у себя правую руку, нѣкоторымъ правое плечо. [462] Избраніемъ Генеральнаго Викарія и Консультороръ и закончилась эта скромная Конгрегація, надѣлавшая на первыхъ порахъ столько шуму. Но что же Папа и Пунцій? Уже ли такъ безслѣдно должны были пройти ихъ распоряженія, и Митрополиту такъ легко досталось торжество? Нѣтъ, еще не кончился вопросъ о его Протоархимандритствѣ, надъ нимъ сильно работали поборники чисто Базиліянскихъ выгодъ: они какъ будто позволили только высказаться противной сторонѣ.

Узнавши о торжествѣ стороны Митрополита на Супрасльской Конгрегаціи, Пунцій объявилъ ее недѣйствительною и потребовалъ, чтобы Базиліяне опять съѣхались на новую Конгрегацію въ Берестъ Литовскій (Гродненской Губерніи). Былъ назначенъ срокъ (1 Марта, 1666 г.), самый неудобный для переѣзда, по случаю весенняго разлива рѣкъ, особенно, если помнить при этомъ, что Конгрегація предполагалась въ Берестѣ, на Полѣсьѣ, и теперь извѣстномъ часто непреодолимою трудностію своихъ путевыхъ сообщеній. Напередъ можно было смѣло сказать, что число присутствующихъ будетъ самое малое и, слѣдовательно, ни что не помѣшаетъ повести дѣло по волѣ Папы, въ пользу Базиліянъ. Почти всѣ Волынскіе и Бѣлорусскіе Базиліяне должны были отказаться отъ личнаго участія въ назначенномъ съѣздѣ. Изъ дѣяній Конгрегаціи видно, что на ней присутствовало около

10 человѣкъ. [63] Засѣданія открылись подъ предсѣдательствомъ Нунція. Онъ объявилъ собранію, что, по волѣ Верховнаго Пастыря, Базиліяне должны избрать въ настоящую пору своимъ Генераломъ одного изъ среды себя, простого монаха, професа; что подобное управленіе Базиліянъ Св. Отецъ находитъ самымъ лучшимъ и полезнымъ. [64] Но сторона Митрополита, хотя теперь она не присутствовала во всемъ своемъ составѣ, была очень сильна и, по всей вѣроятности, очень ясно давала знать свою рѣшимость, свое вліяніе, когда Нунцій на свою рѣчь услышалъ почти единогласный отвѣтъ, что Митрополитъ, конечно, не будетъ удерживать за собою должности Протоархимандрита, что она приноситъ ему одинѣ только труды, но для самаго Ордена будетъ не хорошо, коль скоро онъ совершенно отдѣлится отъ управленія Митрополитскаго; тогда, вмѣсто Уніи, явится Дизунія, и необходимое на будущее время искреннее единеніе всѣхъ замѣнится разрозненностію (dissolutio); огромный вредъ для всей Конгрегаціи, вотъ слѣдствія, которыя уже пришлось отчасти испытать Ордену. [65] Нунцій отстаивалъ желаніе Папы. Базиліяне повторяли свои замѣчанія, указывали на современное, трудное, положеніе Ордена, близкое къ совершенной погибели, и простой монахъ ни какъ не въ состояніи будетъ излѣчить этѣ раны: въ доказательство своихъ словъ они ссылались на прошедшую практику, когда въ извѣстные промежутки Орденомъ управлялъ простой монахъ; по этому, говорили они, необходимо нужно, чтобы теперь управленіе Орденомъ ввѣрено было самой вліятельной особѣ, Его Милости, Митрополиту. Много было высказано различныхъ грустныхъ замѣчаній о темной сторонѣ Ордена. Всѣ они изображали мрачную картину внутреннихъ неустройствъ, безпорядковъ, происшедшихъ во время тринадцатилѣтняго управленія Орденомъ дряхлаго, слабохарактернаго, Митрополита Сѣлявы, ослѣпшаго, не владѣвшаго ни ногами, ни руками, безпорядковъ, которые потомъ еще болѣе увеличились отъ того, что около десяти лѣтъ не было въ Уніятской Церкви Митрополита. [66] Пьянство, бродяжничество, неповиновеніе старшимъ и вообще ослабленіе монастырскаго благочинія дошло до такихъ громадныхъ размѣровъ, что съ монахами нельзя было управиться не только простымъ, обыкновеннымъ Настоятелямъ, но даже самому Протоархимандриту, и при томъ такому, какимъ былъ Іяковъ Суша. «Среди насъ, гово-

рилъ онъ теперь на Конгрегаціи, много есть такихъ наглыхъ монаховъ, которые презираютъ, бьютъ, своихъ Старшихъ. Что могъ бы сдѣлать съ ними Протоархимандритъ простой монахъ, особенно если бы они опирались на покровительство Епископовъ? Мнѣ самому удалось испытать (въ бытность Протоархимандритомъ), продолжалъ Суша, когда однажды въ Холмѣ я захватилъ въ расплохъ пьянствующихъ ночью монаховъ; схвативъ за волосы, они бросились бить меня, не думая о томъ, что имѣютъ дѣло съ Епископомъ и Протоархимандритомъ.[467] Монахи ни кого не слушались, ни кого не хотѣли знать. Ихъ нельзя было исправить ни угрозами, ни наказаніями: да и самыя угрозы и наказанія не страшны были для нихъ. При малѣйшей строгости со стороны Настоятелей, или Протоархимандрита, они оставляли свои монастыри, переходили въ другіе Латинскіе Ордена, или же вовсе оставляли монашество и дѣлались свѣтскими Латинскими Священниками.»[468] Такое бѣдственное состояніе Ордена смутило даже тѣхъ, которые недавно еще такъ упорно отстаивали право Ордена на свободное избраніе Протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ. Оно освѣжило нѣсколько даже такихъ личностей, каковъ былъ Іяковъ Суша; послѣдніе увидѣли теперь, что дѣйствительно нѣтъ возможности управиться съ ними простому монаху, и всѣми силами настаивали на томъ, чтобы управленіе Орденомъ ввѣрено было Митрополиту. «Нѣтъ ни чего удивительнаго, говорилъ Нунцію Суша, что я предлагаю теперь въ Протоархимандриты Митрополита: я самъ, въ бытность свою Протоархимандритомъ, на опытѣ узналъ, какъ трудно управлять Орденомъ, особенно въ настоящее время, когда столько накопилось въ немъ зла, столько нанесено ему глубокихъ ранъ, что излѣчить ихъ въ состояніи одинъ только Митрополитъ.»[469] Нунцію послѣ этого ни какъ уже нельзя было долѣе настаивать на своемъ. Совершили съ обычными обрядностями избраніе, и выборъ палъ на Митрополита. Онъ долженъ былъ присягнуть теперь передъ Нунціемъ на вѣрность Ордену. «Я, Гавріилъ Коленда, говорилъ онъ, по милости Божіей и Святой Апостольской Столицы, Митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Руси, Професъ Ордена Св. Василія Великаго и новоизбранный Протоархимандритъ, клянусь единымъ въ Троицѣ Богомъ, быть вѣрнымъ и благожелательнымъ Ордену Св. Отца нашего, Василія Великаго, и особенно Конгрегаціи этого Ордена

Св. Живоначальной Троицы, и, по мѣрѣ силъ моихъ, стараться объ ея благѣ и распространеніи, и исполнять должность Протоархимандрита, на которую я свободно избранъ всѣми, сообразно конституціямъ Орденскимъ и Протоархимандричьимъ, которыя будутъ даны мнѣ. Въ этомъ да поможетъ» и проч. [470] Благодарилъ потомъ Митрополитъ все собраніе за такое довѣріе къ нему, просилъ забыть давніе споры, происшедшіе въ слѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, говоря, что онъ никогда не домогался Протоархимандритства по какимъ либо корыстнымъ цѣлямъ, или властолюбію, а единственно изъ желанія добра Ордену и Уніи. Для большаго удостовѣренія въ искренности своихъ благожеланій Ордену, Коленда, по примѣру своего предшественника, по просьбѣ Базиліянъ, письменнымъ актомъ обезпечилъ ихъ право на свободное избраніе Протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ. [471]

Митрополитъ выполнилъ свое клятвенное обѣщаніе. Удерживая Протоархимандритство до конца жизни (1674 г.), Коленда имѣлъ достаточно времени и средствъ поправить разстроенныя дѣла Ордена. Онъ прежде всего озаботился возстановленіемъ Новиціята, находившагося въ это время въ совершенномъ упадкѣ, и съ этою цѣлію наложилъ контрибуцію на всѣ монастыри; [472] постановилъ, чтобы всѣ остаточныя суммы въ монастыряхъ отдаваемы были на Новиціятъ; строго предписалъ Настоятелямъ монастырей наблюдать за точнымъ исполненіемъ монахами общежительнаго устава и правилъ монастырскаго благочинія; [473] заставилъ многихъ Архимандритовъ отказаться отъ своихъ титуловъ, равно какъ и отъ привилеевъ, выхлопотанныхъ ими у Короля, безъ всякого на то согласія со стороны представителей Ордена, и, что всего замѣчательнѣе, заставилъ отказаться отъ Архимандрій даже тѣхъ Архимандритовъ, для которыхъ онъ самъ выхлопоталъ у Короля привилеи, во время своего разлада съ Орденомъ. [474] Онъ требовалъ полнаго послушанія своимъ распоряженіямъ, и, въ случаѣ неповиновенія, назначалъ взысканія, дѣлалъ открытые выговоры даже Епископамъ. [475] Епископъ Суша сдѣлался его дѣятельнѣйшимъ помощникомъ. Такъ кончилась борьба Митрополита за Протоархимандритство. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ загладилъ ошибку, допущенную имъ въ началѣ управленія Уніятской Церковію, и умеръ въ мирѣ и согласіи съ Базиліянами, съ правами и властью Протоархимандрита. Какіе

же были послѣдствія этой продолжительной, упорной борьбы?.... Очень выгодныя для Базиліянъ и вполнѣ вредныя для власти Митрополита и всей Уніятской Церкви.

VIII.

Усиленіе Базиліянъ; усиленіе Римской власти въ Уніятской Церкви.

20 слишкомъ лѣтъ (съ 1642 по 1666) продолжалась борьба Митрополитовъ съ Орденомъ, и послѣднимъ словомъ съ обѣихъ сторонъ было то, что причиною ея—взаимныя недоразумѣнія. Не по какимъ ни будь другимъ основаніямъ, а только изъ желанія блага Ордену и Уніи, силились Митрополиты (по ихъ сознанію) удерживать за собою Протоархимандритство «Если такъ,» говорили какъ бы Базиліяне, «мы готовы уступить;» они даже дѣлали больше: сами начинали хлопотать за Митрополита (на 16 Конгрегаціи Берестской); во всякомъ случаѣ требовали уступки и отъ Митрополита, на основаніи того же блага Ордена. Такому требованію не могли противорѣчить ни Митрополитъ Сѣлява, ни Коленда, если хотѣли быть логичными, сколько ни будь искренними. Свои обѣщанія они скрѣпляли даже письменнымъ актомъ. Что значитъ послѣ этого видимый выигрышъ Митрополита? Не по тому ли онъ и получилъ его, что этого только хотѣли Базиліяне? «Много есть у насъ наглыхъ монаховъ (говоримъ уже высказанными нами словами Суши), которые бьютъ и презираютъ своихъ старшихъ. Какъ управиться съ ними Протоархимандриту, простому монаху, если бы они укрылись подъ покровъ Епископовъ?» Это значило, что Протоархимандриту необходимо быть въ настоящую пору Митрополитомъ: но для чего? Чтобы смирить непокорныхъ, обуздать непослушныхъ Ордену, устранить различные безпорядки. Нельзя было придумать мѣры лучше этой для ослабленія власти Митрополита. Теперь Базиліяне возставляли его противъ того, что самъ онъ допустилъ предъ этимъ, дѣлали его врагомъ его же стороны, уничтожали послѣднюю силами ея же союзниковъ; не говоря о другихъ, замѣтимъ только, что самый близкій сподручникъ Митрополита, его племянникъ, извѣстный

намъ Епископъ Бѣлозеръ, такъ усердно ратовавшій противъ Базиліанъ во время ихъ разлада съ Митрополитомъ, теперь (1667 г.) принужденъ былъ послѣднимъ отказаться отъ полученной прежде Архимандріи Виленской, [476] а потомъ получилъ даже открытый выговоръ за несвоевременное прибытіе на Конгрегацію: [477] этого требовали Базиліанскія конституціи. Такимъ образомъ Митрополитъ дѣйствовалъ рѣшительно въ пользу Базиліанъ; всѣ прежніе его сторонники въ духѣ чисто Базиліанскомъ должны были уничтожиться, сознать ненадежность предыдущаго своего положенія, навсегда отказаться отъ него, пристать къ противной сторонѣ, уже замѣтно начинавшей торжествовать, и собою довершить ея торжество. Митрополитъ, очевидно, оставался одинъ: для него теперь уже не было исхода.

Послѣдняя борьба ясно показала, что выдвигалась новая сила, та, на которую первоначально опирались и Уніятскіе Митрополиты, и что эта сила готова поддержать Базиліанъ, вполнѣ благопріятствуетъ имъ. Болѣе полувѣка существовала уже Унія, и существовала единственно усиліемъ и трудами Базиліанъ. Сколько бурь, сколько бѣдъ и невзгодъ, не разъ обрушалось на Унію, особенно при вступленіи на престолъ Владислава IV и во времена Козацкихъ войнъ, когда ей чуть не пришлось быть вычеркнутой изъ числа законно существующихъ Исповѣданій; когда, по выраженію одного Польскаго историка, гражданская власть, довольно ограниченная широкими началами Польской конституціи, должна была подписывать «смертный приговоръ Уніи:» [478] и все это бремя тяжкихъ испытаній выносили на своихъ плечахъ исключительно Базиліяне. «Ложно обвиняютъ насъ Латиняне, писалъ въ свое время Суша (около 1665 г.), будто мы ни сколько не заботимся о распространеніи Уніи. 69 лѣтъ прошло отъ начала ея, и, благодареніе Богу, наше Исповѣданіе вездѣ распространяется по Литвѣ и Руси. Въ одной Литовской Митрополіи, на пространствѣ 70 Нѣмецкихъ миль, отъ предѣловъ Волыни до Княжества Полоцкаго, почти не видно раскольствующихъ, живутъ одни Уніяты, перемѣшанные съ Латинянами. Очень рѣдкое исключеніе составляетъ какая ни будь дача помѣщика еретика, или раскольствующаго. Въ одной Вильнѣ, гдѣ прежде, въ началѣ Уніи, было около 10 Уніятовъ, теперь можно насчитать 10 тысячъ. Если въ этой же Митрополіи мы обратимъ свой взоръ по направленію къ обла-

стямъ Новогородской, Минской, Берестской, Мстиславской, тамъ, на огромномъ разстояніи, мы вездѣ увидимъ гораздо большее число Уніятовъ, чѣмъ раскольствующихъ. Архіепископство Полоцкое, отъ предѣловъ Куроніи, и Ливоніи, на пространствѣ ста Нѣмецкихъ миль, заключаетъ въ себѣ огромныя, богатыя деревни и города, имѣетъ до 1000 приходовъ, прославленныхъ кровію блаженнаго мученика, Іоасафата. При избраніи и вѣнчаніи Владислава, пришлось уступить раскольствующимъ титулъ Мстиславскаго Епископа и коечто изъ монастырскихъ Могилевскихъ имѣній. Во всякомъ случаѣ и здѣсь вездѣ больше Уніятовъ, чѣмъ раскольствующихъ. Въ Епископствѣ Пинскомъ до послѣднихъ временъ Козацкихъ войнъ, за исключеніемъ самого Пинска, на пространствѣ 40. Нѣмецкихъ миль, почти нигдѣ не было раскольствующихъ и еретиковъ. Теперь имѣется тамъ до 100 приходскихъ Священниковъ, которыхъ постоянно тревожатъ Козаки своими нападеніями. Смоленское Архіепископство, сопредѣльное съ Полоцкимъ, отданное Уніятамъ Сигизмундомъ III, вмѣстѣ съ Княжествомъ Сѣверскимъ, послѣ мученичества блаженнаго Іоасафата, имѣетъ болѣе шести сотъ такихъ Священниковъ, и даже въ самомъ Смоленскѣ нѣтъ раскольствующихъ. Это съ нашей стороны, тѣмъ, большая заслуга, что тутъже предѣлы Москвы. Епископство Владимирское и Кременецкое, отъ предѣловъ Браславскихъ и Подольскихъ съ одной стороны, обойдя потомъ Холмскую землю, по направленію къ Бѣльску, Брянску, Мельнику, Дорогичину, на пространствѣ болѣе 60 Нѣмецкихъ миль, имѣетъ по меньшей мѣрѣ 1000 приходовъ, и въ самыхъ населенныхъ городахъ Уніяты превышаютъ своею численностію раскольствующихъ. Даже въ Луцкомъ Епископствѣ, которое, при избраніи Владислава, уступлено послѣднимъ, и на Волыни, хотя въ самомъ безутѣшномъ положеніи (in summa desolatione), между чистыми раскольствующими, находятся около 100 приходовъ, и до семи монастырей. Здѣсь управленіе Уніятами обыкновенно принадлежитъ Архимандриту Жидичинскому, который бываетъ Епископомъ. Въ Епархіяхъ Холмской и Бельзской, на пространствѣ 50 Нѣмецкихъ миль, по направленію къ Литвѣ и Польшѣ, нигдѣ нѣтъ раскольствующихъ, вездѣ Уніяты, за исключеніемъ города Люблина. Въ этомъ Епископствѣ болѣе трехъ сотъ Уніятскихъ приходовъ. Епископство Перемышльское самое обширное, хотя Дворяне въ немъ Русскіе, но всѣ находятся въ послу-

шаніи у насъ; въ немъ считается 3000 приходовъ.» [478] За Православными, такимъ образомъ, оставалась еще пока одна Львовская Епископская каѳедра. Въ остальныхъ осьми сильно давала себя чувствовать стихія Уніятская, и ея распространеніе приписывалось главнымъ образомъ членамъ Базиліянскаго Ордена. Извѣстно было объ Іоасафатѣ Кунцевичѣ, какъ усердно работалъ онъ для Уніи: сами Католики называли его «flagellum Schizmaticorum,» Православные — «Душехватомъ.» [480] О Базиліянѣ Симеонѣ Яцкевичѣ, пользовавшемся извѣстностію при Дворѣ Владислава IV и Іоанна Казимира, Езуитъ Ляпцицкій отзывался съ такою похвалою, что нѣтъ больше его по святости во всемъ Католическомъ мірѣ. [481] Левъ Креуза, vis zelantissimus, по своемъ вступленіи на Смоленскую Епископію, всѣхъ подвинулъ къ послушанію Св. Уніи, и былъ такъ счастливъ, что во всей его Епархіи «nullus schismaticus compareret.» [482] «Самаго Сушу, по замѣчанію его жизнеописателя, «Богъ такъ щедро благословилъ, что, заставши въ своей Епархіи, при вступленіи на Епископскую каѳедру, очень немногихъ Уніятовъ, такъ же мало съ своею смертію оставилъ Неунитовъ.» [483] Вообще Орденъ Базиліянъ давалъ изъ себя, главнымъ образомъ, Митрополитовъ, Епископовъ и другихъ властей, [484] которыя почитались первѣйшими защитниками Уніи. [485] Въ защиту ея писали сочиненія, въ самыя трудныя минуты хлопотали за нее при Дворѣ (1650 г.), [486] заводили Новиціяты. Въ своемъ Орденѣ Базиліяне, кромѣ Іоасафата Кунцевича, считали еще нѣсколько человѣкъ мучениковъ, пострадавшихъ за единеніе съ Римомъ: Архидіякона Іоасафата Дороѳея, извѣстнаго намъ Антонія Грековича, Викарнаго Рутскаго, Антонія Буткевича, Перемышльскаго Визитатора, и нѣкорыхъ другихъ. [487] Орденъ Базиліянъ, кромѣ того, сослужилъ великую службу всему Латинству и Польскому Государству въ тяжелое время Козацкихъ войнъ. Онъ, кажется, лучше другихъ понималъ, что такое Козачество, и не видѣлъ большого труда ослабить эту силу. Зная самый разнородный составъ Козачества, которое, по тому одному уже, не могло отстаивать однихъ опредѣленныхъ выгодъ, и, за извѣстную награду, или ради одной добычи, готово было служить всѣмъ, Базиліяне Епископы совѣтуютъ Правительству не слишкомъ смущаться этою видимою грозой. «Почти всѣ Козаки, говорятъ они, — безбожники: они совсѣмъ не думаютъ о Религіи,

нужно только, чтобы не было лицъ, которыя бы ихъ поджигали;» [488] и по тому совѣтуютъ Королю всенародно объявить (Православнаго) Митрополита и Епископовъ, ихъ соучастниковъ (съ 1620 г.), возмутителями общественнаго спокойствія, осудить ихъ. «Козаки послѣ того успокоятся,» говорили Уніяты.* Съ презрѣніемъ отзываются они о Польскихъ Дворянахъ, которые говорили, будто не хотятъ защищать Уніи по тому, что боятся могущества Козаковъ. Они указываютъ гораздо большую опасность въ Православныхъ Братствахъ, именно по тому, что послѣднія, обладая огромными капиталами, могутъ подкупить Козаковъ. [489] Коль скоро устроился Базиліянскій Орденъ, онъ почти всѣ церковныя имѣнія началъ прибирать къ своимъ рукамъ и, между прочимъ для того, чтобы, закупая на собранные капиталы часть Козаковъ на свою сторону, ослабить такимъ образомъ Православныхъ, на дѣлѣ показать Полякамъ вѣрность своей логики: уже Митрополитъ Рутскій помогъ въ этомъ отношеніи Польскому Правительству 50,000 золотыхъ; то же повторялось и потомъ; самъ Римъ получалъ очень не малые и не рѣдкіе подарки Базиліянъ. Вотъ огромныя, историческія, заслуги Базиліянъ, которыя громко говорили за нихъ предъ всѣмъ Латинскимъ міромъ, хорошо были извѣстны Папѣ.

Римскій Дворъ, въ свою очередь, не хотѣлъ оставаться въ долгу у Базиліянъ. Онъ рано началъ осыпать ихъ своими милостями. Едва только устроился Базиліянскій Орденъ, Папа по своимъ алюмнатамъ въ Римѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Оломуцѣ, Брунсбергѣ, Вильнѣ, открылъ на свой счетъ двадцать два мѣста для учениковъ изъ его среды. [490] Въ 1639 г. Папа Урбанъ VIII подарилъ Базиліянамъ въ Римѣ костелъ Вакха и Сергія. Его братъ, Кардиналъ Барберини, на свой же счетъ поновилъ этотъ костелъ, купилъ Базиліянамъ для постояннаго жительства сосѣдній домъ, записалъ на будущее время постояннаго ежегоднаго дохода 100 скудовъ. (Скудъ почти $1\frac{1}{2}$ руб., сер. около 140 коп.). Митрополитъ Рафаилъ Корсакъ первый удостоился совершить здѣсь на Славянскомъ языкѣ торжественную Архіерейскую службу. [491] Для Папъ было очень важно дать постоянное пристанище въ Римѣ Базиліянамъ. Черезъ

* Клевета до того ослзательная, что не нуждается даже ни въ какомъ опроверженіи: стоитъ только ее услышать, чтобъ не повѣрить ей ни въ чемъ. О. Б.

нихъ они могли узнавать все, что дѣлалось на Руси и въ Польшѣ. [492] Еще въ 1624 г. Папа Урбанъ VIII надѣлилъ Базиліанъ Конгрегаціи Св. Троицы всѣми правами и индульгенціями, какія его предшественникъ, Павелъ V, уступилъ монахамъ и клирикамъ Латинскимъ. [493] Всѣмъ вѣрующимъ, которые канонически, по правиламъ Ордена и конституціямъ Апостольской столицы, приняли монашескій санъ, отъ законныхъ Старшихъ, въ первый день ихъ вступленія въ Орденъ, давалась полная индульгенція, если они съ покаяніемъ исповѣдывались и пріобщались Св. Таинъ. То же получалъ и каждый монахъ, живущій въ кельѣ монастыря, если въ главный праздникъ своего Ордена (in Festo principali sui Ordinis) исповѣдывался и пріобщался, отчитывалъ мшу и возносилъ къ Богу молитвы за согласіе Князей Христіянскихъ, искорененіе ересей, здравіе Римскаго Первосвященника, возвышеніе Св. Матери Церкви, при всевозможныхъ случаяхъ смерти исповѣдь съ покаяніемъ и общеніе Св. Таинъ, или если этого нельзя было сдѣлать, то одно покаянное призываніе имени Іисусъ устами ли, или даже сердцемъ, давало уже полную индульгенцію. Кто канонически получаетъ санъ священства и, исповѣдавшись, совершаетъ первую мшу, равно и тѣ монахи, которые присутствуютъ за этой мшой, исповѣдываются и пріобщаются, или же сами совершаютъ въ этотъ день оную, получаютъ полную индульгенцію. Тѣ изъ монаховъ, которые, съ вѣдома Старшихъ, освобождались отъ обычныхъ (физическихъ) занятій на 10 дней, и это время проводили въ уединеніи въ своей кельѣ, въ благочестивомъ назидательномъ чтеніи, въ размышленіи о Божіихъ благодѣяніяхъ, страстяхъ Христовыхъ и т. п., въ двухъ часовомъ ежедневномъ молитвенномъ пѣніи, въ спасительныхъ умосозерцаніяхъ во время ночи, не забывая, конечно, по временамъ исповѣдаться и причаститься, или же совершить мшу, получали полное прощеніе и отпущеніе своихъ грѣховъ. Такую же индульгенцію получали тѣ изъ монаховъ, которые, живя въ монастырѣ, тщательно, съ благочестивымъ настроеніемъ, посѣщали свою церковь, а находящіеся внѣ монастыря должны были для этого посѣтить церковь ближайшаго города въ дни страданій Спасителя (Diebus stationum). Монахамъ въ монастырѣ пятилѣтняя индульгенція давалась за то, если у престола своей церкви они произносили пять разъ молитву Господню и Богородице Дѣво, радуй-

ся.... подъ тѣмъ же условіемъ получали такую индульгенцію и всѣ монахи путешествующіе, съ позволенія Старшихъ, проповѣдники, лекторы; для нихъ, конечно, мѣстную церковь могла замѣнять наличная. 60-лѣтнюю индульгенцію получали тѣ изъ монаховъ, которые въ продолженіи мѣсяца ежедневно полчаса употребляли на умственную молитву, и въ послѣднее Воскресенье этого мѣсяца исповѣдывались и пріобщались. Тѣ, которые съ сокрушеннымъ сердцемъ всенародно объявляли о своемъ недостоинствѣ, съ сокрушеннымъ сердемъ исповѣдывали свои грѣхи, совершали духовные подвиги, получали трехлѣтнюю индульгенцію. Полное прощеніе грѣховъ давалось тѣмъ, которые, будучи посланы Первосвященникомъ, или своими Старшими, на проповѣдь въ дальнія области, въ земли невѣрныхъ, еретиковъ, для насажденія тамъ Христовой Вѣры, съ покаяніемъ исповѣдывались, пріобщались, совершали мшу и вообще все то, что казалось, по ихъ усмотрѣнію, болѣе годнымъ для ихъ миссіи. [494] Черезъ три года Папа Урбанъ VIII еще болѣе расширилъ права и привилегіи Базиліянъ. Не довольствуясь тѣмъ, что ихъ лично надарилъ самыми разносторонними индульгенціями, Папа простираетъ это право и на всѣхъ тѣхъ, которые духовные подвиги будутъ отправлять подъ руководствомъ Базиліянъ, и въ этомъ случаѣ сравниваетъ Базиліянъ съ Езуитами, которые одни пользовались подобнымъ правомъ. [495] Папы: Александръ VII и Климентъ XII пошли еще дальше. Они объявили, что, для полученія полной индульгенціи, достаточно было отправить 8-дневныя духовныя упражненія, исповѣдаться и пріобщиться въ домахъ, ораторіяхъ, принадлежащихъ Базиліянамъ, какъ подобное было уступлено Езуитамъ. [496] Мы знаемъ уже, что только въ этотъ Орденъ позволено было переходить Латинянамъ, Езуитамъ.

Польскіе Короли, руководимые Езуитами и Папой, не отставали отъ послѣдняго въ милостяхъ къ Уніи, начинавшей олицетворяться въ Орденѣ-Базиліянъ. Въ стѣснительныя обстоятельства была поставлена она Козацкими войнами. Зборовскій договоръ, [497] Бѣлоцерковскій трактатъ, [498] и особенно статьи Гадяцкаго договора, [499] утвержденные Королемъ и Польскими Сенаторами, объявляли Унію явленіемъ незаконнымъ, такимъ, которое необходимо уничтожить въ пользу Православія, для блага общественнаго. При тяжелыхъ обстоятельствахъ Польскому Прави-

тельству нѣкогда было думать еще объ Уніи. Оно обязывалось даже ее уничтожить, [500] и дарило Православіе самыми пышными обѣщаніями. [501] По прошли трудныя времена, не стало Владислава IV, [502] умеръ Хмельницкій. Въ Западной Руси, кромѣ того, и между Козачествомъ обнаружилось раздѣленіе, выгодное для Польши и невыгодное для Россіи, для Православія. [503] Латинско-Езуитская сторона почувствовала себя свободнѣе, и заставила Короля не только возстановить всѣ права Уніи, но даже объявить, что и во всѣхъ предыдущихъ трактатахъ (Гадяцкомъ) подъ Православіемъ, о которомъ въ нихъ разсуждается и которому падаются разныя права, нужно понимать собственно Унію. [504] Совершенно случайное обстоятельство еще болѣе возвысило Уніятовъ, и особенно Базиліянъ, въ глазахъ Польскаго Правительства. Однажды (1660 г., во время войны Поляковъ со Шведами и Русскими) въ Польскомъ войскѣ, собиравшемся начать битву съ Русскими, назначенъ былъ пароль: «Іоасафатъ Кунцевичъ.» Въ этотъ день ничего особеннаго не случилось, но на слѣдующій день Поляки одержали побѣду и вспомнили, что, вѣдь, у нихъ пароль не перемѣненъ, остался тотъ же «Іоасафатъ Кунцевичъ:» значитъ, Іоасафатъ Кунцевичъ помогъ одержать побѣду, въ одинъ голосъ заговорили Езуиты, Базиліяне. Дали знать Сейму о такомъ необычайномъ событіи; сочли даже нужнымъ, для большаго дѣйствія отыскать въ войскѣ, одержавшимъ побѣду, такого Православнаго, который бы согласился явиться на Сеймъ и пересказать все это чудо. Король и Сеймъ нашли этотъ случай удобнымъ доставить Іоасафату, уже Святому, новую честь канонизаціи, и отправили посольство къ Папѣ Александру VII съ просьбою канонизовать Іоасафата. Болѣе всѣхъ хлопоталъ извѣстный намъ Яковъ Суша [505] Въ концѣ концовъ выходило, что Унія, и особенно Базиліянскій Орденъ, дающій изъ себя такихъ лицъ, какъ Іоасафатъ, вполнѣ полезны для Государства, спасительны: [506] они помогаютъ ему даже за гробомъ. Очень естественно теперь было явиться слѣдующему постановленію; «Отступниковъ отъ Уніи наказывать такъ же, какъ и отступниковъ отъ Латинства, т. е., изгнаніемъ изъ отечества,» [507] такъ какъ главнымъ представителемъ Уніи считался Базиліянскій Орденъ, то къ нему и относились всѣ эти права. Къ тому времени успѣло даже сложиться цѣлое убѣжденіе, самую Унію отождествлявшее съ Орденомъ, такъ что, по словамъ Якова Суши,

«благо одного было вмѣстѣ и благомъ другой, и зло Ордена вело къ погибели Уніи.» [508] Папы очень хорошо понимали это и, какъ мы видимъ, дарили Базиліянъ очень и очень немалыми милостями.

Отсюда выродился цѣлый складъ новыхъ отношеній въ Уніятской Церкви. Базиліяне въ глазахъ Папъ были тѣми Русскими, посредствомъ которыхъ, по ихъ словамъ, они думали обратить къ себѣ весь Востокъ. [509] Базиліяне, въ свою очередь, постоянно осыпаемые щедротами Рима, привыкли видѣть въ немъ своего покровителя и, по мѣрѣ силъ, старались благодарить его. Съ этою цѣлію имя Папы вводится въ поминовеніе при Божественной Службѣ (въ первый разъ въ 1661 г.), «чтобы такимъ образомъ Уніяты, какъ вѣрные по духу подданные Папы (слова Суши), свидѣтельствовали ему самомъ дѣломъ (de facto) свое послушаніе и благодарность за то, что въ тяжелыя времена угнетеній Св. Уніи отъ Казаковъ и раскольствующихъ, онъ, подобно нѣжному отцу, заступался у Короля и Рѣчи Посполитой за нихъ, негодныхъ своихъ сыновъ.» [510] Около этого времени Уніятскіе Митрополиты въ свой титулъ ввели новое прибавленіе: «Милостію Божіею и Св. Столицы Апостольской Митрополитъ такой-то,» и проч., стали писаться они съ этѣхъ поръ. [511] Въ Уніятской Церкви видимо усиливалось значеніе Римскаго Папы, слабѣло вліяніе Митрополита. Загорѣвшаяся, открытая, борьба между нимъ и Базиліянами окончательно отодвинула его на второй планъ. Жалобы Ордена выслушиваются Римомъ съ полнымъ сочувствіемъ, признается ихъ законность; отъ Митрополита требуется удовлетвореніе, какъ отъ подсудимаго. Папскій Нунцій объявляетъ ничтожною Конгрегацію, состоявшуюся подъ предсѣдательствомъ Митрополита (15 Супрасльскую), ея постановленія рѣшительно противными Ордену и Апостольскому Сѣдалищу. Нунцій былъ неумолимъ, и только ходатайство Базиліянъ спасаетъ Митрополита, удерживаетъ его на должности Протоархимандрита. Призваніе Папы для рѣшенія возникшихъ споровъ ясно давало знать всему Уніятскому міру, что не Митрополитъ, какъ требовали первыя условія Уніи, [512] главный начальникъ Уніятской Церкви, а Папа; онъ ея хранитель, покровитель. Базиліяне поставили вопросъ еще болѣе рѣзко: они задумали покончить совсѣмъ съ Митрополитами и имѣть дѣло непосредственно съ Папой: должность Базиліянскаго Про-

куратора in urbe, который долженъ былъ слѣдить въ Римѣ за дѣлами Базиліянъ, давать имъ выгодное направленіе, получаетъ теперь особенное значеніе, дѣлается предметомъ многихъ думъ, Конгрегаціонныхъ совѣщаній. [513] Такимъ образомъ, Базиліяне во главѣ уже съ Папой, дѣлаются средоточіемъ Уніятской церкви, къ которому теперь начинаетъ тяготѣть все. Ихъ воля, ихъ слово, постоянно утверждаемыя Римомъ, дѣлались закономъ, предъ которымъ должны были замолкнуть всѣ другія желанія Уніятовъ не Базиліянъ. Ихъ конституціи съ этѣхъ поръ становятся неприкосновенными. [514] По смерти Митрополита Коленды, они въ первый разъ вполнѣ свободно совершили избраніе Протоархимандрита по всѣмъ правиламъ Ордена. [515] Митрополитъ Жоховскій, преемникъ Коленды, не только не высказывалъ притязаній на Протоархимандритство, а, напротивъ, самъ отказывался отъ этой должности и убѣждалъ Базиліянъ строго держаться постановленій прежнихъ Конгрегацій относительно избранія Протоархимандритовъ изъ простыхъ только монаховъ, а не Прелатовъ; о себѣ говорилъ онъ, что у него, равно какъ и у каждаго Епископа, и безъ того слишкомъ много занятій, обязанностей. [516] Мы увидимъ, какъ трудно было и самому Жоховскому, и послѣдующимъ Митрополитамъ, держаться въ такомъ почтительномъ отъ Ордена отдаленіи; скажемъ болѣе: это было не возможно, и не прекращалась постоянная, внутренняя, борьба между Митрополитомъ и Орденомъ; до поры до времени она усиливала только Орденъ, все болѣе и болѣе расширяла, уясняла, его задачу. Умирившись внутренно, какъ бы устроившись и занявши видное положеніе, Базиліяне рѣшились дать нарядъ и всей Уніятской Церкви, рѣшить тотъ великій вопросъ, который отчасти служилъ вызовомъ для Уніи и отъ правильнаго рѣшенія котораго зависѣло дальнѣйшее ея существованіе. Мы говоримъ «объ исправленіи поврежденной церковной обрядности.»

X.

Состояніе Западно-Русской Церковной обрядности до Уніи и во время Уніи до половины XVII вѣка.

Много безпорядковъ въ Западно-Русскомъ Церковномъ управленіи проистекло отъ, такъ называемаго, «права подаванья» (jus patronatus) и раздачи свѣтскою властію, по ея усмотрѣнію, церковныхъ должностей (jus investiturae). Грамоты Королей свѣтскимъ и духовнымъ лицамъ на владѣніе монастырями и частными церквами предоставляли владѣтелямъ право не только пользоваться всѣми доходами съ монастырскихъ и церковныхъ земель и селъ, но и управлять дѣлами церковными, по обычаю и постановленіямъ Греческой Религіи.» Но какимъ образомъ могъ знать эти «обычаи и постановленія» какой ни буль ветеранъ воинъ, иногда и Латинянинъ, вдругъ за свои заслуги переносившійся изъ шумной, разгульной, военной, жизни въ тихія кельи уединенной обители, нерѣдко съ непремѣннымъ обязательствомъ надѣть не себя монашескій клобукъ? Обязательство, правда, иногда исполнялось, но прежнія привычки давали чувствовать себя и въ монастырѣ: онъ превращался въ веселый дворецъ обычнаго Польскаго шляхтича. При отсутствіи какого бы то ни было надзора, каждый подобный хозяинъ дѣлалъ, по своему усмотрѣнію, въ церковныхъ службахъ различныя «исключенія, придаванія, замѣненія; [547] «бывало нерѣдко, что кругъ церковныхъ службъ и совсѣмъ пріостанавливался. Таинство брака рѣшительно потеряло свое значеніе въ обрядовомъ отношеніи. Приходскіе Священники произвольно расторгали законные и совершали незаконные браки; [548] не говоримъ уже о томъ, сколько было разностей при самомъ совершеніи обряда. Бывали случаи, что въ одномъ и томъ же храмѣ, въ одинъ и тотъ же день, одинъ Священникъ совершалъ Таинство брака съ «новыми не звыклыми церемоніями,» другой по «старому обычаю.» [549] Греческіе Епископы въ большомъ количествѣ, по взятіи Константинополя, странствовавшіе по Молдавіи, Валахіи, охотно рукополагали, за извѣстную плату въ священный санъ являвшихся, неизвѣстныхъ имъ, кандидатовъ, которые часто были совсѣмъ неграмотны и только на

всякій случай, «про запасъ,» хотѣли имѣть священство. И совершали потомъ они богослуженіе, ни сколько не понимая его силы и значенія, дѣлая непростительные пропуски, искаженія. Многіе Греческіе бѣглецы, часто не имѣвшіе ни какого священнаго сана, приходя въ Южную Россію съ подложными грамотами отъ Патріярховъ Греческихъ, титулуя себя Митрополитами, Епископами, Архимандритами, Священниками, запрещали и измѣняли, что хотѣли, не спосясь ни съ Митрополитомъ, ни съ мѣстнымъ Епископомъ, пользуясь въ этомъ слусаѣ безусловнымъ уваженіемъ Русскаго народа къ значенію Греко-Восточной Церкви, какъ матери Церкви Русской, и къ Константинопольскому Патріарху, какъ попечителю и хранителю Православія на Руси. [520] Не было ни чего постояннаго, опредѣленнаго: все какъ будто бы текло, и Христіянскому чувству не на чемъ было опереться въ этомъ общемъ водоворотѣ.

Неблагонамѣренныя лица поняли такое темное состояніе Западно-Русской Церкви, и для нихъ теперь открылось обширное поле дѣятельности. Настало время ворожей, гадателей, волшебниковъ, и народъ довѣрчиво поспѣшилъ къ нимъ съ своими нуждами. Невѣжественные Священники не только не могли уничтожить, или ограничить, эту довѣренность: они сами поклонились противной силѣ, поспѣшили къ ней за помощью, иные сдѣлали ее собственной професіей. [521] Быстро начали расходиться по рукамъ и заучиваться письменныя изложенія религіозныхъ предметовъ, основанныя на искаженныхъ разсказахъ и суевѣрнымъ воображеніемъ облеченныя въ грубый драматизмъ. Сказаніе о 12 Пятницахъ, Сонъ Пресвятыя Богородицы, Хожденіе Богородицы по вѣчнымъ мукамъ, таблица, составленная великимъ Альбертомъ о дняхъ, въ которые не должно предпринимать ни чего важнаго и т. под., [522] сдѣлались предметомъ глубокаго народнаго почитанія, приковали къ себѣ всю его практику. Болѣе общее внушеніе при такихъ спискахъ слѣдующее: «Аще который человѣкъ котораго дня почитаетъ молитву сію (или сказаніе сіе), того дня не прикоснется къ нему діяволъ, ни злой духъ, и аще который человѣкъ преставится отъ житія сего дня, то адъ душу его не пріймета.» На мѣсто принятыхъ Церковью обычаевъ, невѣжество выдумывало обычаи суевѣрные, или же и прямо противные истинному ученію Церкви. Празднованіе Пятницы, праздникъ въ честь

пояса Пресвятыя Богородицы, совершавшійся въ день ея Собора (26 Декабря), въ который приносили семидаліонъ (муку печеную или пироги) и «другія безмѣстія,» были повсюдными и сильно вкоренившимися обычаями. [523] На ряду съ послѣднимъ праздникомъ явились въ храмахъ и домахъ иконы, представляющія Богоматерь въ мукахъ рожденія, и бабку, повивающую Спасителя. Это представленіе внесено и въ «молитву бабѣ, пріемшей отроча: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, рождейся прежде вѣкъ отъ Отца.... бабою повитъ пеленами»... [524] Духовные учители не заботились о распространеніи въ народѣ Христіянскаго просвѣщенія; самые церковные обряды и обычаи въ его сознаніи получили особое значеніе, противное духу истинной Вѣры. Такъ, на примѣръ, хлѣбу, благословляемому, вмѣстѣ съ другими снѣдями въ день Пасхи, народъ присвоивалъ силу прогонять чары, лѣчить лихорадку, которую онъ олицетворялъ въ образѣ женщины, дѣйствующей подъ вліяніемъ злыхъ духовъ; [525] явились молитвословія и цѣлые чины, которымъ присвоили силу излѣчивать нѣкоторыя болѣзни, уничтожать губительныя дѣйствія стихій и проч., подобно тому, какъ присвоили эту же силу, такъ называемымъ, шептаніямъ, заговариваніямъ, заклинаніямъ. [526] Другіе обычаи, только допускаемые въ Церкви и не имѣющія значенія положительныхъ церковныхъ дѣйствій, преступали должныя границы и принимали чинъ и значеніе обрядовъ важнѣйшихъ: пріобщеніе, напр., агіосмою. [527] Когда Священники заботились не о полнотѣ и благолѣпіи богослуженія, а о скорѣйшемъ отправленіи обрядовъ, то, при списываніи ихъ, довольствовались только существеннымъ въ обрядѣ, т. е., молитвами, ектеніями, тропарями, оставляя памяти и случаю все прочее, какъ то: различныя внѣшнія принадлежности, положенія, дѣйствія, облаченія и т. п. Такіе списки ходили изъ рукъ въ руки; оставленное памяти не извѣстно было для послѣдующихъ переписчиковъ, и обряды лишались полноты, опредѣленности, пищали и входили въ рядъ обыкновенныхъ молитвъ и благословеній. Нѣкоторые изъ нихъ явились въ печатныхъ Требникахъ подъ заглавіемъ: «Молитвы потребныя.» Не замедлили развиться и войти въ практику церковную тѣ обычаи, о которыхъ тогда уже начинали спорить въ Великороссіи, какъ то: хожденіе по солонь, [528] двуперстное знаменіе крестомъ, [529] сугубая аллилуя и т. под., хотя здѣсь о

нихъ и не спорили. [530] Понятія о нѣкоторыхъ обрядахъ и таинствахъ были искажены до крайности. Существовало мнѣніе, что преложеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Спасителя совершается на жертвенникѣ, во время проскомидіи, и по тому, на большомъ выходѣ, при перенесеніи на престолъ приготовленныхъ для Евхаристіи веществъ, предстоящіе преклонялись предъ ними до земли, въ той увѣренности, что переносится истинное тѣло и кровь Спасителя. [531] Въ нѣкоторыхъ Требникахъ, въ чинѣ вѣнчанія, когда подается жениху и невѣстѣ простое вино, положено было: «Вонмемъ; Святая святымъ; Единъ святъ, единъ Господь» и проч.; также Іерей поливаетъ чашу вина и поставляетъ на Св. Трапезѣ;» [532] этими выраженіями, перенесенными сюда изъ чина Литургіи и относящимися къ совершенію Евхаристіи, подаваемъ былъ поводъ усвоять простому вину, употребляемому при вѣнчаніи, значеніе, ему не принадлежащее. Грамматическія ошибки, [533] крайняя нищета храмовъ, бѣдныя одежды, ветхіе, деревянные, или оловянные, сосуды и кресты, недостатокъ нужнѣйшихъ въ богослуженіи вещей, небрежное совершеніе требъ и отправленіе обрядовъ, довершали мрачную картину.

Понятно, какъ легко было при всемъ этомъ явиться и Римскимъ нововведеніямъ. Папство, по своему положенію, почти всюду господствовало; путемъ то споровъ, то объясненій, то разсказовъ, народныхъ повѣрій, пословицъ, [534] духъ его приражался къ жизни Православныхъ, и въ душѣ послѣднихъ незамѣтно, безъ ихъ сознанія, рождалъ свойственныя ему расположенія и мнѣнія. Мы знаемъ уже, какъ великолѣпно для своихъ цѣлей воспользовались всѣмъ этимъ Езуиты, какія наглыя насмѣшки допускали они надъ обрядностію Западно-Русской Церкви: невѣжество противной стороны, въ высшей степени спутанность, неопредѣленность понятій, въ церковной практикѣ, очень немало способствовали ихъ успѣху. Осмѣивая и пародируя Православные обычаи, они, на мѣсто ихъ въ Западно-Русскую церковную жизнь вносили свои. Изъ жизни они не замедлили перейти и въ богослужебныя книги Православныхъ. Совѣты Папскаго Легата, Езуита Посевина, передѣлывать Славянскія Богослужебныя книги по Римскому духу, вносить въ нихъ Римскія мнѣнія, исключать изъ нихъ все, что относится къ невыгодѣ Латинства, и въ такомъ видѣ раздавать ихъ Русскому Духовенству, жертвовать въ

храмы, [535] эти, говоримъ, совѣты извѣстны были Папскимъ агентамъ задолго до Посевина. Еще съ 1248 г. въ Далмаціи, Иллиріи и другихъ Славянскихъ земляхъ, стали появляться на Славянскомъ языкѣ Римскіе Служебники, Ритуалы, Бревіаріи и другія богослужебныя книги. [536] Въ послѣдствіи, въ Римѣ, послѣ спора съ приверженцами Латинскаго языка, было рѣшено: издавать богослужебныя книги на Общеславянскомъ языкѣ, «на которомъ и Русскіе совершаютъ свое богослуженіе,» и разсылать ихъ въ различныя Славянскія страны. Типографіи Венеціи и Рима дѣятельно исполняли это опредѣленіе и во множествѣ высылали Служебники, Бревіаріи и Требники въ Иллирію, Далматію, Боснію, Валахію. [537] Такимъ образомъ въ Западно-Русскихъ церковныхъ книгахъ, особенно Требникахъ, явились Римскіе обычаи и мнѣнія: обливаніе въ Таинствѣ Крещенія (Стрятин. Требникъ), употребленіе звонка при шествіи съ Св. Дарами къ больнымъ и на преждеосвященной Литургіи, [538] шествіе причта при погребеніи умершаго позади гроба (отмѣнено на Соборѣ Кіевскомъ 1640 г., Требникъ Петра Могилы); были въ ходу и принимались какъ догматы мнѣнія о чистилищѣ, объ епитеміи, какъ наказаніи и удовлетвореніи за грѣхи, [539] о Таинствѣ Елеосвященія, какъ о напутствіи умирающаго, о времени пресуществленія даровъ въ тѣло и кровь Спасителя, о пресуществленіи частицъ, располагаемыхъ на дискосѣ вокругъ агнца. Послѣднее мнѣніе соотвѣтствовало обычаю Римской Церкви освящать малые опрѣсноки для пріобщенія ими народа вмѣстѣ съ большимъ, приготовленнымъ собственно для Священника (Львовск. и Стрят. Требники). Смущались истинные сыны Православной Церкви этою, какъ бы постоянно колеблющеюся, неопредѣленностію церковной обрядности, этимъ не замѣтнымъ, но дѣйствительнымъ, наплывомъ въ нее все чего-то новаго да новаго. Все зданіе обрядности, по сознанію первыхъ его исправителей, представляло «великое разногласіе церковныхъ дѣйствій.» [540] Что же за конецъ будетъ съ нами, думалось имъ, если и дальше продолжиться такой порядокъ! [541] «Аще не устроится церковное развращеніе, говорили единодушно народъ, въ конецъ разыйдемся, во отступленіи Римскаго послушанія и въ покои безмятежно пребудемъ;» [542] но развращеніе» не устроялось, и Унія нашла себѣ тѣмъ болѣе свободный доступъ въ Западно-Русской Церкви.

Унія, и особенно желаніе болѣе благонамѣренныхъ Уніятовъ сохранить, и при своемъ единеніи съ Римомъ, всю практику Западно-Русской Церкви, вызвала, въ средѣ Православныхъ, ревностную заботливость объ исправленіи обрядовъ и послужила поводомъ къ изданію новыхъ Требниковъ, болѣе полныхъ и исправныхъ сравнительно съ Требниками XV и XVI столѣтій. Дѣло отъ этого не улучшилось. Въ многочисленныхъ изданіяхъ Виленскихъ, Львовскихъ, Острожскихъ, Стрятинскихъ, исправители, какъ лица частныя, не слѣдовали въ своихъ трудахъ какому либо общему, опредѣленному плану, который бы объединялъ, соглашалъ всѣ разности. Каждый изъ нихъ старался какъ бы удержать, сохранить мѣстныя своеобразности, и такимъ образомъ закрѣплялъ, дѣлалъ закономъ то, что прежде сохранялось по преданію, а, быть можетъ, и было пришлымъ и считалось уклоненіемъ. Отсюда, при отсутствіи единства въ трудахъ исправителей съ одной стороны, съ другой при умноженіи изданій Требниковъ, еще болѣе начинала видѣться пестрота, неопредѣленность, разность въ обрядахъ. Православный житель Литвы не узнавалъ иногда своего обряда на Волыни (Виленскія и Острожскія изданія), а Галичанинъ находилъ для себя что-то новое въ практикѣ церковной въ Вильнѣ и Острогѣ. Этого мало. Въ самой Галиціи пользовавшіеся Стрятинскимъ изданіемъ не знали крещенія вскорѣ, священническаго погребенія, послѣдованія на полный годъ, освященія кадила и другихъ послѣдованій; пользовавшіеся Львовскимъ (1615 г.) не знали чиновъ на пріятіе еретиковъ въ Православную Церковь, и вообще, сравнительно съ изданіемъ Стрятинскимъ, не знали до 50 послѣдованій и молитвъ на различные случаи. Въ составѣ самыхъ обрядовъ было очень немало разностей. Въ Стрятинскомъ и Львовскомъ Требникахъ (1645 г.), кромѣ освященія воды въ день Богоявленія, погребенія на пасху, погребенія монашескаго, возслѣдованія надъ Іереемъ, во снѣ соблазнившимся, возвышенія напагіи и причащенія больныхъ, всѣ обряды, особенно чины Таинствъ, рознились между собою въ порядкѣ и особенности молитвъ, обычаевъ и частныхъ дѣйствій. Пользовавшіеся Стрятинскимъ Требникомъ крестили младенцевъ посредствомъ обливанія, Львовскимъ посредствомъ погруженія; первые читали молитвы женѣ родившей въ первый день по рожденіи младенца, послѣдніе въ третій; первые при обрядѣ брака

дѣлали обхожденіе вокругъ налоя, послѣдніе не дѣлали; первые читали разрѣшительную молитву надъ гробомъ и мірского человѣка и инока, послѣдніе читали ее надъ гробомъ только инока, порицая тѣхъ, которые читали ее надъ гробомъ мірскаго человѣка. Въ Послѣдованіи Елеосвященія въ Стрятинскомъ требникѣ [543] часто ектенія положена тамъ, гдѣ нѣтъ ее въ Львовскомъ, [544] и на оборотъ, въ послѣднемъ есть многое, чего нѣтъ въ первомъ (пѣніе: «Елицы во Христа креститеся,» чтеніе нѣкоторыхъ молитвъ, даже заключительной молитвы: «Отче святый» и проч.) Не говоримъ уже о разнообразіи самыхъ молитвъ, ихъ болѣе полной, или сокращенной, формѣ. Четвертое Евангеліе, пятый Апостолъ и Евангеліе въ обоихъ Требникахъ различны.

Какъ въ общемъ составѣ Требниковъ, такъ и въ составѣ отдѣльныхъ Послѣдованій, и въ ихъ малѣйшихъ частностяхъ, одного недоставало, другое было вовсе негодно, иное неопредѣленно, а многое совершенно чуждо Православной Церкви. Въ Требникахъ не было Послѣдованій на принятіе Іудеевъ и Магометанъ; первыми со временъ Казимира полно было Польское Королевство, а послѣдніе находились въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Русью (Крымъ). Не было ни указаній, ни Послѣдованій, на принятіе въ Православную Церковь новыхъ Западныхъ еретиковъ: Лютеранъ, Кальвинистовъ, Социніанъ... Для Христіанина, понимающаго благодѣянія Божіи, прискорбно было не видѣть благодарственныхъ молитвъ въ ряду прошеній и различныхъ освященій. [545] Требники справедливо еще подвергались упрекамъ современниковъ за то, что въ нихъ опущены были молитвы на освященіе одеждъ и сосудовъ церковныхъ, тѣмъ болѣе, что эти молитвы, сообразныя съ духомъ Церкви и необходимыя по времени, были въ практикѣ Западно-Русской Церкви, оставаясь въ рукописныхъ Требникахъ. [546] Другіе обряды, напротивъ, должно было вовсе исключить. Возслѣдованіе о пріобщеніи св. воды Св. Богоявленій, по словамъ замѣчательнѣйшаго изъ пастырей своего времени, есть «непотребный придатокъ, или нелѣпая церемонія, сущій и старый предразсудокъ, противный духу Православной Церкви и не имѣющій основанія въ Требникахъ Греческихъ.» [547] Въ обрядахъ нѣкоторыхъ Таинствъ не было, такъ называемыхъ, формулъ, выражающихъ ихъ главную мысль. [548] Во всѣхъ Требникахъ въ чинѣ вѣнчанія не было положено вопрошеніе жениха

и невѣсты о свободномъ согласіи на бракъ, хотя и требовалось частными постановленіями, чтобы Священники предлагали ихъ. «По чему, замѣчаетъ Архипастырь современный, различные и дивные вопросы предлагаемы были отъ Священниковъ, а иногда не было ни какихъ.» [549] Въ Львовскомъ Требникѣ, не сообразно съ обычаемъ Восточной Церкви, положено произносить при крещеніи аминь только въ заключеніи, по обычаю Римскому, а не трижды, при каждомъ погруженіи, по древнему обычаю Церкви Восточной. Другимъ обрядамъ въ цѣломъ составѣ не доставало опредѣленности и полноты. При «молитвахъ потребныхъ» не опредѣлены были дѣйствія Священнослужителя, не показаны нужныя при чтеніи ихъ вещи, не опредѣлено со всею точностію приложеніе самыхъ молитвъ. Особенно мало опредѣлены были чины на принятіе въ Православную Церковь иновѣрцевъ. Кромѣ Армянъ и Латинянъ, другихъ иновѣрцевъ положено было принимать по общему Чину, содержащему въ себѣ общее отрицаніе иновѣрія и исповѣданіе Православной Вѣры, а также и чинъ муропомазанія, такъ что по этому указу, и всѣ, принявшіе Таинство муропомазанія въ своемъ Исповѣданіи, были муропомазуемы (Уніяты), а, напротивъ, не предписывалось крещеніе для тѣхъ, которые не крещены въ три погруженія (Армяне). Въ иныхъ Чинахъ представляется излишество. Въ Чинѣ исповѣди, по Львовскому Требнику, полагается два разрѣшенія отъ духовника и два отпуста; по Стрятинскому три разрѣшенія и три отпуста. Другіе Чины во многихъ частяхъ противорѣчили главному своему направленію: въ канонѣ за безведріе, молитвою: «Господи Вседержителю, возводяй облака отъ послѣднихъ земли»... испрашивается не ведро, а дождь; [550] въ двухъ ектеніяхъ при погребеніи младенческомъ испрашивается умершему «прощеніе всякаго прегрѣшенія вольнаго и невольнаго.» Во многихъ молитвахъ при различныхъ Чинахъ находятся выраженія, на которыхъ Паписты утверждаютъ свое ученіе о главенствѣ Папы. Во второй прощальной молитвѣ надъ умершимъ [551] читаемъ: «Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, иже на «верховнѣмъ твоихъ ученикъ и Апостолъ Петрѣ создавый Церковь свою, и ключа ему давъ Царствія Небеснаго, и твоею благодатію всей ему восхотѣвъ датися власти.. наслѣдники же насъ худыхъ и недостойныхъ, неизреченнымъ твоимъ человѣколюбіемъ данныя ему власти, сподобивъ

быти.» [552] Такія выраженія примѣшаны всюду, гдѣ говорится о власти вязать и рѣшать. Мы оставляемъ безъ вниманія многочисленныя частныя выраженія, не только не Православныя, [553] но и мало смысленныя. [554] Смѣемъ думать, что и изъ сказаннаго видно, какъ много было разногласій въ Западно-Русской Церкви до половины XVII вѣка, сколько неполноты, неопредѣленности. Такая неопредѣленность безвредная тамъ, гдѣ Церковь свободна отъ внѣшнихъ насилій, гдѣ обычаи и частныя наставленія имѣютъ всю силу, «здѣсь, въ Западно-Русской Церкви, когда обрядности Православной противостояла и посмѣивалась пышная церемоніями обрядность Римская, когда въ обществѣ Православныхъ не заглохли еще сѣмена своеволія и небрежности, эта неопредѣленность сопровождалась значительнымъ вредомъ для Церкви, противникамъ давала поводъ называть Русскую Церковь «холопскою,» и тѣмъ увлекать на сторону Римской неопытныхъ, не утвержденныхъ въ Православіи Около половины XVII вѣка слышимъ со стороны самыхъ Православныхъ сильныя жалобы на недостатки въ Требникахъ того времени. [555] Это смутное, тяжелое, явленіе сопровождалось еще болѣе вредными послѣдствіями для Церкви Уніятской.

X.

Значеніе для Церкви Уніятской Православно-Церковной Западно-Русской обрядности; примѣсь къ ней Латинства.

При всей спутанности Западно-Русской Церковной практики, Православные очень сильно дорожили и тѣмъ, что было у нихъ подъ руками. Мы знаемъ уже отзывы въ этомъ отношеніи о Русскихъ Папскихъ Легатовъ, Пизона, Посевина. Настала Унія. Явились новые Требники въ исправленномъ видѣ, и дали Православнымъ болѣе прочное, надежное, руководство сравнительно съ предыдущимъ. Православнымъ нѣкогда было сравнивать, какое изданіе лучше; нужно было пользоваться тѣмъ, которое успѣвали прежде пріобрѣсть. Если разнообразіе въ Послѣдованіяхъ и было вредно въ извѣстномъ отношеніи, то, съ другой стороны, оно до-

ставляло и нѣкоторую пользу, не выдѣляя Уніятовъ (собственно народъ и болѣе духовенство) изъ среды Православныхъ, какъ бы удерживая ихъ при себѣ. Мы знаемъ уже, какъ Уніяты города Ратна отстаивали предъ Рутскимъ свою обрядовую Православную сторону. На одно только они охотно пристаютъ: признать власть Папы. Но мы видѣли, что и эта мысль не совсѣмъ нова въ Уніятской Церкви: она высказывалась иногда и въ Требникахъ Православной Церкви. Имѣя изъ Рима ограждение сохранения своихъ обрядовъ, болѣе благонамѣренные Уніяты охотно пользовались практикою Церкви Православной и съ благодарностію усвояли все, что вырабатывала эта послѣдняя. Явись въ Православной Западно-Русской Церкви болѣе современные, исправленные Требники, и Уніятская Церковь не замедлила бы ознакомить съ ними чадъ своихъ. Но не такъ посмотрѣли на подобное явление высшія Уніятскія власти, и особенно Базиліяне, воспитанные въ средѣ, враждебной Православію.

Правда, и мы знаемъ уже, что одно изъ главныхъ условій было сохранение Уніятами всей обрядности Православной, и Папы видимо охотно согласились на такое дѣло. [556] «Наши дѣла, писалъ изъ Рима Ипатій Потѣй къ Примасу Польскаго Королевства, идутъ, по милости Божіей, далеко успѣшнѣе, чѣмъ мы могли ожидать. Не только всѣ наши церемоніи и Таинства, но и Символъ Вѣры оставленъ намъ безъ прибавленія частицы «Filioque;» одно при этомъ условіе—вѣровать самимъ и научать нашихъ овецъ такъ, что Духъ Святый исходитъ равно отъ Сына, какъ отъ Отца.» Кратко сказать, и въ малѣйшей вещи не допущено перемѣны; оставленъ и старый Календарь»... [557] «Служба Божія, всѣ Таинства, всѣ обряды и церемоніи Св. Восточной Церкви нашей, цѣло и непарушимо останутся,» писалъ Ипатій Потѣй къ Русскому народу въ годъ принятія Уніи. «Именемъ Божіимъ прошу каждаго Христіянина не вѣрить пустымъ толкамъ людскимъ и вымышленнымъ членамъ, а особенно тому, чѣмъ нѣкоторые васъ стращаютъ, будто вамъ это только на одинъ или нѣсколько годовъ позволено будетъ.» [558] Онъ увѣрялъ далѣе въ неприкосновенности Символа Вѣры въ извѣстномъ членѣ. «Мы умоляли, говоритъ онъ, и умолять будемъ Папу, чтобы въ храмахъ нашихъ по старому складу читался Символъ Вѣры, т. е., въ Духа Св. отъ Отца исходящаго.» [559] Римъ, по видимому, дѣлалъ болѣе. Давая Русской об-

рядности такое значеніе въ отношеніи къ Римской, какое имѣютъ цвѣты въ природѣ и краски въ картинѣ, [560] Папа приказалъ напечатать для Уніятовъ Служебникъ Восточной Церкви, въ которомъ удержаны всѣ обрядовыя отличія Восточной Литургіи отъ Римской Мши, даже такія, противъ которыхъ рѣшительно возставали тогдашніе богословы Римскіе, на пр., теплота. [561] Но всѣ подобныя увѣренія и обѣщанія защитниковъ Уніи должны были разбиться о ту жизненную волну, которыя выдвигалась все болѣе и болѣе съ новою силою.

Извѣстно, какъ ненадежны были обѣщанія Рима, сколько тутъ было грубой личины, коварства. [562] Но, съ другой стороны, что защищали, что отстаивали предъ Римомъ виновники Уніи, въ родѣ Потѣя? Мы знаемъ уже, какъ сильно была повреждена, какъ въ высшей степени неполна, неопредѣленна была Православная обрядность въ Западно-Русской Церкви. Уже ли жь все это они силились теперь удержать у себя? Да, это могло быть, это дѣйствительно было, но только на первыхъ порахъ, когда они жили, такъ сказать, еще понятіями простого народа, способны были смотрѣть на вещи его глазами. Народъ никогда почти не разлагаетъ явленій; онъ просто принимаетъ существующее событіе. Ему нѣкогда было сравнивать различные Требники, чтобы указать ихъ разнообразіе, ходить по различнымъ Западно-Русскимъ мѣстностямъ, для изученія ихъ обрядовыхъ своеобразностей: онъ принималъ то, что давали ему его духовные отцы, и считалъ это отеческимъ преданіемъ, принадлежностію Церкви Вселенской. Народъ остался вѣренъ такому взгляду; но Уніятскіе Іерархи, при дальнѣйшемъ столкновеніи съ Римомъ, должны были отказаться отъ него, сильно измѣнить его. Познакомившись, при своемъ высокомъ положеніи и при постоянныхъ упрекахъ Латинянъ, съ истиннымъ состояніемъ Западно-Русской церковной обрядности, они скоро увидѣли, что нельзя оставить этой стороны въ ея положеніи, что нужно ее измѣнить, преобразовать, ввести строгое единство, опредѣленность. Но какъ приступить къ подобному дѣлу? Что принять себѣ въ этомъ отношеніи за образецъ, за основаніе? Обращаясь къ Востоку, какъ представителю Церкви Русской, Уніятскіе Іерархи видѣли, что и здѣсь нѣтъ того единства въ церковномъ чинѣ, какой выставляла на видъ Церковь Римская со временъ Тридентскаго Собора; на огром-

номъ протяженіи Греческихъ Патріаршествъ, каждая страна соблюдала въ церковномъ чинѣ свой древній обычай, свой уставъ, иногда наружно во многомъ розшившійся отъ устава и чина другихъ странъ. [563] Не смотря на это видимое отсутствіе единства, каждая церковь свято хранила свои, завѣщанные древностію, обычаи и дѣйствія церковныя, какъ символы различныхъ родовъ небесной благодати, освящающей различныя потребности Христіянина, и никто не думалъ подвергать ихъ логической провѣркѣ. Люди заранѣе подготовленные въ пользу Уніи, въ слѣдъ за своими новыми учителями, видѣли въ этомъ наружномъ разногласіи внутреннее поврежденіе Восточной Церкви; этимъ они стали даже оправдывать свое отступленіе отъ Церкви Восточной. Явилась цѣлая толпа писателей, доказывающихъ, будто Восточная Церковь потеряла истину Христову и исказила древнія церковныя учрежденія примѣсью Магометанства, и даже Лютеранства, такъ какъ въ этотъ вѣкъ многіе изъ Греческихъ Епископовъ получали образованіе въ Лютеранскихъ училищахъ. Сторона горячихъ Уніятовъ еще на Берестейскомъ Соборѣ издала постановленіе къ Русскому народу, въ которомъ объявляла, что Восточная Церковь во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ страждетъ примѣсью Агарянства, въ Великороссіи Стригольничества и Армянства. [564] Самъ Потѣй, такъ сильно стоявшій за цѣлость и неприкосновенность всѣхъ обрядовъ, оплакивалъ этотъ мнимый упадокъ Церкви Восточной. «Несчастная Греція, писалъ онъ въ письмѣ къ Мелетію, Патріарху Александрійскому, несчастный Востокъ! Ты не найдешь спасительной дороги. Ты не можешь проповѣдывать спасительной науки, по тому что тебя научилъ, тобою управляетъ, Апостолъ твой, Лютеръ.... Погибли древніе уставы: они задавлены новыми догматами! Темнота къ темнотѣ придана свѣтить, а тѣмъ болѣе разогнать тьмы не можешь.» [565] Смотрицкій, въ своемъ сочиненіи: «Apologia peregrinacicy do krajow wschodnich» (напеч. 1628 г.), писалъ, что «онъ лично убѣдился въ этомъ искаженіи истины Христовой на Востокѣ, во время путешествія своего по Восточнымъ странамъ.» Всѣ защитники Уніи такъ, или иначе, старались развивать этѣ же мысли. Если же такое мрачное зрѣлище представлялось на Востокѣ, что же было въ Западно-Русской Церкви, этой дщери Востока? «Та же порча, то же Протестанство,» отвѣчали Латиняне Уніятамъ. Виленскій Съѣздъ 1599 г.

служилъ, по видимому, самымъ основательнымъ для нихъ подтвержденіемъ. Сближеніе Православныхъ съ Протестантами, такъ громко засвидѣтельствованное на этомъ Съѣздѣ, подвергло первыхъ новому позору отъ Латинянъ и болѣе ревностныхъ Уніятовъ, которые теперь не пропускали ни одного случая кольнуть ихъ связью съ еретиками. «Вы сродняетесь съ ересью и не хотите принять Уніи, которая есть то же древнее Православіе;»—было постояннымъ попрекомъ въ ихъ устахъ для Православныхъ. [566] Въ Братскомъ строѣ Православной Церкви они видѣли тоже Протестантство. [567]

Такія наблюденія въ приложеніи къ обрядности церковной, исправленіемъ которой одинаково тогда были заняты и Православные и Уніяты, повели къ обширнымъ послѣдствіямъ. Очень замѣтно они подсказывали ту мысль, что примѣчаемое въ существѣ обрядовъ и обычаевъ Восточной Церкви согласіе съ обрядами Исповѣданія Западнаго есть остатокъ давняго единенія первой съ послѣднимъ; [568] что обряды Восточной Церкви повреждены и теряются теперь въ хаосѣ неопредѣленностей и противорѣчій, единственно въ слѣдствіе отдѣленія ея отъ Церкви Западной; что исправить ихъ можно только по началамъ и характеру обрядности послѣдней. Къ такому выводу необходимо долженъ былъ прійти самъ Потѣй, безспорно умнѣйшій изъ всѣхъ виновниковъ Уніи и болѣе всѣхъ ихъ старавшійся быть послѣдовательнымъ. [569] Онъ открыто заявилъ (1601 г.) что «только въ Римѣ чистота Вѣры, Ангельскій порядокъ.» [570] Слѣдовательно, только тутъ можно находить истинные образцы для подражанія въ жизни Христіянской и практикѣ церковной. Въ этой мысли онъ написалъ, въ 1606 г., сочиненіе: «О согласіи обрядовъ Восточной и Западной Церкви.» [571] Такъ въ высшихъ слояхъ Уніятской Іерархіи начинали измѣняться понятія о достоинствѣ обрядности Русской Церкви! Внѣшнее обрядовое выраженіе оставалось, правда, неприкосновеннымъ, но, съ перемѣною началъ, и оно необходимо видоизмѣнялось, утрачивая то, что не соотвѣтствовало Церкви Римской. На словахъ первоначальное опредѣленіе о неприкосновенности обрядовъ оставалось во всей силѣ; буллы Папскія не переставали подтверждать его. Папы были увѣрены, что сами Уніятскія власти поведутъ дѣло къ желанной цѣли, и въ этомъ отношеніи благосклонно смотрѣли на отступленіе отъ своихъ приказаній. Въ

самомъ дѣлѣ, нельзя было держаться буквы ихъ, безъ нарушенія послѣдняго смысла Уніи, и отступники отъ Православія скоро поспѣшили перемѣнить все, что кому изъ нихъ казалось не согласнымъ съ духомъ и свойствомъ Церкви Римской. Такому дѣлу болѣе всего содѣйствовалъ Орденъ Базиліянъ, которому Римскій Дворъ поручилъ цензуру богослужебныхъ Уніятскихъ книгъ; для собственаго успѣха нельзя было сдѣлать выбора лучше этого: Базиліяне болѣе чѣмъ оправдали къ себѣ довѣріе Рима.

На первыхъ порахъ многіе изъ самыхъ Базиліянъ были строгими ревнителями остатковъ Православія въ Уніи. Но два, много три, десятка прошло лѣтъ по основаніи этого Ордена, и онъ рѣшительно измѣнилъ свое направленіе, сталъ говорить инымъ языкомъ, быть можетъ, самъ того не сознавая. Прежняя ревность къ сохраненію яко бы Православной обрядности оставалась: объ этомъ постоянно толковали на Епархіяльныхъ Соборахъ, на Базиліянскихъ Конгрегаціяхъ; но дѣло въ томъ, что сами Базиліяне, съ какихъ ни будь сороковыхъ годовъ XVII столѣтія уже далеко уклонились отъ Православія, слишкомъ олатинились. Съ самаго начала своего существованія Базиліянскій Орденъ постоянно наполнялся очень немалымъ количествомъ Латинскихъ Ксендзовъ. Дѣлались по внѣшности Базиліянами, по духу и направленію они оставались истыми Латинянами, и считали своимъ долгомъ вводить въ Уніятскую Церковь порядокъ и обычаи Церкви Римской. [572] Мало по малу Базиліяне такъ освоились съ Латинскимъ направленіемъ, что въ Латинянахъ, переходящихъ съ указанными задачами изъ своего обряда въ Унію, видѣли своихъ благодѣтелей, единственный залогъ будущаго существованія. «Съ самыхъ давнихъ поръ, говоритъ одинъ Базиліянскій Провинціялъ (въ 1821 г.), Орденъ Базиліянъ принималъ въ свое общество лицъ Римскаго обряда. Можно сказать даже болѣе: при распространеніи этого обряда въ Польскихъ краяхъ, весь Орденъ, съ малыми очень исключеніями, состоялъ изъ Римлянъ. Нѣсколько сотъ лѣтъ наблюдалось это въ средѣ Базиліянъ, нѣсколько сотъ лѣтъ не видѣлось этому никакихъ преградъ... Запрещеніе Базиліянъ принимать въ свой Орденъ Латинянъ дѣлаетъ первыхъ неспособными къ выполненію обязанностей, какъ относительно воспитанія, такъ и церковныхъ службъ.» [573] Понятно, что вносили въ Уніятскую Церковь эти незванные прозелиты съ реформаторскимъ

направленіемъ. Мало знакомые, или со всѣмъ незнакомые, съ Славянскимъ Богослуженіемъ и даже Русскимъ языкомъ, [574] они, конечно, въ Базиліянскомъ одѣяніи въ Уніятской Церкви продолжали совершать вполнѣ сродную имъ практику Церкви Римской, и вотъ уже около 40 годовъ XVII столѣтія мы слышимъ со стороны Православныхъ упреки Уніятамъ, что у нихъ въ одинъ день на одномъ и томъ же престолѣ однимъ Священникомъ совершается нѣсколько Литургій, что они ввели тайную (читаемую) Литургію, значительно сократили Утреню, Вечерню и другія богослуженія, постятся въ Субботу, отмѣнили теплоту въ Евхаристіи, [575] освященіе воды въ день Богоявленія. [576]

Сами Базиліане, не Латиняне по происхожденію, были поставлены въ такія условія, что скоро перерождались въ истыхъ Латинянъ. Напрасно они не разъ давали взаимную клятву другъ другу и обѣщаніе заботиться о сохраненіи единства Вѣры, обычаевъ и обрядовъ Восточной Церкви, [577] объ искорененіи Латинскихъ обрядовъ и обрядностей, вкравшихся въ Уніятскую Церковь. [578] Этою ревностію Уніятовъ очень выгодно воспользовались враги Православія. Въ самомъ началѣ основанія Базиліянскаго Ордена Папа назначилъ для его членовъ 22 мѣста въ своихъ алюмнатахъ. Для Езуитовъ, которые главнымъ образомъ завѣдывали этѣми школами, открылось обширное поле для дѣятельности въ пользу Рима. Это было одно изъ лучшихъ средствъ къ сближенію Уніи съ Латинствомъ. Извѣстны плоды тогдашняго Езуитскаго образованія. Стоило только пробыть два, три, года въ Езуитской школѣ, чтобы потерять любовь и уваженіе къ своей родинѣ, отречься отъ прежнихъ вѣрованій и убѣжденій, и сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, въ душѣ по убѣжденію истымъ Католикомъ-фанатикомъ. Такое перерожденіе въ Базиліянскомъ мірѣ могло совершаться тѣмъ удобнѣе, что сами же Базиліане очень рано заключили съ Езуитами торжественный, дружескій, союзъ: въ нихъ они думали найти себѣ и надежныхъ совѣтниковъ, и опытныхъ руководителей. [579] Скоро они поручили имъ вѣдѣнію собственныя школы, новиціяты. [580] Езуиты такимъ образомъ давали направленіе Базиліянамъ, изъ подъ ихъ руководства, на основаніи ихъ покровительства, лучшіе ихъ воспитанники (очевидно, тѣ, которые были воспріимчивѣе къ ихъ Латинскимъ убѣжденіямъ) занимали потомъ всѣ видныя мѣста въ Уніятской Церкви. Наглость

Езуитовъ скоро перешла всѣ границы; они открыто стали совращать въ Латинство не только мірянъ Уніятовъ, но и самихъ Базиліянъ. Внушая Базиліянскимъ воспитанникамъ презрѣніе и отвращеніе къ обрядамъ Уніятской Церкви, Езуиты всегда старались отыскать въ нихъ какую ни будь комическую сторону, которую тотчасъ же выводили на сцену своихъ религіозно-театральныхъ представленій; не позволяли Базиліянскимъ воспитанникамъ ходить въ Уніятскія церкви, заставляли ихъ исповѣдываться и пріобщаться у Латинскихъ Патеровъ, получая въ то же время для нихъ свидѣтельства (о бытіи въ исповѣди) отъ Уніятскихъ духовниковъ по обычаю Уніятской Церкви. [581] Если этѣ мѣры оказывались слабыми, Езуиты прибѣгали къ другимъ болѣе суровымъ. Базиліянскимъ воспитанникамъ отводили самыя худыя помѣщенія, давали имъ самую скверную пищу, или даже морили голодомъ, одѣвали ихъ въ лохмотья, заставляли исполнять въ школѣ низкія должности, чистку, на пр., отхожихъ мѣстъ, прислуживаніе свѣтскимъ Езуитскимъ воспитанникамъ изъ благородныхъ Польскихъ семействъ и пр., и, что всего хуже, Езуиты такъ поступали не только съ свѣтскими воспитанниками Базиліянъ, но и съ монахами, имѣвшими священный санъ; [582] требовали, наконецъ, отъ своихъ воспитанниковъ Базиліянъ присяги на полную зависимость до конца жизни отъ одной только Конгрегаціи распространенія Вѣры—[583] conditio, sine qua они не хотѣли принимать ихъ въ высшія школы. Замѣтили теперь Базиліяне этѣ коварныя продѣлки и намѣренія Езуитовъ, и горько пожалѣли, что связались съ такими пріятелями. Они открыто начали жаловаться Цунцію, что Езуиты наносятъ имъ неисцѣльныя раны и физическія, препятствуя распространенію Ордена, отклоняя не только свѣтскую молодежь отъ поступленія въ Базиліянскій Орденъ, но даже и самихъ Базиліянъ новиціушовъ заманивая въ свое общество, и нравственныя, развращая Уніятско-Базиліянское направленіе, подставляя, вмѣсто него, Латинство, и давая послѣднему преимущество предъ первымъ; [584] они пришли избавить ихъ отъ этой тяжелой опеки. Но было уже поздно. И въ непродолжительное время своей дружбы съ Базиліянами, Езуиты успѣли очень хорошо выполнить свою миссію: Базиліяне пропитались ихъ духомъ, вездѣ и во всемъ старались подражать ихъ образу дѣйствій и, что всего важнѣе, съ прежнею ревностію распространяли Унію, но Унію не временъ

Потѣя, Берестейскаго Собора, а ту, которой такъ усильно добивались Латиняне, сами Езуиты. Такъ нечуствительно для себя выродились Базиліяне. Ратуя противъ Езуитовъ и Латинскихъ нововведеній, они признаютъ у себя уже вполнѣ законнымъ явленіемъ тайныя (читаемыя) Божественныя службы. [585] Самъ Суша, главнѣйшій врагъ Езуитовъ, [586] по духу и убѣжденіямъ былъ очень не далекъ отъ нихъ. Вмѣстѣ съ ними, онъ главнымъ образомъ хлопоталъ о канонизаціи Іоасафата Кунцевича; [587] по ихъ примѣру устроялъ различныя церковныя торжества, [588] требуя, чтобы Уніяты за Богослуженіемъ поминали Папу. Суша, между прочимъ, приводитъ ту причину, что такъ было въ первоначальной Христіанской Церкви, что еще до времени разрыва Грековъ съ Римомъ имя Папы поминалось въ церквахъ Греческихъ за Богослуженіемъ, въ знакъ его Верховнаго Пастырства, общаго послушанія Апостольской Столицѣ. [589] Равнымъ образомъ и Митрополитъ Коленда, противникъ Езуитовъ, отстаивающій, по видимому, Православную сторону въ Уніи, [590] охотно признаетъ надъ собою полную власть Папы, поставляя его наровнѣ съ Богомъ. «Я, Гавріилъ Коленда, по милости Божіей и Св. Столицы Апостольской, Митрополитъ» и проч., началъ писаться онъ, [591] потомъ поручаетъ онъ Епископу Холмскому, Сушѣ, и Генеральному Викарному досмотрѣть, чтобы во всѣхъ Епархіяхъ Символъ Вѣры читался въ церквахъ съ прибавленіемъ «и отъ Сына»—[592] явленіе, въ первый разъ лично допущенное еще Митрополитомъ Сѣлявою. [593] При освященіи Таинства Евхаристіи, Коленда приказываетъ священнодѣйствующимъ говорить: Не «сіе есть тѣло мое... или: «сія есть кровь моя»... а: «се есть тѣло мое... се есть кровь моя,» давая этимъ знать, что въ это время, согласно Римскому ученію, совершается пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. [594] Разсуждая на Конгрегаціяхъ о сохраненіи Православныхъ обрядовъ въ Уніи, Базиліяне не задумываются въ то же время сами вводить Латинскіе обряды. «Пусть наши проповѣдники, гororили они на Новогородской Конгрегаціи, подражая Римлянамъ, рекомендуютъ всѣмъ, по окончаніи своихъ проповѣдей, образъ жизни монашеской и вообще духовной. Мы считаемъ вполнѣ основательнымъ, продолжаютъ они, согласиться съ Западною Церковью относительно того, чтобы звонить утромъ, въ полдень и вечеромъ, какъ бы въ привѣтствіе Пресвятой Дѣвѣ,

и по тому постановляемъ ввести этотъ обычай въ нашей Церкви (Уніятской);» [595] и все это дѣлалось съ полнымъ, сознательнымъ, намѣреніемъ услужить Православію, сохранить его въ Уніи. Базиліяне не подозрѣвали, какъ далеко расходится ихъ дѣло съ самымъ желаніемъ. Болѣе близорукіе Базиліяне пошли дальше. Они скоро надѣлили Уніятовъ Служебниками и Бревіаріями въ духѣ и характерѣ обрядности Римской Церкви. Бревіарій, исправленный по настоянію Римскихъ Кардиналовъ, Холмскимъ Епископомъ, Меѳодіемъ Терлецкимъ (1643 — 1648 г.), былъ уже, по свидѣтельству самихъ Базиліянъ, «во всемъ согласнымъ съ новѣйшимъ Римскимъ Бревіаріемъ.» [596] Дѣйствительно, могъ ли лучше поступить Меѳодій Терлецкій, этотъ выглаженный питомецъ Езуитовъ, отъ души преданный Папѣ, [597] получившій въ помощь себѣ, по дѣлу исправленія Служебника, такихъ Базиліянъ, какъ Филиппъ Боровикъ, Ректоръ Уніятскаго Коллегіума въ Римѣ, и, его помощникъ, Іоасафатъ Исаковичъ, которые отъ одного пребыванія своего постоянно въ средѣ Латинства, Римѣ, и сами по духу не могли не сдѣлаться истыми Латинянами. [598] Думаемъ, не трудно теперь догадываться, сколько зла вылилось отсюда для Уніятской Церкви.

При разсмотрѣніи нами составѣ и направленіи Базиліянскаго Ордена, въ практику церкви Уніятской вкрались огромные безпорядки, злоупотребленія, гораздо большіе тѣхъ, какіе мы встрѣчали въ Западно-Русской Церкви. Еще Митрополитъ Сѣлява предполагалъ созвать Областной Соборъ по тому случаю, что, по его словамъ, при Литургіи и другихъ церковныхъ службахъ, одни изъ Уніятовъ пользуются книгами не Уніятскими, и этимъ очевидно даютъ поводъ простому народу обманываться, увлекаться вредными мыслями, почитать еретическихъ Святыхъ, за что изъ Рима получаются постоянные выговоры; другіе, постоянно перемѣняя Служебники и Требники, по своему усмотрѣнію, выбрасываютъ оттуда вещи давнія, вставляя, на мѣсто ихъ, новыя, и не одинаковымъ образомъ совершаютъ Литургію и Таинство Св. Евхаристіи. [599] Не говоря уже о томъ, что каждый дѣлалъ любыя сокращенія, или прибавленія, дѣло часто доходило до самой наглаго осквернения извѣстнаго обряда. Многіе, на пр., не хотѣли сами лично совершать Проскомидію, а посылали для этого кого ни будь; съ приготовленными, такимъ образомъ, веществами хлѣба и вина, они приступали потомъ прямо къ совер-

нію Литургіи. [600] Явленіе очень не хорошее; но бывало и хуже Много говорилъ о разныхъ несообразностяхъ, замѣчаетъ списатель Базиліянскихъ Конгрегацій о Супѣ, которыя введены въ Уніятскую Церковь и которыя бы слѣдовало устранять могучею рукою съ великою ревностію, и прежде всего, что при божественной Службѣ монахи Базиліяне, рѣшительно по частному своему усмотрѣнію, многое отмѣнили, иное совсѣмъ выбросили, а много и вставили своего, такъ что нельзя теперь узнать, какія у нихъ обрядности, Латинскія, или Греческія, а такъ что-то доморощенное, чѣмъ думали они приблизить Латинскую церковную практику къ Греческой, какъ будто Греки и Римляне не розняться въ самихъ обрядахъ.» [601] Даже въ отправленіи тайныхъ божественныхъ службъ допущены были различныя злоупотребленія (abusus), приспособительно къ обрядностямъ Римскаго Литургіаріона (Mszała). [602] Тяжело было видѣть Уніятамъ эти громадные безпорядки въ своей Церкви: со всѣхъ сторонъ имъ слышались упреки, и отъ Православныхъ, [603] и отъ Римскаго Двора. [604] въ какомъ-то двоедушіи, спутанности, неопредѣленности. Сами Уніяты начинали отшатываться отъ своей Церкви, замѣчая въ ней только безпорядокъ, своеволіе. «Различныя допущенныя перемѣны въ нашей Церкви, говорилъ Супа, не только оскорбляютъ величіе Божіе, но даже соблазняютъ раскольствующихъ, въ средѣ ихъ возбуждаютъ къ намъ презрѣніе. Скажу болѣе: сами Уніяты отвращаются отъ насъ.» [605] Да, они увидѣли, что Уніятская Церковь, эта оторванная вѣтвь отъ роднаго дерева, слишкомъ безпорядочно несется по бурнымъ волнамъ жизненнаго моря, что все не чистое, ненужное, смѣло, безпрепятственно, на ней осаждается и производитъ вредное вліяніе. Они на дѣлѣ, опытомъ, узнали теперь нелѣпость той Уніи, которая начинала входить въ жизнь изъ среды главныхъ ея представителей, Базиліянъ, и, не имѣя возможности (по политическимъ обстоятельствамъ) совсѣмъ оставить ее, рѣшились, по крайней мѣрѣ, сохранить въ Уніи всю практику Православной Церкви, т. е., оставаясь Уніятами по имени, много Уніятами временъ Потѣя и Берестейскаго Собора, по духу быть вполнѣ Православными. Такому оживленію Православной стороны среди Уніятовъ очень много содѣйствовало одно великое явленіе въ Православной Западно-Русской Церкви. Мы разумѣемъ дѣятельность

Митрополита Петра Могилы относительно исправленія Богослужебныхъ книгъ.

XI.

Петръ Могила: его Λίθος (1644 г.) и Требникъ (1646).

Много надѣлало шуму въ современномъ обществѣ пресловутое сочиненіе Кассіяна Саковича: «Perspectiwa błędow, heresii, zabobonow Cerkwi Ruskiey, tak w artykułach Wiary, iak w administrowaniu sacramentow i inszych obrządkach i ceremoniach znajdujących sie» (Kraków, 1642 г.). Кассіянъ, первоначально Православный, потомъ Уніятъ, а съ 1640 г. сдѣлавшійся рьянымъ Латинянином, отъявленнымъ врагомъ и Православія и Уніи, [606] своимъ сочиненіемъ, главнымъ образомъ противъ Православныхъ, но иногда и противъ Уніи, [607] давалъ самый лучшій поводъ врагамъ Православія нападать на Церковь Православную, такъ какъ предполагалось, что онъ собственнымъ опытомъ извѣдалъ всю ея несостоятельность, заблужденія. Саковичъ наблюдаетъ обрядность Русской Церкви, какъ она представлялась въ поведеніи тогдашнихъ священнослужителей и жизни народа. Многія картины его въ этомъ отношеніи не лишены вѣрности, особенно тѣ, въ которыхъ онъ описываетъ поведеніе сельскаго Священника, до послѣдней степени ограниченнаго Помѣщикомъ, его крайнюю небрежность въ совершеніи обрядовъ. По изображенію Саковича, Православные храмы и приходы по деревнямъ были собственностію Помѣщиковъ, которые отдавали ихъ въ откупъ, кому попало, какъ свой товаръ. Принимали по этому на приходы людей, далеко не приготовленныхъ къ священному сану, а тѣхъ, которые больше дѣлали имъ уступки. При такомъ порядкѣ, по свидѣтельству Саковича, бывали случаи, что Поповичъ, по смерти отца своего, тотчасъ, заплативъ за приходъ Помѣщику, занималъ его немедленно, безъ воли Епископа, и совершалъ всѣ требы, безъ посвященія въ санъ Священства. Церкви не были надѣлены землями и Священники содержались единственно изъ доходовъ за требы; изъ нихъ они платили Помѣщику откупъ церковный, отбывали другія повинности, давали, чего отъ нихъ требовали. Отъ этого служба церковная

была торгомъ въ полномъ смыслѣ слова: «Священникъ, какъ будто поджидаетъ, не умретъ ли кто, не родится ли, не заболѣетъ ли, не пожелаетъ ли вступить въ бракъ.» Въ церкви, во время Литургіи, предъ алтаремъ грудами расположены были: хлѣбъ, жареныя курицы, мясо, колбасы и тому подобное, какъ жертва Священнику за приносимую имъ безкровную жертву о живыхъ и умершихъ. Церкви находились въ крайней бѣдности: сосуды деревянные, ризы полотняныя, изорванныя, хлѣбъ для святѣйшаго Таинства употребляли часто ржаной, или овсяный, вино заплеснѣлое, Дары для больныхъ хранились въ соломянныхъ, восковыхъ, или неприличныхъ деревянныхъ, сосудахъ, а въ иныхъ мѣстахъ завертываемы были въ бумагу, или въ платокъ, и въ такомъ видѣ втыкаемы были въ стѣнныя щелины внутри алтаря. Священники служили пьяные, съ крайнимъ небреженіемъ, пропусками, искаженіями, соблазнительными выходками».... [608] Саковичъ схоластикъ, не хочетъ раздѣлять силы обряда отъ способа его выполненія. Отъ этого въ его представленіяхъ произошелъ хаосъ, въ которомъ онъ не могъ отыскать ни чего неизмѣннаго, положительнаго, неприкосновеннаго, святого. Что за Богослуженіе выходитъ у него, которое подчинено единственно вещественнымъ расчетамъ Помѣщика и Священника? Что за сила и дѣйственность въ обрядѣ, когда Священникъ совершаетъ его не такъ, какъ должно, когда онъ не понимаетъ даже, что служитъ высочайшей Святынѣ?!...

Отсюда Саковичъ обращается къ Служебникамъ, Требникамъ и Уставу Церковному, чтобы ими повѣрить поведеніе Священниковъ. Но въ нихъ онъ увидѣлъ только голыя формы обрядовъ и указанія, безъ подробныхъ наставленій Священнику касательно одеждъ, всѣхъ случаевъ поведенія, душевнаго выраженія, вообще вниманія и благоговѣнія, не нашелъ изъясненія обрядовыхъ дѣйствій, опредѣленности частныхъ мыслей, напротивъ находилъ противорѣчія и неправильность; въ Каноне, на пр., Стрятинскаго Требника на исходъ души, вмѣсто упованія на милость Божію, умирающему внушается отчаяніе. [609] «Не достойны ли такія книги сожженія?» спрашиваетъ Саковичъ, по этому послѣднему поводу. [610] Не нашедши и здѣсь строгой отчетливости въ общемъ видѣ обрядовъ, Саковичъ сталъ искать въ нихъ опредѣленія, по крайней мѣрѣ, сущности обрядовъ, служащей исходнымъ отпра-

вленіемъ для всѣхъ обрядовыхъ частностей. Но мы видѣли, въ какомъ положеніи находилась эта сторона обрядности какъ въ Греціи, такъ и въ Россіи..... Нигдѣ не указано было, что составляетъ сущность даже въ обрядахъ Таинствъ. Пытавшіеся опредѣлить ее тогдашніе Русскіе богословы только противорѣчили одинъ другому, и указывали ее, одинъ въ одномъ обрядовомъ дѣйствіи, другой въ другомъ; такимъ образомъ о сущности обрядовъ въ Таинствѣ Елеосвященія существовало 4 мнѣнія, о сущности ихъ въ Таинствѣ Евхаристіи два. [611] Вообще же Священники не имѣли, а Требники не давали, и понятія о сущности обрядовъ. Эти опредѣленія, по понятію тогдашней науки, составляли начало обрядовъ, и такъ какъ ихъ не было въ Русской Церкви, то Саковичъ отрицалъ въ ней самое существованіе обрядовъ и Таинствъ. Послѣ сего для него необъяснимы стали и прочія, собственно Восточной Церкви принадлежащія, особенности въ обрядахъ, такъ какъ не видѣлъ онъ основанія, изъ котораго выводимы были бы всѣ частности, и по тому всѣ эти особенности называлъ безсмысленными и вовсе неумѣстными, на пр., употребленіе въ Евхаристіи теплоты, соединеніе въ чашѣ хлѣба и вина, перенесеніе Св. Даровъ съ престола на жертвенникъ, закрытіе вратъ при освященіи ихъ, освященіе агнца для больныхъ, преимущественно въ Четверкъ Великій, пріобщеніе дѣтей и многія другія. [612] При такомъ взглядѣ на обрядность Русской Церкви, уже не состоятельнымъ казалось для Саковича и послѣднее рѣшеніе о ней его клевретовъ: по его мнѣнію, нельзя исправить эту обрядность даже по началамъ обрядности Римской; какъ Уніаты, такъ и Православные, чтобы спасти свою Церковь отъ совершеннаго упадка, должны принять Католичество въ полномъ его видѣ. «Если Русь, говоритъ онъ, теперь раздвоенная въ себѣ, не примирится прежде всего сама съ собою, и потомъ не соединится съ Католическою Церковію, то съ каждымъ шагомъ она будетъ итти все къ большему и большему невѣжеству, еретическимъ заблужденіямъ, и придетъ въ совершенный упадокъ.» [613] Вотъ послѣднее слово о Православной Церкви, произнесенное въ слухъ всего міра отщепенцемъ Православія, Саковичемъ. Оно, по видимому, доставляло полное торжество Латинству и, какъ будто съ знаніемъ дѣла, предсказывало явную гибель Православію. Противъ Кассіяна возстали всѣ, сколько ни будь благонамѣренные писатели, и Латиняне, [614]

и Уніяты, [615] и Православные. [616] Во всякомъ случаѣ вопросъ былъ поставленъ очень удачно. Езуиты торжествовали. Со многими преувеличеніями были выставлены всѣ раны, всѣ недостатки Православной Западно-Русской Церкви. Требовалось или отказаться отъ предыдущей практики, дѣйствительно во многомъ не безукоризненной, или же согласиться на послѣдній проектъ Саковича. Всѣ ждали теперь, что скажетъ эта Церковь въ свое оправданіе. Ея слово должно было рѣшить судьбу и Уніятской Церкви и, по мысли Саковича, или объединить ее съ собою, или окончательно оттолкнуть къ Риму. Къ счастію, во главѣ Западно-Русской Церкви стоялъ въ это время человѣкъ, который способенъ былъ дать ей новое, цѣльное, болѣе опредѣленное, направленіе. Митрополитъ Петръ Могила, о которомъ идетъ рѣчь доконно исправилъ поврежденное зданіе Церкви Православной, спасъ, можно сказать, Церковь Уніятскую.

При самомъ поступленіи въ монашество (около 1627, или 28, г.), Петръ Могила задалъ себѣ обширную зачачу: воспитать въ Православной Вѣрѣ юношество, и даже возвратить заблудшихъ, т. е., отшедшихъ отъ Православія. [617] Блестящее Западно-Европейское образованіе, высокое происхожденіе (Молдавскій Воеводичъ), близкія отношенія къ Королю, говорили ему, что онъ можетъ, что онъ долженъ, приняться за подобное дѣло. Для противодѣйствія врагамъ, прежде всего требовалось насадить въ Западно-Русской Церкви науку, въ такомъ видѣ, какъ существовала она у единовѣрныхъ. Петръ Могила не колебался отправить, въ 1628 г., нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Езуитскія школы, [618] и потомъ, при ихъ содѣйствіи, устроилъ вновь Богоявленскую Братскую школу. Давая ей свое Православное направленіе, Могила ввелъ сюда Латинскія руководства, Латинскій языкъ, и многіе порядки Езуитскихъ школъ. [619] Такимъ дѣломъ, онъ какъ бы ослабилъ то неотразимое вліяніе, какое оказывали на современниковъ Езуитскія школы: теперь можно было учиться и у Православныхъ. Ихъ школы сдѣлались своего рода «Геликономъ, Парнассомъ.» [620] По вступленіи на Митрополичій престолъ, Петръ Могила пошелъ къ своей цѣли еще рѣшительнѣе. Сосредоточеніе церковной власти было въ высшей степени необходимо, по его мнѣнію, для устройства Западно-Русской Церкви. Къ ней онъ стремился въ продолженіе всей своей жизни, требуя строгаго

Іерархическаго подчиненія, и съ необыкновенною настойчивостію шля противъ обычнаго тогда стремленія и частныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ къ независимому положенію. Впрочемъ, такого рода господство Петръ Могила допускалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчалъ упорную неблагонамѣренность, вредную для Православія; [621] въ противномъ случаѣ, соборныя, общинныя, разсужденія по дѣламъ Церкви онъ считалъ однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ ея возвышенію, усиленію. [622] Замѣчательно, что сами Православные сознавали необходимость сосредоточенія Церковной власти, но только въ слѣдствіе тяжелыхъ обстоятельствъ, когда все, такъ сказать, колебалось, рвалось, и нужно было чѣмъ ни будь остановить это общее колебаніе. Они охотно позволяютъ самому Митрополиту избрать себѣ заблаговременно Коадъютора съ правомъ наслѣдства, чтобы, въ случаѣ его смерти, говорятъ они, имъ совсѣмъ не остаться безъ пастыря, по происканъ враговъ, какъ испытали они подобное до 1620 г. [623] Митрополитъ Могила лучше другихъ понималъ такое положеніе своей Церкви и, задавши себѣ извѣстныя задачи, хотѣлъ, чтобы все направлялось къ ихъ успѣшному разрѣшенію.

Вторымъ дѣломъ, на которомъ Могила сосредоточилъ съ 1640 г. все свое вниманіе, было исправленіе Богослужебныхъ книгъ. Онъ понималъ, сколько волновалась въ послѣднее время Западно-Русская Церковь, собственно по тому, что въ ея практикѣ очень много было пробѣловъ, неопредѣленностей. Онъ видѣлъ далѣе, что сами Уніяты по тому, между прочимъ, отшатнулись отъ Православной Церкви, что соблазнялись страшными ея безпорядками, неурядицей, что и теперь, въ своемъ единеніи съ Римомъ, они ждутъ для себя наряда отъ прежней своей матери. Удовлетворяя этимъ справедливымъ ожиданіямъ, устроя собственную Церковь, Могила употреблялъ всевозможныя старанія объ исправленіи обрядности. Еще въ 1629 г., будучи Архимандритомъ Кіевопечерской Лавры, онъ издалъ Служебникъ: это было только начало дальнѣйшей дѣятельности. Трудъ Могилы уже отличается отъ прежнихъ изданій подобнаго рода тѣмъ, что при немъ приложено догматическое и обрядовое изъясненіе Литургіи, и это было уже большою услугою для тогдашняго времени, въ которое многіе смотрѣли на обрядъ, какъ на механическую смѣну разныхъ богослужебныхъ дѣйствій. Прежде изданія Служебника, Могила

представилъ его на разсмотрѣніе Кіевскому Собору (1629 г.), выразивъ тѣмъ желаніе, чтобы его Служебникъ, какъ одобренный Соборомъ всѣхъ Русскихъ Епископовъ и Митрополита, замѣнилъ всѣ частныя редакціи, и такимъ образомъ произвелъ единство въ совершеніи важнѣйшихъ случаевъ церковныхъ. [624] Въ томъ же году онъ сдѣлалъ распоряженіе о лучшемъ надзорѣ за Священниками монастырскихъ имѣній, которыя были въ полной зависимости отъ Архимандрата Кіевопечерскаго, и о практическомъ руководствѣ ихъ въ Богослуженіи и обрядахъ. Могила, занятый по должности Архимандрита-Настоятеля, множествомъ обязанностей, не могъ лично наблюдать за подчиненными Священниками, и они, рѣдко посѣщаемые имъ, вели жизнь по волѣ. Могила поручилъ Священнику Кіевской Ѳеодосіевской Церкви, Андрею, надзоръ за Священниками Васильковскими, Радомысльскими, Дѣдовскими и другихъ 18 деревень, ближайшихъ къ Кіеву, вмѣнивъ ему въ обязанность, какъ можно чаще объѣзжая означенные приходы, наблюдать, чтобы обряды и Богослуженіе совершались Священниками правильно, незнающихъ учить и наставлять, своевольныхъ и упрямыхъ наказывать пеней. [625] Въ санѣ Митрополита онъ сталъ рѣшительно думать о составленіи Требника, [626] такого, который замѣнилъ бы собою всѣ прежнія подобныя изданія. Но осуществить свое намѣреніе, при установившейся привычкѣ къ различнымъ изданіямъ, при поверхностномъ пониманіи обрядовъ, при укоренившемся между Священниками правѣ пользоваться тѣмъ, или другимъ, Требникомъ по своему произволу, можно было не иначе, какъ постепенно приготовивъ къ тому общественное мнѣніе и представивъ новый Требникъ дѣломъ всей Церкви. Съ этою цѣлію онъ заботился, съ одной стороны, о надзорѣ за книгопечатаніемъ, которое очень много страдало отъ невѣжества издателей Богослужебныхъ книгъ, съ другой о практическомъ обученіи обрядамъ Священниковъ. При этомъ ему легко было проводить въ общество свои понятія объ обрядѣ и священнослуженіи. Но тутъ-то ему въ высшей степени и понадобилось сосредоточеніе власти, и такъ какъ ея до сихъ поръ недоставало Западно-Русской Церкви, то Могилѣ на пути къ своей цѣли пришлось выдержать довольно сильную, опасную, борьбу.

Дѣло въ томъ, что Могила, заботясь о надзорѣ надъ издателями Богослужебныхъ книгъ и книгопечатниками, чтобы, та-

кимъ образомъ, ограничить распространеніе прежнихъ ошибокъ въ новыхъ изданіяхъ, средствомъ для этого избралъ цензуру, и, принявъ ее исключительно на себя, потребовалъ, чтобы всѣ, вновь печатаемыя въ типографіяхъ, Богослужебныя книги, «особенно Служебники и Требники, предварительно представляемы были ему для исправленія; безъ этого никто не смѣлъ печатать ихъ, и Священники не должны были употреблять при Богослуженіи книгъ, напечатанныхъ безъ его разрѣшенія. [627] Но въ этомъ случаѣ Могила далеко расходился съ сложившимся строемъ современнаго общества. По тогдашнему праву всякій, имѣвшій средства и получивший отъ Правительства позволеніе устроить типографію, могъ печатать всѣ книги по своему выбору, и продавать ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло съ чьей бы ни было стороны, о цензурѣ же не было и помину. Братства и Ставропигіи, по желанію своему, получали это право отъ Патріарховъ Греческихъ, угрожавшихъ нарушителямъ ихъ грамотъ отлученіемъ отъ Церкви и вѣчною клятвою. [628] Цензура, ограничивая свободу печатанія, кромѣ того казалась для современниковъ Могилы чѣмъ-то въ родѣ посягательства на право народное, и безъ того стѣсняемое Правительствомъ. Независимо отъ этого, свобода печатанія, и отсюда возможно большее распространеніе Богослужебныхъ книгъ, всѣми почиталось за лучшее средство къ противодѣйствію Уніи. Цензура же необходимо замедляла, ограничивала, ихъ распространеніе. Противъ Могилы начиналъ слышаться почти общій ропотъ. Его увеличивали Кіевскіе «Попы невѣжи,» [629] которыхъ Митрополитъ часто заставлялъ учиться Православному совершенію церковныхъ службъ, часто лично провѣряя ихъ успѣхи, испытывая. [630] Обличеніе ошибокъ и другихъ недостатковъ въ книгахъ напоминало обличеніе отъ Уніятовъ и Католиковъ. Враги Могилы, пользуясь единостремленіемъ послѣднихъ, стали распускать про него въ народѣ клеветы и злословіе. «Нынѣшніе прекословники, говорилъ Могила, на пастырскій гласъ смиренія нашего, не печатать безъ исправленія и благословенія нашего книгъ церковныхъ, особенно Служебниковъ и Требниковъ, какъ аспиды затыкаютъ уши свои и языкъ изощряютъ на злословіе. Да судитъ ихъ Господь!» [631] Къ этому присоединились происки Латинянъ и Езуитовъ. Устройство Могилою Кіевской Богоявленской Школы было весьма невыгодно Латинскимъ монахамъ, уже прежде имѣвшимъ

въ Кіевѣ свои училища. Для нихъ оно грозило совершеннымъ паденіемъ ихъ вліянія. Пользуясь нерасположеніемъ къ Могилѣ, они начали разсѣвать въ народѣ противъ него, его школы и наставниковъ, «ненавистныя клеветы, именовали послѣднихъ Аріянами, Кальвинистами, Лютеранами.» Самъ народъ заподозрѣвалъ ихъ въ Православіи. О Могилѣ думали, что онъ преданъ Езуитамъ и задумываетъ новую Унію. Волненіе было такъ сильно, что въ защиту потребовалось писать цѣлое сочиненіе. [632] Запорожскіе Козаки, возбужденные врагами Могилы, обступили Кіево-Могилянскую Коллегію (съ 1634 г.) и требовали выдать имъ всѣхъ начальниковъ и учителей, угрожая, въ противномъ случаѣ, сжечь училище, убить и самаго Могилу. «Это было такое время, пишетъ Сильвестръ Коссовъ, тогдашній Префектъ Коллегіи, когда мы думали, что Шляхетство вздумаетъ начинять нами Днѣпровскихъ осетровъ, или когда одного огнемъ, другого мечемъ, отправить на тотъ свѣтъ.» [633] Но все это не останавливало Могилы и только вызывало въ немъ большую настойчивость, доходившую иногда до раздражительности. Онъ называлъ «аспидами глухими» самовольныхъ издателей Богослужебныхъ книгъ. [634] Запретивъ Священникамъ употреблять при Богослуженіи Служебникъ Слёзки, напечатанный безъ установленнаго разрѣшенія, [635] самаго Слёзку потомъ (1646 г.) Могила отлучилъ отъ Церкви за неисправное напечатаніе сокращеннаго Катихизиса. [636] Онъ не щадилъ и Братствъ, признаваемыхъ въ общественномъ мнѣніи столпами Православія и оплотами противъ Уніи, но, по своему устройству и «правамъ,» стоявшихъ противъ всякаго сосредоточенія власти, и писалъ, что «въ нихъ, отвергши ревность предковъ и поправши правы, каждый хочетъ только своего и дѣлать по своему.» [637] Такая настойчивость не осталась безплодною. На многихъ книгахъ того времени, печатанныхъ въ Ставропигіальныхъ и частныхъ типографіяхъ, находимъ отмѣтки: «Печатано за благословеніемъ.... Петра Могилы.» [638] Для такой доброй цѣли добивался Митрополитъ Могила сосредоточенія духовной власти, и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ умныя, благонамѣренныя лица вполнѣ сочувствовали ему. [639] Сильною поддержкою ему служилъ Король Владиславъ IV, покровитель Православныхъ, съ подобными къ средоточенію неправильными стремленіями въ политикѣ. Опираясь такимъ образомъ на лучшемъ изъ современнаго общества, Митрополитъ продолжалъ свое дѣло.

Въ новомъ Служебникѣ 1639 г. онъ помѣстилъ, послѣ обыкновенныхъ службъ, ектеніи и молитвы на 27 различныхъ случаевъ; изъ нихъ одни обыкновенны въ церкви и жизни Христіянина (о путешествующихъ), другія же взяты имъ изъ современнаго состоянія Русской Церкви (объ искорененіи ересей и схизмы...). Литургія является здѣсь со стороны молящагося не однимъ общимъ прошеніемъ милости Божіей, не однимъ общимъ выраженіемъ нуждъ грѣховнаго человѣка, но простирается на личныя и при томъ случайныя нужды, и по тому возбуждаетъ въ каждомъ молящемся болѣе сознательное участіе. Рѣзче высказана мысль о полнѣйшемъ развитіи обрядовъ и приложеніи ихъ къ современнымъ нуждамъ Церкви въ учрежденіи Могилою, такъ называемыхъ, пассій. [640] Обрядъ этотъ заимствованъ отъ Латинянъ, отправлявшихъ его съ особенною торжественностію, и тѣмъ привлекавшихъ къ нему толпы народа, и Католическаго и Православнаго. Принятіемъ его въ число обрядовъ Православной Церкви Могила показалъ, что въ развитіи обрядности и примѣненіи ея къ современнымъ нуждамъ Церкви онъ не ограничивается существующими обрядами, но, въ случаѣ нужды, готовъ заимствовать ихъ и изъ обрядности Церкви Инославной, пересоздая ихъ по духу и особенности Церкви Православной. Что касается молитвъ, назначенныхъ для частнаго употребленія, то въ отношеніи къ нимъ Могила держалъ себя совершенно свободно, сокращалъ и измѣнялъ ихъ, сообразно понятію о нуждѣ и личности молящагося, [641] ни сколько не стѣсняя себя ихъ формою и изложеніемъ.

Среди этихъ занятій и рѣшительнаго Соборнаго дѣянія (1640 г.), преимущественно по дѣлу исправленія Богослуженія и религіозныхъ обычаевъ, когда Митрополитъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ себѣ сторонниковъ, [642] явилось (въ 1642 г.) извѣстное уже намъ сочиненіе Саковича: «Perspectiva», давно слѣдившаго за дѣятельностію Могилы, сочиненіе, заставившее Могилу положительно высказать свой взглядъ на обрядность церковную. Мы знаемъ, какъ многое зависѣло въ Церкви отъ удачнаго отвѣта на этотъ сложный пасквиль. Кромѣ того Митрополиту Могилѣ представлялся очень удобный случай самимъ дѣломъ сложить съ себя всѣ подозрѣнія въ своей предыдущей дѣятельности, какъ бы дать въ ней отчетъ. Могила великолѣпно выполнилъ свою задачу, и его

«Камень» (Λίθος) былъ пущенъ очень удачно во «Перспективу» Саковича. Онъ обнимаетъ весь составъ религіозныхъ отличій Восточной Церкви отъ Западной, преимущественно же обрядовыхъ. Два года готовилъ свой отвѣтъ Митрополитъ Могила. [643] Въ хаосѣ представленій противника онъ прежде всего старает произвесть строгое раздѣленіе, и въ каждомъ его отзывѣ разграничить статьи обвиненія. Онъ рѣзко отдѣляетъ личность священнослужителя и вѣрующихъ отъ постановленій и обрядовъ церковныхъ и, по его словамъ, нельзя заключать отъ состоянія первыхъ къ свойству послѣднихъ. Причины различныхъ уклоненій заключаются не въ самой Церкви, какъ будто она потеряла истину (нѣтъ, подобныя уклоненія она считаетъ иногда смертнымъ грѣхомъ), а въ бѣдственномъ положеніи духовенства и народа Русскаго, находящагося въ крайнемъ угнетеніи, а по тому коснѣющаго въ невѣжествѣ и грубости. «Священники совершаютъ обряды съ крайнимъ нерадѣніемъ и неуваженіемъ,» говорилъ Саковичъ. «Что же дѣлать, отвѣчаетъ Петръ Могила, когда Помѣщикъ, считая церковь и приходъ своею вещественною собственностію, отдаетъ ихъ не тому, кто способенъ къ священству и богобоязливъ, а тому, кто заплатитъ большій откупъ, и кто, такимъ образомъ, самъ смотритъ на свое служеніе, какъ на предметъ обыкновеннаго торга?»... «Въ Богослуженіи употребляются неприличныя одежды».... «Это по тому, отвѣчаетъ Могила, что Помѣщикъ не заботится о церкви: ему лишь бы доходъ.» «Многіе храмы остаются непосвященными».... «Не удивительно, говоритъ Могила, если это случится въ Воеводствѣ Браславскомъ и Кіевскомъ: оттуда труденъ путь къ Епископу, по дальности своей, по причинѣ частыхъ набѣговъ Татаръ.»—«Въ народѣ не видно уваженія къ праздникамъ Апостоловъ, днямъ недѣльнымъ».... «Да, не видно уже дня недѣльнаго, отвѣчаетъ Могила, за множествомъ подводъ и невольническими работами, которыя принуждены отбывать Помѣщикамъ убогіе ихъ крестьяне сами собою, своимъ имуществомъ и своею челядью. Не видно праздниковъ Богородичныхъ и Апостольскихъ изъ за непремѣнныхъ полевыхъ работъ.» [644] Относительно обрядовъ Могила каждый важный обычай старается изслѣдовать исторически, и возвесть его къ самой глубокой Христіянской древности. Чтобы доказательнѣе представить дѣло съ этой стороны, онъ беретъ свои свидѣтельства изъ историковъ и богослововъ преимуществен-

но Католическихъ, такъ же соборныхъ постановленій, Папскихъ буллъ;... . слѣдовательно, изъ такого источника, котораго нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ Востоку. «Разности въ обрядахъ и обычаяхъ, по словамъ Могилы, ни сколько не нарушаютъ догматовъ и сущности самыхъ обрядовъ; онѣ показываютъ только самостоятельное устройство и выраженіе общаго всѣмъ Церквамъ дѣла.» Каждый почти обычай своей Церкви Могила поставляетъ въ соотношеніе съ подобнымъ же обычаемъ церкви Римской, и показываетъ въ нихъ только своеобразное выраженіе мысли церковной, зависѣвшее отъ различныхъ условій историческихъ. «Недостатки въ современномъ состояніи обрядности не уничтожаютъ Церкви, по мнѣнію Могилы. Церковь не есть безучастная хранительница опредѣленій обрядовыхъ, завѣщанныхъ стариною. Внѣшнее выраженіе обрядовое, частные обычаи и принадлежности, для нея постоянно условны; она постоянно развиваетъ обряды въ болѣе точныя и яркія формы и, сообразно потребностямъ времени, дѣлаетъ различныя дополненія, перемѣны. Такимъ образомъ не упадокъ, не потеря всякихъ началъ, выражается въ современномъ состояніи обрядности Западно-Русской Церкви, но обычный ходъ дѣлъ, задержанный обстоятельствами, не зависящими отъ самой Церкви. «Отъ времени, говорилъ Могила, многое оказалось не полнымъ, не опредѣленнымъ, многое не законно внесено въ обычаи Церкви, особенно въ то печальное время, когда на Руси не было ни одного Православнаго Епископа (1613 — 1620); но теперь все это исправляется и, дастъ Богъ, достигнетъ опредѣленности и полноты требуемой, временемъ.» [645]

Могила указываетъ и тѣ начала, по которымъ Западно-Русская церковная обрядность можетъ быть всегда исправляема въ своихъ недостаткахъ. Вопреки Саковичу, въ каждомъ обрядѣ Могила указываетъ дѣйствія существенныя, неизмѣнныя для каждаго времени, наслѣдованныя отъ первыхъ временъ Христіанства. Въ этихъ опять существенныхъ дѣйствіяхъ обряда есть пунктъ, въ которомъ замыкаются какъ они сами, такъ и весь обрядъ. Этѣ сущности обрядовыя неизмѣнно пребываютъ во всѣхъ Церквахъ и во всѣ времена, подобно догматамъ Вѣры; на нихъ, какъ на основаніяхъ, каждая Церковь самостоятельно устрояетъ полные чины Богослуженій, распространяетъ, сокращаетъ, измѣняетъ ихъ, сообразно потребностямъ времени и обстоятельствъ. Та-

кія сущности Могила находитъ и указываетъ своему противнику и во всей Западно-Русской обрядности. [646] «Всегда Св. Восточная Церковь проситъ Господа, говоритъ Могила Саковичу, на его заключительное слово, чтобы Господь даровалъ единеніе раздѣленнымъ Церквамъ своимъ, особенно, чтобы Церковь Западную, которая, въ продолженіи почти 1000 лѣтъ, была въ единствѣ съ Восточною, своими божественными судьбами привелъ къ согласію съ нею, но не къ такому единству, какова нынѣшняя Унія, которая гонитъ къ соединенію обухами, темницами, несправедливыми тяжбами, насиліемъ, нахрапомъ..... Такая Унія родитъ только раздѣленіе..... Пускай самъ Богъ, какими вѣсть судьбами, исправитъ сердца обѣихъ сторонъ, приведетъ къ первоначальному единству и изъ двухъ содѣлаетъ одно.» [647] Таково было послѣднее слово Православной Церкви, прямое, краткое, любвеобильное. Митрополитъ Могила показалъ современному міру, какъ глубоко понимаетъ онъ церковную обрядность, какъ широко и зучилъ ее, какъ самостоятеленъ и основателенъ въ ея оцѣнкѣ. Въ своемъ противникѣ онъ далъ возможность увидѣть всѣмъ только грубый фанатизмъ, слишкомъ недалекое пониманіе дѣла, за которое взялся узкій взглядъ на вещи. А главное, всѣ теперь увидѣли, что Западно-Русская Церковь, гонимая, преслѣдуемая, при всемъ бѣдственномъ положеніи своемъ въ Католической Державѣ, сохранила свою полную самостоятельность, носила въ себѣ живое, свѣжее, преданіе о всеобъемлющей вселенской истинѣ и, среди наружныхъ неустройствъ, имѣетъ всѣ задатки къ исправленію ихъ по собственнымъ началамъ и къ самостоятельному всегдашнему развитію. [648] Велико было торжество въ этѣ минуты Западно-Русской Церкви. Противники не поднимали болѣе вопроса о значеніи ея обрядности. Саковичъ совсѣмъ становится незвѣстнымъ, а его сторонники надолго завязали борьбу съ сочинителемъ книги «Лиѳоса» (Камня), но только изъ за послѣдняго, небольшаго, въ ней прибавленія: о главенствѣ Папы и объ исхожденіи Св. Духа, вовсе не касаясь главнаго и существеннаго предмета этой книги. [649] Изданныя въ этомъ отношеніи многочисленныя сочиненія противъ «Лиѳоса» [650] ясно давали знать, какъ страшенъ былъ онъ врагамъ Православія. Всѣ видѣли теперь, что не напрасно Петръ Могила заботился объ устройствѣ школъ, о распространеніи просвѣщенія, что только этимъ путемъ можно спасти, отсто-

ять, свою Церковь. Православные не опасались теперь болѣе Латинскихъ порядковъ, заведенныхъ Могилою въ своихъ школахъ; они начали отдавать туда дѣтей своихъ и самыя школы именовать «Геликономъ, Парнасомъ.» [651] Своимъ отвѣтомъ Саковичу Могила какъ бы ограждалъ то предыдущее положеніе, тѣ стремленія, которыя до сихъ поръ заявлялъ онъ въ церковномъ управленіи. Всѣ увидѣли, что Митрополитъ правъ, что дѣйствительно необходимо исправить извѣстныя злоупотребленія, ввести возможное однообразіе въ церковныхъ службахъ, тѣмъ болѣе, что только такимъ путемъ, отказываясь въ нѣкоторыхъ точкахъ отъ предыдущей практики, Могила могъ поразить своего соперника. Такъ, когда онъ, на вопросъ Саковича, по чему въ Русскихъ Требникахъ нѣтъ обрядовъ на освященіе одеждъ и сосудовъ церковныхъ? отвѣчаетъ, что эти обряды существуютъ въ церкви и употребляются Священниками въ спискахъ, то, очевидно, соглашается, что ихъ нужно ввести въ Требникъ. Когда, вопреки Саковичу, доказывая, что въ Западно-Русскихъ Требникахъ положительно опредѣлено мѣсто оглашенія крещаемаго, онъ прибѣгаетъ за ссылкой къ Требнику Московскому, то этимъ даетъ знать о своей готовности исправить недосмотръ и въ своихъ Требникахъ. [652] Значитъ, нельзя было болѣе оставаться съ подобными неопредѣленностями: нужно было исправить ихъ и ввести въ жизнь уже въ исправленномъ видѣ. Своимъ «Камнемъ» Могила какъ бы утвердилъ для себя такое дѣло; онъ смѣло могъ приступить теперь къ изданію новаго Требника.

До Петра Могилы весь трудъ исправителей обрядности ограничивался возстановленіемъ первоначальнаго наружнаго вида обрядовыхъ дѣйствій, опредѣленіемъ отношенія своего Требника къ Требнику Греческому, какъ его началу, трудъ односторонній, механическій, теряющійся въ разнообразіи обрядовыхъ формъ и оттѣнковъ ихъ въ томъ, или другомъ, устроеніи (редакціи) и, по множеству этѣхъ формъ и оттѣнковъ, лишенный почти возможности возстановить первоначальный смыслъ обряда. Прежніе издатели при томъ, по словамъ Могилы, «держались своихъ старыхъ обычаевъ;» соглашая разности существующихъ изданій, стояли на сохраненіи внѣшней стороны въ обрядности, не касаясь внутренней. Могила понялъ дѣло иначе. Онъ сознялъ необходимость выяснить и опредѣлить внутреннюю сторону обрядности, что одно могло придать

ей единство и оправдать ее въ глазахъ противниковъ. «Въ книгѣ сей, говоритъ Петръ Могила о своемъ Требникѣ, ты найдешь, благочестивый читатель, чинное отправленіе святыхъ седми Таинствъ церковныхъ, преподанное Св. Православной Каѳолической Церкви отъ Христа Господа чрезъ Св. Апостоловъ, и извлеченное мною изъ Греческихъ Евхологіоновъ и древнихъ рукописныхъ Славянскихъ Требниковъ. Имѣешь въ ней и надлежащія наставленія въ томъ, что такое Таинство, въ чемъ состоитъ сила и дѣйственность каждаго Таинства, съ какимъ приготовленіемъ должно приступать къ совершенію оныхъ, съ какою тщательностію и благоговѣніемъ совершать ихъ, какъ поучать народъ Божій, чтобы онъ достойно приступалъ къ принятію оныхъ и надлежащимъ образомъ велъ себя при всѣхъ случаяхъ, какіе могутъ ему встрѣтиться при этомъ. Имѣешь въ сей книгѣ живой чинъ и порядокъ какъ различныхъ освященій, такъ и разныхъ молитвъ и молебновъ, имѣешь надлежащую о всемъ церковномъ чинѣ науку. Найдешь здѣсь, какъ утверждать Православныхъ чадъ Церкви въ упованіи спасенія своего, какъ отвѣчать поносящимъ и обидящимъ врагамъ о членахъ Вѣры Православной. Найдешь, наконецъ, единоутробное согласіе всѣхъ Божественныхъ Таинъ, во всѣхъ Церквахъ отправляемыхъ.» [653] Вмѣстѣ съ тѣмъ Могила предположилъ подробно опредѣлить въ своемъ Требникѣ поведеніе какъ служащихъ, такъ и требующихъ духовной помощи, преподать наставленіе касательно случаевъ, могущихъ встрѣтиться при совершеніи обрядовъ, представить изъясненія на всѣ учрежденія обрядовыя, которыя подвергались или упрекамъ отъ противниковъ, или мало понимаемы были самыми Православными, такъ что Требникъ въ своемъ кругѣ имѣлъ быть вмѣстѣ и обрядовымъ, и пастырскимъ, и казуистическимъ, богословіемъ. 6 Декабря, 1646 г., было временемъ появленія въ свѣтъ этого великаго дѣла.

По мнѣнію Петра Могилы, недостатки Требниковъ прежнихъ изданій состояли въ неопредѣленности обрядовыхъ формъ, въ опущеніи многаго необходимаго, въ удержаніи не нужнаго. [654] Въ его Требникѣ эти недостатки сравнительно восполнены. Онъ не ввелъ сюда многихъ Чиновъ, на пр., о пріобщеніи воды Св. Богоявленій, Чинъ братотворенія; [655] обряды Архіерейскіе и монашескіе отнесъ къ особымъ Требникамъ. [656] Вновь введено имъ до 40 Чиновъ. Въ составѣ обрядовъ находимъ, съ одной стороны,

полнѣйшее раскрытіе и строгую выдержанность главной мысли, съ другой точнѣйшее опредѣленіе всѣхъ обрядовыхъ дѣйствій и принадлежностей. Особенно важны въ этомъ отношеніи соображенія его о формѣ, матеріи и интенціи въ обрядахъ Таинствъ, незнакомыя прежнимъ Требникамъ. Эти соображенія, несостоятельныя, конечно, въ разсужденіи надлежащаго пониманія внутренней благодатной стороны Таинствъ, весьма благотворны были по отношенію къ внѣшней сторонѣ ихъ, по тому что строго опредѣляли главную мысль и существенныя дѣйствія обряда. Отсюда строго опредѣлены и самыя слова, выражающія главную мысль, и ограждены отъ своеволія и небрежности, сколько изъясненіемъ въ особыхъ статьяхъ, столько и нарочитымъ внушеніемъ въ самомъ обрядѣ: «Зри, о Іерею, и опасно сохрани».... За опредѣленіемъ главной мысли и главнаго дѣйствія послѣдовала опредѣленность и полнота во всѣхъ частяхъ обрядовъ. Обряды, состоявшіе прежде изъ одной или нѣсколькихъ скудныхъ по содержанію молитвъ и изъ неясныхъ показаній приложенія ихъ, представлены въ полной и отчетливой формѣ. Таковы Чины на принятіе обращающихся къ Православной Церкви; для каждаго рода здѣсь положены особыя молитвы, формулы отрицанія, вопросовъ о Вѣрѣ, исповѣданія Православной Вѣры, наставленій новообращенному и т. п. [657] Другіе Чины, одинаковые по содержанію, назначенію и свойству, различные только по времени употребленія ихъ, преобразованы въ одно полное Послѣдованіе. [658] Многіе случаи, представленные въ прежнихъ Требникахъ въ видѣ одной молитвы, безъ опредѣленія обрядовыхъ дѣйствій и другихъ принадлежностей, возведены на степень полныхъ обрядовъ. Сюда относится весь отдѣлъ молитвъ, извѣстный въ прежнихъ Требникахъ подъ заглавіемъ: «Молитвы потребныя,» и заключавшій въ себѣ болѣе 50 случаевъ; въ Требникѣ Могилы каждому изъ этихъ случаевъ дана особая полная форма обряда съ полнымъ описаніемъ всѣхъ его принадлежностей и дѣйствій. Нѣкоторые изъ нихъ, наполненые особыми молитвами, пѣснями, канонами, получили полную форму молебновъ. [659] Извѣстные уже намъ Чины погребенія младенческаго, послѣдованій за безведріе, противорѣчившіе въ нѣкоторыхъ частяхъ главной своей мысли, исправлены сообразно этой мысли. Исключены нѣкоторые частные обычаи (шествіе причта позади гроба, взаимное помазаніе Священниковъ

въ Таинствѣ Елеосвященія).... и особенно ограждены тѣ предметы, которые омрачало и колебало современное невѣжество и своеволіе.[670] Не говоримъ уже объ исправленіи допущенныхъ искаженій въ молитвахъ, о замѣненіи не Православныхъ выраженій не употребительныхъ устарѣвшихъ словъ.[671]

Свои исправленія Могила совершалъ на основаніи различныхъ источниковъ. По глубокому пониманію обряда,[672] Могила, въ случаѣ нужды, не затруднялся брать необходимыя формы изъ практики другихъ Церквей. Статьи о Таинствѣ Крещенія, Муропомазанія, покаянія, о посѣщеніи больныхъ.... представляютъ буквальный переводъ статей, полагаемыхъ на эти случаи въ Римскомъ Требникѣ.[673] Статьи: о тайнѣ Елеосвященія, 1 глава о тайнѣ супружества, уставъ, «како вскорѣ причастити больнаго,» и нѣкоторыя другія, составлены по такимъ же статьямъ Римскаго Требника.[674] Его вліянія носятъ Чины на освященіе и основаніе храма, на освященіе священническихъ одеждъ, покрововъ божественныхъ таинъ, сосуда для храненія Св. даровъ, Креста, иконы.... Заимствованы нѣкоторыя частныя дѣйствія и понятія, на пр., вопросы о взаимномъ согласіи на бракъ и взаимное обязательство супруговъ въ вѣрности. Могила пользовался и списками Великороссійскими.[675] Въ молитвахъ, помѣщенныхъ въ его Требникѣ, приводятся нѣкоторые Святые Русскіе: Петръ, Алексій, Іона....[676] Безразлично встрѣчаются тѣ предметы, которые послужили соблазномъ для раскольниковъ.[677] Требниками Греческими онъ вездѣ провѣряетъ Требники Русскіе. Чинъ пріобщенія агіасмою исключаетъ изъ обрядности, на томъ основаніи, что о немъ нигдѣ не упоминается въ Требникахъ Греческихъ. Нигдѣ не хочетъ противорѣчить имъ, и по тому, если иногда принимаетъ Чинъ, не существовавшій ни въ нихъ, ни вообще въ обычаѣ Церкви Восточной, считаетъ нужнымъ объясниться въ такомъ поступкѣ; такъ, на пр., «при молитвѣ первобрачной невѣстѣ, хотящей при брацѣ ввестися въ церковь»..... Гораздо болѣе высказывается уваженіе его къ Требникамъ Греческимъ, когда онъ или доказываетъ обязательность такого обычая, достоинство котораго было колеблемо противниками, или невѣждами, или возстановляетъ обычай, низпровергнутый обычаемъ Латинскимъ; онъ говоритъ тогда: «таковъ обычай матери нашей, Церкви Восточной, значитъ обычай Апостольскій, отеческій, навсегда обяза-

тельный.» Такъ говоритъ онъ, когда утверждаетъ обычаи: соединеніе Вечерни съ Литургіей въ день Пятидесятницы, хожденіе въ Литіяхъ противъ солнца, шествіе причта въ проводахъ умершаго впереди гроба, о квасномъ хлѣбѣ въ Литургіи, о водѣ Богоявленской и др. [678] Не смотря на все уваженіе Могилы къ Требнику Греческому, на буквальное заимствованіе нѣкоторыхъ обрядовъ изъ Требниковъ Римскихъ, трудъ его во всякомъ случаѣ вполнѣ самостоятельный. [679] Могила кончилъ свое дѣло и, черезъ 25 дней по изданіи Требника, самъ отошелъ въ вѣчность. За него теперь говорилъ его Требникъ: онъ былъ полнымъ отвѣтомъ на современныя нужды Церкви. Она могла торжествовать, получивъ отъ своего пастыря такой богатый подарокъ, торжественный нарядъ. Въ своей практикѣ она имѣла теперь положительную, вполнѣ опредѣленную, точку, на которую смѣло могла опереться во всякомъ случаѣ. Ея истинные сыны смѣло вступили теперь въ борьбу со всѣми врагами Православія; они широко раскинули свою дѣятельность, за предѣлы Кіева, по всей Литвѣ, даже за предѣлы своей родины, въ Россію. Окрѣпла потрясенная Іерархія, оживились Братства (нѣсколько съ инымъ противу прежняго направленіемъ); сильно встревожились Езуиты. [680]

Опасно было для враговъ Православія видѣть Православную Церковь устроенною, упорядоченною; но теперь дѣла принимали нѣсколько болѣе мрачный для нихъ видъ. Дѣятельность Православныхъ всколебала весь Уніятскій міръ. Мы знаемъ, что очень многіе сдѣлались Уніятами изъ за безпорядковъ въ Церкви Православной; въ единеніи съ Римомъ они думали найти устройство, чинъ всего. Теперь дѣло говорило противное. Уніятская Церковь очутилась въ самомъ страшномъ разслабленіи; Православная, искушенная продолжительною борьбою, явилась чистою, здоровою, въ праздничномъ нарядѣ. Надъ ея отпадшими сынами исполнились отчасти слова сочинителя Ѳриноса: «они дѣйствительно начали стыдиться своихъ предыдущихъ дѣйствій.» Дѣятельность Петра Могилы напомнила Уніятамъ дѣятельность главнаго виновника Уніи, Ипатія Потѣя: огромныя ученыя занятія съ примиряющимъ свойствомъ, сосредоточеніе власти, ослабленіе даже въ Братствахъ незаконнаго управленія. Даже Уніяты, въ родѣ Стебельскаго смотрятъ на Могилу слишкомъ снисходительно и думаютъ, что подъ конецъ жизни онъ обратился въ Унію. [681] По на-

родъ и бѣлое Уніятское духовенство были нѣсколько искреннѣе. Они думали не о распространеніи (пропагандѣ), а искали истины. Они ясно видѣли ее въ Церкви Православной, и поспѣшили воспользоваться ею, тѣмъ болѣе, что, при свѣтломъ взглядѣ Могилы на обрядность, которою такъ дорожили Уніяты, при его примиряющемъ направленіи, съ ихъ стороны не требовалось почти ни какой жертвы. Но рѣшительно по другому направленію шло меньшинство Уніятской Церкви, ея представители — Базиліяне. Не замѣтно для себя, они въ своихъ понятіяхъ уже гораздо ближе сходились съ Латинянами, чѣмъ съ Православными, и ни какъ не могли мириться съ послѣдними. Напротивъ, замѣтивъ въ своей Церкви сильное Православное движеніе, они поспѣшили убить его, уничтожить существующее настроеніе, закрѣпить собственные порядки съ Латинскимъ свойствомъ и, для большаго значенія, канонизовать ихъ соборнымъ голосомъ. Назначенъ Люблинскій Съѣздъ. Стебельскій говоритъ, что главная цѣль назначенія Люблинскаго Съѣзда была окончательно объединить Русь съ Католиками Римлянами, такъ какъ она, прежде склонявшаяся къ Уніи, при стараніи Католиковъ, и особенно при помощи книгъ, выданныхъ въ духѣ Уніи, теперь [682] явно начала отпадать отъ ней, возмущаемая книгами, которыя издавались монахами не Унитами, въ Кіевской и Сѣверской областяхъ. [683] Выполнилъ такимъ образомъ Могила свою великую задачу, возвратить отпадшихъ отъ Православія, [684] задачу еще 1628 г. Онъ сдѣлалъ больше. Дѣятельность его и его послѣдователей произвела окончательное раздѣленіе въ Уніятской Церкви, заставила рѣзко обозначиться въ ней двумъ направленіямъ: Православно-Уніятскому (его мы и будемъ разумѣть впередъ подъ именемъ Уніятской Церкви, собственно народъ, бѣлое духовенство и потомъ Митрополиты) и Латинско-Базиліянскому. Опираясь на огромную Латинскую сторону и Короля, Базиліяне долго еще тѣснили остальныхъ Уніятовъ, желая заставить ихъ итти въ слѣдъ себя; но все напрасно: Западно-Русское Православіе было гораздо жизненнѣе и далеко крѣпче этой физической силы. О немъ проповѣдывалъ Уніятамъ Требникъ Могилы; теперь онъ сдѣлался для нихъ путеводною звѣздою.

XII.

Люблинскій Съѣздъ 1680 г.

Все, по видимому, благопріятствовало Базиліянамъ для ихъ цѣли. Въ ихъ средѣ на первыхъ порахъ очень замѣтно давали чувствовать себя три стороны: съ Православнымъ направленіемъ, Латинскимъ, въ главѣ которой стояли Базиліяне-Латиняне, и сторона очень многочисленная отцовъ, искавшихъ свободной, вольной, жизни. Къ указанному времени объ крайнія стороны начали сосредоточиваться возлѣ Средней-Латинской. Мы знаемъ уже, какъ выродились Базиліяне съ Православнымъ направленіемъ въ истыхъ Латинянъ. Сторонѣ послѣдней сдѣлана была уступка, но замѣчательно, что и въ ней, по обычной политикѣ, Римъ поспѣшилъ закрѣпить свое Латинское убѣжденіе. Три дня въ недѣлю Базиліянамъ позволено было вкушать мясную пищу, которую они сильно отстаивали (Вторникъ, Четвергъ, Воскресенье). Въ Понедѣльникъ и Субботу (по Римскому обыкновенію) дозволено только ѣсть съ масломъ. [685] Въ Среду и Пятокъ оставался постъ. Латинское начало начинало господствовать, заставило въ Базиліянахъ умолкнуть всему остальному, и съ нимъ теперь они задумали устроить свою Церковь.

Митрополитъ Жоховскій, при которомъ задумывалось подобное дѣло, вполнѣ ему благопріятствовалъ. Пока преданный Базиліянамъ, [686] онъ самъ весь былъ пропитанъ Латинствомъ. Только въ Римской Церкви, въ единеніи съ нею, въ признаніи верховнаго главенства Римскаго Первосвященника, Жоховскій видитъ для человѣка возможность спасенія. «Только тотъ можетъ назваться наслѣдникомъ Божіимъ въ дѣлѣ распространенія Вѣры, по словамъ Жоховскаго, кто получилъ власть отъ Святѣйшаго Господина нашего, Римскаго Первосвященника, которому одному даны ключи Царствія, и только то будетъ разрѣшено на небесахъ, что разрѣшитъ онъ на землѣ.» [687] Онъ такъ высоко ставитъ признаніе первенства Папы, что этого одного дѣла считалъ достаточнымъ для познанія всѣхъ истинъ Вѣры, для полученія спасенія. «Кто признаетъ главенство Рима, тотъ самымъ дѣломъ уже вѣритъ въ то, по словамъ Жоховскаго, что предлагаетъ ему это первенство. По этому оставьте, говоритъ онъ Русскому народу,

гордость Греціи, наклоните свои головы къ ногамъ Св. Отца, сердечно облобызайте ихъ, украшенныхъ Св. крестомъ, и вѣруйте такъ, какъ научитъ васъ Св. Отецъ. Не ужасайтесь дать поцѣлуй (dare osculum) ногамъ Св. Отца, на которыхъ изображенъ знакъ креста. Ноги Св. Отца болѣе достойны креста, чѣмъ тѣ многочисленные трупы, собираемые вами по различнымъ тѣмъ самъ и дорогамъ, отошедшіе изъ этого міра безъ всякаго разрѣшенія, а надъ ними вы ставите очень частые кресты, и каменные и деревянные. [688] Оглянись же, народъ Русскій, говоритъ Жоховскій, одушевленный своимъ Апостольствомъ, и разсуди, что прежде всего необходимо для спасенія, и ты согласишься со мною, что основаніе твоего счастія и вѣчнаго спасенія есть первенство Св. Отца Римскаго Папы; ему отъ Христа поручено раздавать божественныя права, оглашать ихъ міру, такъ какъ онъ «Regula,» или лучше, «видимый Canon» (правило) истинной Вѣры. И коль скоро Святѣйшему Примасу Римскому вы отдадите, возобновите поклонъ, уже за нѣсколько вѣковъ должный ему отъ погибшихъ Грековъ, у васъ тотчасъ исчезнутъ, убѣгутъ, всѣ заблужденія, какъ относительно исхожденія Св. Духа «и отъ Сына», такъ и относительно Календаря, въ котораго вы, кажется, уже слишкомъ влюбились. [689]

Такимъ образомъ мы видимъ, что Жоховскій, съ одной стороны, за вѣрное и несомнѣнное признаетъ то, что такъ недавно еще приняли сами Базиліяне [690] и отъ чего многіе Уніяты уклонялись, по крайней мѣрѣ, до половины XVIII вѣка; [691] съ другой онъ открыто насмѣхается надъ тѣмъ, въ защиту чего 40 лѣтъ тому назадъ писали сами Базиліяне. [692] Вотъ стихи, которые Жоховскій посвящаетъ Королю Польскому, Іоанну III:

Ducha Swiętego w Boskiey Grek wygnał osobie,
Duch, Najasnieyszy Panie, odpoczął na Tobie.
Ian (apostoł) miał za odpoczynek piersi Iezusowe,
Pochodzący od syna ma piersi Ianowe (Короля).
Te piersi Monarszeskie nie tylko w swych panstwach,
Ale też i po licznych Grecijey poganstwach,
Dokażą czcić Swiętego Ducha pochodzenie
Od Oyca i od Syna Grekom na zbawienie. [693]

«Что это будетъ съ нашимъ старичкомъ Календаремъ, Касмѣшливо отзывается онъ о послѣднемъ, который время Пасхи

указываетъ намъ спустя иногда пять недѣль послѣ полнолунія и Пасхи Еврейской, тогда какъ, сообразно постановленію Никейскаго Собора, наша Пасха должна праздноваться только недѣлею послѣ полнолунія и Пасхи Еврейской? Что это будетъ со всѣми нашими обрядами?» какъ бы въ отчаяніи восклицаетъ Жоховскій, не въ томъ смыслѣ, будто онъ хочетъ сохранить ихъ; нѣтъ, они ему наскучили, и, вѣрный своему взгляду на святость Римской Церкви даже въ буквѣ, онъ хотѣлъ бы окончательно слиться съ нею, усвоить себѣ весь ея нарядъ. [694] И дѣйствительно, самъ онъ искренно вѣритъ въ Чистилище, [695] отвергаетъ Православный образъ совершенія Таинства Св. Крещенія, называетъ его Аріянскимъ. «Ненавистный Арій, говоритъ онъ, въ божествѣ отдѣлялъ Отца отъ Сына, говорилъ и крестилъ во имя Отца большаго, Сына меньшаго, Духа наименьшаго. И вы (обращеніе къ Русскому народу), въ своихъ Русскихъ книгахъ, извѣстныхъ подъ именемъ Требниковъ, выразили форму Крещенія такими словами: «Во имя Отца. Аминь. Сына. Аминь. Духа Святаго. Аминь. Очевидно (?!) вы раздѣляете божество Сына отъ Отца, Духа Св. отъ Сына, вопреки словамъ Спасителя, который приказалъ крестить во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, двумя соединеніями и оградилъ единичность Божества (obwarował). А ты, народъ мой, увлеченный Аріянствомъ, своими тремя «Аминями,» съ приложеніемъ къ нимъ періодовъ, назначилъ и указалъ раздѣлительныя границы божеству, единому во Св. Троицѣ, и впалъ въ Аріянство.» [696] Своимъ послѣдователямъ онъ предлагаетъ Латинскій образъ крещенія. [697]

«А тутъ, говоритъ Жоховскій, я потребовалъ бы уже сильныхъ, горючихъ, кровавыхъ слезъ, чтобы оплакать тебя, народъ мой, оставленный, осмѣянный, презрѣнный, за свой разладъ съ Св. Римскимъ Костеломъ. Вѣдь ты не знаешь, что такое разрѣшеніе полное (odpust) меньше или больше? что такое разрѣшеніе многихъ канонизованныхъ Святыхъ, разрѣшенія обыкновенныя и необыкновенныя, что такое septem Altaria, Altare Privilegiatum. Ты не знаешь, къ чему эти разрѣшенія, когда и какъ прощаются грѣхи, или же наказываются. Слушать о нихъ разсказъ для тебя все равно, что о какомъ ни будь Гогѣ, или Магогѣ... А знаешь ли ты, какъ несказанно полезны такія разрѣшенія душамъ, находящимся въ Чистилищѣ, которыхъ вы пользуете не святыми

индульгенціями, а только пѣніемъ, и то по возможности скорымъ? А начало ихъ скрывается очень глубоко, въ неоцѣнимыхъ заслугахъ нашего Спасителя, который предалъ ихъ въ руки и распоряженіе Святѣйшаго Римскаго Папы. А знаете ли вы, что Святѣйшее Таинство Евхаристіи, этотъ Ангельскій хлѣбъ, по милости Божіей, оставленъ для укрѣпленія намъ, странникамъ, утружденнымъ, ослабленнымъ, искушеніями нашего душевнаго непріятеля? По тому, по возможности, чаще старайтесь пріобщаться... А у Грековъ, при многихъ заблужденіяхъ, воспрещено и это, по наущенію діявола... Они позволяютъ только Литургію съ пѣніемъ, и, сохрани Богъ, мшы тайныя, читанныя!.. А знакомы ли вамъ quadraginta horarum, или частыя процессіи съ Святѣйшимъ Таинствомъ? Не слѣдъ совершать ихъ постоянно только съ образами, Евангеліями, хорошо бы и съ монстранціями (родъ дарохранительницы), пушками (особые сосуды для храненія даровъ для больныхъ), заключающими въ себѣ Святѣйшее Тѣло Господа неба и земли (все—Латинскія обыкновенія). У Тебя, Богъ мой, взываетъ въ заключеніе Жоховскій, я прошу прощенія въ томъ, что Греки, для вытиранія чаши, въ которой было Твое Святое Тѣло и дражайшая кровь, употребляютъ губу, какъ бы для чистки коней, или какого ни будь платья. Прошу прощенія и въ томъ, что отщепенцы ни сколько не уважаютъ тебя и не преклоняются, когда Священникъ произноситъ эти всемогущія, страшныя твои слова: «Вотъ тѣло мое, и вотъ кровь моя!» [698] но стоятъ какъ врытые столбы, подобно женѣ Лотовой. Между тѣмъ во время большаго выхода, какъ бы по какому толчку (по всей вѣроятности, по наущенію діявола?!), просто мостомъ кладутся, чтобы Священникъ, проходя хотя бы то по нимъ, благословилъ ихъ этимъ простымъ хлѣбомъ, только извѣстными молитвами приготовленнымъ еще на проскомидіи для освященія. Равнымъ образомъ когда Священникъ, или Діяконъ, читаетъ Евангеліе, они толпятся и наклоняютъ свои головы подъ книги Евангелія, и не падаютъ на землю вмѣстѣ съ Ангелами во время освященія хлѣба и вина.» [699] Такимъ образомъ для Жоховскаго, очень близко знакомаго съ Римскимъ складомъ понятій и не изучившаго практики Церкви Восточной, очень многое казалось непонятнымъ, смѣшнымъ, достойнымъ сожалѣнія. Онъ требовалъ слезъ, чтобы оплакать мнимыя заблужденія Православныхъ, молитъ Бога за

грѣхи ихъ упорнаго невѣдѣнія. Онъ рѣшительно отказывается отъ преданій своей прежней матери, Церкви Восточной, и мы видимъ, какъ въ этомъ отношеніи, по своей наглой, иногда кощунской, рѣчи, онъ близко подходитъ къ Саковичу, возбудившему въ свое время презрѣніе къ себѣ не только въ Уніятахъ, но и въ лучшихъ Католикахъ. Различіе въ томъ, что онъ не обладалъ тою твердостію духа, тою искренностію, жизненною тактикою, и даже такимъ поверхностнымъ образованіемъ, какъ Саковичъ. Нужно думать, что и Латинская пропаганда Жоховскаго, по крайней мѣрѣ, въ Уніятахъ, возбуждала противъ себя много шуму. Ему слышалось, что изъ его словъ выводили заключеніе гораздо обширнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Не смущаетъ Жоховскаго такое явленіе: онъ самъ напрашивается на него. «Вы говорите, отвѣчаетъ онъ своимъ противникамъ, что лучше жь со всѣмъ сдѣлаться Римлянами, чѣмъ быть Уніятами. Великолѣпно! Согласитесь на это, и мы, вмѣстѣ съ вами, поспѣшимъ принять всѣ святые обряды Римлянъ, не подлежащія заблужденіямъ. Желательно для меня, чтобы вы разгнѣвались на насъ, сдѣлались Римлянами, а тогда сейчасъ и мы за вами.» [700] Базиліяне вполнѣ сочувствовали такому направленію. Для насъ теперь понятно, какого свойства могъ быть предполагаемый Люблинскій Съѣздъ, при такихъ вождяхъ, какъ Жоховскій и Базиліяне.

Въ особой грамотѣ Короля Митрополиту Жоховскому говорилось, чтобы на Съѣздѣ было самое широкое разсужденіе о дѣлахъ Вѣры. Жоховскій долженъ былъ созвать для этого лучшихъ ученыхъ своей Іерархіи, т. е., Базиліянъ. [701] Нѣтъ нужды говорить, что Езуиты подслушали, такъ сказать, тайныя настроенія Базиліянъ и Митрополита и подсказали Королю назначить Съѣздъ, [702] надѣясь богатой жатвы. Въ Генварѣ 1680 г. понеслись въ Люблинъ, по прекрасной санной дорогѣ, разнообразнѣйшіе Уніятскіе чины: Митрополитъ, Епископы, Протоархимандритъ, Опаты (Настоятели) монастырей, Протоконсульторы, Консульторы, Секретари, Проповѣдники, Духовники и просто ученые иноки. Каждый изъ нихъ долженъ былъ захватить съ собою свои грамоты, привилегіи, чтобы сличить ихъ, разсудить и установить мирныя отношенія между Православными и Уніятами. [703] Прибыли на Съѣздъ нѣкоторые Латинскіе Епископы и Коммисары, назначенные для этого Королемъ. [704] Прибылъ Іосифъ Шу-

млянскій, Епископъ Львовскій, нѣсколько Православныхъ Игуменовъ и мірянъ. Съ распростертыми объятіями приняли ихъ мѣстные Езуиты и предложили свой костёлъ для разсужденій. Совершена Митрополитомъ торжественная Обѣдня съ высокопарною рѣчью. Послѣ Обѣдни Езуитскіе школьники встрѣтили вышедшее собраніе своею процессіею, съ пѣснями, поздравленіями. «Аѳины, Геликонъ, Парнасъ, восклицаетъ при этомъ Жоховскій, ничто въ сравненіи со всѣмъ этимъ!» [705] Но въ это время, какъ Жоховскій заявлялъ такіе восторги, успѣли сложиться другого рода обстоятельства, вызвавшія у него совсѣмъ иныя восклицанія. Тогда же отъ Короля было получено письмо, которое такъ поразило Люблинское собраніе, что оно, выслушавъ его, «altum ingemuit.» [706]

Дѣло въ томъ, что Православные, оживленные дѣятельностію Петра Могилы, зорко теперь слѣдили за всѣми дѣлами въ своей Церкви. Между тѣмъ, присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, раздѣлилась на части сама Западно-Русская Православная Іерархія: одна часть ея стремилась своими сочувствіями къ Москвѣ, другая ратовала за прежнее положеніе, за подчиненіе Митрополіи Константинопольскому Патріарху. Каждая изъ этѣхъ старалась имѣть на Митрополичьемъ престолѣ своего человѣка. Открылся широкой просторъ страстямъ человѣческимъ въ святомъ дѣлѣ, обнаружилось и обыкновенное слѣдствіе такихъ обстоятельствъ. Часть Іерархіи, желавшая имѣть для Литвы своего независимаго Митрополита, стала примыкать къ Польшѣ и за тѣмъ къ Уніи. [707] Уже въ 1667 г. Православные Галичане заподозрѣли Православнаго своего Епископа, Шумлянскаго, и тогда же онъ долженъ былъ давать торжественное свидѣтельство своего правовѣрія. [708] Православные не ошиблись въ своихъ подозрѣніяхъ. Черезъ 10 лѣтъ онъ письменно изъявилъ желаніе принять Унію. [704] Но не укрылась подобная сдѣлка отъ Православныхъ: [709] они слѣдили за нимъ и чувствовали, что, въ случаѣ нужды, могутъ даже противодѣйствовать. Тутъ снова выдвигаются на защиту Православія монашество и Братства. Одинъ Манявскій скитъ (на Покутьѣ, въ Галиціи) былъ такъ славенъ святостію своихъ подвижниковъ (Православныхъ), что предъ нимъ благоговѣли даже лица въ родѣ Саковича. [710] Для Православныхъ онъ казался мѣстомъ жительства Ангеловъ во плоти (въ скиту было до 200 мо-

ховъ), они гордились имъ и указывали на него, какъ на красу Православія; [711] только ручательство, Ѳеофила Скитскаго Игумена-Настоятеля, его окружное посланіе ко всѣмъ Православнымъ, могло спасти Шумлянскаго отъ заявленныхъ подозрѣній на счетъ его Православія. [712] Василіянамъ онъ былъ страшенъ даже въ половинѣ XVIII вѣка. Въ это время они сильно хлопотали объ его уничтоженіи и говорили, что, «въ противномъ случаѣ, имъ придется оставить свои мѣста, по тому что въ праздникъ ли, или въ воскресенье, весь народъ (Уніяты) такъ и валитъ въ скитъ на Богослуженіе, и въ сосѣднихъ деревняхъ (Уніятскихъ) не остается просто живой души. Чѣмъ же послѣ этого имъ жить?» давая знать, что, при существованіи скита, у нихъ не можетъ быть никакихъ доходовъ. [713] Къ этому времени замѣтно возвысилось и укрѣпилось Луцкое Братство, особенно какъ-то лелѣянное Митрополитами Копинскимъ и Могилою. Съ нимъ совѣтывались они въ своихъ дѣлахъ, его приглашали участвовать въ посвященіи, въ Соборныхъ разсужденіяхъ. [714] Усвоивши направленіе Могилы, оно сильно начало притягивать къ себѣ Уніятовъ, которые уже во времена Рутскаго заявляли ненависть къ Василіянамъ, [715] а теперь очень ясно видѣли, чего можно ожидать отъ предполагаемаго Съѣзда Люблинскаго. Равно закопошились и Православные, и Католики, и даже Протестанты. Всѣ они порѣшили остановить его осуществленіе. Хлопоты по такому дѣлу приняло на себя Луцкое Братство, которое теперь уже положительно знало о согласіи на Унію Шумлянскаго и, конечно, не замедлило извѣстить объ этотъ, какъ Манявскій скитъ, такъ и другихъ Православныхъ. Такъ какъ на Люблинскомъ Съѣздѣ предполагалось разсужденіе о Вѣрѣ со стороны Православныхъ, Уніятовъ и Католиковъ, то Луцкое Братство обратилось къ Королю съ просьбою отсрочить совѣщаніе и дать Православнымъ дозволеніе снестись пока съ Восточными Патріархами. Можно видѣть, какъ этотъ протестъ былъ сложенъ и силенъ, когда Король, не смотря на все свое сочувствіе Люблинскому Съѣзду, долженъ былъ отмѣнить его. Къ Жоховскому онъ писалъ, что отказалъ членамъ Луцкаго Братства въ ихъ просьбѣ, но, во всякомъ случаѣ, убѣждаетъ собраніе переселиться въ Варшаву. Но такое предложеніе принялось полному закрытію Съѣзда. Члены собранія, по выраженію Жоховскаго, готовы были пѣшкомъ идти въ Варшаву, но

они ясно видѣли, что этотъ подвигъ не принесетъ ни какой пользы, по тому что, при неожиданной нечаянности Луцкаго Братства, Папскій Нунцій наложилъ желѣзные оковы на жителей новыхъ Аѳинъ, Геликона, Парнаса. Предполагая всю настоятельность будущихъ споровъ Базиліанъ съ ихними врагами съ одной стороны, съ другой опасаясь усиленія и безъ того немалой раздражительности противниковъ, онъ запретилъ Базиліанамъ приниматься за разсужденія о положеніяхъ Латинства, разбирать и доказывать ихъ Православнымъ, и требовалъ, чтобы собраніе ограничилось только отеческимъ увѣщаніемъ, принятіемъ покорности и присоединеніемъ раскольствующихъ. [716] Люблинскій Съѣздъ, такимъ, образомъ видѣлъ, что нечего дѣлать ему въ Люблинѣ, что нечего нельзя будетъ сдѣлать и въ Варшавѣ. По этому онъ отказался отъ Королевскаго приглашенія ѣхать въ Варшаву и объявилъ, что Унія возвращается домой. «Было прекрасное стадо рыбъ, заканчиваетъ авторъ «Colloquium», но не далось поймать;... было прекрасное стадо овецъ, но не хотѣло войти во дворъ овчій верховнаго Римскаго Пастыря и соединиться съ тѣми, которые слушаютъ его голоса, и не столько боятся его, сколько любятъ.» [717] Благодаря вмѣшательству Луцкаго Братства, изъ Люблинскаго Съѣзда, этой громадной, великолѣпной, затѣи, этого «opus seculorum», вышло, по словамъ Жоховскаго, «magnum nihil.» [718] Но дѣйствительно, ничтожный самъ по себѣ, Люблинскій Съѣздъ далеко по таковъ по той мысли, которая полагалась въ его основаніе, и его послѣдствія сейчасъ оказались замѣтными по тѣмъ тяжелымъ угнетеніямъ, которымъ подвергали Православныхъ и Уніятовъ Базиліяне съ своими сторонниками. Но еще прежде имъ пришлось окончательно довершить свое торжество надъ Митрополитами въ борьбѣ съ Жоховскимъ.

XIII.

Борьба Базиліанъ съ Жоховскимъ; окончательное устройство Базиліанъ Литовской провинціи. [719]

Люблинскій Съѣздъ освѣжилъ нѣсколько Жоховскаго. Здѣсь вмѣстѣ съ Базиліанами, онъ очутился подъ верховнымъ руководствомъ Папскаго Нунція, [720] главнаго покровителя Базиліанъ и

конечно, не встрѣтилъ со стороны послѣднихъ должнаго къ себѣ уваженія. Они заговорили съ нимъ вполнѣ свободно, независимо. Неудавшійся Люблинскій Съѣздъ показалъ, что есть еще сила другая, противоположная Базиліянамъ, ихъ направленію, которая даже можетъ противодѣйствовать ихъ намѣреніямъ. Что же? Можно ли послѣ этого полагаться на однихъ Базиліянъ, оставить имъ полное самоуправленіе, и все остальное управленіе направлять ко благу только Ордена, или же ввесть Орденъ въ обычную колею Епархіальнаго управленія и думать о немъ только на столько, на сколько, по мнѣнію Митрополита, онъ окажется полезнымъ для Уніи? Все, и предыдущая практика, и современные безпорядки въ Орденѣ, располагали Митрополита ухватиться за послѣднюю мысль.

«Кипріянъ Жоховскій, говоритъ Стебельскій, законно принимая, послѣ смерти Митрополита Коленды, верховный санъ его, какъ «Коадъюторъ cum futura successione», этимъ самымъ уже считалъ себя ближайшимъ наслѣдникомъ и другой должности, т. е., Протоархимандритства. [721] Прежде онъ охотно отказался отъ Протоархимандритства; [722] но и тогда онъ долженъ былъ почувствовать свой промахъ, замѣчая въ Базиліянахъ наглое непослушаніе своимъ распоряженіямъ. [723] Еще больше уяснилъ дѣло Люблинскій Съѣздъ. Въ Базиліянскихъ монастыряхъ между тѣмъ совершались страшные безпорядки. Часто Настоятели Архимандриты распоряжались по своей волѣ: они и знать не хотѣли своего Протоархимандрита, простаго професа, и въ этомъ отношеніи Архимандріи составляли камень преткновенія въ Базиліянскомъ управленіи. Но этому-то Базиліяне постоянно силились, по возможности, съузить число ихъ, а Митрополиты увеличивали, коль скоро хотѣли произвесть въ Орденѣ раздоръ. Но, въ свою очередь, безпорядки, производимые Архимандритами-Настоятелями, давали право Митрополитамъ вмѣшиваться въ дѣла Ордена. И теперь, при Жоховскомъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Настоятели-Архимандриты давали братіи самую скудную пищу, въ одеждѣ часто чувствовался недостатокъ. Имѣнія монастырскія пришли въ растройство; отдаваемые, по усмотрѣнію Настоятеля, въ откупъ, они не доставляли монастырю ни какихъ почти доходовъ. Іеромонаховъ было мало, и одному приходилось служить нѣсколько седмицъ сряду. Богослуженіе отправлялось небрежно; не пѣли

Всенощной и великаго славословія; мѣсячныя Минеи были въ забвеніи; по обычаю и по завѣщаніямъ не отправляли панихидъ за основателей, а если когда и отправляли, то безъ свѣчь и кутьи. Для больныхъ монашествующихъ не было ни какихъ врачебныхъ пособій, а умершихъ монаховъ погребали безъ мантій. [724] Считая причиною этихъ безпорядковъ слабость Протоархимандрита, простаго монаха (которымъ въ это время былъ Мартышкевичъ, избранный только на 4 года), [725] Жоховскій, по примѣру своихъ предшественниковъ, рѣшился удержать за собою эту должность. Онъ задумывалъ сдѣлать больше: хотѣлъ обезпечить за Митрополитами должность Протоархимандрита и поставить дѣло такъ, чтобы съ этѣхъ поръ главное управленіе Орденомъ навсегда впередъ оставалось въ рукахъ Митрополитовъ. [726] Жоховскій и въ средѣ нѣкоторыхъ Базиліянъ находилъ себѣ сочувствіе. [727] Въ 1683 г., когда оканчивался срокъ Протоархимандритства Мартышкевича, Жоховскій самостоятельно созвалъ у себя Конгрегацію, и на ней успѣлъ провозгласить себя Протоархимандритомъ. [728] Сильно возмутились Базиліяне такимъ поступкомъ Жоховскаго. Началась обычная тяжба. Опять пошли протестаціи, жалобы предъ Нунціемъ (въ Варшавѣ) и въ Римѣ. Сильно ратовали противъ Митрополита, какъ Мартышкевичъ, такъ особенно его предшественникъ по должности, Огилевичъ. По замѣчанію его жизнеописателя, Огилевичъ «стѣною отстаивалъ Орденъ, и въ Нунціатурахъ, и въ Римѣ, и другихъ мѣстахъ, своими письмами постоянно давалъ дѣламъ Ордена по этому спору выгодное направленіе, двигалъ ихъ на своихъ плечахъ.» [729] Можно напередъ догадываться, кто долженъ былъ выйти побѣдителемъ. Мы знаемъ уже, въ какія отношенія къ Папѣ поставлены были Базиліяне предыдущими обстоятельствами, какая установилась между ними сдѣлка. Теперь, при своихъ нападеніяхъ на Орденъ, Митрополитъ могъ явиться въ глазахъ Папы ослушникомъ Верховнаго Первосвященника, [730] его врагомъ, врагомъ Уніи. Папа Иннокентій XI, въ своемъ бреве, по случаю спора Жоховскаго съ Базиліянами (отъ 30 Октября, 1683 г.), уже открыто называетъ послѣднихъ главною поддержкою Уніи, за ихъ благочестіе и ученость. Онъ ни во что ставитъ Конгрегацію, созванную Митрополитомъ, во всѣхъ его распоряженіяхъ видитъ огромный вредъ для Ордена, для самой Уніи; всѣхъ должностныхъ лицъ, новопоставленныхъ

теперь Митрополитомъ, и другихъ лишенныхъ своихъ мѣстъ, Папа возвращаетъ въ прежнее состояніе, первыхъ отставляетъ, послѣднимъ даетъ потерянныя было должности. Въ заключеніе онъ приказываетъ своему Нунцію созвать новую Конгрегацію для умиренія Митрополита съ Баиліянами. [731]

1 Августа, 1686 г., состоялась новая Конгрегація въ Новогородкѣ, подъ предсѣдательствомъ Езуита Ѳомы Вейскаго, пробоща Domus professae Vilnensis, повѣреннаго Папскаго Нунція.[732] Уже въ самыхъ засѣданіяхъ Конгрегаціонныхъ выразилось противодѣйствіе Митрополиту. Консульторы, простые монахи, заняли мѣста сейчасъ послѣ Епископовъ, выше присутствующихъ Архимандритовъ. [733] Прочитаны были: бреве Урбана VIII, подтверждающее Троицкую Капитулу, дающее ей право избирать Протоархимандрита и отправлять въ извѣстное время Конгрегаціи, [734] и извѣстныя уже намъ намъ два бреве Александра VII и Иннокентія XI. [735] Прочитаны были правила, указывающія, каковъ долженъ быть избираемый Протоархимандритъ, правила, составленныя во времена Коленды. [736] Предсѣдатель, объявивъ непремѣнную волю Папы объ избраніи Протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, обратилъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ на рѣшеніе не рѣшеннаго еще доселѣ вопроса объ отношеніи Ордена къ Митрополиту, и устраненіе проистекающихъ отсюда всевозможныхъ столкновеній. Взаимныя отношенія Ордена къ Митрополиту опредѣлены Конгрегаціей въ, такъ называемомъ, Nexus или договорной грамотѣ Митрополита съ Орденомъ. Въ силу Папскихъ декретовъ [737] и постановленій Конгрегаціи de propaganda fide, [738] Протоархимандритъ есть лицо, отдѣльное отъ Митрополита, самостоятельное; этимъ, однако, не уничтожается надъ Орденомъ обыкновенная юрисдикція Митрополита. По совершившемся избраніи, каждый Протоархимандритъ долженъ впередъ давать присягу въ присутствіи Митрополита (составленную Рутскимъ, уже извѣстную намъ), придавая тотъ пунктъ, въ которомъ значится повиновеніе Протоархимандрита Митрополиту. Уже Мартышкевичъ [739] совершилъ такую присягу въ присутствіи Жоховскаго; до его времени, нужно думать, не было опредѣленной присяги, въ слѣдствіе постоянной борьбы Ордена съ Митрополитами за Протоархимандритство, и по тому, что сами Митрополиты удерживали за собою эту должность. Имъ, конечно, не зачѣмъ

было присягать на вѣрность себѣ.[740] Даже предшественникъ Мартышкевича, Огилевичъ, простой монахъ, избранный въ Протоархимандриты въ 1765 г., далъ слѣдующую присягу: «Я, Пахомій Огилевичъ, професъ, Священникъ Ордена Св. Василія Великаго, клянусь Господомъ Богомъ, единымъ во Св. Троицѣ, должность Протоархимандрита, возложенную на меня свободными голосами Ордена, проводить сообразно требованіямъ этой должности, и пока буду оставаться въ ней (т. е., до четырехъ лѣтъ, всѣмъ сердцемъ буду стараться объ увеличеніи въ Орденѣ хвалы Божіей; въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ!» и пр.[741] Списатель Базиліянскихъ Конгрегацій замѣчаетъ по этому случаю, что такая присяга была обычною до тѣхъ поръ (podług zwyczaju)[742] И не удивительно. При не установившемся устройствѣ Ордена, можно было требовать присяги только на вѣрность Ордену. Теперь, когда санъ Митрополитскій и вообще Епископскій поставленъ былъ неотразимымъ препятствіемъ для полученія Протоархимандритства,[743] для сохраненія связи между Орденомъ и Митрополитомъ, потребовалась отъ Протоархимандрита присяга на вѣрность и Митрополиту. Протоархимандритъ, въ свою очередь, удерживалъ съ этого времени за собою все внутреннее управленіе Орденомъ.[744]

Протоархимандритъ долженъ былъ знать все, что дѣлалось въ Орденѣ, до мельчайшихъ подробностей, не только внѣшній образъ поведенія всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но ихъ душу и совѣсть, особенно долженъ былъ знать Старшихъ, или занимающихъ какія ни будь должности.[745] У него были правила для всѣхъ офиціяльныхъ лицъ въ Орденѣ, и Протоархимандритъ, при своемъ посѣщеніи монастырей, наблюдалъ за ихъ исполненіемъ, равно какъ за соблюденіемъ всѣхъ правилъ и постановленій Ордена. Если самъ лично не могъ посѣтить монастырей всѣхъ, то, по совѣту съ Консульторами, назначалъ для этого одного изъ нихъ. Но ему ставилось въ непремѣнную обязанность лично посѣтить тѣ мѣста, гдѣ были школы, новиціяты Ордена. Ревизія начиналась отъ храма. Протоархимандритъ входилъ въ алтарь, и наблюдалъ, въ какомъ сохраненіи находится Святое Таинство Евхаристіи; осматривалъ остатки святыхъ, подвижные престолы (altaria portatilia) и все, что къ нимъ относилось, такъ же иконы, какъ тѣ, которыя были въ церкви, такъ и тѣ, которыя хранились въ сосудо-

хранительницѣ. У Настоятеля, мѣстныхъ Консульторовъ и старѣйшихъ отцовъ освѣдомлялся о состояніи монастыря и лицъ, въ немъ живущихъ. Требовалъ отъ нихъ по этому случаю или письменныхъ сообщеній, или устныхъ объясненій, рѣшительно увѣряя ихъ, что полученныя свѣдѣнія онъ сохранитъ въ глубокой тайнѣ, никому не выдастъ ихъ виновниковъ. Взявши потомъ у Настоятеля списокъ братій, распрашивалъ о поведеніи каждаго изъ нихъ. Призывая каждаго изъ братій въ частности, Протоархимандритъ освѣдомлялся у нихъ, какъ о состояніи ихъ собственномъ, такъ вообще монастыря, и, для лучшей памяти записывалъ, что считалъ необходимымъ. При разговорѣ съ Протоархимандритомъ братія должны быть любезны, выраженіе лица сохранять веселое, открытое; смущенный видъ брата можетъ дать поводъ заподозрить его въ скрытности. Протоархимандритъ увѣщеваетъ братію, чтобы съ нимъ они были откровенны, въ противномъ случаѣ сами будутъ виноваты, если, по ихъ скрытости, больной останется безъ пользованія; увѣщеваетъ, никому не открывать того, что услышатъ они отъ Протоархимандрита, или даже отъ своего мѣстнаго Старшаго. Протоархимандритъ не слишкомъ долженъ былъ довѣрять тому, что говорилось о Старшихъ (съ худой стороны), но внимательно изслѣдовать дѣло, и уже, узнавъ истину, освободить братію отъ повиновенія прежнему Старшему, назначивъ на его мѣсто другого. Протоархимандритъ внимательно наблюдалъ, чтобы не было среди братіи такого, который посѣвалъ бы взаимную вражду, непріязнь. У Настоятеля, Консульторовъ и Викарія, спрашивалъ о соблюденіи въ монастырѣ общихъ правилъ и Конгрегаціонныхъ постановленій. У каждаго изъ высшихъ чиновниковъ монастырскихъ (Економа, Екклесіярха....) порознь распрашивалъ о выполненіи ими своихъ обязанностей; низшихъ испытывалъ въ этомъ отношеніи помощникъ, товарищъ Протоархимандрита, его «socius.» Указавши потомъ Настоятелю правила, касающіяся собственно Настоятеля, освѣдомлялся у него преимущественно о выполненіи тѣхъ статей, о неточномъ соблюденіи которыхъ со стороны Настоятеля получилъ свѣдѣнія отъ другихъ. Въ общемъ собраніи Настоятеля, Консульторовъ и другихъ монастырскихъ чиновниковъ, Протоархимадритъ распрашивалъ, какъ поступаетъ Настоятель, если узнаетъ не исповѣданный грѣхъ, освѣдомлялся о числѣ духовниковъ, о

плодахъ и способѣ ихъ дѣятельности, о посѣщеніи братіей больныхъ, бѣдныхъ, заключенныхъ въ темницахъ, о вспомоществованіи имъ, о занятіяхъ Христіанскимъ ученіемъ, о миссіяхъ въ различныя мѣста, плодахъ и способѣ ихъ совершенія, о взаимной любви между братіей; спрашивалъ у Настоятеля, не отличается ли кто особенно высокомѣрнымъ духомъ, неповиновеніемъ Старшимъ, страстію къ пріобрѣтенію собственности, безмѣрною расположенностію къ роднымъ? Былъ вопросъ и о состояніи здоровья; и довольны ли братія пищею, одеждою, помѣщеніемъ. Обо всемъ этомъ Протоархимандритъ долженъ былъ спрашивать «amanter, tanquam pater filium.» Наблюдалъ, чтобы весь порядокъ церковныхъ службъ во всѣхъ монастыряхъ совершался одинаковымъ образомъ; это требовалось даже въ сказываніи проповѣдей, въ совершеніи исповѣди. Нововведеніе дозволялось по совѣту съ Митрополитомъ и остальными Епископами. Въ силу Nexus'a, Протоархимандритъ, отправляясь на посѣщеніе, долженъ былъ брать отъ Митрополита препоручительныя грамоты къ тѣмъ Епископамъ, которые считались Архимандритами извѣстныхъ монастырей, и съ ними совѣтываться о дѣлахъ Ордена. Онъ повѣрялъ и приходскія церкви, которыя были въ вѣдѣніи Базиліянъ, давалъ туда святое мyро, рѣшалъ спорные брачные вопросы.

Протоархимандритъ слѣдилъ за ходомъ образованія въ Орденѣ, предписывалъ для него программу, наблюдалъ, чтобы все совершалось по чину, чтобы было приличное число способныхъ студентовъ хорошей нравственности. Которые умѣли только читать и писать, тѣмъ давалось особое платье и предписывался отличный образъ жизни сравнительно съ тѣми, которые давали монашескіе обѣты, или готовились для этого въ Новиціятѣ. Учителямъ вмѣнялось въ обязанность постоянно внушать своимъ питомцамъ понятія о высокой монашеской жизни, учить ихъ церковному пѣнію, обрядамъ. Обращалось особенное вниманіе на Латинскій языкъ, отъ учениковъ требовалось знаніе говорить и писать по Латыни; нельзя было приступать къ изученію Нравственнаго Богословія, не зная Латинскаго языка. Каждому изъ учениковъ дозволялось заниматься по собственному выбору. При посѣщеніи школъ Протоархимандритъ спрашивалъ, нѣтъ ли особенно даровитыхъ, не мѣшаютъ ли научныя занятія духовнымъ, не встрѣчаются ли какія нибудь препятствія при занятіяхъ? Бо-

лѣе способные переводились въ Новиціаты, допускались къ монашескимъ обѣтамъ, посылались въ высшія школы. Съ ними Протоархимандритъ велъ постоянную переписку, стараясь упреждать всѣ ихъ нужды.

Вѣдѣнію Протоархимандрита подлежитъ и хозяйственная часть въ монастыряхъ. Онъ разрѣшаетъ новыя постройки, по совѣту съ знатоками зодчества, предписываетъ даже способъ постройки, и, если можно, лично осматриваетъ необходимое для этого мѣсто, или же отъ Настоятелей получаетъ самое точное письменное извѣщеніе. За монастырскими доходами наблюдаетъ, чтобы они не уменьшались, но, по возможности, увеличивались; можетъ принять новое приношеніе, если оно безъ всякихъ обязательствъ для Ордена; въ противномъ случаѣ все дѣло представляетъ на разсмотрѣніе Генеральной Капитулы. Такъ же должно поступать и въ томъ случаѣ, если кто хочетъ построить новый монастырь. Если можетъ, лично посѣщаетъ монастырскія имѣнія, наблюдаетъ за порядкомъ ихъ хозяйства. Не позволяетъ монастырямъ затягивать большіе долги. Если для общей нужды Ордена необходима контрибуція, то съ каждаго монастыря онъ назначаетъ количество, сообразное его доходамъ, которые у него бываютъ списаны на особомъ листѣ. Протоархимадритъ никому изъ братіи не дозволялъ обращаться, въ случаѣ нужды, къ своимъ роднымъ, друзьямъ, или близкимъ: это считалось униженіемъ для Ордена, который одинъ долженъ былъ заботиться объ удовлетвореніи всѣхъ потребностей братіи. Огромныя аренды, залоги, купчія крѣпости, совершались Протоархимандритомъ съ вѣдома Митрополита.

Теперь отъ воли Протоархимандрита зависѣло назначать Настоятелей въ монастыряхъ, обыкновенно избираемыхъ на 4 года, Игуменства же и Архимандритства пожизненныя раздавалъ Митрополитъ, посовѣтовавшись напередъ съ Протоархимандритомъ и Консульторами. Митрополитъ никого не долженъ былъ представлять Королю для утвержденія на Епископскія каѳедры безъ вѣдома и согласія Протоархимандрита и Консульторовъ. Протоархимандритъ, съ вѣдома Митрополита, назначалъ время и мѣсто Конгрегацій. Ко всѣмъ разсылалъ извѣстительныя посланія за подписью собственною и Митрополита. Замѣчено постановленіе первой Конгрегаціи объ управленіи Орденомъ въ случаѣ смерти

Протоархимандрита до времени избранія новаго. Не духовникъ послѣдняго, а первый Консульторъ, съ вѣдома Митрополита, управлялъ теперь Орденомъ въ промежутокъ между внезапною смертью Протоархимандрита и избирательною Конгрегаціей, которую созывалъ Митрополитъ. Ежегодно Протоархимандритъ долженъ былъ давать отчетъ Митрополиту обо всемъ, что происходитъ въ Орденѣ и, въ случаѣ нужды, требовать у него помощи, содѣйствія для блага Ордена. О состояніи Ордена разъ въ годъ письменно должны извѣщать Митрополита Генеральные Консульторы. Всѣ недовольные Протоархимандритомъ могли жаловаться на него Митрополиту; виновный наказывался вдвойнѣ, если жалоба была не справедлива. [746] Такимъ образомъ, только въ концѣ XVII вѣка (въ 1686 г.) точно опредѣлена должность Протоархимандрита и положенъ конецъ притязаніямъ на нее Митрополитовъ. Съ этѣхъ поръ до конца своего существованія она была отдѣльною, не объединялась въ лицѣ Митрополита. Въ силу Nexus'a, подтвержденнаго Римомъ, Протоархимандритъ удержалъ за собою огромную власть. Безъ его вѣдома Митрополитъ никого не могъ возводить на Іерархическія мѣста, и когда Юрій Винницкій безъ согласія Протоархимандрита и Консульторовъ былъ избранъ Епископами сначала Администраторомъ Митрополіи, а потомъ и Митрополитомъ (съ 1708 г.), Левъ Кишка, бывшій въ это время Протоархимандритомъ, протестовалъ противъ этой частной сдѣлки Епископовъ и вмѣстѣ противъ нарушенія правъ Ордена. Винницкій извинялся незнаніемъ обычаевъ и даже далъ письменное согласіе отложить явное избраніе Митрополита до будущей Конгрегаціи. Конгрегація состоялась въ 1709 г., и на ней Винницкій снова былъ избранъ Митрополитомъ. [747] Но дѣло въ томъ, что и тутъ очень сильно дало себя почувствовать вліяніе Базиліанъ: они заставили цѣлый Соборъ Епископовъ перевершить совершенное дѣло. Базиліане видимо торжествовали; они чуяли, что Римъ теперь дѣйствуетъ рѣшительно съ ними за одно, что враговъ ихнихъ онъ считаетъ собственными врагами, врагами великой, сложной интриги Римской Уніи. Опираясь на такой взглядъ, Базиліане прямо уже отказывались слушать Митрополита, если послѣдній заявлялъ что нибудь не согласное съ ихъ желаніемъ, съ полною надеждою поставить на своемъ. Въ 1689 г., по смерти Архимандрита Супрасльскаго, Михневича, Митрополитъ Жохов-

скій, домагаясь свободнаго Архимандритства, требовалъ, чтобы монахи избрали на эту должность его, или, по крайней мѣрѣ, его родственника, Іеромонаха Дорошевскаго. Братія отказали Митрополиту и избрали на Архимандритство Старшаго Жировицкаго монастыря, Симеона Кипріановича. Такое избраніе Митрополитъ считалъ неправильнымъ, не утверждалъ Кипріановича, не посвящалъ въ Архимандриты. Братія подали на Митрополита жалобу въ Варшавѣ Папскому Нунцію. Въ 1690 г. Нунцій, въ письмѣ къ Жоховскому, увѣщевалъ его не стѣснять братію въ выборѣ Архимандрита. Митрополитъ, въ свою очередь, подалъ въ слѣдующемъ году жалобу на монаховъ къ Папѣ Иннокентію XII, и обвинялъ ихъ въ худой жизни. Раздраженные монахи снова подали на Митрополита жалобу уже въ Королевскій Трибуналъ, Митрополитъ произнесъ отлученіе на непокорныхъ; но не страшна была для Базиліянъ эта пустая, по ихъ мнѣнію, вспышка Митрополита Времена его власти прошли. Не онъ уже былъ главнымъ Начальникомъ Уніятской Церкви. Римская Нунціатура сняла отлученіе, подтвердила избраніе Кипріановича и положительно запретила Митрополиту вмѣшиваться въ дѣло Супрасльскихъ монаховъ, [748] Вотъ плоды продолжительной борьбы Митрополитовъ съ Орденомъ. Она совсѣмъ обезсилила первыхъ, выдвинула на видное мѣсто Базиліянъ (при другихъ, конечно, уже извѣстныхъ намъ, обстоятельствахъ), придала огромное значеніе въ Уніятской Церкви Римской политикѣ. Покровительствуемый Папой, на самомъ дѣлѣ Орденъ сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ, начиналъ захватывать управленіе всею Уніятскою Церковію.

Внутреннее управленіе Орденомъ почти во всемъ оставалось по прежнему. Не было теперь Провинціала; эта должность слилась съ Протоархимандритствомъ. [749] Главными помощниками Протоархимандрита оставались Генеральные Консульторы, Зеляторъ, Старшіе монастырей. [750] Особенное вниманіе было обращено на двухъ главныхъ начальниковъ каждаго монастыря: Старшаго и Екклесіярха. При своихъ довольно обширныхъ правахъ, [751] и почти независимомъ положеніи, особенно когда Протоархимандритами были Митрополиты, они жили на полной своей волѣ, обирали монастырскіе гроши въ свои карманы, ни сколько не задумывались надъ благомъ Ордена. Уже на Виленской Конгрегаціи 1650 г. было разсужденіе, что въ монастырской Жировицкой

казнѣ совершается великая кража; противодѣйствуя злу, отцы постановили, чтобы Старшій и Екклесіяръ, завѣдывающіе казною, впередъ давали присягу на вѣрность, чтобы, для храненія монастырскихъ денегъ, былъ особый сундукъ, отъ котораго одинъ ключъ хранился бы у Настоятеля, другой у Екклесіярха. [752] Тогда же было постановлено избирать такихъ Старшихъ, которые были бы преданные Ордену, и на этой должности не оставлять ихъ больше четырехъ лѣтъ. [753] Но нужно думать, что это распоряженіе осталось безъ исполненія. Старшіе, пользуясь и внутренними и внѣшними стѣснительными для Ордена обстоятельствами (время самой сильной борьбы Митрополита съ Орденомъ и войны Россіи съ Польшею при Алексѣѣ Михайловичѣ), продолжали вести дѣло по прежнему. Въ 1661 году мы встрѣчаемъ открытую жалобу на Жировицкаго Старшаго, что онъ, Богъ вѣсть куда, попряталъ очень много церковныхъ принадлежностей; всѣ единодушно просили, чтобы съ этѣхъ поръ непремѣнно присягали на вѣрность Ордену Старшій и Екклесіярхъ. [754] До настоящаго времени не было даже формы присяги. [755] Когда окончательно устроился Орденъ, и явились новые статьи расхода, [756] то тѣмъ болѣе потребовался точный отчетъ отъ монастырскихъ начальниковъ въ приходо-расходахъ, оказалась настоятельная нужда, для упрежденія злоупотребленій, обязывать присягой Старшихъ и Екклесіярховъ, главнымъ образомъ, въ богатыхъ монастыряхъ: Жировицкомъ, Полоцкомъ, Минскомъ. [757] «Клянусь Господомъ Богомъ, въ Св. Тройцѣ единымъ (долженъ былъ говорить Старшій при поступленіи на должность) (только на 4 года); по возможности наблюдать за сохраненіемъ монашескаго облаченія въ монастырѣ, мнѣ подвѣдомственномъ, не обращать ни какихъ доходовъ на покрытіе собственныхъ нуждъ, исключая нужды братіи, Церкви и общества, не расходовать церковной казны безъ воли Старшихъ, не строить цѣнныхъ зданій, не отчуждать церковныхъ имѣній движимыхъ и не движимыхъ; въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ» и проч. Присяга Екклесіярха далеко короче. Онъ клялся, безъ воли Старшаго не расходовать казною и доходами церковными, не обращать ихъ въ свою пользу. [758] Всѣ остальные монастырскіе чиновники остались на прежнихъ основаніяхъ. Устроившись внутри, сильно подорвавъ вліяніе Митрополита, Базиліяне поспѣшили отомстить своимъ давнимъ вра-

гамъ, Православнымъ и бѣлому уніятскому духовенству, такъ рѣзко заявившимъ себя противъ нихъ въ дѣлѣ Люблинскаго Съѣзда. При своихъ Православныхъ понятіяхъ, Уніаты казались выродившимся Базиліанамъ еще болѣе вредными, чѣмъ Православные. Ихъ требовалось теперь гнать, преслѣдовать и, если окажется не возможнымъ передѣлать ихъ по своему образцу, то и совсѣмъ уничтожить. Это положеніе Базиліане возвели для себя теперь въ основоположеніе, сдѣлали исходнымъ отправленіемъ всей послѣдующей дѣятельности.

—

XIV.

Подавленіе Православія и Бѣлаго Уніятскаго духовенства въ Литовско-Польскомъ Королевствѣ. Замойскій Соборъ (1720 г.).

Мы видѣли, что еще во времена Рутскаго между Уніятами и Базиліанами стала обнаруживаться взаимная вражда, непріязнь.[759] Рѣзко обозначившіяся потомъ ихъ направленія усилили, закрѣпили, эту ненависть. Между ними не было ничего примиряющаго; существовать обоимъ вмѣстѣ оказалось не возможнымъ. Отъ одного (большинства) потребовалась уступка, покорность другому (меньшинству). Мы знаемъ, что Базиліане стояли вверху, еще торжествовавшіе свою послѣднюю побѣду надъ Митрополитами. Что значило, казалось имъ, подавить, рѣшительно переработать, остальныхъ Уніятовъ?! Съ полною надеждою на успѣхъ они принялись за новое дѣло.

Въ первыхъ годахъ XVIII-го столѣтія (до 1720 г.) мы почти не встрѣчаемъ уже существованія Капитулъ, этого главнѣйшаго учрежденія, поддерживавшаго самостоятельность, независимое положеніе, значеніе Бѣлаго Уніятскаго духовенства. То самъ, то тамъ, видѣлись только осколки, такъ сказать, этого великаго зданія, перенесеннаго сюда изъ Западно-Русской Православной Церкви.[760] Его разрушили Базиліане «variis violentis et subdolis modis.»[761] Съ тѣмъ вмѣстѣ они начали обирать въ свою пользу богатѣйшія церкви, лучшіе приходы, или подчинять ихъ своему

вѣдѣнію. Нѣкогда цвѣтущую, Виленскую каѳедральную церковь, скажемъ словами Щигельскаго (въ 1775 г. онъ подалъ жалобу на Базиліянъ въ Виленскую Консисторію отъ имени Уніятскаго бѣлаго духовенства), по всей Литвѣ извѣстную своимъ и внѣшнимъ и внутреннимъ устройствомъ и богатѣйшею утварью, Базиліяне подвергли страшному разоренію и опустошенію, съ великимъ позоромъ для самого Исповѣданія, съ соблазномъ для обитателей этой Литовской столицы; едва остались только два ветхіе изъ негодной матеріи аппарата, да одна чаша, и та передана Новогородскому Священнику. По древнему преданію и по сохранившимся письменнымъ актамъ, изъ этой церкви они перенесли въ свою Свято-Троицкую чудотворный образъ Божіей Матери со всѣми драгоцѣнностями и другія церковныя украшенія. Равнымъ образомъ приняли въ вѣдѣніе Ордена Коллегіятскія церкви: Новогородскую Минскую, Городненскую, со всѣми богатствами, землями, къ нимъ принадлежащими, безъ вѣдома и разрѣшенія Св. Апостольской Столицы и согласія Свѣтлѣйшихъ Королей Польскихъ и Князей Литовскихъ. Тринадцать приходскихъ церквей въ Вильнѣ: Покрова Пресвятой Богородицы, Св. Іоанна Богослова, Св. Михаила, Иліи Пророка, Св. Екатерины, Николая, Козьмы и Даміана, Св. Апостолъ Петра и Павла, Великомученика Георгія, Рождества Спасителя, Воскресенія, Св Параскевы и перенесенія мощей Св. Николая, Базиліяне отняли у бѣлаго клира со всѣми зданіями, землями, церковными богатствами. Одну изъ этѣхъ церквей они совсѣмъ опустошили и, забравъ все ихъ доттояніе, оставили времени докончить ихъ разрушительное дѣло; въ зданіяхъ и помѣщеніяхъ другихъ церквей они позволяютъ, ради дохода, селиться даже Евреямъ, съ величайшимъ позоромъ и осквернѣніемъ священныхъ мѣстъ со стороны этой чуждой народности. Нѣкоторыя зданія, принадлежащія симъ церквамъ, Базиліяне продавали съ благотворительною, по видимому, цѣлію. Вырученныя деньги обращались потомъ, Богъ вѣсть, куда. Многія церковныя вещи они обращали въ собственность »[762] «Базиліяне убили Уніятское бѣлое духовенство, говоритъ другой протестъ противъ Базиліянъ, отобравъ у него лучшіе приходы въ Епархіяхъ. Они подчинили себѣ въ одномъ Берестѣ 8 приходскихъ церквей, и скоро привели ихъ въ такое разстройство, что на мѣстѣ прежнихъ церквей явились различныя Жидовскія зданія, пивоваренные заводы. Почти смежныя

стѣны нѣкоторыхъ Еврейскихъ домовъ съ церквами дѣлали часто невозможнымъ совершеніе Богослуженія, по причинѣ шума и криковъ, нарочно поднимаемыхъ Евреями въ своихъ сосѣднихъ домахъ, чтобы помѣшать Христіянскому торжеству; въ богатыхъ приходахъ по деревнямъ Священниками поставили Базиліянъ: это можно встрѣтить въ Рогачевѣ, Рожанѣ, Лысковѣ, Жировицахъ, Голдовѣ, Лузянѣ, Раковѣ и другихъ мѣстахъ; бѣлому духовенству оставлены только тѣ, изъ которыхъ ни какъ нельзя получить приличнаго содержанія. Въ Епархіи Берестской отняли у бѣлаго клира до 10 бенефицій и обратили ихъ на монастыри: Анѣокольскій, Черліонскій, Хомскій, Даревскій, Волнянскій, Цеперскій, Мирскій, и другіе.»[763] «Въ третій разъ уже жалуется Уніятскій клиръ Вашему Святѣйшеству, писало, въ 1747 г., Уніятское духовенство Львова, Галича, Перемышля, Каменца, на то крайнее свое положеніе, въ какомъ поставили его жестокія притѣсненія Базиліянъ, и принужденъ умолять Васъ о помощи. Что всего тягостнѣе, это то, что они похитили (usurparunt) себѣ многія церкви, нѣкоторыя приходы, на которые они не имѣютъ ни какого права и которые обыкновенно управлялись бѣлымъ духовенствомъ. Къ такого рода церквамъ относятся прежде всего Львовская каѳедральная церковь, основанная для бѣлаго духовенства и всегда имъ управлявшаяся до времени Господина Шумлянскаго, Епископа Львовскаго, который произвольно пристроилъ здѣсь монаховъ. Они овладѣли и каѳедральною Перемышльской церковью, не смотря на то, что существуетъ еще такъ недавнее постановленіе иротивъ нихъ, чтобы они не удерживали за собою этой церкви, не вмѣшивались бы въ совершеніе различныхъ требъ (ad curam animarum ne se ingerant). То же случилось и съ Самборскою церковію во имя Спасителя; при ней всего два монаха. Базиліяне всѣми силами стараются удержать за собою церковь въ Жолкевѣ.»[764] Подобная исторія повторялась вездѣ среди Уніятовъ, гдѣ только Базиліяне чувствовали свою силу.

Они не довольствовались тѣмъ, что отнимали у бѣлаго духовенства богатыя мѣста и приходы: такой политики они хотѣли придать вполнѣ законный видъ, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ потомства. Съ этою цѣлію Базиліяне задумали въ пользу себя обширную поддѣлку, передѣлку, уничтоженіе, выдумываніе, присвоеніе, различныхъ фундушевыхъ записей, эрекціонныхъ грамотъ.

«Имѣя въ своемъ распоряженіи Архивы Митрополитальный и Епархіальный, говоритъ Щигельскій, они, какъ видно изъ сравненія древнѣйшихъ инвентарей съ настоящими, очень много удержали у себя документовъ, особенно попрятали тѣ, которые могли бы указать бѣлому клиру на похищенныя у него помѣстья и земли; другіе документы они оставили въ обезображенномъ видѣ (vitiata), и такимъ образомъ сдѣлались господами «ex re aliena;» за то бѣлый клиръ повергли въ крайнюю нищету.» [765] Въ должности Генеральныхъ Визитаторовъ они забрали у мѣстныхъ Священниковъ эрекціонныя и фундушевыя записи, и только въ самой ничтожной части возвратили ихъ въ Архивъ, по тому что изъ 600 церквей (въ 1775 г.), находящихся въ одной Литовской Архіепархіи, едва ста церквей можно найти эрекціонные листы, да и тѣ не имѣютъ слѣдовъ древности, и чрезъ это выставляютъ насчастныхъ приходскихъ Священниковъ на постоянныя обиды, ссоры; равнымъ образомъ они загубили, или перепортили, и много другихъ документовъ, говорящихъ въ пользу бѣлаго клира. [766] Иногда дѣло доходило до наглости. Визитаторъ изъ Базиліанъ требовалъ у мѣстнаго Священника документовъ. Этотъ, зная, къ чему можетъ вести такая уступка, отказывался выдавать ихъ, отпѣкивался ихъ несуществованіемъ. Визитаторъ только сильнѣе раздражался. Онъ прибѣгалъ къ насилію: запиралъ Священника въ церкви, билъ его, грозилъ смертію, въ заперти держалъ иногда безъ выхода по три дня, и въ концѣ концовъ получалъ или дѣйствительные документы, или заставлялъ Священника письменно признать подлинность тѣхъ документовъ, которые онъ самъ уже представлялъ ему, какъ подлинные. [767] Въ «визитахъ» церквей, хранящихся въ Уніятскомъ Архивѣ при Св. Синодѣ, мы встрѣчали почти обычную формулу, что такое-то Бенефиціумъ, «ex fundatione sua» принадлежащее свѣтскому клиру, Базиліане присвоили себѣ; издавна занявши особое положеніе въ Іерархіи, они произвольно удаляли свѣтскаго Священника, и потомъ, для такого шаткаго и незаконнаго завладанія «blandicis modis» выправляли себѣ quasi законныя грамоты, дѣлались полными хозяевами. «И не удивительно, замѣчаетъ современникъ, «nemine enim impugnante, non dicetur jus;» никто изъ приходскихъ Священниковъ не могъ сказать слова противъ, по тому что въ ту пору, даже до ближайшихъ къ намъ временъ (слова 1766 г.), напоминать Базиліанамъ о своемъ значило то же,

что оскорблять начальство, затѣвать противъ него возмущеніе, чего сильно остерегался покорный и въ высшей степени послушный клиръ.» [768]

Поставивъ свѣтскій клиръ въ самое незавидное положеніе въ вещественномъ отношеніи, Базиліяне тоже рѣшились сдѣлать съ нимъ и въ умственномъ. Мы знаемъ уже, какъ не удалась, предполагаемая было Рутскимъ, Семинарія для образованія дѣтей бѣлаго духовенства. Составившаяся по этому случаю огромная складчина только увеличила доходъ Базиліянъ. Напрасно Аббатъ Минскій, Лубенецкій, усложнилъ эту сумму новымъ взносомъ въ 27,000 флориновъ; напрасно Уніяты хлопотали въ Трибуналѣ, Нунціатурѣ, у Папскаго Легата, объ открытіи, или возобновленіи, Минской Семинаріи (проектъ Рутскаго не оставлялъ ихъ): просьба ихъ выслушивалась съ видимымъ участіемъ, слались къ Базиліянамъ письма съ требованіемъ удовлетворенія, но не видѣли Уніяты плодовъ этихъ посланій, не видѣли улучшенія своего тяжелаго положенія. Пожертвованія въ пользу школъ для Уніятовъ Базиліяне по прежнему продолжали обращать въ свою пользу. Участь Минской Семинаріи испытали еще другія двѣ проектировавшіяся было: Шверненская, для основанія которой капиталы были пожертвованы Радивилами (которымъ именно, не извѣстно), и Перемышльская. Главнымъ борцомъ за послѣднюю былъ Митрополитъ Юрій Винницкій; для основанія ея онъ пожертвовалъ 40,000 Польскихъ злотыхъ и свое имѣніе Чапле. Уже онъ назначилъ и Ректора (Лубенецкаго) въ новую Семинарію, какъ черезъ нѣсколько дней скончался. Базиліяне, видѣвшіе въ Митрополитѣ своего врага, воспользовались его смертію и поспѣшили разрушить его великіе планы, въ высшей степени для нихъ противные. [769] По словамъ Щигельскаго, и Базиліяне не заботились о томъ, чтобы приходскій Священникъ былъ образованъ, полезенъ Богу и Церкви, и воспитанниковъ заставляли заниматься больше услуженіемъ себѣ, чѣмъ наукой; объ одномъ, главнымъ образомъ, они заботились, чтобы бѣлый клиръ оставался въ глубочайшемъ невѣжествѣ (in crassa ruditate) и въ высшей степени неразвитымъ, такъ чтобы даже не могъ сознавать огромности и тяжести наносимыхъ ему обидъ, а тѣмъ болѣе не въ силахъ искать справедливости.» [770] Базиліяне замѣтно достигали своихъ цѣлей. Въ клировыхъ вѣдомостяхъ о Священническихъ семей-

ствахъ, съ малыми исключеніями, встрѣчаемъ такіе отзывы о самыхъ Священникахъ: «Byl przy dworze; In parochia conturbare pacem solet; et plebeae conditionis et plebeos mores habet;» о Священническихъ дѣтяхъ: «Имѣетъ такой-то троихъ сыновей; два изъ нихъ женаты на мѣстныхъ крестьянкахъ крѣпостныхъ; къ духовному званію неспособны; два при отцѣ исполняютъ Дьяческую должность;» или: «Имѣетъ сына способнаго стать въ мѣщанское сословіе;» или: «Имѣетъ сыновей; они не учены, ad civitatem apti;» или: «Имѣетъ сыновей; они женаты и сидятъ при отцѣ.» Много, если встрѣчаемъ слѣдующіе отзывы относительно болѣе счастливыхъ, именно: что ихъ должность «zabawa dworzka, или же służebnictwo.» [771] Видимъ, что побывать годъ, два, при дворѣ помѣщика на услугахъ считалось особымъ счастіемъ, давало преимущества. Базиліяне не смущались такимъ мрачнымъ явленіемъ въ Уніятской Церкви: они его усиливали, усложняли. По словамъ Щигельскаго, «въ промоціяхъ кандидатовъ на Священство гнусную прибыль Базиліяне предпочитали личнымъ достоинствамъ кандидатовъ, требуемымъ священными канонами; такимъ способомъ они не уничтожали, а, напротивъ, вкореняли въ клирѣ невѣжество, съ тою цѣлію, чтобы окончательно сдѣлать его презрѣннымъ въ глазахъ всѣхъ; удаливъ достойныхъ и честныхъ священнослужителей, они наполнили Уніятскій клиръ такими, которые, по своему къ нему презрѣнію, по званію и происхожденію, ни какъ не могутъ быть его достойны.» [772] Очевидно, что такимъ образомъ Базиліяне готовили противъ Уніятскаго клира общественное мнѣніе, которое уже въ 1717 г. такъ рѣзко выразилось въ проектѣ совсѣмъ уничтожить Уніятовъ не Базиліянъ.[773]

При совершенномъ обѣдненіи Уніятскаго клира и въ вещественномъ и нравственномъ отношеніи, Базиліяне посѣшили завладѣть всѣми Іерархическими мѣстами, которыя по каноническому праву должны были оставаться за бѣлымъ духовенствомъ. Ко временамъ Замойскаго Собора ни въ одной Епархіи (ихъ было 9) не было Офиціяла (съ этою должностію мы встрѣтимся ниже) изъ среды бѣлаго клира: вездѣ видѣлись Базиліяне. Нѣкоторые изъ нихъ удерживали за собою Архидіяконство и другія прелатуры, съ первыхъ временъ принадлежавшія бѣлому духовенству. [774] «Они похитили даже писалъ въ 1747 г. Уніятскій клиръ въ Римъ, должности Викарнаго, Декана и т. под., и при-

нуждаютъ бѣлыхъ Священниковъ или надѣть монашеское платье, для избѣжанія презрѣнія, или довольствоваться только бѣднѣйшими деревенскими церквами; отказываются отъ всего этого болѣе благородные по происхожденію и лучше соглашаются переходить въ Латинство, и забота о спасеніи душъ довѣряется такимъ образомъ неспособнымъ невѣжамъ. Базиліяне, вмѣсто того, чтобы оберегать клиръ отъ притѣсненій лицъ свѣтскихъ, гнушаются имъ, называютъ грубымъ, и этимъ спискиваютъ расположеніе его притѣснителей, въ нихъ пріобрѣтаютъ благотворителей для своихъ монастырей. Сколько отсюда зла для нашей Религіи! Должности свѣтскаго клира, повѣряемыя Базиліянамъ, рѣшительно противорѣчатъ ихъ монашеской жизни: монахи Офиціялы, подъ предлогомъ визитаціи Пароховъ, колобродятъ (vagantur) по городамъ, рѣдко или никогда не живутъ въ своихъ монастыряхъ, съ Парохами, изъ которыхъ нѣкоторые женаты, проводятъ свѣтскую жизнь, совершаютъ многія scandala et excessus.» (Разсказывается, какъ одинъ Базиліянъ Офиціялъ изъ монастыря Добромильскаго, во время визитаціи, «trucidando presbiterum, volens vim inferre uxori suae»). Особенное притѣсненіе съ этой стороны Уніятское духовенство чувствовало въ Епархіяхъ Львовской, Галицкой, [775] и для него это было такое время, когда противъ Базиліянъ, еще разъ повторимъ слова современника, никто не смѣлъ заговорить: «nemine enim impugnante, non dicetur jus.» Впрочемъ, мы должны сказать, что къ намъ дошло очень немного памятниковъ, свидѣтельствующихъ о заклятой враждѣ Базиліянъ къ Уніятскому клиру Всевозможными мѣрами ихъ старались истреблять сами же Базиліяне «Базиліяне, говорится въ отвѣтѣ Берестейской Капитулы, будучи Епископами и Офиціялами, уничтожили всѣ документы, сколько ни будь напоминающіе объ имѣніяхъ и преимуществахъ бѣлаго клира; [776] тѣмъ болѣе непроницаемая тайна покрываетъ всѣ письма и бумаги, которымъ они подкапывали благостояніе Уніятовъ.» [777] Но какъ жестоки и систематичны были эти преслѣдованія, видно отчасти изъ того, что мы сказали, и изъ единодушнаго свидѣтельства о нихъ писателей Русскихъ Православныхъ, [778] Польскихъ, [779] Нѣмецкихъ, [780] Французскихъ, [781] самихъ Уніятовъ, [782] Латинянъ [783] и даже Папъ. [784]

Относительно Православныхъ Базиліяне были далеко безцеремоннѣе, рѣшительнѣе, прямѣе. На этомъ пути имъ очень много

помогали Латиняне; Езуиты были тутъ почти главными дѣйствующими лицами. Пользуясь общимъ невѣжествомъ, Базиліяне не задумывались, на пр., доказывать, что Князь Острожскій въ своихъ имѣніяхъ основывалъ Базиліянскіе монастыри, показывали будто бы подлинные документы такихъ фундацій, и Базиліянскіе Визитаторы подтверждали ихъ собственноручными подписями, печатью. [785] Въ Дерманскомъ Синодикѣ на жертвенникъ Православія они положили имена усопшихъ, прервавшихъ съ нимъ всѣ связи, чтобы такимъ образомъ съ подобнымъ отчужденіемъ заранѣе освоить живыхъ молитвенниковъ, Православныхъ. [786] Въ 1718 г. Императору Петру была подана со стороны Православныхъ слѣдующая жалоба: «Бьютъ челомъ богомольцы твои отъ всѣхъ благочестивыхъ монастырей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ, мужескихъ и дѣвичьихъ, Игумены со всею о Христѣ братіей и Игумены со всѣми сестрами, имянно жъ: Виленскаго, Евейскаго, Крайскаго, Берестейскаго, Слуцкаго, Минскаго, Борисовскаго, Новодворскаго, Сурдецкаго, Купятицкаго; Бѣлорусскихъ же: Кутеинскаго, Буйницкаго, Мстиславскаго, Соломирецкаго, Марковскаго, Могилевскаго, Шкловскаго, Горецкаго, Полоцкаго, Друцкаго, Дисненскаго, Брыжборскаго, Невельскаго, Вохорскаго, Гривенскаго, и прочихъ многихъ мужскихъ пустынножительныхъ, въ Княжествѣ Литовскомъ обрѣтающихся, да дѣвичьихъ: Кутеинскаго же, Баркалабовскаго, Мазоловскаго, Костюковскаго и прочихъ многихъ пустынножительныхъ же дѣвичьихъ монастырей, о благочестіи святомъ, которое Поляки всеконечно хотятъ во всемъ Государствѣ своемъ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ искоренити, и на сеймѣ Варшавскомъ Унію вездѣ конституцією укрѣпити. Понеже въ Государствѣ Польскомъ ни единой монастырь, или приходская церковь, во Благочестіи обрѣтается, но всѣ нуждою и насиліемъ превращены уже на Унію, а въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ токмо сіи выше писанные монастыри великое и нестерпимое гоненіе день отъ дня и часъ отъ часа терпящие. Православіе святое съ великою борьбою и прѣніемъ о Вѣрѣ Восточной Православно-Каѳолической сохраняютъ, прочіе же премногіе уже принуждены на Унію.» [787] Отнимая у Православныхъ монастыри и церкви, самихъ Іереевъ нещадно били, вытягивали ихъ вонъ замертво, совсѣмъ до чиста брили головы и бороды. [788]

Такимъ жестокостямъ очень много содѣйствовало то, что въ

въ первыхъ годахъ XVIII вѣка у Православныхъ оставался только одинъ Епископъ Могилевскій. Епископъ Львовскій Шумлянскій и Иннокентій Винницкій имѣли сильныя побужденія напрашиваться на Унію. Одному хотѣлось быть Митрополитомъ, и владѣть Митрополичьими имѣніями, другой имѣлъ болѣе скромную цѣль, сдѣлаться Перемышльскимъ Епископомъ; но Жоховскій просилъ Короля отказать ему въ этомъ, пока онъ останется Православнымъ. Оба искателя по этому поспѣшили въ Варшаву (1681 г.) и передъ Папскимъ Нунціемъ приняли Унію. [789] Винницкій хотѣлъ теперь показать свою ревность: получивши отъ Короля дозволеніе судить въ Львовѣ Православныхъ жителей, «упорствовавшихъ въ недопущеніи на Унію церквей своихъ, сдѣлалъ въ Трибуналѣ, на страхъ остальнымъ благочестивымъ, такой варварскій приговоръ: дабы они впередъ упорства объ Уніи не чинили, казнить смертію.» [790] Шумлянскій далъ клятву всю свою Епархію обратить въ Унію, [791] и очень много содѣйствовалъ Базиліянамъ въ ихъ немиролюбивыхъ занятіяхъ. [792] Единственными хранителями Православія оставались Луцкое и Львовское Братства. Въ 1702 г. Луцкое Братство еще разъ, послѣдній, заявило о своемъ существованіи. Въ это время Епископъ его области, Діонисій Жабокрицкій, принялъ Унію. Луцкое Братство пожаловалось Петру. Жабокрицкій былъ схваченъ и заточенъ въ Россіи. Но когда былъ поставленъ новый Православный Епископъ, Кириллъ Шумлянскій, Братство не могло уже удержать его у себя: [793] онъ былъ изгнанъ и кончилъ жизнь свою въ Переяславлѣ. [794] Само Луцкое Братство исчезло безслѣдно. [795] На другое, Львовское, Братство обрушились теперь всѣ удары. Главнымъ виновникомъ былъ Іосифъ Шумлянскій.

Въ 1700 году онъ открыто, торжественно, принялъ Унію въ Варшавѣ, въ Троицынъ день, во время миссы, совершаемой Кардиналомъ, Примасомъ, въ присутствіи Сенаторовъ (его прежнія два соглашенія на Унію въ 1677 г. и въ 1681 году были болѣе, или менѣе, тайныя). Возвратившись въ Львовъ, опираясь на военную силу Гетмана Яблоновскаго, онъ напалъ на Братскую церковь, и сдѣлалъ ее своею каѳедральною, поставивъ въ ней свой Епископскій тронъ. «Много вышло отсюда, говоритъ Зубрицкій, соблазнительныхъ неурядицъ, возмущеній (tumultow). Братство отправило отъ себя депутацію къ Королю съ просьбою оставить его

на основаніи прежнихъ Королевскихъ привилеевъ при своемъ Исповѣданіи и правахъ, охранить его отъ угнетеній Епископа, порознившагося съ нимъ въ Вѣрѣ. Въ Львовъ послано было четыре рескрипта за подписью Короля, не дѣлать Православнымъ ни какихъ притѣсненій, оставить ихъ при давнемъ обрядѣ; нарушителямъ постановленій объявлялось наказаніе въ 20,000 червонцевъ. Но для мѣстныхъ враговъ Православія ничего не значили подобныя распоряженія Короля: его власть въ Польшѣ къ этому времени сильно ослабѣла. Ни Епископъ, ни Староста Львовскій, не обратили вниманія на требованія Православныхъ; они продолжали обирать ихъ, [796] угнетать. Со стороны Православныхъ слѣдовали новыя жалобы, и имъ отвѣчали новыми утѣшительными обѣщаніями. Городская Дума постоянно склоняла ихъ къ Уніи, обѣщала сохранить имъ всѣ права, дать даже шляхетство, только бы они сдѣлались Уніятами. Одно, измученное продолжительною борьбою, обезсиленное въ вещественномъ отношеніи постоянными закупами себѣ свободы, никогда, однако, не получаемой, Львовское Братство наконецъ принуждено было уступить общему, сильному, напору, и въ 1708 г. потекла уже обычнымъ потокомъ Уніятской жизни. [797]

Такимъ образомъ въ началѣ XVIII вѣка Унія, по видимому, покончила свое дѣло. Всѣ Литовско-Русскія области Польскаго Королевства испытали на себѣ ея удары, и Православные вездѣ были подавлены на столько, что сами, своими собственными средствами, не могли уже противопоставить ей дѣльныхъ затрудненій. Опустошительнымъ ураганомъ прошла она по всѣмъ странамъ Западно-Русскимъ, и вездѣ оставила развалины древняго, величественнаго, зданія. Разразилась она въ Вильнѣ, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, поколебала могущество Виленскаго Братства; разразилась въ Бѣлоруссіи, и кровію ознаменовала свои успѣхи; взволновала Малороссію, и хотя сама облилась кровію, но расшатала вновь образовавшееся здѣсь Іерархическое средоточіе Западно-Русскаго Православія; собрались воедино остатки этой Іерархической силы въ Галиціи и Волыни, и около нихъ религіозныя чувства народа, но Унія и здѣсь разразилась и истребила ихъ. [798] Что же такое была теперь сама Унія? Имѣла ли она въ себѣ достаточно силъ и средствъ сохранить все, захваченное ею извнѣ, дать ему должное направленіе? Нѣтъ и нѣтъ,

должны сказать мы; можно собрать разнаго матеріала очень много, но не такъ-то легко изъ него построить что ни будь прочное, красивое. Съ пространственнымъ распространеніемъ Уніятской Церкви все болѣе и болѣе обнаруживались ея внутреннія безпорядки, разслабленіе, раздвоеніе несостоятельность. Минута спокойной жизни для Уніятской Церкви, проведенная ею въ раздумьѣ о собственномъ устройствѣ, должна была окончательно распатать ее.

Мы видѣли, сколько безпорядковъ въ Уніятской Церкви было предъ временемъ Люблинскаго Съѣзда. Теперь они еще болѣе усилились. Этому особенно содѣйствовало повсюдное почти невѣжество, охотно покровительствуемое Базиліянами. Они устраняли, по возможности, лучшихъ, способныхъ, благонамѣренныхъ кандидатовъ и дѣлали Священниками людей, большею частію, дворовыхъ, безграмотныхъ, полуграмотныхъ, не рѣдко Латинянъ. Для этихъ послѣднихъ религіозныя выгоды оставались въ сторонѣ. На Священство они смотрѣли, какъ на выгодное ремесло, изъ котораго старались извлечь всевозможную пользу. Нечего и говорить, что, не понимая ни Уніи, ни Латинства, они безразлично готовы были служить той, или другому. Уніятскіе Священники по тому поступали нерѣдко въ помощники Настоятелю-Латинянину, въ качествѣ Викаріевъ. Настоятель, или Пробощъ, занятый обращеніемъ съ помѣщиками, особенно охотою, не могъ часто являться въ костелъ, и вотъ его Викарій, безсмѣнный работникъ за какую ни будь сотню злотыхъ Польскихъ, обязывался сплошь совершать Христіянскія въ приходѣ требы и почти ежедневно служить Обѣдню. [799] Другіе Уніятскіе Священники оставляли свои приходы и бѣгали въ ближайшіе Латинскіе костелы, слушали исповѣдь и совершали другія церковныя требы, за что, разумѣется, получали вознагражденіе и отъ Ксендза, и отъ тѣхъ, для кого совершали требы. [800] Пренебреженіе къ пастырскимъ обязанностямъ доходило иногда до того, что многіе Священники, одни по неумѣнію правильно совершать Литургію, другіе по лѣности, посылали просфоры къ Латинскимъ Ксендзамъ омочить ихъ, при совершеніи Евхаристіи, въ освященномъ винѣ, и частичками, такимъ образомъ, освященной просфоры причащали потомъ своихъ прихожанъ. Сильно вооружается Замойскій Соборъ противъ такого установившагося обычая. «Никто изъ Священниковъ, говоритъ онъ, не долженъ посылать священныхъ частицъ

въ Латинскій костелъ, для омоченія ихъ тамъ во время совершенія миссы, чтобы потомъ раздавать ихъ вмѣсто причастія лицамъ Греческаго обряда. Строгое наказаніе ждетъ нарушителя этого постановленія. [801] Кромѣ того, хлѣбъ для Евхаристіи Уніятскіе Священники употребляли прѣсный, или какой попадается купить на торгу, у Евреевъ, прокисшее, совсѣмъ испорченное вино. [802] Литургію совершали въ пьяномъ видѣ. [803] Слово Божіе, поученіе и наставленіе прихожанъ въ истинахъ Вѣры были въ страшномъ пренебреженіи. [804] Народъ, какъ и его видѣ прелазящіе пастыри, коснѣлъ въ невѣжествѣ, больше посѣщалъ Латинскіе костелы, куда привлекали его стройные звуки органа и изступленная проповѣдь Ксендза, чѣмъ въ свою, убогую во всѣхъ отношеніяхъ, церковь. Дѣйствительно, Уніятскія церкви по сельскимъ приходамъ дошли до того, что многія изъ нихъ и снаруши и внутри казались безобразнѣе хорошихъ скотскихъ сараевъ. [805] Богослуженіе въ нихъ или совсѣмъ не совершалось, или совершалось, но очень коротко, да и то въ такую пору, когда прихожанамъ не было возможности ити въ церковь. При многихъ Уніятскихъ церквахъ не было ни Дьячковъ, ни Пономарей; отъ этого почти не извѣстна была Уніятамъ Вечерня, Утреня. Уніятскіе Священники, Богъ вѣсть, какъ приготовившись, или и не приготовившись ко богослуженію по церковнымъ постановленіямъ, почти повсемѣстно читали Обѣдни шопотомъ. [806] Это вполнѣ благопріятствовало невѣжеству, поддерживаемому недостаткомъ церковнослужителей. Невѣжа Священникъ, не знающій даже Славянскаго языка, тѣмъ болѣе не понимающій важности совершаемаго дѣйствія, могъ позволить себѣ самыя грубыя ошибки при отправленіи тайной Литургіи, и онѣ были извѣстны только одному Богу. Если же гдѣ либо Священникъ хотѣлъ совершить Вечерню, Заутреню, Всенощное бдѣніе и Литургію, какъ будто по Церковному уставу, то принужденъ былъ заблаговременно искать Дьячка, сколько ни будь знающаго Церковный уставъ и пѣніе. Но поиски часто оказывались напрасными, и такіе благонамѣренные даже Священники должны были ограничиваться много тайною Литургіей. Она сдѣлалась такимъ образомъ явленіемъ обычнымъ, самымъ распространеннымъ.

Во многихъ мѣстахъ дѣло происходило иначе. Наступаетъ, на пр., какой ни будь великій праздникъ, Уніятскій Священникъ

встаетъ пораньше, беретъ съ собою въ церковь одного изъ своихъ слугъ, умѣющаго подать кадило, и на скорую руку совершаетъ съ нимъ тайную Литургію, или просто ограничивается одними «Часами.» За тѣмъ спѣшитъ къ сосѣду, Латинскому Ксендзу, гдѣ ожидаетъ его многая жатва. Мало помалу начинаютъ собираться Уніятскіе прихожане въ свою церковь, но въ церкви пусто; Попа нѣтъ: онъ оставилъ свое убогое стадо и отправился стричь чужое, болѣе богатое, прибыльное. Поговоривши, потолковавши, о своихъ домашнихъ дѣлахъ, прихожане начинали расходиться, кто домой, кто въ костелъ, въ которомъ можно было застать службу въ самую позднюю пору (около двухъ часовъ вечера), а кто и въ корчму, которая стояла тутъ же, рядомъ съ церковію. По случаю погребенія какого ни будь богатаго владѣльца, Уніятскіе Священники совершали обѣдню въ Латинскихъ костелахъ. Въ такихъ случаяхъ Ксендзы дозволяли имъ служить на какомъ ни будь пристѣнномъ алтарѣ, въ углу костела, и только за недостаткомъ Ксендза позволялось служить на главномъ престолѣ. Ксендзы, въ свою очередь, не оставлялись въ долгу. Въ торжественные Уніятскіе праздники они удостоивали своимъ посѣщеніемъ приходскія Уніятскія церкви, помогали Священнику въ совершеніи церковныхъ требъ, особенно исповѣди; совершали иногда и Литургію, т. е., Латинскую миссу. И ни Ксендзъ, ни Уніятскій Священникъ, не стѣснялись подобными услугами другъ другу, тѣмъ болѣе, что сами Папы не считали различія обрядовъ Латинской Церкви препятствіемъ къ тѣснѣйшему единенію и общенію между Католиками и Уніятами, и по тому дозволяли какъ Латинскому, такъ и Уніятскому, духовенству совершать всѣ церковныя службы и требы безразлично въ Латинскихъ и Уніятскихъ церквахъ, каждому по обрядамъ своей Церкви, [807] Такая неопредѣленность положенія Уніятской Церкви, ея безпорядки, смутили Іерархію самыхъ Базиліянъ. «Сообразно постановленіямъ Св. Вселенскаго Тридентскаго Собора, говоритъ Митрополитъ Кишка, по праву, принадлежащему Митрополиту, первенствующему на Руси, мы должны были созвать областной Соборъ (Замойскій), для возстановленія упадшаго послушанія и возвращенія испорченныхъ обычаевъ къ своему первоначальному корню.» [808] Это сознаніе Уніятовъ усиливалось напоминаніемъ извнѣ отъ Латинянъ. «Не могу не просить васъ, Превелебные Отцы, говорилъ

Папскій Нунцій, назначенный быть предсѣдателемъ на Замойскомъ Соборѣ, чтобы вы не обратили особеннаго вниманія на уничтоженіе нѣкоторыхъ злыхъ обычаевъ относительно избранія служителей Церкви Божіей, ихъ посвященія. Они, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, вошли въ Церковь не безъ малаго соблазна душевнаго, и по возможности скорѣе нужно стараться изгнать ихъ изъ вашихъ Епархій; нужно позаботиться, чтобы и Священники, и народъ, порученный ихъ заботамъ, былъ возвращенъ къ истинной Вѣрѣ, къ неизмѣнному храненію ея обрядовъ.» [809] Такимъ образомъ Базиліянамъ снова приходилось подумать объ устройствѣ своей Церкви, теперь уже какъ бы окончательно установившейся въ пространственномъ отношеніи. Вспомнилась имъ и недавняя затѣя ихъ — неудавшійся Люблинскій Съѣздъ, и его мысль снова озарила ихъ. Теперь не предвидѣлось такихъ непреодолимыхъ препятствій. Всѣ Русскія области почувствовали на себѣ ударъ Уніи; а что такое была она сама, сравнительно съ своимъ началомъ?

Изученіе Славянскаго языка въ Уніятскихъ монастыряхъ было совсѣмъ брошено. Многіе Базиліяне, даже Русскіе по происхожденію, не умѣя читать по Славянски, служили только Обѣдни по тетрадкамъ, въ коихъ Литургія Св. Іоанна Златоустаго написана была Польскими буквами. Подражая такимъ Базиліянамъ, многіе изъ Шляхты и мѣщанъ Латинскаго Вѣроисповѣданія, поступивъ въ бѣлое Уніятское духовенство, и такъ же не умѣя читать по Славянски, почти всегда служили Литургіи шепотомъ, по тетрадкамъ, написаннымъ Польскими буквами. Вообще богатая Церковная Славянская Словесность въ Уніятскихъ монастыряхъ повсемѣстно была забыта. На первыхъ порахъ Уніятскіе Епископы, желая учить простой народъ на языкѣ, для него понятномъ, издавали свои проповѣди и другія сочиненія, большею частію ничтожныя, на Бѣлорусскомъ языкѣ, сильно искаженномъ частыми Польскими словами; потомъ Русскій языкъ былъ совершенно брошенъ, и какъ Базиліяне, такъ и вообще Уніяты, стали произносить проповѣди и писать кой какія книги только на Польскомъ языкѣ. [810] Около времени Замойскаго Собора (1722 г.) потребовалось составлять для Уніятовъ «Лексиконъ, сирѣчь Словесникъ Словенскій, имѣющъ въ себѣ словеса первѣе Словенскія, азбучныя, по семъ же Польскія, благопотребный къ выраз-

умѣнію словесъ Словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ» (печатано въ Супраслѣ 1722 г.). Его важность, крайнюю необходимость, объясняетъ въ предисловіи къ Лексикону, по всей вѣроятности, самъ Митрополитъ тогдашній, Левъ Кишка. [811] «Съ неисчетною болѣстію сердца и язвою утробы неудобь исцѣльною, говоритъ онъ, изобрѣли (т. е., узнали, открыли) искусители или экзаминаторы поставляемыхъ въ Іерейство людей, яко сотный Іерей едва Словенскій разумѣетъ языкъ, невѣдяй, что чтетъ въ Божественной Службѣ, съ погибеліею своея и порученныхъ паствѣ его душъ, кровію Господа Бога нашего, Іисуса Христа, искупленныхъ; сіе же искусно бысть (узнано) текущаго году, и нынѣ отриновении отъ рукоположенія на Іерейство, сея ради вины, изобрѣтошася. Сія вся нерадѣнія, да въ Россіи соединенѣй искорененни будутъ, азбучный Лексиконъ.... издается»... Но дѣло, конечно, хорошее, во всякомъ случаѣ задумано было уже поздно. Сами Базиліяне въ Самуилѣ Пилиховскомъ [812] оплакали погибель Славянскаго языка; а самъ онъ, какъ ближе знакомый съ дѣломъ, опытно узнавшій состояніе Уніятской Церкви, открыто, съ тяжелою грустію въ сердцѣ, долженъ былъ пропѣть «вѣчную память Руси,» [813] т. е., не одному уже Славянскому языку, но вообще всему Русскому, Православному, что до сихъ поръ сохранялось еще въ Уніи. Но не такъ смотрѣли на дѣло истые Базиліяне Латиняне, самые многочисленные. Они помнили задачу Люблинскаго Съѣзда, окончательное объединеніе Уніи съ Латинствомъ, [814] и съ восторгомъ бросились выполнить ее теперь, когда ни съ одной стороны не видѣлось имъ болѣе ни какого противодѣйствія. Къ этому времени, какъ мы сказали, Уніятская Церковь какъ бы установилась, сложилась въ пространственномъ отношеніи. Она казалась очень немалою; только во всѣхъ частяхъ ея видѣлся безпорядокъ, страшная неопредѣленность, прямой вызовъ Базиліянамъ позаботиться объ ея нарядѣ. Они охотно ухватились за него и, чтобы придать болѣе значенія своимъ дѣйствіямъ, постарались облечь ихъ еще въ болѣе торжественную форму, чѣмъ предполагалось это на Люблинскомъ Съѣздѣ. Назначенъ былъ Соборъ (Замойскій), канонизованный Папою.

Вопросъ о Замойскомъ Соборѣ былъ поднятъ еще въ 1716 г. Уже тогда Митрополитъ Кишка получилъ изъ Рима разрѣшеніе на его созваніе, и мѣстомъ для него назначенъ былъ Львовъ.

По случаю распространившейся моровой язвы, Соборъ былъ перенесенъ въ Замостье, гдѣ и состоялся въ 1720 г. [815] Строгія наказанія, не говоря о другихъ, были объявлены даже Архіепископамъ и Епископамъ, которые безъ основательной причины отказались бы явиться на Соборъ, или уѣхали бы прежде окончанія соборныхъ засѣданій. Для большаго значенія, предсѣдателемъ на Соборѣ назначался Папскій Нунцій, Едесскій Архіепископъ, Іеронимъ Гримальдъ. По своей многочисленности, Соборъ былъ достоинъ этого названія. Кромѣ Нунція и Уніятскаго Митрополита, на немъ присутствовало шесть Уніятскихъ Епископовъ, Протоархимандритъ съ Консульторами, шесть Архимандритовъ, очень немало другихъ Базиліянъ, многіе изъ Латинскихъ Канониковъ и Префектовъ разныхъ Коллегій. Засѣданіе Собора было открыто торжественно, высокопарною рѣчью Нунція, въ которой онъ хвалилъ Уніятскихъ Іерарховъ за ихъ ревность о спасеніи ввѣреннаго имъ стада Христова, и за то самоотверженіе и самопожертвованіе, съ какимъ они рѣшились собраться на этотъ Соборъ, не смотря на господствовавшую въ это время заразу. За тѣмъ прочитано было Папское бреве къ Уніятскому Митрополиту и Епископамъ. «Не можемъ достаточно выразить словами, писалъ между прочимъ Папа, той искренней радости, какою исполнилось наше сердце, когда мы узнали отъ Конгрегаціи о распространеніи Вѣры, что вы, братія, такъ ревностно заботитесь о возстановленіи истиннаго благочестія и церковнаго благочинія въ Русскихъ областяхъ, и что вы собрались на этотъ Соборъ съ искреннимъ желаніемъ сдѣлать такія постановленія и пріискать такія средства, которыя искоренили бы утвердившіяся между вами заблужденія и привели бы ввѣренный вашему попеченію народъ и Священниковъ на лоно Католической Вѣры, безъ которой никто не можетъ угодить Богу, и къ соблюденію свято хранимаго и ненарушимаго Католическаго обряда.» [816] При такихъ благожеланіяхъ Рима, при извѣстномъ уже намъ направленіи Базиліянъ, которые теперь были на верху своего величія и управляли всѣми дѣйствіями Церкви, мы легко можемъ угадать, къ чему должна была повести Унію послѣдняя, Соборная, затѣя.... Ревностно принялись Базиліяне за новое дѣло, но въ устройствѣ своей Церкви они оказались не доброю матерью, а злой мачихой. «Соборъ Замойскій, говоритъ одна замѣтка объ

этомъ Соборѣ (сдѣланная на обверточномъ листѣ актовъ Соборныхъ, на Польскомъ языкѣ, находящихся въ Публичной Библіотекѣ), начался въ смутныя времена Края, какъ относительно политики, такъ и бѣдствій физическихъ. Это были начала несчастнѣйшаго политическаго усыпленія, которыя въ наслѣдствѣ перешли и къ нашимъ правнукамъ и покончились страшнымъ уничтоженіемъ всего народа. Въ эти времена царила моровая язва, и подъ ея ударами пали тысячи жертвъ. Уніятское духовенство было взято въ сильные тиски, его гораздо больше прежняго постарались сблизить съ Латинскимъ, но немного вышло отсюда пользы, по причинѣ его бѣдности, невѣжества. Базиліане сильнѣе прежняго начали давить клиръ Уніятскій»....

XV.

Канонизованныя формы Церковно-Уніятскаго правленія.

Слишкомъ вѣкъ существовала уже Унія до времени Замойскаго Собора. Заключенная первоначально въ небольшемъ кругѣ, и то, главнымъ образомъ, высшей Іерархіи, со всѣхъ сторонъ презираемая, ненавидимая, выслушивавшая даже смертный приговоръ, не уяснившая еще своего положенія, безъ всякой опредѣленной задачи, то кроткая, то неистовая, то плачущая, то радующаяся, то погибающая, то торжествующая, теперь, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка, Унія широко раскинула свое побѣдоносное знамя, имѣла, по видимому, огромную паству, сильную Іерархію, и, въ своихъ представителяхъ, Базиліанахъ, выработала опредѣленное направленіе, получила обликъ. Еще Суша писалъ, что Уніяты заслуживаютъ, и дѣйствительно пользуются вниманіемъ и любовію Св. Матери, Церкви Римской, за свои обширные труды, слѣдствіемъ которыхъ явились обширныя Уніятскія Епархіи, огромныя области Уніятовъ, многолюдные города и мѣстечки, частые приходы, въ которыхъ можно насчитать многія тысячи людей (Уніятовъ); что, по этому, они заслуживаютъ уже вниманія всего общества, полной гражданской равноправности. [847] Уніяты, такимъ образомъ, какъ будто начинали торжествовать. Казалось, сами Латиняне радовались такому торжеству. Но если

послѣдніе были вполнѣ справедливы, по тому что, при ничтожныхъ усиліяхъ, достигли великихъ успѣховъ въ своихъ цѣляхъ относительно Уніи, то подобное торжество непростительно Уніятамъ, по тому что въ это время они рѣшительно уже подняли противъ себя убійственную руку, и послѣднее мгновеніе ихъ видимаго величія было критическимъ признакомъ въ жизни Уніятской Церкви.

Мы знаемъ, что теперь Базиліяне подумали объ устройствѣ своей Церкви, чтобы придать больше прочности и стойкости ея существованію. Но что значило вообще устройство для Уніятской Церкви? Какого рода оно могло быть, какимъ свойствомъ долженствовало отпечатлѣваться? Во весь періодъ ея вѣковаго, пространственнаго, распространенія, въ нее вошли, были затянуты, лица съ разнымъ направленіемъ, привнесшія въ нее и Латинскія нововведенія, и Православныя и, Богъ вѣсть, какія (такъ выражались сами Уніяты), рѣшительно произвольныя, поддерживаемыя невѣжествомъ. Понятное дѣло, что Уніятская Церковь только и могла существовать при подобныхъ безпорядкахъ, ни сколько не вдумываясь въ свое положеніе: что-то среднее между Латинствомъ и Православіемъ, съ оттѣнками того и другого, Унія, только и могла держаться полнымъ признаніемъ ихъ правъ. Но прошелъ вѣкъ, и Унія, въ своихъ представителяхъ, Базиліанахъ, потеряла сознаніе своей неопредѣленности, шаткости, хотѣла увидѣть себя вполнѣ самостоятельною, строго обозначенною во всѣхъ точкахъ. Базиліяне приготовили ей нарядъ рѣшительно по образцу Латинскому, но этимъ самымъ они незамѣтно на первыхъ порахъ для себя, уничтожили свою Церковь, передавали ее въ руки Латинству. Такимъ образомъ, послѣ вѣковыхъ кровавыхъ трудовъ, при видимомъ торжествѣ и успѣхахъ, Унія, въ началѣ XVIII вѣка, на верху своего величія, собственными руками ископала бы для себя гробъ, если бы она состояла, главнымъ образомъ, изъ Базиліанъ, которые уже почти ни въ чемъ не уступали самимъ Езуитамъ. Но, къ счастію Уніятской Церкви, большинство ея членовъ составляли лица съ направленіемъ рѣшительно противоположнымъ Базиліанамъ, ни какъ не мирившіяся съ ними въ своихъ основныхъ взглядахъ и такъ рѣзко заявившія себя еще на Люблинскомъ Съѣздѣ. Это была многочисленная сторона Православныхъ, насильно затянутая въ Унію и

потомъ нѣсколько освоившаяся съ нею; но и тутъ она хотѣла сохранить всѣ преданія своей прежней матери, и самую Унію готова была построить по образцу Православія. Это новый, другой, способъ уничтоженія Уніи въ пользу Православія. Такимъ образомъ, съ первою постановкою вопроса объ устройствѣ Уніятской Церкви, сама Унія должна была пасть, и тѣмъ скорѣе, разительнѣе, неестественнѣе, чѣмъ неуступчивѣе были выработавшіяся въ ней противоположныя основы. Къ такому явленію и ко всѣмъ дальнѣйшимъ уродливостямъ въ развитіи Уніи близорукіе Базиліяне первые дали сильный толчокъ. Чувствуя свое могущество, они на Замойскомъ Соборѣ поспѣшили для всей Уніятской Церкви предписать тѣ правила, которыми руководствовались сами, порѣшили всѣхъ заставить вѣрить и думать такъ, какъ вѣровали и думали они, воспитанные въ понятіяхъ Латинства. Вся Уніятская Церковь какъ будто замолкла, прислушиваясь къ великимъ для нея Соборнымъ совѣщаніямъ. Всѣ члены ея, и даже Латинскій міръ, съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдняго слова отъ главныхъ представителей Уніи. Базиліяне высказались прямо, безъ всякихъ околичностей....

XVI.

Епархіи Уніятской Церкви; ея высшія духовныя власти.

Послѣ обращенія въ Унію Львовскаго Епископа, всѣ, прежде бывшія Православныя Епархіи, теперь (въ началѣ XVII вѣка) оказались Уніятскими. Уже изъ разсказа Суши мы видѣли, что въ 70 годахъ XVII столѣтія только Галицкая область противодѣйствовала еще Уніи. [848] Съ ея паденіемъ и съ этой стороны исчезъ оплотъ Православія. Только въ одномъ Могилевѣ удержался Православный Епископъ. Мы не говоримъ о Кіевѣ: онъ находился теперь подъ властію Россіи, и Православіе здѣсь могло жить спокойно.

Первое мѣсто въ ряду Уніятскихъ Епархій занимала Архіепископія Митрополитская. Отъ предѣловъ Подляхіи она упиралась въ Бѣлоруссію, обхватывая собою всю Литву; часто въ ней жилъ только Викарный Митрополита (въ Вильнѣ, или Новогородкѣ). Сами Митрополиты, хотя назывались Кіевскими, Галицкими,

но эти названія оставались титулярными; избираемые изъ Епископовъ, которые уже до того времени управляли извѣстными Епархіями, Митрополиты, и послѣ избранія въ этотъ санъ, нерѣдко удерживали за собою прежнія свои Епархіи и оттуда продолжали управлять и Митрополитскою Архіепископіей и всею Уніятскою Церковію; съ перемѣною Митрополита, на самомъ дѣлѣ мѣнялась и его каѳедра.

Второе мѣсто занимала Архіепископія Полоцкая. Она обнимала собою почти всю Бѣлоруссію (области Полоцкую, Витебскую, Мстиславскую, такъ же округи Оршанскій и Могилевскій). Полоцкій Архіерей старался не упустить ни одного случая, чтобы и здѣсь (въ Могилевѣ) заявить свою власть, не смотря на то, что въ Могилевѣ былъ свой Православный Епископъ. Всѣми силами Уніяты старались его удалить, закрыть самую каѳедру.

Прототронія Владимірская заключала въ себѣ округи Волынскій, Берестскій, Подляскій.

Епископія Луцкая и Острожская обнимала собою большую часть Волыни.

Епископія Львовская, Галицкая, Каменецкая, заключалась въ Червонной Руси и Подолѣ.

Архіепископія Смоленская отличалась непостоянствомъ своей судьбы. Она то переходила къ Уніятамъ отъ Православныхъ, то опять возвращалась къ Православнымъ, своимъ законнымъ обладателямъ.

Епископія Хо́лмская и Белзе́кая заключала въ себѣ округи Холмскій, Белзскій и часть Подляхіи.

Епископія Перемышльская обнимала земли Самборскую, Сяноцкую, Перемышльскую, Ярославскую и многіе города на Покутьѣ.

Полѣсье составляло новую, послѣднюю, девятую Епископію Туровскую и Пинскую. [819]

Всѣ эти Епархіи, каждая во главѣ съ своимъ самостоятельнымъ Епископомъ, въ общей жизни Уніятской Церкви составляли одно цѣлое, подъ верховнымъ надзоромъ и управленіемъ Римскаго Первосвященника.

Въ первое время Уніи отношеніе Папы къ Уніятской Церкви было слишкомъ поверхностное. При самомъ заключеніи Уніи, подтвердивши для Уніятской Церкви всю прежнюю практику

Церкви Православной, [820] Папа имѣлъ потомъ дѣло только съ однимъ Митрополитомъ Уніятскимъ; только ему давалъ, такъ называемую, грамоту посвященія или конфирмаціонную. [821] Послѣ этого Митрополитъ оставался самостоятельнымъ управителемъ во всей области Церковно-Уніятской жизни, и только въ какихъ ни будь необыкновенныхъ случаяхъ (на пр., при переходѣ въ Уніятскую Церковь Православныхъ Іерархическихъ лицъ) сносился съ Папою. [822] Но, по той мѣрѣ, какъ возвышался Базиліянскій Орденъ, вліяніе Митрополита слабѣло, его власть съуживалась, въ Уніятской Церкви болѣе и болѣе становится замѣтнымъ значеніе и сила Папы. Съ половины XVII вѣка Базиліянскія Конгрегаціи, созываемыя Митрополитомъ, нерѣдко уничтожаются Римомъ, со всѣми сдѣланными на нихъ постановленіями; далѣе, по повелѣнію Папы, созываются новыя Конгрегаціи подъ предсѣдательствомъ Папскихъ делегатовъ; постановленія Конгрегацій посылаются для подтвержденія въ Римъ. [823] Съ этого времени въ титулѣ Уніятскихъ Іерарховъ и Митрополита, и Епископовъ, на ряду съ именемъ Божіимъ, поставляется и имя Папы, или Столицы Апостольской, въ знакъ ихъ полной зависимости отъ Папы. [824] Съ такою же цѣлію поставлено было во всѣхъ Уніятскихъ церквахъ поминать за богослуженіемъ Римскаго Первосвященника [825] и со времени Замойскаго Собора, согласно этому узаконенію, стали печатать и всѣ богослужебныя книги [826] съ прибавленіемъ имени Папы.

Къ началу XVIII вѣка власть Римскаго Первосвященника въ Уніятской Церкви достигла огромныхъ размѣровъ. Въ Уніятскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ для него обычное названіе: «Святѣйшій Вселенскій Архіерей, Папа Римскій.» [827] Это не были простыя слова, придаваемыя обыкновенно высшимъ представителямъ Церкви: въ устахъ Уніятовъ относительно Папы они имѣли буквальный смыслъ. Митрополитъ Жоховскій только въ признаніи главенства Папы видѣлъ средство знать истину, возможность спастись. [828] Мы говорили уже о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя, такъ сказать, установили такой взглядъ на Папу. Теперь онъ считался найвышшимъ въ ряду Епископовъ. Между Епископами, говорится въ «Собраніи Припадковъ» [829] (это сочиненіе называется «Книгою животною») [830] самый высшій Епископъ Римскій, который называется Папою Римскимъ. Онъ—глава Святой Церкви:

по тому что только Св. Петру сказалъ Господь: «Паси агнцы моя, паси овцы моя!» И тому, Папѣ Римскому, вси людіе повинны быти послушными и все тое вѣрити, что Церковь Римская повелѣваетъ, по словесемъ Христовымъ: «Ты еси Петръ, и на семъ камнѣ созижду Церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей.» [831] По такому же преданію Папа считался какъ бы единственнымъ, истиннымъ Епископомъ. «Присвитеровъ, говорится въ «Собраніи Припадковъ,» посвятилъ самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, при остатнѣй вечери, при которой причастилъ Апостоловъ тѣломъ и кровію своею. На Епископство зась (же) посвятилъ самъ только Св. Апостола Петра, Ангеломъ на повѣтри поющимъ трижды: ἅξιος, ἄξιος, ἄξιος!» [832] Понятно, послѣ этого, что по взгляду Уніятовъ, «Каѳолическая, Апостольская Вѣра была только въ той Церкви, которою рядитъ Папа Римскій, иныя зась Вѣры не могутъ назватися Вѣрами, але (но) сектами.» [833]

Теперь въ Уніятской Церкви уже открылось очень немало случаевъ, разрѣшеніе которыхъ предоставлено было только Папѣ. Разрѣшенія (индульгенціи), на которыя такъ щедры были первоначально Римскіе Первосвященники относительно Уніятовъ и съ которыми потомъ послѣдніе очень сжились, пріучаемые къ нимъ съ раннихъ лѣтъ, теперь имѣли огромную практику въ Церкви Уніятской; по этою запасною сокровищницею сверхъ должныхъ дѣлъ могъ распоряжаться только Отецъ Святой, Папа Римскій. «Только онъ раздаетъ отпущенія (индульгенціи); бо онъ самъ маетъ ключи отъ того скарбу (сокровища), яко рече Господь нашъ, І. Христосъ, къ Св. Петру и наступующимъ по немъ: «Дамъ ти ключи Царствія Небеснаго: еже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшено на небесѣхъ.» [834] Папа могъ разрѣшить посвященіе двоеженцевъ на священноцерковныя степени; разрѣшалъ намѣренное убійство. [835] Священникъ, получившій извѣстную количество денегъ для совершенія, на пр., Литургіи, если не имѣлъ времени самъ выполнить порученіе, долженъ былъ, вмѣсто себя, просить объ этомъ другого, съ передачею послѣднему всего полученнаго количества; если часть этого удерживалъ у себя, то этимъ самимъ онъ, такъ сказать, налагалъ на себя запрещеніе, которое могъ снять только Папа. [836] Одинъ Папа давалъ право на совершеніе Литургіи въ частномъ домѣ. [837] Въ случаѣ симоніи и посвящающій и посвящаемый подпадаютъ клятвѣ, которую могъ

снять одинъ Папа. То же повторялось, если кто получалъ приходъ, или какое ни будь церковное достоинство, посредствомъ подкупа. И покупающій и продающій подвергались клятвѣ. [838] Священникъ, говорящій о Дѣвѣ Маріи, что она зачата въ первородномъ грѣхѣ, «запрещался отъ совершенія всѣхъ Таинствъ даже до разрѣшенія самого Папы Римскаго, и терялъ всѣ уряды.» [839] Если Священникъ лишенъ своего уряду и грамоты священнической навсегда Епископомъ, то священническое достоинство ему можетъ возвратить только Папа. [840] «Епископъ не можетъ быти отъ Епископіи зложоный (низверженный), токмо отъ самого Папы Римскаго, а ни можетъ самъ Епископъ отрещися Епископіи, токмо предъ Папою Римскимъ.» [841] Епископъ безъ позволенія Папы Римскаго не могъ дѣлать завѣщанія. [842] Простой инокъ только въ томъ случаѣ могъ принять санъ Епископскій, безъ вѣдома своего Пастоятеля, когда на эту должность избралъ бы его самъ Папа. Для Архимандритовъ дѣлалось исключеніе. [843] Монахиня, отлучающаяся изъ монастыря по какому бы то ни было случаю, подпадала клятвѣ, которую могъ разрѣшить только Папа. [844] Папа только могъ позволить быть Игуменіей не законорожденной. [845] Вообще Папа разрѣшалъ отъ данныхъ обѣтовъ, на пр., посѣщенія Гроба Господня въ Іерусалимѣ, мощей Св. Апостолъ Петра и Павла въ Римѣ, мощей Св. Апостола Іакова въ Компостелѣ; только онъ установлялъ по всему міру новые праздники. [846] Всѣ волшебники, особенно занимающіеся хиромантіей и некромантіей, сочиняющіе подобнаго рода книги, печатающіе ихъ и хранящіе у себя, всѣ такія лица подвергались клятвѣ, которую могъ снять одинъ Папа. [847] Ему одному принадлежало право объявлять одпустъ (прощеніе) усопшимъ. Мы видимъ, какъ широко раздвинулась власть Папы. Она обхватила собою всю Уніятскую Церковь, все духовенство, и бѣлое и монашествующее, простерлась на жизнь общественную, закралась подъ семейный кровъ: вездѣ оставила свои предписанія, потребовала полнаго имъ послушанія, лаская покорныхъ отпущеніями, прощеніями, и грозя непослушнымъ отлученіемъ, анаѳемой. Митрополитъ Уніятскій, прежде самостоятельный хозяинъ, теперь ни болѣе, ни менѣе, становился послушнымъ орудіемъ другой высшей власти. Безъ позволенія Римскаго Папы онъ не могъ даже осматривать Епархій, подчиненныхъ ему другихъ Епископовъ. [848] Когда потомъ Митрополиты просили,

чтобы имъ позволено было рѣшать дѣла брачныя, давать въ извѣстномъ случаѣ разводы, Римскій Дворъ отвѣчалъ, что «а ни бысть сицевый образъ или прикладъ преданія сицевыя власти, токмо аще святый престолъ Римскій разсудѣти изволитъ вольное быти раздрѣшеніе.» [849] Такимъ образомъ, въ началѣ XVIII вѣка Уніятская Церковь очутилась въ томъ положеніи, въ какомъ находилась вообще вся Католическая, и здѣсь имѣлъ Папа «primatum ordinis et jurisdictionis,» и здѣсь исполнялъ онъ «plenam potestatem pascendi, regendi et gubernandi».... [850]

Уніятскій Митрополитъ теперь былъ не болѣе, какъ старшій только Епископъ въ одной изъ многочисленныхъ областей, составляющихъ огромную систему Римскаго управленія, былъ, такъ сказать, Намѣстникомъ Папы. «Онъ обязанъ, говорится въ постановленіяхъ Замойскаго Собора, надсматривать за остальными Епископами, поправлять ихъ ошибки по управленію своими Епархіями, и въ извѣстныхъ случаяхъ доносить объ этомъ Римскому Двору.» [850] Въ свою очередь Митрополитъ поставлялъ и посвящалъ Епископовъ своей области. Если бы по смерти извѣстнаго Епископа, его каѳедра оставалась праздою въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и не избирали преемника, Митрополитъ, по своему усмотрѣнію, могъ назначить кого ни будь на упраздненное мѣсто При посвященіи Митрополита должны были присутствовать всѣ подчиненные ему Епископы. Для посвященія Епископа должны были явиться тѣ только, которыхъ вызоветъ самъ Митрополитъ. Въ присутствіи Митрополита Епископы не могли преподавать благословеніе. Митрополитъ могъ распорядиться, чтобы въ Епархіяхъ Епископскихъ сохранялось то, чему слѣдуютъ въ Архіепархіи Митрополитской. Онъ созывалъ Епископовъ на Соборъ. Если Епископъ не жилъ при каѳедрѣ, Митрополитъ могъ принудить его къ этому. Онъ подвергался «завѣщанію, [851] если Епископа, до себе належачаго, не мѣшкаючаго презъ рокъ при катедрѣ своей, не оскаржаетъ (обжалуетъ предъ Папою Римскимъ).» Онъ наблюдалъ, чтобы Епископъ ежегодно созывалъ Соборъ изъ подвластныхъ Пресвитеровъ, чтобы имѣлъ Економа для наблюденія за хозяйствомъ, заботился бы о Семинаріи, а если ея нѣтъ, то постарался бы ее устроить. Митрополитъ могъ предать Епископа анаѳемѣ, запрещенію, вообще судить. Онъ судилъ и пасомыхъ въ Епископскихъ Епархіяхъ, если они дѣлали явный соблазнъ.

Во всю подвѣдомую область Митрополитъ могъ послать за собраніемъ подаяній въ пользу каѳедры Митрополитской. По всѣмъ Епархіямъ дѣлалъ распоряженія. Приказывалъ въ своемъ путешествіи нести предъ собою великій крестъ. Во всѣхъ Епархіяхъ могъ преподавать благословеніе и, съ разрѣшенія Папы, раздавать разрѣшенія, прощенія, на 80 дней. Могъ запретить проповѣданіе слова Божія. Съ разрѣшенія Папы, или областнаго Собора, осматривалъ всѣ Епархіи. По всѣмъ Епископіямъ долженъ былъ наблюдать, чтобы не было безъ нужды шатающихся иноковъ, проживающихъ внѣ своего монастыря: такихъ онъ возвращалъ въ ихъ законное мѣсто жительства. Отъ суда Епископскаго можно было жаловаться къ Митрополиту. Судъ надъ Митрополитомъ принадлежалъ только Папѣ. Его не могъ судить Соборъ мѣстныхъ Іерарховъ: при всемъ томъ онъ долженъ былъ сохранить все то, что опредѣлитъ областный Соборъ. [852] Особенно же объ этомъ долженъ заботиться Митрополитъ, говоритъ Соборъ Замойскій, «чтобы опредѣленія этого (Замойскаго) Святого Собора были сохранены во всей области, и по тому, когда будутъ подтверждены Св. Столицею Апостольскою, онъ долженъ сдѣлать это извѣстнымъ всѣмъ Суффраганамъ, и послѣдніе уже оповѣстятъ по всей области.» [853] Со времени Гавріила Коленды Митрополиту принадлежало верховное право подданья всѣхъ церквей; его подданные освобождались отъ городскихъ судовъ, при Магдебургскомъ устройствѣ послѣднихъ. Всѣ праздныя церковныя имущества поступали въ вѣдѣніе Митрополита. [854] Въ случаѣ незанятія какой ни будь Епископской каѳедры, Митрополитъ управлялъ (administrował) незанятою Епархіей или лично чрезъ себя, или чрезъ сосѣдняго Епископа. Когда умиралъ Митрополитъ, правитель Митрополіи назначался Римскимъ Дворомъ; до этого временнымъ правителемъ долженствовалъ быть Архіепископъ Полоцкій, и если покойный Митрополитъ управлялъ, кромѣ Митрополіи, и другою Епархіей, то правителемъ этой послѣдней дѣлался сосѣдній Епископъ. Новому Митрополиту, который избирался Королемъ и утверждался Папой, тотъ и другой правитель должны были дать отчетъ по управленію. [855]

Митрополитъ, какъ мы сказали, вѣдалъ всѣхъ Епископовъ своей области. Они были его помощниками по управленію, Суффраганами, какъ бы Викаріями. [856] Со времени Рутскаго право на

полученіе Епископскаго сана было усвоено только Базиліянамъ.[857] Соборъ Замойскій канонизовалъ, такъ сказать, это право. Выставляя огромную важность Епископскаго сана, который по этому страшенъ даже самымъ Ангеламъ, онъ постановилъ, чтобы никто (развѣ было бы разрѣшеніе отъ Св. Отца) не былъ Епископомъ, не исполнивъ предварительно какой ни будь должности въ Орденѣ. Но, въ свою очередь, никто не могъ занять должности, не пробывши въ Новиціятѣ, по правиламъ Ордена Василія Великаго, годъ и шесть недѣль. Епископъ долженъ былъ жить въ своей Епархіи и, по возможности, въ мѣстѣ своей каѳедры. Онъ посвящалъ на всѣ церковныя степени, но только для своей Епархіи; въ противномъ случаѣ, или если онъ посвящалъ священно-церковно-служителей для церкви, себѣ не подвластной, онъ подвергался запрещенію на цѣлый годъ. Опять въ своей Епархіи Епископъ могъ посвящать священнослужителей только на праздныя мѣста; если же онъ давалъ кому ни будь священный санъ «на Божіе произволеніе,» что проще называлось «про запасъ,»[858] такого новопосвященнаго онъ самъ долженъ былъ содержать на свой счетъ. Епископъ назначалъ мѣсто для постройки церкви, водружалъ крестъ, клалъ первый камень, освящалъ сооруженную церковь, колокола, мѣсто въ оградѣ церковной. Но прежде чѣмъ приступять къ сооруженію церкви, Епископъ, вмѣстѣ съ Ктиторомъ, долженъ былъ обмыслить содержаніе клира; въ противномъ случаѣ онъ самъ давалъ жизненныя средства священнослужителямъ. Епископъ посвящалъ Архимандритовъ; въ Великій Четвертокъ освящалъ Св. муро; тутъ же, или при освященіи церкви, освящалъ антиминсы; освящалъ алтари,[859] чаши, вообще церковныя одежды, сусуды. Священникамъ давалъ право на управленіе извѣстною церковію; по крайней мѣрѣ, въ три года разъ посѣщалъ въ своей Епархіи церкви, больницы; при этомъ, съ разрѣшенія Папы, онъ раздавалъ отпущенія (индульгенціи), и, при посвященіи церкви, давалъ отпустъ на цѣлый годъ, при обновленіи храма только на 40 дней, тоже при посѣщеніи своей Епархіи; вездѣ могъ преподавать благословеніе и въ церкви и въ мѣстахъ обыкновенныхъ. Епископъ долженъ былъ ежегодно созывать свой Соборъ изъ Пресвитеровъ, и имъ преподавать тутъ наставленія. Онъ назначалъ духовниковъ, проповѣдниковъ; запиралъ, очищалъ, осквернныя церкви; по основательнымъ причинамъ по-

зволялъ Іереямъ отлучиться отъ своего прихода, давалъ отпускныя, увольнительныя, грамоты; въ своей Епархіи установлялъ новые праздники. Только Епископъ могъ разрѣшить слѣдующіе грѣхи: ересь, отпаденіе, разбой, побои, нанесенные отцу, или матери, блудъ, прелюбодѣяніе, чародѣйство, содомію и всякаго рода нечистыя связи съ животными. Епископъ вѣдалъ всѣ дѣла брачныя. Онъ могъ позволить предъ бракомъ не читать оглашеній; разрѣшалъ совершеніе брака въ дни постные; разрѣшалъ «бигамію подобственную,» которая бывало тогда, «коли законникъ, запомнѣвши тріехъ шлюбовъ (обѣтовъ), Богови данныхъ, т. е., чистоты, убуства и послушанія, оженится, и отъ тоея бигаміи можетъ раздрѣшати самъ Епископъ; бо тая жена, съ которою законникъ оженится, не есть правдивая жена, але вшетечница и наложница;» онъ вѣдалъ всѣ дѣла духовныя въ своей Епархіи, произносилъ, въ случаѣ нужды, анаоему, запрещеніе, «завѣщаніе,» и потомъ отъ всего этого разрѣшалъ; прочитывалъ книги духовнаго содержанія, имѣющія поступить въ печать, позволялъ ихъ печатать, испытывалъ истинность чудесъ, совершаемыхъ различными иконами, и, или ихъ конфирмуетъ, или, признавъ ихъ фальшивость, самыя иконы перемѣщаетъ въ свою каѳедру; наблюдалъ, чтобы, согласно предсмертной волѣ извѣстныхъ лицъ, записавшихъ что либо на церковь и на лицъ духовныхъ, все это отдавалось по принадлежности; давалъ грамоты для испрошенія милостыни на поновленіе церквей. Епископъ могъ брать отъ Пресвитеровъ «катедратикумъ, т. е., столовое и вспоможеніе милосердное, въ потребахъ гвалтовныхъ, названное «subsidium charitaticum;» съ позволенія Римскаго Папы, Епископъ могъ даже взять что ни будь у ставленника за посвященіе въ Іерейскій санъ; если бы въ другой Епархіи онъ обратилъ въ свою Вѣру церковь иновѣрную, и мѣстный Епископъ въ продолженіи трехъ лѣтъ не заявлялъ на нее своихъ правъ, новообращенная церковь послѣ этого входила въ систему управленія обратившаго Епископа, навсегда дѣлалась подвѣдомою ему и его преемникамъ; если преступникъ убѣгалъ въ дворъ Епископскій, оттуда никто не могъ взять его: дворъ Епископскій считался мѣстомъ убѣжища, на равнѣ съ церковію. Относительно суда Епископскіе слуги ставились въ одинъ уровень съ Іереями: тѣхъ и другихъ никто не могъ судить, кромѣ самого Епископа; онъ судилъ праздношатающихся

иноковъ и совершающихъ преступленія внѣ монастыря, даже, если бы они были изъяты изъ власти Епископа Папскимъ декретомъ; позволялъ Священнику быть свидѣтелемъ въ дѣлахъ судебныхъ, исключая дѣлъ уголовныхъ. Духовникъ разрѣшалъ Епископа отъ всѣхъ его грѣховъ, и самъ Епископъ имѣлъ право по своей волѣ избрать себѣ духовника. Во время службы могъ одѣваться и раздѣваться у престола; если Епископъ совершилъ Литургію, то въ этотъ же день на томъ же престолѣ ни одинъ Іерей не имѣлъ права литургисать. Епископъ имѣлъ право карать въ своей Епархіи людей другихъ Епархій, если совершали тутъ какія либо преступленія; долженъ былъ заботиться о Семинаріи. Кто изъ Епископовъ имѣлъ двѣ каѳедры, тотъ въ одинъ годъ обязывался жить при одной, въ другой при другой. Послѣ Областнаго Собора, который составлялся изъ Епископовъ, подъ предсѣдательствомъ Митрополита, каждый Епископъ долженъ былъ, по прошествіи 6 мѣсяцевъ, собрать Пресвитеровъ своей Епархіи и объявить, что постановлено на немъ относительно церковной жизни, въ противномъ случаѣ онъ самъ подвергался двухмѣсячному запрещенію. Безъ позволенія Епископа никто не могъ имѣть Ктитора новой церкви. Если новоизбранный Епископъ не соглашается на избраніе въ продолженіи четырехъ недѣль, или не проситъ отъ Митрополита утвержденія своего избранія по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, или же самовольно вступаетъ въ управленіе Епископіей безъ вѣдома Митрополита, во всѣхъ этихъ случаяхъ новоизбранный теряетъ Епископію, на которую былъ избранъ. Епископъ не имѣетъ права ни продавать, ни закладывать, церковныхъ имѣній. Относительно женскихъ монастырей, Епископъ напередъ цѣлымъ мѣсяцемъ долженъ былъ знать, что такая-то дѣвица, или вдова, желаетъ вступить въ монастырь, и или лично, или чрезъ довѣренную особу, разузнать о свободномъ поступленіи; раньше же шестнадцати лѣтъ ни одна дѣвица не должна быть допущена до того. Епископъ опредѣлялъ, сколько монахинь могло жить въ монастырѣ, сообразно его доходамъ. Новоизбранная Игуменья не могла вступить въ управленіе монастыремъ, до времени ея утвержденія Епископомъ. Монахамъ и вообще лицамъ посторонимъ ни подъ какимъ предлогомъ не позволялось входить въ женскіе монастыри. «Входячіе (монахи) до монастыря (женскаго) тратятъ урядъ; не могутъ быти даже

до смерти Игуменами, они могутъ обѣрати (выбирать) Игуменовъ, и грѣшатъ смертельне, отъ котораго грѣху, не можетъ никто раздрѣшити, опрочъ Епископа.» Епископъ только четыре раза въ годъ позволялъ родственникамъ инокини разговаривать съ нею, но и это рѣшительно запрещалось въ Великій Постъ, въ посты Рождественскій, Петровъ, Успенскій, въ Среду, Пятокъ, Субботу и дни праздничные. Въ случаѣ смерти Папы, который, по опредѣленію Замойскаго Собора, есть глава и Князь всѣхъ Епископовъ, эти послѣдніе съ своимъ духовенствомъ по всѣмъ церквамъ должны совершить заупокойное богослуженіе, а такъ же помолиться о благополучномъ избраніи другаго. То же повторялось Епископами по смерти своего Митрополита. (Все сказанное нами о Епископѣ, относится и къ власти Митрополита въ его Епархіи).

Епископъ, нарушающій въ извѣстномъ отношеніи каноническія опредѣленія Уніятской Церкви подвергался запрещенію. Эта форма наказанія слишкомъ разнообразилась, смотря по тому, какого рода было преступленіе. Новопзбранный Епископъ, который вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей по Епархіи, не имѣя подтвердительной грамоты Папы, лишался всѣхъ доходовъ. Тому же подвергался Епископъ, получившій посвященіе отъ проклятаго Римомъ Епископа. Посвятившемуся отъ Епископа запрещеннаго запрещалось пользоваться правами Епископа. Епископу, который давалъ извѣстныя церковныя должности лицамъ не своей Епархіи, запрещалось послѣ этого раздавать этѣ должности въ своей Епархіи. Запрещенію на годъ подвергался Епископъ, посвящающій въ другія Епархіи, поставляющій во Священники имѣющаго другую жену, или инока новиціуша. Посвящающій инока безъ согласія Старшаго, запрещается разговаривать съ другими Епископами. Посвящающій «бигамію, т. е., маючаго вдову, или публичную, чинячого покуту,» запрещается совершать службу Божію. Этому же наказанію подвергался Епископъ, посвящающій не хотящаго святиться. Посвящающій грубаго, недостойнаго невѣжду, не знающаго грамоты, при томъ не совершеннолѣтняго, запрещается посвящать другихъ. Посвятившій въ одинъ день на всѣ церковныя священныя степени запрещался пользоваться правами Епископа. Посвящающій съ тѣмъ условіемъ, чтобы посвященный не просилъ у него ни какой Епархіи,

запрещался на три года посвящать кого бы то ни было. Посвятившій за деньги лишался правъ Епископа; кромѣ того, ему запрещался входъ въ церковь. Епископъ, посвятившій Епископа, на котораго въ Римъ подана жалоба противникомъ, запрещался на годъ принимать участіе въ посвященіи другихъ Епископовъ. Епископъ, охотно принимающій, въ противность буллѣ Пія V, отказы различныхъ должностныхъ лицъ отъ своихъ должностей, лишается права praesentandi, или collationis и investiturae. Разрѣшить такого Епископа можетъ только Папа Римскій. Епископъ, берущій огромныя взятки во время посѣщенія своей Епархіи, за деньги дающій отпусты, запрещается входить въ церковь. Кто изъ Епископовъ не заботится о пріумноженіи доходовъ церковныхъ, на годъ лишается правъ Епископа; такому же наказанію Епископъ подвергается на три года, если по лѣности не заботится объ искорененіи ересей. Епископъ, который лицамъ свѣтскимъ позволяетъ преслѣдовать Іереевъ, или позваннымъ отъ Папы запрещаетъ явиться къ нему, на три года лишается Епископскихъ доходовъ. Епископъ, который даритъ, продаетъ, свѣтскимъ лицамъ имѣнія церковныя, запрещается входить въ церковь и, въ случаѣ не исправленія въ продолженіе шести мѣсяцевъ, долженъ быть извергнъ изъ сана. Кто изъ Епископовъ въ продолженіе трехъ лѣтъ не бываетъ въ Римѣ, или, по крайней мѣрѣ, письменно не извѣщаетъ Папу Римскаго о теченіи дѣлъ въ своей Епархіи, запрещается входить въ церковь и пользоваться всѣми доходами Епископской каѳедры. Епископъ, не подвергающій должному наказанію ростовщиковъ, святотатцевъ, лишается правъ своего сана; безъ нужды входящій въ женскій монастырь, въ первый разъ «возбраняется отъ вхожденія въ церковь, за другимъ разомъ запрещается, а за третьимъ разомъ въ клятву впадаетъ.» [860]

Кромѣ Епархіальныхъ Епископовъ, въ Уніятской Церкви бывали иногда, такъ называемые, Коадъюторы или Падворные Епископы, и Администраторы (въ Епископскомъ санѣ). Перваго рода сановниковъ можно было находить только при Митрополитѣ. Эта должность придумана Базиліянами съ тою цѣлію, чтобы, по возможности, поставить въ болѣе тѣсныя къ себѣ отношенія Митрополитовъ, подчинить ихъ своему вліянію. [861] Коадъюторъ, это было лицо, избранное Митрополитомъ въ помощники себѣ изъ

Ордена Василіянскаго, по совѣту съ Протоархимандритомъ и Консульторами. Коадъюторъ избирался съ рѣшительнымъ намѣреніемъ занять Митрополитскую каѳедру по смерти дѣйствительнаго Митрополита. При жизни послѣдняго онъ только присматривался къ ходу дѣлъ, готовился къ своему будущему назначенію, подъ руководствомъ Митрополита и особенно Протоархимандрита, который приводилъ даже его къ присягѣ. Понятно, какъ искусно хотѣли Василіяне повести дѣло. Будущій Митрополитъ, опутанный ихъ сѣтями, часто, съ полною искренностію, въ однихъ только Василіянахъ могъ видѣть опору и для себя и для всей Уніятской Церкви; только выгоды Василіянъ онъ могъ поддерживать, распространять. Такой Коадъюторъ, по смерти Митрополита, долженъ былъ вѣдать сейчасъ всѣ Митрополитскія имѣнія, какъ ему уже принадлежащія, и безъ всякихъ препятствій вступалъ на Митрополитскую каѳедру. [862]

Администраторъ назначался Митрополитомъ по смерти кого ни будь изъ Епископовъ, для временнаго управленія праздною Епархіей, до назначенія новаго Епископа. Администраторъ управлялъ Епархіей при содѣйствіи трехъ избранныхъ помощниковъ изъ подвѣдомственнаго духовенства. Эти послѣдніе, по смерти своего Епископа, должны были повѣрить въ присутствіи Писаря (о немъ мы сейчасъ будемъ говорить) и пяти свидѣтелей все оставшееся послѣ него движимое и недвижимое имѣніе. Сдѣланная опись должна быть скрѣплена общею присягой свидѣтелей, и одинъ экземпляръ ея хранится у нихъ, для предъявленія имѣющему наступить Епископу, другой представляется Администратору. Администраторъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ отчуждать, продавать, или отдавать, въ откупъ движимыя, или недвижимыя, Епархіяльныя имѣнія; онъ обязанъ тщательно охранять ихъ цѣлость, и потомъ все непарушимо передать назначенному Епископу, съ самымъ точнымъ отчетомъ въ своемъ предыдущемъ управленіи Епархіей; въ противномъ случаѣ Администратору запрещается входъ въ церковь; онъ лишается Епископскихъ правъ. [863]

Мы видѣли уже, какъ многосложны были занятія Епископа по дѣлу Епархіяльного управленія: онъ главнымъ образомъ былъ обязанъ научать свою паству истинамъ Вѣры, преподавать ей Таинства посредствомъ достойныхъ священнослужителей; для этого

предварительно испытывать послѣднихъвъ умственномъ и нравственномъ отношеніи; далѣе Епископъ обязывался постоянно слѣдить за состояніемъ Вѣры и нравственности во всей Епархіи, и по тому, по замѣчанію Замойскаго Собора, Епископская ревизія на столько всегда казалась необходимою, на сколько необходимо посѣщеніе больныхъ Докторомъ: и Епископъ и Докторъ внимательно должны слѣдить за своими больными, если хотятъ подавать имъ приличное лѣкарство. [864] Епископъ, наконецъ, обязанъ былъ защищать свою паству отъ различныхъ обидъ, творить ей судъ и расправу. Понятное дѣло, что одна личность, при своихъ единичныхъ силахъ, не могла вынести всего на своихъ только плечахъ. «Самому ревностному могъ напослѣдокъ надоѣсть Епископскій санъ, по причинѣ своей огромной тяжести, говоритъ Замойскій Соборъ, [865] и по тому Епископу позволялось, даже требовалось, отъ него каноническими правилами, избирать себѣ помощниковъ, подъ извѣстными именами: число ихъ было очень немалое.

XVII.

Помощники Епископа по Епархіяльному управленію: Офиціялъ; Генеральный Намѣстникъ, Богословъ, Писарь, Авдиторъ, Экзаминаторъ, Визитаторъ, Архипресвитеръ или Деканъ, Пресвитеръ или Священникъ.

«Каждый Епископъ, говоритъ Замойскій Соборъ, долженъ имѣть при себѣ Офиціяла, который избирается изъ бѣлаго духовенства, если въ средѣ его можно найти способнаго человѣка; въ противномъ случаѣ требовалось избирать на эту должность лицо монашествующее.» [866] Пользуясь такимъ позволеніемъ Собора, Базиліяне, подъ предлогомъ невѣжества бѣлаго духовенства, постоянно старались не допускать его членовъ въ санъ Офиціяла, чтобы сами, занимая эту должность, всѣ дѣла Епархіяльныя могли направлять съ пользою для своихъ выгодъ, [867] тѣмъ болѣе, что власть Офиціяла всегда имѣла огромные размѣры, равнялась власти Епархіяльнаго Епископа. «Урядъ Офиціяльства есть судѣти вси справы цалыя діецезіи, особливе въ небытности Епископа, и отъ того декрету не можетъ жаденъ (никто) до Епископа аппелліовати, але маетъ аппелліовати до суду вышшаго, т.

е., до Нунціатуры; бо судъ Епископскій и Офиціяльскій тойжде и единъ есть.» [868] Избраніе Офиціяла сопровождалось особаго рода присягой, съ произнесеніемъ Исповѣданія Вѣры, оповѣщалось потомъ Епархіяльнымъ Архіереемъ по всей Епархіи; все духовенство, и бѣлое и монашествующее, обязано было послѣ этого слушать его, какъ представителя Епископа. Офиціялъ тщательно и внимательно слѣдилъ за духовенствомъ, чтобы оно занималось просвѣщеніемъ народа въ духѣ религіи, исполняло Синодальныя постановленія, предписанія Права Церковнаго и Высочайшихъ Указовъ; наблюдалъ, удовлетворяютъ ли своему назначенію поставленные на общественное служеніе, и негодныхъ, небрежныхъ, священнослужителей представлялъ къ отставленію отъ должности. Въ частности Офиціялу нерѣдко давалось право посвящать вновь строющіяся церкви и часовни, очищать старыя, подвергшіяся какимъ ни будь образомъ осквернію. Епископъ уступалъ ему право разрѣшать всѣ грѣховные случаи, такъ называемые, casus reservati, т. е., которые были предоставлены только Епископу, или самому Папѣ, если только прежде Епископъ получилъ это право отъ Папы; этого мало: Офиціялъ, въ свою очередь, уже отъ себя могъ удѣлять это право другимъ священнослужителямъ, если, въ случаѣ нужды, послѣ испытанія, они оказались достойными этого. Въ силу такого же позволенія отъ Епископа, Офиціялъ освящалъ церковные сосуды; въ слѣдствіе какихъ ни будь обстоятельствъ и нуждъ, разрѣшалъ не читать оглашеній имѣющихъ вступить въ бракъ; своимъ подписомъ утверждалъ свидѣтельство о способности желающихъ вступить въ духовное званіе и получить какую ни будь священно-церковно-служительскую степень; напередъ забравъ справки о происхожденіи, состояніи, образѣ жизни и поведеніи, представлялъ въ степени священства достойныхъ Кандидатовъ; Священникамъ, не совсѣмъ дѣльнымъ, или же слишкомъ упавшимъ по старости, или болѣзни, въ силахъ, онъ придавалъ способныхъ Викарныхъ; въ незанятые приходы назначалъ администраторовъ и выдавалъ свидѣтельства на право слушать исповѣдь; позволялъ пріобрѣтать презенты, [869] и кто имѣлъ ихъ, того, послѣ предварительнаго и приличнаго испытанія, представлялъ для пожизненной инсталляціи, «servatis de jure servandis;» шатающихся безъ нужды, не имѣющихъ ни какого опредѣленнаго мѣста, «каноническаго титула,» упорныхъ, непо-

слушныхъ Офиціялъ немедленно отдавалъ подъ судъ; наблюдалъ за ходомъ образованія въ Епархіи, ежегодно былъ обязанъ повѣрять Епархіяльную Семинарію, вникать въ ея управленіе, повѣрять доходы и расходы, и обо всемъ доносить Епархіяльному Начальнику. Офиціялъ иногда имѣлъ право, по сношенію съ Епископомъ, давать отвѣты на различныя письма, поступающія къ Епископу отъ различныхъ лицъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ; однимъ словомъ, онъ пользовался всѣми правами Епархіяльного Начальника, исключая коренное Епископское каноническое право—посвящать Діяконовъ и Пресвитеровъ. [870]

При такихъ обширныхъ правахъ Офиціяла, отъ Епископа требовалась особенная внимательность при выборахъ въ этотъ санъ. По опредѣленію Замойскаго Собора, для этого требовалось избирать лицъ, одаренныхъ высокими качествами въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, съ такими талантами, которые необходимы для того, чтобы понести часть ихъ (Епископовъ) тяжести (по дѣлу Епархіальнаго управленія); въ противномъ случаѣ за недостойный выборъ Епископы дадутъ отчетъ Господу Богу. При денежномъ взысканіи съ недостойныхъ Священниковъ Офиціялъ обязанъ былъ руководствоваться въ этомъ отношеніи опредѣленіемъ Замойскаго Собора и не уклоняться отъ установленной здѣсь таксы; но свободно могъ располагать и другими врачествами духовными, болѣе святыми и годными для исправленія недостатковъ, какъ то: временными заключеніями, духовными епитеміями..... Офиціялъ не долженъ былъ заграждать пути для законныхъ апелляцій къ Митрополиту, или къ высшему судилищу; въ противномъ случаѣ онъ самъ подвергался наказанію и даже лишался должности. Вообще Офиціяловъ ожидало суровое наказаніе, если они злоупотребляли своею властію, правомъ суда, или отказывались приводить въ исполненіе извѣстныя постановленія: въ этомъ случаѣ ихъ могъ судить самъ Епископъ. [871]

Иногда Епископъ не поставлялъ Офиціяла; въ такомъ случаѣ у него являлся Епархіальный Намѣстникъ. «Урядъ Намѣстництва Епархіальнаго есть судити справы цалыя діецезіи;» слѣдовательно, кругъ занятій Намѣстника былъ тотъ же самый, что и Офиціяла; вся разница въ томъ, что Намѣстникъ поставлялся въ большую зависимость отъ Епархіяльнаго Епископа. Не всѣмъ Епархіяльнымъ начальникамъ могла нравиться огромная власть

Офиціяловъ, и вотъ, вмѣсто ихъ, являлись иногда, довольно рѣдко, Генеральные Намѣстники; на рѣшенія Генеральныхъ Намѣстниковъ можно было подавать апеляцію Епископу, поступокъ, который относительно Офиціяла считался незаконнымъ, по тому что «судъ Епископскій и Офиціальскій тойжде и единъ есть.» [872]

Съ правами, не меньшими правъ Офиціяла, но гораздо приближеніе къ Епископу, былъ особенный чиновникъ, такъ называемый, Богословъ (Theolog). Его огромное вліяніе могло казаться незамѣтнымъ, по тому что, въ противоположность дѣятельности Офиціяла чисто внѣшней, было слишкомъ внутреннее, почти не выходило далѣе круга домашнихъ совѣщаній Епископа. Богословъ—это былъ ближайшій совѣтникъ Епископа во всякомъ случаѣ; по тому Замойскій Соборъ повелѣваетъ избирать въ этотъ санъ такихъ лицъ, которые, по своему благоразумію, благочестію и высокому образованію, заслуживали бы того, чтобы Епископъ могъ вполнѣ положиться на ихъ мнѣнія, какъ полезныя для управленія Епархіей. За правильнымъ выборомъ на эту, во всякомъ случаѣ, Офиціяльную должность наблюдалъ Митрополитъ. [873] Можно видѣть, какое огромное вліяніе на дѣла Епархіяльныя могъ имѣть Богословъ, по своей близости къ Епископу. Нужно думать, что и этотъ санъ главнымъ образомъ занимали Базиліяне. Еще на первой Конгрегаціи Базиліяне постановили, чтобы каждому изъ Епархіяльныхъ начальниковъ былъ приданъ въ помощники изъ ихъ среды одинъ опытный, надежный отецъ; его задача первоначально состояла въ томъ, чтобы при Епископѣ охранять пользы Ордена; [874] очень легко потомъ опытные Базиліяне могли расширить ее въ свою пользу со вредомъ для всей Епархіи. Богословъ, вмѣстѣ съ Офиціяломъ, испытывали готовящихся на служеніе Церкви; впрочемъ, въ этомъ случаѣ они были не болѣе, какъ почетными депутатами; первое мѣсто здѣсь принадлежало спеціяльнымъ Экзаминаторамъ.

По опредѣленію Замойскаго Собора, Экзаминаторы должны быть люди мудрые, опытные въ Законѣ Божіемъ и Каноническомъ Правѣ; они обязывались постоянно жить при каѳедрѣ и давали присягу на вѣрность прохожденія своей должности. Экзаминаторы обязывались тщательно испытывать «воспитаніе, лѣта, наклонности, образованіе и Вѣру» желающихъ получить священно-церковную степень, и только тѣ изъ нихъ удостоивались желае-

маго, кто оказался годнымъ, по мнѣнію Экзаминаторовъ, и получалъ удовлетворительное свѣдѣтельство. При экзаменѣ особенное вниманіе обращалось на Нравственное Богословіе. [875] Такъ какъ священный санъ давался только тому, кого находили способнымъ къ этому Экзаминаторы, то, по опредѣленію Замойскаго Собора, послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность, быть слишкомъ внимательными, чтобы не увлечься или какимъ ни будь обѣщаніемъ со стороны ищущихъ священства, или подкупомъ, страхомъ и вообще какою ни есть страстію, и не одобрять для посвященія такого, кто достоинъ отверженія, равно и на оборотъ, не отвергнуть того, кто достоинъ принятія и посвященія; они должны были дѣлать дѣло мудро и судить основательно, по тому что, принимая не годнаго и удаляя достойнаго, они, по замѣчанію Замойскаго Собора, сильно оскорбляютъ Бога, Святую его Церковь, и сами готовятъ себѣ тяжелое наказаніе. [876]

Судъ Экзаминаторовъ находилъ себѣ нѣкотораго рода повѣрку въ Авдиторѣ. Впрочемъ, повѣрка эта была слишкомъ узка и касалась только одной половины занятій Экзаминаторовъ. Оставляя безъ вниманія тѣхъ, которые признаны Экзаминаторами неспособными къ священнослуженію, Авдиторъ имѣлъ въ виду болѣе счастливыхъ, тѣхъ, которые вышли торжествующими, имѣли одобрительныя свѣдѣтельства, и даже удостоивались Священно-іерейскаго сана. Эти только лица и подвергались новому экзамену Авдитора. Нужно, впрочемъ, думать, что экзаменъ этотъ совершался не столько по предметамъ различныхъ наукъ, сколько по практикѣ церковной, такъ какъ многіе Священники въ этомъ отношеніи оказывались великими невѣждами. Авдиторъ этотъ былъ какъ бы чиновникъ особыхъ порученій при Епископѣ. Онъ постоянно жилъ при немъ и, кромѣ испытаній поставляемымъ въ Іереи, вѣдалъ еще всѣ тяжебныя дѣла (справы задворныи), которыя исключительно принадлежали суду Епископа, составляли его привилегію, или когда одна изъ тяжущихся сторонъ считала себя обиженною и хотѣла перевершить дѣло предъ судомъ Епископа: въ этомъ случаѣ Авдиторъ занималъ мѣсто Архипастыря, какъ его повѣренный. [877]

Каждому Епископу вмѣнялось въ обязанность имѣть при себѣ Канцлера или Писаря. Митрополитъ наблюдалъ за порядкомъ въ этомъ отношеніи, а тотъ Епархіяльный Начальникъ считался не-

радивымъ по отношенію къ дѣламъ церковнымъ, у котораго не было Писаря. Это былъ своего рода Секретарь Епископскихъ Канцелярій (Консисторій еще не знали), который обязывался слѣдить за ходомъ всѣхъ дѣлъ, касавшихся Епископіи, дѣлъ, какъ судебныхъ, уголовныхъ, такъ и гражданскихъ. У него была книга, куда вписывались имена всѣхъ, произнесшихъ исповѣданіе Вѣры. Въ другую книгу вписывались имена посвящающихся на церковныя степени, съ указаніемъ той степени, на какую кто посвященъ. Въ новую книгу записывались послѣдствія осмотровъ, съ подробнымъ описаніемъ всего, что принадлежитъ извѣстной церкви. У него была еще одна книга, называвшаяся отпустительною или разрѣшительною (Księga reskryptow, dyspensy), гдѣ, съ одной стороны, вписывались различные случаи изъ церковной практики, подлежащіе разрѣшенію Епископа, съ другой указывалось на даваемые Епископомъ отпусты, разрѣшенія грѣховъ, однимъ словомъ, пастырскія милости. Всѣ указанныя книги хранились подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Писаря, и онъ обязанъ былъ во всей цѣлости представлять ихъ Епархіяльному Начальнику.

Понятно, что область занятій Писаря была слишкомъ многосложна: въ его вѣдѣніи находился весь Епархіяльный Архивъ. Рѣдко съ кѣмъ изъ Епархіи ему не приходилось сталкиваться. Всякая справка по дѣламъ церковнымъ, гражданскимъ, или судебнымъ, всякое отношеніе къ Епископу, не могло обойтись помимо Писаря. Онъ понялъ свое положеніе, и нужно думать, по обычному порядку, захотѣлъ воспользоваться имъ. Говоря проще, онъ сдѣлался страшнымъ взяточникомъ, и только проситель съ деньгами могъ надѣяться на успѣхъ. Около времени Замойскаго Собора дѣло достигло такихъ размѣровъ, что самъ Соборъ рѣшилъ составить таксу, въ которой обозначалось, сколько во всѣхъ данныхъ случаяхъ требовалось вознагражденія Писарю за его труды. Эта такса помѣщалась потомъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ Канцеляріи, и каждый, имѣющій дѣло съ Писаремъ, уже напередъ могъ справиться о должномъ ему вознагражденіи. Но если бы кто осмѣлился требовать болѣе положеннаго, такой нарушитель соборнаго постановленія, кромѣ того, что лишался своей должности, долженъ былъ еще возвратить взятое съ лихвою и заплатить 500 золотыхъ (около 75 руб. сер.); послѣдними день-

гами Епископъ могъ распорядиться по своему усмотрѣнію, но совѣтовалось обращать ихъ на дѣла благочестія. [878]

Епископу вмѣнялось въ особенную обязанность дѣлать частые осмотры по своей Епархіи. Если по другимъ Епархіяльнымъ занятіямъ ему нельзя было сдѣлать этого лично, онъ вправѣ былъ назначить отъ себя особенныхъ Осмотрщиковъ (Визитаторовъ). Отъ этихъ послѣднихъ требовалось благочестіе, образованіе, опытность въ Каноническомъ Правѣ. Избравши Визитатора, Епископъ своею грамотою давалъ знать объ этомъ по всей Епархіи, съ увѣдомленіемъ о времени имѣющаго послѣдовать осмотра. Въ свою очередь, всѣ Предстоятели церквей, Настоятели монастырей, въ ближайшее Воскресенье, за Литургіей, должны были извѣстить своихъ прихожанъ о времени осмотра и напомнить, чтобы до его окончанія они собирались въ церковь съ первымъ ударомъ колокола и съ должнымъ почтеніемъ встрѣчали Визитатора. За день до осмотра, въ полдень начинался звонъ во всѣ колокола въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, получаса; этимъ давалось знать народу, чтобы онъ готовился къ завтрашнему торжеству. Церковь старались украсить по возможности; по крайней мѣрѣ, думали придать ей тотъ блескъ, какой имѣла она въ дни великихъ праздниковъ. Прибывшаго Визитатора Предстоятель встрѣчалъ въ своемъ домѣ съ колокольнымъ звономъ, который давалъ знать народу, что время собираться въ церковь. Предстоятель, между тѣмъ, распрашивалъ Визитатора о порядкѣ встрѣчи его въ церкви, и съ полученными свѣдѣніями поспѣшалъ въ церковь, чтобы упредить Визитатора. Когда входилъ Визитаторъ, Священникъ подавалъ ему бѣлую епитрахиль, давалъ поцѣловать крестъ, или мощи, такъ же кропило съ святою водою. Позволялось при этомъ сказать приличную рѣчь, только бы она не была продолжительна.

Въ церкви къ этому времени требовалось приготовить все для осмотра Визитатору. Завѣдывающіе церковными доходами должны были представить теперь точный отчетъ своихъ занятій. Представлялись метрическія книги. У священно-церковно-служителей спрашивалися инвеституры на священноцерковныя степени (ставленныя грамоты), грамоты отпускныя, если они переходили изъ одной церкви въ другую, или мѣняли Епархіи, инвеституры на бенефиціи и подавчіе листы. Спрашивались оригинальныя фундушевыя записи, грамоты, по которымъ что ни будь подава-

лось и приписывалось церквамъ, ихъ обыкновенные и частные доходы. Осматривались церковныя книги, сосуды, одежды; каждый Священникъ на особомъ листѣ обязанъ былъ написать и представить Визитатору свое имя и фамилію, Епархію, въ которой родился, церковь, которою правитъ. Если въ церкви были какія либо мощи, онѣ показывались Визитатору, съ указаніемъ доказательствъ ихъ истинности. Представлялся списокъ всѣхъ, не бывшихъ въ томъ году у Св. Причастія въ день Пасхи, равно и списокъ отъявленныхъ грѣшниковъ. Визитатора увѣдомляли, на сколько прихожане внимательны къ службѣ Божіей и къ св. церкви, отпускаютъ ли въ церковь родители своихъ дѣтей, Господа слугъ слушать катихизическія поученія, благовременно ли приносятъ дѣтей къ крещенію, есть ли приличная въ церкви крещальня, въ должномъ ли почтеніи сохраняется св. мyро. Визитаторъ спрашивалъ, умѣютъ ли бабы, въ случаѣ нужды, окрестить дѣтя, и подъ клятвою запрещалъ матерямъ спать вмѣстѣ съ дѣтятей, особенно, если ему не исполнилось еще и года, чтобы не задушить его. Далѣе освѣдомлялся, проповѣдуютъ ли священнослужители слово Божіе, какъ совершаютъ Таинства, не совершаютъ ли по частнымъ домамъ браковъ и крещенія, не даютъ ли браковъ Уніяты Латинянамъ и на оборотъ: въ томъ и другомъ случаѣ виновные подвергались наказанію; былъ вопросъ и о состояніи школъ, гдѣ онѣ были, охотно ли посылаютъ туда родители своихъ сыновей, каковъ наставникъ, нѣтъ ли наставницы для дѣвицъ? Визитатору представлялись и старшіе братчики: они показывали ему грамоты, данныя на основаніе Братства, привилеи, одпусты, вообще грамоты, которыми что ни будь подавалось этому Братству. [879]

Визитаторъ обязывался осматривать всякую церковь, если только она была приходская, всякую часовню, принадлежащую даже монастырю, если только она стояла отдѣльно. Не исключались Братства, основанныя при церквахъ, или монастыряхъ, даже вполнѣ свѣтскія Коллегіи, если въ своемъ вѣдѣніи они имѣли дѣла благочестія, призрѣніе, на пр., бѣдныхъ и тому под. Въ систему осмотра входили мужескіе и женскіе монастыри, если они не имѣютъ собственныхъ Визитаторовъ и не принадлежатъ Конгрегаціи Св. Тройцы (послѣдніе, какъ мы знаемъ, управлялись самостоятельно Протоархимандритомъ). Впрочемъ, и эти послѣдніе

не имѣли иногда права уклоняться отъ визитаціи Епархіяльнаго Визитатора. Если Епархіяльный Начальникъ замѣчалъ какіе либо безпорядки въ монастырѣ, подвѣдомственномъ Протоархимандриту, онъ дѣлалъ напоминаніе объ этомъ Старшему монастыря и Орденскому Визитатору, и требовалъ отъ нихъ исправленія безпорядковъ, возстановленія монашескаго благочинія. Если въ продолженіе шести мѣсяцевъ напоминаніе Епископа оставалось безъ всякихъ послѣдствій, Протоархимандритъ и Орденскій Визитаторъ не обращали на него вниманія, Епископъ поручалъ Епархіяльному Визитатору устроить дѣла въ Конгрегаціонномъ монастырѣ. Монастыри женскіе ни въ какомъ случаѣ не исключались отъ Епархіяльнаго осмотра.

Строгія были приняты мѣры противъ того, чтобы Визитаторъ не могъ злоупотреблять своимъ положеніемъ, чтобы самой осмотръ не былъ обременителенъ для церквей осматриваемыхъ. Прежде всего запрещалось Визитатору брать что ни будь, даже охотно, добровольно жертвуемое; этимъ показывалось, что осмотръ совершается не столько для собственной пользы, сколько для блага церкви. Требовалось только обезпеченное содержаніе Визитатору во все время его осмотра. Впрочемъ, и отъ этого освобождались болѣе бѣдныя церкви. Самое содержаніе предписывалось по возможности умѣренное, не изысканное, положительно запрещались всѣ банкеты, роскошныя угощенія; требовалось, однако, сообразоваться съ достоинствомъ и саномъ Визитатора; цѣна содержанія возвышалась соразмѣрно сану. Этому же соотвѣтствовало и сопровожденіе Визитатора. Оно увеличивалось въ числѣ по мѣрѣ возвышенія его сана. Если Визитаторомъ былъ не Епископъ, ему не позволялось брать съ собою больше одного Писаря и двоихъ служителей для собственныхъ услугъ. Если самъ Визитаторъ, или кто ни будь изъ сопровождавшихъ его, осмѣлился взять какую взятку, будь это Епископъ, онъ лишался права отправлять Епископскія обязанности; будь это Священникъ и ниже, онъ запрещался пользоваться правами той священной степени, какую имѣетъ. Осмотръ совершался въ возможно краткій срокъ. Запрещались всѣ ненужныя, лишнія, промедленія. Наблюденія Визитаторовъ съ собственнымъ мнѣніемъ записывались въ особую книгу, которая, какъ мы знаемъ уже, хранилась въ Епархіяльномъ Архивѣ, подъ вѣдѣніемъ Писаря. [880]

Генеральные, Епархіяльные, осмотры бывали довольно рѣдко: много одинъ разъ въ годъ, обыкновенно въ два, или три, года разъ. Но и въ это время отдѣльныя церкви и сами священнослужители не оставались безъ надзора. Въ Епархіи на каждое небольшое число церквей назначался одинъ старшій Священникъ, Архипресвитеръ или Деканъ (Благочинный); это было посредствующее лицо между Епархіяльною властію и подчиненными его вѣдѣнію церквами; на его имя писались оттуда всѣ распоряженія, которыя уже онъ оповѣщалъ въ своемъ Благочиніи. Въ свою очередь онъ опять доносилъ подробно Епархіяльному Начальнику о состояніи Вѣры и нравственности своего Благочинія. Деканъ прежде всего слѣдилъ, чтобы среди священнослужителей не было пьяницъ, или зараженныхъ другимъ какимъ либо порокомъ, проводящимъ соблазнъ въ паству; о такихъ, равно какъ и о нарушителяхъ декретовъ и постановленій Синодальныхъ, онъ доносилъ Епархіяльному Архіерею. Непремѣнно разъ, или два, въ годъ осматривалъ свое Благочиніе, наблюдалъ за чистотою и цѣлостію церковныхъ принадлежностей, одеждъ, книгъ, сосудовъ, старыя обветшавшія требовалъ замѣнить новыми. Сопутствовалъ Епархіяльнему Визитатору по своему Благочинію, знакомилъ съ его состояніемъ, принималъ распоряженія Визитатора, слѣдилъ потомъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Епархіяльному Архіерею представлялъ донесеніе о священно-церковно-служителяхъ, ихъ дѣтяхъ, особенно о тѣхъ, которые рѣшались поступить въ духовное, или свѣтское, званіе, съ указаніемъ именъ, лѣтъ, способностей. Давалъ знать о числѣ всѣхъ Викаріевъ и Провизовъ (Священниковъ, не имѣющихъ опредѣленнаго мѣста), о числѣ Неуніятскихъ хозяевъ, Православныхъ Священниковъ, или управляющихъ приходами, или переходящихъ съ одного мѣста на другое. Представлялъ свѣдѣнія о фундушевыхъ земляхъ и плацахъ, о лицахъ обоего пола, достигшихъ столѣтняго возраста, о наслѣдственныхъ коллаторахъ, поссессорахъ, съ указаніемъ ихъ фамилій и должностей, о числѣ школъ, учителей, учащихся. Представлялъ въ подлинникахъ присягу тѣхъ изъ священнослужителей, которые, при переходѣ изъ Православія въ Унію, съ клятвою отъ него отказывались; вводилъ въ должность приходскихъ Священниковъ-администраторовъ.

Для лучшаго ознакомленія съ ходомъ дѣлъ своего Благочинія, Деканъ имѣлъ разъ, или два, въ годъ свои Конгрегаціи или Соборъ

изъ подвѣдомыхъ Священниковъ. Не было опредѣленно узаконеннаго мѣста для подобныхъ собраній. Чтобы, такъ сказать, уравнять въ этомъ случаѣ пользу всѣхъ Священниковъ, разъ Конгрегація назначалась въ одномъ мѣстѣ, при извѣстной церкви, другой разъ въ другомъ, и т. д., пока очередь обходила всѣхъ Священниковъ, и потомъ снова повторялась таже исторія. Деканъ оповѣщалъ о мѣстѣ и времени Конгрегаціи. На мѣстѣ собранія назначалось соборное Богослуженіе, и одинъ изъ священнослужителей обязывался приготовить рѣчь. Потомъ раздавалось въ приходы св. мyро (разъ въ году), объявлялись Деканамъ различныя Епархіяльныя распоряженія, Указы. Священнослужители представляли метрическія книги, подробныя свѣдѣнія о своихъ приходахъ, о самихъ себѣ: давали знать, какова церковь, изъ чего построена, не требуетъ ли починки, сколько фундуша и аннуаты (годовой доходъ), много ли въ приходѣ домовъ, сколько при церкви подданныхъ мужескаго пола, указывалась фамилія Священника приходскаго, или администратора, ихъ мѣсто, время посвященія, служенія церкви, мѣсто воспитанія, образованіе, состояніе и званіе родителей, лицо посвятившее, конечный срокъ администраціи, аппробаты (объ этомъ сейчасъ будемъ говорить), число, занятія, лѣта и способности священно-церковно-служительскихъ дѣтей, оставшіяся вдовы, средства ихъ содержанія, администраторы, а новопосвятившіеся Священники вносили теперь извѣстную количество денегъ въ пользу Епархіяльной Канцеляріи, первые за грамоту на право администраціи, послѣдніе за аппробату. Но важнѣйшую часть Конгрегаціонныхъ собраній занимали экзамены. Испытывались установленными экзаменаторами всѣ священнослужители, особенно по Догматическому и Нравственному Богословію. Изъ того и другого предварительно назначались для приготовленія извѣстные только отдѣлы. [881]

Послѣднимъ и самымъ отдаленнымъ помощникомъ Епископа былъ Священникъ. Главнѣйшею его обязанноссію было совершеніе Таинствъ для своихъ прихожанъ. Замойскій Соборъ довольно подробно опредѣляетъ [882] какъ образъ ихъ совершенія, такъ и способъ приготовленія къ этому самого пастыря. Особенное вниманіе обращалось на проповѣданіе слова Божія и исповѣдь. Въ каждое Воскресенье и праздникъ Священникъ обязывался говорить народу приличное поученіе и, для облегченія по этому слу-

чаю занятій Священника, Замойскій Соборъ поручилъ Митрополиту составить и напечатать книгу «Сборникъ поученій,» приличныхъ на дни праздничные и воскресные всего года, которыя въ указанные дни могъ бы читать Священникъ, за недостаткомъ своихъ собственныхъ. Кто, по этому случаю, замѣчался въ нерадѣніи, наказывался своимъ Деканомъ денежнымъ взысканіемъ въ десять золотыхъ (полтора руб. сер.), которыя (деньги) обращались въ пользу мѣстной же церкви. Если подобное нерадѣніе продолжалось, и послѣ увѣщанія Епископскаго не видѣлось исправленія въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, нерадивому Священнику запрещалось пользоваться правами своего сана. [883] Кромѣ поученій за богослуженіемъ Священникъ обязывался еще, по его окончаніи, учить прихожанъ «наукѣ Христіянствѣй.» [884] Для Христіянскаго совершенія исповѣди Священникамъ давалась въ руководство цѣлая книга «Pamiętnik dla kapłanow spowiednikow,» напечатанная, вмѣстѣ съ Актами дѣяній Замойскаго Собора (въ Польскомъ переводѣ), и здѣсь подробно (самая книга въ 226 страницъ, но не указано время и мѣсто печатанія) разсматриваются правила поведенія самого духовника, правильность совершенія исповѣди и исповѣдная казуистика, какъ долженъ поступать духовникъ во всевозможныхъ случаяхъ при исповѣданіи самыхъ разнообразныхъ прегрѣшеній. Такъ какъ совершеніе извѣстнаго Таинства могло потребоваться во всякое время, то Священнику запрещалось отлучаться куда бы то ни было отъ своего прихода. Если бы этого требовали обстоятельства, Священникъ напередъ долженъ былъ извѣстить объ этомъ Декана, чтобы тотъ могъ назначить другого вмѣсто него, для совершенія требъ; если и этого нельзя было сдѣлать, Священникъ обязывался, по крайней мѣрѣ, объявить прихожанамъ, что онъ намѣренъ отлучиться, чтобы въ ближайшіе праздники для слушанія богослуженія они могли отправится въ сосѣднюю церковь, и тамъ совершить всѣ требы. Подобное отсутствіе не могло продолжаться долѣе трехъ недѣль, и то только въ крайности, съ разрѣшенія Декана; кто поступилъ бы иначе, тотъ наказывался деньгами въ пятьдесятъ золотыхъ, которыя обращались въ пользу церкви. Кому было необходимо отлучиться на большій срокъ, или кто желалъ перемѣститься въ другую Епархію, такимъ необходимо было брать отпускныя грамоты отъ своего Епископа. Священникъ былъ ближайшій надзиратель за

нравственностію народа, смотрѣлъ за исполненіемъ церковныхъ Каноническихъ предписаній, отвѣчалъ за чистоту, цѣлость церкви, всѣхъ ея принадлежностей. Каждый Священникъ долженъ былъ имѣть у себя четыре различныя книги: въ одной записывались всѣ прихожане, въ другой крестившіеся, въ третьей вступившіе въ бракъ, въ четвертой умершіе. Кто не имѣлъ этѣхъ книгъ, наказывался штрафомъ въ 50 золотыхъ. Въ особой книгѣ указывалось, сколько лѣтъ каждому прихожанину, мѵропомазанъ ли и причащался ли въ день Пасхи; знаетъ ли все необходимое для спасенія, посѣщаетъ ли приходскую церковь, выплачиваетъ ли десятину, не замѣченъ ли въ какомъ ни будь порокѣ, заботится ли о воспитаніи своихъ дѣтей; указывались такъ же личности, особенно отличающіяся какими ни будь хорошими качествами. [885]

Лицо, получившее священный санъ, и даже уже пользовавшееся его правами, во многихъ случаяхъ подвергалось запрещенію. Это наказаніе прежде всего касалось постановленныхъ не по Каноническимъ Уніятскимъ правиламъ, именно: когда кто получалъ священный санъ «про запасъ,» не имѣя ни прихода, ни средствъ къ содержанію, посвятившійся безъ узаконеннаго числа лѣтъ (30 для Священника, 25 для Діякона), безъ позволенія получившій въ одинъ день три степени: Иподіяконскую, Діяконскую, Іерейскую; посвятившійся отъ Епископа другой Епархіи; посвятившійся сперва въ Іереи, потомъ въ Діаконы, получившій посвященіе отъ Епископа проклятаго, запрещеннаго, или извѣстнаго по своей Симоніи, такъ же отъ Епископа добровольно отказавшагося отъ Епископіи, получившій посвященіе посредствомъ Симоніи, будучи подъ клятвою: «святяйся украдкомъ, коли, наприкладъ, много будетъ святитися, а не потребный къ посвященію всунется;» посвятившійся, имѣя другую жену, Священникъ, совершающій Литургію, и за ней не причищающійся: всѣ эти лица на годъ отлучались отъ причастія. Служащій въ мѣстѣ запрещенномъ, до времени удовлетворенія за преступленіе, запрещается входить въ церковь. Отлучаются отъ причастія, недокончивающіе по уставу богослуженія; запрещается входить въ церковь преподающій Таинства проклятымъ, или погребающій ихъ; тому же подвергается дающій бракъ чужому прихожанину; Свящепникъ, одѣвающійся въ свѣтскія одежды, на шесть мѣсяцевъ ли-

шается доходовъ съ своего прихода; если кто побилъ Священника, когда тотъ ходилъ въ свѣтскомъ платьѣ, онъ не подвергается наказанію, тогда какъ вообще за побои, нанесенные священнослужителю, духовный судъ на виновнаго произносилъ клятву; запрещенію подвергался задолжавшій на церковь, подъ предлогомъ церковныхъ нуждъ, и незаконно забирающій въ свою пользу имущество какого либо монаха, или Епископа, по смерти того, или другого; на три года лишался правъ своего сана, поставленный на него чрезъ протекцію свѣтскихъ лицъ, самое поставленіе считалось не важнымъ; запрещенію на годъ подвергался судія духовный, произносящій судъ несправедливый; допускающіе, что Пресвятая Дѣва Марія зачата въ первородномъ грѣхѣ, отлучаются отъ всѣхъ Таинствъ, лишаются правъ своего сана; разрѣшить ихъ можетъ только Римскій Папа; дающіе присягу на схизму лишались всѣхъ священныхъ правъ; запрещенію подвергались выходящіе на поединокъ и запятнавшіе себя разнаго рода пороками; убійца лишается сана, не можетъ дѣлать завѣщаній и рѣшительно не можетъ быть терпимъ въ Церкви. [886]

Чтобы упредить число преступленій въ священномъ санѣ, Уніятскія власти принимали предварительно очень много средствъ, чтобы давать священный санъ только лицамъ вполнѣ надежнымъ. Тѣ, которые желали получить священный санъ, за два мѣсяца до самого посвященія обязывались донести мѣстному Декану о своемъ желаніи, записать ему свое имя и фамилію. Деканъ отобранныя свѣдѣнія представлялъ Епархіяльному Архіерею, или его Офиціялу. Наряжалась инквизиція, т. е., испытаніе о лѣтахъ, происхожденіи, образѣ жизни и поведеніи аспиранта (такъ назывался ищущій священнаго сана). Епархіяльное начальство давало знать Благочинному, что оно назначаетъ отъ себя извѣстныхъ Коммисаровъ, которые должны были произвесть осмотръ, или при церкви мѣста жительства самого аспиранта, или при сосѣдней. [887] Деканъ, въ свою очередь, оповѣщалъ прихожанъ той церкви, къ которой принадлежалъ аспирантъ, объ его намѣреніи, назначалъ мѣсто и время осмотра, и изъ числа упомянутыхъ прихожанъ приглашалъ достойныхъ свѣдѣтелей для совершенія осмотра, назначая статьи, на которыя они должны были свѣдѣтельствовать при Коммисарахъ. Требовалось узнать происхожденіе, званіе, состояніе аспиранта, его занятія, до этого времени, гдѣ

получилъ образованіе, въ какомъ году, мѣсяцѣ и днѣ былъ крещенъ, муропомазанъ и кѣмъ; по какой причинѣ поступаетъ въ духовное званіе, хочетъ ли принять посвященіе холостымъ, или намѣренъ вступить въ законный бракъ; распрашивали, какого поведенія, и не былъ ли подъ судомъ, имѣетъ ли достаточныя средства для своего содержанія. [888]

На послѣдній вопросъ обращалось особенное вниманіе. Требовалось, чтобы посвящающійся имѣлъ или свое имѣніе, или жилъ въ монастырѣ, или имѣлъ приходъ, «абы волочачися по свѣтѣ, не давалъ згоршенія людемъ свѣцкимъ.» Епископъ, посвятившій внѣ этихъ условій, обязывался самъ придумать содержаніе для посвященнаго, а послѣдній запрещался пользоваться правами сана. Большею частію ставились въ Священники на приходъ. Но въ то время почти всѣ приходы были въ поданьи или у самыхъ прихожанъ, или отдѣльныхъ патроновъ, коллляторовъ, или даже у Короля. [889] Какъ бы то ни было, только во всякомъ случаѣ требовалось получить первоначально презенту (грамоту), которою патронъ соглашался принять извѣстное лицо Священникомъ въ свой приходъ; безъ нея Епархіяльный начальникъ не могъ поставить Священника въ приходъ извѣстнаго коллятора. Гораздо легче дѣлалось дѣло, если приходъ зависѣлъ или отъ прихожанъ, или отъ Короля: первые и послѣдній болѣе, или менѣе, дѣйствовали благонамѣренно, заботились о томъ, чтобы у нихъ дѣйствительно былъ достойный священнослужитель и, давая презенту, обращали главное вниманіе на достоинства избираемаго. Но большинство частныхъ патроновъ, или коллляторовъ, видѣло въ этомъ случаѣ или особенную статью дохода и давало презенты не иначе, какъ за деньги, [890] который не всегда могъ выплатить Священникъ и, пробывъ въ приходѣ годъ, два, принужденъ былъ отъ него отказаться, или, что еще хуже, давало презенты такимъ лицамъ, своимъ дворовымъ людямъ, о которыхъ знало, что, послѣ посвященія, они будутъ слѣпыми орудіями въ ихъ рукахъ, и, такимъ образомъ, не только церковный доходъ и имѣнія перейдутъ въ ихъ руки, но и самыя дѣла церковныя этого прихода будутъ зависѣть отъ ихъ рѣшенія. Сильно вооружается противъ такого зла Замойскій Соборъ. Если кто патрону того бенефиціумъ, на которое хочетъ посвятиться, или обѣщалъ что нибудь за презенту, или заплатилъ, такого не допускали къ по-

священію и навсегда лишали этого права, и чтобы предотвратить тайный обманъ, каждый, получившій презенту, обязывался произнесть присягу до времени посвященія: «Я, такой-то, имѣющій презенту на такой-то приходъ, клянусь симъ Святымъ Евангеліемъ, котораго касаюсь моими руками, что для полученія этого бенефиціумъ, такъ же презенты на него, или номинаціи, ни я самъ, ни кто либо другой моимъ именемъ, или по моей просьбѣ и съ моего вѣдома, господину коллятору, или патрону, или кому ни будь другому, не далъ и не обѣщалъ ни малѣйшей вещи; не было и того, чтобы я принялъ на себя его долгъ, или заплатилъ за этотъ послѣдній, не далъ ему денегъ въ долгъ и не прощалъ уже существующаго, ни я самъ, ни кто другой моимъ именемъ, или съ моего вѣдома, не дарили и не обѣщали ни дарить, ни простить, ни арендовать церковныхъ домовъ, земель, имѣній, доходовъ, десятинъ и приношеній, какъ считающихся за нимъ въ прошломъ, такъ настоящихъ и слѣдуемыхъ въ будущемъ: въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и Его Св. Евангеліе!» Присягу принималъ Епископъ. Колляторы подвергались проклятію, если что либо брали за презенты, или непосредственно сами, или посредственно, чрезъ кого ни будь другого. «Не могутъ ничего брати ктиторове; бо тылько суть опекунове добръ церковныхъ, бардзо щуплыхъ; зъ тыхъ причинъ: грунты церковныи суть дарованыи Богови и зостаютъ грунтами святыми, церковь тежъ, и вси ея спряти святіи суть для того; той ктиторъ, который что беретъ за презентацію, грѣшитъ смертельне, впадаетъ въ Симонію и клятву; бо уже тыи грунты не суть его, але Божіи, церковныи и отданыи въ шафунокъ Епископскій, а ктиторъ тылько маетъ власть человѣка, стараючагося о парохію презентовати и залѣцати Епископови. Хотяй бы и вольно было ктиторомъ брати за презенты, самое сумене не кажетъ того чинити; бо ктиторъ парохіи, т. е., администрацѣи, сакраментовъ дати не можетъ, поневажъ то не есть въ его власти, але въ власти Епископа, за которую администрацію а ни самъ Епископъ можетъ вымагати, подъ карою Симоніи, грѣху смертельнаго и запрещенія.» Приняты были особыя, новыя, правила, опредѣляющія какъ самое понятіе колляторства, такъ и его отношенія къ своей догаціи. Коллляторомъ могъ быть только тотъ, кто «de nova radice» строилъ костелъ, плебанію, или монастырь, изъ своихъ собственныхъ, или

наслѣдственныхъ, имѣній, дѣлать какія ни будь огромныя приношенія, изъ которыхъ на будущее время могло быть постоянное содержаніе. Сдѣлавши извѣстную фундацію, коллаторъ обязывался просить у Епископа подтвердительной грамоты на ея существованіе; если Епископъ находилъ достаточною эту фундацію, онъ ее принималъ, утверждалъ, какъ дѣло святое и пріятное Богу, и коллатору выдавалъ грамоту на право колляціи, и коллаторъ не имѣлъ теперь уже права вмѣшиваться въ управленіе, доходы церковные, или монастырскіе; за нимъ оставалось только право «jus praesentandi», т. е., когда умиралъ наличный Священникъ, онъ давалъ презенту тому, кого хотѣлъ имѣть Священникомъ въ въ своей фундаціи, и когда презентованный возметъ отъ Епископа инвеституру и вступитъ въ управленіе церковію и ея имѣніемъ, коллаторъ снова устраняется отъ всякого вмѣшательства, онъ могъ только слѣдить за правильнымъ употребленіемъ имущества церковнаго Священникомъ и, въ случаѣ злоупотребленія, доносить Епархіяльному суду. Если же коллаторъ осмѣливался вмѣшиваться въ ходъ церковныхъ дѣлъ, онъ терялъ право колляціи и подвергался отлученію. [891]

Если презента была получена законно, и получившій не имѣлъ ни какихъ каноническихъ препятствій къ посвященію, [892] онъ допускался къ осмотру. Необходимые при этомъ свѣдѣтели предъ лицомъ прибывшихъ Коммисаровъ приводились къ присягѣ. «Я такой-то, говорилъ каждый свѣдѣтель, клянусь Всемогущимъ Господомъ Богомъ, въ Св. Троицѣ единымъ, что на все то, о чемъ будутъ спрашивать меня на семъ осмотрѣ относительно господина такого-то, буду отвѣчать по всей справедливости и ни въ чемъ не скрою истины, ни что не увлечетъ меня, ни дружба, ни какіе либо подарки, ни напоминанія, ни просьба, ни увѣщанія, ни соблазны; но что знаю, и какъ знаю, все это выскажу теперь на осмотрѣ, безъ зазрѣнія совѣсти, предъ Богомъ и святою справедливостью, въ чемъ и клянусь истинно; такъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ и всѣ Святые!» [893] Послѣ этого приступали къ самому допросу. Мы знаемъ уже, на какія статьи требовалось разъясненіе. Отобранныя показанія записывались и запечатанныя отсылались Деканомъ къ Архіерею. Иногда ихъ относили туда сами же аспиранты, отправляющіеся къ Епископу для посвященія. [894]

Тутъ ожидали ихъ новыя испытанія. Отъ будущаго священнослужителя требовалось, чтобы онъ зналъ то дѣло, за которое принимается (особенно совершеніе Таинствъ и приходскихъ требъ), чтобы, такимъ образомъ, онъ могъ удовлетворить требованіямъ своего служенія. Для этого аспирантъ обязывался до посвященія жить при каѳедрѣ шесть недѣль и изучить весь кругъ церковныхъ службъ. Архіерей назначалъ ему Директора, подъ руководствомъ котораго онъ долженъ былъ совершать духовныя упражненія и изучать все то, что относится къ священнослуженію. Кто изъ аспирантовъ не имѣлъ отъ Директора свѣдѣтельства о совершенныхъ духовныхъ упражненіяхъ, съ хорошей отмѣткой Директора, тотъ не допускался не только къ посвященію, но даже къ послѣднему, торжественному, испытанію, которое имѣло наступить теперь и производилось спеціяльными экзаминаторами уже главнымъ образомъ по предметамъ церковной науки, въ присутствіи Епископа, Офиціяла и другихъ лицъ. Послѣ удовлетворительнаго экзамина наступало, наконецъ, посвященіе. Запрещалось вдругъ возводить въ священный санъ. Въ одинъ день можно было только поставить сначала въ Чтеца, потомъ Поддіякона, дальше уже нельзя было рукополагать въ этотъ день. Для полученія степени Діяконскоій требовался промежутокъ времени въ десять дней; тоже для полученія Іерейскаго сана послѣ Діяконскаго. [895] Послѣ посвященія давалась ставленная грамота и Благочинному предписывалось ввести въ должность новаго священнослужителя. [896] Такой самостоятельный Священникъ назывался Парохъ, Плебанъ.

Считалось неприличнымъ ставить къ одной церкви нѣсколько Пароховъ. По взгляду Замойскаго Собора, это равнялось бы тому, если бы у одной жены было нѣсколько мужей. Если же гдѣ, по многочисленности прихожанъ, было недостаточно единичныхъ силъ одного Священника, тамъ, по согласію Пароха, позволялось ставить ему помощника, который назывался Коадъюторомъ или Викаріемъ Плебана. Требовалось только, чтобы матеріяльныя средства церкви были такъ достаточны, чтобы на нихъ можно было содержаться и Пароху и его Викарію. Викарій обязывался тщательно исполнять свои обязанности относительно Пароха. Безъ воли Епископа и согласія своего Пароха, онъ не

могъ отлучиться отъ мѣста жительства, иначе навсегда терялъ право своего сана. [897]

Первая степень повышенія для Викарія состояла въ администраціи. Умиралъ извѣстный Пароxъ, церковь оставалась свободною. Съ одной стороны Деканъ доносилъ Епископу о такой Парохіи и умершемъ Парохѣ, съ другой летѣли къ нему прошенія отъ Викаріевъ, дать имъ въ администрацію осиротѣвшій приходъ. Епископъ по своему усмотрѣнію дѣлалъ выборъ, давалъ знать объ этомъ Благочинному съ предписаніемъ ввести избраннаго кандидата въ управленіе порученною Парохіей. Администраторъ пользовался всѣми правами Пароха; для этого ему давалась грамота, но только на самое незначительное время, не болѣе, какъ на полгода. За эту грамоту на право администраціи администраторъ обязывался вносить извѣстную сумму денегъ (около 2 руб. сер.), и правами администратора могъ пользоваться не болѣе назначеннаго времени. Впрочемъ, въ это время ему позволялось, даже вмѣнялось въ обязанность, позаботиться объ инсталляціи, то е., о пріобрѣтеніи, съ одной стороны, презенты, съ другой о конфирмаціи этой презенты, чтобы, такимъ образомъ, окончательно закрѣпить за собою всѣ права Пароха, сдѣлаться настоящимъ Плебаномъ. [898]

Когда администраторъ, получивши презенту, обращался за посвященіемъ (инсталляціей) къ Архіерею, ему назначался новый осмотръ. Епископъ извѣщалъ Декана о желаніи администратора, отправлялъ отъ себя Коммисаровъ, съ предписаніемъ Декану, чтобы отъ себя онъ оповѣстилъ прихожанъ администратора о имѣющемъ совершиться надъ нимъ осмотрѣ, назначилъ для этого опредѣленный срокъ и пригласилъ въ свѣдѣтели самихъ прихожанъ. Самъ Архіерей предписывалъ и статьи, на которыя требовалось дать отвѣты. Обыкновенно спрашивалось, какъ велъ себя администраторъ во время администраціи, былъ ли усерденъ къ Богослуженію и въ отправленіи приходскихъ требъ, сохранялъ ли трезвость, не подавалъ ли какимъ бы то ни было образомъ соблазна своимъ прихожанамъ; какой фундушъ имѣетъ церковь, достаточный ли «pro victu et amictu» для Пароха, есть ли какія нибудь фундушевыя записи, тщательно ли велъ записи въ метрическихъ книгахъ, есть ли самыя книги, и во время администраціи не отлучался ли изъ парохіи, цѣтъ ли какого обмѣна церковныхъ зе-

мель, и если есть, то на какомъ основаніи это допущено, есть ли какіе для этого документы, всегда ли аккуратно бывалъ на экзаменахъ у назначенныхъ экзаминаторовъ, на Деканскихъ Конгрегаціяхъ, и основательно ли знаетъ Нравственное Богословіе, своихъ прихожанъ за Богослуженіемъ учитъ ли молитвамъ и Символу Вѣры? Приглашенные свѣдѣтели, какъ и въ перваго рода осмотрѣ, давали присягу не обинуясь сказать истину, по тому что видятъ предъ собою самаго Всевидящаго Бога. Отобранныя показанія отсылались Деканомъ въ Епископскую Канцелярію, и, если говорили въ пользу администратора, онъ удостоивался званія Пароха, Плебана. [899]

Кромѣ этого рода Уніятскихъ Священниковъ, были еще другіе съ новыми названіями. Какой ни будь Уніятъ вельможа отдѣлялъ одну изъ своихъ комнатъ для домовой церкви, и ему хотѣлось имѣть собственнаго, такъ сказать, Священника. Являлись охотники, которые съ удовольствіемъ принимали подобныя лестныя приглашенія, и вотъ въ домѣ вельможи поселялся Священникъ. Онъ назывался Капелланомъ. Его обязанностію было совершать Богослуженіе только для того дома, въ которомъ онъ живетъ, и то по распоряженію самого пана. Онъ не имѣлъ права совершать требы для прихожанъ какого бы то ни было прихода. Не нравился Капелланъ пану, или умиралъ самъ панъ, въ томъ, и другомъ, случаѣ Капеллану приходилось проститься съ мирнымъ пріютомъ и искать средствъ содержанія въ другомъ мѣстѣ. Такіе Священники назывались Провизами (промышляющими о себѣ). Надъ ними тяготѣло прежнее запрещеніе совершать кому бы то ни было требы, особенно принимать на исповѣдь. Прежде еще можно было мириться съ нимъ, но теперь только въ отправленіи требъ и можно было надѣяться на полученіе средствъ къ содержанію. Провизъ обращался къ Епархіяльному начальнику дать ему право совершать церковныя требы; требовалась при этомъ отъ Провиза извѣстная сумма денегъ, и Епископъ давалъ ему грамоту, которая называлась аппробатой. Теперь Провизъ безнаказанно могъ заняться церковною практикой. Аппробата, впрочемъ, имѣла только значеніе на извѣстный срокъ. Если въ продолженіе этого срока Провизъ не успѣлъ занять опредѣленнаго мѣста, ему необходимо было просить о новой аппробатѣ, или онъ лишался права совершать требы. [900]

У Плебана, особенно въ многочисленномъ приходѣ, часто, кромѣ Викарія, былъ другой еще помощникъ, Діяконъ. Правда, что и Церковь Уніятская видѣла въ этомъ санѣ третью, низшую, степень Церковной Іерархіи, но здѣсь онъ получилъ нѣкоторыя своеобразности, которыя давали право видѣть въ Діяконѣ не болѣе, какъ помощника Пароха. Кромѣ обычныхъ занятій сослуженія Іерею при священнослуженіи, Діяконъ въ Уніятской Церкви смотрѣлъ за бѣдными, обязанъ былъ помогать Священнику въ проповѣданіи слова Божія, въ отсутствіи Священника онъ совершалъ крещеніе (не позволялось совершать муропомазанія), давалъ причащеніе, погребалъ умершихъ.[901]

Очень немало еще было чиновъ ниже Діякона. Иподіяконъ приготовлялъ Іерею священные сосуды для совершенія Литургіи, при богослуженіи одѣвалъ въ священныя одежды Епископа, Священника, читалъ по временамъ Дѣянія, Апостолъ. Екзорциста спеціяльно занимался прогнаніемъ бѣсовъ изъ людей, ими одержимыхъ; впрочемъ, эта должность скоро начала соединяться съ саномъ священнослужителей. Свѣщеносецъ приготовлялъ для Литургіи хлѣбъ и вино, на престолѣ возжигалъ свѣчи, подавалъ кадило; Чтецъ и Пѣвецъ читалъ Псалтырь, Пароміи, училъ оглашенныхъ Вѣрѣ, пѣлъ въ церкви священныя пѣсни; Вратарь отпиралъ и запиралъ церковныя двери, смотрѣлъ за цѣлостью одеждъ священнослужителей, не пускалъ въ церковь людей проклятыхъ, еретиковъ, Евреевъ, звонилъ къ Богослуженію.[902] Это были послѣднія, такъ сказать, заключительныя ступени въ огромной Іерархической лѣстницѣ Уніятской Церкви, которая, впрочемъ, имѣла отношеніе только къ бѣлому духовенству. Базиліяне еще прежде составили свою плотную, самостоятельную корпорацію, теперь канонизованную, такъ что ихъ почти не коснулось дѣяніе Замойскаго Собора; напротивъ, имѣя въ своей власти и вещественныя и умственныя богатства, они простерли свое вліяніе и на Епархіяльное управленіе и, до половины XVIII вѣка, почти исключительно давали изъ среды себя Офиціяловъ, Визитаторовъ, иногда и Декановъ. Соборное установленіе Уніятскаго церковнаго управленія мы относимъ къ Замойскому Собору. Правда, что не все, сказанное нами объ этомъ предметѣ, можетъ находить для себя подтвержденіе въ подлинныхъ актахъ дѣяній Замойскаго Собора, но нужно думать, что на Соборѣ дѣлалось и поставлялось нѣ-

сколько болѣе того, что сказано въ самихъ актахъ. Къ такому заключенію приводятъ книги, изданныя по опредѣленію Замойскаго Собора, [903] и многія грамоты Уніятскихъ Митрополитовъ и Архіереевъ, которыя положительно основываются на свѣдѣтельствахъ Замойскаго Собора, въ томъ, чего или вовсе нѣтъ въ печатныхъ актахъ дѣяній Замойскаго Собора, или о чемъ упоминается тутъ мимоходомъ. [904] Новыя основанія для своего положенія мы встрѣтимъ нѣсколько ниже, а теперь должны сказать, что Замойскій Соборъ положилъ опредѣленныя, отличительныя основанія для всего внутренняго склада Церковно-Уніятской жизни. Базиліяне въ этомъ отношеніи были главными дѣятелями, и, давши своему дѣлу соборной канонической характеръ, поставили его «правиломъ Вѣры и дѣятельности,» и относительно хода церковнаго управленія, самымъ лучшимъ, единственнымъ основаніемъ. [905] Уніятская Церковь увидѣла себя какъ бы устроенною, казалось, ея представители были слишкомъ щедры, и представили ей богатый, роскошный, нарядъ. Но не замѣчали они, какимъ водились духомъ при устройствѣ своей Церкви, не только Уніяты, (исключая, конечно, Базиліянъ), даже Римскій Дворъ ужаснулся того характера подлинныхъ дѣяній Замойскаго Собора, съ какимъ были представлены они въ Римъ. [906] Такъ далеко уклонились Базиліяне отъ духа и первоначальнаго направленія Уніятской Церкви, такъ забыли они планъ и намѣренія Потѣя.

XVII.

Латинскій характеръ устройства Церковно-Уніятскаго управленія въ частности и вообще дѣяній Замойскаго Собора. Слѣдствія этого.

Мы знаемъ уже, что по мысли Замойскій Соборъ былъ не что иное, какъ продолженіе Люблинскаго Съѣзда. Если тамъ удалось сторонѣ противной разбить планы Базиліянъ, то теперь они приняли всѣ мѣры для своей безопасности. По тому, по сознанію самыхъ Уніятовъ, рѣшительно вопреки Каноническому праву, въ первомъ оповѣщеніи объ открытіи Синода приглашались сюда только Базиліяне. [907] Понятно, какой характеръ могли дать своимъ дѣяніямъ эти послѣдніе, особенно, если вспомнимъ тѣ об-

стоятельства, при которыхъ и для которыхъ созывался Соборъ (о нихъ сказано выше). Одно наполненіе Уніятской Церкви чинами, на половину ей не извѣстными и взятыми изъ Церкви Латинской, чинами, которые всѣ съ этого времени удержали за собою названія Латинскія, сильно говоритъ въ пользу сближенія Уніи съ Латинствомъ. Не говоримъ уже о правахъ и соотношеніи этихъ чиновъ между собою. Стоитъ только вспомнить о верховной, безаппелляціонной власти Папы, объ ограниченіи правъ Митрополита и Епископовъ, и даже каноническомъ униженіи ихъ сана предъ величіемъ Римскаго Первосвященника, о совершенномъ выдѣленіи участія свѣтскихъ лицъ въ дѣлахъ церковныхъ, даже Коллаторовъ и отчасти бѣлаго духовенства: все это такія черты, которыя слишкомъ напоминаютъ Латинство. И не удивительно: въ основаніе устройства Уніятской Церкви Базиліане положили постановленія Тридентскаго Собора. [908] Все Церковное, правленіе послѣ этого они стали преобразовать по установленному образцу. [909] Тѣмъ болѣе чины нововведенные (Офиціялъ, Генеральный Намѣстникъ, Визитаторъ и другіе) сохранили свой первоначальный характеръ и ясно давали знать о своемъ Латинскомъ происхожденіи. [910] Постановленія о правѣ патронатства и нѣкоторыя другія (о положеніи Пароховъ, приходскихъ церквей....) почти буквально взяты изъ Тридентскаго Собора. [911]

Еще далѣе по этому пути пошли Базиліане, въ устройствѣ своей Церковно-Уніятской жизни и практики. Соборно было произнесено исповѣданіе Вѣры, въ которомъ торжественно признавалось исхожденіе Св. Духа «и отъ Сына,» приняты всѣ Соборы съ ихъ постановленіями, которыя когда либо были открыты Папою, различныя Римскія нововведенія, главенство Папы, Чистилище, дѣйственность индульгенцій вообще, на Соборѣ съ клятвою обѣщались принять и исповѣдывать все то, что принимаетъ и исповѣдуетъ Св. Римская Церковь. Этого мало: на Соборѣ Отцы дали присягу, что не только сами сохранятъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ находиться въ ихъ вѣдѣніи, къ которымъ будутъ имѣть какое либо отношеніе, они постараются обратить, наставить на путь этой «правой, истинной Вѣры (исповѣданной на Замойскомъ Соборѣ), безъ которой никто не можетъ спастись, не сохранивъ ея до послѣдняго издыханія.» [912] Постановлено было отпечатать произнесенную формулу Вѣры и въ многочисленныхъ

экземплярахъ разослать по всѣмъ церквамъ Уніятскимъ. Каждый поставляющійся на извѣстную священную или іерархическую степень былъ обязанъ произнесть предварительно исповѣданіе Вѣры по заготовленной формулѣ. [913] «Filioque» приказано было прибавлять во всѣхъ случаяхъ къ Символу Вѣры, если только его приходилось печатать: кто поступалъ иначе, тотъ подозрѣвался въ ересѣ. [914] Подъ страхомъ наказанія запрещено сношеніе съ Православными пастырями. Священники должны были имѣть на головѣ тонсуру, т. е., стричь волосы. При совершеніи Таинства крещенія запрещено было произносить въ формулѣ Таинства три раза Аминь. [915] Формулою Таинства Евхаристіи признано: «Сіе есть тѣло мое» и, проч. [916] Отмѣненъ обычай освящать запасные для больныхъ дары въ Великій Четвертокъ. [917] Съ разрѣшенія Епископа позволялось совершать Литургію въ частномъ домѣ. [918] Введены при богослуженіи различные Латинскіе сосуды: тувальни, корпоралъ и другіе. [919] Установлено своеобразное совершеніе Таинства Елеопомазанія. [920] Введены новые не Православные праздники, [921] устранены Православные. [922] Всѣ богослужебныя книги должны были согласоваться съ тѣмъ изданіемъ, которое имѣлъ сдѣлать Замойскій Соборъ и которое утвердитъ Св. Римская Столица. [923] Впрочемъ, нужно думать, что всѣ эти нововведенія были слишкомъ еще ничтожны сравнительно съ тѣмъ, что въ дѣйствительности хотѣли сдѣлать Базиліяне; по всей вѣроятности, акты дѣяній Замойскаго Собора дошли до насъ въ видѣ нѣсколько смягченномъ, изглаженномъ въ пользу Православія. Какъ бы то ни было, только когда Базиліяне представили въ Римъ дѣянія Замойскаго Собора, въ 1720 г., то здѣсь увидѣли, что Уніи навязывалось столько Латинскихъ нововведеній, ее такъ близко придвигали къ самому Латинству, что Папа Бенедиктъ XIII отказался подтвердить эти дѣянія «sub nullitate actus.» Отъ Уніи, какъ мы знаемъ, Римскій Дворъ ожидалъ богатыхъ плодовъ: посредствомъ ея онъ хотѣлъ незамѣтно распространять Латинство, а тутъ вдругъ услужливые Базиліяне раскрывали всѣмъ глаза. Дѣлая Унію чистымъ Латинствомъ, они могли у всѣхъ, сколько ни будь Православныхъ, возбудить къ себѣ отвращеніе и, такимъ образомъ, разсыпались планы Папъ. Понятное дѣло, чтобы, въ видахъ собственной пользы, Папы должны были ослабить нѣсколько уже слишкомъ большую ревность Базиліянъ. Но Базиліяне не

оставляли дѣла. Четыре года сильно хлопотали они въ Римѣ оградить ихъ дѣянія, и тѣмъ какъ бы оградить будущую дѣятельность. По всей вѣроятности, не обошлось безъ уступокъ со стороны Базиліянъ. Папа, наконецъ, утвердилъ Замойскій Соборъ (только въ 1724 г.), уступая, по выраженію, Бенедикта XIV', «insinuationibus patrum ejusdem Concilii.» Но и въ этомъ случаѣ онъ видѣлъ необходимость сдѣлать слѣдующаго рода прибавку: «Наше подтвержденіе Замойскаго Синода ни чего не уничтожаетъ изъ постановленій почтеннѣйшихъ Первосвященниковъ нашихъ и декретовъ Генеральныхъ Соборовъ, относящихся къ обрядамъ Греческимъ, которые всегда должны оставаться въ своей силѣ, не смотря на наше настоящее утвержденіе.» [924] Это значило, что Папа, по указаннымъ нами причинамъ, не совсѣмъ-то готовъ былъ допустить дѣянія Замойскаго Собора въ практику для Уніятской Церкви. Такой смыслъ прибавленію Бенедикта XIII придастъ и Бенедиктъ XIV' въ своей булѣ: «Allatae sunt.» [925] То же самое видѣли въ этомъ и Уніяты. [926]

Но Базиліяне не хотѣли усвоить болѣе мудрой, хотя столько же коварной, политики Рима относительно Греческихъ обрядовъ. Они слишкомъ надѣялись на собственное могущество и думали свое дѣло сдѣлать вдругъ. Прежде всего, конечно, они бросились на исправленіе церковныхъ книгъ по своимъ понятіямъ. Замѣчательно, однако, что, усиливаясь изгладить въ богослужебныхъ Славянскихъ книгахъ самые слѣды Православнаго вѣроученія, Базиліяне, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, ни какъ не могли совершенно помрачить его, по тому что въ молитвенныхъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ книгъ такъ ясно и связно изложены догматы Православной Вѣры, что, измѣнивъ ихъ, или вставивъ другія слова, съ одной стороны, надлежало бы совершенно исказить смыслъ, съ другой, возбудить ропотъ въ простомъ народѣ, который привыкъ къ древнимъ чтеніямъ и пѣснопѣніямъ церковнымъ, и по тому скоро могъ замѣтить ложь. Вынужденные оставить такія мѣста неприкосновенными, Базиліяне оговаривали ихъ въ предисловіяхъ къ книгамъ хитросплетенными мудрованіями. Такъ въ «Цвѣтной Тріоди» ученіе объ исхожденіи Духа Св. отъ Отца изложено съ особенною силою и такъ сжато, что Уніятамъ пришлось нѣсколько призадуматься, какъ бы внести въ церковные стихиры и тропари заутренняго канона Латинское

прибавленіе «Filioque.» Печатая въ своихъ Типографіяхъ «Цвѣтную Тріодь,» они оговаривали Православное ученіе объ исхожденіи Св. Духа такого рода предисловіемъ: «Хотя Отцы Церкви писали, что Духъ Св. отъ Отца исходитъ, но они вѣровали, что Духъ Св. исходитъ «и отъ Сына,» по тому что Духъ Св., продолжали Базиліане, есть произведеніе любви, или самая взаимная любовь Отца и Сына.» [927] Базиліане не останавливались на этомъ. Они въ самыя Отеческія сочиненія (на Латинскомъ языкѣ) вносили свои нововведенія, дѣлали вставки, и подобная ложь очень многими вполнѣ искренно принималась за истину, вводила въ великій обманъ. [928] Вмѣстѣ съ искаженіемъ Православнаго ученія, Богослуженія, разными нововведеніями, Базиліане начали преобразовывать, по образцу Латинскому, внутреннее устройство храмовъ, священныя облаченія, сосуды и вообще все чиноположеніе Церкви. Какъ же смотрѣли на все это Уніяты, какъ принимали они распоряженія Базиліанъ? Прежде еще можно было и въ Уніи сохранять излюбленные Греческіе обряды, различные Православные обычаи, и все это не навлекало ни какого подозрѣнія, не бросало тѣни. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, сколько было разнообразія въ Уніятской Церкви; здѣсь уживалось все вмѣстѣ: и Православіе и Латинство и какія ни будь собственныя нововведенныя своеобразности. Теперь во всемъ для всѣхъ строго предписывалась одна формула, отверженіе ея влекло за собою наказаніе, считалось рѣшительнымъ признакомъ раскольщика. Требовалось или отказаться отъ прежнихъ своихъ Православныхъ воззрѣній и сдѣлаться Уніятомъ въ духѣ Базиліанскомъ, т, е., Латинянином, или, оставаясь Уніятомъ съ Православными воззрѣніями, тѣмъ самымъ уже, по мысли Базиліанъ, объявить себя не Уніятомъ, возбудить противъ себя ихъ общую ненависть, преслѣдованіе. Нелегкая дилемма поставлена была къ разрѣшенію. Вопросъ касался Вѣры, и его постановка была рѣшительная, и отъ Уніятовъ потребовалось послѣднее, рѣшительное, слово. Этотъ отвѣтъ уже давно вырабатывало время и, къ счастію, далеко не въ пользу Базиліанъ.

XVIII.

Борьба Уніятовъ съ Базиліянами.

Мы знаемъ уже, въ какомъ отношеніи къ Базиліянамъ находились всѣ вообще Уніяты до Замойскаго Собора. И Митрополитъ, и бѣлое духовенство, и простой народъ, всѣ, по своеобразнымъ причинамъ, не ладили съ ними, видѣли въ нихъ враговъ своей Церкви. Ненависть къ Базиліянамъ возвышалась по мѣрѣ усиленія ихъ, по тому что самое усиленіе основывалось на большемъ сближеніи ихъ съ Латинствомъ и сопровождалось, въ свою очередь, деспотизмомъ относительно всего, не единомышленнаго съ ними. Послѣ Замойскаго Собора и утвержденія Соборныхъ дѣяній Базиліяне думали, что они одни верховные блюстители порядка и хранители Вѣры въ Церкви Уніятской, и стали распоряжаться въ ней, какъ полные хозяева; но скоро пришлось имъ почувствовать, что они взялись не за свое дѣло.

Тогдашній Митрополитъ Уніятскій, Левъ Кишка, по своему характеру въ высшей степени расходился съ властолюбивыми стремленіями Базиліянъ, очень неблагосклонно смотрѣлъ на ихъ самостоятельное положеніе. Намъ извѣстно, какъ вообще у самихъ же Базиліянъ мѣнялся взглядъ на Базиліянъ, когда они дѣлались Епархіяльными начальниками, а тѣмъ болѣе Митрополитами. Левъ Кишка, въ должности Протоархимандрита, по своему усердію къ пользамъ Ордена, до того поправился Базиліянамъ, что эту должность они оставили за нимъ и послѣ возведенія его на Владимірскую Архіепископію, не смотря на то, что, по постановленіямъ Ордена, онъ не могъ быть Протоархимандритомъ. [929] Но вскорѣ Базиліяне должны были разочароваться въ своемъ любимцѣ. Усердіе Кишки къ Ордену охладѣвало по той мѣрѣ, какъ онъ по Іерархической лѣстницѣ приближался къ Митрополичьей каѳедрѣ. Будучи еще на Владимірской Прототроніи, онъ вспомнилъ своего великаго по каѳедрѣ предшественника, виновника Уніи, Потѣя, изучилъ его, увидѣлъ въ немъ «столпъ Св. Уніи, украшеніе Русскаго края, свѣтильникъ Восточной Церкви, Апостола Роксоланскаго народа.» [930] Кишка благоговѣлъ предъ этимъ мужемъ, составилъ панигиристическое его жизнеописаніе, тщательно собралъ и издалъ его проповѣди подъ заглавіемъ: «Kazania i Homilije męża Bożego, nieśmiertelney sławy i pamięci, Hipatiusza Pocieja (Suprasl,

1714 г.).» Нѣтъ нужды говорить, что задачи и планы Потѣя сдѣлались руководительною нитью для послѣдующей дѣятельности Кишки. Но Унія Потѣя была далеко не та, которую теперь, при Кишкѣ, проповѣдывали Базиліяне. [931] Понятное дѣло, что Кишка увидѣлъ весь вредъ дѣятельности Базиліянъ, проистекающій, главнымъ образомъ, по его мысли, отъ ихъ самостоятельнаго управленія. Онъ задалъ себѣ цѣлью уничтожить это послѣднее и каѳедру Митрополичью поставить исходной точкой всякой власти (мысль Потѣя). Напрасно кругомъ себя онъ искалъ поборника своей дѣятельности. Вездѣ на лучшихъ мѣстахъ видѣлись только Базиліяне, слишкомъ неблагосклонно уже на него посматривавшіе; бѣлое духовенство было устранено, затерто, задавлено. Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ о бывшей Капитулѣ Владимірской, которую, по его словамъ, основалъ Ипатій Потѣй, какъ великолѣпное, славное, ручательство за успѣхъ собственнаго предпріятія (Уніи). [932] Этимъ самымъ онъ выражалъ свое полное желаніе возстановить это древнее утвержденіе, рѣшительно необходимое въ Епархіяльномъ управленіи. Какъ смотрѣли на подобное желаніе Базиліяне, распространяться нечего. Кишка готовилъ имъ новый ударъ. Онъ открыто заявилъ, что только Владимірская Прототропія, подобно невинной дѣвѣ, въ слѣдствіе неизчислимыхъ заслугъ Ипатія Потѣя, до его временъ сохранила чистую Вѣру своему Небесному жениху и наслѣднику Св. Петра. [933] Это былъ прямой укоръ Базиліянамъ, въ которыхъ, быть можетъ, и самъ Потѣй отказался бы видѣть преемниковъ своего дѣла. Такъ сильно полюбилъ Кишка духъ и направленіе Потѣя, увлекся имъ, и съ нимъ перешелъ на Митрополичью каѳедру.

Нетрудно угадать, какую мысль долженъ былъ проводить Кишка теперь во время своего управленія Митрополіей. Ясно сознавался вредъ для Уніи самоуправленія Базиліянъ: онъ сейчасъ же далъ почувствовать это. Въ 1713 г., т. е., въ годъ избранія своего въ Митрополиты, Кишка созвалъ въ Вильнѣ Конгрегацію и сложилъ съ себя Протоархимандритство, вмѣсто себя предлагая Лаврентія Капарскаго. Опытные Базиліяне видѣли въ этомъ посягательство со стороны Митрополита на право свободнаго выбора и, отвергнувъ его предложеніе, избрали Процевича. Кишка, по видимому, уступилъ, но, съ затаенною, ненавистію къ Ордену, онъ вездѣ старался его унижать, ослабить вліяніе, «clerum sae-

cularem anteposuit clero regulari» (по замѣчанію жизнеописателя Кишки, «смертельно преслѣдовалъ Протоархимандрита Процевича, обращался съ нимъ, какъ съ игрушкой. [934] Новоизбранному Протоархимандриту онъ не только не далъ лошадей для разъѣздовъ, но не хотѣлъ передать ему ни какихъ бумагъ и актовъ своего десятилѣтняго управленія Орденомъ, во время Замойскаго Синода непремѣнно настаивалъ, чтобы Протоархимандритъ занималъ мѣсто ниже обыкновенныхъ Архимандритовъ, и споръ былъ такъ силенъ и горячъ, что для его рѣшенія потребовалось мнѣніе Рима; во всякомъ случаѣ, по замѣчанію жизнеописателя, въ актахъ дѣяній Собора Замойскаго и въ Польскомъ Суммаріушѣ Протоархимандриту Кишка далъ мѣсто ниже Архимандритовъ. [935] Всѣми мѣрами старался онъ объ умноженіи въ Орденѣ числа, ненавистныхъ для Базиліянъ, Архимандрій, [936] и уже рѣшительно считалъ себя въ правѣ не спрашивать совѣта и согласія Протоархимандрита на счетъ замѣщенія Базиліянами Іерархическихъ должностей; на этѣ послѣднія онъ обыкновенно назначалъ такихъ лицъ, которые, или были вполнѣ ему преданы, или особенно могли вредить Ордену, позорить его своимъ недостоинствомъ. Въ этомъ отношеніи особенно недовольны Базиліяне Кишкою за то, что онъ, послѣ Процевича, въ 1717 г., назначилъ Протоархимандритомъ какого-то Вѣтринскаго, «открытаго негодяя и въ мірѣ и въ Орденѣ, извѣстнаго при томъ самому Митрополиту.» Онъ положительно обокралъ Орденъ въ должности Протоархимандрита, изъ лучшихъ монастырей позабиралъ все движимое имущество: возы, лошадей, одежды, мѣдь, олово, серебро; оставивъ потомъ Орденъ и Вѣру, онъ перешелъ въ Кальвинизмъ, въ Швейцаріи. Этотъ Вѣтрило, какъ презрительно называетъ его жизнеописатель Кишки, причинилъ Ордену самую большую обиду, невознаградимыя потери, навлекъ на него вѣчную неславу. Но весь починъ подобнаго дѣла приписывался сознательному намѣренію Кишки вредить Ордену. [937]

Чтобы больше ослабить Орденъ, Кишка старался очернить его въ глазахъ другихъ, темными красками описывалъ Консультаторовъ (szmarował piorem), ссорилъ Базиліянъ съ Епископами и Архимандритами. Свое дѣло онъ обдѣлывалъ слѣдующимъ образомъ: являлось, на пр., два, или три, искателя извѣстной Епископіи, или Архимандріи, Кишка созываетъ Базиліянскій Конвентъ для совѣщанія объ избраніи достойнѣйшаго. Избранный

Конвентомъ начинаетъ хлопотать о привилеѣ, а между тѣмъ Кишка предлагаетъ (частнымъ образомъ) другому искателю тоже хлопотать о привилеѣ, увѣряя, что Протоархимандритъ съ Консульторами далъ ему (Кишкѣ) устное согласіе на это. Протоархимандритъ наконецъ узнаетъ о подобной сдѣлкѣ, протестуетъ, но напрасно: покровительствуемый Кишкою получаетъ то, чего добивался и, разумѣется, уже неблагопріятно смотрѣлъ на тѣхъ, которые ему противодѣйствовали. Въ жизнеописаніи Кишки можно найти много примѣровъ подобной политики; однимъ словомъ, о Кишкѣ можно сказать, вмѣстѣ съ его жизнеописателемъ, что онъ «погонялъ своими подчиненными, какъ хотѣлъ.» [938]

Но, нужно думать, всѣ эти мѣры казались Кишкѣ слишкомъ недостаточными для его цѣли ослабить Базиліанъ: онъ задумалъ дѣло нѣсколько глубже, хотѣлъ поразить учрежденіе Базиліанъ въ самомъ его въ основаніи. Конгрегація Базиліанъ особенно сильна была своею сплоченностію, независимымъ, самостоятельнымъ, управленіемъ; въ противодѣйствіе ей Кишка рѣшилъ составить подобную же Базиліанскую Конгрегацію, съ тѣмъ главнымъ различіемъ, что, не давая ей Протоархимандрита, хотѣлъ поставить ее въ непосредственное вѣдѣніе Митрополита. Если въ первой Конгрегаціи все направлялось къ сохраненію выгодъ Ордена, почти всегда съ ущербомъ для общаго Епархіальнаго теченія дѣлъ, то здѣсь, въ проектируемой Конгрегаціи, Кишка, какъ непосредственный, главный, ея начальникъ, хотѣлъ пользоваться подобною же сплоченностію, чтобы, при ея помощи, поправить дѣла Епархіальныя, возвысить значеніе бѣлаго духовенства, парализовать дѣйствія Троицкой Конгрегаціи и, мало по малу, самихъ Базиліанъ этой послѣдней ввесть въ норму проектируемой Конгрегаціи.

Послѣ основанія Троицкой Конгрегаціи, не всѣ Базиліанскіе монастыри вошли въ составъ ея (главнымъ образомъ ее составляли Бѣлорусскіе и Литовскіе); Базиліане на Волыни и въ Коронѣ [939] находились въ независимости отъ Протоархимандрита, были въ вѣдѣніи мѣстныхъ Епископовъ. Базиліане, составлявшіе Конгрегацію, очень неблагосклонно смотрѣли на подобный порядокъ и, по возможности, старались затягивать въ свое общество то тотъ, то другой, монастырь. [940] Не совсѣмъ-то охотно вступали послѣдняго рода Базиліане въ эту Конгрегацію; при

управленіи обще-Епархіяльномъ они наслаждались большею свободою (лично особенно Настоятели монастырей). Между тѣмъ Базиліяне, состоявшіе въ Конгрегаціи, какъ бы нарочно все болѣе и болѣе усиливались затягивать ихъ къ себѣ. Такимъ образомъ между самыми Базиліянами зараждалась искра внутренней вражды, непріязни. Троицкіе Базиліяне усилили ее Базиліянскимъ монастырямъ внѣ своей Конгрегаціи: они не давали ни какого голоса ни на Капитульныхъ собраніяхъ, ни при избраніи Іерархическихъ лицъ, не хотѣли выслушивать ихъ жалобъ, иногда требованій объ улучшеніи своего быта. Все это производило раздѣленіе между Базиліянами Конгрегаціи Св. Троицы и Базиліянами внѣ этой Конгрегаціи. Изъ этихъ послѣднихъ Базиліянъ Левъ Кишка и рѣшился составить новую Конгрегацію. 6 Сентября, 1720 года, призвавши къ себѣ Антонія Завадскаго, Консультора (потомъ былъ Протоархимандритомъ), Митрополитъ Кишка сказалъ ему, что Епископы соглашаются на то, чтобы Базиліяне, имъ подвѣдомые, составили новую Конгрегацію и избрали себѣ Генеральнаго Начальника. Завадскій отвѣтилъ, что они могутъ избрать себѣ только Провинціяла, давая знать Митрополиту, что они должны будутъ подчиниться Генералу существующей области. Митрополитъ, какъ бы ничего не понимая, спросилъ: «Кому же подчинится новоизбранный Провинціялъ?» — «Generali seu Protoarchimandritae,» былъ отвѣтъ со стороны Завадскаго. Тогда одинъ изъ окружавшихъ Митрополита, Милецкій Архимандритъ Пеговичъ, замѣтилъ Завадскому, что «Illustrissimus Dominus Mitropolita est Generalis.» Видимъ, какъ мощно дѣйствовалъ Митрополитъ, когда въ пользу его сложилось уже цѣлое убѣжденіе, открыто заявлявшее себя предъ Базиліянами, убѣжденіе, что онъ, а не кто другой, Генералъ Ордена. Напрасно возражалъ Завадскій, что Митрополитъ только «Protector et Judex Appellationis; Protoarchimandrita est autem Generalis.» Пеговичъ не хотѣлъ слушать его, и три раза повторялъ ему свое первое замѣчаніе. [941] Этимъ и окончилась домашняя бесѣда Митрополита съ Завадскимъ. Теперь ясно стало Базиліянамъ, что задумываетъ сдѣлать съ ними Митрополитъ. Они употребили все свое вліяніе, разрушить его планы. Такъ какъ эти планы укладывались во время Замойскаго Собора, то Завадскій еще тутъ, частнымъ образомъ, выставилъ присутствовавшему Нунцію весь вредъ проекта Митрополита и просилъ

покровительства своимъ замысламъ. Между Базиліянами открылась самая живая, скрытная, дѣятельность противъ Митрополита; началась дѣятельная переписка между ними, съ Римскою Нунціатурой, съ Римскимъ Прокураторомъ; чаще прежняго стали открываться Консультаціи. Всѣ информаціи, касавшіяся Ордена, которыя Кишка посылалъ въ Римъ, «circa desideria» (т. е., съ выраженіемъ своего желанія относительно соединенія Базиліянъ въ новую Конгрегацію), Римскій Прокураторъ, въ слѣдствіе напоминаній Протоархимандрита, которымъ былъ сдѣланъ теперь Завадскій, пересылалъ ему, и отъ него уже они посылались въ Римъ, въ видѣ исправленномъ, часто съ подробными объясненіями, или опроверженіями, положеній Кишки въ пользу Ордена. [942] Римскій Прокураторъ, въ письмахъ къ Протоархимандриту и Консультораль, совѣтуютъ имъ ни въ какомъ случаѣ не подписывать на Генеральныхъ Конгрегаціяхъ ничего, если бы что «in praejudicium provinciі Lituaniae statuatur;» напротивъ, уполномочиваетъ ихъ заявлять манифестаціи и обнадеживаетъ въ полномъ успѣхѣ. [943] Митрополитскій Авдиторъ письменно убѣждалъ Протоархимандрита, чтобы отъ себя онъ отправилъ посланіе ко всѣмъ Старшимъ монастырей, имѣющихъ составить новую Конгрегацію, отказаться отъ приглашенія Митрополита, когда онъ съ этою цѣлію потребуетъ ихъ на Конгрегацію. [944] Очевидно, что между Митрополитомъ и Базиліянами начиналось рѣшительное раздѣленіе, готова была вспыхнуть самая жестокая вражда: но обѣ стороны дѣйствовали слишкомъ осторожно, обдуманно. Въ своеобразныхъ задачахъ они вполнѣ оставались вѣрны имъ, были взаимно неуступчивы, но, порѣшивши уничтожить другъ друга, они какъ бы чувствуютъ себя слишкомъ раздѣленными въ собственныхъ силахъ, и, для большаго успѣха, начинаютъ сосредоточивать ихъ.

Извѣстна была застарѣвшая нерасположенность бѣлаго Уніятскаго духовенства къ Базиліянамъ. [945] Окончательно сдавленное предъ временемъ Замойскаго Собора, оно какъ бы замолкло, ожидая, чѣмъ кончатся замыслы Базиліянъ. Съ великою сердечною болью видѣло оно, что Синодъ Замойскій открывается рѣшительно безъ его вѣдома; что, вопреки Каноническимъ постановленіямъ, туда созваны только Базиліяне. Нѣкоторыя Іерархическія лица изъ бѣлаго клира отправились сами, но они ужаснулись при одномъ созерцаніи той проектируемой картины собственнаг

униженія, которую готовили имъ Василіяне. Чтобы не поднять руки на самихъ себя, собственноручнымъ подписомъ актовъ дѣяній Замойскаго Собора не закрѣпить за собою навсегда приготовленнаго Василіянами для бѣлаго клира несноснаго бремени, они считали болѣе благоразумнымъ заблаговременно убраться во свояси. [946] Остались одни Василіяне, и дѣлали все, какъ имъ угодно. Безъ вѣдома бѣлаго Клира, они порѣшили оставить его на всегда въ состояніи униженія рабства. [947] Но не такъ смотрѣла на дѣло вся Уніятская Церковь и, во главѣ ея, Митрополитъ. [948] Время показывало все болѣе и болѣе, что стремленія Василіянъ слишкомъ подозрительны, что они скорѣе убиваютъ, чѣмъ поддерживаютъ Унію. Съ этѣхъ поръ поддержка, возвышеніе, бѣлаго клира дѣлаются постояннымъ преданіемъ почти всей Уніятской Іерархіи.

Вѣковой, окрѣпшей, ненависти къ Василіянамъ обѣдиѣвшаго, униженнаго, презираемаго до сихъ поръ, Уніятскаго клира Митрополитъ Кишка рѣшился дать значеніе; въ самомъ клирѣ онъ хотѣлъ пробудить сознаніе, что, при своей ненависти къ Василіянамъ, онъ долженъ, онъ можетъ, съ успѣхомъ противодѣйствовать имъ. Неизмѣннымъ, благовиднымъ, основаніемъ, по которому вездѣ, гдѣ только можно было, Василіяне отстраняли, затирали, бѣлый клиръ, выставлялось невѣжество послѣдняго, которое дѣйствительно было велико въ этой средѣ, по причинѣ самихъ же Василіянъ, но, во всякомъ случаѣ, представлялось ими еще въ болѣе преувеличенномъ видѣ. [949] Митрополитъ Кишка задумалъ уничтожить эту преграду, поставить на одинаковую степень уровень знанія и Василіянъ и бѣлаго клира. Онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на огромное множество школъ и коллегій Василіянскихъ; его жизнеописатель замѣчаетъ: «Наши (Василіянъ) школы онъ грозилъ или уничтожить, или отдать Езуитамъ.» [950] Владимірскій Коллегіумъ возненавидѣлъ до того, что не давалъ ему ни какого содержанія, а «X. Rektorem orał, iak mu się podobało.» Фундушъ Коллегіума передалъ въ другія руки и едва, едва не пропалъ безслѣдно для Василіянъ самый документъ объ этомъ. [951] Когда наконецъ надоѣли Василіянамъ различныя притѣсненія со стороны Кишки во Владимірѣ, они рѣшились утвердиться въ другомъ мѣстѣ, и Митрополитъ видимо согласился и далъ свое благословеніе. Но на самомъ дѣлѣ онъ не хотѣлъ видѣть осуществленія

ихъ намѣреній, и Ректору, которому поручено было вѣдать всѣ постройки, онъ постоянно давалъ разнаго рода распоряженія по Епархіяльнымъ и экономическимъ дѣламъ, «чтобы, такимъ образомъ, по словамъ жизнеописателя Кишки, онъ не имѣлъ времени заняться собственными постройками.» Въ заключеніе Кишка не могъ не высказаться: «Вы хотите утвердиться въ Оранціизиѣ,» замѣтилъ онъ Ректору, «а въ моей опустѣвшей каѳедрѣ будутъ распѣвать воробьи?»... [952] Понятное дѣло, что Базиліане должны были отказаться отъ своего предпріятія, чтобы рѣшительно не вооружить противъ себя Митрополита.

При такихъ отрицательныхъ дѣйствіяхъ относительно Базиліанскихъ школъ, Митрополитъ Кишка положительно думалъ основать Семинаріи для образованія бѣлаго клира. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется, хотѣлъ воскресить великія для Уніи предначертанія Митрополита Рутскаго. [953] Презрительно отзывается о подобныхъ затѣяхъ Кишки его жизнеописатель. На Синодѣ Замойскомъ, говоритъ онъ, Кишка уговорилъ (nabechtal) Нунція, чтобы Литовская область обязалась ежегодно давать извѣстное количество денегъ на Львовскую Семинарію, для содержанія воспитанниковъ изъ бѣлаго клира. Когда пригласилъ къ себѣ по этому дѣлу Протоархимандрита и увѣщевалъ его подпискою обязаться на требуемое тотъ всячески отказывался; наконецъ письменно были представлены Каноническія основанія, что Литовская область не должна, и не можетъ, обязывать себя подобными расходами; что эти послѣдніе подъ благовиднымъ предлогомъ обратятся въ частную собственность Митрополитовъ, какъ случилось подобное во время оно съ пожертвованіями на Минскую Семинарію. [954] Такъ ловко Базиліане успѣли поставить вопросъ о Львовской Семинаріи для бѣлаго клира; они обратили вниманіе Нунція въ другую сторону, и теперь онъ дѣйствительно занялся изслѣдованіемъ новаго вопроса: куда дѣвалась сумма, пожертвованная на Минскую Семинарію? [955]

Не остановили намѣреній Кишки эти противодѣйствія Базиліанъ: онъ задумалъ дѣло, не менѣе, если не болѣе еще, благотворное, чѣмъ самое основаніе школъ. По своему высокому положенію, Митрополитъ Кишка свою каѳедру дѣлаетъ общественною школою для всей Митрополіи, и самъ выступаетъ, какъ общественный учитель. Вопреки Конституціямъ Базиліанскимъ, по

которымъ требовалось, чтобы всѣ воспитанники, особенно занимающіеся свободными науками, упражнялись въ разговорномъ Латинскомъ языкѣ, [956] Митрополитъ Кишка языкъ Русскій, или, по тогдашнему, Словенскій, объявляетъ господствующимъ. «Съ непзчетною болестію сердца и язвою утробы неудобь исцѣльною» узнаетъ онъ, что «едва сотный Іерей разумѣетъ Словенскій языкъ, не вѣдѣй, что чтетъ въ Божественной Службѣ.» Чтобы помочь горю, онъ въ Супрасльскомъ монастырѣ издаетъ: «Лексиконъ, си рѣчь, словесникъ Словенскій, имѣющъ въ себѣ словеса, первѣе Словенскія, азбучныя, по семъ же Польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ Церковныхъ.» [957] Этого мало: чтобы пособить невѣжеству клира, какъ замѣчаетъ жизнеописатель Кишки, онъ издалъ цѣлое, огромное, сочиненіе, обнимающее собою весь кругъ Богословскихъ наукъ (по тогдашнему понятію), «книгу животную,» какъ называетъ ее самъ Кишка, въ которой священнослужителямъ указываетъ ихъ высокое положеніе и научаетъ достойно проходить его. Книга: «Собраніе припадковъ» разослана была по всей Митрополіи, [958] и хотя написана въ чисто Унiятскомъ духѣ, т. е., съ признаніемъ главенства Папы, «Filioque» и нѣкоторыхъ мелкихъ отличій: чистилища, индульгенцій, но Базиліане и, по ихъ наущенію, Латиняне, пришли въ ужасъ при ея появленіи. Они не находили здѣсь всѣхъ своихъ нововведеній, Ультрамонтанства, видѣли сохраненіе многихъ Православныхъ обычаевъ, нерѣдко нарушеніе даже догматическихъ положеній Рима (на пр., страница 107 на оборотѣ). Книга Кишки подвергалась многократной цензурѣ со стороны Базиліанъ и Латинянъ, сочинителю дѣлались различныя внушенія, потребовали потомъ Латинскаго ея перевода, для отправленія въ Римъ, и тамъ два раза собиралась Конгрегація распространенія Вѣры для ея просмотра. [959] Все это болѣе и болѣе возбуждало Митрополита противъ Базиліанъ и Ультрамонтанства и закрѣпляло въ немъ любовь къ бѣлому клиру. Окончательно онъ выразилъ это въ желаніи, чтобы и послѣ него продолжалось подобное направленіе. Желая и на будущее время обезпечить успѣхъ своимъ предпріятіямъ, Митрополитъ Кишка, еще при жизни, пожелалъ имѣть Коадъютора «cum futura successione,» который вполнѣ сочувствовалъ бы его замысламъ. Первоначально его выборъ палъ на Флоріяна Гребницкаго, Архіепископа Полоцкаго. Когда

онъ завелъ тяжбу съ Полоцкими Езуитами по дѣлу имѣній, и для этого отправился въ Римъ лично хлопотать за собственный успѣхъ, Митрополитъ, никому ни чего не говоря (cicho neque manifestando), созвалъ во Владиміръ Епископовъ: Луцкаго, Холмскаго, Пинскаго, Львовскаго, и, въ ихъ присутствіи, «inscio Protoarchimandrita,» назначилъ своимъ Коадъюторомъ Аѳанасія Шептицкаго, Епископа Львовскаго. Сильно возмутились Базиліяне поступкомъ Кишки (Намъ извѣстно уже, что, по Базиліянскимъ Конституціямъ, Коадъюторъ назначался Митрополитомъ, по его совѣщаніи съ Протоархимандритомъ и Консульторами. Но Кишка не хотѣлъ знать ничего этого; а примѣръ его могъ быть очень соблазнителенъ). Консульторы сейчасъ подали протестъ «contra actum non Regularem electionis, factae non vocato Protoarchimandrita;» въ Римскою Нунціатуру и къ Прокуратору постоянно присылались ихъ настойчивыя жалобы, чтобы тамъ «attendant negotio;» но пока все было напрасно. Въ это время умеръ Митрополитъ Кишка, и управленіе Митрополіей поручено было Шептицкому. Хотя, по проискамъ Базиліянъ, Шептицкій не былъ сейчасъ назначенъ Митрополитомъ по смерти Кишки, во всякомъ случаѣ онъ успѣлъ сдѣлать то, что выборъ новаго Мигрополита имѣлъ совершиться одними Епископами («per solos Episcopos»), тѣми самыми, которые еще при Кишкѣ избрали его Коадъюторомъ, а, слѣдовательно, и будущимъ Митрополитомъ. Дѣйствительно, противодѣйствія не было, и Шептицкій, на второмъ избраніи Епископовъ, единодушно былъ избранъ Митрополитомъ. [960] Понятно, какъ долженъ былъ посмотрѣть на Базиліянъ новый Митрополитъ, который въ самомъ началѣ своего поприща съ ихъ стороны встрѣтилъ противодѣйствіе.

Самое вліяніе Кишки уже сильно начало обнаруживаться къ этому времени и въ средѣ бѣлаго духовенства и, что гораздо важнѣе, въ огромномъ множествѣ забитаго было Уніятскаго народа. Около 1710 г. Львовское Братство начало громко заявлять въ своей средѣ (а извѣстно, какое оно имѣло вліяніе въ Церкви Православной, съ такимъ почти осталось и въ Уніи) недовольство Латинскимъ направленіемъ Уніи. Затянутое въ Унію обѣщаніемъ различныхъ выгодъ, вмѣсто ихъ, оно начало подвергаться новымъ поборамъ: налогамъ за то, что и въ Уніи сохраняло свое Православіе. Дѣло дошло до того, что Львовяне Уніяты возмутились,

составили между собой тайный заговоръ, и въ церкви, подъ присягой, въ присутствіи своего Епископа, Варлаама Шептицкаго, рѣшились, во что бы то ни стало, освободиться отъ жестокихъ насилій и религіозныхъ, а въ слѣдствіе этого, и физическихъ. [961] До Замойскаго Собора Уніятская Церковь не имѣла еще въ себѣ ничего опредѣленнаго; эта неопредѣленность могла усыплять очень многихъ, не слишкомъ затрогивая религіозный кругъ ихъ понятій. Замойскій Соборъ открылъ глаза всѣмъ и показалъ, чего можно было ждать отъ Уніи. Тѣмъ сильнѣйшее сопротивленіе долженъ былъ возбудить онъ противъ себя во всѣхъ, сколько ни будь и въ Уніи дорожившихъ своимъ Православіемъ. Епископъ Львовскій, Варлаамъ Шептицкій, около этого времени скончался (1715 г.). [962] Но Львовяне не унывали: мѣсто покойнаго занялъ его же достойный братъ, или племянникъ, Аѳанасій Шептицкій. [963] Мы знаемъ уже, что Митрополитомъ въ это время былъ Левъ Кишка; ему не безъ борьбы, однако, удалось избрать себѣ преемникомъ Аѳанасія Шептицкаго. Очевидно, что обстоятельства какъ бы нарочно складывались, чтобы воспрепятствовать Базиліанамъ въ ихъ намѣреніяхъ. Понятное дѣло, какъ свободно могло теперь заговорить бывшее Львовское Братство. Видя въ опредѣленіяхъ Замойскаго Собора явное намѣреніе преобразовать Уніятскую Церковь по образцу Римской, и, опасаясь устраненія послѣднихъ остатковъ Православія въ обрядности, Львовское Братство вспомнило свою старую дѣятельность, и въ Уніи рѣшилось дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовало во время оно. Чтобы дать возможность Уніятамъ сохранить свое Православіе, оно издало полнѣйшее сокращеніе Требника Петра Могилы. [964] Это изданіе со стороны Уніятовъ явный протестъ противъ Замойскаго Собора; въ немъ не принята ни одна перемѣна, провозглашенная послѣднимъ, не упомянуто даже о самомъ Соборѣ, напротивъ, ни въ чемъ не отступлено отъ Требника Могилы, даже въ выраженіяхъ (въ Апостолѣ Петрѣ. [965] Поставляя свое дѣло какъ бы въ урокъ и образецъ будущимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ, и какъ бы обличая несправедливость Римскихъ упрековъ въ недостаточности и неисправности Русскихъ Требниковъ, издатели говорятъ въ предисловіи къ Требнику, что «въ книгѣ нашей все вѣрно преданію Церковному и постановленіямъ Святыхъ Отецъ, о томъ не нужно много распространяться, по тому что большею частію взято изъ

великаго Требника Кіевскаго, который тщательно составленъ по Греческимъ сводамъ и древнимъ писателямъ.» Примѣръ Львовскаго Братства нашелъ очень немалое подражаніе: во многихъ мѣстахъ, среди Уніятовъ, явились различныя изданія Требника Петра Могилы; всѣ они выдерживаютъ свой первоначальный, Православный, характеръ и представляютъ такое, или иное, его сокращеніе. [966] Въ Церкви Уніятской, такимъ образомъ, начиналось открытое, нешуточное, раздѣленіе.

Замѣтивъ повсемѣстное возбужденіе противъ Базиліянъ, Аѳанасій Шептицкій рѣшился привести въ исполненіе намѣреніе своего предшественника, Кишки, относительно соединенія Коронныхъ и Волынскихъ Базиліянъ въ особую область. Базиліяне Троицкой Конгрегаціи сходились съ Митрополитомъ въ основной тоскѣ: имъ только ни какъ не хотѣлось допустить существованія отдѣльной, независимой отъ себя, области, тѣмъ болѣе подвѣдомой, главнымъ образомъ, Митрополиту. Митрополитъ между тѣмъ особенно напиралъ на это. На своихъ частныхъ совѣщаніяхъ Базиліяне постоянно договаривались между собою не допустить Волынскихъ Базиліянъ войти въ составъ имѣющей образоваться области. [967] То они думали протестовать противъ этого въ Нунціатурѣ, то рѣшались совсѣмъ не ѣхать, на Конгрегацію, по вызову Митрополита. [968] Но, надѣясь выиграть отсюда очень немного, особенно въ послѣднемъ случаѣ, Базиліяне опять собирались въ порядочномъ числѣ на Конгрегацію, думая своею численностію одолѣть Митрополита. По Митрополитъ въ подобныхъ случаяхъ поступалъ очень осторожно. Замѣчая значительное число Базиліянъ, прибывшихъ на Конгрегацію, рѣшительно не допускалъ открывать засѣданій, а тѣмъ болѣе не поднимать спорнаго вопроса. Базиліяне страшно досадовали, по тому что, посидѣвъ извѣстное время безъ дѣла, понесши разнаго рода издержки, подвергши себя многимъ безпокойствамъ, ссорамъ, безъ ничего принуждены были возвращаться домой. [969] Свободному обращенію Митрополита съ Базиліянами много помогало и то, что на Римскомъ престолѣ возсѣдали такіе Папы, какъ Бенедиктъ XIII (1724 — 1730), и особенно Климентъ XII (1730 — 1740). [970] Имъ нѣкогда было обращать вниманіе на вопросъ Базиліянскій, и Митрополиту Шептицкому удалось поставить его

такъ, что дѣло объ учрежденіи новой области сдано было на разсмотрѣніе только Епископовъ.

6 Сентября, 1739 года, объявлено было Митрополитомъ послѣднимъ срокомъ для рѣшительныхъ Конгрегаціонныхъ совѣщаній, на которыя, между прочимъ, приглашались Протоархимандрить, Консульторы и много другихъ Базиліянъ. Опять закопошились Литовскіе Базиліяне: они начали составлять даже чрезвычайныя Консультаціи и строить разнаго рода проекты, чтобы основаніе новой области направить къ сохраненію собственныхъ выгодъ. [971] На Консультаціи Бытенской [972] они постановили требовать у Епископовъ Владимірскаго, Луцкаго, Львовскаго, Холмскаго, Перемышльскаго, освобожденія изъ подъ своей власти всѣхъ монастырей, которые входили въ составъ Литовской области (По новому проекту, всѣ эти монастыри должны были составить новую область; такимъ образомъ нѣкоторые монастыри должны были отойти отъ Литовскихъ Базиліянъ; въ этомъ, очевидно, послѣдніе видѣли прямое нарушеніе своихъ выгодъ). Всѣ, такимъ образомъ, освобожденные монастыри отъ подчиненности Епископской, снова должны были воплотиться въ Литовскую Область (incorporabuntur) и, на имѣющей собраться Генеральной Конгрегаціи, дать присягу жить всегда въ этой Конгрегаціи подъ управленіемъ Протоорхимандрита. Этимъ отцамъ думали предоставить право избирать для новой Области Провинціяла (только), четырехъ Консульторовъ, Секретаря Ордена. На случай, если бы новоустрояющаяся область притязала имѣть особаго Протоархимандрита, а не Провинціяла, между Литовскими Базиліянами постановлено было ни коимъ образомъ не соглашаться на это, а, напротивъ, и теперь и въ будущемъ всегда протестовать противъ такого дѣла («nullatenus assentiendum, imo contra totum actum protestandum est et erit»). Если бы новая область пожелала отторгнуть нѣкоторые монастыри отъ Литовской, противъ такого дѣла обязывался протестовать весь почтенный Консульторій; то же готовилось въ томъ случаѣ, если бы Епископы не захотѣли отказаться отъ управленія всѣми, до сихъ поръ подвѣдомыми имъ, монастырями. [973] Литовскіе Базиліяне составили даже формулу присяги, которую долженъ былъ читать новоизбранный Провинціялъ имѣющей образоваться области. Ея отличительною чертою было: оставаться новому Провинціялу подъ властію Протоархиман-

дрита. [974] Чтобы болѣе оградить себя и на своей сторонѣ имѣть больше голосовъ, Протоархимандритъ и Консульторы на генеральной Конгрегаціи объявили, особымъ извѣстительнымъ посланіемъ, что начальствующіе въ частныхъ монастыряхъ, которые всегда болѣе, или менѣе, подчинялись Митрополиту и готовы были поддерживать его мнѣнія, не имѣютъ права пріѣзжать на имѣющую открыться генеральную Конгрегацію; если же и пріѣдутъ, то не должны имѣть тамъ мѣста и голоса (active). По Конституціямъ Ордена всѣ подобные монастыри должны были подчиняться вѣдѣнію главнѣйшихъ (монастырей): ихъ начальники ни въ какомъ случаѣ не должны были называться Старшими (Superior), а только Предсѣдателями. Старшимъ же монастырей этимъ извѣстительнымъ посланіемъ съ особенною силою вмѣнялось въ обязанность позаботиться о благѣ Ордена, твердо въ настоящую минуту постоять за сохраненіе цѣлости, неприкосновенности его правъ, особенно избрать надежныхъ дѣльныхъ пословъ на предстоящую генеральную Конгрегацію. [975] Въ такихъ приготовленіяхъ Базиліанъ почти засталъ срокъ назначенной Конгрегаціи. Но на первыхъ порахъ ни одинъ изъ Базиліанскихъ проектовъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Епископы съ Митрополитомъ по своему рѣшили устройство новой области, и въ 1739 г., 6 Сентября, въ Соборной Львовской церкви открылись по этому дѣлу засѣданія подъ предсѣдательствомъ Шептицкаго.

Новая область (Провинція) получила названіе «Покрова Пресвятыя Богородицы» (protectionis Beatissimae Mariae Virginis). Въ составъ ея входили всѣ монастыри, лежащіе въ Епархіяхъ: Кіевской, Галицкой, Каменецкой, Перемышльской, Холмской, Владимірской, Луцкой. Съ этѣхъ поръ они должны были подчиняться особенному Протоархимандриту, или Провинціялу, избранному на 4 года отдѣльно отъ Генерала провинціи Литовской. Протоархимандритомъ былъ избранъ Патриціи Жеховскій, професъ Ордена Св. Василія Великаго. «Клянусь Господомъ Богомъ, въ Троицѣ Св. единымъ, говорилъ Жоховскій при своемъ избраніи, что, принявъ, по святому послушанію, должность Протоархимандрита, наложенную на меня свободными голосами Ордена, я постараюсь проходить ее вѣрно, сообразно обязанностямъ моей должности и, пока останусь въ этой должности, искренно буду стараться о пріумноженіи въ ней славы Божіей. По окончаніи должности Протоархи-

мандрита, не смотря на желанія (прежнихъ) моихъ Старшихъ (прежде онъ былъ Консультором въ Литовской провинціи и подчинялся вѣдѣнію Протоархимандрита и вообще его Консульторіи: на нихъ онъ намекаетъ и теперь), я не долженъ, безъ согласія Пресвѣтлѣйшаго Митрополита, возвращаться въ Конгрегацію Св. и Нераздѣльной Троицы, но до конца жизни оставаться въ этой новой Конгрегаціи и наблюдать ея выгоды, безъ ущерба упомянутой Конгрегаціи Святой Троицы. Въ этомъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ» и проч. По примѣру другихъ Орденовъ, новому Протоархимандриту были избраны въ помощники четыре Консультора и пятый Секретарь. Время служенія ихъ опредѣлялось четырехлѣтнимъ срокомъ. Этѣ должности они могли занимать и потомъ, но тогда требовалось новое ихъ избраніе. Способъ избранія Консульторовъ, Секретаря, Протоархимандрита, кругъ ихъ власти, обязанностей, все было заимствовано изъ постановленій Литовской Провинціи. Новая Провинція, съ своимъ Протоархимандритомъ, обѣщала повиноваться Митрополиту и его преемникамъ «juxta nexum, inter Illustrissimum Cyprianum Żochovski et Congregationem Ss. Trinitatis initum,» который объ стороны обязались принять «in omnibus clausulis et punctis.» Впрочемъ, во избѣжаніе новыхъ недоразумѣній, тогда же былъ составленъ свой «nexus,» въ главныхъ основаніяхъ сходный съ первымъ, уясненный только и болѣе точный въ нѣкоторыхъ мелочахъ и подробностяхъ. [976] Такимъ образомъ, предначертаніе Кишки приведено было наконецъ въ исполненіе. Но нужно сознаться, что въ такомъ видѣ, какъ мы его видимъ, оно болѣе могло быть вредно, чѣмъ полезно Митрополитамъ въ ихъ дѣятельности. Не прошло бы и десятка лѣтъ, какъ Базиліяне Покрова Пресвятыя Богородицы очутились бы относительно Митрополита въ такомъ положеніи, въ какомъ явились въ послѣднее время Литовскіе Базиліяне. И въ новой Провинціи было оставлено Базиліянамъ полное самоуправленіе, стѣснявшее нерѣдко права и власть Митрополита (9 пунктъ Nexus), главная причина раздора и вражды между Митрополитомъ и Базиліянами. Одинъ тутъ оставался разсчетъ на взаимную вражду двухъ Провинцій, но это возможно было только въ томъ случаѣ, если бы во главѣ новой Провинціи стоялъ человѣкъ мощный, преданный задачамъ Митрополита. Ничего подобнаго нельзя сказать о Жоховскомъ. Это былъ человѣкъ рѣшительно въ духѣ Литов-

скихъ Базиліянъ и къ тому же дряхлый старикъ. Уже въ 1741 г., «ob grave senectutem,» онъ не могъ осматривать своей Провинціи, и это дѣло принужденъ былъ поручить другому лицу. [977] Могли радоваться Базиліяне такому исходу дѣла. Они хорошо понимали свое положеніе, и принялись устроять его.

Базиліяне ясно видѣли, что главная ихъ поддержка находится въ Римѣ. Они сейчасъ поторопились избрать новаго, мощнаго Прокуратора, Цезарія Стебновскаго; снабдивъ его особымъ наказомъ, отправили въ Римъ лично предъ Папою хлопотать о своемъ дѣлѣ. Прокураторъ долженъ былъ употребить всѣ старанія, чтобы вновь образовавшаяся Конгрегація ни какимъ образомъ не усвояла себѣ этого послѣдняго имени, а называлась бы только Провинціей и, на основаніи декрета Конгрегаціи распространенія Вѣры, утвержденнаго Урбаномъ VIII, [978] вошла бы въ старую, давно уже основанную, Конгрегацію (Литовскую), и подчинялась бы одному Генералу или Протоархимандриту всей Руси, избранному всѣми въ Генеральной Капитулѣ. Прокураторъ обязывался выхлопотать декретъ, по которому бы за Литовскою Провинціею оставались всѣ монастыри и церковныя имѣнія, которыми они владѣли до сихъ поръ; требовалось, чтобы «sub nullitate actus,» вмѣшиваться сюда запрещено было Митрополиту, и чтобы ни кого, не подчиненнаго этой Конгрегаціи, онъ не смѣлъ благословлять, посвящать и поставлять, какъ вообще на церковныя, такъ въ частности на монашескія, пожизненныя должности въ этой же Конгрегаціи. Требовалось выхлопотать постановленіе, чтобы всѣ Аббаты подчинялись Протоархимандриту и на нихъ бы простирался его осмотръ. Всѣ привилегіи и декреты, изданные въ Римѣ въ пользу Ордена, необходимо было списать на мѣстѣ, и потомъ въ цѣломъ переслать Протоархимандриту. [979] Чтобы удобнѣе и легче можно было дѣйствовать въ Римѣ новому Прокуратору, ему позволяли дѣлать всевозможные расходы, и для ихъ покрытія наложена была на всѣ монастыри Литовской Провинціи особенная контрибуція. [980]

Не упуская изъ виду Провинціи Покрова Пресвятыя Богородицы, оставивъ дѣйствовать на этомъ пути главнымъ образомъ Римскаго Прокуратора, Базиліяне Литовской Провинціи смѣлѣе принялись теперь за Восточныхъ монаховъ Чина Св. Василія, по преимуществу Антіохійскаго Патріаршества. Съ одной стороны, успѣшнымъ

исходомъ своей пропаганды они надѣялись усилить себя, вознаградить не совсѣмъ-то еще безнадежныя потери съ основаніемъ другой, самостоятельной Провинціи; съ другой подобною дѣятельностію какъ нельзя лучше они заявляли себя предъ Римомъ, вызывали его на новыя къ нимъ благодѣянія, въ будущемъ готовили для себя полное его благоволеніе. Дѣятельность Базиліянъ, открывшаяся на Востокѣ около времени Замойскаго Собора, принесла теперь уже свои благотворные плоды. Въ 1734 г., 10 Октября, получено было изъ Антіохіи письмо, въ которомъ выражалось ревностное желаніе тамошнихъ Базиліянъ соединиться съ Литовскою Провинціею. Главнѣйшая цѣль, для которой искалась подобная Унія, была: слава Божія, распространеніе Католической Вѣры, сохраненіе Базиліянскаго Ордена (говоримъ словами Базиліянъ), который, какъ въ Антіохійскомъ, такъ и въ другихъ Восточнымъ Патріаршествахъ, былъ почти задавленъ и только теперь мало по малу начиналъ воскресать. Слѣдующія, болѣе главныя условія, полагались въ основаніе преектируемой Уніи: Генераломъ имѣлъ быть монахъ изъ Базиліянъ Русскихъ (Литовскихъ) («monachus Basilianus Ruthenus»). Базиліяне Греки Мелхиты будутъ имѣть Викарія, избраннаго изъ среды ихъ ими самими же «propter distantiam loci et necessitatem idiomatis.» Если бы Генералу заблагоразсудилось послать на Востокъ одного или двухъ монаховъ, они должны были отправляться и жить на Востокѣ на счетъ Генеральнаго Викарія. Литовская Провинція, въ свою очередь, обязалась содержать депутатовъ, отправляемыхъ сюда съ Востока. Въ Римѣ всѣ Базиліяне, и Русскіе и Восточные, должны были жить подъ вѣдѣніемъ Генеральнаго Прокуратора, такъ, чтобы взаимно они не служили себѣ въ тягость, «ne quidquam unus alteri oneris inferet.» Существенныя правила и Конституціи, сохраняемыя Базиліянами Русскими, имѣли сохраняться и Греками Мелхитами. Генералъ долженъ былъ послать къ нимъ свои Конституціи, съ искреннѣйшимъ выраженіемъ радости, по случаю принятія ихъ и воплощенія въ свою Конгрегацію. [984]

Какъ и нужно было ожидать, Римъ приходилъ въ восторгъ отъ подобныхъ дѣйствій Базиліянъ. Въ письмѣ своемъ изъ Рима, отъ 15 Іюня, 1742 г., [982] Римскій Прокураторъ извѣщаетъ ихъ, что «Святѣйшій, равно какъ и высочайшіе отцы, по своему отеческому благоволенію, вполнѣ расположены благодѣтельствовать

Базиліанскому Ордену.» Почувствовавъ съ этой стороны свою силу, Базиліане снова становятся въ открытую, окончательную борьбу съ Митрополитомъ; и поелику они видѣли постоянное противодѣйствіе его своимъ замысламъ, то думаютъ отдѣлиться отъ него, ослабить его полнымъ подчиненіемъ себя только Риму, и отсюда уже дѣйствовать на всю Уніятскую Церковь противъ Митрополита. Мы знаемъ уже, что послѣ Львовской Генеральной Капитулы, Базиліане постановили, чтобы Митрополитъ никого, не принадлежавшаго къ Литовской Провинціи, не поставлялъ въ этой же Провинціи на церковныя свѣтскія и монашескія должности. Когда въ 1741 г. Митрополитъ Шептицкій потребовалъ у Протоархимандрита и его Консульторія согласія на то, чтобы своего Авдитора сдѣлать Аббатомъ монастыря Дорогобужскаго, Базиліане, на консультаціи въ Бытенѣ, 1741 г., опредѣлили, «что этому ни какимъ образомъ не должно сочувствовать, не должно давать на это согласія, по тому что, говорили Базиліане, почтенный отецъ Липницкій не професъ нашей Конгрегаціи («R. P. Lipnicki, Авдиторъ Митрополита, non est nostrae congregationis professus»). Аббатство, продолжали они, это хлѣбъ заслуженыхъ; подобныхъ людей много въ нашей Конгрегаціи, и было бы несправедливо членовъ нашей Конгрегаціи подчинять вѣдѣнію того, который не отъ насъ. Если благодѣяніями нашей Конгрегаціи будутъ пользоваться люди чужіе, то этимъ многіе будутъ удержаны отъ сліянія съ нами.»[983] Тогда же Протоархимандритъ и Консульторы отправили къ Митрополиту письма, въ которыхъ прямо говорили, что «было бы несправедливо согласиться съ его желаніемъ; что онъ самъ, какъ Протекторъ Ордена, долженъ сознавать противное; что, уступая желанію Митрополита, они сдѣлаются причиною справедливой ненависти собственныхъ братій, по тому что въ ихъ Конгрегаціи есть лица достойно послужившія и по своимъ качествамъ имѣющія полное право на занятіе такихъ почетныхъ мѣстъ.» Въ заключеніе отъ себя рекомендовали Митрополиту на это мѣсто личность, «славную въ Конгрегаціи и величіемъ своего рода, и заслугами, и блескомъ своихъ добродѣтелей.»[984] Митрополитъ принужденъ былъ уступить. Базиліане пошли дальше. Они постановили, чтобы каждый, поставляемый на должность Аббата, давалъ присягу во всемъ заявлять полное послушаніе Протоархимандриту, наравнѣ со всѣми другими стар-

шими подчиняться его осмотру, распоряженіямъ, увѣщаніямъ. Кромѣ того отъ каждаго изъ новыхъ Аббатовъ бралось еще подобнаго рода письменное ручательство за собственноручнымъ подписомъ. [285] Базиліане видимо усиливались, по возможности, тѣснѣе соединиться между собою, чтобы потомъ, сплотившись, своимъ внутреннимъ, самостоятельнымъ, управленіемъ, поставить непреодолимыя преграды неблагонамѣреннымъ относительно Ордена дѣйствіямъ Митрополита.

Самая борьба за устройство новой Провинціи приняла къ этому времени вполнѣ благопріятный для Литовскихъ Базиліанъ исходъ. Теперь обнаружилось, что не даромъ они составляли проекты не даромъ вели пропаганду въ отдаленныхъ странахъ Востока, не напрасно съ огромными издержками посылали въ Римъ Прокуратора хлопотать по своему дѣлу. Въ 1742 г., 15 Іюня, получено было Генераломъ изъ Рима отъ Прокуратора частное письмо, которое привело Базиліанъ въ неописанную радость. «Богъ благословилъ мои труды, писалъ между прочимъ Прокураторъ, и на частной Конгрегаціи, въ присутствіи Святѣйшаго, рѣшено, чтобы во всей Россіи былъ одинъ Генералъ или Протоархимандритъ, при томъ непремѣнно професъ, одна Конгрегація, именно Святѣйшей Троицы (Литовская). По Конституціямъ Столицы Апостольской и Тридентскаго Собора, Митрополиту и Епископамъ оставлена такая юрисдикція, какая прилична надъ монахами привилегированными (exemptos) Понятно какъ много значитъ подобный терминъ. Сколько благоволенія къ намъ Св. Столицы, какія дѣла для насъ готова совершить она, можно будетъ увидѣть потомъ. Теперь скажу только, что Святѣйшій и Высокопочтенные отцы, извѣщенные мною о положеніи нашего Ордена и о Конституціяхъ, по своему отеческому благоволенію, вполнѣ расположены благодѣтельствовать намъ и, на сколько необходимо, подтвердить послѣднія. . . . . Скоро будетъ назначена и Генеральная Капитула (на которой, подразумѣвалось, провинція Покрова Пресвятыя Богородицы будетъ подчинена Литовской) для которой Ваши Милости должны обдумать различные, необходимые, проекты; я легко надѣюсь отъ Св Столицы получить ихъ подтвержденіе. Предсѣдательствовать на ней будетъ Митрополитъ; это только, впрочемъ, по тому, что совсѣмъ оскорбить его не хотѣли, но присутствовать въ Капитулѣ будетъ Нунцій, или его Делегатъ, чтобы,

въ присутствіи того, или другого, дѣло пошло хорошо, спокойно, сообразно тому направленію, какое дано будетъ ему Св. Конгрегаціей.» Далѣе Прокураторъ писалъ, что «срокъ должности Генерала, расположеніе, вообще все устройство провинціей будетъ зависѣть отъ ихъ благоусмотрѣнія. Въ заключеніе прибавлялъ, что самый «Nexus» между Митрополитами и Орденомъ (извѣстный намъ)» вмѣненъ въ ничто Св Сѣдалищемъ, какъ отяготительный для Ордена и предосудительный для монашеской дисциплины.» Когда письмо это было прочитано на Виленской Консультаціи, Базиліяне пришли въ восторгъ, и сейчасъ же постановили, чтобы Прокураторъ всѣми силами похлопоталъ («omni virium conatu curet») о буллѣ, которою бы Базиліяне освобождались отъ подчиненія Митрополиту, и о рѣшительномъ декретѣ, чтобы во всей Руси былъ одинъ Протоархимандритъ или Генералъ, и непремѣнно изъ простыхъ монаховъ; далѣе постановлено написать коллективное благодарственное письмо Святѣйшему Папѣ и Святой Конгрегаціи распространенія Вѣры; въ заключеніе требовалось обдумать, какія Конституціи Ордена послать въ Римъ для утвержденія и потомъ всеобщаго и повсюднаго распространенія. [986]

Здѣсь мы видимъ уже цѣлый, открытый заговоръ Базиліянъ Литовскихъ противъ Митрополита. По давней сдѣлкѣ съ Римомъ, они и теперь нашли здѣсь прочную для себя опору и всѣмъ своимъ замысламъ отсюда рѣшились давать значеніе и силу. Не говоря о Епископахъ, они не хотятъ знать даже Митрополита, и оставляютъ ему нѣкоторыя только права, и то по тому, что не хотятъ совершенно уже обижать его («bo się nie chciało urażać onego totaliter»). Римъ вступаетъ въ непосредственное вѣдѣніе всѣми Базиліянскими дѣлами. Основываясь на докладахъ Прокуратора, онъ перевершаетъ все, сдѣланное Митрополитами, безъ вѣдома Базиліянъ, по одному ихъ желанію. Митрополиту некогда было слѣдить за всѣмъ этимъ: онъ былъ занятъ Епархіяльными дѣлами, охраненіемъ вообще выгодъ своего духовенства. [987] Базиліяне между тѣмъ были слишкомъ внимательны къ своимъ выгодамъ, настойчивы въ своихъ просьбахъ, и вотъ, въ 1742 г., 1-го Мая, явилось наконецъ изъ Рима распоряженіе составить Генеральную Капитулу для окончательнаго устройства Базиліянъ. Мы знаемъ уже отчасти предварительно составленную программу для занятій этой Капитулы: она дѣйствительно была приведена въ исполненіе. [988]

XIX.

Соединеніе обѣихъ Базиліянскихъ Конгрегацій въ одну подъ властью одного Протоархимандрита. Дубенская Генеральная Капитула. Булла: «Inter plures»... Новыя милости Базиліянамъ со стороны Папы. Булла: «Super familiam.» Особенное значеніе обѣихъ буллъ.

По распоряженію Рима, Папскій Нунцій (въ Варшавѣ), Альбертъ Павлюцій, [989] разослалъ извѣстительное посланіе ко всѣмъ Уніятскимъ властямъ Базиліянскаго Ордена и въ Литвѣ, и въ Коронѣ, приглашая ихъ, въ Маѣ 1743 года, на Генеральную Капитулу въ Дубнѣ. [990] Предсѣдателемъ Капитулы назначался Митрополитъ Аѳанасій Шептицкій. Отъ себя Нунцій назначилъ Делегатомъ Георгія де Ласкарисъ, Епископа Зенополитанскаго. [991]

Радостно, напередъ уже торжествуя свою побѣду, откликнулись Литовскіе Базиліяне на этотъ благодатный, давно желанный для нихъ, призывъ. Объ этомъ событіи они были извѣщены еще почти за годъ частнымъ письмомъ Прокуратора въ Римѣ (отъ 15 Іюня, 1742 года). [992] Расположеніе Рима въ пользу Литовскихъ Базиліянъ, о которомъ писалъ тогда Прокураторъ Генералу Ордена, оказывалось не пустою мечтою. Въ частномъ засѣданіи Конгрегаціи распространенія вѣры, отъ 1 Мая, 1742 года, въ присутствіи Папы Бенедикта XIV, постановлено было: 1. Изъ монастырей обѣихъ Базиліянскихъ Конгрегацій (Литовской Св. Троицы и Польской Покрова Пресвятыя Богородицы) образовать одну только Конгрегацію съ титуломъ Святой Троицы. 2. На имѣющей быть въ свое время Генеральной Капитулѣ избрать Генерала или Протоархимандрита для всего Ордена; избранный долженъ быть непремѣнно профессъ и ни въ какомъ случаѣ Епископъ. 3. Активный голосъ [993] на этой Капитулѣ должно было предоставить только тѣмъ монахамъ Конгрегаціи Св. Троицы, которымъ это было усвоено Орденскими конституціями; правомъ пассивнаго голоса

могли пользоваться и другіе монахи — профессы всей Конгрегаціи, если къ этому не представлялось какихъ ни будь каноническихъ препятствій. 4. Предсѣдателемъ Капитулы назначался Митрополитъ, который при всемъ томъ не можетъ быть избранъ въ Генералы или Протоархимандриты Ордена. 5. Присутствовать на этой Капитулѣ былъ обязанъ и Апостольскій Нунцій, и если самъ лично не могъ этого сдѣлать, то долженъ былъ назначить отъ себя Делегата. 6. Касательно юрисдикціи Митрополита (относительно Базиліянъ), ему давалось надъ ними только такое право, какое конституціями Апостольскими и Тридентскимъ Соборомъ предоставлено было всѣмъ вообще Митрополитамъ и Епископамъ по отношенію къ монахамъ привилегированнымъ (изъятымъ, exempt-os). 7. Нунцію въ Польшѣ предписывалось, чтобы онъ, кромѣ того, представилъ, въ свое время, Св. Конгрегаціи распространенія вѣры, что̀ можетъ содѣйствовать тишинѣ, миру и вообще дальнѣйшему благу Конгрегаціи (Базиліянъ), которая должна быть соединена согласно настоящимъ указаніямъ. Нунцій особенно долженъ былъ вникнуть и, послѣ тщательнаго изслѣдованія, опредѣлить взаимную въ будущемъ очередь при избраніи Генерала или Протоархимандрита Ордена между Литовскими и Коронными Базиліянами, которые тенерь, на основаніи сдѣланныхъ постановленій, должны были соединиться въ одну Конгрегацію, и указать, какимъ образомъ можетъ быть установлена эта очередь. [994]

Сто́итъ только самымъ бѣглымъ образомъ сравнить настоящее постановленіе Конгрегаціи распространенія вѣры съ требованіями и заявленіями въ Римѣ въ послѣднее время Литовскихъ Базиліянъ, и между тѣмъ и другимъ мы увидимъ полнѣйшее согласіе. Прежде всего недавно образовавшаяся новая область Коронныхъ Базиліянъ (въ 1739 г.) здѣсь почти не упоминается, такъ какъ она была противна Литовскимъ Базиліянамъ, а за ними уже и Риму. [995] Проектируемой одной Конгрегаціи всѣхъ Базиліянъ усвояется названіе Конгрегаціи Литовской Св. Троицы. Рѣшительный перевѣсъ голосовъ на будущей Генеральной Капитулѣ предоставлялся самымъ дѣломъ Базиліянамъ Литовскимъ, такъ какъ вновь образовавшаяся было Польская Конгрегація не имѣла конституцій, освященныхъ Римомъ. [996] Митрополитъ Аѳанасій Шептицкій, который съ громаднымъ трудомъ успѣлъ объединить Коронныхъ Базиліянъ въ противодѣйствіе Литовскимъ, хотя получаетъ право

предсѣдательствовать на имѣющей быть Капитулѣ, но самые Базиліяне по отношенію къ нему объявляются монахами привилегированными. Кромѣ того, окончательное устройство Базиліянъ поручается уже не ему, Митрополиту, а Пунціо: такъ и видно, что самое предсѣдательствованіе на будущей Капитулѣ предоставлено Митрополиту Римомъ только по тому, «bo sie nie chciało urażać onego totaliter,»—замѣчаніе по этому поводу Базиліянскаго Прокуратора въ Римѣ, въ частномъ письмѣ его къ Генералу Ордена. [997] Такимъ образомъ на Дубенской Капитулѣ должны были осуществиться происки Литовскихъ Базиліянъ. Когда на третьемъ засѣданіи (на Дубенской Капитулѣ), по прочтеніи извѣстнаго намъ декрета Конгрегаціи распространенія вѣры, отъ 18 Мая, 1742 года, Предсѣдатель и Делегатъ предложили исполнить этотъ декретъ, «отцы Настоятели и Делегаты Русской или Коронной Провинціи тотчасъ начали настаивать предъ превелебѣйшимъ Предсѣдателемъ, чтобы приказано было публично читать ихъ недоумѣнія и причины, которыя дѣлаютъ для нихъ труднымъ исполненіе помянутаго декрета.» Когда прочитаны были эти недоумѣнія и причины, отцы Литовской Провинціи поставили дѣло рѣшительно и прямо отвѣтили, что все это раньше изслѣдовано и опредѣлено послѣдовавшимъ декретомъ, и не остается ни чего дѣлать, какъ только исполнить указанный декретъ. [998] Литовскіе Базиліяне защищали свое собственное дѣло, и понятно, съ какимъ торжествомъ спѣшили они на Дубенскую Капитулу.

Въ декретѣ своемъ, утверждающемъ постановленія Дубенской Капитулы, Папа Бенедиктъ XIV выставляетъ нѣсколько иныя основанія для ея созванія. Онъ говоритъ, что причиною этого послужила опасность могущихъ произойти въ будущемъ различныхъ враждебныхъ столкновеній [999] между старой и новой Конгрегаціями. Благовременнымъ спасительнымъ средствомъ противъ этого указывалась Дубенская Капитула, на которой изъ двухъ Конгрегаціи необходимо было составить одну и избрать одного общаго для всѣхъ Протоархимандрита. [1000] Въ своемъ мѣстѣ мы увидимъ, какъ жестоко обманывался Папа въ такихъ ожиданіяхъ. Но въ настоящемъ нельзя было оспаривать такой отеческой, по видимому, заботливости Папы о своихъ привередливыхъ дѣтяхъ, а Богу содѣйствующу, какъ замѣчаетъ Папа, въ Маѣ 1743 года, состоялась въ Дубнѣ Капитула, на которой устроена одна Конгрегація, состо-

ящая изъ двухъ Провинцій (Литовской и Русской или Польской, иначе Коронной, что все одно), подъ управленіемъ одного Протоархимандрита. Тогда же была установлена очередь между Провинціями для избранія Протоархимандрита; былъ избранъ и Протоархимандритъ — Поликарпъ Мигуневичъ, на этотъ разъ изъ Литовской Провинціи; были избраны и низшіе чиновники Ордена, именно: Консульторы, Секретари, по ровну, какъ изъ одной, такъ и изъ другой, Провинціи; составлены были многія конституціи и сдѣланы распоряженія для благополучнаго управленія этою новою Конгрегаціей. [1001]

Когда о дѣяніяхъ Дубенской Капитулы донесено было Папѣ, его душа возрадовалась необыкновенною радостію. 30 Марта, 1744 года, въ своемъ присутствіи Папа предложилъ Конгрегаціи распространенія вѣры обстоятельно разсмотрѣть дѣянія и постановленія Дубенской Капитулы. Слѣдствіемъ этого, отъ 11 Мая, 1744 г., была Папская булла: «Inter plures».... которая съ этихъ поръ легла въ основаніе всѣхъ законоположеній объ Уніятской Церкви и особенно новаго устройства Базиліянскаго Ордена. «Взвѣсивъ все, говоритъ Папа, что сдѣлано на Дубенской Капитулѣ для соединенія обѣихъ Конгрегацій, для установленія между ними очереди и избранія Протоархимандрита всего Ордена, мы съ охотою согласились подтвердить все это; по чему настоящимъ нашимъ Апостольскимъ посланіемъ одобряемъ и подтверждаемъ, какъ самую Генеральную Капитулу, такъ соединеніе (обѣихъ бывшихъ Базиліянскихъ Конгрегацій), очереди, избраніе Протоархимандрита и другихъ чиновниковъ, произведенныя на этой Капитулѣ; все это мы считали и продолжаемъ считать въ высшей степени полезнымъ для блага Ордена Св. Василія, котораго мы страстно отечески любимъ.»

Далѣе Папа входитъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе нѣкоторыхъ постановленій Дубенской Капитулы. Его замѣчанія относятся къ названію вновь образовавшихся двухъ Провинцій, къ названію общей соединенной Конгрегаціи всего Ордена, къ распредѣленію монастырей между Провинціями, къ способамъ содержанія въ Римѣ Алюмната и Генеральнаго Прокуратора, его правъ, къ опредѣленію правъ и положенія въ Орденѣ Аббатовъ, Протоархимандрита, къ уменьшенію числа монастырей въ Польской Провинціи (Со всѣми этими замѣчаніями Папы мы ознакомимся ниже,

когда будемъ говорить о каждомъ изъ этихъ предметовъ въ частности).[1002]

Чтобы быть послѣдовательнымъ, чтобы, съ одной стороны, выказать дѣйствительно «отечески страстную любовь» къ Базиліянамъ, а съ другой доказать вновь соединенной Коронной Провинціи, какъ полезно и благотворно быть въ соединеніи съ Орденомъ вообще, Папа Бенедиктъ XIV поспѣшилъ одарить Базиліянъ различными милостями. Его бреве, отъ 25 Февраля, 1747 года, извѣщало Уніятскій міръ, что всѣ вѣрные Христіяне обоего пола, если только они ежегодно будутъ исповѣдываться и пріобщаться въ храмовой праздникъ въ одной изъ церквей Базиліянскаго Ордена, въ Литвѣ ли, Россіи, или Польшѣ, если въ этомъ случаѣ цѣлыя сутки они проведутъ въ благочестивыхъ упражненіяхъ и будутъ молиться о мирѣ между Христіянскими Князьями, искорененіи ересей, о превознесеніи Св. Матери Церкви (Римской), получатъ полную индульгенцію и разрѣшеніе своихъ грѣховъ. * При этихъ же условіяхъ настоящимъ бреве давалась одна семилѣтняя и семь сорокадневныхъ индульгенцій тѣмъ изъ Христіянъ обоего пола, которые посѣтятъ Базиліянскія церкви «въ праздникъ» посѣщенія непорочной дѣвы Маріи» (Латинскій праздникъ) и въ день Покрова Пресв. Богородицы (главный праздникъ Коронной Провинціи Базиліянъ).[1004]

Въ 1751 году Папа даровалъ Базиліянамъ новыя привилегіи. Около этого времени Латинскіе Миссіонеры, принявшіе на себя трудъ проповѣданія слова Божія (въ Латинскомъ духѣ) въ Польшѣ и Россіи, представили Папѣ такого рода заявленіе, что во всей Россіи, особенно въ гористой части Польши, на Покутьѣ, въ обширныхъ областяхъ Украйны и во всей почти Бѣлоруссіи, довольно часто можно встрѣтить Уніятскіе храмы, и очень рѣдко Латинскіе (замѣчательное признаніе Латинянъ, и это, вѣдь, въ половинѣ XVIII вѣка), что по тому они, Миссіонеры, очень часто затрудняются совершать Богослуженіе, особенно миссу, за неимѣніемъ

---

* Индульгенція у Латинянъ раздѣляется главнымъ образомъ на полную, всецѣлую (plenaria), или отпущеніе всего временнаго наказанія, требуемаго за грѣхи правосудіемъ Божіимъ, и не полную, дробную, или отпущеніе нѣкоторой лишь части этого временнаго наказанія. Послѣдняя обыкновенно называется индульгенціей столькихъ-то дней или лѣтъ.[1003]

необходимыхъ къ тому священныхъ принадлежностей и одеждъ; вѣрные чрезъ это бываютъ лишены общенія съ Богомъ въ таинствѣ Св. Евхаристіи. Постоянно носить съ собою всѣ необходимыя для Богослуженія принадлежности въ высшей степени неудобно, по заявленію Миссіонеровъ, и не всегда безопасно: престолы, чаши и т. п., при неудобствѣ и продолжительности пути, легко могутъ быть разбиты, или, по меньшей мѣрѣ, испорчены. На этомъ основаніи Миссіонеры Латинскіе просили у Папы разрѣшенія пользоваться всѣмъ необходимымъ для Богослуженія, какъ то: антиминсами, чашами, одеждами, изъ церквей Уніятскихъ. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія поставленнаго вопроса (слова Папы), по соображеніи всей предыдущей практики, по выслушаніи мнѣній опытныхъ въ этомъ дѣлѣ, Папа пришелъ къ тому заключенію, что названнымъ breve разрѣшилъ Латинскимъ Миссіонерамъ, и вообще Священникамъ, пользоваться, въ случаяхъ необходимости, Уніятскими престолами, чашами, одеждами, и на оборотъ: Уніятскимъ позволялъ пользоваться тѣмъ же въ церквахъ Латинскихъ. [1005] Такимъ распоряженіемъ вся, по видимому, Уніятская Церковь возвышалась до уровня Латинской Церкви; но только по видимому: и Латиняне, и Базиліяне никогда не ставили себя на равнѣ съ Уніятскимъ бѣлымъ духовенствомъ. Всѣ права и привилегіи Уніятской Церкви Базиліяне относили только къ себѣ и только себя считали истинными Уніятами. Имъ вторили и Латиняне. [1006] И въ настоящемъ случаѣ преимущественно Базиліяне, вѣрные началамъ Рима, болѣе всего поспѣшили воспользоваться этимъ новымъ правомъ, и съ теченіемъ времени рѣшительно уже, безъ всякихъ крайностей, стали совершать Богослуженіе сами въ костелахъ и приглашать къ себѣ Латинянъ для большей представительности и торжественности въ память какого ни будь Святаго, въ день Ангела какого ни будь папа фундатора, въ память замѣчательныхъ событій въ Орденѣ и т. п... Базиліяне, Доминикане, Францискане, Кармелиты босые, Піяры, не рѣдко Езуиты, все это вмѣстѣ очень не рѣдко участвовало то въ отправленіи миссъ, литаній или торжественныхъ процессій, то въ попеременномъ сказываніи проповѣдей. [1007]

Мы знаемъ уже, какихъ трудовъ стоило Базиліянамъ, чтобы устранить Митрополитовъ и Епископовъ отъ избранія на должность Протоархимандрита. [1008] Жизнь для Базиліянъ казалась при-

вольнѣе, свои чисто Базиліянскія дѣла они думали обдѣлывать гораздо крѣпче и болѣе ловко, если во главѣ у нихъ будетъ стоять Протоархимандритъ—простой монахъ, профессъ. Въ половинѣ XVIII столѣтія они добились своихъ завѣтныхъ цѣлей. Выше мы видѣли, что опредѣленіемъ Конгрегаціи распространенія вѣры, отъ 18 Мая, 1742 г., п. п. 2 и 4, на должность Протоархимандрита могъ быть избираемъ только простой монахъ-профессъ, но не Епископъ, или Митрополитъ. По сей часъ же, съ осуществленіемъ своего плана, Базиліяне какъ будто увидѣли нѣкоторую его неправильность.

Уже около 1750 года Генеральный Базиліянскій Прокураторъ въ Римѣ началъ дѣлать Папѣ рѣшительныя представленія по этому вопросу. Онъ указывалъ, что съ соединеніемъ Базиліянъ въ одну Конгрегацію Орденъ ихъ распространился такъ, что въ немъ нужно считать теперь болѣе ста семидесяти монастырей. Между этими монастырями находятся и такіе, Старшіе которыхъ (Аббаты) пользуются правомъ употреблять при служеніи митру, посохъ, носятъ на груди крестъ, имѣютъ право носить перстень. Всѣми монастырями управляетъ одинъ Протоархимандритъ, и хотя въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ полную надъ ними власть, тѣмъ не менѣе, будучи не въ правѣ пользоваться преимуществами обыкновенныхъ Аббатовъ, онъ этимъ самымъ уже становится какъ бы ниже ихъ. По тому, по мнѣнію Прокуратора, было бы въ высшей степени полезно, чтобы Верховный Генералъ (Протоархимандритъ), который, по своему достоинству и значенію, выше всѣхъ въ Орденѣ и Конгрегаціи, непремѣнно пользовался и внѣшними преимуществами, тѣмъ болѣе, что въ этихъ преимуществахъ не отказано многимъ подчиненнымъ Протоархимандрита и подлежащимъ его вѣдѣнію. Эти преимущества, въ свою очередь, должны были принадлежать собственно должности, а не лицу, и ими могъ пользоваться только тотъ, кого выбирали въ Протоархимандриты, и при томъ на время только прохожденія этой должности (О срокахъ будемъ говорить ниже). Папа, снисходя къ заявленію Прокуратора и желая выразить по отношенію къ нему свою особую любовь («nos igitur eundem Januarium (имя Прокуратора) specialis gratiae favore prosequi volentes»), особою буллою въ 1751 году разрѣшилъ, чтобы каждый изъ Протоархимандритовъ, во все время прохожденія этой должности, пользовался правомъ носить митру,

крестъ, перстень, употреблять при Богослуженіи жезлъ пастырскій и другія отличія и одежды по обрядамъ своей (Уніятской) Церкви.[1009]

Двумя новыми бреве (оба отъ 5 Февраля, 1754 г.) Папа объявляетъ, что каждый изъ Священниковъ (изъ бѣлаго, или монашествующаго, духовенства, все равно), который совершитъ литургію у престола Св. Василія Великаго въ церквахъ Базиліянскаго Ордена, (непремѣнно) получитъ уже самимъ дѣломъ полную индульгенцію, и душа его будетъ свободна отъ мученій Чистилища. Другимъ бреве Папа даетъ знать, что каждый Священникъ изъ монашествующаго духовенства, который, согласно предписаніямъ Ордена, будетъ совершать заупокойныя литургіи за души умершихъ въ Базиліянской Конгрегаціи братій, на основаніи настоящаго разрѣшенія Папы, послужитъ этимъ самымъ какъ бы проводникомъ для нихъ полной индульгенціи.[1010]*

Въ 1756 году Протоархимандриту даровано Папою новое, очень важное для Базиліянскаго Ордена, право. Въ этомъ году ему подчинены всѣ Аббатства въ Орденѣ. Такое рѣшеніе вопроса объ Архимандріяхъ, или Аббатствахъ, для Базиліянъ было слишкомъ важно. До сихъ поръ Аббаты исключительно зависѣли отъ

---

* Въ Латинской Церкви есть индульгенціи не только для живыхъ, но и для умершихъ. Равность между тѣми и другими Латинскіе богословы поставляютъ въ томъ, что живымъ Римская Церковь прямо отпускаетъ временное наказаніе, требуемое правосудіемъ Божіимъ за грѣхи, такъ какъ живые подлежатъ ея духовно начальственной власти; а за умершихъ, которые уже не подлежатъ этой ея власти, она изъ своей сокровищницы предлагаетъ только Богу потребную часть избыточныхъ удовлетвореній І. Христа и Святыхъ, и проситъ Бога воззрѣть окомъ милосердія на сіи удовлетворенія и, ради ихъ, отпустить усопшимъ временное наказаніе за грѣхи въ огнѣ чистилищномъ и избавить ихъ отъ онаго. Это усвоеніе умершимъ преизбыточныхъ удовлетвореній І. Христа и Святыхъ совершается у Латинянъ, между прочимъ, чрезъ отправленіе литургіи на, такъ называемомъ у нихъ, привилегированномъ алтарѣ или престолѣ. Иначе сказать, души усопшихъ, за которыхъ совершается на этихъ престолахъ литургія, получаютъ большую индульгенцію, т. е., отпущеніе всего временнаго наказанія, требуемаго правосудіемъ Божіимъ за грѣхи, и освобождаются изъ Чистилища (Bouvier, Traite des indulgenses 27). Привилегированные престолы въ Базиліянскихъ церквахъ были объявлены еще Папою Урбаномъ VIII. Sess. 3. Congr. Laur. 1626 г. См. Вѣстн. Западн. Россіи 1870 г., книга IV, отд. 2, стр. 5.

Митрополита. Своимъ правомъ Митрополиты особенно пользовались въ борьбѣ съ Орденомъ, которая почти не прекращалась во все время существованія Уніи. Въ такихъ случаяхъ Митрополиты обыкновенно выдвигали вопросъ объ Архимандріяхъ, и въ Орденѣ начиналась внутренняя смута, разъединеніе. Стоило, напр., для извѣстнаго монастыря выхлопотать привилей на Архимандрію, назначить туда Архимандрита, и такой монастырь становился въ зависимость отъ Митрополита, нерѣдко изъ враждебнаго ему дѣлался его же союзникомъ. Базиліяне вообще всегда были падки на какую ни будь высшую должность, и по тому Базиліянская среда постоянно представляла очень много началъ, которыми въ свою пользу, при случаѣ, легко пользовались опытные Митрополиты. Такимъ образомъ, понимая слабую сторону Ордена, Митрополиты въ борьбѣ съ нимъ сейчасъ же спѣшили, на основаніи своихъ правъ, увеличить число Архимандрій и, бросивши этимъ въ среду Базиліянъ яблоко раздора, усилить чрезъ это свой станъ, ослабить противника и приготовить себѣ легкую побѣду.

Базиліяне предвидѣли это зло и на первой же Конгрегаціи Новогородеиской, въ 1617 году, постановили выхлопотать у Короля привилей, по которому всѣ высшія мѣста и іерархическія должности въ Церкви отдавались бы только монахамъ этого Ордена, и при томъ съ согласія и по рекомендаціи самого же Ордена. Въ силу такихъ хлопотъ Польскій Король Владиславъ IV, привилеемъ 1635-го года, за себя и за своихъ предковъ, обѣщалъ «Архіепископствъ, Архимандрій и Игуменствъ никому другому не давать, какъ только монахамъ Базиліянскаго Ордена.» Но не болѣе, какъ черезъ 25 лѣтъ, Базиліяне увидѣли всю непрочность такого привилея. Митрополиты и Епископы, самопроизвольно, безъ согласія Ордена, возводили многіе монастыри на степень Архимандрій, въ смыслѣ Королевскихъ бенефицій, и по собственному усмотрѣнію давали на нихъ презенту своимъ кліентамъ, нерѣдко даже свѣтскимъ лицамъ, или получали подъ часъ привилеи на себя на нѣсколько Архимандрій. Въ 1661 году, на Конгрегаціи Жировицкой Базиліяне протестовали на незаконное возведеніе въ Архимандріи монастырей Полоцкаго, Черейскаго, Дубенскаго, Городненскаго, Берестейскаго, Минскаго, Мстиславскаго. На основаніи ходатайства въ Римѣ одного изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ Ордена, Якова Суши, Папа распорядился созвать въ Берестѣ, въ 1666 г., новую

Конгрегацію. Предсѣдательствовавшій на ней Папскій Нунцій въ своей рѣчи поставилъ, между прочимъ, на видъ Митрополиту и Епископамъ, что они многіе монастыри возвели на степень Архимандрій и сами владѣютъ ими, иногда нѣсколькими заразъ, что въ этихъ монастыряхъ весьма мало монаховъ, и это отъ того, что доходы отъ такихъ монастырей поступаютъ исключительно въ пользу обладающихъ ими. Нунцій совѣтовалъ Митрополиту принять зависящія отъ него мѣры къ уничтоженію новыхъ Архимандрій, отнять ихъ у незаконно владѣющихъ ими и передать въ вѣдѣніе Ордена. Но Митрополиты, оберегая свои права, не легко поддавались такимъ внушеніямъ. Борьба за Архимандріи продолжалась (Нужно помнить, что въ это время происходила особенно ожесточенная борьба между Орденомъ и Митрополитами). Въ 1671 году встрѣчаемъ новыя Архимандріи, Кобринскую и Лавришовскую, и при томъ въ обладаніи у свѣтскихъ людей. Въ 1675 году Базиліане упрашивали Митрополита Жоховскаго, чтобы онъ, во 1-хъ, по примѣру Рутскаго, не умножалъ Архимандрій; 2) чтобы уничтожены были, по крайней мѣрѣ, Архимандріи Виленская, Черейская и Минская; 3) чтобы безъ вѣдома и согласія съ Протоархимандритомъ никого не возводилъ на высшія должности. Но и эта просьба осталась безъ всякихъ послѣдствій. Борьбу за Архимандріи мы встрѣчаемъ и при Митрополитахъ, Львѣ Залѣсскомъ, Львѣ Кишкѣ. [1011] Базиліане приходили въ ужасъ отъ подобныхъ дѣйствій Митрополитовъ. Будучи не въ состояніи склонить ихъ на свою сторону, не получая ни малѣйшей уступки, Базиліане порѣшили дѣйствовать болѣе настойчиво. Время было очень удобное. Изъ Рима увѣдомляли, что Папа «вполнѣ расположенъ благодѣтельствовать Базиліанъ.» [1012] На Дубенской Капитулѣ Базиліане очень много разсуждали по этому вопросу и, какъ видно изъ дѣяній этой Капитулы, [1013] пришли къ тому заключенію, что необходимо совершенно развязаться съ Митрополитомъ, прекратить всякое его отношеніе къ Архимандріямъ, лишить его всякой власти по отношенію къ монастырямъ, въ томъ числѣ и Архимандріямъ, и все это сосредоточить въ рукахъ одного общаго, главнаго Орденскаго начальника, Протоархимандрита. Свои разсужденія Базиліане представили для утвержденія Папѣ. [1014]

Не рѣшался еще тогда (1714 г.) Папа стать прямо на сторону Базиліанъ и повелъ дѣло издалека. «Въ вашихъ разсужде-

ніяхъ, говоритъ онъ по этому поводу, мы нашли, что вами было предположено и постановлено, чтобы Протоархимандритъ осматривалъ всѣ монастыри на степени Архимандріи; его власть должна ограничиваться, по вашему заявленію, только простыми монахами, и никогда не должна была простираться на личность самыхъ Аббатовъ. Если бы открылось, что какой ни будь Аббатъ, во время своего управленія монастыремъ, причинилъ какую ни будь обиду монастырю, или монаху, долгъ Протоархимандрита обо всемъ этомъ донести Митрополиту. Что касается предпочтительности (praecedentia) Аббатовъ Протоархимандриту, или на оборотъ, то мы усматриваемъ, что разсужденіе объ этомъ вы исключительно предоставили Апостольскому Сѣдалищу.»

И такъ, по мнѣнію Папы, являлся теперь двоякаго рода вопросъ: о непосредственномъ подчиненіи Аббатовъ Протоархимандриту, или Митрополиту, и объ ихъ предпочтительности Протоархимандриту. Начиная съ болѣе легкаго, Папа опредѣлилъ, что во всѣхъ дѣяніяхъ монастырскихъ Протоархимандритъ долженъ имѣть предпочтеніе предъ Аббатами: «не должно быть терпимо, говоритъ Папа, чтобы въ дѣяніяхъ монастырскихъ обыкновенные монахи имѣли предпочтеніе предъ главою своего Ордена.» Внѣ круга дѣлъ монастырскихъ предписывалось соблюдать обыкновенный порядокъ. Если было обыкновеніе, что Аббатъ пользовался предпочтеніемъ предъ Протоархимандритомъ, такой обычай долженъ былъ сохраниться и на дальнѣйшее время, если предыдущая практика говорила противное, и въ будущемъ тогда нельзя было отступать отъ нея.

Что касается непосредственнаго подчиненія Аббатовъ Митрополиту, или Протоархимандриту, Папа поспѣшилъ опереться на постановленіе свое въ засѣданіи Конгрегаціи распространенія вѣры отъ 1-го Мая, 1742 г., по которому хотя Митрополитамъ предоставлялась власть надъ монахами, но она ограничивалась постановленіями Апостольскаго Престола и Тридентскаго Собора, гдѣ опредѣляются права Митрополита надъ монахами привилегированными; «отсюда, говоритъ Папа, безъ сомнѣнія слѣдуетъ, что Аббаты должны быть подчинены непосредственно не Митрополиту, а Протоархимандриту («ex quo procul dubio consequitur, Abbates, non quidem Metropolitano, sed Protoarchimandritae immediate, subesse debere»). Едва ли, продолжаетъ Папа, можетъ быть хорошій поря-

локъ въ Орденѣ, если Аббаты непосредственно будутъ зависѣть отъ Митрополита, а не отъ Протоархимандрита. Въ случаѣ обидъ, какія Аббатъ можетъ причинять монастырю, или монахамъ, дѣло, по мнѣнію Папы, будетъ исправлено гораздо скорѣе и легче, если о немъ будетъ доведено до свѣдѣнія Протоархимандрита; если же возникающія въ монастыряхъ препирательства предоставить на обсужденіе и заключеніе Митрополита, то дѣло можетъ только замедлиться. Тѣмъ болѣе Папа находитъ неправильнымъ такое явленіе, что оно противно постановленіямъ Западной Церкви въ томъ случаѣ, когда Митрополитъ, имѣя въ подчиненіи у себя Архимандріи, которыя могутъ находиться и не въ его Епархіи, будетъ вмѣшиваться, такимъ образомъ, въ дѣла другихъ Епископовъ.» [1015]

Но трудно было остановиться на такомъ рѣшеніи: это значило совершенно ужъ оскорбить Митрополита. Между тѣмъ тогдашній Митрополитъ, Аѳанасій Шептицкій, дѣйствовалъ слишкомъ сильно, самостоятельно, [1016] и самъ Папа, хотя неискренно, [1017] называетъ его «достопочтеннымъ братомъ, котораго превосходныя добродѣтели, пламенная ревность къ Католической религіи, искренняя преданность Апостольскому Престолу,» такъ роскошно проявились въ настоящемъ случаѣ (въ дѣлѣ созванія Дубенской Капитулы). [1018]

Нельзя было изъ опасенія за дѣло Уніи, «sub nullitate actus,» лишать его прежней власти. Папа поступилъ слѣдующимъ образомъ. Вспомнивши неопредѣленныя постановленія Замойскаго Собора по вопросу о власти Протоархимандрита, указавши опредѣленія Папы Урбана VIII, также постановленія нѣкоторыхъ Соборовъ и Капитулъ, по которымъ Митрополиту предоставляется власть и надъ монахами, и надъ Аббатами, Папа, въ заключеніе вопросъ о положеніи Аббатовъ въ Орденѣ объявляетъ только открытымъ, оставляя за собою право окончательное рѣшеніе о немъ произнести въ будущемъ, когда, по важности самаго вопроса, будутъ собраны возможныя данныя для его вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Въ настоящемъ же случаѣ Папа пока постановилъ, чтобы въ Архимандріяхъ власть Прогоархимандрита простиралась только на монастырское имущество и на простыхъ монаховъ; власть же Митрополита должна была имѣть отношеніе только къ личности Аббатовъ. [1019] Того же пока требовали и Базиліяне.

Но Папа своими разсужденіями по вопросу о подчиненіи Аббатовъ вызывалъ Базиліанъ на новыя требованія. Прошло двѣнадцать лѣтъ послѣ такихъ разсужденій, и дѣла дѣйствительно измѣнились. Базиліане работали по заданному плану и доставляли въ свою пользу документы. Папа, по его словамъ, успѣлъ тщательно взвѣсить и разсмотрѣть всѣ представленные ему документы по возбужденному вопросу о подчиненіи Аббатовъ, успѣлъ обсудить этотъ вопросъ въ Конгрегаціи своихъ Кардиналовъ; спрошены были мнѣнія даже такихъ знатоковъ, по словамъ Папы, Уніятскаго вопроса, какъ бывшій Апостольскій Нунцій въ Царствѣ Польскомъ, Альберикъ, Архіепископъ Никейскій (по имени только), и знакомый уже намъ Георгій, Епископъ Зенополитанскій. Не были спрошены только хозяева въ своемъ дѣлѣ—Уніятскія власти: Митрополитъ и Епископы. На основаніи такихъ совѣщаній, Папа пришелъ къ тому заключенію, что Аббаты безъ сомнѣнія должны непосредственно подчиняться Протоархимандриту, что такое подчиненіе послужитъ къ упроченію порядка въ Орденѣ и увеличенію славы Божіей. Свое постановленіе Папа объявилъ особою буллою, отъ 30 Марта, 1756 года, которая начинается: «Super familiam».. Кромѣ подчиненія Аббатовъ Протоархимандриту, въ этой буллѣ Папа старается опредѣлить положеніе въ Орденѣ Митрополита, Протоархимандрита, Аббатовъ и другихъ членовъ общества. [1020] Въ жизни Базиліянскаго Ордена булла: «Super familiam,» наравнѣ съ буллою: «Inter plures...», сдѣлалась законодательнымъ актомъ. Каждый вновь избираемый Орденскій чиновникъ приносилъ присягу на вѣрность Папѣ и Ордену, между прочимъ, juxta praescripta in litteris fel. recor. Benedicti XIV decretalibus, quarum initium est: «Inter plures.... et Super familiam.» [1021]

Въ томъ же году Папа выразилъ Базиліанамъ новыя милости. Посланіемъ, отъ 15 Мая, 1756 года, онъ объявлялъ полную индульгенцію всѣмъ вѣрнымъ, которые будутъ посѣщать Базиліанскія церкви въ праздникъ Св. Онуфрія; а бреве отъ 14 Іюля, того же года, объявлялась такая же индульгенція тѣмъ, которые будутъ посѣщать Базиліанскія церкви 16 Сентября. [1022] Въ бреве умолчано о дневномъ Святомъ. Въ этотъ день Уніяты праздновали память Іоасафата Кунцевича. [1023] Новымъ бреве отъ 30 Іюня, 1759 года, возвѣщалась полная индульгенція тѣмъ, которые посѣтятъ Петро-Павловскую церковь въ Берестѣ въ вѣдѣніи Базиліанъ, въ то время,

когда тамъ будутъ происходить занятія Базиліанской Генеральной Капитулы; а на основаніи бреве отъ 4 Генваря, 1764 года, можно было преподать полную индульгенцію всѣмъ тѣмъ, которые будутъ присутствовать при миссіяхъ, совершаемыхъ Базиліанами. [1024]

Съ жадностью принимали Базиліане всѣ эти Папскія милости; но ихъ упоеніе не знало предѣловъ, и они, кажется, тѣмъ большаго желали, чѣмъ больше имъ давали. Теперь они хотѣли доказать Папѣ, что не даромъ, въ продолженіе полутора вѣка, они пользовались его особыми милостями, что не даромъ хлопотали о соединеніи всѣхъ Базиліанъ въ одну Конгрегацію. Унія, по затѣямъ Литовскихъ Базиліанъ, должна была обратиться теперь въ чистое Латинство, и краеугольнымъ камнемъ этого проектированнаго зданія Базиліане назначали себя. Но предварительно имъ нужно было окончательно уничтожить власть Митрополита и Епископовъ, всѣ высшія мѣста удержать за собою, плотно связать всѣхъ членовъ новорожденной Конгрегаціи, выработать для всѣхъ одинъ опредѣленный, обязательный законъ жизни и дѣятельности, и тогда дружнымъ напоромъ поразить и явиться уже гордымъ побѣдителемъ за новою наградой. Базиліане пока и принялись за эту новую работу—внутреннее, окончательное устройство Ордена.

XX.

Окончательное внутреннее устройство Базиліанъ; Базиліанскія конституціи; приготовительныя къ тому работы. Стремленіе Базиліанъ къ полнѣйшей независимости.

Съ самаго начала существованія Ордена Базиліане имѣли опредѣленныя конституціи и правила, [1025] но съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ обстоятельствъ Ордена, самое его законодательство должно было значительно измѣниться въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ. Около половины XVII столѣтія Орденъ слишкомъ ясно и рѣшительно началъ заявлять о своихъ правахъ и особенностяхъ. [1026] Съ тѣмъ вмѣстѣ должно было уяснить и выразиться это и въ самомъ Сводѣ Орденскихъ постановленій. Сообразно требованіямъ времени, возникали у Базиліанъ разнаго рода вопросы

по Орденскому управленію, разрѣшеніе которыхъ доставляло новый матеріялъ для ихъ законодательства. Разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ занимались главнымъ образомъ Генеральныя Конгрегаціи, или Капитулы, которыхъ до 1739 года, до Львовской Капитулы, когда образовалась Коронная Провинція, было 39. [1027] Правда, не всѣ изъ этихъ Конгрегацій оставили послѣ себя постановленія для руководства. Нѣкоторыя изъ нихъ не были утверждены Папой (на пр., Конгрегація Минская 1683 г.); другія имѣли частный характеръ Конгрегацій (Виленская 1661 г. и Холмская 1719 г.); постановленія Конгрегацій 1642 и 1646 года, какъ ни полезны были для Базиліянъ, по свидѣтельству Кульчинскаго, не извѣстно куда дѣвались; по всей вѣроятности, говоритъ онъ, онѣ сокрыты замѣшанными въ дѣлѣ лицами. [1028] Но всѣ постановленія Конгрегацій хотя отвѣчали болѣе, или менѣе, современнымъ запросамъ о Базиліянскомъ мірѣ, не имѣли, однако жъ, системы, не были объединены. Необходимо было придать имъ опредѣленный видъ, упорядочить ихъ. Такая попытка слѣлана была на Новогородеиской Конгрегаціи 1686 года. Здѣсь приведены были въ порядокъ постановленія предшествовавшихъ Конгрегацій подъ заглавіемъ: «Конституціи монаховъ Ордена Св. Василія Великаго, извлеченныя изъ Генеральныхъ Конгрегацій, бывшихъ съ 1617 года, со времени Іосифа Велямина Рутскаго, Митрополита Россіи, возстановителя, пересмотрѣнныя и приведенныя въ порядокъ на послѣдней Новогороденской Конгрегаціи 1-го Августа, 1686 года.» Вторая попытка въ этомъ родѣ принадлежитъ Митрополиту Льву Кишкѣ, который, согласно своему обѣщанію Базиліянамъ въ 1719 году, составилъ для руководства сборникъ Базиліянскихъ конституцій примѣнительно къ священнымъ канонамъ, сборникъ, долго пользовавшійся уваженіемъ Базиліянъ и послужившій матеріяломъ для дальнѣйшихъ плановъ объ устроеніи Базиліянскаго Ордена. [1029]

Когда образовалась новая Коронная Провинція Базиліянъ въ 1739 году, то въ руководство для своей жизни и дѣятельности она рѣшила воспользоваться опытомъ и практикою Литовскихъ Базиліянъ. Но такъ какъ существовавшіе сборники постановленій Литовскихъ Базиліянъ не совсѣмъ отвѣчали требованіямъ Базиліянъ Коронныхъ, то послѣдніе составили свой сборникъ, на основаніи правила Св. Василія Великаго. Сборникъ вышелъ въ 1740 году подъ заглавіемъ: «Ustawy Sw. Oyca naszego Bazylego W.

wkrótce zebrane, w conwence Poczajowskim zakonu tegoż». Составленіе этого сборника нѣкоторые приписываютъ первому и единственному Протоархимандриту Коронной Провинціи, Патрицію Жировскому. Сборникъ заключалъ въ себѣ трактаты о цѣли монашескаго житія, о средствахъ къ этой цѣли, нищетѣ, чистотѣ и покаяніи и объ общежитіи. [1030]

По мы знаемъ, что, на основаніи распоряженія Конгрегаціи вѣры, отъ 1 Мая, 1742 года, всѣ Базиліяне, и Литовскіе и Коронные, должны были составить одну Конгрегацію. Съ тѣмъ вмѣстѣ требовалось, конечно, ввести однообразіе и въ ихъ законодательствѣ. Вполнѣ расчитывая на Литовскихъ Базиліянъ, близко знакомый съ ихъ постановленіями, которыя почти всѣ получили утвержденіе изъ Рима, Папа потребовалъ, чтобы, съ объединеніемъ всѣхъ Базиліянъ, повсюду употреблялись и постановленія только Литовскихъ Базиліянъ, примѣнительно, разумѣется, къ современнымъ потребностямъ Ордена, съ новыми дополненіями. Потребовался, такимъ образомъ, новый, уже для всѣхъ Базиліянъ, сборникъ постановленій. Объ этомъ заявлялъ Папа еще въ 1742 году въ засѣданіи Конгрегаціи распространенія вѣры, отъ 1-го Мая. [1031] Свое заявленіе Папа повторилъ въ 1744 году [1032] и въ 1763 году. [1033] Но особенно настаивалъ объ этомъ Папа въ 1751 году, когда Базиліяне собирались на Генеральную Капитулу въ Берестѣ. [1034]

Базиліяне, впрочемъ, съ этой стороны не слишкомъ нуждались въ понужденіи. Въ 1747 году на Генеральной Капитулѣ въ Берестѣ они постановили, чтобы конституціи Ордена (сборникъ Литовскихъ Базиліянъ), переведенныя съ Латинскаго языка на Польскій, ежемѣсячно читались въ трапезѣ, въ собраніи монаховъ (каждаго монастыря). [1035] Въ 1751 году въ Почаевѣ былъ изданъ «Summariusz reguł Sw. Oyca naszego Bazylego W. z reguł obszernieyszych i krotszych, z konstytucij mniskich i nauk iego zakonnych wkrótce zebrany, wydrukowany cum permissu Superiorum w Typografij Ko. M. Poczaiowskiey 1741 r.» Въ этомъ сборникѣ заключаются уже не одни правила Св. Василія Великаго, а и постановленія Римской Церкви относительно монаховъ. Въ предисловіи составитель замѣчаетъ, что «несоблюденіе настоящихъ правилъ должно служить для монаховъ положительнымъ доказательствомъ ихъ вѣчной погибели. Такимъ образомъ, каждый монахъ для достиженія спасенія долженъ крѣпко вѣрить, что никто не войдетъ въ царствіе

небесное, если не исполнитъ свыше указаннаго ему назначенія и не будетъ итти предназначенными ему путями. Если же Богъ призвалъ кого ни будь въ монашество, тотъ долженъ убѣдиться этимъ, что для него спасеніе только и можетъ быть въ этомъ званіи, и единственный къ этому путь—соблюденіе настоящихъ постановленій, и не въ одномъ чемъ ни будь, не въ какихъ ни будь частностяхъ только, а вообще и во всемъ.» [1036] Но всѣ подобные сборники не были обязательны. Орденъ Базиліянскій началъ какъ бы новое свое развитіе, а жизнь выдвигала постоянно новые и новые вопросы, правда, въ большинствѣ случаевъ, въ высшей степени мелочные, корыстные, чисто житейскіе, но для Базиліянъ они казались существенными, первой важности. Такіе вопросы съ 1752 года они начинаютъ вносить на разсмотрѣніе въ Римскую Курію. Въ 1752 году было внесено 17 такихъ вопросовъ, въ 1755 году два вопроса, въ 1757 году 15 вопросовъ, въ 1758 г. два, въ 1759 восемь, въ 1763 г. одиннадцать, въ 1766 г. семь вопросовъ. Эти вопросы поставлялись, большею частію, на Генеральныхъ Капитулахъ, которыя тоже большую часть своихъ занятій посвящали разсужденіямъ о внутреннемъ устройствѣ Ордена. [1037] Рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, окончательное уясненіе положенія Ордена, и представляло теперь болѣе, или менѣе, возможность приступить къ составленію кодекса, общаго для всѣхъ Базиліянъ.

Въ 1759 году на Генеральной Капитулѣ въ Берестѣ было постановлено, чтобы двѣнадцать Базиліянъ, избранныхъ на этой Капитулѣ, съѣхались въ Гощу и, тщательно разсмотрѣвъ всѣ постановленія послѣдней Капитулы, успорядили ихъ вновь, привели въ систему, обсудили ихъ потомъ на провинціяльныхъ Капитулахъ и уже въ новомъ, исправленномъ, видѣ, съ сдѣланными замѣчаніями, представили ихъ на разсмотрѣніе въ засѣданія ближайшей Генеральной Капитулы. Постановленіе Капитулы было исполнено. Конституціи были исправлены въ Гощѣ и представлены на Генеральную Капитулу въ Берестѣ въ 1772 году. Но тяжелыя обстоятельства, при которыхъ происходили занятія этой Капитулы: политическія неурядицы въ тогдашнемъ Западномъ краѣ, постоянные переходы вооруженныхъ войскъ, зимнее время и дороговизна жизненныхъ продовольствій, заставляли Базиліянъ скорѣе, по возможности, поторопиться убраться во свояси. [1038] Капитульнымъ отцамъ нравственно трудно было заниматься теперь обстоятельнымъ

обсужденіемъ сдѣланнаго оо. Базиліянами въ Гощѣ, и по тому они постановили: избраннымъ на послѣдней Капитулѣ Провинціяламъ вмѣнить въ обязанность, чтобы они въ первый же годъ своего провинціяльства распорядились переписать, а если можно, то и напечатать, Гощанскія конституціи съ такимъ заглавіемъ: «Конституціи, которыя на будущихъ Капитулахъ подлежатъ испытанію и выборкѣ» (Constitutiones examinandae et seligendae in futuris Capitulis). Переписанныя и напечатанныя эти конституціи слѣдовало разослать въ достаточномъ количествѣ по всѣмъ Базиліянскимъ монастырямъ на разсмотрѣніе и въ чемъ слѣдуетъ измѣненіе съ сдѣланными замѣчаніями отъ каждаго монастыря. Конституціи эти Старшіе монастырей должны были представить на свою провинціяльную Капитулу. Здѣсь опять они просматривались, обсуждались, исправлялись и въ новомъ уже видѣ должны были явиться на ближайшую Генеральную Капитулу. Окончательное утвержденіе во всякомъ случаѣ долженъ былъ дать Римъ послѣ новаго разсмотрѣнія на Генеральной Капитулѣ двухъ проектовъ Базиліянскихъ конституцій отъ двухъ провинцій, примѣненія къ общимъ пользамъ всего Базиліянскаго Ордена и окончательнаго ихъ объединенія. [1039] Пересмотрѣнныя и исправленныя Гощанскія конституціи представлены были на Генеральную Капитулу въ Торокани (1780 г.). Разсмотрѣніе и исправленіе ихъ продолжалось потомъ еще и на провинціяльной консультаціи въ Семенкахъ (1784) и на Генеральной Капитулѣ въ Жидичинѣ (въ 1788 г.). [1040]

Видимъ, какъ тщательно, осторожно, съ провѣркою каждаго своего шага, приступали Базиліяне къ составленію законодательнаго для себя положенія. Всѣ въ Орденѣ призваны были къ участію въ такъ важномъ для него дѣлѣ, отъ простого монаха въ какомъ ни будь отдаленномъ, глухомъ монастырѣ до Протоархимандрита съ его шумнымъ, блестящимъ мѣстопребываніемъ, походившимъ въ это время уже на дворецъ. Все, что сдѣлано было въ продолженіе полуторавѣковой жизни Ордена, вновь подвергается пересмотру, измѣненіямъ. Каждый могъ свободно заявлять свое мнѣніе, но только съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ виду оно имѣло прежде всего матеріяльную пользу Ордена. Все, что сколько ни будь говорило противъ него, Базиліяне должны были устранить, подчинить себѣ, или совершенно уничтожить. Въ этомъ отношеніи въ своихъ Капитульныхъ разсужденіяхъ и конституціяхъ они не

рѣдко заходили такъ далеко, что даже Римъ долженъ былъ останавливать ихъ, сдерживать. [1041] Всѣ вопросы и сомнѣнія Базиліанъ разрѣшалъ теперь уже Римъ; на его одобреніе посылались всѣ постановленія Базиліанъ, и онъ или давалъ имъ свое утвержденіе, или же смягчалъ, отмѣнялъ и совершенно уничтожалъ. Изъ этихъ-то опредѣленій Рима, какъ мы говорили, и Базиліанскихъ Капитульныхъ постановленій и составился своего рода Базиліанскій «Corpus juris,» т. е.: «Corpus constitutionum Ordinis S. Basilii M. ex sanctibus antiquiorum Capitulorum Congregationis Ruthenorum et decretorum Sanctae Sedis collectorum, ad textum regulae S. Patris nostri exactus et conformatus.» [1042] Все изъ жизни Ордена указано въ этомъ кодексѣ въ высшей степени обстоятельно. Сложныя обязанности многочисленныхъ Орденскихъ чиновниковъ, отъ Протоархимандрита до монастырскаго привратника, очерчены въ немъ въ высшей степени замѣчательно точно: это памятникъ Базиліанской жизни и дѣятельности во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательный и любопытный. Вошедшія въ него постановленія большею частію употреблялись Базиліанами далеко раньше напечатанія самаго кодекса, [1043] а въ существенныхъ основаніяхъ своихъ постановленія кодекса сходны съ конституціями сборника, который былъ составленъ въ Гощѣ избранными 12 Базиліанами. [1044]

Многое должно было измѣниться во внутреннемъ устройствѣ Ордена послѣ соединенія всѣхъ Базиліанъ подъ властію одного Протоархимандрита. Теперь, съ 1743 года, они составляли одну Конгрегацію, которая должна была носить названіе «Ordinis S. Basilii M. Ruthenorum.» Это названіе употреблялось и во всѣхъ дѣлахъ, которыя относились ко всему вообще Ордену. Орденъ, въ свою очередь, подраздѣлялся на двѣ Провинціи: старую, Литовскую, и вновь учрежденную (съ 1739 г.), Коронную (иначе называлась она еще Польскою и Русскою). Въ составъ первой входили монастыри, лежащіе въ Епархіяхъ Митрополитской Литовской, Архіепископіи Полоцкой, Смоленской, Епископіи Туровской и Пинской; въ составъ Провинціи Коронной вошли монастыри Епархіи Владимирской, Луцкой, Холмской, Львовской, Перемышльской. [1045] Впрочемъ, предѣлы Базиліанскихъ Провинцій никогда точно не были опредѣлены. Между Провинціями вопросъ о предѣлахъ взаимной власти не рѣдко служилъ предметомъ горячихъ споровъ и пререканій;

но по существу требуемаго рѣшенія онъ до такой степени былъ труденъ и щекотливъ, что даже Папы предъ нимъ отступались и предоставляли все дѣло болѣе счастливому будущему. [1046] Провинція Литовская удержала за собою прежнее свое названіе съ 1617 года «SS. Trinitatis unitorum;» Провинція Коронная тоже должна была остаться съ принятымъ недавно для себя наименованіемъ «Protectionis Beatissimae Virginis,» хотя просила Папу о новомъ титулѣ «Providentiae Dei,» но Папа не соизволилъ на такую перемѣну. [1047]

Высшею правительственною инстанціей для Базиліянскаго Ордена (съ этихъ поръ слово «Базиліянскій Орденъ» будетъ означать всѣхъ Базиліянъ обѣихъ Провинцій) была Генеральная Капитула. Съ 1743 г. она дѣйствительно заслуживала такое названіе: исключительно она вѣдала одни общія дѣла Ордена; прежнія Генеральныя Капитулы касались только одной извѣстной части Базиліянъ—Литовскихъ. Постановленія Генеральной Капитулы, подтверждаемыя Папою, дѣлались святы и обязательны для каждаго члена Ордена; измѣненія въ нихъ могъ дѣлать одинъ лишь Папа.

Было одно обстоятельство, которое вызывало созваніе Генеральной Капитулы: это окончаніе срока, назначеннаго для прохожденія Протоархимандричьей должности. Требовалось тогда избрать новаго Протоархимандрита. Если Протоархимандритъ умиралъ внезапно, его мѣсто временно занималъ Генеральный Протоконсульторъ съ именемъ Генеральнаго Викарія, и непремѣнное условіе при этомъ, чтобы онъ былъ изъ той же Провинціи, изъ которой былъ избранъ умершій Протоархимандритъ. Предварительно вступленія своего въ должность, онъ извѣщалъ объ этомъ Митрополита; [1048] произносилъ потомъ въ своемъ консульторіѣ Протоархимандричью присягу на вѣрность Ордену, и вступалъ въ управленіе имъ до созванія новой Капитулы. Рѣдки, впрочемъ, бывали случаи внезапной смерти Протоархимандрита. Изъ всей исторіи Базиліянскаго Ордена намъ извѣстно только объ Ипатіѣ Билинскомъ и Іосифѣ Моргульцѣ, которые скончались до времени открытія Генеральной Капитулы. [1049] А то обыкновенно каждый Протоархимандритъ благополучно проходилъ свою должность. Тогда, съ приближеніемъ окончанія срока своей должности, онъ долженъ былъ заблаговременно, за три мѣсяца впередъ, особымъ посланіемъ оповѣстить на провинціяльныхъ Капитулахъ о времени и

мѣстѣ созванія Генеральной Капитулы. Если не встрѣчалось никакихъ важныхъ препятствій, физическихъ бѣдствій, или политическихъ, то Генеральная Капитула должна была происходить 15-го Августа, каждые четыре года; съ 1752 каждые восемь лѣтъ. [1050] Мѣстомъ засѣданія Генеральныхъ Капитулъ назначался Берестъ Русскій или Литовскій, либо Бѣлая (Alba Ducalis—Biala). Ни подъ какимъ видомъ не позволялось избирать для засѣданій Капитульныхъ другого мѣста; въ крайности требовалось разрѣшеніе Папы, или же, по меньшей мѣрѣ, согласіе Митрополита, какъ Апостольскаго делегата, мнѣніе Провинціяловъ и двухъ старѣйшихъ Аббатовъ. [1051] Такъ какъ Митрополиту принадлежало право предсѣдательствовать на Капитулахъ лично, или чрезъ своего делегата, то Протоархимандритъ, или Генеральный Викарій, долженъ былъ извѣстить его о предстоящемъ созваніи Капитулы прежде, чѣмъ получатъ извѣщеніе объ этомъ другіе, простые, монахи; это требовалось для того, чтобы заблаговременно можно было получить отъ него совѣты, замѣчанія, распоряженія. Если, вмѣсто себя, для предсѣдательствованія Митрополитъ назначалъ одного изъ Епископовъ, послѣдній непремѣнно долженъ былъ исповѣдывать Унію. [1052]

Во имя равноправности обѣихъ Провинцій опредѣлено было, чтобы число дѣйствительныхъ голосовъ на Генеральной Капитулѣ съ той и другой стороны было равное. Предсѣдатель, Генеральный и Провинціяльный Консульторы и всѣ Аббаты, какъ такіе, пользовались уже правомъ голоса. Другіе кандидаты, такъ называемые, вокальные, числомъ до 40 изъ каждой Провинціи, сначала были выборные, а по томъ назначались Капитулой. [1053] Чтобы избѣжать возможныхъ въ этомъ случаѣ козней и препирательствъ, Папа потребовалъ къ себѣ списокъ мѣстъ и должностей, чтобы за тѣми, которые ихъ занимаютъ, разъ навсегда утвердить право присутствованія и совѣщанія на Капитулахъ. [1054] Не равное число Аббатовъ въ обѣихъ Провинціяхъ было причиною того, что на Капитулахъ Аббаты одной Провинціи попадали въ депутаты другой и, въ случаѣ нужды, должны были отстаивать чуждыя имъ выгоды, говорить противъ своей Провинціи. Чтобы вѣрнѣе достигнуть этого и надежнѣе можно было на нихъ положиться, ихъ заставляли присягать на вѣрность той Провинціи, депутатами которой они такъ нежданно, негаданно, дѣлались въ извѣстномъ случаѣ. [1055]

Если для многихъ присутствованіе на Генеральныхъ Капитулахъ было желательно, то, съ другой стороны, не было недостатка и въ такихъ личностяхъ, которыя ни какъ не хотѣли туда являться, хотя отсутствіе присяжныхъ, такъ сказать, вокальныхъ на Капитульныхъ засѣданіяхъ влекло за собою наказаніе виновнаго. На каждой почти Капитулѣ замѣчалось значительное отсутствіе многихъ депутатовъ; сильно возмущались Базиліянскія власти такимъ крайнимъ равнодушіемъ къ пользамъ Ордена. Многіе изъ отсутствующихъ не считали даже нужнымъ посылать на Капитулу заявленія о причинахъ своего отсутствія. Чтобы хотя сколько ни будь устранить такія возмутительныя для Базиліянъ нелвки, они опредѣлили наказанія для тѣхъ, которые безъ всякихъ причинъ не являлись въ Капитульныя засѣданія, будучи, однако, къ этому обязаны своимъ положеніемъ. Если безъ основательныхъ причинъ не являлся какой ни будь Аббатъ, то, въ наказаніе, онъ, въ продолженіе извѣстнаго времени, не долженъ былъ употреблять при Богослуженіи митры, посоха, не долженъ былъ носить наперснаго креста и перстня; отсутствующій безъ причины Старшій монастыря лишался на нѣкоторое время правъ старшинства. На того и другого, кромѣ того, налагалась еще денежная пеня, количество которой и назначеніе опредѣлялось по усмотрѣнію Капитулы. Но такія распоряженія ничего не помогали, и отсутствованія sine causa продолжались. [1056] Чтобы, однако, на Капитульныхъ засѣданіяхъ не оставались пустыми многія мѣста, Провинціяламъ вмѣнялось въ обязанность каждому, сверхъ прямо назначенныхъ вокальныхъ, имѣть еще къ нимъ по два кандидата изъ мужей, избранныхъ Провинціяльнымъ Консульторіемъ и утвержденныхъ Протоархимандритомъ. Этимъ кандидатамъ предоставлялось право голоса, въ случаѣ отсутствія штатныхъ депутатовъ. Отсутствующіе если хотѣли оправдать свое отсутствіе, то, кромѣ собственнаго показанія, должны были представить при этомъ и засвидѣтельствованіе въ томъ же смыслѣ отъ своего мѣстнаго Базиліянскаго общества. Въ случаѣ нужды отсутствовавшіе свои показанія должны были подтверждать еще и присягой. [1057]

Въ назначенный день, по звуку колокола, Капитульные отцы собирались въ указанное мѣсто и, послѣ нѣкія молитвы о призваніи въ помощь Св. Духа, усаживались въ извѣстномъ порядкѣ. Вопросъ о мѣстахъ производилъ много шуму въ Базиліян-

скомъ мірѣ. По этому вопросу потребовались особыя разсужденія въ Римѣ, и отсюда уже въ 1757 году послѣдовало болѣе, или менѣе, положительное его рѣшеніе. Постановлено было, чтобы послѣ Митрополита, или его Намѣстника, первое мѣсто занималъ Протоархимандритъ, или заступающій его мѣсто. По правую сторону послѣдняго долженъ былъ садиться Экспротоархимандритъ и за нимъ уже всѣ Аббаты, secundum suam antiquitatem. Сказанное объ Экспротоархимандратѣ должно было относиться и къ Генеральному Эксвикарію. По лѣвую сторону Протоархимандрита садились Провинціялы, Консульторы Генеральные и Провинціяльные, Экспровинціялы, Эксконсульторы и всѣ остальные депутаты съ правомъ голоса, каждый сообразно своему церковно-іерархическому сану и достоинству. Когда всѣ заняли опредѣленныя мѣста, предсѣдатель, примѣнительно къ обстоятельствамъ, говорилъ краткую рѣчь, и сейчасъ же начиналось чтеніе депутатскаго списка. Теперь окончательно обнаруживалось, кого изъ депутатовъ нѣтъ на лицо, какая Провинція должна, по случаю излишества, поступиться своими депутатами въ пользу другой, и въ какомъ количествѣ, кто не прибылъ по уважительнымъ причинамъ и кто не подалъ о себѣ никакой вѣсточки. Послѣ постановленія рѣшенія по каждому вопросу, Провинціялы давали Капитулѣ отчетъ въ правильности сдѣланныхъ выборовъ на послѣдней Провинціяльной Капитулѣ, потомъ выбирались бидели или атріи (своего рода педели): ихъ было два, по одному изъ каждой Провинціи. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы смотрѣть за чистотою и порядкомъ въ тѣхъ зданіяхъ, гдѣ происходили Капитульныя засѣданія и во время засѣданій не допускать сюда лицъ посторонихъ, которыя могли бы нарушить спокойствіе въ засѣданіяхъ и значительно стѣснили бы самое обсужденіе различныхъ вопросовъ. Все это были какъ бы подготовительныя только работы. [1058]

Для записыванія всего, что говорилось и дѣлалось на Капитульныхъ засѣданіяхъ, избирался одинъ (съ 1780 г. два) Нотарій. Эту обязанность Базиліяне, по справедливости, считали очень важною, и избранный, до вступленія своего въ должность, долженъ былъ присягать всемогущимъ Богомъ, въ Троицѣ Св. единымъ, принятую должность вѣрно проходить, не записывать ничего, какъ дѣло рѣшенное, что дѣйствительно не будетъ рѣшено большинствомъ голосовъ, и ничего не опускать, что будетъ рѣшено. [1059] Сознавая

важность Капитульныхъ засѣданій, присутствующіе хотѣли приступить къ нимъ съ чистою совѣстью, примириться внутренно со всѣмъ міромъ. Для принятія исповѣди избирались особые духовники четыре, шесть и восемь человѣкъ, въ различное время не одинаково. Имъ вручалась особая форма, по которой они должны были исповѣдывать присутствующихъ; самая форма составлялась на Капитульныхъ засѣданіяхъ. [1060]

По совершеніи таинства покаянія, начинался новый рядъ болѣе важныхъ разсужденій. Прежде всего разсматривались различнаго рода жалобы, обжалованія, поданныя на Генеральную Капитулу членами Базиліянскаго Ордена. Для этого изъ среды себя Базиліяне избирали шесть человѣкъ Капитульныхъ судей, по три изъ каждой Провинціи. Въ числѣ ихъ опять необходимо было избрать Предсѣдателя и Нотарія. Постановлено было, чтобы Предсѣдатель въ этомъ Комитетѣ всегда былъ монахъ изъ той Провинціи, къ которой принадлежалъ оканчивающій свою должность Протоархимандритъ; напротивъ, Нотарія или иначе Актуарія должно было избирать изъ Провинціи будущаго Протоархимандрита. Замѣтимъ разъ на всегда, что всѣ избранія совершались закрытою балотировкой, большинствомъ голосовъ. [1061] По важности предстоящихъ занятій, Капитульные судьи обязывались клятвою безъ всякаго лицезрѣнія судить дѣла, представленыя на судъ Капитульный, со вниманіемъ и тщательно разбирать всѣ доводы и опроверженія противныхъ сторонъ, сохранять въ тайнѣ судебныя разсужденія, не принимать подарковъ и не уклоняться отъ истины въ слѣдствіе какихъ ни будь ожиданій, страха, любви, или ненависти. Формула присяги судебнаго Актуарія (actuarii judiciorum Capitulorum) была иная. Онъ клялся именемъ Всемогущаго, что вѣрно будетъ записывать всѣ жалобы и доводы обѣихъ сторонъ, а также и мнѣнія судей, самимъ судьямъ не будетъ давать никакихъ совѣтовъ въ предосужденіе истинѣ, сохранитъ въ тайнѣ всѣ секреты своего судилища, тяжущимся сторонамъ до опубликованія постановленія на Капитулѣ не откроетъ мнѣнія судей и не выдастъ никакихъ извлеченій, не будетъ увлеченъ отъ истины и справедливости ни подарками, или обѣщаніями, ни любовію, ненавистью, или страхомъ. [1062]

Приступая къ разсмотрѣнію дѣлъ, порученныхъ ихъ вѣдѣнію, судьи прежде всего обращали вниманіе на то, нѣтъ ли между этими дѣлами такихъ, которыя могутъ подлежать обсужденію только

то Генеральной Капитулы. Въ такомъ случаѣ, безъ малѣйшаго замедленія, такія дѣла они передали на обсужденіе Капитулы; остальныя за тѣмъ подвергали собственному разсмотрѣнію. Свое заключеніе они должны были ставить не прежде, какъ послѣ тщательнаго обсужденія всѣхъ доводовъ за и противъ, и свое мнѣніе непремѣнно излагать на письмѣ, не ограничиваясь словеснымъ объясненіемъ, «ne qua temporis jactura fiat.» Если бы нужно было потребовать объясненія отъ тяжущихся сторонъ, то судьямъ вмѣнялось въ обязанность такихъ объясненій требовать на письмѣ. Мнѣніямъ и постановленіямъ судей приписывалась такая власть и значеніе, какъ и постановленіямъ Генеральной Капитулы. Во всякомъ случаѣ копіи своихъ протокольныхъ постановленій и Генеральные судьи не могли разрѣшить выдавать прежде, чѣмъ самыя постановленія ихъ будутъ прочитаны въ засѣданіи Генеральной Капитулы. Мѣсто для засѣданій и время судьи избирали по своему усмотрѣнію. Необходимо только было, чтобы время засѣданія судей не совпадало съ временемъ засѣданій вообще Генеральной Капитулы. [1063]

Послѣ устройства особаго судебнаго комитета, приступали къ разсужденіямъ, относящимся «ad monasticam observationem, augmentum spiritus et congregationis (т. е., всего Ордена) incrementum.» Прежде всего былъ вопросъ: не случилось ли какого ни будь обстоятельства, которое причинило Ордену особенно великій вредъ и которое только особыми заботами должно быть отклонено и уврачевано? Соблюдаются ли опредѣленія и постановленія Ордена? Какимъ образомъ совершается возрастаніе въ духовной жизни и добродѣтеляхъ? Спрашивались за тѣмъ Провинціялы, не имѣютъ ли они отъ своихъ Провинцій какихъ ни будь порученій, которыя необходимо уяснить, разрѣшить, или совершенно отклонить, по поводу которыхъ можно бы сдѣлать постановленіе для всего Ордена, въ видахъ большаго его блага и духовнаго преуспѣянія? Предварительно какого ни будь постановленія спрашивались мнѣнія всѣхъ присутствующихъ. Каждому позволялось высказать его смѣло, свободно, съ соблюденіемъ приличія и скромности; говорящіе не должны были перебивать другъ друга, разъ сказанное не повторять съ порицаніемъ другого, не говорить о не относящемся къ дѣлу. При подачѣ мнѣній долженъ былъ соблюдаться слѣдующій порядокъ: послѣ Протоархимандрита или заступающаго его мѣсто говорилъ

Экзегенералъ, потомъ первый изъ Аббатовъ, далѣе первый изъ Консульторія, за нимъ второй изъ Аббатовъ и т. д. до конца разсужденія извѣстнаго предмета; заключеніе давалъ Предсѣдатель. Кромѣ устныхъ разсужденій, мнѣнія подавались и на письмѣ. Если вопросъ рѣшался по голосамъ, то послѣдніе подавались тайно. Такъ какъ все время для Генеральной Капитулы ограничивалось двумя недѣлями, необходимо было, чтобы всѣ разсужденія были окончены въ этотъ срокъ и оставлено было еще довольно времени для совершенія выбора Генеральныхъ чиновниковъ. [1064]

Съ окончаніемъ разсужденій по дѣламъ Ордена назначался день для совершенія выбора Протоархимандрита. Протоархимандритъ долженъ былъ избираться теперь попеременно, то изъ Провинціи Литовской, то изъ Провинціи Коронной. Должность Протоархимандрита, прежде пожизненная, теперь ограничена была четырьмя годами, а съ 1752 года продолжена была до восьми лѣтъ. Базиліяне думали продолжить ее даже до двѣнадцати. Папа соглашался на эти проекты Базиліянъ; одно условіе полагалось при этомъ, чтобы Протоархимамандритъ изъ каждой Провинціи имѣлъ, для прохожденія своей должности, одинаковое число лѣтъ, и только по окончаніи одной равной очереди, можно было увеличивать, или сокращать, на будущее время самые сроки. [1065] Мѣсто жительства для Протоархимандрита назначалось опредѣленное: Торокапской монастырь (Гродненской Губ.) для Протоархимандрита изъ Литовской Провинціи, и Почаевскій (Волынской Губ.) для Протоархимандрита изъ Коронной Провинціи. Въ случаѣ необходимости перемѣнить мѣсто жительства, необходимо было испрашивать разрѣшеніе Папы. [1066]

Избраніе Протоархимандрита совершалось съ тѣми же церковными обрядностями, которыя установлены были по этому поводу съ основанія Базиліянскаго Ордена. Видно только, что интриги и продѣлки Базиліянъ въ половинѣ XVIII вѣка, при избраніи Протоархимандрита, были значительнѣе, нежели въ началѣ. Дѣйствительно, теперь должность Протоархимандрита поднята была слишкомъ высоко; довольно того, что Протоархимандритъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Римомъ чрезъ своего Прокуратора и не рѣдко указывалъ самому даже Митрополиту. Если Митрополиты долго отстаивали за собою право избранія въ Протоархимандриты, то тѣмъ болѣе восхитительною должна была казаться

теперь эта должность какому ни будь простому монаху; а какъ намъ извѣстно, съ 1744 года въ Протоархимандриты и могли быть избираемы только простые монахи. [1067]

За день до избранія Протоархимандрита [1068] каждый депутатъ долженъ былъ перебрать въ головѣ своей всѣхъ достойныхъ кандидатовъ. Позволялось взаимно собирать свѣдѣнія о томъ, или другомъ кандидатѣ: распрашивать можно было только у лицъ надежныхъ, знающихъ дѣло, и о такихъ только вещахъ, которыя непосредственно относились къ настоящему событію. Ставились такого рода вопросы: достаточно ли №№ имѣетъ практики и свѣдѣній относительно дѣлъ Ордена? Отличался ли особымъ усердіемъ въ обереганіи пользъ Ордена, его блага, и преимущественно въ распространеніи его духа, направленія? На сколько любитъ свой обрядъ? Свободенъ ли отъ безпорядочныхъ страстныхъ движеній, и въ веденіи дѣлъ строгъ ли и настойчивъ? Отличается ли благоразуміемъ, которое по преимуществу должно украшать мужей — высшихъ правителей Ордена? Какую имѣетъ ученую степень и на сколько свѣдущъ въ дѣлахъ чисто духовныхъ? Какіе у него нравы, обычаи и т. п.? При этихъ распросахъ представлялось широкое поле для происковъ. Базиліянскія конституціи по тому предписываютъ, чтобы, во время распросовъ, никто не осмѣливался, посредственно, или непосредственно, лично, или черезъ другихъ, стараться объ избраніи въ Протоархимандриты, себя ли, или кого ни будь другого. Но предписанія часто забывались, а запрещенный плодъ такъ и манилъ къ себѣ своими прелестями. Какъ только начинались гдѣ ни будь интриги, происки, то, подъ страхомъ отлученія, которое могъ снять Предсѣдатель Капитулы, требовалось непремѣнно довести объ этомъ до свѣдѣнія Предсѣдателя «secretissima via.»

Получивши секретнѣйшее извѣщеніе, Предсѣдатель спрашивалъ у доносившаго, не водится ли онъ въ своемъ поступкѣ относительно того, на котораго доносилъ, ненавистію, враждою, или другою страстію? Въ случаѣ утвержденія показанія, Митрополитъ, онъ же и Предсѣдатель Капитулы, заставлялъ показывавшаго присягать, что онъ объявляетъ истину, ни сколько не хочетъ злословить собрата, и слѣдуетъ внушенію закона. Указывались при этомъ и свидѣтели, знающіе дѣло. Призванные свидѣтели подъ присягой обязывались никому, кромѣ Предсѣдателя, не открывать насто-

ящаго дѣла, говорить истину и указать все то, что, по ихъ крайнему разумѣнію, имѣетъ отношеніе къ дѣлу. По снятіи показанія свидѣтелей приглашается наконецъ виновный, и у него спрашивали, готовъ ли онъ сознаться въ своей винѣ на этомъ отеческомъ судѣ (in foro paterno). Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, Митрополитъ увѣщевалъ виновнаго, чтобы голоса, которые виновный закупилъ, такъ сказать, на свою сторону, постарался, по возможности, отклонить въ пользу другого, болѣе способнаго Если же при самомъ избраніи оказалось, что голоса давались и въ пользу виновнаго, тогда, по указанію Предсѣдателя, о голосахъ въ пользу виновнаго совершенно умалчивалось, и читались только голоса, данные за другихъ кандидатовъ. На случаи недостатка узаконеннаго большинства голосовъ въ пользу какого бы то ни было кандидата, назначалась новая баллотировка. Если же обличаемый не сознавался и упорно отрицалъ свою виновность, ему давалось нѣсколько времени раздумать и обсудить, въ какой опасности онъ находится. Но если и послѣ этого виновный все таки продолжалъ отвергать истину показаній, подтвержденныхъ даже присягой, тогда «forum paternum» замѣнялось обыкновеннымъ судейскимъ кресломъ, и начиналось открытое судебное изслѣдованіе преступленія. [1069]

Въ день, опредѣленный для избранія въ Протоархимандрита, послѣ обычныхъ религіозныхъ обрядностей, по звуку колокола собирались о. о. Василіяне въ назначенное мѣсто. Засѣданіе открывалось молитвою къ Св. Духу. Всѣ усаживались на своихъ мѣстахъ. Тогда оканчивающій свою должность Протоархимандритъ, съ Генеральнымъ Консульторіемъ, слагая знаки прежняго своего званія, и самую должность сдавалъ въ руки Капитулы. Видимымъ знакомъ этого было то, что бывшій Протоархимандритъ Орденскую печать передавалъ въ руки Предсѣдателя. [1070] Тогда на средину собранія выходили Скрутаторы. Къ числу ихъ, кромѣ Предсѣдателя, Провинціяловъ и Генеральныхъ Секретарей (которые съ 1780 года замѣнены были Генеральными Консульторами), присоединено еще было, въ 1759 году, два Аббата, по одному изъ каждой Провинціи, по ихъ старшинству. Скрутаторы присягой обязывались возложенную на нихъ должность проходить честно, т. е., въ поданныхъ голосахъ ничего не прибавлять и не убавлять, написанное на представленной карточкѣ читать безъ всякой перемѣны;

не прилагать особаго старанія въ наученіи почерковъ (сколько езуитства!) и, въ случаѣ распознаванія чьей ни будь руки, держать это въ тайнѣ, никогда не злоупотреблять этимъ, и не дѣлать этого поводомъ къ мести, благопріятству, вообще къ осужденію ближняго. [1071]

По произнесеніи присяги, Скрутаторы садились на своихъ мѣстахъ, и уже, послѣ нѣкотораго времени, которое давалось для размышленія «in re tanti momenti» и для написанія имени своего кандидата, вставали и обходили по порядку Капитульныхъ отцовъ и отбирали завѣтныя карточки. По примѣру прежняго времени, бросившій въ чашу записку, произносилъ клятву: «Призываю во свидѣтели единого въ Троицѣ Бога, что я избираю въ Протоархимандриты того, кого считаю болѣе способнымъ, единственно въ ожиданіи пользы для Церкви Божіей и нашей Конгрегаціи, не руководясь при этомъ ни мольбами и обѣщаніями, ни подарками, или какими ни будь угрозами. Прежняя, коротенькая присяга замѣнена, такимъ образомъ, довольно сложною. [1072]

Отобравши карточки, Скрутаторы, вмѣстѣ съ Митрополитомъ, прежде всего провѣряли, соотвѣтствуетъ ли число ихъ численности избирателей. Потомъ начинали записывать голоса. Тотъ, на чьей сторонѣ было большинство голосовъ, почитался законно избраннымъ. Противъ него никто не смѣлъ дѣлать ни малѣйшаго возраженія подъ страхомъ отлученія, отъ чего могъ разрѣшить только Папа. Имя избраннаго провозглашалось Предсѣдателемъ. Если же не набиралось большинства голосовъ ни за однимъ изъ кандидатовъ, тогда начиналась новая подача голосовъ; она могла повториться и въ третій разъ. Если и въ третій разъ избраніе не состоялось, приступали къ подачѣ голосовъ въ четвертый разъ, но тѣ два кандидата, которые въ послѣдній разъ имѣли наибольшее количество голосовъ и, конечно, по ровну, не должны были теперь сами подавать голосовъ, и требовалось избрать непремѣнно одного изъ нихъ. Если и въ этотъ четвертый разъ назначенные къ выбору кандидаты получали по ровну голосовъ, тогда предоставлялось Митрополиту право объявить Протоархимандритомъ одного изъ нихъ, кого, по совѣсти, онъ находитъ болѣе достойнымъ. [1073]

Вновь избранный Протоархимандритъ подходилъ къ аналою, на которомъ, въ ковчегѣ (in pixide) выставлены были Св. Дары

и лежало Евангеліе. Прикоснувшись къ нему рукою, новоизбранный произносилъ присягу: «Клянусь (говорилъ онъ) Всемогущимъ въ Троицѣ Св. единымъ, что буду всячески стараться выказывать повиновеніе Св. Апостольскому Сѣдалищу, и Господину моему, Свѣтлѣйшему и Достопочтеннѣйшему Митрополиту, сообразно со всѣми правилами, постановленіями и опредѣленіями Св. Апостольской Столицы, согласно предписаніямъ въ посланіяхъ счастливой памяти Бенедикта XIV, которыхъ начало: «Inter plures» и Super familiam» и въ другихъ, буду крѣпко стоять въ уніи съ Св. Римскою Церковію, сохраню непоколебимую вѣрность Господину моему Королю и Республикѣ, одинаково буду предань и вѣренъ Провинціямъ нашей Конгрегаціи, въ распредѣленіи и назначеніи наградъ буду слѣдовать строгой справедливости, буду молчать о томъ, что должно остаться въ тайнѣ, и никогда не выдамъ его во зло и осужденіе общаго блага; должность Протоархимандрита, на которую избранъ Капитульными голосами, буду проходить согласно съ постановленіями нашей Конгрегаціи, и буду исполнять правила, одобренныя Апостольскимъ Сѣдалищемъ.» [1074] Послѣ присяги Протоархимандритъ принималъ знаки своей должности: кольцо, мантію, наперсный крестъ, митру, посохъ, и занималъ особенное, для него приготовленное, мѣсто. Тогда всѣ члены Капитулы, даже и Аббаты, для выраженія своего повиновенія ему и послушанія, подходили къ нему и, преклонивъ одно колѣно, цѣловали его правую руку. По совершеніи этого обряда Предсѣдатель начиналъ пѣть: «Тебе, Бога, хвалимъ....» что вся Капитула подхватывала, и общее пѣніе продолжалось до стиха: «Спаси... Господи, люди твоя.» Этотъ стихъ предварительно трижды пѣлъ одинъ новоизбранный, и съ пѣніемъ стиха въ третій разъ осѣнялъ Св. Дарами всю Капитулу. Все это происходило при звукѣ колоколовъ. [1075] Продолжалось потомъ снова общее пѣніе и, съ окончаніемъ пѣсни, прекращалось засѣданіе до слѣдующаго дня. [1076]

На должность Протоархимандрита можно было избрать и не присутствующаго на Капитулѣ. Тогда, если позволяло время и недалекое разстояніе, избранный приглашался на Капитулу для выполненія всѣхъ указанныхъ обрядовъ. Если же какія либо обстоятельства не позволяли избранному лично явиться въ засѣданіе Капитулы, тогда, со стороны послѣдней, уполномочивалось одно лицо, передъ которымъ новоизбранный долженъ былъ произ-

нести присягу. До выполненія этого Протоконсульторъ Ордена вступалъ въ отправленіе обязанностей Протоархимандрита. Въ случаѣ такого избранія, указанные обряды, при пѣніи гимна Св. Амвросія, не имѣли мѣста. [1077]

Я нарочно остановился на всѣхъ мелочахъ при избраніи Протоархимандрита съ половины XVIII вѣка. Какое громадное различіе съ тѣмъ, что дѣлалось по тому же случаю сто лѣтъ тому назадъ! Прежде всего бросается въ глаза отношеніе Протоархимандрита къ Митрополиту и Папѣ. Такъ какъ обѣ Провинціи сплочивались въ одну Конгрегацію, по распоряженію Папы и согласно ходатайству Литовскихъ Базиліанъ, такъ какъ теперь особенно рѣзко выдвинулась власть Папы, благопріятствующая Базиліанамъ, и затиралось значеніе Митрополита, противодѣйствующее имъ, то и въ самой присягѣ Протоархимандрита, изъ уваженія къ Папѣ и послушанія ему, особенно рѣзко выставлено подчиненное отношеніе, зависимость перваго отъ послѣдняго; о Митрополитѣ упоминается только вскользь, pro forma. Каждый поступокъ Протоархимандрита, каждое дѣйствіе, самое отношеніе его къ Митрополиту, обусловливалось конституціями, декретами, предписаніями Папы. Вся присяга является какъ бы клятвой на вѣрность одному только Папѣ. [1078] Самая внѣшняя обстановка, которою окружали новоизбраннаго Протоархимандрита, простого монаха, говорила далеко не въ пользу какого ни будь уже подчиненнаго отношенія его къ Митрополиту. Къ новоизбранному подходили цѣловать руку всѣ, даже Аббаты, и дѣлали это, становясь на одно колѣно. Прежде новоизбранный Протоархимандритъ самъ, съ колѣнопреклоненіемъ, читалъ присягу предъ Митрополитомъ, и потомъ получалъ изъ его рукъ знаки своего достоинства: о Папѣ не было и рѣчи. Теперь на оборотъ: все обусловливается требованіемъ Папскихъ предписаній. Протоархимандритъ стоя произносилъ присягу, а знаки его власти были для него готовы: съ 1751 года они разъ навсегда были усвоены Римомъ Проархимандритской должности. [1079] Новоизбранный, въ присутствіи Митрополита, преподавалъ даже теперь, на Капитулѣ, общее всѣмъ благословеніе, въ томъ числѣ и Митрополиту. Это дѣлало уже слишкомъ много чести для простого монаха.

Послѣ избранія Протоархимандрита слѣдовало избраніе другихъ генеральныхъ должностныхъ лицъ: Консульторовъ, Секретарей, Про-

куратора. По окончаніи выборовъ Предсѣдатель назначалъ день для совершенія заупокойной литургіи за души усопшихъ отцовъ и братій Конгрегаціи. Если Капитулой были получены письма отъ какихъ нибудь важныхъ лицъ, то теперь писались на нихъ отвѣты; особенно замѣчательные благотворители допускались къ заслугамъ и поминовенію Конгрегаціи, обсуждались проектируемыя фундаціи, въ случаѣ нужды требовались отъ Провинціяловъ отчеты въ визитаціяхъ, также въ расходахъ и доходахъ кассы. Теперь прочитывались и утверждались постановленія Капитульныхъ Судей, читались Нотаріемъ акты Капитулы и подписывались. Пѣніемъ: «Тебе, Бога, хвалимъ....» оканчивались Капитульныя засѣданія, и отцы могли отправляться домой. [1080]

Протоархимандритъ обязанъ былъ жить въ Торокоияхъ (Гродн. Губ.), или Почаевѣ (Волынск. Губ.), смотря по тому, изъ какой избирался Провинціи, Литовской, или Коронной. [1081] Онъ имѣлъ право созывать Генеральные и Провинціяльные Капитулы. Протоархимандритъ утверждалъ законно избранныхъ Провинціяловъ и другихъ Провинціяльныхъ чиновниковъ, и останавливалъ всякое незаконное избраніе. Провинціялы ежегодно доставляли Протоархимандриту отчеты, каждый о состояніи своей Провинціи. Въ случаѣ жалобы на Провинціяла со стороны большинства братій, или же по просьбѣ Старшаго монастыря, Протоархимадритъ являлся въ монастырь для разслѣдованія дѣла; издержки по путешествію относились на счетъ самаго монастыря. При этомъ позволялось Протоархимандриту брать для себя ни какъ не болѣе двѣнадцати лошадей. [1082]

Впрочемъ, Протоархимандритъ не долженъ былъ принимать отъ монаховъ обжалованій, если они направлялись противъ наказаній, имѣющихъ цѣлію исправленіе виновнаго, развѣ эти наказанія были ужь слишкомъ тяжелы и невыносимы. Самыя дѣла по обжалованію разсматривались законнымъ порядкомъ, и монахи могли обращаться къ суду Протоархимандрита по окончаніи только и рѣшеніи процесса по всѣмъ степенямъ. Если монахи были недовольны и его судомъ, то имъ дозволялось обращаться къ Митрополиту, какъ делегату Апостольскаго Престола, съ соблюденіемъ всегда значенія Апостольской Нунціатуры. Такого же рода обжалованія на Протоархимандрита дозволялись и Аббатамъ, въ случаѣ ихъ недовольства съ какой нибудь стороны Прогоархимандритомъ. Въ

спорахъ и препирательствахъ, которые могли раждаться между Провинціями, и которыя тоже подлежали рѣшенію Протоархимандрита, недовольная сторона могла подать обжалованіе на него только на Генеральную Капитулу, которая или утверждала, или отмѣняла, постановленіе Протоархимандрита. Протоархимандриту вмѣнялось въ обязанность постоянно окружать особымъ почетомъ лицъ, которыя благодѣтельствовали и продолжаютъ благодѣтельствовать Ордену. Въ случаѣ нужды, Протоархимандритъ назначалъ особыя моленія и посты, или же указывалъ количество для общей складчины въ пользу какого ни будь предпріятія. Монахамъ разрѣшалъ печатаніе книгъ. Протоархимандритъ долженъ былъ усердно наблюдать за теченіемъ дѣлъ, касавшихся всего Ордена, которыя велись или въ Римѣ, или на Сеймахъ, или въ мѣстныхъ гражданскихъ и духовныхъ судахъ. Онъ могъ тутъ по своему усмотрѣнію распоряжаться Орденскими суммами, только бы дать своимъ дѣламъ благопріятный для Ордена исходъ. Старшимъ почетнѣйшихъ[1082] монастырей давалъ послушныя грамоты, если въ продолженіе мѣсяца послѣ назначенія на мѣсто Старшіе не получали этихъ грамотъ отъ своего Провинціяла. Желавшимъ отлучиться за границу Литвы и Польши Протоархимандритъ давалъ дозволеніе. Архимандритовъ, или Аббатовъ, презентованныхъ законнымъ патрономъ и посвященныхъ Митрополитомъ, вводилъ въ должность, т. е., въ дѣйствительное управленіе Архимандріей, со всѣми принадлежащими къ ней имѣніями и оброчными статьями. Протоархимандритъ могъ дѣлать это или лично, или чрезъ избраннаго особаго своего коммисара-делегата. Вводный актъ онъ отправлялъ Митрополиту. Протоархимандритъ ревизовалъ Аббатовъ во всемъ Орденѣ, слѣдилъ за доходами Архимандрій и наблюдалъ, чтобы, въ случаѣ вакансій, онѣ не терпѣли никакого ущерба. Путевые расходы по ревизіи, равно какъ и содержаніе въ это время, Протоархимандритъ получалъ отъ Провинціяльнаго Казначея, по принадлежности Аббатовъ къ той, или другой, Провинціи. Протоархимандритъ слѣдилъ за ходомъ образованія въ Орденѣ, особенно заботился объ изученіи языковъ Еврейскаго и Греческаго. Еврейскій языкъ считался особенно необходимымъ при изученіи Священнаго Писанія, Греческій же при изученіи обрядности церковной,[1083] а на этомъ основаніи изученіе Еврейскаго языка соединялось съ изученіемъ Богословія; Греческому языку отводилось особенно почетное мѣсто при гуманисти-

ческомъ образованіи. Латинскій языкъ по прежнему оставался въ своей силѣ. [1084] Протоархимандритъ заботился, чтобы, кромѣ училищъ для своего духовенства, открывать, по возможности, больше свѣтскихъ училищъ: въ этомъ Базиліяне видѣли заслугу передъ отечествомъ. Протоархимандритъ долженъ былъ наблюдать, чтобы особенно полезныя Базиліянскія сочиненія обнародовать печатаніемъ. Слѣдилъ, чтобы Базиліяне не писали, а тѣмъ болѣе не печатали, сочиненій, которыя расходятся съ общепринятыми, выработанными, положеніями, или которыя оскорбляютъ законы и постановленія отечества, съ неуваженіемъ отзываются о верховномъ правительствѣ и другихъ властяхъ. Удостоивая кого нибудь ученыхъ степеней, Протоархимандритъ обязанъ былъ, въ видахъ сохраненія большаго уваженія къ этимъ степенямъ, тщательно испытывать кандидатовъ, обладаютъ ли они необходимыми добродѣтелями и познаніями. Самое удостоеніе должно было слѣдовать только послѣ открытаго защищенія сочиненія, какъ достаточнаго доказательства учености, или же будущіе ученыхъ степеней будутъ признаны того достойными присяжными экзаменаторами. Давалъ послушныя грамоты тѣмъ монахамъ, которые отправлялись въ другія страны для изученія наукъ, сносился съ начальниками этихъ иностранныхъ коллегій, указывая, что особенно необходимо наблюдать при обученіи членовъ Ордена, какіе изучать языки, сносился и съ самыми студентами, увѣщевая ихъ для пользы Ордена особенно быть прилежными въ трудѣ. Протоархимандритъ наблюдалъ, чтобы тѣ, которые предполагаютъ къ назначенію исправленія духовныхъ требъ, внѣ предѣловъ Ордена, или для веденія дѣлъ Ордена, или съ какою нибудь другою цѣлію, были хорошо наставлены, что и какъ предпринять и какой вести тамъ образъ жизни. Протоархимандритъ избиралъ Старшаго того монастыря, въ которомъ самъ жилъ, и Провинціялъ соотвѣтственной Провинціи не могъ отказать въ его утвержденіи. Протоархимандритъ и ревизовалъ ежегодно этотъ монастырь, хотя не имѣлъ права запретить Провинціялу требовать отъ мѣстнаго Старшаго отчета. Если бы кто изъ братіи этого монастыря устно, или письменно, заявилъ Провинціялу о желаніи перемѣститься, Протоархимандритъ не могъ этому воспрепятствовать. При всевозможныхъ случаяхъ покупокъ, продажи, отчужденій, замѣны монастырскаго имущества, Прото-

архимандриту вмѣнялось въ обязанность придерживаться постановленій и предписаній Апостольскаго Престола.

Вообще Базиліянскій кодексъ замѣчаетъ о Протоархимандритѣ: «sciat potestatem suam plenam esse seque porrigere ad omnia, quae nec regulis, nec constitutionibus nostris, nec ullis aliis legibus ipsi prohibentur.» [1085] Протоархимандритъ пользовался такою властію, какая каноническими правами предоставлена всѣмъ, имѣющимъ степень какъ бы Епископскую. Въ своихъ отношеніяхъ къ Митрополиту Протоархимандритъ долженъ былъ руководствоваться указаніями Папскихъ декреталій: «Inter plures» и «Super familiam.» Относительно Епископовъ онъ долженъ былъ «officiosum se praestare,» и каждый разъ, если необходимы были монашествующіе для преподаванія народу духовныхъ требъ и для служенія при каѳедрахъ, обязанъ былъ сдѣлать, по требованію Епископа, соотвѣтственное удовлетвореніе. Въ такихъ случаяхъ монашествующіе поступали въ вѣдѣніе Епархіяльной власти. Если Протоархимандритъ получалъ увѣдомленіе о смерти Митрополита, Епископа, или же кого нибудь изъ монашествующихъ, основателей, благодѣтелей, онъ извѣщалъ объ этомъ весь Орденъ и назначалъ общее время для молитвы за нихъ. [1086]

Ближайшими помощниками Протоархимандрита (proximi et maximi adjutores) по управленію Орденомъ были Консультуры (Совѣтники). До 1752 г. ихъ было четыре человѣка, по два изъ каждой Провинціи; съ этого же времени число ихъ, съ разрѣшенія Папы, ограничено двумя. [1087] Одинъ изъ Консультуровъ, который былъ изъ Провинціи Протоархимандрита, назывался Протоконсультуромъ или Консультуромъ Компровинціяльнымъ. [1088] Консультуры до 1751 года имѣли монастыри въ своемъ управленіи и жили въ одномъ монастырѣ съ Протоархимандритомъ. Они хотѣли утвердить за собою это право, и вотъ въ 1752 году, на Берестской Капитулѣ, постановлено было просить Папу разрѣшить Генеральнымъ Консультурамъ жить въ ближайшихъ монастыряхъ, по сосѣдству съ Протоархимандритомъ. На этотъ разъ Римъ не далъ своего согласія, напротивъ обязалъ ихъ жить въ одномъ монастырѣ съ Протоархимандритомъ. [1089]

Генеральные Консультуры избирались на Генеральной Капитулѣ посредствомъ закрытой баллотировки. И здѣсь при избраніи имѣли мѣсто всѣ тѣ обряды, которые сопровождали избра-

ніе Протоархимандрита: такая же подача голосовъ, списываніе ихъ потомъ, провѣрка, объявленіе. Избраніе каждаго Консультора совершалось особо. Избиратели не говорили только никакихъ клятвенныхъ словъ, подавая свой голосъ. Избранные должны были приносить присягу. Они клялись Всемогущимъ всѣми мѣрами выказывать повиновеніе Св. Апостольской Столицѣ и Высокопреподобнѣйшему Протоархимандриту согласно правиламъ, постановленіямъ и опредѣленіямъ Св. Столицы и предписаніямъ въ посланіяхъ счастливой памяти Бенедикта XIV, которыхъ начало: «Inter plures» и «Super familiam,» должность Консультора проходить вѣрно, безъ всякаго законнаго препятствія не уклоняться отъ консультацій, по мѣрѣ силъ прилежно разсуждать о дѣлахъ, предложенныхъ на консультаціяхъ, обо всемъ давать свое мнѣніе по совѣсти, какъ передъ Богомъ, имѣя въ виду общее благо и не увлекаться въ этомъ случаѣ никакими надеждами, страхомъ, лицезрѣніемъ, по мѣрѣ силъ сохранять возможную справедливость, никогда не употреблять во зло и во вредъ общему благу секретовъ на консультаціонныхъ разсужденіяхъ, равно быть преданнымъ обѣимъ Провинціямъ Ордена. [1090]

Отъ Консультороvъ требовалось, чтобы они, для успѣшнѣйшаго выполненія своихъ обязанностей, по возможности близко ознакомились съ декретами, рѣшеніями Св. Столицы и Орденскими постановленіями; безъ этого, при рѣшеніи того, или другого, рода дѣлъ, они могли подать иногда мнѣніе, которое не совсѣмъ согласовалось съ духомъ Ордена. При исполненіи обязанности Консульторы постоянно должны были помнить объ общемъ благѣ, и къ нему направлять всѣ свои помышленія. Въ обсужденіяхъ дѣлъ необходимо было взвѣсить всѣ доводы, и если дѣло, по своей важности, требовало особаго разсмотрѣнія, Консульторы могли просить для этого побольше времени. Въ общихъ разсужденіяхъ на консультаціяхъ требовалось сохранять порядокъ, приличіе (при спорныхъ вопросахъ и мнѣніяхъ). Консульторы, въ случаѣ надобности, могли провѣрять акты визитацій Провинціяловъ. Если отъ Провинціяла, или отъ другихъ монаховъ, Консульторы получали письма, на которыя требовалось рѣшеніе Протоархимандрита, Консульторы обязаны были докладывать ему объ этомъ или на консультаціяхъ, или на дому. [1091]

Въ случаѣ вакансій въ Аббатствахъ, или Протоархимандріяхъ,

которыя необходимо было отдавать въ управленіе монахамъ достойнымъ, заслуженнымъ, Консульторіи, съ Протоархимандритомъ во главѣ, заботился о пріисканіи достойнаго кандидата. Мнѣніе Консульторія Протоархимандритъ сиѣшилъ заявить Митрополиту и просилъ его, чтобы онъ своимъ значеніемъ похлопоталъ у подлежащаго патрона о предоставленіи презенты Орденскому кандидату. Консульторіи разсуждалъ и о кандидатахъ въ Старшіе для болѣе почетныхъ монастырей. При этомъ Консульторію вмѣнялось, въ обязанность руководиться равномѣрною, относительно обѣихъ Провинцій, справедливостію, имѣть въ виду не выгоду монаховъ, но единственно неприкосновенность монашеской дисциплины и пользу Ордена. Протоархимандритъ могъ предложить съ своей стороны троихъ кандидатовъ, изъ которыхъ одного, большинствомъ голосовъ, необходимо было избрать на должность Старшаго. Къ разсужденіямъ о назначеніи Старшаго въ почетнѣйшіе монастыри Консульторіи приступалъ, впрочемъ, не прежде полученія отъ Провинціяла свѣдѣнія о вакансіи въ томъ, или другомъ, монастырѣ. Такія перемѣны Старшихъ совпадали, главнымъ образомъ, со временемъ Провинціяльной Капитулы (время должности старшинства въ монастырѣ ограничивалось четырьмя годами). Если бы, въ свою очередь, Генеральный Консульторій призналъ полезнымъ сдѣлать перемѣщеніе Старшихъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и, извѣстивъ объ этомъ мѣстнаго Провинціяла, получилъ отъ него неблагопріятный о предлагаемыхъ кандидатахъ отзывъ, такой отзывъ необходимо было принять къ свѣдѣнію, на основаніи актовъ визитацій Провинціяловъ. Протоархимандритъ съ Консульторіемъ дѣлалъ заключеніе, на сколько Старшіе изучаютъ монашескую дисциплину, на сколько они опытны и благоразумны въ веденіи дѣлъ вообще и въ управленіи: это необходимо было знать на случай назначенія на какую ни будь высшую должность въ Орденѣ. Хотя, какъ мы сказали, время старшинства въ монастыряхъ ограничивалось четырехлѣтіемъ, Консульторій съ Протоархимандритомъ могъ продолжить его и на новое четырехлѣтіе для большей пользы монастыря; равнымъ образомъ можно было и перемѣнить Старшаго, не ожидая истеченія четырехлѣтняго срока, если, по представленію Провинціяла, этого требовали важныя и настоятельныя нужды. При лишеніи старшинства, Протоархимандриту вмѣнялось въ особую заботливость приступать къ этому

осмотрительно, послѣ законнаго процесса, не торопясь; одинъ только всенародный соблазнъ, видимый для монастыря вредъ, или очевидная опасность душевной погибели, не позволяли останавливаться наказаніемъ виновнаго. [1092]

Мы уже выше сказали, что, въ случаѣ смерти Протоархимандрита, или посвященія его въ Епископскій санъ (а съ 1742 г. Епископство объявлено было Папой каноническимъ препятствіемъ къ избранію въ Протоархимандриты), Протоконсульторъ, т. е., Компровинціяльный Консульторъ Протоархимандрита, извѣщалъ о случившемся Митрополита и, подъ именемъ Генеральнаго Викарія, вступалъ въ управленіе Орденомъ, на правахъ Протоархимандрита. Предварительно въ своемъ Консульторіѣ онъ долженъ былъ принести присягу, установленную для Протоархимандрита. На мѣсто выбывшаго Консультора избирался новый, тоже Компровинціяльный. Для этого Генеральный Викарій созывалъ Провинціяльный Консульторій и вмѣстѣ съ ними, съ оставшимися членами Генеральнаго Консульторія, въ закрытой баллотировкѣ, большинствомъ голосовъ, избиралъ достойнаго кандидата. Избранный вступалъ въ должность послѣ принесенія установленной присяги. Въ случаѣ смерти Генеральнаго Викарія, или посвященія его во Епископы, новый Компровинціяльный Консульторъ не занималъ уже его мѣста, а предварительно созывалъ Провинціяльные консульторіи, и здѣсь, въ консультаціи, избирался уже Протоархимандритъ. Могъ быть избраннымъ на должность Промоархимандрита и Протоконсульторъ; но можно было избрать кого ни будь даже изъ отсутствующихъ. Власть всѣхъ этихъ Протоархимандритовъ продолжалась до времени Генеральной Капитулы, которая, какъ мы и сказали, всегда должна была происходить въ одно опредѣленное время, если не было къ тому рѣшительныхъ препятствій. [1093] Все имущество Генеральнаго Консультора дѣлалось достояніемъ той Провинціи, къ которой онъ принадлежалъ. Въ случаѣ посвященія во Епископы, каждый Консульторъ, равно какъ и Протоархимандритъ, обязанъ былъ сдать свою должность, всѣ бумаги, всѣ дѣла, ничего не скрывая и не утаивая, и «summa fide in antiquum suum locum restituere.» [1094]

Для надзора за правильнымъ веденіемъ дѣлъ и отчетностію въ Орденѣ избирались такимъ же порядкомъ, какъ и Консульторы, два Генеральные Секретаря, по одному изъ каждой Провинціи.

Секретарь изъ Провинціи Протоархимандрита назывался Компровинціяльнымъ. Секретари имѣли право дѣйствительнаго голоса и при вступленіи въ должность обязаны были приносить присягу. Въ 1763 году Папа потребовалъ, чтобы и Генеральные Консульторы и Секретари въ приносимую присягу включили обязательство о совершенной ихъ преданности и повиновеніи Папѣ, согласно буллamъ: «Inter plures» и «Super familiam.» Требованіе было исполнено. Присягу Консульторовъ мы видѣли; съ нею совершенно почти была сходна и присяга Генеральныхъ Секретарей. Разница въ томъ, что Секретарь, въ заключеніе присяги Консульторовъ, обязывался «акты Ордена списывать вѣрно и ничего изъ нихъ не обнародывать на зло и во вредъ Ордену. [1095] Генеральные Секретари обязывались жить въ одномъ монастырѣ съ Протоархимандритомъ. Такъ какъ Орденъ имѣлъ двѣ печати, большую и меньшую, то первая должна была находиться въ завѣдываніи Компровинціяльнаго Секретаря, второю меньшою завѣдывалъ другой Секретарь. Самыя дѣла между ними раздѣлены были такимъ образомъ: консультаціи и разсужденія о важнѣйшихъ дѣлахъ Провинціи вѣдалъ Секретарь Компровинціяльный; ежедневными текущими дѣлами, равно какъ и письменными отвѣтами Протоархимандрита по различнымъ житейскимъ вопросамъ, завѣдывалъ Секретарь изъ другой Провинціи. [1096]

Для переписки секретнѣйшихъ бумагъ Протоархимандритъ обязанъ былъ держать Письмоводителя не изъ свѣтскихъ лицъ, а изъ монаховъ-профессовъ. Онъ клятвою обязывался свою должность проходить прилежно, данное для переписки списывать вѣрно, и никому не открывать актовъ и секретныхъ бумагъ. [1097]

Однимъ изъ важнѣйшихъ по своему положенію Генеральныхъ чиновниковъ Ордена былъ Прокураторъ. Это было лицо въ родѣ дипломатическихъ Посланниковъ при Иностранныхъ Дворахъ. Прокураторъ являлся представителемъ въ Римѣ Базиліянскаго Ордена, и никакія дѣла не вершились тамъ помимо его, безъ его вѣдома. Базиліяне понимали всю важность этой должности, и выборъ ихъ относительно Генеральныхъ Прокураторовъ былъ почти всегда очень удаченъ. Въ крайнихъ случаяхъ они позволяли Прокуратору дѣлать въ Римѣ какіе угодно расходы, лишь бы только выиграть дѣло. Вспомнимъ для примѣра Прокуратора Кесарія Стебновскаго. [1098] За то трудно было вести какое ни будь дѣло противъ Ор-

дена. Тогда не рѣдко посланное въ Римъ противною стороною возвращалось оттуда Прокураторомъ Протоархимандриту для просмотра и надлежащихъ пояснепій, слѣдуетъ ли этому дѣлу дать ходъ, или нѣтъ, не нужно ли въ немъ предварительно сдѣлать въ извѣстномъ духѣ перемѣнъ, и тогда уже отправить его въ Римъ. [1099] Не рѣдко самъ Папа приходилъ въ восторгъ отъ того, или другого, Прокуратора (на пр., Василія Божовича, Януарія Зноевскаго), и тогда на Базиліанъ лились изъ Рима новыя милости. [1100]

Такимъ образомъ, и для Рима и для Базиліанскаго Ордена очень важна была должность Прокуратора. По своей обязанности Прокураторъ постоянно жилъ въ Римѣ, и Базиліане на Дубенской Капитулѣ опредѣлили, чтобы его избирать по очереди то изъ одной Провинціи, то изъ другой. Папа нашелъ это не совсѣмъ удовлетворительнымъ, и сдѣлалъ такое постановленіе, чтобы въ то время, когда Архимандритъ будетъ изъ Литовской Провинціи, Прокураторъ былъ изъ Польской Провинціи, и на оборотъ. Содержаніе Прокуратору давалось на счетъ всего Ордена. [1101] Послѣ избранія на Генеральной Капитулѣ (такимъ же порядкомъ, какъ и Консульторы), онъ присягой обязывался никакимъ образомъ, прямо, или косвенно, явно, или тайно, не вмѣшиваться въ дѣла спорныя между обѣими Провинціями, усердно и нелицемѣрно хлопотать только по тѣмъ дѣламъ, которыя поручены будутъ ему Протоархимандритомъ и его Консульторіемъ; тщательно охранять архивъ Ордена, находящійся въ Римѣ, и своему преемнику, кромѣ указаннаго въ описи, оставшейся отъ предшественника, передать и все то, что будетъ пріобрѣтено во время его Прокураторства; въ заключеніе клялся охранять резиденціональный домъ Ордена въ Римѣ; въ случаѣ нужды, дѣлать необходимыя починки въ оном и беречь списокъ расходовъ и доходовъ. [1102]

Прокураторъ въ іерархической лѣстницѣ занималъ мѣсто послѣ Консульторовъ и послѣ нихъ подписывалъ акты Капитулы. Ему вмѣнялось въ особенную обязанность, по возможности, чаще увѣдомлять Протоархимандрита о положеніи въ Римѣ дѣлъ Ордена, въ случаяхъ крайности просить чрезвычайной помощи и пособій. [1103]

Всѣ названные Генеральные чиновники, будучи избраны, не имѣли права отказываться отъ должности до окончанія ея срока;

смерть, или переходъ на такую должность, съ которою не могла совмѣщаться прежняя, Орденская, освобождали этихъ чиновниковъ отъ отвѣтственности передъ Орденомъ. [1104]

Кромѣ названныхъ чиновниковъ, которые пользовались общею извѣстностію въ Орденѣ, былъ при Протоархимандритѣ еще одинъ, не имѣвшій, видимо, такого значенія по своему должностному положенію; требовалось даже, чтобы онъ лично не былъ извѣстенъ въ Провинціяхъ, тѣмъ не менѣе для Базиліянъ онъ могъ быть очень важенъ и нерѣдко необходимъ. Имя ему Фискалъ. Тѣмъ монахамъ, которые искали справедливости и суда у Протоархимандрита, онъ долженъ былъ оказывать помощь и содѣйствіе; нерѣдко дѣлалъ разслѣдованіе спорныхъ дѣлъ. Его избиралъ самъ Протоархимандритъ изъ среды того монастыря, въ которомъ самъ жилъ. До вступленія въ должность Фискалъ Генеральный обязывался присягой охотно принимать обращающихся къ нему за содѣйствіемъ, сохранять это въ величайшей тайнѣ, исполнять свою должность безъ всякаго страха и лицезрѣнія и не поддаваться въ этомъ случаѣ ни дружбѣ и ненависти, ни обѣщаніямъ и подаркамъ. [1105]

Протоархимандритъ съ своимъ Генеральнымъ Консульторіемъ, Секретаріями и Фискаломъ, послѣ Генеральной Капитулы, былъ главнымъ представителемъ правящей власти въ Орденѣ. Но всѣ распоряженія по Ордену онъ долженъ былъ дѣлать главнымъ образомъ изъ своего мѣстопребыванія, Торокапскаго, или Почаевскаго, монастыря; всѣ свѣдѣнія доставлялись ему сюда. Самъ собою Протоархимандритъ не имѣлъ теперь права визитовать простые монастыри, развѣ они сами вызывали его на это жалобою на притѣсненія со стороны Провинціяла. [1106] Его непосредственной ревизіи подлежали только Аббатства, или Архимандріи. [1107] Тѣмъ не менѣе обо всѣхъ обстоятельствахъ, совершавшихся въ Орденѣ, сейчасъ же доносилось въ мѣстопребываніе Протоархимандрита, и отсюда, въ свою очередь, всѣ Базиліянскіе монастыри, разбросанные на огромномъ пространствѣ Бѣлоруссіи, Литвы, Волыни, Подола, Польши (нынѣшней) и Галиціи, ждали для себя послѣдняго слова, необходимаго указанія. Мы видѣли уже замѣчаніе кодекса о Протоархимандритѣ. [1108] Гощанскія конституціи по этому предмету говорятъ: «potestas (Протоархимандрита) summa sit, porrigat sese ad omnia, quae tam spiritualem, quam temporalem re-

rum administrationem concernunt, neque expressa Congregationis nostrae lege ipsi prohibentur.» [1109] Власть слишкомъ громадная и, при богатствахъ Ордена, тѣмъ болѣе заманчивая. Хорошо было и для Базиліанъ укрываться подъ нею, при всѣхъ своихъ неправдахъ и беззаконіяхъ. Не удивительно, если до конца существованія Протоархимандритства, они отстаивали его съ замѣчательнымъ мужествомъ. [1110]

Кромѣ общихъ Генеральныхъ чиновниковъ, вѣдавшихъ дѣла всего Ордена, было очень не мало другихъ, которымъ повѣрялась та, или другая, часть въ Орденѣ. Главнѣйшіе изъ нихъ избирались и утверждались на Провинціяльной Капитулѣ. Провинціяльныя Капитулы должны были происходить каждые четыре года. Съ 1743 года по 1751, когда Протоархимандритъ избирался только на четыре года и Генеральныя Капитулы происходили черезъ каждые четыре года, Провинціяльныя Капитулы составлялись непосредственно послѣ Генеральныхъ и представляли собою какъ бы особыя Провинціяльныя сессіи для выбора должностныхъ лицъ Провинціи. Это видно изъ актовъ Генеральныхъ Капитулъ, Дубенской 1743 года и Берестскихъ 1747 и 1751 годовъ. [1111] Но съ 1751 года, когда должность Протоархимандрита продолжена на 8 лѣтъ, Базиліянскія конституціи стали предписывать, чтобы Провинціяльная Капитула совершалась два раза при одномъ и томъ же Протоархимандритѣ: разъ въ одно время и въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила Генеральная Капитула, сей часъ послѣ избранія Генеральныхъ чиновниковъ (по кодексу—за три мѣсяца до Генеральной Капитулы), другой разъ—съ окончаніемъ четвертаго года послѣ Генеральной Капитулы. Время для Провинціяльныхъ Капитулъ назначалъ Протоархимандритъ. Обѣ Провинціи одновременно открывали свои Капитулы. Протоархимандритъ указывалъ для нихъ и мѣсто, выслушавъ предварительно мнѣніе по этому предмету Провинціяловъ. Особымъ окружнымъ посланіемъ Протоархимандритъ приглашалъ всѣхъ, имѣющихъ право голоса, являться на Капитулы своевременно, охотно. Протоархимандриту принадлежало право предсѣдательствованія на Капитулахъ. Такъ какъ онъ могъ предсѣдательствовать лично на одной только Капитулѣ, то предсѣдателемъ для другой посылалъ отъ себя, по совѣту съ Консульторами, особаго делегата; такимъ делегатомъ могъ быть Экспротоархимандритъ, Аббатъ, Генеральный Консульторъ, Экспровинціялъ, или

другой какой ни будь мужъ, заслуженный въ Орденѣ, извѣстный своею честностью, благоразуміемъ и ученостію. Кромѣ Предсѣдателя, на Провинціяльной Капитулѣ присутствовали съ правомъ голоса Провинціялъ, Аббаты, Провинціяльные чиновники и всѣ тѣ, которымъ было усвоено это право.[1112]

Послѣ открытія засѣданій Провинціяльной Капитулы, и послѣ избранія Капитулярнаго Нотарія (одного), двоихъ придверниковъ педелей, четырехъ Духовниковъ, трехъ Капитулярныхъ Судей (Судьи и Нотарій приносили присягу, которая въ сущности была тождественна съ присягою, приносимою такими же чиновниками на Генеральной Капитулѣ, и которую мы уже видѣли), приступали къ разсужденіямъ, касающимся или домашняго порядка въ Провинціи, или ея благосостоянія, или монашеской дисциплины.[1113]

Въ день, назначенный для избранія Провинціяла и Провинціяльныхъ чиновниковъ, засѣданіе открывалось такими же священными религіозными обрядностями, какъ и при избраніи Протоархимандрита: предварительно совершалась торжественная литургія, всѣ исповѣдывались, причащались. Избраніе Провинціяла, Консульторовъ, Секретаря, совершалось опять такимъ же порядкомъ, какъ избраніе соотвѣтственныхъ Генеральныхъ чиновниковъ, т. е., большинствомъ голосовъ, при закрытой баллотировкѣ. Послѣ избранія всѣ присягали. Провинціялъ давалъ присягу на вѣрность Папѣ и Протоархимандриту, согласно буллamъ: «Inter plures» и «Super familiam;» клялся быть вѣрнымъ и преданнымъ своей Провинціи, ея благо и пользу предпочитать собственнымъ, тщательно производить экзамены, сопряженные съ его должностію, сохранять въ тайнѣ различныя консультаціонныя разсужденія, и стараться выполнить обязанность Провинціяльнаго Визитатора.[1114] Консульторы клялись проходить свою должность вѣрно, не уклоняться отъ консультацій, по мѣрѣ силъ обдумывать дѣла, предложенныя для совѣщанія, всегда имѣть въ виду истину и справедливость и самыя разсужденія хранить въ тайнѣ. Къ этому въ присягѣ Протоконсультора прибавлялся новый пунктъ: должность Провинціяльнаго Визитатора, если бы она ему была поручена исполнять по Орденскимъ постановленіямъ и особеннымъ правиламъ, предписаннымъ для Визитатора, одобреннымъ Святою Столицей. Секретарь къ присягѣ Консульторовъ прибавлялъ, съ своей стороны, клятвенное обѣщаніе: вѣрно списывать акты Провинціи,

изъ нихъ никому ничего не объявлять во вредъ оной, тщательно записывать въ книгу доходы, изъ нихъ себѣ не брать ни чего, кромѣ необходимаго на содержаніе; всякій разъ, если бы ему была поручена визита какихъ ни будь монастырей, или испытаніе монаховъ по «Нравственному Богословію,» онъ клялся дѣло дѣлать прилежно, безъ упущеній. [1115]

Совершивши избраніе Провинціяла съ его Консульторіемъ, приступали къ избранію Фискала и Старѣйшинъ сосѣднихъ монастырей. [1116] Въ Базиліянскомъ Орденѣ всѣмъ монашествующимъ позволено было обращаться съ заявленіемъ своихъ нуждъ на Генеральную, или Провинціяльную, Капитулу. Но чтобы устранить, могущіе возникнуть въ этомъ случаѣ, безпорядки, постановлено было, чтобы не каждый монахъ лично обращался въ Капитулу: необходимо было свое заявленіе подать на бумагѣ особо выбранному лицу, которое разсматривало это заявленіе и съ своимъ заключеніемъ вносило въ Капитулу на разсмотрѣніе: это лицо и былъ Фискалъ. Такимъ образомъ Фискалъ на Капитулахъ могъ явиться или защитникомъ, или обвинителемъ, обращавшихся къ нему; послѣднее было неизбѣжно въ дѣлахъ спорныхъ, тяжебныхъ. До вступленія своего въ должность, Фискалъ приносилъ присягу, совершенно сходную съ тою, какую мы видѣли, когда говорили о Фискалѣ Генеральномъ. [1117] Со времени Провинціяльной Берестской Капитулы должность Провинціяльнаго Фискала разъ навсегда была усвоена Старшему Тороканскаго монастыря. [1118] Провинціяльные Судьи были помощниками Провинціяла въ преслѣдованіи неисправимыхъ преступниковъ въ средѣ Ордена. [1119] И Фискалъ и Судьи утверждались Протоархимандритомъ. Старѣйшины сосѣднихъ монастырей взаимно давались какъ бы въ помощь Старшему того, или другого, монастыря. Къ этимъ Старѣйшинамъ обращалась, если хотѣла, братія сосѣдняго монастыря въ случаѣ взаимныхъ споровъ, недоразумѣній, обидъ. Ихъ могъ приглашать къ себѣ и сосѣдній Старшій для разсужденій по братскимъ дѣламъ. [1120] Въ заключеніе выборовъ Капитула опредѣляла, кого нужно принять въ число заслуженныхъ (bene meritorum), если представлялись для этого вакансіи. Составлялись также отвѣты на письма лицъ, которыя въ томъ, или въ другомъ, отношеніи особенно полезны Провинціи; относительно особенныхъ благотворителей Ордена обсуждалось, допустить ли ихъ къ участію въ духовныхъ благахъ Ордена, съ

какими повиновеніями и въ какомъ количествѣ. Акты Капитулы подписывались Предсѣдателемъ, Аббатомъ, Скрутаторомъ, избранными чиновниками Провинціи и Нотаріемъ. Пѣніемъ: «Тебе, Бога, хвалимъ,» заканчивалась Капитула. [1121]

Слишкомъ блѣдная, по временамъ только существовавшая въ Орденѣ, должность Провинціяла, пока Базиліяне составляли одну Провинцію, [1122] теперь получила точныя, обозначенныя границы, очень широко раскинулась въ своемъ кругѣ и пережила должность Протоархимандрита. [1123] Провинціялъ какъ бы замѣнилъ собою прежняго Протоархимандрита (до 1743 года). Теперь онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ своей Провинціи. Какъ Провинціялъ, такъ и всѣ Провинціяльные чиновники избирались на четыре года. На всѣ Провинціяльныя должности не дозволялось избирать такихъ лицъ, которыя, по меньшей мѣрѣ, въ продолженіе шести лѣтъ не обучали въ Орденѣ, не занимались проповѣданіемъ слова Божія, не совершали миссій, или же, по распоряженію Старшихъ, не исполняли похвально и съ пользою для Ордена какихъ ни будь другихъ порученій. [1124]

Провинціялъ особенно долженъ былъ заботиться порученную ему Провинцію подвинуть, сообразно постановленіямъ Конгрегаціи, въ развитіи монашескаго совершенства: онъ наблюдалъ, чтобы монашествующіе, ему подчиненные, не уклонялись отъ своихъ обязанностей. Провинціялъ смотрѣлъ за всѣми монахами, Старшими монастырей, исключая Архимандрій, которыя были подвѣдомы непосредственно Протоархимандриту. Провинціялъ могъ позвать къ себѣ на судъ Старшихъ даже тѣхъ монастырей (почетнѣйшихъ, insigniorum monasteriorum), которые пользовались правомъ голоса на Генеральныхъ Капитулахъ, въ случаѣ нужды отрѣшалъ ихъ отъ должности, до времени на ихъ мѣсто назначалъ другихъ, пока отъ Протоархимандрита не послѣдуетъ новое назначеніе, и въ этомъ случаѣ онъ давалъ имъ послушныя грамоты, вводилъ въ должность. Во всѣхъ другихъ монастыряхъ онъ самъ назначалъ Старшихъ, придавалъ нѣкоторымъ Викаріевъ, слѣдилъ за должными отношеніями монаховъ къ своимъ Старшимъ, назначалъ въ своей Провинціи Духовниковъ, Гимназіярховъ, Проповѣдниковъ, Экклесіярховъ, Миссіонеровъ, Магистровъ въ Новиціятахъ, Профессоровъ въ Семинаріи (для Базиліянъ), освѣдывалъ всѣмъ ходомъ образованія и доносилъ Протоархимандриту о состояніи

своей Провинціи. Провинціяльныя, какъ и Генеральныя, Капитулы тоже не рѣдко требовали отъ Провинціяловъ отчета о состояніи ввѣренныхъ имъ Провинцій по всѣмъ частямъ. Провинціялъ долженъ былъ отвѣчать. Въ свою очередь, для поддержанія хозяйствъ въ Провинціи, Провинціялъ строго и внимательно разсматривалъ, сколько и откуда получено, сколько израсходовано, на какіе именно предметы, и на сколько необходимы эти предметы, сравнивалъ настоящее положеніе монастыря съ прежнимъ; если есть возможность, осматривалъ лично всѣ имѣнія того, или другого, монастыря. Чтобы Провинціялъ имѣлъ, по возможности, вѣрныя свѣдѣнія о состояніи своей Провинціи во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы онъ могъ лично убѣдиться, что всѣ общія и особенныя постановленія исполняются монастырями свято, что нарушители закона преслѣдуются въ предписанномъ порядкѣ, чтобы отчеты его Протоархимандриту, равно какъ Генеральной и Провинціяльной Капитулѣ, могли быть дѣйствительнымъ изображеніемъ жизни, Провинціялу вмѣнялось въ непремѣнную обязанность разъ въ годъ визитовать всю Провинцію, за исключеніемъ Архимандрій. Продолжительность своихъ визитацій онъ опредѣлялъ не правами, усвоенными извѣстному монастырю, а потребностью, по этому визитовалъ монастырь столько времени, сколько находилъ для того потребнымъ. Если онъ пріѣзжалъ въ какой ни будь монастырь, по дѣламъ другого монастыря, то содержаніе для себя и лошадей съ прислугой онъ получалъ во все время на счетъ того монастыря, для котораго дѣлалась эта остановка. Въ дорогу Провинціялъ бралъ, по возможности, не много лошадей: «nec unquam adhibeat plures, quam 11» (одиннадцать).[1125] Провинціялу Базиліянскимъ съѣздомъ 1661 года въ Жировицахъ (Гродненской Губерніи) предоставлено было право имѣть при себѣ одного только монаха, одного слугу и держать двѣ лошади;[1126] онъ не опускалъ случая навѣстить людей, пользующихся значеніемъ и оказавшихъ важныя услуги визитуемымъ монастырямъ, для поддержанія ихъ благоволенія къ монастырямъ и къ Провинціи. На случай визитацій, для Провинціяла предписывалась каноническая формула визиты, въ которой (т. е., въ формулѣ) точно обозначалось, какъ должна быть совершена самая визита.[1127]

Провинціяльные Консульторы къ своей Провинціи и Провинціялу поставлялись въ такое отношеніе, въ какомъ находились

Генеральные Консульторы къ Протоархимандриту и Ордену вообще. Въ своихъ Провинціяхъ (читаемъ въ Базиліянскихъ конституціяхъ), Провинціяльные Консульторы исполняютъ ту же обязанность, какую Генеральные въ Конгрегаціи вообще, подобно имъ пользуются такимъ жё правомъ дѣйствительнаго голоса, и по тому обязаны соблюдать въ нѣкоторомъ отношеніи все то, что предписано правами для Генеральныхъ Консульторовъ. [1128] Провинціяльные Консульторы обязаны были жить не далѣе, какъ на разстояніи двухъ дней пути отъ мѣстопребыванія Провинціяла, чтобы, въ случаѣ необходимости, для совѣщанія по какимъ ни будь важнымъ дѣламъ, удобнѣе могли быть призваны. [1129]

Когда обязанность Провизитатора переходила къ Протоконсультору, въ слѣдствіе ли смерти Провинціяла, или по случаю посвященія его на высшія Іерархическія должности, онъ немедленно вступалъ въ ихъ отправленіе, извѣстивши объ этомъ Протоархимандрита. Въ виду этого, на всякій случай, въ присягу Протоконсультора включался, какъ мы видѣли, особый пунктъ. Протоконсульторъ управлялъ Провинціей подъ именемъ Провинціяльнаго Викарія, съ властію, впрочемъ, и на правахъ самаго Провинціяла. Порядокъ для восполненія Консульторовъ, для избранія новаго Провизитатора, въ случаѣ смерти настоящаго, былъ тотъ самый, какой мы видѣли въ Генеральномъ Консульторіѣ съ Протоархимандритомъ. [1130]

Провинціяльный Секретарь пользовался одинаковыми правами съ Консульторами, присутствовалъ съ ними, съ правомъ голоса, въ засѣданіяхъ. Отъ него, по тому, требовалось полное знаніе правилъ и постановленій для Консульторовъ. По своей прямой обязанности, онъ долженъ былъ заносить въ журналъ все то, что было сдѣлано на Консультаціи, что и на какихъ основаніяхъ рѣшено. Ни подъ какимъ видомъ ему не позволялось читать письма, посланныя на имя Провинціяла, развѣ самъ Провинціялъ поручалъ ему это. Для памяти, въ особую книжку онъ записывалъ нужды и заявленія монастырей, и въ свое время докладывалъ объ этомъ Провинціялу, равно какъ напоминалъ о дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства. Къ числу послѣднихъ относились извѣщенія Протоархимандрита и Провинцій о смерти монаховъ, или благодѣтельствующихъ Провинціи, чтобы скорѣе вознесены были о нихъ молитвы къ Богу; переписка между Протоархимандритомъ и Про-

вінціяломъ, особенно о дѣлахъ важныхъ (majoris momenti). По должности помощника Визитатора, Секретарь, если замѣчалъ въ монастыряхъ, или цѣлой Провинціи, что либо такое, что требовало попечительности Провинціяла, то сообщалъ ему объ этомъ, показывая, однако, видъ, будто ничего не знаетъ. Секретарь заботился объ архивѣ, лежащемъ на отвѣтственности Провинціяла, а по тому старался имѣть въ готовности необходимыя для управленія Провинціей книги: 1) книгу для означенія, кто куда назначенъ послушною грамотой; 2) книгу, въ которой отмѣчаются имена умершихъ монаховъ, фундаторовъ и благотворителей Провинціи, съ означеніемъ года, мѣсяца, числа, мѣста кончины и званія каждаго; 3) книгу со спискомъ монаховъ, съ обозначеніемъ, когда они вступили въ Орденъ и приняли профессію, когда приняли священный санъ; какихъ способностей, гдѣ, когда, въ теченіи какого времени и чѣмъ занимались для Провинціи; 4) книгу, заключающую распоряженія, какія даетъ монастырямъ Визитаторъ послѣ визитаціи; 5) книгу съ отзывомъ о годичныхъ экзаменахъ, съ означеніемъ года, мѣсяца, мѣста и именъ экзаменаторовъ; 6) книгу съ отмѣтками, сколько въ извѣстномъ году поступило въ монашество и приняло профессію; 7) штрафную книгу, въ которой отмѣчаются назначенныя монахамъ наказанія. Если Визитаторъ умиралъ и при этомъ не было Протоконсультора, то всѣ книги, бумаги и документы Секретарь запиралъ въ сундуки и, опечатавъ ихъ при свидѣтеляхъ изъ монаховъ, ключи оставлялъ у себя до немедленной передачи Консультору. [1131] Секретарь состоялъ и Казначеемъ Провинціяльной кассы. По предписаніямъ Провинціяльныхъ Капитулъ, онъ требовалъ отъ монастырей денегъ, получалъ ихъ и, если нужно, выдавалъ росписки въ ихъ полученіи. На вѣрность прохожденія этой должности онъ давалъ присягу. [1132] Чтобы при такой громадной власти и обширномъ вліяніи Секретаря на дѣла Провинціи, онъ не думалъ, однако, о себѣ слишкомъ много, Базиліянскія конституціи, называя его товарищемъ Провинціяла, въ то же время предостерегаютъ его, чтобы онъ «nullam regiminis sibi partem usurpet, et intelligat se non socium regiminis, sed laboris tantum esse.» [1133]

Какъ и Протоархимандритъ, Провинціялъ могъ имѣть для письма свое особое довѣренное лицо изъ среды монаховъ. Генеральная Капитула 1772 года утвердила за Провинціяломъ это право.

Въ Базиліянскихъ конституціяхъ мы находимъ постановленіе, чтобы, до вступленія въ исправленіе своей обязанности, этотъ монахъ обязывался клятвою сохранять въ тайнѣ повѣряемые ему секреты. [1134]

Должности Исторіографа и Хартофилакса Провинціяльныхъ иногда совмѣщалъ одинъ изъ Консульторовъ, если онъ не былъ Старшимъ монастыря. Но такъ какъ это случалось рѣдко, то часто онѣ приходились на долю какого ни будь простого, способнаго монаха, который, по замѣчанію Базиліянскихъ конституцій, «pretium istius officii (Historiographi) metiri ex eo debebit, quod serae posteritati operam suam navet in rebus magni momenti, hoc est, in iis, quae vel aut ad spirituale nostrum solatium, vel ad utilem monasticae et ecclesiasticae historiae nostrae Ruthenae notitiam conferre non parum dignoscantur.» [1135] Исторіографъ въ Базиліянскихъ монастыряхъ—это было лицо въ родѣ нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, Онъ по годамъ обязывался записывать различныя происшествія, случающіяся въ его монастырѣ и вообще въ Провинціи: новыя фундаціи, смерть фундаторовъ, монаховъ, нареченія Епископовъ, тяжбы Провинціи и частныхъ монастырей, ихъ ходъ, окончаніе, замѣчательныя явленія въ Церкви, вообще все, что заслуживало памяти потомства. Все это предписывалось излагать хотя кратко, но со всею обстоятельною точностію, чтобы изъ этого, въ случаѣ нужды, можно было составить исторію. Относительно умершихъ требовалось записывать не одни голыя имена ихъ, но съ указаніемъ при этомъ особенныхъ добродѣтелей, должности, какую они проходили въ Провинціи. Въ запискахъ Исторіографъ обязывался особенно дорожить истиною, не выдавать за чудо того, что такимъ не было въ дѣйствительности, и за вѣрное не принимать того, что первоначально не было подвержено тщательной критикѣ. [1136] Совѣсть была главнымъ указателемъ Исторіографу въ его дѣлѣ: отъ него не требовалось никакой присяги.

Хартофилаксъ обязывался клятвой въ возможномъ порядкѣ и чистотѣ хранить Провинціяльный архивъ. Въ немъ находились списки дѣяній прежнихъ Капитулъ, различные рескрипты, жалованныя грамоты, привилеи, акты Провинціяльныхъ визитацій, которые наслѣдственно передавались однимъ Провинціяломъ другому и сохранялись съ великою осторожностію въ глубокой тайнѣ; книги прежнихъ консультацій, монастырскіе инвентари,

годовые каталоги пребыванія монаховъ, годовые диптихи умершихъ, метрическія книги профессовъ, различныя письма и бумаги, относящіяся къ частнымъ монастырямъ, не имѣющіяся, однако, въ архивахъ послѣднихъ. Для всего у Хартофилакса существовала опись, и онъ никому не долженъ былъ давать ни одного документа, ни одной книги, не имѣя на это точнаго позволенія Провинціяла. Если же давалъ что ни будь съ его разрѣшенія, то сейчасъ вносилъ въ книгу имя получателя, и если это былъ человѣкъ посторонній для Ордена, то намѣчалъ для себя, что взято, и въ какое время необходимо истребовать взятое обратно. [1137]

Базиліяне очень усердно вели пропаганду. Въ свой Орденъ они старались привлекать по возможности больше членовъ, и ни какъ не хотѣли согласиться даже на ту конституцію Польскаго Сейма 1768 года, которая поступленіе молодыхъ людей въ монашество (Базиліянскій Орденъ) ограничивала двадцати четырехлѣтнимъ возрастомъ, не ранѣе. Базиліяне непремѣнно хотѣли принимать въ свой Орденъ молодыхъ людей уже съ 16 лѣтъ. [1138] Для пріема желающихъ поступить въ монашество была особая должность Испытателей. Они давали присягу внимательно, по даннымъ предписаніямъ, испытывать кандидатовъ, судъ о нихъ произносить по совѣсти, какъ бы предъ самимъ Богомъ, и если бы что случилось, требующее тайны, сохранить это въ тайнѣ. [1139]

Должность Испытателей для желающихъ поступить въ монашество обыкновенно исполняли три человѣка: Старшій монастыря, въ которомъ былъ Новиціятъ, Магистръ Новиціята и его товарищъ (socius). Важность своей обязанности (говорится въ Базиліянскихъ конституціяхъ) они могутъ измѣрять тѣмъ, что не только содѣйствуютъ зову Божію объ умноженіи числа достойныхъ исполнителей монашеской дисциплины, но еще наблюдаютъ, чтобы никто не вступалъ въ святилище Божіе съ нечистыми ногами. Испытуемый прежде всего подвергался медицинскому осмотру. Съ значительными физическими недостатками: слѣпые, глухіе, калѣки, подверженные заразительнымъ и вообще трудно излѣчимымъ болѣзнямъ, не принимались въ Орденъ. Если испытуемый не имѣлъ физическихъ недостатковъ, Испытатели приступали къ дальнѣйшему допросу. Спрашивалось имя, возрастъ, званіе, состояніе и вѣроисповѣданіе желающаго поступить въ Орденъ; изъ отвѣтовъ на поставленные вопросы Испытатели вы-

носили рѣшеніе, принимать просителя, или нѣтъ въ Новиціятъ. Не принимались незаконнорожденные, не помнящіе родства, вообще люди неизвѣстнаго происхожденія, бывшіе подъ судомъ, или подвергавшіеся позорному наказанію, занимавшіеся низкимъ ремесломъ: палачи, шуты, комедіянты; отказывали въ пріемѣ не только рабамъ и крестьянамъ, не получившимъ свободы отъ своихъ господъ, но и получившимъ свободу, если только отъ нихъ нельзя было ожидать для Ордена особой пользы; не принимались неофиты или новообращенные изъ Іудеевъ и еретиковъ. Иновѣрцы, особенно иноки-схазматики (Православные), принимались только по усмотрѣнію Протоархимандрита. Если не оказывалось никакого препятствія къ поступленію въ Орденъ, Испытатели вписывали въ книгу показанія желавшаго поступить въ Орденъ, записывали годъ и число поступленія его въ Новиціятъ и сдавали, такъ сказать, на руки Магистру Новиціята. Дальнѣйшая исторія Новиціятовъ намъ извѣстна изъ прежняго разсказа. [1140]

Испытатели, для желающихъ принять священно-церковный санъ, занять Профессорскія каѳедры въ школахъ, присягой обязывались внимательно, вѣрно, безъ всякаго лицезрѣнія, проходить свою должность; по совѣсти, какъ бы предъ самимъ Богомъ, давать Провинціялу мнѣніе о способности кандидатовъ. [1141] По распоряженію Провинціяла, они заботились, чтобы въ Орденѣ были достойные священнослужители [1142] и наставники. Такъ какъ въ Орденскихъ школахъ преподавались различные предметы, [1143] то Испытатели, главнымъ образомъ, должны были наблюдать, чтобы на каждый предметъ назначались болѣе, или менѣе, знатоки своего дѣла. [1144] Въ свою очередь каждому изъ наставниковъ предписывалось въ своихъ занятіяхъ руководствоваться точными, опредѣленными положеніями, выработанными Орденомъ и получившими отъ него утвержденіе. [1145] Но такъ какъ развитіе школъ въ Базиліянскомъ Орденѣ (не для Базиліянъ только) получило свою силу около 1770 года, то и самое ихъ устройство мы разсмотримъ нѣсколько ниже.

Въ дальнѣйшемъ устройствѣ Базиліянскаго Ордена, собственно въ управленіи монастырскомъ (мы разсмотрѣли Генеральное и Провинціяльное устройство Ордена около половины XVIII вѣка), прибавилось очень немногое сравнительно съ первичнымъ его устройствомъ. По образцу Провинцій, и въ монастырлхъ мы

встрѣчаемъ достойную подражанія должность Исторіографа, Архиварія. Хартофилаксъ или Архиварій завѣдывалъ монастырскимъ архивомъ. Со всѣхъ важныхъ рукописей, писанныхъ по Русски, необходимо было имѣть копіи, написанныя Польскими буквами. Требовалось также имѣть копіи всѣхъ оригинальныхъ документовъ, по формѣ, утвержденной отечественнымъ обычаемъ. Архивъ слѣдовало помѣщать въ мѣстѣ надежномъ, не сыромъ и безопасномъ отъ пожара. Одинъ ключъ отъ архива хранился у Настоятеля, другой у Архиварія. Архивные памятники размѣщались въ извѣстномъ порядкѣ, на своихъ мѣстахъ и полкахъ. У Архиварія была книга, въ которой онъ вписывалъ существенное (въ извлеченіи) изъ хранящагося въ архивѣ; при такомъ вписываніи необходимо было слѣдовать тому порядку, въ какомъ были размѣщены архивные документы, чтобы, въ случаѣ надобности, легче было отыскать требуемый документъ. Кромѣ оригинальныхъ документовъ, записей, векселей, коими доказываются права фундаціи, паданія, доходовъ, въ архивѣ хранились прежніе инвентари всѣхъ имѣній, также церкви и монастыря, книги отчетовъ, монастырскихъ актовъ, домашнихъ консультацій, замѣчательныя письма, распоряженія Настоятелей, информаціи и вообще все сколько ни будь замѣчательное относительно управленія монастыремъ. Изъ архива ничего нельзя было брать безъ разрѣшенія Настоятеля, и росписки получателя, которая хранилась въ томъ же архивѣ. Архиварій заботился, чтобы, по минованіи надобности, взятое возвращено было въ свое мѣсто. [1116]

Исторіографъ монастыря обязанъ былъ тщательно записывать все то, что для будущаго поколѣнія могло послужить въ назиданіе, или доставить ему полезныя свѣдѣнія. Матеріаломъ для этого преимущественно служили дѣянія монаховъ, пользующихся въ своемъ кругу славою благочестивыхъ святыхъ. На этомъ основаніи, недостаточно было обозначать только годъ, мѣсяцъ и день смерти того, или другого, монаха, но Исторіографъ долженъ былъ указать, на сколько каждый отличался смиреніемъ, терпѣніемъ, подвижничествомъ, какъ и какія проходилъ должности, какіе обнаружилъ при смерти признаки благочестія. Исторіографъ записывалъ также успѣхъ и окончаніе важнѣйшихъ предпріятій, замѣчательныя пожертвованія въ пользу монастыря, или Церкви, смерть благотворителей монастыря, поступленіе и выбытіе Настоятелей и

монаховъ, благодатныя явленія и чудеса отъ чудотворныхъ иконъ въ церквахъ Базиліянскихъ и другія достойныя памяти происшествія. Каждые три мѣсяца монастырскій Исторіографъ дѣлалъ изъ своего труда извлеченіе для представленія Провинціяльному Исторіографу. Свои записки онъ хранилъ тщательно, а при перемѣщеніи въ другой монастырь, или на другую должность, обязанъ былъ отдавать ихъ Настоятелю. [1147]

Сильнѣе прежняго обращено было вниманіе Базиліянъ на завѣдывающаго въ монастыряхъ монастырскою казною. До сихъ поръ должность Казначея объединялась съ должностію Старшаго монастыря и Экклесіярха. Но уже въ половинѣ XVII вѣка мы встрѣчаемъ открытыя жалобы на этихъ лицъ, что монастырскою казною они распоряжаются по своему и въ большинствѣ случаевъ обращаютъ ее въ свою пользу. Въ виду этого и въ надеждѣ хотя нѣсколько прекратить злоупотребленія, въ 1661 году было постановлено: Старшихъ болѣе богатыхъ монастырей—Минскаго, Полоцкаго, Жировицкаго, и Экклесіярховъ обязывать присягой не злоупотреблять монастырскою казной. [1148] Съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ въ Базиліянскихъ монастыряхъ матеріяльныхъ богатствъ, увеличились и злоупотребленія ими. По тому въ 1772 году Берестская Капитула рѣшила, чтобы, въ болѣе многочисленныхъ монастыряхъ, изъ среды братіи избирался свободными голосами особый Казначей, который, вмѣстѣ съ Старшимъ монастыря, завѣдывалъ бы его монастырскими доходами и расходами. У каждаго изъ нихъ былъ ключъ отъ казны. Отсюда, въ началѣ каждаго мѣсяца, въ присутствіи Старшаго и Казначея, вынималось извѣстное количество денегъ, достаточное, по ихъ мнѣнію, на обыденныя нужды монастыря въ продолженіе мѣсяца, и вручалось Казначею для расходовъ, по мѣрѣ надобности. Расходы во всякомъ случаѣ дѣлались съ вѣдома и согласія Старшаго. Они записывались въ особую вѣдомость, и черезъ каждый мѣсяцъ Казначей давалъ въ нихъ отчетъ Старшему. Этотъ отчетъ подписывался потомъ Старшимъ. Въ другую вѣдомость вносились всѣ доходы монастыря. Обѣ вѣдомости хранились при дѣлахъ кассы. Избранный Казначей, до вступленія въ должность долженъ былъ принести присягу, что всѣ доходы и расходы по монастырю онъ тщательно будетъ заносить въ книгу и ничего, ни подъ какимъ видомъ, не употреблять въ свою пользу изъ доходовъ и казны монастырской. [1149]

Если же, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, или по малочисленности братіи въ монастырѣ, не было необходимости имѣть особаго Казначея, то эту должность могъ совмѣщать въ себѣ Настоятель. Впрочемъ, и онъ, по должности Казначея, долженъ былъ приносить присягу. Послѣдняя была совершенно сходна съ присягой настоящаго Казначея: Старшій только прибавлялъ, что изъ казны монастырской онъ ничего не будетъ употреблять въ свою пользу, кромѣ обыкновенной пенсіи на платье. [1150]

Въ остальномъ управленіи монастырскомъ мы встрѣчаемъ и теперь, въ половинѣ XVIII вѣка, тѣхъ же чиновъ, съ тѣми же правами и обязанностями, которыхъ видѣли въ началѣ образованія Ордена. Разница только въ томъ, что нѣкоторые изъ этихъ чиновъ усвоили себѣ Латинскія названія. Старшій по прежнему оставался главнымъ хозяиномъ монастыря. Ближайшій довѣренный его чиновникъ назывался теперь уже не Ревнителемъ, а Монитором. [1151] Прежніе «соборные отцы» замѣнились теперь въ «мѣстныхъ Консульторовъ.» [1152] Въ каждомъ монастырѣ были особые Проповѣдники, [1153] Духовники, [1154] Економъ, [1155] Викаріи, [1156] Келарь, [1157] Вестіарій, [1158] Вратарь, [1159] Трапезарь, [1160] Поварь, [1161] Носокомъ, [1162] Библіотекарь, [1163] Экклесіархъ. [1164] Изъ прежнихъ чиновниковъ въ кодексѣ не встрѣчаемъ Блюстителя [1165] и Пономаря. [1166]

Описанная администрація Базиліянскаго Ордена съ очень малыми измѣненіями существовала со времени соединенія Базиліянъ въ одну конгрегацію до времени раздѣла Польши, или точнѣе до 1780 года. Тогда Базиліянскій Орденъ, вмѣсто прежнихъ двухъ Провинцій, раздѣлился на четыре: Бѣлорусскую, Литовскую, Коронную или Русскую и Галиційскую, въ которую входила и Лодомирія. Всѣ Провинціялы должны были находиться въ зависимости отъ Протоархимандрита, проживающаго или въ Коронной Провинціи, или въ Литовской. Эта зависимость и взаимныя сношенія Базиліянъ далеко не всегда отвѣчали видамъ Правительствъ Русскаго и Австрійскаго. [1167] Съ этого времени въ Базиліянскомъ Орденѣ вновь послѣдовали нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, измѣненія. Генеральныхъ Консульторовъ избирали по одному изъ каждой Провинціи (прежде избирали по два изъ обѣихъ Провинцій), и занятія ихъ нѣсколько усложнились тѣмъ, что совершенно была уничтожена должность Генеральнаго Секретаря (до этого

времени Генеральныхъ Секретарей было два) и обязанности послѣдняго были возложены на Генеральныхъ Консультороvъ. Переписку по дѣламъ Ордена они должны были раздѣлить между собою равномѣрно. Когда въ извѣстный годъ одинъ изъ Консультороvъ велъ текущія дѣла и составлялъ важнѣйшія письма для Протоархимандрита, другой тогда обязанъ былъ записывать рѣшенія консультаціи, остальные двое освобождались отъ такихъ опредѣленныхъ занятій. Въ слѣдующій годъ роли перемѣнялись. Консульторы, бывшіе свободными, вступали въ отправленіе Секретарскихъ обязанностей; ихъ товарищи, работавшіе истекшій годъ, могли нѣсколько отдохнуть. Занимающіеся дѣлопроизводствомъ обязаны были, въ случаѣ нужды, давать необходимыя выписки изъ дѣлъ, наблюдать за печатями и подписываться возлѣ нихъ. [1168] Самая присяга Консультороvъ съ этого времени окончательно слилась съ присягою, которую прежде приносили Генеральные Секретари, и теперь они обязывались, между прочимъ, одинаково быть преданными всѣмъ Провинціямъ Конгрегаціи, вѣрно и тщательно передавать Протоархимандриту о дѣлахъ той Провинціи, изъ которой избранъ каждый изъ Консультороvъ, вѣрно списывать акты Конгрегаціи, и никому ничего не открывать во вредъ Ордену. [1169]

Численность гласныхъ (вокальныхъ) на Генеральныхъ Капитулахъ тоже нѣсколько измѣнилась. До 1780 года на Генеральную Капитулу могли быть приглашаемы Генеральныя и Провинціяльныя власти и, кромѣ того, изъ обѣихъ Провинцій по 40 вокальныхъ, по особому списку, который, какъ сказано выше, разсматривался и утверждался Римомъ. Съ 1780 года, «по важнымъ причинамъ,» постановлено было составлять на будущее время Генеральные Базиліянскіе «сеймы» изъ меньшаго числа монаховъ: теперь на Генеральной Капитулѣ могло присутствовать не болѣе 52 вокальныхъ изъ всѣхъ Провинцій. Въ это число входили: Протоархимандритъ съ 15 Архимандритами Конгрегаціи, четыре Генеральныхъ Консультора, четыре вновь избранныхъ Провинціяла, сложившіе передъ тѣмъ свои должности, Экспровинціялы и другіе 24 монаха, избираемые и назначаемые изъ каждой Провинціи. [1170] Число Духовниковъ на Капитулахъ увеличено было до восьми. Избиралось четыре Капитульныхъ Судьи, по одному изъ каждой Провинціи; трое изъ нихъ имѣли право рѣшительнаго голоса, а на четвертаго

возлагалась обязанность записывать рѣшенія. Эта обязанность возлагалась на того, кто въ порядкѣ избранія былъ послѣднимъ; право суда предоставлялось старѣйшимъ въ томъ же порядкѣ, а первый по порядку избранія, т. е., избранный изъ Провинціи Протоархимандрита, оканчивающаго свою должность, былъ вмѣстѣ и Предсѣдателемъ въ своемъ Каппитульномъ Судѣ. [1471] Съ 1772 года въ монастыряхъ не встрѣчаемъ болѣе Вестіарія: на Генеральной Берестской Капитулѣ въ этомъ году принято было, вмѣсто платья, выдавать деньги каждому монаху на руки, въ опредѣленномъ количествѣ, смотря по той іерархической степени, которую каждый занимаетъ въ Орденѣ. [1472] Необходимо требовалось однообразіе въ одеждѣ. [1473]

Я подробно разсмотрѣлъ послѣднее, окончательное, устройство Базиліянскаго Ордена. До конца его существованія въ немъ не прибавилось существенно ничего новаго, лучшаго для Базиліянъ, по ихъ мнѣнію. Напротивъ, при новой встрѣчѣ съ Орденомъ, мы увидимъ склоненіе его къ западу, начинающееся разложеніе... Но пока Базиліяне торжествовали и упивались своимъ успѣхомъ.

Они осуществили, наконецъ, свои завѣтные планы: всѣхъ своихъ сочленовъ они увидѣли въ одной видимо плотной корпораціи. Гордо заговорило въ нихъ теперь сознаніе своей собственной силы. Въ этомъ сознаніи они потребовали, чтобы всѣ Іерархическія степени въ Уніятской Церкви исключительно замѣщались монашествующими, т. е., такими лицами, которыя приняли посвященіе въ Базиліянскомъ Орденѣ и принадлежали къ его членамъ. Необходимымъ условіемъ при этомъ являлось препорученіе (рекомендація) Протоархимандрита. Если бы кто изъ Аббатовъ, или другихъ монаховъ, имѣлъ вступить на Епископство, или Архіепископство, такой кандидатъ предварительно долженъ былъ получить рекомендацію отъ Протоархимандрита, какъ непосредственнаго начальника монаховъ, и представить его Королю, говорится въ «Проектѣ представленія относительно обезпеченія Базиліянъ» около 1773 года. Если бы Митрополитъ несправедливо отвергнулъ мнѣніе Протоархимандрита и не обратилъ вниманія на рекомендованныхъ имъ кандидатовъ, тогда Протоархимандритъ обращается къ Коронѣ, которая принимаетъ сторону или его, или Митрополита. Если дѣлалась свободною Митрополія, то Луцкій Епископъ, какъ Екзархъ, созвавши Коллегію Епископовъ, долженъ избрать кандидатовъ большин-

ствомъ голосовъ, требовали Базиліяне, всегда, впрочемъ, съ допущеніемъ голоса Протоархимандрита, если бы были какіе либо кандидаты изъ Аббатовъ, или простыхъ монаховъ. «Кто лучше можетъ знать о жизни Аббатовъ и другихъ монаховъ, говорили Базиліяне, какъ не Протоархимандритъ, который есть непосредственный ихъ начальникъ, и о другихъ монахахъ получаетъ полное понятіе изъ Провинціяльныхъ визитацій, ежегодно представляемыхъ ему Провинціялами своихъ Провинцій.» Хотя же Митрополиты и хвалятся привилегіями, которыя дарованы имъ Яснѣйшими Королями Польскими и соединены съ ихъ саномъ, каковыми привилегіями дана имъ власть самимъ рекомендовать на Епископства и Аббатства знатныхъ происхожденіемъ монаховъ, заслуженныхъ въ монашествѣ, но нужно знать, что эти привилегіи даны имъ были при другихъ обстоятельствахъ и съ другою цѣлію. Ибо тогда Базиліянскіе Аббаты находились подъ властію Митрополитовъ, и монахи большею частію не были изъяты изъ власти мѣстныхъ Епископовъ. Но теперь, когда монахи изъяты изъ власти Епископовъ, подчинены власти Генерала, то тѣмъ самымъ Генералъ сдѣлался непосредственнымъ ихъ начальникомъ, который можетъ знать ихъ правъ и качества, и по тому представлять ихъ къ различнымъ іерархическимъ чинамъ. [1174]

Базиліяне не остановились на такомъ голословномъ отверженіи правъ, существенно принадлежащихъ главѣ Уніятской Іерархіи, на предпочтеніи Протоархимандрита Митрополиту. Представляя себѣ всю распорядительную власть въ Уніятской Церкви, Базиліяне поспѣшили на самомъ дѣлѣ доказать Митрополиту и Епископамъ, что они не должны болѣе имѣть ни малѣйшаго вмѣшательства въ дѣла Базиліянъ. Въ 1747 году на Генеральную Базиліянскую Капитулу въ Берестѣ прибыли, между прочимъ, два Епископа. Когда предсѣдательствовавшій на ней Администраторъ Митрополіи, Флоріянъ Гребницкій, предложилъ Базиліянамъ приступить къ избранію Генерала и другихъ должностныхъ лицъ Ордена, Базиліяне отвѣчали, что «они не могутъ приступить къ этому дѣлу, пока присутствующіе на засѣданіи Превелебнѣйшіе Господа, Ѳеофилъ Годебскій, Епископъ Владимирскій и Берестскій, Прототроній Руси, а также Фелиціянъ Володковичъ, Епископъ Холмскій и Белзскій, не благоволятъ удалиться съ Капитулы, какъ лица, стоящія въ церковномъ отношеніи выше положенія про-

стого монаха, а по тому прямо и ясно исключенныя послѣднимъ декреталомъ Святѣйшаго Господина нашего» (Папы). [1175] Напрасно Епископы указывали Базиліянамъ на древній обычай присутствованія Епископовъ на Капитулахъ: Базиліяне стояли на своемъ, и Годебскій съ Володковичемъ должны были оставить Базиліянскій «сеймъ.» [1176] Такимъ образомъ, Епископъ Берестскій, Прототроній Руси, въ своей Епархіи, устраненъ былъ простыми монахами отъ безучастнаго даже присутствованія на ихъ Капитулѣ.

Устранивши Епископовъ, Базиліяне задумали отдѣлаться и отъ Митрополита. Въ 1751 году вновь должна была собраться въ Берестѣ Генеральная Базиліянская Капитула. Митрополитъ, за болѣзнію, не могъ предсѣдательствовать на Капитулѣ и назначилъ, вмѣсто себя, того же Прототронія Руси. Митрополиту предоставлено было такое право письмомъ Папскаго Нунція въ Польшѣ отъ 27 Генваря, 1751 года. Но Базиліяне протестовали противъ этой делегаціи на томъ основаніи, что будто бы Митрополитъ имѣетъ право предсѣдательствовать на Генеральныхъ Капитулахъ не въ силу Митрополитской своей власти, а только въ качествѣ Папскаго делегата, и постановили представить этотъ вопросъ на рѣшеніе Папы. Самой Капитулы не распустили и Годебскаго признали ея Предсѣдателемъ только по тому, что созваніемъ новой Капитулы опасались причинить Ордену излишніе расходы. [1177] Этого мало. Оспаривая у Митрополита право назначать вмѣсто себя делегата для предсѣдательствованія на Базиліянскихъ Капитулахъ, Базиліяне поставили открытымъ вопросомъ и то, нужно ли, въ самомъ дѣлѣ, Митрополиту даже предсѣдательствовать на ихъ Капитулахъ, имѣетъ ли онъ на это право? Ясно было, что Базиліяне хотятъ сдѣлаться окончательно независимыми и стать выше Митрополита. Вопросы, представленные въ Римъ на разрѣшеніе, и тамъ показались уже слишкомъ смѣлыми. Въ разсужденіяхъ по этому поводу, отъ 26 Ноября, 1752 года, Конгрегація распространенія вѣры утвердила за Митрополитомъ и право назначать вмѣсто себя делегата, и право самому лично предсѣдательствовать на Капитулахъ, съ оговоркою, впрочемъ, «tanquam delegato Apostolico.» [1178] Мнѣніе Базиліянъ не совсѣмъ было отвергнуто, а Митрополитъ болѣе и болѣе отодвигался на задній планъ, его мѣсто все рѣшительнѣе и рѣшитель-

нѣе занималъ Римъ съ его клевретами: требованія Базиліянъ возрастали.

Тогда же на Берестской Капитулѣ, 1751 года, они предположили, чтобы Протоархимандриту усвоить титулъ «Perillustris,» вмѣсто «Reverendissimus,» которымъ до сихъ поръ его величали; сообразно этому требовалось возвысить титулы и остальныхъ чиновниковъ въ Орденѣ. [1179] Нужно замѣтить, что Митрополита и Епископовъ въ обращеніи къ нимъ титуловали: «Illustrissime!» (только). Въ 1771 году Базиліяне заявили, чтобы Старшимъ монастырей даровано было право разрѣшать всѣ тѣ случаи, которые предоставлены были только Папѣ. Тогда же они потребовали для Протоархимандрита права удостоивать степени Доктора тѣхъ, которые, въ продолженіе восьми лѣтъ, съ успѣхомъ и похвально обучали Богословію, и разрѣшать читать запрещенныя книги тѣмъ монахамъ своей Конгрегаціи, которыхъ Протоархимандритъ признаетъ къ тому способными и которые своимъ чтеніемъ могутъ принести пользу Уніи. [1180] Всѣми этими правами не пользовались даже Митрополиты, но лично Протоархимандритамъ мало по малу были усвоены Римомъ. [1181]

Расчистивши для себя путь кругомъ, Базиліяне потребовали уничтоженія нѣкоторыхъ государственныхъ о нихъ постановленій, которыя были имъ не по вкусу. Особенно не нравился Базиліянамъ сеймъ 1768 года съ своими о нихъ постановленіями. У Папскаго Нунція въ Варшавѣ, Іосифа Гарампи, они просили похлопотать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, чтобы были уничтожены конституціи сейма 1768 года, касающіяся Базиліянъ, именно: конституція подъ титуломъ «Аббатства,» обѣщающая отдавать Аббатства въ управленіе Епископовъ; конституція подъ титуломъ: «Выборъ состоянія,» запрещающая вступать въ Орденъ Базиліянскій и принимать монашество ранѣе 24 лѣтъ; конституція подъ титуломъ: «Провизія Архіепископа Армянскаго,» обѣщающая дать первое вакантное Базиліянское Аббатство Архіепископу Армянскому; равно подъ титуломъ: «Возстановленіе и сохраненіе права патронатства Архимандрій обряда Грекоунитскаго,» дѣлающая простые по фундаціи своей монастыри Архимандріями, и администрацію вакантныхъ Аббатствъ, и рекомендацію лицъ на нихъ предоставляющая не Протоархимандриту, а Митрополиту, равно и конституція подъ титуломъ: «О неотчужденіи земскихъ имѣній отъ

свѣтскаго званія,» которая наслѣдство движимаго, инвентарей и суммъ послѣ смерти Аббатовъ, передаетъ ихъ родственникамъ. [1182]

Въ своей ненависти къ Аббатствамъ и Архимандріямъ Базиліане посягнули даже на права Польскихъ Королей. Въ 1756 году Папа писалъ Базиліанамъ: «Доложено намъ, что монастыри, управлявшіеся Аббатами, поставлявшимися по номинаціи Короля Польши и Великаго Княжества Литовскаго и другихъ низшихъ патроновъ, обращены теперь въ простыя Суперіорства, по сему просили насъ (Король и другіе вельможи, лишенные Базиліанами права номинаціи патронатства), чтобы мы повелѣли возстановить сіи монастыри въ прежнемъ званіи Аббатствъ и возвратить патронамъ нарушенныя должныя права ихъ надъ ними.» [1183] Для окончательнаго рѣшенія дѣла Папа потребовалъ, впрочемъ, новыхъ справокъ и документовъ. Вопросъ затянулся до 1768 года, и его рѣшилъ уже самъ сеймъ этого года помимо Папы, согласно волѣ Короля и Государственнымъ постановленіямъ. Такимъ образомъ, въ спорѣ съ Базиліанами, и власть Короля постановлена была на вѣсы.

Въ Литовско-Польскомъ Государствѣ некуда было уже простирать дальше притязаній, и вотъ Базиліане начало Ордена возводятъ къ Св. Василію Великому, даже къ его прадѣдамъ, по отцу и матери, [1184] во всѣхъ Базиліанахъ Востока и Запада, въ Азіи, Африкѣ и въ Европѣ, видятъ своихъ единоутробныхъ братій; ихъ исторію считаютъ собственною исторіей. [1185] Теперь они начали проповѣдывать, что Орденъ Базиліанъ самый древній между всѣми Орденами, самый распространенный, самый почетный; что, по тому, представитель Базиліанъ въ Римѣ долженъ пользоваться преимуществами предъ Генералами всѣхъ другихъ Католическихъ Орденовъ, занимать между ними первое мѣсто. [1186] Гдѣ же было основаніе для такого высокаго о себѣ самомнѣнія, для такихъ притязаній? Этотъ вопросъ для насъ разъяснится, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя стороны изъ жизни Уніятской Церкви.

XXI.

Историческая миссія въ Уніи Базиліянскаго Ордена; его значеніе въ глазахъ Папы и Латино-Польской шляхетской партіи въ Польско-Литовскомъ Государствѣ; знакомство Литовскихъ Базиліянъ съ Западными Базиліянами и ихъ литературою; значеніе этого событія.

Базиліянскій Орденъ «былъ основанъ для истребленія схизмы въ Россіи и отдаленнѣйшихъ Провинціяхъ,» состоялъ въ вѣдѣніи Конгрегаціи распространенія вѣры и представлялся единственнымъ въ Греческомъ обрядѣ средствомъ къ распространенію Уніи «плодовитою ея матерью.» При помощи Ордена, по мнѣнію Базиліанъ, должна была уничтожиться схизма, не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ, какъ то: Валахіи, Молдавіи, Болгаріи, Сербіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Угріи, Седмиградіи. [1187] Существованіе Уніи возможно было только при существованіи Базиліянскаго Ордена, и благо одного было вмѣстѣ благомъ и другой, и зло Ордена вело къ погибели Уніи. Базиліяне въ глазахъ Папъ были тѣми Русскими, посредствомъ которыхъ, по ихъ словамъ, они думали обратить къ себѣ весь Востокъ. [1188]

Рано свыклись Базиліяне съ такимъ назначеніемъ Ордена. Съ блестящимъ успѣхомъ продолжая дѣятельную, упорную борьбу за Унію, въ продолженіе всего XVII столѣтія, исключительно давая изъ среды себя кандидатовъ на высшія іерархическія мѣста въ Уніятской Церкви, выдвинувши такихъ ревностныхъ подвижниковъ за Унію, какъ Іоасафатъ Кунцевичъ, Симеонъ Яцкевичъ, Левъ Кревза, Іяковъ Суша и многіе другіе, записавши нѣкоторыхъ членовъ Ордена въ число Святыхъ съ мученическими вѣнцами, сослуживши даже службу всему Польскому Государству въ тяжелое для него время Козацкихъ войнъ, Базиліяне, по всей справедливости, съ своей точки зрѣнія, заслуживали полнаго уваженія, благодарности. [1189] Сознавая свои заслуги, свое значеніе, Орденъ Базиліанъ уже въ половинѣ XVII столѣтія весь успѣхъ Уніи исключительно приписывалъ себѣ, себя считалъ ея столпомъ и утвержденіемъ. [1190] Рѣмъ настоятельнѣе, съ гораздо большими притязаніями, начали [illegible]являть объ этомъ

Базиліяне около половины XVIII вѣка. [1191] Себя они называли теперь не иначе, какъ «Ordo praelaticus,» [1192] и вступили въ открытую борьбу съ Митрополитами за преимущества власти.

Папы постоянно вторили Базиліянамъ; но особенное согласіе между ними открывается со времени Замойскаго Собора. Всѣ затѣи Литовскихъ Базиліянъ немедленно приводились Римомъ въ исполненіе, или же имъ подтверждались. Однимъ изъ завѣтныхъ желаній Литовскихъ Базиліянъ со времени основанія Ордена было затянуть всѣхъ Базиліянъ въ свою Конгрегацію. Митрополиты и Епископы сильно этому противились и, въ противодѣйствіе Литовской Провинціи, старались образовать другую, на началахъ зависимости Базиліянъ отъ мѣстныхъ Епископовъ и Митрополита. [1193] По утвержденіи въ Римѣ постановленій Замойскаго Собора, Уніятскій Митрополитъ, Левъ Кишка, во исполненіе XI титула Замойскаго Собора, разослалъ, 24 Генваря, 1727 года, извѣщеніе къ подвѣдомому духовенству, приглашая его къ 25 Мая того же года въ Дубно на Генеральную Капитулу, для образованія новой Провинціи. По приглашенію явились многіе Епископы и Базиліянскія Орденскія власти изъ Литвы. Но когда Митрополитъ предложилъ приступить къ образованію новой Базиліянской Провинціи, Литовскій Протоархимандритъ заявилъ свой протестъ и просилъ представить это дѣло на рѣшеніе Папы. [1194] Митрополиту Кишкѣ такъ и не удалось достигнуть своего желанія, хотя оно основывалось на прямыхъ постановленіяхъ и требованіяхъ Замойскаго Собора, подтвержденныхъ Папой. [1195] Преемникъ Кишки, Аѳанасій Шептицкій, былъ, по видимому, счастливѣе. Въ 1739 году, не смотря на самое упорное и сложное противодѣйствіе Литовскихъ Базиліянъ, онъ успѣлъ наконецъ образовать новую Провинцію Коронныхъ Базиліянъ. [1196] Но торжество Митрополита и Епископовъ было непродолжительно, и со стороны Базиліянъ ему готовилось тѣмъ большее посрамленіе, униженіе, чѣмъ съ большею настойчивостью оно было достигнуто.

Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ въ Римѣ, согласно искательству Базиліянъ, [1197] постановлено было вновь образовавшуюся Провинцію Коронную соединить съ Литовскою, подъ властію одного Протоархимандрита. [1198] Невыносимо болѣзненнымъ, тяжелымъ показался этотъ слухъ для Митрополита Шептицкаго и нѣкоторыхъ Епископовъ (Перемышльскаго, Холмскаго, Луцкаго и

Инискаго) и изъ груди ихъ вырвался вопль отчаянія за свои права, за свое положеніе въ Уніи, за отношеніе къ Базиліянамъ. «Святѣйшій отецъ (писали они къ Папѣ, въ 1742 году)! Отъ первыхъ начатковъ Русско-Польской Іерархіи, предстоятели наши всегда пользовались такими преимуществами, чтобы имѣть подъ непосредственною своею властію не только свѣтскій, но и монашескій, клиръ. Не уменьшилась эта власть чрезъ оказанное предшественниками нашими повиновеніе Верховной Главѣ, напротивъ того благочестивѣйшій предшественникъ Вашей Святости, Климентъ VIII, принялъ ихъ съ такою любовію, что не только утвердилъ своими буллами древніе обычаи, обряды и церемоніи Восточной Церкви, согласно Флорентійскому Собору, но и ихъ самихъ обласкалъ новыми и особыми благодѣяніями и милостями, долженствовавшими также излиться и на преемниковъ. И хотя около 1624 года самъ св. памяти Іосифъ Рутскій, Архіепископъ-Митрополитъ всея Руси, постарался соединить ввѣренные его попеченію монастыри Базиліянъ въ Конгрегацію, тѣмъ не менѣе чрезъ это онъ ни какъ не хотѣлъ ослабить юрисдикцію Митрополитовъ и Епископовъ, и тогда на свое представленіе получилъ ясные декреты Верховнаго Пастыря и Священной Конгрегаціи, чтобы помянутыми о. о. Базиліянами не причинялось никакаго ущерба той власти, какая, по праву и обычаю, принадлежитъ Митрополиту. И такъ, въ теченіе цѣлаго почти столѣтія, послѣ такихъ декретовъ, не только самъ Архіепископъ-Митрополитъ имѣлъ непосредственную власть надъ самыми Базиліянами, безъ всякаго противорѣчія, но и Епископы наши, находящіеся въ Царствѣ, непосредственно управляли монастырями и монахами, находящимися въ ихъ Епархіяхъ. Когда же, однако, въ недавно истекшемъ году, собранные въ сей городъ, Львовъ, мы, во исполненіе постановленія Замойскаго Синода, освободили, съ разными предосторожностями, всѣ монастыри и монаховъ отъ нашей Епископской власти, и, за содѣйствіе въ дѣлѣ учрежденія новой Конгрегаціи, должны были получить должную благодарность, съ несносною печалію узнали мы, что тамъ, по ложнымъ представленіямъ Литовскаго Прокуратора, опредѣлено уничтожить единственное украшеніе нашей Епископской Коллегіи и всей Іерархіи, т. е., Митрополитскую власть, утвержденную декретами Св. Престола и привилегіями Найяснѣйшихъ Королей Польскихъ и въ теченіи около 100 лѣтъ свято соблюдаемую самыми отцами

Литовскими, въ силу торжественнаго Nexus'a [1199] и Капитулярныхъ конституцій, сдѣланныхъ въ началѣ Конгрегаціи Св. Троицы. Но мы заключили, что не сдѣлано постановленія о таковой власти, и льстимъ себя несомнѣнною надеждой, что Ваша Святость, по свойственной отеческому сердцу милости, благоволитъ милостиво выслушать новыя наши просьбы и, благосклонно толкуя по настоящему дѣлу декреты, предотвратитъ несказанную для многихъ душъ опасность и очевидный для враговъ нашихъ и Св. Римской Церкви соблазнъ и оскорбленіе. Мы не нарушаемъ здѣсь постановленій Св. Тридентскаго Собора; ибо изъ контекста свящ. каноновъ, смысла важнѣйшихъ сочинителей и нашихъ объясненій, достаточно доказано, и полнѣе будетъ доказано, что они предшественниками нашими и нами самими, на сколько касаются церковной дисциплины, не приняты. Не выставляемъ нашихъ трудовъ и трудовъ предшественниковъ нашихъ въ поспѣшествованіи Уніи и распространеніи Католической вѣры; поелику всякому не безъизвѣстно, что вся почти Литва и всѣ Епархіи наши приведены были къ послушанію Верховному Главѣ не трудами отцовъ Базиліянъ Литовскихъ (какъ несправедливо они хвалятся), но усиліями, примѣромъ и Апостольскою ревностію самихъ Митрополитовъ и Епископовъ. О сей только милости смиренно просимъ Вашу Святость, чтобы, какъ мы пришли къ лону общей матери съ древними правами, обрядами и обычаями Восточной Церкви, и такіе обряды и обычаи утвердила сама высшая власть, такъ и въ наши времена, чтобы не быть намъ, чрезъ лишеніе собственныхъ правъ, поношеніемъ для своего и чужого народа. Ибо мы истинные ревнители по Католической вѣрѣ, и гораздо болѣе самихъ отцовъ Базиліянъ Литовскихъ можемъ заботиться о приращеніи св. Уніи. А чтобы мы съ большою смѣлостію могли обращаться въ своихъ нуждахъ къ Св. Престолу, съ глубочайшимъ смиреніемъ обращаемся къ отеческому сердцу Вашей Святости, чтобы никакое наше представленіе не имѣло никакой зависимости отъ соображеній и намѣреній отца Прокуратора Литовскаго, который имѣетъ попеченіе объ одной только отдѣльной Провинціи, а не о всемъ Орденѣ (какъ несправедливо говорятъ), а тѣмъ болѣе не о Коллегіи нашей Епископской. Раздѣлятъ чувства наши (какъ справедливо надѣемся) и другіе братія и соепископы наши, которые, по причинѣ отдален-

ности, не могли такъ скоро прибыть вмѣстѣ съ нами къ настоящему мѣсту, и по сему присовокупляемъ смиренныя просьбы наши, чтобы, въ слѣдствіе верховнаго распоряженія Святости Вашей, Превелебный Нунцій, находящійся нынѣ въ Царствѣ, не прежде приступилъ къ открытію Генеральной Капитулы, пока мы со всѣми соепископами нашими не соберемся вмѣстѣ и наконецъ не выслушаны будемъ въ нашихъ просьбахъ.» [1200]

Больно, право, становится видѣть это крайне унизительное, безпомощное состояніе высшей Уніятской Іерархіи. Основанная на лжи и фальши, Унія продолжала держаться только обманомъ, и Уніятскіе Іерархи, полтора вѣка обманываемые, унижаемые, оскорбляемые, все еще думали, что въ сердцѣ Папы найдется для нихъ теплый уютный уголокъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе грозный, суровый видъ принималъ Римъ въ отношеніи Митрополита и Епископовъ. Въ половинѣ XVIII вѣка забывается уже вся заслуга, какую оказала для Уніи Уніятская Іерархія: «Базиліяне, одни Базиліяне—вотъ наши истинные сыны,» слышится изъ Рима въ отвѣтъ на всѣ представленія не Базиліянъ. Одни Базиліяне работаютъ для Уніи; имъ однимъ должны принадлежать и побѣдные вѣнцы; они одни достойны награды. И какъ можно спорить съ Базиліянами — этимъ Орденомъ, по словамъ Папы, въ высшей степени знаменитымъ, отлично зарекомендовавшимъ себя въ Католической Церкви не только своею древностію, но и глубокимъ благочестіемъ, святою ученостію, монашескою дисциплиною! «Его несравненныя заслуги (слова Папы) всегда побуждали Пап украшать Орденъ многими доказательствами Апостольскаго авторитета и благословенія.» [1201] Такіе отзывы Папы о Базиліянахъ начинаютъ слышаться все чаще и чаще послѣ Замойскаго Собора. [1202] Въ назначіяхъ Базиліянскаго Ордена Папа исключительно употребляетъ эпитеты: «inclytus, conspicuus, praeclarus, commendatissimus, laudatissimus.» [1203] Всѣ дѣянія Ордена дышатъ, по словамъ Папы, особеннымъ усердіемъ (къ пользамъ Рима, конечно), рѣдкимъ благоразуміемъ, любовію, ревностію по вѣрѣ, [1204] и Папа считаетъ ихъ «illustria Ordinis decora.» [1205] «Примѣрныя заслуги Базиліянъ для Апостольскаго Престола, по словамъ Папы, такъ велики и постоянны, что память о нихъ никогда не изгладится и должна сохраниться вѣчно.» [1206] Нужно ли послѣ этого удивляться, что Папы съ особеннымъ удовольствіемъ принимали всѣ пред-

ставленія Базиліянъ, охотно увлекались, по ихъ сознанію, [1207] и при этой отеческой страстной любви къ Ордену, [1208] въ увлеченіи подтверждали всѣ конституціи Литовскихъ Базиліянъ, [1209] приводили немедленно въ исполненіе всѣ заявленія Базиліянскаго Литовскаго Прокуратора. [1210] Этимъ, очень справедливо, Папы хотѣли выразить Ордену свое особое благоволеніе [1211] и за вѣрную службу дарили ихъ, какъ мы уже отчасти видѣли (дальше увидимъ больше) все большими и большими своеобразными милостями. Базиліянъ Папа одарилъ всевозможными привилегіями, индульгенціями, [1212] которыми могъ воспользоваться каждый вѣрующій, но только не иначе, какъ въ духовномъ общеніи съ Базиліянами, посѣщая, на пр., ихъ церкви, присутствуя при миссіяхъ и т. под. Нѣкоторыя изъ внѣшнихъ дѣяній Базиліянъ, ихъ, на пр., Генеральныя Капитулы, получаютъ, въ слѣдствіе утвержденія Рима, священное какъ бы значеніе, и посѣтившіе, во время ихъ совершенія, Петропавловскую въ Берестѣ церковь, получали полную индульгенцію. [1213]

Вотъ дѣловые отвѣты со стороны Рима на всѣ представленія туда Митрополита и Епископовъ относительно Базиліянъ. Что могли сказать они въ свою защиту, что представить противъ Базиліянъ, о заслугахъ которыхъ такъ краснорѣчиво теперь, во ушію всего міра, проповѣдывалъ Папа? «О сей только милости смиренно просимъ Вашу Святость, писали къ Папѣ, въ оправданіе какъ бы себя, Уніятскіе Іерархи въ 1742 году, чтобы какъ мы пришли къ лону общей матери съ древними правами, обрядами и обычаями Восточной Церкви, и такіе обряды и обычаи утвердила сама высшая власть, такъ и въ наши времена, чтобы не быть намъ, чрезъ лишеніе собственныхъ правъ, поношеніемъ для своего и чужаго народа. Подобное требованіе и ссылка на свое прошлое были ужь слишкомъ простодушны и, по понятію людей, знакомыхъ съ Римскою политикою, въ глазахъ Папы должны были явиться преступленіемъ. «Знай, Русинъ, принявшій Унію, на всегда лишенный возможности пользоваться правами, свободою и преимуществами въ своемъ отечествѣ (говоритъ одинъ Уніятскій писатель XVIII-го вѣка); знай, что ты напрасно всѣми силами стараешься доказать свое вѣрноподданство, послушаніе, напрасно отдаешь ты себя въ неволю, готовъ даже лишиться имущества и жизни, чтобы только доказать, что ты твердо и непоколебимо

держишься Уніи: тебѣ никто и никогда не повѣритъ. Участь твоя всегда была горькая.... Что же производитъ эту вѣчную, всегдашнюю къ тебѣ ненависть? Не легко отвѣчать на этотъ вопросъ; можно сказать одно то, что ты, Русинъ, хотя и принялъ Унію, но все таки продолжаешь оставаться отраслью того дерева, въ коріѣ котораго прежде всего усмотрѣнъ ядъ. Вѣдь ты, совершая таинство Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, принадлежишь такимъ образомъ къ Восточной Церкви, которая нѣкогда осмѣлилась соперничать и сравнивать себя съ Западною. Вотъ, кажется, твое согрѣшеніе, за которое нѣтъ тебѣ прощенія и которое въ глазахъ свѣта тяжелѣе первороднаго грѣха предъ судомъ Божіимъ: по тому что ты его не загладишь ни крещеніемъ, ни покаяніемъ, ни взаимнымъ примиреніемъ, ни измѣною многимъ изъ давнихъ твоихъ обрядовъ.» [1214] А Уніятскіе Іерархи, въ своей простотѣ, требуютъ отъ Рима охраненія этихъ ненавистныхъ для него обрядовъ, подтвержденія за ними древнихъ правъ и привилегій! За то жестоко, коварно, совершенно въ духѣ Италіянской политики, началъ поступать Папа съ Митрополитомъ и Епископами Уніятскими.

Мы только что видѣли, какъ слезно умоляли они Римъ не торопиться созваніемъ новой Генеральной Капитулы для образованія одной Конгрегаціи изъ двухъ Базиліянскихъ Провинцій, не лишать ихъ, издавна принадлежащихъ имъ, правъ. Папа, руководимый Базиліянами, не обращаетъ вниманія на этотъ достойный протестъ, быстро идетъ къ намѣченной цѣли, распоряжается созвать Капитулу, и въ декретѣ, канонизующемъ ее, особыми похвалами осыпаетъ Митрополита Аѳанасія Шептицкаго, котораго превосходныя добродѣтели, пламенная ревность къ Католической религіи и искренняя преданность къ Апостольскому Сѣдалищу, особенно роскошно проявилась въ разсужденіяхъ по настоящему дѣлу (соединенію обѣихъ Базиліянскихъ Провинцій въ одну Конгрегацію).» [1215] Не насмѣшка ли это, и при томъ самая очевидная? Папа пишетъ далѣе: «онъ уничтожаетъ самостоятельное значеніе въ Уніи власти Митрополита, и отмѣняетъ ее характеромъ власти Апостольскаго Делегата.» Непосредственное завѣдываніе Базиліянами и устроеніе ихъ Папа поручаетъ своему Нунцію въ Варшавѣ, и относительно Митрополита объявляетъ Базиліянъ Орденомъ привилегированнымъ. [1216] Ужь подлинно, если гдѣ, то особенно

здѣсь, осуществилось то Евангельское сказаніе, когда просящему, вмѣсто хлѣба, подали камень и, вмѣсто рыбы — змію. Базиліяне торжествовали.

На Сеймѣ 1764 года они получили, какъ бы отъ всей Польши, новое благодарственное признаніе своихъ заслугъ. Тогда, между прочимъ, было постановлено: важнѣйшія бенефиціи должны быть отдаваемы только тѣмъ лицамъ, при содѣйствіи которыхъ Св. Унія, отъ ея начала и до настоящаго времени, была счастливо поддержана, распространена и теперь держится. А такъ какъ всѣмъ этимъ они обязаны Базиліянамъ, то отнимать отъ нихъ церковныя бенефиціи и высшія Іерархическія мѣста и должности, и давать свѣтскому клиру, значило бы ити на перекоръ двухсотлѣтнему опыту, подтверждающему, что только этимъ способомъ держалась Унія.... [1217] Опять таки похваляются одни Базиліяне: имъ однимъ приписывается весь успѣхъ Уніи.

Но всего этого мало было Базиліянамъ: они задумали повѣдать міру о гораздо большихъ, яко бы съ своей стороны, заслугахъ, объявить себя дѣятелями не со вчерашняго только дня. Поводомъ къ этому послужило знакомство Литовскихъ Базиліянъ съ Латинскимъ Базиліянскимъ Орденомъ на Западѣ и его литературой. Кульчицкій, Базиліянскій Прокураторъ, въ своемъ сочиненіи: «Menologium,» перечисляетъ «очень многихъ святыхъ ученыхъ мужей,» которые писали о Базиліянахъ. Особенно хвалитъ Кульчицкій Базиліянскаго Генерала (на Западѣ) Петра Меннита. «Этотъ мужъ, одинаково знаменитый, по словамъ Кульчицкаго, какъ своею святостію, такъ и мудростію, значительно увеличилъ Календарь Пассарини (этотъ Календарь содержалъ въ себѣ жизнеописанія многихъ Святыхъ Базиліянскаго Ордена) особымъ прибавленіемъ жизнеописаній Святыхъ, которыхъ не было у Пассарини и которыя были выбраны изъ различныхъ другихъ сочиненій. Бывшія жизнеописанія онъ дополнилъ новыми болѣе обширными свѣдѣніями. Всѣ имена Базиліянъ и Базиліянокъ Меннитъ расположилъ въ своемъ сочиненіи азбучнымъ порядкомъ и издалъ его подъ именемъ «Szkoła Bazyliańska».... Есть и другія его сочиненія, печатныя и рукописныя. Не мало также приложилъ онъ старанія и къ тому, продолжаетъ Кульчицкій, чтобы составить и издать приличныя Святымъ Базиліянскаго Ордена службы, по Латинскому обряду, что было одобрено и Римскою Конгрегаціею. Это

мужъ, заслуги котораго несравненны въ увеличеніи Базиліянскихъ уставовъ, которому и я (говоритъ Кульчицкій), слушая въ Римѣ курсъ наукъ, имѣлъ счастіе нѣсколько разъ засвидѣтельствовать почтеніе и отъ умирающаго получить отеческое благословеніе. А поелику и Календарь Пассарини, и Каталогъ Менниты заключаютъ въ себѣ одни только голыя имена Базиліянскихъ Святыхъ, то мнѣ всегда приходило на мысль изъ различныхъ писателей собрать житія ихъ и похвалы имъ и издать въ одной книгѣ. Милостивый Богъ утѣшилъ меня, заключаетъ Кульчицкій: отдавшись этому предпріятію всѣми силами моей души, сказанія различныхъ писателей я собралъ въ два тома... И вотъ, любезный читатель, имѣешь теперь «Menologium,» которымъ можешь пользоваться, при твоемъ благочестивомъ настроеніи.» [1218] Сюда вошли жизнеописанія самыхъ различныхъ Латинскихъ Святыхъ, съ очень подозрительными не рѣдко сказаніями объ ихъ святости, чудесахъ, и все это большіе и малые, мужчины и женщины, подъ перомъ Базиліянина, одѣвается въ габитъ Базиліянскій и предлагается читателю, какъ родное ему, хотя давно прошедшее, и которое должно быть по тому съ особенною любовію имъ изучаемо. Около этого времени (половины XVIII вѣка) Базиліянская литература начинаетъ наполняться сочиненіями въ родѣ: «Officium Sanctorum, Cedr mistycznyi, Szkola Bazylijanska» (послѣднія два сочиненія переводныя); [1219] надъ изданіями ихъ особенно работали типографіи Супрасльская и Виленская; съ 1773 года присоединяется еще къ нимъ Почаевская типографія. Всѣ названныя сочиненія пропикнуты однимъ направленіемъ доказать близкое сродство и даже тождество Литовскихъ Базиліянъ съ Базиліянами Запада; послѣдніе, въ свою очередь, себя, свое учрежденіе, по прямой чертѣ производили отъ такихъ великихъ, общепризнанныхъ Святителей и Великихъ Учителей, каковы Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. Западные Базиліяне не у нихъ, впрочемъ, хотѣли учиться святости жизни и спасительной мудрости, а, напротивъ, отъ себя усвояли имъ свое направленіе, имъ приписывали составленіе своихъ Езуитскихъ конституцій. [1220] Литовскіе Базиліяне забывали, что, по собственному признанію, они торжественно, на первыхъ же порахъ своего существованія, вступили въ тѣснѣйшій союзъ съ босыми Кармелитами и, еще болѣе, съ Езуитами, какъ своими учителями. [1221] Признавая теперь своими всѣ постановле-

нія Западнаго Базиліянскаго Ордена, объявляя его Святыхъ своими Святыми, вводя къ себѣ всѣ его нововведенія, Литовско-Польскіе Базиліяне самымъ дѣломъ становились родными братьями Западныхъ Базиліянъ, всю ихъ исторію и значеніе переносили на себя. Выраженіе: «Nasz zakon» дѣлается теперь постояннымъ, самымъ употребительнымъ со стороны Литовско-Польскихъ Базиліянъ, когда они говорятъ о Базиліянахъ Западныхъ. А какъ ярко успѣли освѣтить себя эти Западные Базиліяне къ началу уже XVIII столѣтія, и вотъ этимъ свѣтомъ, конечно, въ высшей степени обманчивымъ, призрачнымъ, можно воспользоваться такъ легко, дешево! Базиліяне принялись за новое, легкое, очень многое обѣщающее для нихъ, дѣло.

«Нашъ Базиліянскій Орденъ самый древній, начали теперь проповѣдывать они: его начало относится еще къ 363 году, т. е., къ первымъ временамъ Св. Костела; съ той поры уже онъ воспитывалъ Орденское юношество въ добродѣтели, въ строгомъ исполненіи уставовъ Св. Отца нашего, и въ подвигахъ монашескаго житія; съ той поры нашъ Орденъ сдѣлался плодовитою матерью безчисленныхъ Святыхъ и почтенныхъ людей. Между ними считается пять Докторовъ Св. Христова Костела, слишкомъ много толковниковъ Св. Писанія и церковныхъ писателей, безчисленный синклитъ Св. Мучениковъ, Исповѣдниковъ и Исповѣдницъ... Изъ Базиліянскихъ монастырей вышли Григорій Назіянзинъ, Нисскій и въ числѣ Папъ названный Великимъ, Ефремы Сирійскіе, Златоусты, Епифаніи, Амфилохіи, Исидоры, Дамаскины, Святые Аббаты: Евѳимій, Савва, Герасимъ, Нилъ, Ѳеодосій, Климакъ, Романъ, Арсеній, Дороѳей, и многіе другіе, имъ же нѣсть числа («imiona swiętych, których zrodził zakon Św. Bazylego, sama tylko mądrość Boska wie i zliczyć może,» говоритъ въ другомъ мѣстѣ переводчикъ «Szkoły Bazylijanskiej»). [1222] «Воспитаніе въ Орденскомъ духѣ, продолжаютъ Базиліяне, и благоуханіе монастырской монашеской жизни такъ далеко распространились на Востокѣ и Западѣ, что на блескъ добродѣтелей Святыхъ членовъ нашего Ордена, спасительно воспитанныхъ, съ глубокимъ душевнымъ сокрушеніемъ, устремлялись всѣ и молодые и старые, разныхъ чиновъ и сословій, оставляли міръ и съ смиреніемъ умоляли о св. габитѣ. Много даже Греческихъ Императоровъ, оставивши порфиру, надѣвали Базиліянскій каптуръ (главное одѣяніе у Бази-

ліянъ, по назначенію одинаковое съ нашимъ клобукомъ отъ этого одѣянія Базиліянъ называли каптурниками) и затворялись въ монастыряхъ. То же дѣлали и супруги Императоровъ, Царей, ихъ сыновья и дочери, также члены другихъ знаменитыхъ фамилій; постригшись, они охотно шли на послушаніе Святыхъ Настоятелей и Настоятельницъ. Эта великая школа воспитала многихъ Папъ, Патріярховъ, Архіепископовъ, Епископовъ и не мало другихъ дѣятелей въ вертоградѣ Христовомъ, которые, въ борьбѣ съ язычниками и еретиками, мужественно отстаивали Св. Костелъ; свидѣтельствуютъ объ этомъ исторія и сочиненія членовъ нашего Ордена, равно какъ и многіе достоуважаемые писатели».... [1223]

Многіе даже изъ Базиліянъ впервые должны были теперь услышать о такомъ почетѣ своего Ордена, о такихъ знаменитостяхъ, изъ него вышедшихъ, о безпримѣрныхъ, обязательныхъ его заслугахъ даже для Неба. [1224] Всѣ Базиліяне должны были проникнуться теперь этимъ убѣжденіемъ и пронести его возможно дальше. [1225] И Базиліяне начали усердно работать въ этомъ направленіи. [1226] Всѣ ихъ слушали, и нельзя было не преклониться предъ такимъ, по видимому, заслуженнымъ, почетнымъ, святымъ Орденомъ. Возраженій, опроверженій ни откуда никакихъ не послѣдовало. Шла, правда, въ это время борьба, и борьба очень упорная, у Базиліянъ съ Езуитами, но эта борьба касалась матеріяльныхъ богатствъ, имѣній. [1227] Дни Езуитовъ, между тѣмъ, были уже сочтены, и къ Базиліянамъ доносились объ этомъ смутныя вѣсти. [1228] Базиліяне не прочь были воспользоваться всѣмъ пріобрѣтеннымъ наслѣдіемъ своихъ, забытыхъ ими, учителей. [1229] Обстоятельства видимо къ тому складывались. [1230] При такомъ положеніи дѣлъ, когда на землѣ все лучшее, начиная отъ Императоровъ и Папъ, обязано было, по сознанію Базиліянъ, Орденскому габиту и каптуру; когда на небо Святыхъ исключительно доставлялъ Орденъ Базиліянскій, при такомъ, говорю, положеніи дѣлъ, можно ли было не забыться, не поставить себя выше всѣхъ и всего, не потребовать для себя перваго вездѣ мѣста? А кругомъ, въ Уніятской Церкви, дѣйствительно все, за немногими исключеніями, было слишкомъ ужь блѣдно, невидно, приниженно, безпорядочно. И отъ этой тѣни, отъ этого безобразія, искуственный свѣтъ и блескъ Базиліянъ казались еще болѣе прелестными, привлекательными. И тутъ, пока, выигрывали одни Базиліяне.

XXII.

Высшая Уніятская Іерархія; Митрополиты Флоріанъ Гребницкій и Филиппъ Фелиціанъ Володковичъ. Борьба Митрополита Володковича съ своими Коадъюторами. Униженіе Митрополичьей власти и новое усиленіе Базиліанъ.

Въ 1728 году не стало Митрополита Льва Кишки, [1231] достойнѣйшаго послѣ Ипатія Потѣя представителя Уніятской Церкви. Митрополитъ Кишка искренно былъ преданъ Уніи, одно изъ величайшихъ ея несчастій видѣлъ въ Базиліанахъ, всѣми мѣрами старался подорвать ихъ значеніе и возвысить бѣлое Уніятское духовенство. Все служеніе свое въ Митрополитскомъ санѣ онъ посвятилъ выполненію этой, слишкомъ многотрудной по тому времени, задачи. [1232] Преемникъ Кишки, Митрополитъ Аѳанасій Шептицкій, уже при самомъ вступленіи на Митрополичью каѳедру, показалъ, что онъ будетъ идти по слѣдамъ своего предшественника (у котораго онъ былъ Коадъюторомъ «cum futura successione»), будетъ продолжать начатое имъ, будетъ дѣлать то, что задумалъ, но не могъ совершить, Митрополитъ Кишка. Свое вступленіе на Митрополичью каѳедру Аѳанасій Шептицкій успѣлъ утвердить голосами только Епископовъ, помимо голоса Базиліанскаго Протоархимандрита и его Консульторія; [1233] въ противодѣйствіе Литовской Конгрегаціи, онъ устроилъ, какъ мы видѣли, Коронную; для ослабленія значенія Базиліанъ онъ хотѣлъ высоко поднять знамя Уніятскаго бѣлаго духовенства. [1234] По происками Базиліанъ не осуществились многія изъ намѣреній Шептицкаго, а какая-то злосчастная судьба направляла дѣло такъ, что Шептицкому волею, неволею, самому приходилось разорять то, что недавно, съ громадными усиліями, было имъ создано (вспомнимъ объединеніе Провинцій Литовской и Коронной). Митрополитъ, въ своемъ безвыходномъ положеніи, нравственно рыдалъ, взывалъ о помощи, просилъ, умолялъ, не отнимать какъ у него, такъ и у другихъ Епископовъ, ихъ единственнаго украшенія—Епископской власти и не слишкомъ довѣряться голосу Базиліанъ: заявленія Шептицкаго и другихъ Епископовъ замирали въ воздухѣ, и только дол-

жны были усиливать горькое сознаніе неправильнаго положенія Уніи. [1235] Въ своей сильной, нравственной борьбѣ съ Базиліянами Аѳанасій Шептицкій скончался въ 1745 году, и послѣдними словами Ордена на его, еще свѣжей, [1236] могилѣ было заявленіе: «et quanta damna Zakon nasz ucierpiał.... od elekciu w Bogu zeszłego Im. X. Szeptyckiego!» [1237] Замѣтимъ, что самое письмо, откуда взяты приведенныя слова, писано по поводу избранія преемника Шептицкому.

Въ самомъ дѣлѣ, Базиліанамъ, при ихъ затѣяхъ, необходимо было сильно подумать, какъ бы на будущее время окончательно ограничить Митрополита, поставить его избраніе въ полную зависимость отъ Ордена. Кишка и Шептицкій, если и не успѣли достигнуть желаемаго относительно Базиліанъ, во всякомъ случаѣ, по сознанію самихъ Базиліанъ, причинили Ордену не мало вреда. Усильнѣе, внимательнѣе прежняго, стало быть, требовалось наблюсти, чтобы въ будущемъ рѣшительно поставить Митрополита въ такое положеніе, въ которомъ онъ ни какъ не могъ бы уже вредить Ордену, если бы и пожелалъ того. Въ такомъ духѣ и началась дѣятельность Базиліанъ по смерти достойнаго Аѳанасія Шептицкаго.

Какъ сильно опасались Базиліане направленія Кишки и Шептицкаго, видно изъ той сложной и слезной переписки, какую вели они въ это время. [1238] Работать приходилось тѣмъ настоятельнѣе, что носились не шуточныя вѣсти (non vanos fert rumos), будто и теперь, въ 1746 году, нѣкоторые кандидаты, по примѣру Шептицкаго, хотятъ обойти Орденъ и, помимо Протоархимандрита, получить Митрополичью каѳедру. [1239] Базиліане, въ своихъ письмахъ къ лицамъ высокопоставленнымъ въ Польшѣ, въ письмахъ и въ Римъ, и въ Дрезденъ, просятъ охранить ихъ древнія права, освященныя кровію Іоасафата мученика (Кунцевича), открыто заявляютъ, что избраніе Митрополита только въ союзѣ съ Базиліями обѣщаетъ распространеніе въ Русскомъ народѣ Католической вѣры, обезпечиваетъ вѣрность и послушаніе подданныхъ и Апостольскому Престолу и Его Королевскому Величеству, что только въ союзѣ съ Базиліанами возможно избраніе въ Митрополиты людей, примѣрныхъ своею жизнію, славныхъ наукою и заслугами въ Божіемъ Костелѣ и достойныхъ гражданъ. «Простри свою могучую лесницу, взывали Базиліане къ Примасу

Польскаго Королевства, и своимъ авторитетнымъ ходатайствомъ передъ тѣми, кому о семъ вѣдать надлежитъ («ad quos hoc spectare nosti») охрани...» «Святой и похвальный обычай (участіе Базиліянъ при избраніи Митрополита), эти права Святой Апостольской Столицы, въ благодарность за такое благодѣяніе для насъ Вашей Милости, я (пишетъ Протоконсульторъ Литовской Провинціи къ Примасу Королевства) обязываюсь ежедневно умолять величіе Божіе о счастливомъ долгоденствіи и, почтительнѣйше цѣлуя Вашу пастырскую руку, остаюсь покорнѣйшій и недостойный слуга и ежедневный молитвенникъ «illustrisimae, excellentissimae et reverendissimae dominationis vestrae domini et protectoris singalarissimi.» [1240]

Въ этомъ, болѣе чѣмъ скромномъ, посланіи, которое, замѣтимъ, было написано отъ имени цѣлой Литовской Провинціи, [1241] трудно узнать слишкомъ ужь гордыхъ и высокомѣрныхъ въ своемъ кругу Базиліянъ. Вопросъ объ избраніи преемника Шептицкому Базиліяне сдѣлали предметомъ обсужденія на особой Новогородецкой Конгрегаціи и, не расчитывая вполнѣ на успѣхъ дѣла, при помощи мѣстныхъ протекторовъ, Польскихъ вельможъ, поразсылали письма въ Римъ, въ которыхъ, нужно думать, не совсѣмъ сочувственно отзывались о современномъ Польскомъ Королѣ (Августѣ II) и его Министерствѣ. По крайней мѣрѣ, за эти выходки Базиліянъ тогдашній Администраторъ Митрополіи, Полоцкій Архіепископъ, Флоріянъ Гребницкій, тогда же оправдывался предъ Виленскимъ Коадъюторомъ, Сапѣгой, и говорилъ, что онъ ни сколько не участвовалъ въ написаніи этихъ писемъ, не имѣлъ возможности читать ихъ, и если бы представилась эта возможность, то своевременно остановилъ бы запосчивыхъ Базиліянъ. [1242]

Самъ Гребницкій тоже какъ бы вторилъ Базиліянамъ. Какъ Администраторъ Митрополіи, онъ больше другихъ имѣлъ право занять Митрополичью каѳедру. Съ другой стороны Митрополитъ Кишка, когда хотѣлъ имѣть Коадъютора «cum futura successione», его выборъ первоначально палъ на Флоріяна Гребницкаго. Такимъ образомъ и прошедшее говорило въ пользу Гребницкаго. Громадную услугу Базиліянамъ оказалъ Гребницкій и тѣмъ уже, что, занявши Полоцкую Архіепископію, рѣшился поднять дѣло съ Езуитами по вопросу объ отчужденіи послѣдними въ свою пользу Базиліянскихъ имѣній. Въ хлопотахъ за успѣхъ по этому дѣлу, онъ отправлялся даже въ Римъ ,чтобы склонить на свою сторону

Римскую Курію. Но Езуиты пока были еще сильнѣе Базиліянъ и трудно было выиграть дѣло. [1243] Во всякомъ случаѣ, всѣ дѣйствія Гребницкаго доказывали, что онъ не врагъ Базиліянъ, постоянно думаетъ объ ихъ выгодахъ, и что Базиліяне не могутъ сдѣлать лучшаго выбора, какъ избравъ въ Митрополиты Гребницкаго. Хорошъ былъ Гребницкій для Базиліянъ, какъ будущій Митрополитъ еще и тѣмъ, что въ 1747 году онъ былъ уже глубокій старикъ и постоянно занятъ борьбою съ Езуитами. [1244] Затѣвать еще что нибудь противъ Базиліянъ Гребницкій былъ не въ силахъ, да и время, очевидно, къ тому не благопріятствовало. Можно было видѣть, что Базиліяне съ удовольствіемъ примутъ кандидатуру Гребницкаго. Послѣдній самъ далеко не прочь былъ называться Митрополитомъ, [1245] и, видимо отстаивая права Базиліянъ на участіе въ избраніи Митрополита, не забывалъ, очевидно, и себя. [1246] Съ ходатайствомъ онъ обратился къ разнымъ лицамъ и мѣстамъ. Пріемъ этотъ давно былъ хорошо знакомъ Гребницкому.

Еще въ 1714 году, когда открылась вакансія на Полоцкую Архіепископію, Флоріанъ Гребницкій, тогда Старшій Виленскаго Базиліянскаго монастыря, письменно просилъ Канцлера, Князя Карла Радивила, походатайствовать объ удостоеніи его Архіепископской каѳедры. Въ случаѣ избранія онъ обѣщалъ на пользу Уніи и самаго Радивила не только лично свои услуги, но и всей будущей своей паствы, предоставляя себѣ въ награду и утѣшеніе только радоваться скромнымъ титуломъ креатуры его, Радивила, и быть вѣчно признательнымъ къ своему креатору. [1247] Гребницкій достигъ цѣли, и на Полоцкой Архіепископіи могъ утѣшаться титуломъ креатуры Радивила.

Прошло тридцать слишкомъ лѣтъ Архіепископства Гребницкаго, и достигнутой радости для него оказалось мало. Въ 1747 году онъ снова обращается къ другому Радивилу, Михаилу, сыну перваго, [1248] Гетману, и проситъ его охранить древній святой обычай въ Церкви, въ силу котораго никто не имѣлъ права искать Митрополитскаго сана, если единогласно не былъ рекомендованъ Королевскому Величеству своими собратіями (включая сюда и Базиліянскаго Протоархимандрита). О себѣ Гребницкій замѣчаетъ тонко, что онъ «не находитъ въ себѣ никакихъ заслугъ предъ Королевскимъ тропомъ, равно какъ и у Его Милости, Князя Ради-

вила, и по тому не можетъ считать себя кандидатомъ на Митрополичью каѳедру. Впрочемъ, прибавляетъ въ заключеніе Гребницкій, зная расположеніе къ себѣ дома Радивила, онъ не теряетъ надежды, что Гетманъ сильнѣйшимъ своимъ ходатайствомъ не оставитъ въ настоящую, критическую, минуту, «in matura aetate,» своего слугу, преданнаго ему «a teneris annis» и къ прежнимъ благодѣяніямъ присоединитъ новое, за что онъ вѣчно будетъ обязанъ молить Бога о благоденствіи Князя.» [1249]

Такого же рода письмо было послано Гребницкимъ и къ Ловчему Великаго Княжества Литовскаго, Сапѣгѣ. Всѣ пріемы, употребленные въ письмѣ къ Радивилу, Гребницкій удержалъ и въ письмѣ къ Сапѣгѣ. Здѣсь упоминаетъ объ одномъ только новомъ обстоятельствѣ, которое можетъ затруднить ему путь къ Митрополіи,—это извѣстная уже намъ борьба Гребницкаго съ Езуитами, которые по тому употребляютъ всѣ средства, чтобы парализовать его стремленія. [1250] Объ этомъ обстоятельствѣ Гребницкій упоминаетъ по тому, что другой Сапѣга былъ Коадъюторомъ въ Вильнѣ, которому въ это время было поручено Римомъ разбирательство дѣла Гребницкаго съ Езуитами. Стало быть, поддерживая Гребницкаго въ искательствѣ имъ Митрополіи противъ козней Езуитовъ, Сапѣга Ловчій содѣйствовалъ этимъ къ скорѣйшему окончанію разбирательства дѣла и по имѣніямъ между Гребницкимъ и Езуитами, о чемъ Гребницкій очень усильно проситъ Коадъютора Сапѣгу въ письмѣ къ нему отъ 22-го Іюня, 1746 года. [1251]

Къ этому Сапѣгѣ Коадъютору Гребницкій писалъ и другія письма, въ которыхъ уже совершенно откровенно касается своихъ задушевныхъ намѣреній относительно Митрополіи. Одно изъ важнѣйшихъ правъ своихъ на Митрополію онъ указываетъ въ особенномъ ему покровительствѣ самаго же Сапѣги Коадъютора. И въ настоящемъ случаѣ Гребницкій проситъ объ этомъ Сапѣгу употребить свое посредничество и предъ Нунціатурой, и предъ Министерствомъ. [1252] Желая порисоваться своею особою дѣятельностью по распространенію Уніи и указать какъ бы новое основаніе для избранія себя въ Митрополиты, Гребницкій, въ новомъ письмѣ, отъ 28 Ноября, 1747 года, даетъ знать Сапѣгѣ, что поднятъ вопросъ объ уничтоженіи Православной Бѣлорусской Епископіи, о присоединеніи Литовской Епархіи къ Уніи. Не совсѣмъ вѣрно расчитывая на успѣхъ въ борьбѣ съ Дизунитами,

Гребницкій, однако, старается склонить Санѣгу въ свою пользу и доказать ему, что Могилевская Православная Епископія никогда не была самостоятельна, что возникла она въ недавнее время «per subrebticia privilegia», что ея существованіе причинитъ погибель многихъ душъ, что, стало быть, ее необходимо уничтожить и присоединить либо къ Уніятской Митрополіи, либо къ Полоцкой Архіепископіи. Говоря о состоявшихся теперь нѣкоторыхъ государственныхъ постановленіяхъ, ограничивающихъ права Православныхъ, Гребницкій замѣчаетъ о послѣднихъ, что они, какъ бы чуя бѣду, слишкомъ замѣтно поопускали носы. [1253]

Римъ и Дрезденъ, гдѣ въ то время очень часто проживала Польская Королевская фамилія, тоже получали письма отъ Гребницкаго, извѣстнаго уже намъ характера и содержанія. Какъ бы въ противодѣйствіе Базиліянамъ, въ этихъ письмахъ, по сознанію Гребницкаго, не было ничего такого, что могло бы оскорбить верховную власть; напротивъ, ими онъ думалъ снискать полное расположеніе и милость къ себѣ и Апостольскаго Престола, и Королевскаго Величества. [1254]

Слишкомъ два года прошло дѣятельной переписки заискиваній Гребницкаго. Въ началѣ 1748 года онъ былъ наконецъ нареченъ Митрополитомъ. [1255] Послѣдняя цѣль была достигнута. [1256] Слабый, дряхлый, Гребницкій почувствовалъ теперь еще болѣе свою слабость отъ усиленной дѣятельности; въ виду этого готовъ былъ помириться даже съ заклятыми врагами, Езуитами. [1257] «Starość i defekta,» по сознанію Гребницкаго, одолѣли его до такой степени, что онъ не могъ даже поѣхать въ Варшаву, чтобы тамъ, передъ Нунціемъ Папскимъ, принести каноническую присягу на вѣрность Папѣ, произнести требуемое при этомъ случаѣ исповѣданіе вѣры со всѣми Римскими нововведеніями, принять отъ него посвященіе, вмѣстѣ съ подтвердительною отъ Папы буллою. [1258] Для всего этого Нунцій отправилъ въ Полоцкъ Игумена Брацлавскаго Базиліянскаго монастыря, Пржецлавскаго, изъ Ордена Базиліянъ. [1259] Такъ кончились усиленныя старанія Гребницкаго о Митрополичьей каѳедрѣ. Утомленный, ослабленный, съ позоромъ для себя и для своего достоинства, Гребницкій, нареченный Митрополитъ, изъ рукъ Игумена, Базиліянина, долженъ былъ принять знаки своей власти, и предъ нимъ же произнести исповѣданіе вѣры. Нужно помнить, что принимавшій присягу отъ Епи-

скопа, или, въ настоящемъ случаѣ, отъ Митрополита, давалъ о немъ свое заключеніе, съ особою какъ бы рекомендаціей, аттестаціей. [1260]

Что же могъ сдѣлать Митрополитъ Гребницкій (эта креатура, по его сознанію, Литовско-Польскихъ пановъ и, прибавимъ отъ себя, Базиліянъ) въ пользу Уніи, и особенно въ пользу того несчастнаго, загнаннаго, бѣднаго Уніятскаго клира, которымъ держалась Унія и который въ настоящее время находился въ крайности? Могъ ли онъ итти по тому пути, который такъ рѣзко намѣченъ былъ его предшественниками по Митрополичьей каѳедрѣ? [1261] Имѣя въ виду то, что мы сказали о притязаніяхъ Базиліянъ о возвышеніи самаго Гребницкаго, о томъ, что Прокураторомъ Базиліянъ въ настоящее время былъ истый Базиліянинъ, Іануарій Зноемскій, [1262] имѣя въ виду личныя свойства Гребницкаго, и нравственныя и физическія, мы напередъ можемъ сказать, что онъ ничего не могъ сдѣлать для Уніи въ духѣ Кишки, или Шептицкаго, что онъ ничего даже не хотѣлъ дѣлать для нея. Съ той поры, какъ Гребницкій сдѣлался Митрополитомъ, дѣятельность его какъ будто прекращается: послѣ долгихъ трудовъ, онъ рѣшился отдохнуть. Даже писатели Латиняне, отстаивающіе интересы Уніи, удивляются его полнѣйшему бездѣйствію на Митрополичьей каѳедрѣ. [1263] Уніятская Церковь оставлена была на произволъ судьбы, отдана была на расхищеніе Базиліянамъ и Латинянамъ. Современникъ Гребницкаго, Примасъ Польскаго Королевства, Лубенскій, хотя Католикъ, болѣе дѣйствительнаго пастыря скорбѣлъ душою о страшномъ запустѣніи и хаотическомъ состояніи Уніятской Церкви, писалъ по этому поводу въ Римъ, умолялъ Папу обратить отеческое вниманіе на злосчастную Унію, проектировалъ созваніе новаго Собора для ея умиренія. Папа Климентъ XIII задушевнымъ посланіемъ благодарилъ Примаса за его участіе къ дѣламъ Уніи, и въ новомъ, картинно-живомъ, описаніи еще сильнѣе даетъ чувствовать читателю ея безвыходное положеніе. Вопросъ объ Уніи Папа обѣщаетъ подвергнуть обстоятельному обсужденію. [1264] И четырнадцать лѣтъ продолжалось для Уніи это смутное, тяжелое время, когда она была какъ бы безъ пастыря. И если бы безъ пастыря, а то, пользуясь полнѣйшимъ безсиліемъ и бездѣйствіемъ Митрополита, Базиліяне почувствовали себя настоящими хозяевами и начали распоряжаться на полной

своей волѣ: нужно было вознаградить себя за долгую борьбу съ такими Митрополитами, какъ Кишка и Шептицкій. Все, что задумали было, и чего не могли достигнуть при томъ и другомъ, теперь мало по малу они начали приводить въ исполненіе. [1265] Радость Базиліянъ была велика. И относительно Митрополита они достигали своихъ цѣлей. А эта его лѣность, неподвижность, а это жалко-безпорядочное состояніе Уніятской Церкви, какъ много оно придавало блеска и свѣта сплоченному, видимо упорядоченному, Базиліянскому Ордену; какъ великою, благотворною казалась его дѣятельность на пользу Уніи, для которой, будто бы, онъ служилъ единственнымъ столпомъ и утвержденіемъ! Трудно было устроить для себя лучшее положеніе; за то необходимо было поддерживать всю безпорядочность Уніятской Церкви «statu quo.» Да, мѣра несчастій Уніятской Церкви еще не исполнилась: послѣ Гребницкаго на Митрополію явился достойный его преемникъ, Филиппъ Володковичъ.

Сдѣлавшись Митрополитомъ, Володковичъ въ то же время оставался Владимирскимъ и Берестскимъ Епископомъ. Шестнадцать лѣтъ времени его Митрополитства были въ высшей степени бурны, безпокойны, несчастны для Уніи. Самое время, въ которое приходилось дѣйствовать Володковичу, было переполнено разнаго рода горючими веществами. Унижаемое, оскорбляемое Православіе около этого времени нашло себѣ сильныхъ, самоотверженныхъ защитниковъ въ лицѣ Игумена Мотренинскаго монастыря, Мельхиседека Значка-Яворскаго, Переяславскаго Епископа Гервасія и Бѣлорусскаго Епископа Георгія Конисскаго. Вопросъ о Диссидентахъ, которыхъ поддерживала Россія, Пруссія, Данія, Англія, выдвигался все рѣзче и рѣзче и неотступно требовалъ рѣшенія въ свою пользу. [1266] Православные жители югозападной Руси, доведенные до крайности барскимъ и религіознымъ фанатизмомъ Поляковъ, [1267] вооруженною силою готовы были возстать на защиту своихъ человѣческихъ правъ. То здѣсь, то тамъ, начали появляться загоны Гайдамаковъ, и съ ужасомъ произносились имена Гонты, Желѣзняка и др. Но, съ другой стороны, своеволіе, разпузданность Польскихъ пановъ не знали предѣловъ. Они начинали забывать о существованіи на землѣ какой бы то ни было власти. Сеймы перестали доходить до конца, и даже на особу Короля сдѣлано было разбойничье покушеніе Барскими Конфедератами. [1268] Религіозный

Латинскій фанатизмъ не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшей уступки всѣмъ справедливымъ требованіямъ современниковъ, и Епископъ Салтыкъ, на сеймѣ 1766 г., потребовалъ одобренія, подтвержденія такого рода клятвы, чтобы Богъ изгладилъ изъ книги живота, посрамилъ предъ цѣлымъ небомъ и землею, лишилъ жизни каждаго, кто согласится на малѣйшую уступку въ пользу Диссидентовъ, кто не рѣшится лучше быть потоптаннымъ, возбраняя имъ войти въ Сенатъ, въ Посольскую Избу и Трибуналъ, и, въ защитѣ Католической вѣры, не пожертвуетъ своею жизнію, и въ такомъ только случаѣ на своей головѣ дозволитъ положить краеугольный камень, при закладкахъ новыхъ «сборовъ» или «ораторій.» [1269] Салтыкъ просилъ сеймующихъ чиновъ Польскихъ произнести въ слѣдъ за нимъ «amen;» но изъ недавней практики Польши ему вторили болѣе сильныя выраженія на подобныя заявленія: «lex jubet,» слышалось оттуда, «justitia exigit; vox populi, vox Dei clamat. Fiat, fiat!»... [1270] Гроза собиралась не на шутку.

Уніятская Церковь, занимавшая какое-то срединное, неопредѣленное, положеніе, въ силу историческихъ обстоятельствъ, не могла долѣе оставаться таковою. Напоръ съ двухъ сторонъ, Православной и Католической, былъ слишкомъ силенъ, затрогивалъ и будилъ въ ней всѣ древнія, старинныя, родныя симпатіи и антипатіи. Тѣ и другія и теперь уже очень замѣтно начинали обрисовываться, и конецъ Уніи можно было предвидѣть. Но подобныя всматриванія, наблюденія, были далеко не по силамъ Володковичу. Это былъ, въ полномъ смыслѣ слова, самый обыкновенный Польскій шляхтичъ того разнузданнаго времени, когда пить, ѣсть до пресыщенія считалось высшимъ благомъ для человѣка; его окружали толпы такихъ же по характеру его родныхъ истыхъ Поляковъ; [1271] у него проживали воспитанницы, которыхъ онъ старался выдавать замужъ и, понятное дѣло, какова была та атмосфера, въ которой онѣ воспитывались, если одна изъ такихъ питомицъ Володковича, подъ видомъ милосердія, поднесла извѣстному борцу за Православіе, Мельхиседеку, какое-то питье, отъ котораго ему сдѣлалось до того дурно, что сторожа, видя его при послѣднемъ издыханіи, выволокли изъ заключенія на воздухъ. [1272] До какой степени жестокимъ характеромъ отличался самъ Володковичъ, достаточно указать на то, что однажды, перехвативъ Русскихъ курьеровъ, онъ приказалъ зарыть одного изъ

нихъ въ землю заживо.[1273] Ни политическихъ, ни религіозныхъ убѣжденій въ Володковичѣ мы не видимъ. Онъ зарываетъ въ землю Русскаго курьера, и въ то же время сносится съ начальниками Русскихъ войскъ въ Польшѣ, Кречетниковымъ и Ширковымъ; окруженный Папами, живущій съ ними, что называется, въ одну душу, онъ дѣлаетъ на нихъ доносъ Кречетникову, злословитъ достойныхъ своихъ Коадъюторовъ и заявляетъ готовность присоединиться къ Диссидентской Конфедераціи, хотя ближайшими его друзьями, повѣренными, все таки остаются Ксендзы, Латиняне, Польки.[1274] Еще живо помнились эти заявленія Володковича, а его уже видѣли въ рядахъ участниковъ Барской Конфедераціи, которой онъ помогалъ деньгами и людьми, видѣли, какъ Володковичъ перехватываетъ Русскихъ курьеровъ, грабитъ Русскія деньги; на немъ лежитъ еще далеко большее пятно, когда, вмѣстѣ съ Барскими Конфедератами, онъ принималъ прямое участіе въ нападеніи на священную особу Короля.[1275] Но проходило опьяненіе, и Володковичъ, чувствуя за собой очень многое, избѣгая заслуженнаго наказанія, спѣшилъ укрыться отъ враговъ, совершенно оставляя на произволъ свою Епархію и паству.[1276] Это, по слову Писанія, былъ не пастырь, а наемникъ. И Дворъ Варшавскій, и лично Король Польскій, не могли равнодушно, безъ ужаса, слышать одно уже названіе имени Володковича: до того онъ опротивѣлъ имъ.[1277] Но застарѣвшій грѣшникъ забылъ, кажется, о Богѣ, совѣсти и людяхъ: тѣснимый корыстолюбивыми родственниками, онъ думалъ только объ однихъ деньгахъ, поклонялся этому золотому тельцу и, для его пріобрѣтенія, готовъ былъ продать себя.[1278] Понятно, что Унія должна была почувствовать теперь полное свое сиротство. А тутъ кругомъ собиралась слишкомъ великая гроза, готовая разразиться и для Уніи очень неблагопріятно. Искренніе Уніяты вопіяли о помощи. «Владыко (писали они изъ Радомысля Володковичу), спаси насъ, погибаемъ!... Православные правители Священниковъ нашихъ, однихъ поразгоняли, другихъ позабирали въ неволю... говорятъ, что явятся къ намъ въ Радомысль... Мы приготовились уже бѣжать, и сходимся лишь къ столу.... Умилосердись, Владыко, благоволи поспѣшить къ намъ и спасти насъ!»[1279] Но Володковичъ былъ глухъ къ подобнымъ воплямъ и жилъ вдали отъ этихъ тревогъ, то во Владимирѣ Волынскомъ, то въ Варшавѣ, то за границею.[1280] Унія

дѣйствительно находилась на краю погибели. Уже носились слухи, что цѣлыя сотни Уніятскихъ церквей обращены въ Православіе; [1284] что лучшіе изъ современныхъ представителей Уніи (Левъ Шептицкій, Примовичъ), видя свое безвыходное положеніе, готовы принять Православіе; [1282] что даже Базиліянскія Орденскія постановленія, канонизованныя Римомъ, разрушаются, не исполняются, [1283] и все это въ слѣдствіе, съ одной стороны, бездѣятельности Володковича, съ другой въ слѣдствіе его задора, корыстолюбія, буйнаго, размашистаго характера. [1284] На помощь погибающей Уніи является Папа.

Еще въ 1764 году, особымъ посланіемъ на имя Нунція въ Польшѣ, Папа утвердилъ было созваніе для Уніятовъ Собора, въ видахъ исправленія Уніятской Церкви, ея упорядоченія. Тогда Папа предписалъ своему Нунцію, чтобы онъ заправлялъ этимъ Соборомъ, чтобы онъ постарался опредѣлить, установить и устроить все, что только могло относиться къ счастливому управленію Уніятскихъ церквей; все, сдѣланное на Соборѣ, предварительно приведенія въ исполненіе, необходимо должно было пройти чрезъ руки Папы и отъ него получить утвержденіе. Папскій Нунцій назначался Предсѣдателемъ Собора, и ему, какъ Намѣстнику Папы, должны были подчиниться на Соборѣ и Митрополитъ, и Епископы, и всѣ вообще, имѣющіе присутствовать на Соборѣ. [1285] Но Собору этому не суждено было осуществиться: между Россіей и Польшей открылись военныя дѣйствія, и безопасность Государства требовала подумать о болѣе важномъ дѣлѣ и оставить въ сторонѣ Уніятскій вопросъ. [1286] Папа, между тѣмъ, не хотѣлъ оставаться праздянымъ зрителемъ бѣдствій Уніи, а безобразія дѣйствій Володковича [1287] требовали объявить ему «ultimatum.» «Пришло извѣстіе изъ Варшавы (говорится въ Дневникѣ Полоцкаго Базиліянскаго монастыря за 1768 г., мѣсяцъ Октябрь), что Митрополитъ Володковичъ устраненъ отъ мѣста и должности. Не знаемъ (продолжаетъ современникъ), кто устроилъ это дѣло, Римъ, или Нунціятура. Причина будто бы въ томъ, что одинъ изъ его племянниковъ, забравши Митрополитскія имѣнія Козіюмъ (?), перехватилъ Московскую кассу и заграбилъ 60 тысячъ золотыхъ; кромѣ того расхищены всѣ вообще Митрополитскія имѣнія, и разграблены церковныя принадлежности во Владимирѣ, Берестѣ (Литовскомъ). Властію юрисдикціи Митрополита облеченъ Шептиц-

кій (Левъ), Епископъ Львовскій, какъ его Коадъюторъ, Прототронія передана Млодовскому, Епископу Берестскому.» [1288] Скоро уяснилось, что въ дѣлѣ противъ недостойнаго Митрополита принимали участіе и Папа, и Нунціятура, и Король, и Уніятскіе Епископы. [1289] Но Володковичъ, на правахъ самовольнаго Польскаго шляхтича, не съ разу готовъ былъ уступить, хотя бы законнымъ и сильнымъ противникамъ: ему не легко было разстаться съ властію, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на средство безнаказанно самодурствовать. Въ высшей Уніятской Іерархіи началась позорная смута, унизительная борьба, дошедшая до открытой войны между Володковичемъ, съ одной стороны, и Епископами, Львовскимъ Шептицкимъ и Млодовскимъ, Берестскимъ съ другой: Володковичъ показалъ себя.

Объявленный лишеннымъ своей должности, Володковичъ силою рѣшился удержать ее. Свое дѣло Володковичъ началъ издалека. Пригласивши и даже нанявши Польское войско противъ Православныхъ на Украйнѣ, [1290] Володковичъ, при всемъ томъ, заявляетъ Кречетникову, Начальнику Русскихъ войскъ въ Польшѣ, что онъ хотѣлъ поддерживать и распространять въ краѣ Русское вліяніе, убѣждаетъ къ этому и другихъ Епископовъ, но сильное противодѣйствіе своимъ стремленіямъ встрѣчаетъ въ Епископѣ Львовскомъ, Шептицкомъ. [1291] Этого мало. Онъ распорядился, чтобы при допросахъ пойманныхъ Православныхъ Священниковъ разузнавать дурныя дѣла Офиціяловъ Шептицкаго и при случаѣ силою изгонять изъ Малороссіи его представителей. [1292] Дѣло запуталось еще болѣе, когда, въ 1769 году, Володковичъ, избѣгая мщенія Русскихъ войскъ, ушелъ на Прусскую границу въ Серею. [1293] Коадъюторы Володковича поспѣшили донести объ этомъ въ Римъ, съ собственнымъ, конечно, заключеніемъ, далеко не въ пользу Володковича. Въ слѣдствіе этого Шептицкій и Млодовскій изъ Рима получили распоряженіе, которымъ они объявлялись въ Уніятской Церкви Генеральными Администраторами «tam in spiritualibus, quam temporalibus.» Митрополитъ такимъ образомъ объявлялся бѣглецомъ. [1294] Агенты Львовскаго Епископа обѣгали Уніятскія Благочинія и объявляли, что конецъ теперь власти Митрополита. [1295] Особымъ окружнымъ посланіемъ Епископъ Шептицкій приглашалъ Уніятовъ «возращаться доброхотнѣ къ приличной власти и послушанію, доколѣ же время есть; прочее движима на от-

ступниковъ трактатомъ 1768 г. казнь, по соумиренія краевомъ, не будетъ пренебрежена.» [1296]

Узнавши о такомъ поворотѣ дѣла, Володковичъ поспѣшилъ въ отечество. [1297] Папскій Нунцій въ Варшавѣ послалъ Холмскаго Епископа, Рыла, объявить Володковичу рѣшеніе Папы. Выслушавъ декретъ, Володковичъ разразился бранью противъ своихъ Коадъюторовъ и ни сколько не думалъ отказываться отъ власти. [1298] Въ свою очередь, Коадъюторы Митрополита, Шептицкій и Млодовскій, въ силу даннаго имъ порученія, не допускали его въ Епархію, устраняли отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла и даже не позволяли предсѣдательствовать на Генеральной Базиліянской Капитулѣ, которая, по уставамъ Ордена, собралась въ это время. Они даже успѣли выхлопотать въ Нунціатурѣ отзывныя грамоты, по которымъ собравшіеся на Генеральную Капитулу оо. Базиліяне приглашались возвратиться обратно домой до новаго приглашенія. [1299] Шептицкій и Млодовскій дѣйствовали тѣмъ смѣлѣе, что пользовались полнымъ расположеніемъ Короля и Канцлера. Когда около этого времени Папскій Нунцій собственною властію назначилъ Епископа Рыла ревизоромъ Архидіецезіи Кіевской, Коадъюторы Митрополита считали себя обиженными такимъ распоряженіемъ Нунція. Они обратились къ Королю съ жалобою, что такое самоуправство Нунція въ Королевствѣ Польскомъ, свободномъ, служитъ, съ его стороны, превышеніемъ власти какъ по отношенію къ Королю, такъ и имъ, Коадъюторамъ, тѣмъ болѣе, что Нунцій далъ распоряженіе, не спросясь даже Короля. Въ слѣдствіе этого Канцлеръ Королевства, Млодзеёвскій, именемъ Короля, отозвалъ Рыла и приказалъ прекратить начатую имъ ревизію. [1300] Нунцій остался очень недоволенъ такимъ исходомъ дѣла. [1301]

Володковичъ, не обращая вниманія ни на какія распоряженія, продолжалъ практиковать свою власть. Онъ объявилъ запрещеннымъ такого авторитетнаго Уніята, какъ Львовскій Главный Офиціялъ, Прамовичъ, [1302] ближайшій сотрудникъ и помощникъ Шептицкаго, разсылалъ къ Уніятскому духовенству окружныя грамоты: «Напоминаемъ вамъ (писалъ Володковичъ) ваши обязанности и клятвы, произнесенныя вами Всемогущему Богу передъ нами при вашемъ рукоположеніи и назначеніи на приходы. Вы не можете, не идя противъ совѣсти, не послушать нашего призыва, и никакая другая, вынужденная отъ васъ, присяга не мо-

жетъ освобождать васъ отъ этого.» [1303] Чтобы показать, что не Шептицкій, а онъ, Володковичъ, настоящій Владыка Украйны, Володковичъ явился въ ней лично у Винницы и пригласилъ окружной грамотой Священниковъ и Дьячковъ въ Брацлавъ для принесенія присяги на вѣрность Уніи, съ угрозою подвергнуть непокорныхъ денежному штрафу. [1304]

Митрополитъ и юридически хотѣлъ оправдать себя и смирить Коадъюторовъ. Съ помощью своихъ многочисленныхъ родственниковъ, располагая значительными денежными средствами, Володковичъ открылъ судебное преслѣдованіе противъ Шептицкаго и Млодовскаго. Различныя судебныя инстанціи Королевства, Нунціятуры и Рима наполнились его жалобами, протестами, оправданіями. Въ слѣдствіе столкновенія, происшедшаго между Нунціемъ и Коадъюторами Володковича (о которомъ мы только что говорили), Нунціятура приняла его сторону. Ходатайства, щедрыя приношенія въ Римѣ сдѣлали свое дѣло, и Папа поспѣшилъ уничтожить свое прежнее постановленіе. Въ 1770 г. изъ Конгрегаціи распространенія вѣры вышло опредѣленіе не въ пользу Коадъюторовъ Володковича. [1305] Но очевидно, что послѣднее постановленіе Рима далеко было не по вкусу Двору Варшавскому, замѣчаетъ писатель Дневника Полоцкаго Базиліянскаго монастыря. Володковичъ по тому ничего изъ за него не выигралъ (nic za tym dekretem nie wskórał), и Папа, по настоянію Короля, долженъ былъ его уничтожить. Володковичу, кромѣ того, предложено было отправиться въ Варшаву, въ Нунціятуру, и придумать какія ни будь мѣры къ умилостивленію Короля. Украинскія свои имѣнія онъ обязанъ былъ уступить Епископу Львовскому, а Владимирскія Млодовскому, и самъ остался только при завѣдываніи Литовскими фольварками. [1306] И опять, ожесточеннѣе прежняго, пошла борьба между Володковичемъ и его Коадъюторами. Послѣдніе, говоритъ современникъ, чернили его предъ Римомъ и снова не позволили предсѣдательствовать на Генеральной Базиліянской Капитулѣ, которая, по примѣру прошлаго года, собралась было въ Берестѣ, и опять таки не была открыта въ слѣдствіе замѣшательствъ въ высшей Уніятской Іерархіи. [1307] Не знаемъ, принималъ ли Володковичъ какія ни будь мѣры, чтобы склонить Короля на свою сторону; нужно думать, что извѣстное участіе его въ Барской Конфедераціи окончательно унизило, опозорило Володковича въ глазахъ Короля. По край-

ней мѣрѣ, писатель Дневника Полоцкаго Базиліянскаго монастыря, въ концѣ 1771 года, замѣчаетъ, что наконецъ-то на 2-е Февраля, 1772 года, назначена Генеральная Капитула, что предсѣдательствовать на ней, на основаніи распоряженія Конгрегаціи распространенія вѣры, будетъ Епископъ Луцкій, Рудницкій. По чему же не Митрополитъ Володковичъ, которому по праву принадлежало это предсѣдательствованіе? Причина въ томъ, продолжаетъ тотъ же писатель, что этого хотѣлъ Варшавскій Дворъ, что Король сильно былъ оскорбленъ, [1308] не только имъ самимъ лично (Володковичемъ), но и вообще однимъ уже его именемъ. [1309] Неурядица въ Уніятской Церкви продолжалась.

Только въ концѣ 1772 года, стараніями Папскаго Нунція, заключена была окончательная мировая сдѣлка между Митрополитомъ Володковичемъ и его Коадъюторами. Представленная на утвержденіе Папѣ, она получила полное его одобреніе, такъ какъ Папа, по его сознанію, силою своей Апостольской власти, по зрѣломъ обсужденіи, охотно подтверждаетъ все то, что благопріятствуетъ, содѣйствуетъ и сохраняетъ миръ и согласіе между вѣрными, а тѣмъ болѣе между такими лицами, которыя облечены Епископскимъ саномъ и обязаны печаловаться о вѣчномъ душевномъ спасеніи другихъ. Представленная мировая должна была получить полную силу и дѣйственность на всѣ времена и для всѣхъ, кто только имѣлъ къ ней какое бы то ни было отношеніе. [1310]

Въ силу заключенной мировой Митрополитъ и Коадъюторы изъявляли сердечное сожалѣніе обо всемъ, происшедшемъ между ними, согласились забыть обо всѣхъ столкновеніяхъ, и какіе бы то ни было вышедшіе относительно ихъ декреты, и опредѣленія, считать какъ бы не существовавшими; Митрополиту Коадъюторы обязывались полнымъ повиновеніемъ и почтеніемъ. Всѣ сдѣланныя заявленія, или протесты съ той, или съ другой, стороны необходимо было остановить, прекратить и даже возвратить обратно изъ судебныхъ инстанцій. Каждая, однако, сторона удержала за собою право требовать удовлетворенія отъ противника за какую бы то ни было прошлую обиду. Въ достиженіи цѣли необходимо было держаться слѣдующаго способа: Первоначально спорное дѣло обсуждалось мирнымъ путемъ, и такимъ образомъ требовалось достигнуть соглашенія. Если это соглашеніе не по-

слѣдовало, тогда, со стороны Митрополита и его Коадъюторовъ, избиралось по одному судьѣ, и эти два избранныхъ мировыхъ посредника должны были изыскать мѣры къ удовлетворенію противниковъ и свое заключительное мнѣніе дать непремѣнно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ послѣ своего избранія. Если же повѣренные расходились въ мнѣніяхъ сами, или не могли окончить дѣло въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, тогда весь споръ переносился въ Варшаву, въ Нунціятуру, и слово Нунція являлось послѣднимъ словомъ, заключительнымъ, безъ обжалованія. Митрополитъ могъ потребовать отъ своихъ Коадъюторовъ отчета въ приходо-расходахъ по его столовымъ имѣніямъ, доходъ съ которыхъ они получали въ силу Папскаго декрета, отъ 28 Августа, 1768 года. Въ случаяхъ спорныхъ необходимо было руководствоваться порядкомъ только что указаннымъ. Такъ какъ Митрополитъ въ слѣдствіе многочисленныхъ занятій, своей старости и болѣзненности, едва, едва могъ управлять дѣлами обѣихъ Епархій (Митрополитской Литовскою и Епископіей Владимирскою) и никакъ уже не могъ лично ревизовать ихъ (что, однако, требовалось канонами и постановленіями Замойскаго Собора), то съ настоящей поры онъ долженъ былъ сдѣлать своихъ Коадъюторовъ дѣятельными участниками Епархіяльнаго управленія. Удержавъ въ своемъ личномъ управленіи ту часть Архидіецезіи, которая обнимала собою собственно Литовское Княжество, остальную часть на Украйнѣ, въ Воеводствѣ Брацлавскомъ и въ пограничныхъ областяхъ, Митрополитъ обязанъ былъ передать Епископу Шептицкому въ его полное, совершенное, отвѣтственное завѣдываніе во всѣхъ отношеніяхъ; Епископу Млодовскому на такихъ же правахъ назначалась діецезія Владимирская и Берестская. Самъ Митрополитъ приглашался учинить по этому предмету распоряженіе, соблюсти всѣ необходимыя формальности, за собственноручною подписью составить самый актъ передачи, вручить его Нунцію и оповѣстить объ этомъ кого слѣдуетъ, для исполненія, не прежде, однако жь, какъ послѣдуетъ подтвержденіе со стороны Рима настоящей мировой. За Митрополитомъ сохранялось полное управленіе и заботливость о столовыхъ обоихъ Коадъюторовъ, и онъ имѣлъ право на свои нужды и на нужды Церкви пользоваться ими въ предѣлахъ, указанныхъ святыми канонами. Коммисары съ той и другой стороны должны были по совѣсти, принесши присягу,

составить обстоятельный инвентарь всего имущества въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ, за подписью Коадъюторовъ, Митрополитъ удерживалъ у себя, а другой оставался у Коадъюторовъ по принадлежности. Митрополитъ обязывался сохранить за своими Коадъюторами катедратикумъ (подать, вносимая клиромъ въ пользу Епископа), кромѣ доходовъ, присвоенныхъ ихъ Епископскому сану. Но такъ какъ духовенство того времени было слишкомъ бѣдно, и какой бы то ни было взносъ казался для него слишкомъ обременителенъ, то потребовалось, чтобы Митрополитъ обезпечилъ Коадъютору Берестскому, Епископу Млодовскому, сумму десять тысячъ Польскихъ злотыхъ, въ деньгахъ ли, или въ фольваркахъ. Равнымъ образомъ и Епископу Львовскому, Шептицкому, доходъ въ пятнадцать тысячъ Польскихъ злотыхъ при взносѣ катедратикума, отдавался въ безотчетное распоряженіе; остальное должно было итти на нужды Церкви. Кромѣ того Коадъютору Шептицкому отдавался въ полное распоряженіе Митрополитскій домъ въ Радомыслѣ, чтобы, во время ревизіи порученной ему Епархіи, онъ имѣлъ возможность свободно расположиться. Митрополитъ, во всякомъ случаѣ, удерживалъ за собою всѣ права Митрополитской власти. Всѣ указанныя положенія должны были, предварительно вступленія въ дѣйствіе, получить утвержденіе въ Римѣ. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія, Папа утвердилъ ихъ въ 1773 году. [1311] Миръ въ Уніятской Церкви былъ, по видимому, возстановленъ, но только по видимому.

Митрополитъ Володковичъ былъ человѣкъ слишкомъ давно уже сложившійся въ своихъ убѣжденіяхъ, намѣреніяхъ, поступкахъ и дѣйствіяхъ, чтобы, на старости лѣтъ, [1312] обновляться въ своемъ нравственномъ складѣ понятій. Честолюбіе и корыстолюбіе не оставляли его до конца жизни, и «обезумѣвшій Володковичъ,» [1313] не смотря на заключенную мировую, до конца жизни, когда только позволяли его силы, велъ упорную, отчаянную борьбу со всѣмъ, что, по его понятіямъ, казалось ему враждебнымъ. И теперь, послѣ 1773 года, онъ продолжалъ безпрестанно вмѣшиваться въ управленіе Коадъюторовъ своими Епархіями, разрушалъ не рѣдко то, что созидалось его противниками. Уніятская Церковь, окончательно разслабленная этими междоусобіями, находилась при послѣднемъ издыханіи. [1314]

Базиліянамъ было въ высшей степени на руку такое поведе-

ніе высшей Уніятской Іерархіи. Опять и опять невольно напрашивалось заключеніе, что нечего болѣе ждать Риму отъ дѣятелей, подобныхъ Гребницкому, или Володковичу; что эти Митрополиты, напротивъ, тормозятъ дѣло Уніи, которое, казалось, такъ усердно и умно распространяютъ Базиліяне; что въ высшей степени правы были Базиліяне, когда захотѣли совершенно отдѣлаться отъ такихъ недостойныхъ Митрополитовъ; что пора поставить Митрополита въ зависимость отъ Базиліянъ; что ихъ только однихъ нужно поддерживать, на нихъ только изливать милости. И вотъ Базиліяне снова получаютъ отъ Папы разнаго рода привилегіи.

Въ 1776 году всѣмъ Базиліянамъ усвоены права, предоставленныя Латинскимъ монахамъ, и особенно нищенствующему Ордену Католической Церкви. [1315] Тогда же на Уніятской Провинціяльной Капитулѣ объявлено было нѣсколько Папскихъ декретовъ о дарованіи Базиліянамъ разныхъ индульгенцій. Къ этому времени, на пр., дарованы полныя индульгенціи на слѣдующіе дни: на храмовые праздники каждаго Базиліянскаго монастыря, на Рождество Христово, Богоявленіе, Вознесеніе, Преображеніе, Пятидесятницу, Троицынъ день, на праздники: Рождества Пресвятой Богородицы, Очищенія, Успенія, Непорочнаго зачатія, Покрова и Благовѣщенія, на Воздвиженіе Честнаго Креста, на Рождество Іоанна Крестителя, на праздникъ Св. Іосифа Обручника, Св. Апостоловъ Петра и Павла, Св. Анны, Первомученика Стефана, Святителя Николая, Св. Антонія Аввы, Св. Аѳанасія, Св. Георгія мученика, Св. Иларіона, Св. Григорія Нисскаго, Св. Саввы, Евѳимія, Григорія Назіянзина, на вновь установленный праздникъ Св. Фамиліи... Стодневная индульгенція давалась всѣмъ, которые будутъ присутствовать при совершеніи Евхаристіи въ Базиліянскихъ монастыряхъ. [1316] Такая же индульгенція давалась тѣмъ изъ Базиліянъ (только!), которые, при звукѣ вечерняго колокола, передъ сномъ, будутъ читать псаломъ «De profundis» (Изъ глубины воззвахъ...) Въ 1777 году Базиліянскому Генералу дано право самому разрѣшать продажу и мѣну монастырскихъ фундушей и имѣній. Въ 1778 году (годъ кончины Володковича) Базиліянамъ разрѣшено отправлять родственникамъ Св. Василія Великаго общую Святымъ Службу; дана индульгенція на праздникъ посѣщенія Пр. Дѣвы Маріи; разрѣшено Базиліянскимъ миссіонерамъ вновь благословлять по 500 корунокъ и медальоновъ, съ индуль-

генціями (на благословеніе одной партіи въ пятьсотъ они имѣли уже право прежде); предоставлялась полная индульгенція тѣмъ, которые будутъ присутствовать при освященіи Базиліанами воды на рѣкахъ въ день Богоявленія; Базиліанскій Генералъ получалъ право участвовать въ избраніи Митрополита. [1317] Еще раньше, въ 1772 году, онъ былъ уполномоченъ ниспосылать благословеніе съ полной индульгенціей, въ случаѣ смерти; тогда же дозволено ему давать степень Доктора монахамъ, шесть лѣтъ обучавшимъ Богословію, или Философіи. Въ 1773 году учрежденъ праздникъ фамиліи Св. Василія Великаго съ полной индульгенціей и разрѣшено совершить торжественный актъ коронаціи Почаевской Божіей Матери [1318] По Базиліане не знали предѣловъ въ своихъ требованіяхъ, и чѣмъ больше имъ давали, тѣмъ большаго они хотѣли. Понятное дѣло, когда кругомъ, во очію всѣхъ, совершались ужасныя безобразія въ Уніятской Церкви когда единственными надежными охранителями здѣсь представлялись только Базиліане; когда и Папа, [1319] и Король, [1320] и вообще Латиняне, [1321] а болѣе всего сами же Базиліане, [1322] проповѣдывали вездѣ и всѣмъ о своихъ заслугахъ и трудахъ не только на землѣ, но даже и для неба, понятно, въ какомъ свѣтѣ должны были явиться теперь Базиліане, видимо сплоченные, умные, съ практическимъ тактомъ, съ жизненнымъ лоскомъ, съ громадными богатствами, среди общаго дѣйствительнаго безобразія, нищеты, розни, дикой грубости.... Въ силу этого около 1770 года требованія Базиліанъ являются безпредѣльными, а разныя милости лишь возбуждаютъ въ нихъ новую и новую жажду. [1323] Мы видѣли уже, сколько всевозможныхъ привилегій получено было Базиліанами изъ Рима, и все таки послѣдняя Берестская Генеральная Капитула обязывала вновь избраннаго Протоархимандрита «dare operam impetrandis Romae quibusdam gratiis ac indulgentiis.» [1324] И подобныя старанія увѣнчивались полнѣйшимъ успѣхомъ: какъ изъ рога изобилія сыпались и лились на Базиліанъ новыя и новыя милости. [1325] И не удивительно: вѣдь это были Русскіе, посредствомъ которыхъ Папа думалъ обратить къ себѣ весь Востокъ; а въ половинѣ XVIII вѣка уже совершенно ясно обрисовалось, какъ хорошо понимаютъ Базиліане задачи и стремленія Рима въ Уніи, какъ усердно стерлятся они къ ихъ осуществленію; нельзя же было не поддерживать такихъ надежныхъ и сильныхъ пропагандистовъ.

XXIII.

Отношеніе и отличіе самихъ Базиліанъ и Уніи, и средства къ этому.

Горько ошибались Уніяты (повторяемъ, что подъ этимъ именемъ мы продолжаемъ понимать Уніятовъ съ Православнымъ направленіемъ), довѣряясь обѣщаніямъ Папы сохранить въ Уніи всю Православную обрядовую сторону. Унія, по справедливому замѣчанію многихъ писателей, была средствомъ для привлеченія всѣхъ Православныхъ въ Католичество, подъ зависимость Запада. [1326] Нельзя было оставаться на этой безпочвенной, такъ сказать, серединѣ. Правда, изъ Римской Куріи вышло не одно постановленіе, оберегавшее, по видимому, въ Уніи всю ея Православную обрядность и грозившее даже наказаніями тѣмъ, которые волею, или неволею, будутъ искажать обрядность; [1327] но всѣ подобныя посланія не должны быть принимаемы за чистую монету; всѣ они имѣютъ свою оборотную сторону. [1328]

Ложь, обманъ и лицемѣріе положены были въ основаніе Уніи со стороны Рима. Оставляя, по видимому, Уніятамъ, присамомъ основаніи Уніи, просимую ими Православную обрядность, Римъ въ то же время прибавлялъ, что не члены въ тѣлѣ тѣ, которые разъединены съ главою; что вѣтвь, оторванная отъ дерева, не можетъ приносить плодовъ; что потокъ изсыхаетъ, отсѣченный отъ своего источника; что наконецъ тотъ не можетъ Бога имѣть отцомъ, кто Церкви (т. е., Римской, съ ея Первосвященникомъ) не имѣетъ матерью.» [1330] Люди разумные, свѣдущіе, очень хорошо понимали подобныя заявленія Рима. Тогда же Патріархъ Александрійскій, Мелетій, писалъ къ Митрополиту Уніятскому, Потѣю: «Ты вышелъ со двора Божія, и еще не вошелъ до другого; оставилъ Церковь Восточную, и еще слишкомъ недостаточно соединился съ Римскимъ Костеломъ. О немъ ты думаешь, что тѣсно соединился съ нимъ, на половину признавая своимъ; но знай, что не безъ тайнаго соблазна онъ на половину считаетъ тебя чуждымъ, или даже питаетъ ненависть и не признаетъ рѣшительнымъ твоего отступническаго предпріятія, по тому что не хочешь быть его полнымъ послѣдователемъ.....» [1331] Въ такомъ

же тонѣ слышится намъ голосъ и изъ восемнадцатаго столѣтія: «Знай, Уніятъ Русинъ: никогда тебѣ не повѣрятъ (Католики); твоя будущность вѣчно мрачная... Вѣдь ты отрасль того дерева, въ стволѣ котораго увидѣли ядъ прежде всего. Совершая таинство Евхаристіи на квасномъ хлѣбѣ, ты принадлежишь къ Восточной Церкви, которая нѣкогда осмѣлилась соперничать и сравнивать себя съ Западомъ. Это, кажется, грѣхъ съ твоей стороны неразрѣшимый и большій въ глазахъ міра, нежели первородный грѣхъ въ Божіихъ; его не могутъ загладить ни крещеніе, ни покаяніе, ни Унія, не перемѣна многихъ изъ прежнихъ твоихъ обрядовъ.» [1332] Вотъ истинный, болѣе и болѣе уясняющійся для Уніятовъ, взглядъ на нихъ Рима.

«Что за Унія (разсуждали въ тайныхъ кружкахъ Рима), именемъ только, а не самимъ дѣломъ!» [1333] И какъ въ самомъ дѣлѣ можно охранять и поддерживать въ Уніи ея Православные обряды и догматы, когда это зло, когда это противно всегдашнимъ преданіямъ Рима? [1334] Sub nullitate actus ихъ можно допустить, оставить въ Уніи нѣкоторое время, терпѣть; но освятить ихъ, узаконить Римъ никогда не имѣлъ намѣренія; напротивъ, его политика, медленная, но расчитанная, рѣшительная и постоянная; хотѣли совершенно незамѣтно для Уніятовъ, то воспитаніемъ, [1335] то исправленіемъ книгъ, то посредствомъ Базиліянъ (какъ бы самихъ Уніятовъ), [1336] освоить ихъ, сродинть со всѣми Латинскими нововведеніями, которыя, такимъ образомъ, какъ бы сами собою, въ силу своего превосходства, помимо Рима, должны были занять мѣсто первыхъ и, не измѣняя названія Уніятовъ, самимъ дѣломъ объединить съ Римомъ. Въ виду этого Римъ дѣйствительно охотно какъ бы соглашался на просьбы Уніятовъ оставить ихъ при прежнихъ обрядахъ и неоднократно грозилъ наказаніями тѣмъ, которые будутъ искажать Уніятскую обрядность. [1337] Но въ подобныхъ случаяхъ Римъ всегда оставлялъ за собою право сдѣлать и другое распоряженіе, если того потребуютъ выгоды и польза Святаго Римскаго Костела, и никогда не забывалъ напоминать при всемъ томъ о преимуществѣ Римской Каѳедры предъ всѣми остальными, даже въ обрядовомъ отношеніи. [1338] «Римская Церковь (обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ)—мать и учительница всѣхъ другихъ Церквей; ея обряды имѣютъ преимущество предъ всѣми другими; ихъ признаетъ Папа, Глава и Князь всего міра; отсту-

пать отъ нихъ преступно.» [1339] Заключеніе для Уніи понятное. Съ такими убѣжденіями Римъ началъ Унію; съ ними же онъ относится къ Уніятамъ и въ настоящее время, и только современный намъ Папа, Пій IX, слишкомъ поспѣшный въ нѣкоторыхъ изъ своихъ постановленій, заявилъ открыто и къ Уніи ту политику дѣйствій, которой въ тайнѣ слѣдовали всѣ его предшественники. Въ своей энцикликѣ, отъ 13 Мая, 1874 года, на имя Галицкаго Митрополита, Сембратовича, Пій IX одобряетъ уже всѣ искаженія, вошедшія въ Восточный обрядъ въ Уніи, и провозглашаетъ новое начало молчаливаго одобренія разныхъ нововведеній, клонящихся къ болѣе тѣсному сближенію Греко-Уніятской Церкви съ Римско-Католическою. Соединеніе Уніятовъ съ Православною Церковью было отвѣтомъ на такое заявленіе Папы. Понятно, что, по своей близорукости, Пій IX не расчиталъ всѣхъ обстоятельствъ. Подобныя явленія были и во время Рутскаго, [1340] и около времени Замойскаго Собора, [1341] и во второй половинѣ XVIII столѣтія. [1342] И Бенедиктъ XIII и XIV, какъ только замѣчали сильное движеніе въ Уніятахъ по поводу стѣсненія ихъ Православныхъ обрядовъ, сейчасъ же спѣшили увѣрить Уніятовъ особыми посланіями въ неприкосновенности ихъ обрядовъ и, пригрозивъ наказаніями возмутителямъ покоя, [1343] Унія, успокоенная, продолжала влачить свое существованіе. Но, съ другой стороны, посланій Рима въ пользу Уніятовъ никто не хотѣлъ знать и принимать къ исполненію. [1344] Уніяты, по прежнему, дѣлались предметомъ всякаго рода оскорбленій, совращеній, козней и коварствъ. [1345] А бывало и такъ, что только что сдѣланное распоряженіе въ пользу Уніи Папы втайнѣ отъ Уніятовъ сейчасъ же спѣшили отмѣнить другимъ, противнымъ распоряженіемъ, въ угоду Польскому Королю, или шляхтѣ. Уніяты въ простотѣ сердца опирались въ своей дѣятельности на прежнія Римскія постановленія, а не знали они, несчастные, что эти постановленія были отмѣнены. [1346] При такомъ двойственномъ отношеніи къ Уніи Рима, ему необходимо было найти для своего дѣла такихъ же двуличныхъ пособниковъ, умныхъ, ловкихъ, съ жизненнымъ тактомъ и опытомъ. На этотъ разъ Базиліяне выручали Римъ въ его трудномъ положеніи.

Орденъ Базиліянъ былъ основанъ Велямином Рутскимъ, надежнѣйшимъ воспитанникомъ Рима, любимцемъ Папы. [1347] Всѣ

завѣтные планы и намѣренія Папскаго двора относительно Уніи составили, такъ сказать, основаніе Базиліянскаго существованія. Учителями и руководителями Базиліянъ на первыхъ порахъ являются исключительно Босые Кармелиты и Іезуиты. Мало по малу ученики сдѣлались достойными своихъ учителей и вступили даже въ борьбу съ ними за право нравственнаго преобладанія. Папы, видя полнѣйшее усердіе и преданность Базиліянъ Риму, постоянно осыпали ихъ разнаго рода милостями, дарили привилегіями. Базиліяне образовали изъ себя тѣсный, замкнутый кругъ, съ извѣстными преданіями, направленіемъ, своеобразнымъ воспитаніемъ. Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ, въ слѣдствіе тѣснаго единенія съ Римомъ и полнѣйшаго проникновенія его намѣреніями, Базиліяне съ разу же заняли очень видное мѣсто въ ряду Католическихъ Орденовъ вообще, и Латиняне, до послѣдняго времени относившіеся къ Уніи съ глубокимъ презрѣніемъ, постоянно отличали въ ней Орденъ Базиліянъ, взаимно участвовали съ ними въ совершеніи Богослуженія, торжественныхъ процессій, въ сказываніи проповѣдей, всегда почти поддерживали, превозносили Базиліянъ. [1348] Латинство, ополяченіе и шляхетство дѣлались средою, въ которой все болѣе и болѣе начинали жить Базиліяне. [1349] Свое родное они забывали, отталкивали, унижали и готовы были наложить даже на него руку. [1350] Такимъ образомъ Базиліяне-Уніяты были на самомъ дѣлѣ усерднѣйшими Католиками.

Но такое перерожденіе Базиліянъ начало совершаться несравненно быстрѣе и глубже, когда Латиняне задумали осуществить постановленіе, состоявшееся въ Римѣ еще отъ 15 Іюля, 1613 года. Этимъ постановленіемъ Его Святѣйшество одобрялъ и охотно позволялъ свободный переходъ тѣмъ изъ Латинянъ, кототорые пожелали бы перейти въ Греческій обрядъ (Унію), въ монашество; не хочетъ только этого перехода въ клиръ свѣтскій, по его грубости. [1351] Въ XVIII столѣтіи особенно замѣтенъ такой переходъ Латинянъ въ Унію, исключительно въ Орденъ Базиліянскій.

Уже при самомъ зарожденіи Уніи мы встрѣчаемъ слезныя жалобы лучшихъ представителей Уніи, что все высшее по происхожденію, лучшее по своимъ связямъ и богатству, не остается въ Уніи, принимаетъ ее только для виду на минуту, и сейчасъ же спѣшитъ сдѣлаться самымъ рьянымъ нерѣдко, исповѣдникомъ и проводникомъ Латинства. [1352] Въ Уніи оставался исключительно

одинъ простой народъ, къ которому принадлежало и бѣдное, большею частію очень темное, низшее Уніятское духовенство. [1353] Загнанное, презираемое, [1354] оно, вмѣстѣ съ народомъ, единственное убѣжіе находило для себя въ твердомъ храненіи отеческихъ преданій. Изъ себя оно образовало въ Уніи какъ бы сословіе рабовъ, которымъ, казалось, не было никакого исхода изъ этого жалкаго, мрачнаго состоянія. Базиліяне мало по малу, все болѣе налагали на него свою желѣзную руку [1355] и не хотѣли дать ему ни малѣйшей части въ управленіи Уніятскою Церковью. [1356] Это еще меньшее зло; а вотъ и другое несравненно большее. Захвативши въ свои руки всѣ высшія мѣста правленія, Базиліяне должны были всегда имѣть для этого очень много кандидатовъ. По такими кандидатами должны были быть непремѣнно nobiliores, и только имъ давали Епископства и разныя Прелатуры. Въ Уніи, между тѣмъ, не было, какъ мы сказали, знати; она вся почти перешла въ Латинство. Необходимо было между Латинянами искать требуемыхъ кандидатовъ. Римъ давно уже представлялъ такое рѣшеніе указаннаго вопроса. [1357] Базиліяне, сжившіеся съ шляхетскою Польско-Латинскою средою (вспомнимъ происхожденіе и основаніе Базиліянскаго Ордена), рады были новому сосѣдству, и съ распростертыми объятіями приняли новыхъ товарищей; эти послѣдніе опять тянули за собою новыхъ, своихъ друзей и сродниковъ, и около половины XVIII вѣка въ Базиліянскомъ Орденѣ мы встрѣчаемъ уже большинство его членовъ, перешедшихъ изъ Латинства, чистыхъ по происхождетію Поляковъ. [1358] Въ концѣ XVIII стол. всѣ почти Епископы Уніятскіе были по происхожденію Поляки, [1359] а Латинскій Прелатъ, Михаилъ Стадницкій, былъ прямо рукоположенъ около этого времени въ Луцкаго Уніятскаго Епископа. [1360] Латинство и Полячество до того усилились и заполонили Унію, что, когда въ 1810 воспрещенъ былъ Латинянамъ переходъ въ Базиліянскій Орденъ, то послѣдній началъ замѣтно пустѣть, и Митрополитъ Уніятскій, Булгакъ, по этому случаю снова входилъ съ представленіемъ въ пользу прехода Латинянъ въ Базиліянскій Орденъ. [1361] Съ того времени (со времени запрещенія Базиліянамъ принимать въ свой Орденъ лицъ какого бы то ни было исповѣданія, кромѣ лицъ Уніятскаго обряда), говорится въ предложеніи Министра Князя А. Н. Голицына, Римско-Католической Духовной Коллегіи, Базиліянскій Орденъ началъ ощущать недостатокъ особъ въ своемъ об-

щестѣ, какъ для занятія мѣстъ по предмету народнаго Просвѣщенія, такъ и для монашескихъ обязанностей; ибо дворянъ Римско-Католическихъ весьма мало, а дворяне Римско-Католическаго исповѣданія не могутъ принимать, въ слѣдствіе запрещенія, Грекo-Уніятскій обрядъ. Уніятская Церковь, наконецъ, открыто заявила, что у нея нѣтъ болѣе собственныхъ силъ и средствъ къ существованію, и для этого ей необходимы искуственныя мѣры. А Латиняне, повторяемъ, съ удовольствіемъ готовы были принять предлагаемый вызовъ.

Восемнадцатый вѣкъ представлялъ очень много данныхъ для совершенно безучастнаго отношенія въ дѣлѣ вѣры. Идеи XVIII вѣка получили, особенно во второй половинѣ, могущественное развитіе, перешли изъ книгъ и кабинетовъ ученыхъ и тогдашнихъ Философовъ въ жизнь общества, образовали, такъ сказать, общественную атмосферу, охватывающую болѣе, или менѣе, всѣ слои общества, дѣйствовавшую болѣе, или менѣе, на всѣхъ. Во имя этихъ идей Папа Бенедиктъ XIV ведетъ переписку съ Вольтеромъ и Фридрихомъ II, и Вольтеръ посвящаетъ этому Папѣ одну изъ своихъ трагедій. Во имя этихъ идей сглаживались самыя рѣзкія крайности и находили точку соприкосновенія самыя противоположныя ученія и направленія. Этимъ идеямъ міръ, безъ сомнѣнія, обязанъ тѣмъ, что Католическія Государства того времени признаютъ равноправность Протестантскихъ своихъ подданныхъ съ Католическими, а Протестантскіе Государи стараются уравнять въ правахъ Католическихъ своихъ подданныхъ съ Протестантскими; Папа Бенедиктъ XIV ходатайствуетъ у Французскаго Двора о прекращеніи преслѣдованій, которымъ подвергались Протестанты Лангедока, и увѣщеваетъ Польшу уважать права Уніятовъ. [1362]

И Католическій фанатизмъ въ Польшѣ сильно надорванъ былъ бродячими повсюду революціонными идеями, наплывомъ съ Запада разнаго рода обычаевъ, начиная отъ домашняго очага и кончая сложными политическими планами. [1363] Стоитъ прочитать одного Китовича, [1364] чтобы видѣть, какъ Поляки XVIII столѣтія спѣшили какъ бы забыть все свое прошлое и, въ предсмертной агоніи, насладиться различными новшествами. Покрой платья, домашняя обстановка, прислуга, кушанья, напитки, забавы и увеселенія, все устрояется на новый ладъ. [1365] Епископъ Солтыкъ, рас-

нимающійся, по видимому, на сеймахъ за Католическую вѣру, вводитъ въ то же время мясныя блюда въ постные дни и спеціально въ пятницу.[1366] Я не говорю уже о Подясскомъ Примасѣ, котораго копировалъ Володковичъ, Уніятскій Митрополитъ.[1367] Дѣло ставилось такъ, чтобы, ни сколько не думая о завтрашнемъ днѣ, забывши единое на потребу, испить беззаботно до дна всю чашу земныхъ удовольствій.[1368] Положеніе Базиліянскаго Ордена давало возможность пожить именно такимъ образомъ.

Базиліянскій Орденъ былъ совершенно независимъ. Не признавая надъ собою власти Митрополита, а тѣмъ болѣе Епископовъ,[1369] Базиліяне не исполняли ни постановленій Замойскаго Собора,[1370] ни предписаній Папы,[1371] ни общегосударственныхъ постановленій.[1372] Базиліянскій Орденъ былъ въ высшей степени богатъ и въ распоряженіи суммами не подлежалъ ни чьему постороннему контролю.[1373] Въ его обладаніи находились многочисленные богатѣйшіе монастыри, Архимандріи и Аббатства, съ громадными имѣніями и доходами, на всемъ протяженіи, такъ называемой, Литвы, Бѣлоруссіи, Волыни, Подола, Курлярдіи и Польши.[1374] И Базиліяне умѣючи пользовались всѣми прелестями міра сего. Супериоры носили блестящія, драгоцѣнныя одежды, скопляли деньги и пользовались ими по своему произволу. Эти деньги или отдавались родственникамъ ихъ, на прим., на приданое, или тратились на разъѣзды по гостямъ и пріемъ гостей въ самыхъ монастыряхъ. Прелаты безъ нужды и съ большою роскошью разъѣзжали по знакомымъ вельможамъ, такъ что не хотѣли бы выходить изъ палацовъ чуть не по цѣлымъ годамъ, жили внѣ монастырей, безъ товарищей, дѣлали своими поѣздками излишніе расходы, не радѣли о благѣ монастырей, любили учше говорить о свѣтскихъ предметахъ, чѣмъ о своихъ монашескихъ, и своимъ поведеніемъ навлекали нареканія на весь Орденъ. Но, любя ѣздить съ визитами, Прелаты и сами радушно принимали гостей въ своихъ монастыряхъ. По этому они особенно любили монастыри, находящіеся въ городахъ, дабы постоянно имѣть гостей. Гостиницы обыкновенно находились внутри монастыря и устроялись почти рядомъ съ Настоятельскими келіями. Но чаще бывало и такъ: Настоятели принимали вельможныхъ гостей не въ гостиницѣ монастырской, а въ своихъ келіяхъ, и не только мущинъ, но, къ соблазну братіи, и сторонихъ даже женщинъ,

бесѣдовали съ ними и предлагали имъ роскошное угощеніе. Обѣдая въ своихъ келіяхъ, Настоятели, нерѣдко упивались. [1375] Эта возможность вести вполнѣ вольную жизнь и привлекала сильно въ Базиліянскій Орденъ Польско-Латинскую шляхту. По замѣчанію одного писателя, открытаго врага Россіи и Православія, поступающими въ Базиліянскій Орденъ руководило не призваніе, а пустое, суетное корыстолюбіе. Посредствомъ тайныхъ происковъ у Короля, своихъ друзей и родныхъ, они не стыдились захватывать для себя имѣнія, Прелатуры и Аббатства, не имѣя на то никакого права и даже необходимыхъ къ тому способностей. [1376] По словамъ Теїнера (отзывъ объ Уніи 2 половины XVIII вѣка), свѣтскій Уніятскій клиръ, водимый Духомъ Божіимъ и преданностію Римскому Престолу, смѣло, не щадя жизни, подвизался за Унію. Базиліяне же болѣе заботились о благахъ земныхъ, нежели о религіи. Почетнѣйшіе изъ Базиліянъ были по происхожденію Поляки, перешедшіе изъ Латинскаго обряда въ Греческій, который, между прочимъ, они ненавидѣли, лишь бы только завладѣть какимъ ни будь Епископствомъ, или Прелатурой. [1377] Но и подъ монашескою Базиліянскою одеждою Польско-Латинская шляхта сохраняла свои шляхетскіе обычаи и замашки и стремилась создать изъ Ордена свою монашескую республику, на подобіе Рѣчи Посполитой Польской. Что для свѣтской шляхты были Польскіе сеймы, то для монашествующей шляхты Генеральныя конгрегаціи, или капитулы; тамъ и здѣсь происходили шумныя сцены и безпорядки; тамъ и здѣсь члены сеймовъ и капитулы раздѣлялись на партіи, подъ предводительствомъ какого ни будь свѣтскаго, или монашествующаго, пана, который на свой счетъ поилъ и кормилъ своихъ сторонниковъ и покупалъ ихъ голоса. Монашествующіе вельможи забывали о данномъ ими обѣтѣ не домагаться высшихъ Іерархическихъ должностей, хотѣли даже исключить его изъ своей присяги; [1378] собираясь на Генеральныя Капитулы, они запасались превосходными винами, чтобы пріобрѣсть сторонниковъ и быть выбранными на хорошую, доходную должность. Припоминая древній Базиліянскій обычай открывать Генеральныя Капитулы постомъ, одинъ Базиліянскій писатель замѣчаетъ: «Какимъ образомъ онѣ могутъ начинаться теперь постомъ, когда нѣкоторые угощаютъ отличными винами и обиваютъ пороги, выпрашивая для себя голоса. Постоянное ограниченіе монашествующею знатью правъ Епископовъ и Митропо-

лита вполнѣ отвѣчало тому явленію въ Польскомъ Государствѣ, когда шляхта силилась ограничить власть Короля. Уже съ конца XVII столѣтія начали замѣчать разительное сходство между Базиліянскимъ Орденомъ и Рѣчью Посполитой, и еще Митрополитъ Жоховскій выражался о Базиліянахъ, что «эти любители новшествъ хотятъ устроить новую республику.» [1379]

Такое ополяченіе и олатиненіе Базиліянъ приготовило для Уніи смертельный ядъ. Базиліяне, большею частію изъ Польско-Латинской шляхты, какія свѣдѣнія могли имѣть о Православной литургіи, ея обрядахъ, требоисправленіи? Какимъ духомъ, какими чувствами, должны были водиться они въ Уніятской Церкви, не понимая ни Греческаго, ни, тѣмъ болѣе, древняго Церковно-Славянскаго языка? [1380] Вступая въ Орденъ Базиліянъ только для того, чтобы пользоваться Русскими богатствами, Прелатурами и Аббатствами, эти новорожденные Базиліяне внесли съ собою въ Унію полнѣйшее отвращеніе къ Греческому обряду, перемѣшали его Латинскими церемоніями, поддерживали неразумную борьбу Латинскаго клира въ Польшѣ противъ Греческаго обряда и вообще вмѣстѣ съ нимъ работали надъ его обезображеніемъ и уничтоженіемъ. Таковъ отзывъ о Базиліянахъ одного защитника Латинства и Уніи. [1381] Съ нимъ вполнѣ согласенъ и Тейнеръ. [1382]

Я говорилъ уже, какъ сильно упало знаніе Славянскаго языка въ Уніятской Церкви къ началу XVIII вѣка. Еще Митрополитъ Кишка, «съ неисчетною болѣстію сердца и язвою утробы неудобь исцѣльною, узналъ, что едва сотый Іерей разумѣетъ Словенскій языкъ, не вѣдѣй, что чтетъ въ божественнѣй службѣ.» Потребовалось составить «Лексиконъ, си рѣчь Словесникъ Словенскій, имѣющъ въ себѣ словеса первѣе Словенскія азбучныя, по семъ же Польскія, благопотребный къ выразумѣнію словесъ Словенскихъ, обрѣтающихся въ книгахъ церковныхъ.» [1383] Но понятное дѣло, что, по мѣрѣ углубленія въ XVIII вѣкъ, чѣмъ большее количество Латинянъ входило въ Уніятскую Церковь, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе должно было падать знаніе Славянскаго языка. Въ концѣ XVIII вѣка, не говоримъ о Базиліянахъ, болѣе ученые и лучшіе Священнослужители, хорошо знакомые съ Математикою и Латынью, только на приходѣ, по поставленіи въ Священный санъ, научивались «сколько ни будь плавно читать.» [1384] Но неволѣ приходилось заучивать наизустъ болѣе употребительныя службы; а кому отказы-

вала въ этомъ память, то, чтобы не смущать себя нескладнымъ, неумѣлымъ чтеніемъ, нужно было ограничиться только «отчитываніемъ ихъ про себя.» [1385] Читанныя мши, дозволенныя Римомъ Уніятамъ при основаніи Уніи, теперь должны были получить самое широкое примѣненіе. [1386] Этимъ пріемомъ легко маскировались ошибки, ложь, неумѣлость.

Подобно Славянскому, и Греческій языкъ преданъ былъ полнѣйшему забвенію. Царила одна Латынь, [1387] и языкъ Латинскій считали единственнымъ двигателемъ наукъ и просвѣщенія. [1388] Правда, въ конституціяхъ Базиліянскаго Ордена указывается необходимость изученія Греческаго языка, какъ уясняющаго многіе Церковно-Православные обряды. [1389] Но, на сколько это требованіе не исполнялось, видимъ изъ посланія Папы Бенедикта XIV къ Базиліянамъ въ 1751 году: «Для пониманія, сохраненія и утвержденія въ Орденѣ Греческихъ обрядовъ необходимо (по мнѣнію Папы) знаніе Греческаго языка, и знаніе при томъ не внѣшнее, такъ сказать, поверхностное, но совершенное, глубокое, обоснованное на внимательномъ, дѣльномъ изученіи и сравненіи подлиннаго текста писателей, изученія, по мѣрѣ силъ, особенностей Греческаго языка: къ этому (заключаетъ Папа) мы васъ увѣщеваемъ и побуждаемъ.» [1390] Но въ Базиліянскій Орденъ, какъ мы сказали уже, поступали не для того, чтобы учиться. Дѣятельность Базиліянъ около половины XVIII вѣка была слишкомъ велика, но только она направлялась далеко не въ ту сторону, какую указывалъ Папа. Совершенно сжившись, сроднившись съ Латино-Польскимъ направленіемъ, Базиліяне рѣшительно стали передѣлывать на этотъ ладъ и самую Унію.

Дѣлать это было теперь тѣмъ легче, что давно, около четверти вѣка, со времени Замойскаго Собора, употреблялись уже во многихъ Уніятскихъ церквахъ различныя Латинскія нововведенія. Присутствовавшіе на Замойскомъ Соборѣ дали присягу, что не только сами сохранятъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ находиться въ ихъ вѣдѣніи, къ которыхъ будутъ имѣть какое либо отношеніе, постараются обратить, наставить на путь этой правой истинной вѣры, исповѣданной на Замойскомъ Соборѣ съ торжественнымъ признаніемъ исхожденія Св. Духа и отъ Сына, вообще всего того, что признаетъ и исповѣдуетъ Св. Римская Церковь, безъ которой никто не можетъ спастись, не сохранивъ до послѣдняго издыханія. [1391]

Такое обращеніе и наставленіе началось самымъ безконтрольнымъ уничтоженіемъ въ церковно-богослужебныхъ Уніятскихъ книгахъ Православныхъ отличій.

На основаніи постановленія Замойскаго Собора, чтобы напечатанныя книги, если потребуютъ исправленія и могутъ быть исправимы, исправлялись (3 sessio), Митрополитъ Аѳанасій Шептицкій предназначилъ къ исправленію Апостолъ 1719 г., Акаѳисты 1691 г., Акаѳисты малые 1688 г., Тріодь Постную 1717 г., Цвѣтную 1701 г., Октоихъ 1700 г., Шестодневъ 1715 г., Молитвословъ 1720 г., Трифолой 1694 г., Часословъ 1726 г., Служебникъ 1712 г., Требникъ 1719 г., Требникъ меньшій 1720 г., Часословъ меньшій 1719 г., Букварь 1723 г.

Прежде всего Шептицкій спѣшится уничтожить въ Уніятскихъ церковныхъ книгахъ всякую память о связи ихъ съ Православною Церковью, съ Православнымъ Востокомъ, Вселенскими Восточными Патріархами. Онъ тщательно уничтожаетъ всѣ слова, напоминающія объ этомъ. «Тые слова (нерѣдко читаемъ мы въ его наставленіи по этому поводу) вымажь, если выкинути треба.» Такимъ «вымазываніемъ, или выкинутіемъ» окончательно закрѣплены были въ Уніятской Церкви ученіе: Filioque, о чистилищѣ, о крещеніи чрезъ погруженіе, о причащеніи агнцемъ и частицами въ честь Богородицы, о разрѣшительной молитвѣ при исповѣди, о главенствѣ Папы и Римской Церкви; предписывалось совершенно выкинуть цѣлое полѣдованіе Григорію Паламѣ, весь Синаксарь 9 Сентября, 26 Сентября, Великаго Четверка, часть Синаксаря 14 Сентярбя, весь типикъ о вліяніи въ чашу теплоты, о губѣ, о достойномъ пріуготовленіи Іерея къ совершенію литургіи, три молитвы до Преподобныхъ Печерскихъ. [1392]

Слѣдуя такому соблазнительному примѣру, Василіяне различныхъ монастырей пошли гораздо дальше. Достаточно прочитать одни Катихизисы, изданные Почаевскими Василіянами, совершенно проникнутые Латинскимъ ученіемъ на всякой почти страницѣ, чтобы видѣть, что они, подобно своимъ собратіямъ Супрасльскимъ и Уневскимъ Василіянамъ, успѣшно проводили тѣ догматическія обрядовыя постановленія, какія помѣщены были въ Требникахъ Шептицкаго, что они помѣстили у себя и Символъ вѣры съ прибавленіемъ Filioque, и Латинское исповѣданіе вѣры Папы Пія VI и многое другое. Они занесли даже въ свои Требники самыя

постановленія Замойскаго Собора объ исправленіи книгъ, и такимъ образомъ испещрили ими свои Требники вездѣ, гдѣ могли найти соотвѣтствующее тому мѣсто. Въ Требникахъ они не оставили въ покоѣ самихъ изъяснительныхъ статей, иногда буквально заимствованныхъ Могилой изъ Ритуала Латинскаго. Базиліяне совершенно постарались приблизить ихъ къ этой буквѣ: они «изслѣдовали ихъ и исправили по составу Чиновника Римскаго.» [1393] Эти исправленія и изслѣдованія дѣлались совершенно произвольно, безъ всякаго надзора; въ основаніи ихъ лежали не рѣдко неблагонамѣренность, или простое невѣжество. И опять Уніятская Церковь начинала оправдывать на себѣ поговорку: «Що попикъ, то типикъ,» и опять въ ней открывалось смѣшеніе языковъ, котораго Уніяты такъ боялись и опасались въ началѣ.

Отъ этой безпорядочности смутились и теперь болѣе благонамѣренные Уніяты, и даже Папа Бенедиктъ XIV. «Имѣя между первыми заботами, которыя со тщаніемъ мы предприняли, попеченіе объ исправленіи книгъ Церкви Восточной, и въ особенности Евхологія Грековъ (говоритъ Папа), нами заблаговременно поставлено было подвергнуть тщательному изслѣдованію всю работу по исправленію Греческихъ книгъ отъ Первосвященника Урбана до настоящаго времени.» Плодомъ такой работы явилось исправленіе Евхологія, и сдѣлано новое его изданіе въ 1754 г., напечатанное въ типографіи Конгрегаціи распространенія вѣры. Въ Маѣ 1756 года явилось посланіе Папы съ формальнымъ повелѣніемъ исправлять по этому Евхологіону всѣ новыя изданія Требниковъ, какъ для Греческой, такъ и для Западно-Русской, Церкви. [1394]

Евхологіонъ Бенедикта XIV заключалъ въ себѣ, кромѣ небольшихъ отступленій въ литургіи Св. Василія Великаго, совершеннѣйшее согласіе съ Греческими Требниками. Слѣдуя его наставленіямъ, Уніяты дѣйствительно очень близко подошли бы къ Православной Церкви. Но этого не хотѣли и сами Папы. Они считали необходимымъ поддерживать и то средостѣніе, которое отдѣляетъ Уніятовъ отъ Православныхъ. [1395] Въ свою очередь, Базиліяне-Поляки, перешедшіе въ Унію изъ Латинства, не знавшіе ни Греческаго, ни Славянскаго языка, а тѣмъ болѣе правильныхъ, Церковно Православныхъ, службъ и обрядовъ, ни какъ уже не могли, и не хотѣли, изучить ихъ въ первоначальной чистотѣ. Зная

тайныя движенія Рима въ пользу олатиненія Уніи, они крѣпко стояли на этомъ же пути. Около 1785 г. весь почти кругъ церковныхъ Православныхъ службъ въ Базиліянскомъ мірѣ былъ совершенно забытъ, перепутанъ. Въ это время Архимандритъ Порфирій, Экзегеналъ, Провинціялъ провинціи Св. Троицы, разослалъ окружное посланіе въ подвѣдомые ему Базиліянскіе монастыри, приглашая ихъ соблюдать святые и достопочтенные обряды Церкви, которыми вѣрнымъ образомъ прославляется Богъ. Въ основу своего требыванія онъ полагаетъ постановленія и опредѣленія Соборовъ Верховныхъ Первосвященниковъ. Всѣ вкравшіяся намѣненія, не освященныя ни чьимъ значеніемъ, всѣ порчи, должны быть уничтожены и, согласно предписаніямъ Церкви, долженъ быть возстановленъ первоначальный текстъ, или обрядъ. Въ помощь себѣ, Важинскій приглашаетъ всѣхъ Старшихъ монастырей, Викарныхъ, начальниковъ хора.

Далѣе въ своемъ посланіи Важинскій подробно описываетъ, какъ и когда должно совершать малое и большое Повечеріе, какъ при этомъ должны одѣваться священнослужители, когда и гдѣ совершать Литію, какъ совершать Полунощницу, Часы, какъ торжествовать праздникъ Покрова Пр. Богородицы, какъ совершать память умершихъ, дѣлаетъ постановленія относительно духовниковъ, приглашаетъ Базиліянъ воспитывать въ себѣ духъ мира, любви, приглашаетъ ихъ къ дѣльнымъ занятіямъ науками и къ составленію исторіи Ордена. Съ великою скорбію замѣчаетъ Важинскій о различныхъ нововведеніяхъ, которыя какою-то злою судьбою вошли въ Уніятскую Церковь не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ. Онъ смѣло говоритъ, что безъ всякаго авторитета, а можетъ быть и въ слѣдствіе типографскихъ опечатокъ, въ молитвахъ: «Спаси, Господи, люди Твоя,» Владыко многомилостиве, Господи,» безразсудно исключены имена Святыхъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, которыхъ Св. Православная Церковь почитала всегда Святыми, особенными патронами и первыми насадителями въ Россіи жизни монашеской. Въ сказанныхъ молитвахъ онъ требуетъ ихъ поминовенія «послѣ мученика Іоасафата» (Кунцевича).» [1396]

Это замѣчательное посланіе Важинскаго своей формою уже показываетъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло. Въ разсужденіяхъ о Славянскомъ Православномъ Богослуженіи потребовалось употреблять Латинскій языкъ, какъ ближе всего понятный Базиліянамъ; на-

чальныя слова ектеніи, молитвъ выражены этимъ же языкомъ. Славянскій языкъ, да и то по ломамъ съ грѣхомъ, употреблялся только въ Богослуженіи. По признанію Базиліанъ около половины XVIII вѣка роднымъ для нихъ, отечественнымъ языкомъ былъ языкъ Польскій. [1397] Что же, будетъ ли для этихъ лицъ убѣдительно сердечное посланіе Важинскаго, приступятъ ли они къ осуществленію его святыхъ завѣщаній? По своему содержанію и предлагаемымъ задачамъ, не покажется ли оно бременемъ тяжкимъ, неудобь носимымъ для Базиліанъ—этихъ людей міра сего? Да, эти ветхіе люди, ветхіе мѣхи, не могли вмѣстить вина новаго, обновиться новою жизнію. Унія рѣшительно уже должна была пойти къ погибели.

Въ своей энцикликѣ Лисовскій, по вступленіи на Архіепископскую каѳедру, писалъ Уніятскому доховенству: «Многіе древніи святой обрядъ во многихъ пунктахъ измѣняютъ и безразсудно искажаютъ, чтобы не сказать оскверняютъ, и такимъ образомъ глубоко впали въ такія несообразности, и не думаютъ, если желаютъ, по величайшей милости Августѣйшей Императрицы, быть терпимыми въ ея Имперіи, скорѣе оставить, въ избѣжаніе соблазна для народа, этотъ историческій и безобразный обрядъ, какъ называетъ его Римскій адвокатъ Радола, какъ очень недавно и повелѣно имъ было это даже Римскимъ Престоломъ. По сему мы (продолжаетъ Лисовскій) не видимъ другого средства, какъ донести Свят. Апостольскому престолу о дѣлѣ нашей Полоцкой Епархіи. Итакъ, возлюбленнѣйшая братія, надъ вами верховная власть Императорская поручила намъ надзоръ, впредь, до будущаго распоряженія, мы не иначе можемъ заботиться о васъ, какъ увѣщевая васъ, дабы вы, оставивъ сей испорченный обрядъ, неотложно приняли древній святой обрядъ Греческій по Евхологію блаженной памяти Бенедикта XIV, и не иначе можете получить отъ насъ дозволеніе всенародно совершать въ своихъ церквахъ богослуженіе, какъ прежде каждый изъ васъ письменно не обѣщаетъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ отъ объявленія о семъ, исполнить то, что мы совѣтуемъ и повелѣваемъ. Въ противномъ случаѣ, каждый пусть знаетъ, что, по истеченіи срока, дѣйствительно запрещено будетъ публичное совершеніе богослуженія.» [1398] Лисовскій пошелъ дальше. Онъ сдѣлалъ представленіе Папѣ о дозволеніи Уніятамъ въ своихъ обрядахъ приблизиться къ Православнымъ. Папа по этому поводу замѣтилъ, что

надобно поддерживать то средостѣніе, которое отдѣляетъ Уніятовъ отъ Православныхъ. [1399] Такія неискреннія, двуличныя отношенія Папы къ Уніятамъ, очень хорошо извѣстныя Базиліянамъ, въ итогѣ имѣли то, что грозное, по видимому, посланіе Лисовскаго объ исправленіи испорченной обрядности не имѣло никакого дѣйствія, и самозванная, безобразная порча святаго древняго обряда въ Уніятскихъ книгахъ продолжалась. Около 1795 года тотъ же Лисовскій пишетъ объ Уніи: «Послѣ Замойскаго Собора, сначала изъ Супральской типографіи, потомъ Уневской, Виленской и Почаевской, вышли въ свѣтъ, даже безъ вѣдома Римскаго Престола, новые испорченные Служебники, непристойно составленные изъ Латинскаго и Греческаго обряда, и явились въ Церкви другія безчисленныя новизны, порчи, безобразія, ошибки, злоупотребленія.» [1400] Базиліяне, очевидно, усердно не только поддерживали, но и увеличивали то средостѣніе, которое отдѣляло Унію отъ Православія. Нѣкоторые Базиліяне, относительно самаго Лисовскаго, дали заявленіе, что они заподозриваютъ искренность его въ Уніи и послушаніе Св. Римской религіи и Папѣ, и по тому по совѣсти не могутъ исполнять его требованій и считать его своимъ пастыремъ. [1401]

Требуемое Лисовскимъ исправленіе книгъ и обрядовъ было совершенно оставлено; безобразія, напротивъ, увеличивались; начали исчезать даже церковныя книги съ Православнымъ направленіемъ, по которымъ предполагалось дѣлать исправленія. «Уже лѣтъ 30 тому назадъ (писалъ въ 1796 г. Важинскій, въ санѣ Епископа Холмскаго и Белзскаго къ Епископу Львовскому) наши предшественники чувствовали настоятельную нужду (въ исправленіи Литургіаріоновъ, Требниковъ, Архіерейскихъ Служебниковъ), и съ этой цѣлію предполагали созвать Соборъ, приготовивши предварительно нѣсколько исправленій книжныхъ. Ихъ стараніемъ былъ даже напечатанъ съ такимъ направленіемъ Требникъ, о которомъ не извѣстно, гдѣ состоялось его изданіе. У меня есть одинъ такой экземпляръ, и другого подобнаго, при самыхъ усердныхъ моихъ поискахъ, я не могъ допскаться и допытаться во всей Россіи. Я съ удовольствіемъ удѣлилъ бы его Вашему Преосвященству для пересмотра и окончательнаго рѣшенія, оставаться ли намъ при немъ, и не нужно ли и другіе экземпляры напечатать по этому об-

скій. У насъ (говоритъ Базиліянинъ) всегда было въ обычаѣ встрѣчать эту процессію, и такъ какъ на этотъ разъ не было нашего Старшаго Троицкаго Виленскаго монастыря, то встрѣтилъ ее Ксёндзъ викарный способомъ обычнымъ, т. е., онъ самъ былъ одѣтъ въ альбу и аппаратъ, двое изъ его свиты въ далматкахъ, шесть въ комжахъ, всѣ остальные въ мантіяхъ. Встрѣча процессіи происходила передъ церковію Троицкаго монастыря. Когда Бискупъ поровнялся со встрѣчавшими его Базиліянами, вся процессія остановилась, и встрѣчавшій Викарный произнесъ къ Бискупу рѣчь на Латинскомъ языкѣ. Бискупъ отвѣчалъ тѣмъ же Базиліянамъ. По окончаніи рѣчей всѣ вошли въ церковь. Здѣсь, на виду для всѣхъ, поставлены были останки Іоасафата. Каноники и Бискупъ усѣлись по срединѣ церкви. Началась читанная мша, которую совершалъ Ксёндзъ Юркевичъ; въ это время присутствующимъ онъ давалъ цѣловать Евангеліе и дискосъ. Скоро началась и сумма (другая мша съ пѣніемъ и музыкой); была и проповѣдь.... Потомъ всѣ приглашены были на обѣдъ, за которымъ «dobrze traktowani byli.» Въ четыре часа началась вечерня. Была проповѣдь. По окончаніи проповѣди, пѣніемъ пѣсни: «Posłuchajcie, co zrobiła.... (Ruskich otschczepiencow siła: W niedziele w Witebsku rano Biskupa zamordowano»... и т. д.) открылась процессія, которая, приблизившись къ останкамъ Іоасафата, вторила за служащимъ литанію; въ это время на хорахъ играла музыка. По окончаніи литаніи процессія приблизилась къ большому алтарю, и пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди твоя,» заключилось торжество. Музыка продолжла играть, а Ризничій даваль народу цѣловать останки Іоасафата.» [1420] Изъ этого краткаго описанія ясно видно, какъ Базиліяне въ своихъ торжественныхъ церковныхъ службахъ близко подошли къ Латинству.

Во второй половинѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ уже нерѣдко Базиліянъ, которые полежительно по Латинскому обряду совершали Богослуженіе. [1421] Это можно было дѣлать тѣмъ свободнѣе, что въ 1787 году Папа разрѣшилъ, чтобы Священники Латинскаго обряда, поступающіе въ Базиліянскій Орденъ, во всемъ подчинялись Базиліянскимъ уставамъ, совершали литургію по Латинскому обряду и придерживались Бревіарія. [1422] Около 1776 года впервые встрѣчаемъ у Базиліянъ, въ Львовскомъ Свято-Онуфріевскомъ монастырѣ, что Настоятель монастыря, во время праздно-

ванія юбилея, когда народъ толпами стекался для принятія Св. Причастія, безъ всякаго разрѣшенія распорядился давать народу Причастіе подъ однимъ только видомъ. Не довольствуясь своимъ монастыремъ, онъ разослалъ то же и по другимъ монастырямъ для принятія. [1423] Въ Таинствѣ Покаянія, при его совершеніи, придано было чисто Латинское значеніе епитиміямъ: онѣ являются теперь какъ непремѣнное условіе для удовлетворенія правдѣ Божіей за грѣхъ и для примиренія кающагося съ Богомъ. [1424] Введенъ былъ Базиліянами въ Уніятскую Церковь особый видъ исповѣди Пасхальной, предоставленной Латинскимъ монахамъ привилегіями Папъ Льва X и Климента X. Она имѣла особую цѣль завлекать исповѣрцевъ въ лоно Католичества. И Базиліяне, въ своихъ конституціяхъ, обратили на нее особенное вниманіе. Гдѣ къ монастырямъ приписаны приходы (говорится въ конституціяхъ Базиліянскихъ), туда, во время Пасхальной исповѣди, Настоятель долженъ былъ назначить монаха, который, наставленіями въ Христіянскомъ ученіи, приготовлялъ души кающихся, особенно необразованныхъ и дѣтей, къ благоговѣйному принятію Св. Таинъ. [1425] На сколько подобныя поученія и исповѣдь близки были къ Латинству, и даже тождественны съ нимъ, можемъ видѣть изъ того, что въ 1775 году отъ Луцкаго Латинскаго Бискупа четыре Базиліянина получили аппробату на слушаніе исповѣди Католиковъ. [1426] Таинство Крещенія начали совершать чрезъ погруженіе. [1427] Многіе Священники, по образцу Латинскихъ Ксёндзовъ, начали отказываться отъ вступленія въ бракъ до посвященія и рукополагались въ состояніи, такъ называемаго, безбрачія (incoelebitas).

Особенное значеніе въ олатиненіи Уніи имѣютъ также «отпусты, юбилеи, миссіи.» Уже однимъ своимъ существованіемъ въ Уніи они доказываютъ сильное проникновеніе ея Латинствомъ. Отпусты—это храмовые и другіе праздники, съ которыми первоначально соединены были какія либо индульгенціи. [1428] Чтобы отпустъ имѣлъ спасительное дѣйствіе для тѣхъ, которые присутствуютъ при ихъ совершеніи, необходимо, чтобы молитвы повелѣваемыя были творимы на мѣстѣ во время и по намѣренію «повелѣвающаго. Мѣсто же обычно есть то, идѣже отпустъ; время есть между вечернею первою и послѣднею, намѣреніе же молитися о мирѣ Царей и Князей Христіянскихъ, о искорененіи ересей и раздоровъ, о воз-

поспѣшимъ къ той сокровищницѣ милосердія Божія, которую отворяетъ намъ теперь Св. Костёлъ, наша матерь. Если мы прилагаемъ очень много старанія для пріобрѣтенія временныхъ вещей, которыя и ржавчина поѣдаетъ, и моль портитъ, то тѣмъ болѣе обязаны мы посвятить настоящее время для полученія спасенія души. Соединитесь съ Богомъ, совершая достойные плоды покаянія и дѣла милосердія, навѣщая больныхъ, помогая бѣднымъ, совершая молитву въ продолженіе 15 дней, посѣщая костёлы въ томъ порядкѣ, какой особенно будетъ для этого нами указанъ. Примиритесь съ ближними, непріятелями, чтобы, услуживая любовію взаимно одинъ другому, могли мы получить прощеніе отъ Бога, о чемъ и просимъ въ молитвѣ Господней: «и остави намъ долги наша.» Собирайтесь массами къ слушанію святыхъ миссъ, назначенныхъ на этотъ святой юбилей, къ слушанію слова Божія, къ совершенію исповѣди и пріятію Пречистыхъ Таинъ; выкажите теперь доказательства, что вы истинные Христіяне, что въ васъ живетъ вѣра, надежда, любовь... Вы, въ свою очередь, Священнослужители, которымъ, по нашей Архипастырской милости, даровано право распоряжаться Св. Таинствами, празднуя въ духѣ вѣры этотъ годъ Господень, благопріятный и день прощенія, достойно совершайте Св. Таинства, ревностію и духовнымъ благоразуміемъ руководите къ исправленію обычаевъ, къ усиленію въ добродѣтельной жизни, проповѣдуйте Евангеліе бѣднымъ, чтобы народъ воздавалъ Кесарева Кесареви и Божія Богови, возбуждайте отвращеніе къ страстямъ, указывайте безчисленныя отъ этого бѣды какъ для тѣла, такъ и особенно для души, тѣмъ болѣе, что закоренѣлый грѣшникъ не можетъ получить прощенія. Объясняйте обязанности родителей, дѣтей, супруговъ, хозяевъ, господъ и прислуги; убѣждайте соединиться разошедшихся супруговъ; однимъ словомъ, по своему призванію, трудитесь такъ, чтобы вы могли получить вѣнецъ правды, который воздастъ Господь, праведный Судія, въ день онъ всѣмъ, съ любовію ожидающимъ Его пришествія.» [1438]

Необходимую принадлежность юбилея составляетъ индульгенція, которую ко времени юбилея Папы объявляютъ для всѣхъ вѣрныхъ. Но для того, чтобы воспользоваться плодами этой индульгенціи, необходимо исполнить то, что повелѣваетъ Папа въ тотъ день, когда даетъ индульгенцію или юбилеумъ, а главное—«треба так-

же исповѣди; бо индульгенція отпущаетъ такмо каране дочесное, але грѣху не отпущаетъ.» Въ виду этого и въ Уніятскихъ Требникахъ, по образцу Латинянъ, введена особая форма разрѣшенія всеобщаго во время юбилея. [1439]

Передъ началомъ юбилея назначался срокъ его продолженія, указывался порядокъ его открытія, назначались для посѣщенія исключительно извѣстные костёлы и церкви, порядокъ и распредѣленіе по часамъ богослуженія, назывались проповѣдники и содержаніе всѣхъ проповѣдей, предстоящихъ къ сказыванію во время юбилея; сообразно сословію и положенію человѣка указывалось, когда, сколько и какія молитвы должны быть произнесены, объявлялись условія или кондиціи, выполненіе которыхъ было необходимо для того, чтобы воспользоваться спасительною силою юбилея. [1440] Условія эти почти тѣже что и для дѣйственности отпуста: исповѣдь, причащеніе и посѣщеніе въ продолженіе 15 дней, при чтеніи извѣстныхъ молитвъ, четырехъ костеловъ, съ различными впрочемъ исключеніями, оговорками, условіями. [1441]

Введеніемъ «отпустовъ, юбилеевъ» Уніяты становились уже на совершенно Латинской почвѣ, и опять таки и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, Базиліяне являются самыми надежными, лучшими проводниками Латинскихъ нововведеній. Для совершенія юбилея Митрополитъ Булгакъ находилъ необходимымъ предназначить исключительно Базиліянскіе монастыри и къ нимъ присоединить сосѣдніе приходы. [1442]

Большое значеніе для олатиненія Уніятской Церкви имѣли, такъ называемыя, «миссіи.» Они назначались «для попеченія о спасеніи вѣрующихъ.» [1443] Главными совершителями ихъ были Базиліяне, и при томъ тѣ, которые воспитывались въ алюмнатахъ, окончили курсъ богословія и отличаются способностію слова Божія, которую опредѣляютъ экзаменаторы. Во всякомъ случаѣ и эти лица къ совершенію миссій допускались послѣ двухлѣтняго упражненія въ проповѣдничествѣ, дабы, пріобрѣвъ навыкъ говорить, скорѣе могли достигать успѣха. [1444] Миссіи совершались не только среди Уніятскаго населенія, но и среди Православныхъ, въ различныхъ мѣстахъ. [1445] Въ послѣднемъ случаѣ, по Орденскимъ конституціямъ, миссіонеры должны были стараться быть всѣмъ вся,

дабы всѣхъ привести ко Христу; имъ предписывалось даже не гнушаться ростить бороды, гдѣ, по ихъ наблюденію, этимъ средствомъ они могли привлечь къ себѣ народъ, о спасеніи коего они заботятся. [1446]

Для совершенія миссіи необходимо имѣть разрѣшеніе изъ Рима, получить оттуда же право разрѣшать кающихся отъ всѣхъ грѣховъ, даже подлежащихъ самому Папѣ, благословлять коронки, розаріи, металлическія иконки, съ присвоеніемъ имъ различныхъ отпустовъ, совершать, хотя однажды въ время каждой миссіи, привилегированную миссу за спасеніе душъ отъ чистилища, подавать благословеніе именемъ Папы подъ конецъ миссіи. Миссіонеры должны имѣть отъ мѣстныхъ Епископовъ, Латинскаго и Уніятскаго, разрѣшеніе совершать миссію именно въ ихъ областяхъ, ежедневно выставлять Св. Тайны, въ случаѣ нужды совершать обѣдни на честномъ мѣстѣ кладбища. [1447] Чтобы воспользоваться всѣми благами миссіи, присутствующіе должны были исповѣдаться, пріобщиться Св. Тайнамъ, помолиться за возвеличеніе Св. Римской Церкви, за объединеніе Христіанскихъ Князей, за обращеніе невѣрныхъ, искорененіе ересей. [1448] Вѣрующимъ за это сообщались различныя индульгенціи: и индульгенція Св. Бригиды, и индульгенція, очищающая, въ случаѣ смерти, и полная индульгенція, и стодневная, и многія другія. [1449]

Предъ открытіемъ миссіи посылались повѣстки тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, въ предѣлахъ власти которыхъ предполагалось совершеніе миссіи. Помѣщики и вообще землевладѣльцы приглашались посодѣйствовать миссіонерамъ и не только не стѣснять, напротивъ убѣждать подвластныхъ посѣтить миссію. За тѣмъ избиралась для миссіи церковь, устроялась для проповѣди каѳедра, приготовлялась дарохранительница для показанія Евхаристіи, заготовлялись чаша, ладонъ, вино, гостіи, свѣчи и другія необходимыя вещи, устроялись конфессіоналы.

Когда, въ избранномъ для миссіи мѣстѣ, все было подготовлено, миссія открывалась крестнымъ ходомъ, утромъ и непремѣнно въ праздничный день. Процессію миссіи встрѣчаютъ процессіи сосѣднихъ церквей. Участвующіе въ миссіи должны ити непремѣнно въ извѣстномъ порядкѣ, съ пѣніемъ нарочно составленныхъ для этого случая пѣсенъ. Чтобы всѣ могли участвовать въ пѣ-

ніи, грамотнымъ раздаются книги, содержащія эти пѣсни. [1450] При приближеніи миссіи къ назначенной для нея церкви, ее встрѣчаютъ звономъ, и потомъ бываетъ крестный ходъ кругомъ церкви; далѣе первая обѣдня, рекомендательная (въ пользу миссіи), проповѣдь, оповѣщеніе, распредѣленіе часовъ, когда, что и какъ будетъ дѣлаться, новая процессія вокругъ церкви, окропленіе народа святою водою. Народъ послѣ этого распускается, но съ тѣмъ, чтобы въ полдень, по звону колокола, снова собрался на миссію. Особенно теперь собираются дѣти, и имъ показываютъ разныя награды для тѣхъ, которые будутъ успѣвать во время миссіи, какъ то: катихизическія книжки, рожанцы, крестики, иконки, и тутъ же раздаются нѣкоторымъ изъ нихъ. Таковымъ показаніемъ, по замѣчанію Базиліянина, опытнѣйшаго миссіонера, Срочинскаго, дѣти предрасполагаются къ миссіи, и отсутствующихъ будутъ привлекать, разсказывая имъ все, что видѣли и что имъ обѣщали. [1451]

Ежедневно потомъ съ ранняго утра должны начинаться церковныя службы. Ихъ необходимо совершать во время миссіи ежедневно. Каждый день повторяются крестные ходы кругомъ церкви. Для всего предписывается строжайшій уставъ: во сколько часовъ должна начинаться и когда оканчиваться та, или другая, служба, сколько разъ необходимо ударить въ колоколъ, когда пѣть какую пѣснь, когда и сколько разъ прочитать извѣстную молитву... Миссія заключалась водруженіемъ бревенчатаго креста, благословеніемъ воды и травъ. [1452] Къ каждому изъ этихъ дѣйствій присоединялась какая либо индульгенція; [1453] въ каждой изъ пѣсенъ при этихъ службахъ приводилось незамѣтно Латинское вѣроученіе; [1454] въ подаркахъ при миссіяхъ дѣтямъ—въ этихъ катихизическихъ книжкахъ, рожанцахъ, коронкахъ, видна сильная пропаганда Латинства. И опять таки главными дѣятелями въ пользу Рима здѣсь являются Базиліяне.

Только Базиліянамъ предоставляется исключительное право совершать миссіи. Въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемъ миссіи Мозырскія (въ Литовской Провинціи), Кристинопольскую, въ Базиліянскомъ монастырѣ Пуганкахъ, въ Умани и Житомирѣ. [1455] Можно судить о цѣли этихъ миссій, если главными учредителями ихъ являются Францискъ Салезій Потоцкій и Теофила Вильжина. Опытнѣйшій

миссіонеръ, Базиліянинъ Срочинскій, Настоятель Кристинопольскаго миссіонерскаго монастыря, издалъ подробнѣйшее описаніе способа совершенія миссій въ особой книгѣ «Methodus missionum» (1772 г.). Особый видъ этихъ миссій составляютъ, такъ называемыя, благочестивыя прогулки, «кампаніи,» которыя совершалъ и о которыхъ упоминаетъ въ своемъ дневникѣ другой извѣстный Базиліянинъ, Стебельскій. [1456]

Миссіями Латиняне быстро достигали въ Уніи своихъ цѣлей. Около 1773 года Базиліяне, указывая на свои труды въ школьномъ преподаваніи и совершеніи миссій, хвалились, что Русскій народъ особенно привязанъ къ нимъ, Базиліянамъ, и весьма охотно слѣдуетъ ихъ мнѣнію и сужденію въ дѣлахъ, касающихся спасительнаго ученія о вѣрѣ и нравственности. [1457] Дѣйствительно, къ 1778 г. на миссіи собралось такъ много народу, что не доставало освящаемыхъ миссіонерами 500 корунокъ, и Базиліянскимъ миссіонерамъ разрѣшено Папой освящать во время литургіи уже не 500, а 1000 корунокъ, съ сообщеніемъ вѣрующимъ различныхъ индульгенцій, которыя требовалось означить на печатномъ листѣ. Въ 1781 г. разрѣшено Базиліянскимъ миссіонерамъ освящать 1500 этихъ же корунокъ. [1458] Видно, какъ современный человѣкъ падокъ былъ на разнаго рода индульгенціи, корунки или медальоны, которые всѣ слишкомъ широко, либерально ставили вопросъ о нравственности; и въ этомъ собственно, а не въ чемъ ни будь другомъ, истинная причина видимаго громаднаго наплыва людей на миссіи въ Базиліянскіе монастыри. «Если бы вы не удерживали народы щедрымъ дарованіемъ разрѣшеній и другихъ подобныхъ даровъ (повторимъ слова каноника Орѣховскаго къ Папѣ Юлію III), то давно бы уже не имѣли никакихъ послѣдователей.» [1459] Вотъ истина, которая и въ Уніи постоянно оправдывалась относительно Рима. Но здѣсь своими щедрыми подарками Римъ достигалъ еще новыхъ цѣлей: онъ пріобрѣталъ массы новыхъ послѣдователей, и Уніаты, въ свою очередь, такъ пріятно, такимъ широкимъ, роскошнымъ путемъ входили во дворъ Римскій, но въ то же время они, незамѣтно для себя, отказывались отъ всего прежняго склада духовной жизни, должны были переродиться и, по словамъ Патріарха Александрійскаго, Мелетія, теряли любовь у Бога и у своихъ ближнихъ... [1460] Легко ли это? Жизнь дала намъ отрицательный отвѣтъ; но пока ослѣпленіе было сильно, и Римъ торжествовалъ.

Съ половины XVIII вѣка начинаетъ измѣняться внѣшность Уніятовъ относительно бритья бородъ, стрижки волосъ, покроя платья. Мы видѣли уже выше, что миссіонерамъ Базиліянскимъ разрѣшалось (только) не чуждаться отращивать бороду, если «ad majorem Dei gloriam» требовали того обстоятельства. У Бантыш-Каменскаго подъ 1747 г. записано, что въ Февралѣ мѣсяцѣ Оффиціалъ Лисянскій, по всей Бѣлоруссіи, всѣмъ Уніятскимъ попамъ бороды выбрить и на головахъ волосы остричь приказалъ, по обыкновенію Римскому, дабы ни малѣйшаго не было знака и подобія съ исповѣдующими Грекороссійскую вѣру. [1461] Китовичъ замѣчаетъ, что еще въ началѣ царствованія Августа III, Короля Польскаго, всѣ Базиліяне отращивали бороды; съ половины его царствованія Епископы Уніятскіе начали уже брить бороды, а къ концу того же царствованія и Епископы и всѣ Базиліяне не носили уже бородъ. Изъ среды свѣтскаго духовенства нѣкоторые носили бороды, другіе нѣтъ; равнымъ образомъ одни были женатые, другіе принимали священно-церковный санъ не женатыми. [1462] Въ платьѣ священнослужителей около этого времени (половина XVIII вѣка) тоже замѣчается совершенное уклоненіе отъ древнихъ Православныхъ обычаевъ. Изъ подражанія Латинянамъ, Базиліяне начали чуждаться своего монашескаго одѣянія, понадѣвали палендры съ манкетами, габиты съ окладками на концѣ рукавовъ; при выходѣ изъ монастыря надѣвали плащи изъ матерій бѣлаго, или другого, цвѣта. [1463] Шелкъ, вопреки запрещенію Базиліянскихъ конституцій, сильно вошелъ въ моду въ средѣ Базиліянъ. [1464] Были и такіе, что въ торжественныхъ случаяхъ ходили въ башмакахъ съ серебряными пряжками, а Уніятскіе Доктора Богословія надѣвали алый бархатный, окаймленный золотымъ галуномъ и бахрамой, «муцетъ» и четвероугольный «биретъ.» [1465] Перемѣна платья еще болѣе, конечно, повліяла на измѣненіе въ Уніи древнихъ Православныхъ обрядовъ; [1466] и кто, въ самомъ дѣлѣ, изъ Православныхъ, пришедши въ Базиліянскій монастырь къ богослуженію, увидѣвши тамъ ожирѣвшаго Базиліянина, безбородаго, съ выбритою макушкой на головѣ, въ короткой альбѣ, совершающаго при звукѣ органа какое-то нѣмое богослуженіе, на пристѣпномъ алтарѣ, не отдѣленномъ иконастасомъ, съ прислуживающимъ мальчикомъ въ бѣлой рубашкѣ съ колокольчикомъ, кто, говорю, узналъ бы тутъ Православнаго священнослужителя? Да, наплывъ Латинства

въ Унію оказался слишкомъ сильнымъ, стремительнымъ и быстро начиналъ захватывать чуждое достояніе. Латинствующіе Василіяне изъ среды Поляковъ охотно и усердно прокладывали дорогу этому стремленію. Но что, если природные Православные Василіяне, а тѣмъ болѣе свѣтское Уніятское духовенство возстанетъ на борьбу съ узурпаторами (такъ называло Василіянъ свѣтское духовенство) и потребуетъ возстановленія всего нарушеннаго чина Православной Церкви? Не чужды были Василіяне этой мысли и ея осуществленію старались положить непреодолимыя преграды: нужно было всѣхъ и все передѣлать на свой образецъ, а упорныхъ противниковъ совершенно уничтожить. Минута наступала рѣшительная. Ударъ, главнымъ образомъ, былъ направленъ противъ бѣлаго Уніятскаго духовенства.

Мы говорили уже, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось оно около времени Замойскаго Собора. [1467] Замойскій Соборъ долженъ былъ увеличить ту бездну, которая раздѣляла Уніятовъ отъ Василіянъ. Извѣстно, сколько разнаго рода Латинскихъ нововведеній предположилъ ввести въ Уніятскую Церковь Замойскій Соборъ. [1468] Но бѣлое Уніятское духовенство, въ простотѣ сердца, и послѣ Собора, упорно продолжало руководствоваться Православными преданіями отцовъ и дѣдовъ. [1469] Понятно, что Василіяне, главные творцы Замойскаго Собора съ его дѣяніями, сильнѣе и рѣшительнѣе прежняго должны были позаботиться о проведеніи въ Уніятскую жизнь выработанныхъ ими началъ. Но, съ другой стороны, и сами Василіяне съ половины XVIII вѣка значительно разнились отъ Василіянъ начала XVIII вѣка и тѣмъ болѣе XVII. Около 1750 года, какъ мы сказали выше, большинство Василіянъ было изъ Польской Латинской среды, тогда какъ лѣтъ 50, 100 тому назадъ, между Василіянами было много съ Православнымъ направленіемъ. Такимъ образомъ, дѣянія Замойскаго Собора начали вводиться особенно съ половины XVIII вѣка, когда сами Василіяне, по своему происхожденію Поляки-Латиняне, не рѣдко не имѣли совершенно никакихъ свѣдѣній о Православіи: тѣмъ сильнѣйшее гоненіе долженъ былъ выдержать отъ нихъ свѣтскій Уніятскій клиръ.

Уже около 1720 года Василіяне захватили себѣ всѣ высшія должности, которыя, по каноническимъ правамъ, должны были принадлежать бѣлому клиру. Они были Оффиціялами, Архидіяко-

нами, Деканами. [1470] Первыя мѣста при каѳедральныхъ и коллегіальныхъ церквахъ были исключительно заняты Базиліянами, говоритъ одинъ Нѣмецкій писатель, особенно въ Литвѣ, гдѣ Базилія не имѣли громадную силу. [1471] Но и этого Базиліянамъ оказалось мало. Они поспѣшили занять лучшія приходскія церкви, со всѣми движимыми и недвижимыми при нихъ имѣніями. [1472] Около 1750 года Базиліяне, по свидѣтельству Гарасевича, будто Святѣйшимъ Престоломъ они предназначены на всѣ Іерархическія должности и къ кормилу управленія, не только присвоили себѣ всѣ эти должности, особенно опираясь опять таки на постановленія Замойскаго Собора, но требовали, чтобы только имъ предоставлены были всѣ мѣста въ куріяхъ Епископскихъ и мѣста сельскихъ, Декановъ. Такіе начальствующіе монахи всѣми мѣрами угнетали свѣтскій клиръ, поставленный заботиться о спасеніи душъ крестьянъ, присвоили себѣ всѣ фонды, пожертвованные для устройства Семинарій для бѣлаго клира, рѣшительно противодѣйствовали всякому его образованію, поставляли въ священнослужители невѣжественнѣйшихъ людей и тѣмъ самымъ готовили бѣлому клиру полнѣйшее презрѣніе, болѣе одаренныя церкви присоединяли къ своимъ монастырямъ и Аббатствамъ. [1473] «Всѣ церковныя имѣнія (говоритъ Тейнеръ), всѣ доходы, Базиліяне забрали для себя; они прежде всего старались обогатиться, презирали Божественное, дѣла духовныя и думали только объ удовольствіяхъ. Не заботились объ образованіи бѣлаго клира и «ex professo» держали его въ невѣжествѣ и грубости. [1474] Положеніе Уніятскаго Священника становилось ужаснымъ.

«Трудно повѣрить (писалъ въ 1772 году Левъ Шептицкій) какое жалкое положеніе Уніятскихъ Священниковъ въ Королевствахъ Галиціи и Лодоміріи. Они довольствуются ничтожнымъ церковнымъ подаяніемъ и для своего содержанія владѣютъ землею въ такомъ количествѣ, въ какомъ имѣетъ ее одинъ, много два крестьянина. Такой надѣлъ слишкомъ умѣренный и на деньги онъ дастъ не болѣе 15, а самое большее 25 Рейнскихъ талеровъ. Но и этотъ фундушъ часто оспаривали нѣкоторые землевладѣльцы, арендаторы, или экономы. Кромѣ этого надѣла Уніятскіе Священники ничего не имѣютъ на подобіе Латинскихъ, ни фундушей, ни доходовъ, ни пенсій, ни десятинъ, ни опредѣленныхъ подаяній отъ прихо-

жанъ, ни фондовъ для заказныхъ обѣденъ, и только рѣдко, случайно, могутъ получить что ни будь отъ крайне бѣднаго народа. Лишенные всякихъ выгодъ, многіе Священники принуждены собственными руками обрабатывать землю, чтобы хотя какъ ни будь поддержать себя и дать хотя посредственное образованіе своимъ дѣтямъ. Случись несчастный годъ, когда бы трудъ ихъ пропалъ, какія тогда средства остаются у нихъ для содержанія? Это огрубѣніе отвлекаетъ ихъ отъ исполненія священныхъ обязанностей, дѣлаетъ ихъ со дня на день болѣе невѣжественными, фамиліярными съ народомъ и позоритъ ихъ въ глазахъ своихъ и людей другого Исповѣданія. Не удивительно, если до настоящаго времени крестьяне утопаютъ во тьмѣ невѣжества, когда во главѣ у нихъ стоятъ необразованные, темные Священники. Лица съ какимъ ни будь состояніемъ, или образованіемъ, бѣгутъ Священства, видя его жалкое положеніе. Дѣйствительно, нужно считать геройствомъ, добродѣтелью, если кто, просвѣщенный наукою, принимаетъ священный санъ. Ежедневный опытъ показываетъ, что тѣ, которые чувствуютъ призваніе къ духовному сану, отказавшись отъ свѣта, бѣгутъ въ затворы монастырскіе, или же, перемѣнивъ Исповѣданіе, принимаютъ различныя священныя степени Латинства, выхлопотавъ предварительно разрѣшеніе относительно запрещенія о неперехожденіи въ Латинство. Одни почти дѣти Священниковъ, привыкшіе къ бѣдности родителей и, въ слѣдствіе недостаточности, получившіе слишкомъ скудное образованіе, принимаютъ тяжелую обязанность заботливости о спасеніи душъ. Какой отсюда громадный вредъ для вѣрныхъ Христіянъ, сколько препятствій и стѣсненія для пастырей въ заботахъ о спасеніи душъ, никто не можетъ видѣть. Думаемъ, что даже особенная дѣятельность Епископовъ, ихъ благоразуміе, образованіе, величайшая ревность объ охраненіи церковнаго благочинія, никогда не достигнутъ того, чтобы, повѣренный ихъ юрисдикціи, грубый клиръ могъ въ точности исполнить свое призваніе. Неученый, необразованный, во всемъ нуждающійся для поддержанія себя и своего семейства, отъ прямыхъ своихъ обязанностей онъ всегда будетъ принужденъ отвлекаться къ посторонниимъ занятіямъ. Такимъ образомъ Священники (Уніятскіе), пренебрегая божественныя службы, себя и своихъ пасомыхъ ведутъ къ погибели.» [1475] Такое безотрадное положеніе бѣлаго Уніятскаго

духовенства было вездѣ, не въ одной только Галиціи и Лодоміріи. [1476] Историческое, такъ сказать, развитіе вражды и преслѣдованій Базиліянами Уніятскаго клира ярко выставляетъ Щигельскій въ жалобѣ, поданной имъ 1775 г. въ Виленскую Консисторію. Мы привели уже нѣкоторые отрывки изъ этой жалобы; [1477] желающихъ ознакомиться съ нею вполнѣ отсылаемъ къ подлиннику. [1478] Но мрачная картина положенія Уніятскаго духовенства, изображаемая различными писателями, далеко не исчерпываетъ еще всей полноты жизненнаго событія. [1479] Одни только Базиліяне могли знать, сколько горечи вливали они въ жизнь бѣднаго Уніятскаго клира. [1480] Была минута, что даже Римъ приходилъ въ ужасъ при созерцаніи тѣхъ бѣдствій, которыя готовили Базиліяне всей Уніи. Бенедиктъ XIV издавалъ буллы, которыми порицалъ небрежность Базиліянъ въ образованіи клира, укорялъ ихъ въ захватѣ церковныхъ должностей и имуществъ, въ угнетеніи бѣлаго клира, въ проведеніи въ Унію Латинскихъ церемоній, въ незнаніи Греческаго и Славянскаго языковъ и книгъ богослужебныхъ. [1481] Но такое заявленіе было уже поздно. Базиліяне не могли переродиться. А вѣдь большинство изъ нихъ сами были Латиняне-Поляки, и станъ ихъ, въ слѣдствіе естественнаго теченія вещей, долженъ былъ увеличиваться. Въ основанныхъ для Уніятовъ училищахъ [1482] Базиліяне старались ихъ приблизить къ себѣ, ополячить, олатинить; а такъ какъ въ училища могли поступать только дѣти достаточныхъ родителей, то все лучшее, по выходѣ изъ онаго, было далеко уже по своимъ убѣжденіямъ отъ прежней своей родной матери. И если во Священники Уніятскіе можно было, по мнѣнію Базиліянъ, ставить и неуча, и безграмотнаго, то для высшихъ мѣстъ и должностей въ Уніи опять приходилось вербовать Латинянъ, или лицъ съ Латинскимъ направленіемъ [1483] Что же принесутъ они съ собою, кромѣ новой смуты, новаго преслѣдованія того дѣла къ которому приставлены? Вотъ передъ нами Уніятскій Епископъ, Рыло, «ex ordine Basiliano, natione Polonus,» который всѣми силами старался угнетать Унію въ ея первичномъ смыслѣ и отождествить ее съ Латинствомъ. Недовольный этимъ, онъ настоятельно побуждалъ Уніятовъ оставлять Унію и переходить въ Латинство; если Уніятскій Деканъ жаловался ему, что Ксёндзы совращаютъ его прихожанъ въ Латинство, онъ обыкновенно заявлялъ свое желаніе, чтобы всѣ Уніяты перешли въ Латинство и были Поляками. «Что

же станется тогда съ нимъ, пастыремъ?» возражалъ иногда Деканъ. — «И самъ онъ долженъ ити тѣмъ же путемъ,» слышался Архипастырскій отвѣтъ. [1484] Audiat haec catholicus orbis!

И трудно, очень трудно, было, не говорю противодѣйствовать, а просто не послѣдовать указаннымъ сильнымъ внушеніямъ Базиліанъ. Они были сильны и своею властью, незаконно себѣ присвоенною, [1485] и богатствами, отнятыми у бѣлаго клира, [1486] и обширными, часто недостойными, связями, [1487] и главное, своимъ коварствомъ, продѣлками, [1488] Олатиненіе и ополяченіе Уніи должно было ити постепенно. [1489] и Базиліяне, какъ мы видѣли, ставили уже вопросъ прямо, открыто. [1490] Все готовы были простить Базиліяне Уніятамъ за измѣну Православному направленію, и, въ свою очередь, не было подвига, который могъ бы искупить въ глазахъ Базиліанъ эту вину Уніятовъ. Уніятскіе Священники, вѣрные своему обряду, охотно шли изъ за него въ темницы, готовы были претерпѣть смерть. [1491] Папа и его Нунцій, особыми посланіями, похваляли такую ревность Уніятскихъ Священниковъ и старались помочь имъ въ опасности. [1492] Базиліяне сильно возмущаются этимъ и самихъ исповѣдниковъ готовы были бы стереть съ лица земли. Въ 1769 году они издали даже «Uwagi na manifest presbyterow Ukrainskich obrządku Ruskiego (Уніятскихъ, подвергавшихся преслѣдованію) imieniem tylko, a nie rzeczą, Uniatskiego.» Такимъ образомъ во второй половинѣ XVIII вѣка Базиліяне печатно заявляютъ о притворствѣ, неискренности Уніятовъ. Заявленіе было сильно и произнесено въ слухъ всего міра, предъ лицомъ цѣлаго Государства. Такъ и напрашивался къ осуществленію извѣстный злой проектъ объ Уніи 1717 года. [1493] Уже въ политическихъ сферахъ Польши можно было замѣтить въ высшей степени нехорошія для Уніятовъ предзнаменованія; [1494] уже чаще и рѣшительнѣе прежняго стало раздаваться своего рода «Carthaginem esse delendam: Rutheni debent fieri Poloni, ut sint Catholici!» [1495] Но разслабленная Польша не замѣчала, что дни ея были исчислены; неизбѣжно, безповоротно, наступалъ 1772 годъ, задавшій и Базиліянамъ совершенно новую, неожиданную для нихъ, работу.

2007050243